ISSN 3033-5949

ВЕСТНИК

ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ
ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА, ЦИФРОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ (ПО ОБЛАСТЯМ И УРОВНЯМ ОБРАЗОВАНИЯ)

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ИНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ (ПРАВО, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

№ 3 (36) - 2026

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ ВОЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «ВОЕННАЯ ОРДЕНА ЖУКОВА АКАДЕМИЯ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации

Сетевой научный журнал

ISSN: 3033-5949 (онлайн)

Издаётся с декабря 2017 года

Выходит ежеквартально

Журнал находится в открытом доступе и индексируется в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) лицензионный договор с Научной электронной библиотекой eLIBRARY.ru от 13.02.2018 г. № 52-02/2018

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

КИЙКО А.Ю. 5
Правовая культура военнослужащих: вопросы формирования, развития и укрепления

АВРАМОВ С.О., КОМИССАРОВ М.А., САЛЬНИКОВ В.П., КУДИНА С.А. 16
Государственно-правовая идеология и диалектика правовых стимулов и ограничений специального субъекта права: философско-правовой аспект

ГРИБАНОВА А.С. 30
Трансформация антикоррупционной политики Российской Федерации в эпоху глобальных потрясений

САЛЬНИКОВ В.П., БЕГЕЗА В.В. 38
Учение Жана Бодена о высшей власти как историко-правовая основа концепции истинного суверенитета

ЛЕБЕДИНСКАЯ Г.С. 50
Систематизация нормативных правовых актов в сфере регулирования военно-служебных отношений в Российской Федерации

ЛЫСЕНКОВ С.Г., ШАРУХИН А.П. 60
Воспитательная роль воинских наград и знаков отличия в годы Великой Отечественной войны

ОЧЕРЕДЬКО В.П., ШУБНИКОВ Ю.Б. 66
Национальный суверенитет невозможен без суверенной философии права»

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

КИЙКО А.Ю., САЛЬНИКОВ В.П., КУКАЕВ И.В., МАЗУРИН С.Ф. 75
Подследственность и подсудность уголовных дел в отношении военнослужащих и сотрудников Росгвардии в период специальной военной операции

КУТАКОВ Н.Н. 86
Зарубежный опыт профилактики агрессии заключенных в отношении персонала пенитенциарных учреждений: организационные, информационно-аналитические и психолого-педагогические направления

ЗАХАРЦЕВ С.И., ГВАЙ А.М. 94
Права человека и смертная казнь

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

ГЕНЗЕ Г.П., СОЛДАТОВА Е.Л. 103
Человеческий фактор в эпоху социальной инженерии: ресурсы и уязвимости при взаимодействии с интернет-средой

МАЛЫШЕВ И.В. 113
Особенности представлений о будущей профессиональной деятельности у студентов, обучающихся в вузах по программам специалитета и магистратуры

ТУЖИКОВА Е.С. 122
Ценностное отношение к профессии и социально-психологическая адаптация студентов вузов

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

ГРОМОВА Т.Н., БРАУН О.А. 131
Сравнительный анализ личностных характеристик кандидатов, рекомендованных и условно рекомендованных психологами к службе в войсках национальной гвардии Российской Федерации (на примере вневедомственной охраны Кемеровской области-Кузбасса)

БАБОШКИНА Л.Ю., ЯФИЗОВА Р.А., ФРОЛОВА Л.В. 142
Психологические аспекты совместной проектной деятельности воинских коллективов в условиях реализации инновационных проектов

ГАРИБЯН И.А. 151
Отношение студентов вуза и колледжа к этикетному поведению

ЯРКОВА Д.Д. 164
Оценка показателей и критериев уровней совместной детско-родительской деятельности с детьми младшего школьного возраста на заключительном этапе начального общего образования

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ДАМИНОВ А.А. 173
Тренажерные технологии в системе психологической подготовки курсантов образовательных организаций МВД России к применению огнестрельного оружия

ЛАТУГА А.С., ПРИМАКИН А.И., САХНОВ С.А., ТАРАТУХИН Н.А. 182
Описание и прогнозирование эмоционально-психического состояния человека на основе алгоритмов и процедур теории массового обслуживания

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

БОГДАНОВА Ю.Г. 196
Результаты диагностики эвристического потенциала курсантов младших курсов ВООВО Росгвардии (на материале дисциплины «культурология»)

ГУТМАН М.Ю., СЕМЕНОВ А.А. 208
Идеи графа А.М. Строганова и историка Н.М. Карамзина, воплощенные в жизнь, как факторы формирования патриотизма, высоких морально-политических качеств и эстетического воспитания курсантов и слушателей Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации

© Академия войск национальной гвардии, 2026

НИКОЛАЕВ Р.А. 216
Педагогические условия развития государственно-патриотической компетенции обучающихся: аксиологический подход

ШАРУХИН А.П., ВАГАНОВ Д.А. 223
Государственно-патриотические ценности военнослужащих подразделений войск национальной гвардии Российской Федерации как цель учебно-воспитательного процесса

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ (ПО ОБЛАСТЯМ И УРОВНЯМ ОБРАЗОВАНИЯ)

ПЕТКИН А.В. 234
Ретроспективный анализ проблемы формирования направленности личности будущих научных работников

ПРУТЧИКОВ И.О., ХАЙБУЛИН Д.И. 244
Опыт, актуальность и особенности преподавания военно-технических дисциплин слушателям с не инженерным профилем подготовки

ШЛЕНКОВ А.В. 251
Психолого-педагогические мероприятия по обеспечению патриотического мировоззрения курсантов как психологическая защита от внешних информационных угроз стран НАТО

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ГОРШКОВА В.В. 259
Новая парадигмальная характеристика педагогического мышления

КИРИШКО В.П. 267
Научные и государственные деятели, внесшие существенный вклад в развитие теории и практики военно-политической работы: историко-политологический анализ

ОРЛЕНКО С.В., СОРОКОУМОВА С.Н. 273
Особенности развития социального интеллекта при проведении боевого слаживания

ЛАПТЕВ А.А., ПИХТЕЛЕВ А.М., ХУТЧЕВ С.Н. 282
Развитие ответственности у курсантов военных образовательных организаций посредством системы наставничества и внутривузовской подготовки

МАСЛО Н.В., ФЕДОСЕЕВА И.А. 292
Феномен благотворительности как ценностно-смысловой и историко-педагогический ракурс в России

СМИРНАЯ А.А., ДЕВЯТЛОВСКИЙ Д.Н. 300
Акмеологический подход как методологическая основа становления профессиональных компетенций курсантов военного вуза

СОРОКОУМОВА С.Н., БУРМАКИН В.М. 308
Изучение антикоррупционной устойчивости курсантов как интегративного качества личности

ТУРЧИН А.С., ШАБАНОВ Л.В. 324
Дидактико-методические особенности построения бинарной лекции в преподавании курса истории психологии

УТЮГАНОВ А.А., ЯФИЗОВА Р.А., КАЗИМИРОВИЧ А.М., ДМИТРИЕВ Г.Г. 331
Развитие инженерно-технических способностей военных специалистов как направление педагогики в системе профессиональной подготовки

ХАЕРТДИНОВ И.М., ОТВЕРЧЕНКО Л.Ф. 338
Этапы организации профессиональной подготовки военных специалистов по управлению авиацией в СССР в 1940-х начале 1950-х гг.

ШАРУХИН А.П., САЛЬНИКОВ В.П. 347
Методологическая подготовка преподавателей Военных образовательных организаций Росгвардии к осуществлению педагогической деятельности

ШАРУХИНА Т.Г. 356
Подготовка курсантов военных институтов (академии) Росгвардии к интерпретации учебных текстов посредством осуществления смыслового чтения

ШИКУНОВ А.В. 364
Внедрение опыта специальной военной операции в организацию военно-политической подготовки курсантов военного вуза

ШИЛЕНИН Д.А. 373
Методическое обеспечение осуществления балльно-рейтинговой системы контроля и оценивания курсантов

ИНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ (ПРАВО, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

СТАВИЦКИЙ Д.В. 381
Традиции и ритуалы российской (советской) армии

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ЗВЯГИНЦЕВ А.Г. 389
Невидимый фронт

КИЙКО А.Ю., ХАБИБУЛИН А.Г. 397
Преемственность научных поколений к 80-летию Виктора Петровича Сальникова и 50-летию Сергея Ивановича Захарцева

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Редакция вправе сокращать и литературно обрабатывать принятые к публикации тексты.

Материалы должны соответствовать одному из научных направлений (по отраслям наук), определяющему направленность (профильность) журнала: педагогические, психологические и юридические науки.

Издание осуществляет рецензирование всех поступающих материалов, соответствующих тематике журнала, с целью их экспертной оценки. Рукописи не возвращаются.

За достоверность фактов, имён собственных, неразглашение тайны отвечают авторы публикаций.

© Академия войск национальной гвардии, 2026

FEDERAL STATE OFFICIAL MILITARY ESTABLISHMENT OF HIGHER EDUCATION « MILITARY ORDER OF ZHUKOV ACADEMY OF THE NATIONAL GUARD TROOPS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation

Network scientific journal

ISSN: 3033-5949 (online)

Journal is published since December, 2017

Journal is published on quarterly basis

Journal is included in the system of the Russian Scientific Citation Index (RSCI) license agreement with the Scientific Electronic Library eLIBRARY.ru dated 13.02.2018 No. 52-02/2018

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

KIIKO A.YU. 5
Legal culture of military personnel: issues of formation, development and strengthening

AVRAMOV S.O., KOMISSAROV M.A., SALNIKOV V.P., KUDINA S.A. 16
State-legal ideology and dialectic of legal incentives and restrictions of a special legal entity: philosophical and legal aspect

GRIBANOVA A.S. 30
Transformation of anti-corruption policy in the Russian Federation in the current era of global upheavals

SALNIKOV V.P., BEGEZA V.V. 38
Jean Bodin's doctrine of supreme power as a historical and legal basis for the concept of true sovereignty

LEBEDINSKAYA G.S. 50
Systematization of regulatory legal acts in the sphere of regulation of military service relations in the Russian Federation

LYSENKOV S.G., SHARUKHIN A.P. 60
The educational role of military awards and insignia during the Great Patriotic War

OCHERED'KO V.P., SHUBNIKOV Y.B. 66
National sovereignty is impossible without a sovereign philosophy of law

CRIMINAL LAW SCIENCES

KIIKO A.YU., SALNIKOV V.P., KUKAEV I.V., MAZURIN S.F. 75
The jurisdiction and competence of criminal cases against military personnel and employees of the National guard of the Russian Federation during the Special military operation

KUTAKOV N.N. 86
The international experience of preventing prisoners' aggression against prison staff: organizational, informational, analytical, psychological and pedagogical directions

ZAKHARTSEV S.I., GVAY A.M. 94
Human rights and the death penalty

WORK PSYCHOLOGY, ENGINEERING PSYCHOLOGY, COGNITIVE ERGONOMICS

GENZE G.P., SOLDATOVA E.L. 103
The human factor in the age of social engineering: resources and vulnerabilities in interacting with the internet environment

MALYSHEV I.V. 114
Professional self-determination of university students in the context of their socio-psychological adaptation

TUZHIKOVA E.S. 122
Value-based attitude to the profession and socio-psychological adaptation of university students

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY, PSYCHODIAGNOSTICS OF DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENTS

GROMOVA T.N., BRAUN O.A. 131
A comparative analysis of the personality characteristics of candidates recommended and conditionally recommended by psychologists for service in the troops of the Rosgvard of the Russian Federation (using the example of the non-departmental security of the Kemerovo region-Kuzbass)

BABOSHKINA L.YU., YAFIZOVA R.A., FROLOVA L.V. 142
Psychological aspects of joint project activity of military teams in the context of implementing innovative projects

GARIBYAN I.A. 151
Attitude of university and college students towards etiquette behavior

YARKOVA D.D. 164
Assessment of indicators and criteria for the levels of cooperative child-parent activity with children of primary school age at the final stage of primary general education

SOCIAL PSYCHOLOGY, POLITICAL AND ECONOMIC PSYCHOLOGY

DAMINOV A.A. 173
Simulation technologies in the system of psychological training of cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the use of firearms

LATUGA A.S., PRIMAKIN A.I., SAKHNOV S.A., TARATUKHIN N.A. 182
Description and forecasting of a person's emotional and psychological state based on algorithms and procedures of the theory of mass service

GENERAL PEDAGOGY, HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION

BOGDANOVA J.G. 196
Results of diagnostics of the heuristic potential of junior cadets of the all-russian military military district of the Russian guard (based on the course "cultural studies")

GUTMAN M.YU., SEMENOV A.A. 208
Ideas of count A.M. Stroganov and historian N.M. Karamzin brought to life as factors in the formation of patriotism, high moral and political qualities and aesthetic education of cadets and students of the Military order of Zhukov academy of the national guard troops of the Russian Federation

© Академия войск национальной гвардии, 2026

NIKOLAEV R.A. 216
Pedagogical conditions for the development of students' state-patriotic competence: an axiological approach

SHARUKHIN A.P., VAGANOV D.A. 223
State-patriotic values of military personnel of the unit of the national guard of the Russian Federation as the goal of the educational process

THEORY AND METHODOLOGY OF EDUCATION (BY FIELDS AND LEVELS OF EDUCATION)

PETKIN A.V. 234
A retrospective analysis of the problem of shaping the personality orientation of future researchers

PRUTCHIKOV I.O., HAYBULIN D.I. 244
The experience, relevance and features of teaching military-technical disciplines to students with a non-engineering training profile

SHLENKOV A.V. 251
Psychological and pedagogical measures to ensure the patriotic outlook of cadets, as psychological protection from external information threats of NATO countries

METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF VOCATIONAL EDUCATION

GORSHKOVA V.V. 259
A new paradigmatic characteristic of pedagogical thinking

KIRISHKO V.P. 267
Scientists and public figures who have made a significant contribution to the development of the theory and practice of military-political work: historical and political analysis

ORLENKO S.V., SOROKOUMOVA S.N. 273
Features of the development of social intelligence during combat coordination

LAPTEV A.A., PIKHTELEV A.M., KHUTCHEV S.N. 282
Developing responsibility in cadets of military educational organizations through a mentoring system and intra-university training

MASLO N.V., FEDOSEEVA I.A. 292
The phenomenon of charity as a value-based and historical-pedagogical perspective in Russia

SMIRNAYA A.A., DEVYATLOVSKY D.N. 300
The acmeological approach as a methodological basis for developing professional competenciesin military university cadets

SOROKOUMOVA S.N., BURMAKIN V.M. 308
Study of anti-corruption resilience of cadets as an integrative personality trait

TURCHIN A.S., SHABANOV L.V. 324
Didactic and methodological features of designing a binary lecture in teaching the course on the history of psychology

UTYUGANOV A.A., YAFIZOVA R.A., KAZIMIROVICH A.M., DMITRIEV G.G. 331
Development of engineering and technical abilities of military specialists as a direction of pedagogy in the professional training system

KHAERTDINOV I.M., OTVERCHENKO L.F. 338
Stages of military air traffic controllers professional training in USSR in the 1940s – early 1950s

SHARUKHIN A.P., SALNIKOV V.P. 347
Teachers' Methodological training of the rosgvardiya military educational organizations toimplementation of pedagogical activities

SHARUKHINA T.G. 356
Preparing the cadets of the Rosgvardiya's military institutes (academy) for the interpretation of academic texts via of semantic reading

SHIKUNOV A.V. 364
Implementing special military operation experience into military-political training of cadets of a military university

SHILENIN D.A. 373
Methodological support for the implementation of a scoring-rating system for monitoring and assessing cadets in using IS «Education»

OTHER SOCIAL AND HUMANITIES SCIENCES (LAW, PSYCHOLOGISTS AND PEDAGOGICAL SCIENCES)

STAVITSKY D.V. 381
Traditions and rituals of the Russian (Soviet) army

SCIENTIFIC LIFE

ZVYAGINCEV A.G. 389
The invisible front

KIIKO A. YU., BAKIN A.A. 397
Continuity of scientific generations on the 80th anniversary of Viktor Petrovich Salnikov and the 50th anniversary of Sergey Ivanovich Zakhartsev

When reprinting materials, a reference to the journal is required.

The editorial board has the right to shorten and literary process the texts accepted for publication.

Materials must correspond to one of the scientific directions (by branches of science), which determines the direction (profile) of the journal: pedagogical, psychological and legal sciences.

The publication reviews all incoming materials corresponding to the subject of the journal for the purpose of their expert assessment. Manuscripts are not returned.

The authors of the publications are responsible for the reliability of the facts, proper names, and non-disclosure of secrets.

© Академия войск национальной гвардии, 2026

Научная статья

УДК 34.096

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ: ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ, РАЗВИТИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ

Андрей Юрьевич Кийко
Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
obr_kom@academrg.ru

Аннотация. В статье обосновывается тезис о том, что надлежащая правовая культура является неотъемлемой частью личности каждого российского военнослужащего, важнейшим и базисным элементом его мировоззрения, определяющим характер гражданской позиции, социальной активности и профессиональной деятельности. Рассмотрен широкий спектр факторов, оказывающих как негативное, так и позитивное влияние на отношение военнослужащих к праву, в том числе к правовым установкам социума и микросоциума, к исторически сложившимся правовым традициям, к государственным и общественным институтам. С целью повышения качества правовой подготовки военнослужащих предлагается использовать наиболее эффективные и хорошо себя зарекомендовавшие психолого-педагогические методы, разработанные еще в советское время, а также современные нейросетевые технологии. Важно, чтобы информационные воздействия были актуальны, интеллектуально насыщены и эмоционально окрашены, чтобы они усиливали когнитивные способности воспитываемых, стимулировали их к дальнейшему развитию, общекультурному и профессиональному совершенствованию.

Ключевые слова: право, правовая культура, правосознание, профессиональное правосознание военнослужащий, правовое обучение, правовое воспитание, мировоззрение

Для цитирования: Кийко А.Ю. Правовая культура военнослужащих: вопросы формирования, развития и укрепления // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 5–15. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/001.pdf.

Original article

LEGAL CULTURE OF MILITARY PERSONNEL: ISSUES OF FORMATION, DEVELOPMENT AND STRENGTHENING

Andrey Yu. Kiiko
Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
obr_kom@spvi.ru

Abstract. This article substantiates the thesis that proper legal culture is an integral part of the personality of every Russian military service member, a crucial and fundamental element of their worldview, determining the nature of their civic position, social activity, and professional activity. A wide range of factors that have both a negative and positive impact on military personnel's attitudes toward the law are examined, including the legal frameworks of society and microsociety, historically established legal traditions, and state and public institutions. To improve the quality of legal training for military personnel, it is proposed to utilize the most effective and proven psychological and pedagogical methods developed during the Soviet era, as well as modern neural network technologies. It is important that informational influences be relevant, intellectually rich, and emotionally charged, so that they enhance the cognitive abilities of those being trained, stimulating them to further development, general cultural, and professional improvement.

Keywords: law, legal culture, legal consciousness, professional legal consciousness of military personnel, legal training, legal education, worldview

For citation: Kiiko A.Yu. Legal culture of military personnel: issues of formation, development and strengthening. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36): 5–15. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/001.pdf.

© Кийко А.Ю., 2026

Введение

Успех профессиональной деятельности человека во многом зависит от уровня его внутренней организации, воспитания, образования, наличия соответствующих навыков и умений, способности быстро переучиваться, отделять главное от второстепенного. При этом важно понимать, что все перечисленные особенности испытывают существенное влияние или подвергаются корректировке со стороны правовой культуры – обыденной, профессиональной и теоретической. Традиционно крупнейшие правоведы рассматривали и продолжают рассматривать правовую культуру как широкое, но качественно насыщенное явление государственной, общественной, а также индивидуальной жизни. Именно правовая культура формирует иерархически выверенную систему координат, столь необходимую для успешного функционирования субъектов правоотношения и обеспечивает поступательное развитие гражданских ассоциаций, органов власти и т. д. Хотя, вполне уместно говорить не просто о созидательной, но и о цивилизационной роли правовой культуры в истории человечества [1, с. 297–306; 2, с. 177–186; 3; 4, с. 503–530].

Актуальность исследования такого сложного и многогранного феномена как правовая культура военнослужащих обусловлена необходимостью постоянно отслеживать особенности состояния правовых компонентов их психики командирами, психологами-воспитателями и т. д. Напомним, что речь идет о лицах, занимающихся самой ответственной, опасной и благородной деятельностью – защитой Отечества [5, с. 123–130; 6, с. 49–55; 7, с. 61–68]. Кроме того, работа в данном направлении позволяет установить степень готовности каждого конкретного военнослужащего к выполнению своих функциональных обязанностей, к соблюдению дисциплины и законности. И, наконец, любые новые данные о ценностном наполнении правосознания военнослужащих учитываются в процессе оптимизации индивидуально-воспитательной работы, направленной на формирование зрелой правовой личности.

К сожалению, как показывает анализ доступной литературы, в современной науке уделяется недостаточно внимания изучению специфики функционирования внутренних механизмов права и характера их воздействия на микросоциальную среду, эмоции, когнитивные структуры, поведенческую активность военнослужащих. Говоря о степени разработанности данной темы, следует указать на существенный вклад, который внесли дореволюционные, советские и советско-российские правоведы. Так, многие современные авторы рассматривают труды П. И. Новгородцева, Б. П. Вышеславцева, И. А. Ильина как общую идеологическую основу для разработки теории профессиональной нравственно-правовой подготовки военнослужащих, воспитания их правовой культуры и формирования должного правосознания [8; 9, с. 177–186; 10, с. 67–72; 11, с. 11–29].

В свою очередь, С. С. Алексеев, В. Н. Кудрявцев, Э. В. Кузнецов, В. В. Лазарев,С. Г. Лысенков, Н. И. Матузов, В. С. Нерсесянц, В. П. Сальников и многое, многие другие заложили мощный теоретический и методологический фундамент исследования правовой культуры работников общественных и государственных институтов, представителей разных социальных групп и населения страны в целом.

В этой связи профессор В. П. Сальников неоднократно указывал, что результаты серьезных, масштабных, междисциплинарных работ в области правовой культуры, правосознания и т. д. неминуемо приводят нас к мысли о том, что философия, психология и социология права способны не просто обновлять и переформатировать правовую реальность, изгоняя из неё всё чуждое, тёмное, ошибочное и вредоносное, но и находить наиболее рациональные пути совершенствования нашего мышления, нашего видения будущего, построения и укрепления правового государства [12; 13, с. 176–187].

Несомненно, значимую лепту в «общее дело» внесли и военные педагоги, особенно такие, как В. П. Давыдов, А. П. Елисеев, О. Ю. Ефремов и другие, а также основатели современных педагогических научных школ Росгвардии: В. Я. Слепов, А. П. Шарухин, О. В. Поминова, Т. Г. Мухина [14, с. 233–238], которые смогли уточнить целый ряд вопросов, имеющих как теоретическое, так и сугубо практическое значение, связанных с обеспечением готовности

курсантов военных вузов к выполнению своего конституционного и воинского долга в процессе их этико-правового воспитания и образования.

В качестве объекта исследования был избран феномен профессиональной культуры военнослужащих и её специфические функции: познавательная, образовательная, праворегулятивная, коммуникативная, ценностно-нормативная, правосоциализаторская, прогностическая. Предметом исследования стал процесс правового воспитания и формирования устойчивых навыков правовой культуры у военнослужащих.

Основная цель данной работы – провести комплексный анализ условий и содержания процесса формирования правовой личности военнослужащего. В ходе исследования автором были решены следующие задачи: дана характеристика правовой культуры военнослужащих; выявлены негативные и позитивные детерминанты, определяющие вектор развития правовой культуры и правосознания военнослужащих, её смысловое и ценностное содержание; намечены пути, средства, методы и формы правовой подготовки военнослужащих.

Методологию исследования составили принципы комплексного анализа социально-правовых явлений в их динамике и развитии, во всём многообразии взаимообусловленных связей, с учетом запросов теории и практики правовой науки, а также строительства войск национальной гвардии Российской Федерации.

Научная новизна определяется попыткой всестороннего охвата состояния правовой культуры военнослужащих и выработки наиболее эффективных средств информационно-правового воздействия на коллективное и индивидуальное сознание лиц, отнесенных к вышеуказанной категории.

Основная часть

Как правило, правовая культура рассматривается отечественными авторами как явление, которое предопределяется самой природой человека, а также историческими, этническими, социальными, экономическими, нравственными и духовными, политическими, корпоративными и иными условиями жизни общества в целом, отдельных его групп, индивидов [15; 16; 17, с. 99–106]. Ученых интересует состояние различных уровней правовой культуры. Так, обыденный уровень ограничен рамками повседневной жизни. Профессиональный уровень связан с выполнением конкретных обязанностей. На индивидуальном уровне переплетаются отдельные компоненты «обыденного», профессионального и «сугубо личностного». Теоретический уровень связан с кумуляцией научных знаний о сущности, характере и взаимодействии правовых явлений, функционировании механизмов правового регулирования [18, с. 5–13; 19, с. 14–21; 20].

С учетом традиционных подходов, преобладающих в научной литературе, правовую культуру военнослужащих можно определить как свойственную указанной категории лиц систему мировоззренческих взглядов на всю совокупность форм социальной активности, поведения в быту и на службе, в которой находят выражение ценности, относящиеся к правовой действительности. Правовая культура формируется постепенно, вбирая в себя лишь самое конструктивное, полезное. Она не только результат, но и способ преобразования окружающего мира. И в этом смысле духовная правовая культура воспринимается как образ мышления, как нормы и стандарты поведения [21, с. 102–113; 22, с. 199; 23, с. 10–18; 24].

С учетом реалий цифровой эпохи, военнослужащий существует и воспринимает происходящее, находится в эпицентре мощнейших информационных потоков. Ему приходится мыслить и принимать решения в той плоскости, которая чрезвычайно изменчива, подвижна, испытывает влияние множества факторов и, вместе с тем, имеет внутреннюю (культурную) личностную проекцию. Проблема заключается в том, чтобы отражение окружающей действительности было адекватным, а это возможно лишь при наличии устоявшегося мировоззрения, опирающегося на выверенную систему ценностей. Не деструктивные факторы, а установки развитого общественного правового сознания должны проникать в повседневные срезы бытия, освобождая еще не окрепший разум от иллюзий правового нигилизма и постмодернистских соблазнов, вычленяя и отбрасывая всё, что противоречит традиционным убеждениям, идеалам, чаяниям и надеждам народа [25, с. 133; 26, с. 28–36; 27, с. 19–22].

Как показывает практика, в XXI веке ультралиберальная идеология стала универсальным средством по «размыванию» правовой культуры. Один из ее проектов, система фейкового общения, включает в себя массу аморфных симулякров. Она паразитирует на человеческой глупости,

вражде, ненависти, «расовом превосходстве», частных финансовых интересах глобалистских групп. Фактически, благодаря ей был создан информационный концлагерь («новый дивный мир») для американцев и европейцев. Их рассудочную структуру мозга никогда не работали в полную силу и поэтому атрофировались. По свидетельствам нейропсихологов, на уровне подкорки западного обывателя формируется и прочно застревает особый «мегаинстинкт» в виде патологической зависимости от воли сетевых кураторов. Со временем этот инстинкт, работая уже в автономном режиме, начинает диктовать правила поведения, навязывать деструктивное отношение к жизни, к людям, к исторической памяти, к правовым нормам [28, с. 236–248; 29, с. 17–22].

Западный идеологический конструкт расщепляет правосознание и отгораживает личность от истинного бытия, от критического мышления, позволяющего человеку свободно и ответственно преображать действительность. Иное дело – правовая идеология, составляющая неотъемлемую часть правосознания, которая впитывает в себя воззрения, принципы и понятия отечественных юристов. В жизни военнослужащего даже элементарные скрепы такой идеологии оборачиваются изначальными, но крайне весомыми аргументами в плане подготовки к совершению нравственного выбора, к построению внутреннего пространства, далёкого от лжи, лицемерия, предвзятости и демагогии.

Для российских военнослужащих правовая осведомленность информированность, подготовленность и т. д. имеет определяющее значение. При этом ни у кого не вызывает сомнений, что уровень правовой культуры офицера должен быть более высоким, чем у гражданских лиц, отличаться объемом, глубиной, систематизированным характером накопленных знаний, а также способностью безупречно применять их на практике [30, с. 113–116; 31, с. 143–147].

Обращаясь к содержательной части процесса реализации права в форме правоприменения, ученые выделяют несколько этапов, которые могут определить лишь юристы. К ним относятся: установление фактических обстоятельств, связанных с конкретной ситуацией, делом, и т. д.; выбор соответствующей правовой нормы; уяснение смысла содержания правовой нормы; принятие решения о применении нормы закона или подзаконного акта (в отношении данного, рассматриваемого случая); непосредственное участие в подготовке и издании правоприменительного акта [32; 33, с. 273–276].

Профессионального военного, особенно руководителя, должно отличать устойчиво положительное отношение к праву и к практике его применения, что предполагает максимально высокую степень консолидации с действиями законодателя, понимание полезности и справедливости правовых норм. Особенности правового мышления и правовых чувств военнослужащих проявляются в так называемом профессиональном усмотрении, которому отведена роль «генератора идей» (источника предложений по совершенствованию правового регулирования, снятию или нейтрализации возможных противоречий, возникающих в процессе применения права). Таким образом, интенсивность, степень выраженности, актуальность и своевременность материализации правовых знаний, установок и ценностных ориентаций отличают профессиональное правовое сознание военнослужащего и соответственно, его правовую культуру от правосознания иных категорий граждан, не связанных с Вооруженными силами, правоохранительными органами и т. д. [34, с. 22–24; 35, с. 51–56].

В контексте сказанного хотелось бы затронуть вопрос о функциях правовой культуры, которые имеют самое непосредственное отношение к профессиональной деятельности военнослужащих. Во-первых, важно понимать, что функционирование правовой культуры возможно исключительно через деятельность её носителей, то есть конкретных людей, структур, коллективов и организаций. Во-вторых, функции представляют собой относительно обособленные направления воздействия на различные сферы личной, общественной и служебной жизни. В-третьих, посредством правовой культуры осуществляются конструктивные воздействия на сознание, эмоционально-волевую и мотивационную сферы. В-четвертых, успешное прогрессирование правовой культуры предполагает регулярные и тщательно организованные воздействия на личность, общество и общественные отношения. В-пятых, функции правовой культуры самым непосредственным образом связаны с целями и задачами, стоящими перед ней. Причем одна и та же функция может быть нацелена сразу на достижение нескольких целей, в то же время как достижению конкретной

цели способствует целый ряд функций (регулятивная, коммуникативная, правопреобразующая и др.). В-шестых, именно в процессе функционирования предметно конкретизируются основные свойства, элементы, содержание и формы, типы (виды и подвиды) правовой профессиональной культуры. В-седьмых, функции правовой профессиональной культуры в значительной степени детерминированы историческими, духовно-нравственными и иными условиями жизни общества.

По мнению российских исследователей, специально-юридические функции правовой культуры характеризуют включенность их в механизм правового регулирования в качестве одного из правовых средств, при помощи которых осуществляется правовое воздействие на общественные отношения. Так, правопреобразующая функция направлена на формирование правового государства, совершенствование содержания и форм выражения права, повышение качества всех видов и подвидов юридической практики, создание достаточно развитой правовой системы общества в целом. Ее задача заключается в том, чтобы поставить человека в центр общественного развития. Регулятивная функция с одной стороны включает процесс создания соответствующих юридических идеалов, правовых принципов и норм, стандартов эталонов деятельности разнообразных субъектов права, а с другой – привнесение этих явлений в общественную жизнь с целью упорядочения общественных отношений, удовлетворения личных и общественных потребностей и интересов. Ее задача – превращение правовых предписаний в привычку, во внутреннее убеждение личности. Аксиологическая функция проявляется в том, что существующие правовые ценности выступают в качестве критериев оценки реально существующих юридических явлений, процессов и состояний. В этой связи важнейшая задача аксиологической функции заключается в систематизации всех присущих правовой системе ценностей и создании их иерархии. Прогностическая функция заключается в анализе эффективности, качества, закономерностей и путей развития правовых явлений, процессов, состояний, в определении наиболее подходящих средств и методов для достижения новых правовых целей, в предсказании возможных последствий в правовой системе общества. Прогностическая функция охватывает все виды юридической практики. На данном уровне формируются отдельные элементы, которым предстоит стать составными частями обновленной, прогрессивной правовой культурой. Правосоциализаторская функция проявляется в воздействии на процесс усвоения индивидом правокультурных ценностей. Правовая социализация предполагает включение личности в ценностно-нормативную систему, охраняемую правом. Коммуникативная функция правовой культуры опосредует процесс общения людей в правовой сфере, позволяет реализовать передачу правовой информации по различным каналам от одних субъектов к другим [36; 37; 38, с. 48–55].

Изучая вопросы оптимизации правовой подготовки курсантов Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации в 2025 году мы обратились к выпускникам с просьбой выделить наиболее деструктивные факторы, препятствующие распространению правовой культуры среди военнослужащих и создающие риск появления нигилистических установок, аномии, а также определить детерминанты, способствующие усвоению правовых знаний.

К числу наиболее значимых факторов, препятствующих распространению правовой культуры среди военнослужащих, по мнению интервьюированных, следует отнести:

– семейную дисгармонию, психолого-педагогическую запущенность, социальный инфантилизм, правовой нигилизм, «клиповое мышление»;

– формализм целого ряда руководителей учебных заведений, служебных коллективов, педагогов, общественных и политических деятелей, ответственных за развитие юридического образования, распространение юридических знаний, пропаганду права, воспитание молодежи;

– отсутствие должного внимания со стороны начальствующего состава к организации и проведению на должном уровне индивидуально воспитательной работы с подчиненными;

– слабую осведомленность отдельных специалистов, занимающихся правовым обучением и воспитанием в вопросах правоведения, юридической психологии и т. д.

О благоприятном сценарии развития событий можно говорить лишь в тех случаях, когда имеют место следующие обстоятельства:

– развитие молодого человека (вплоть до его поступления в военный вуз) носило исключительно позитивный характер;

– четко прослеживаются социально-психологические особенности воспитуемых в виде активного стремления к изучению правовой реальности, служения своему Отечеству;

– мировоззрение воспитуемых / обучаемых уже изначально, к первому курсу (благодаря семье и школе) было структурировано; в нем преобладали духовно-нравственные компоненты и конструктивно-позитивные правовые установки;

– в условиях учебного заведения имеет место высокий профессионализм педагогов, психологов, непосредственных начальников и руководителей, работающих с личным составом; а также создана благоприятная психолого-педагогическая атмосфера в учебном и служебном коллективе.

Показательно, что курсанты указали на важность семейного и школьного воспитания, т. к. установки, полученные в детстве, отрочестве и ранней юности во многом предопределяют мироощущения человека, его идентификацию и отношение к праву. Второй аспект связан с морально-психологическим обликом воспитуемого, с его запросами и потребностями, со способностью самостоятельно добывать знания и делать правильные выводы. И, наконец, третий – чисто организационный, он касается профессионализма педагогов и их способности заинтересовать слушателей, помочь решить нестандартную задачу, выстроить диалог.

Основополагающий принцип непрерывного правового образования и воспитания заключается в личностной ориентации проводимых мероприятий, цель которых – системное развитие духовно-нравственных, этико-правовых, правовых и сугубо профессиональных качеств. Кроме того, педагогу следует помнить о принципах, хорошо известных представителям советской высшей школы. Речь идет о принципе гражданственности, научности, фундаментальности и прикладной направленности.

Это, так называемые, содержательные принципы, которые отражают закономерности, связанные с выбором тех или иных методов, а также с их последующим совершенствованием.

Военнослужащий демонстрирует высокий уровень профессиональной правовой культуры, если действует сознательно, целенаправленно, оставаясь в рамках, очерченных законом. Сам же процесс освоения правовой культуры включает в себя:

1) сохранение этнокультурных традиций своего народа;

2) активное использование наследия отечественных правоведов;

3) восприятие правовой культуры как основного гаранта духовной безопасности общества;

4) воспитание самосознания и способности к объективной моральной оценке своей профессиональной деятельности;

5) закрепление в индивидуальном сознании потребности в постоянном обновлении багажа юридических знаний.

В последние годы в развитии высшего военного образования появился интересный контекст, связанный с внедрением нейротехнологий, в том числе управляемых и обучаемых помощников, берущих на себя «ответственность» за часть решаемых задач. Возможности искусственного интеллекта в правовом обучении открывают новые перспективы (это касается скорости получения информации, обработки данных, помощи в подготовке учебных материалов, в создании презентаций, иллюстраций, визуальных эффектов). Однако очевидно, что «компьютерная программа» никогда не сможет заменить человека. К сожалению, бездумное применение нейротехнологий в сфере правовой культуры таит риск дегуманизации и потери ценностных ориентаций. Искусственный интеллект не развивает когнитивные навыки, а при чрезмерно интенсивном «общении» с клиентом, наоборот, – гасит их.

Лишь позитивные изменения в правовом сознании населения способны придать эффективность мерам по противодействию преступности, в том числе – военной. Как важный элемент укрепления авторитета правовой культуры следует рассматривать привлечение средств массовой коммуникации к идеологической работе. Особенно перспективным направлением представляется сотрудничество МО, Росгвардии и т. д. с популярными, патриотически настроенными блогерами, журналистами, писателями и режиссерами. Необходимо стимулировать творческих работников к созданию реальных положительных образов законопослушных граждан, совершивших резонансные поступки, военнослужащих, самоотверженно защищающих свою родину, вымышленных персонажей, отличающихся высокой художественностью и притягательностью, гото-

вых в любой момент восстановить справедливость.

Заключение

Формирование личности военнослужащего является сферой интереса военной науки, правовой, социальной и психолого-педагогической практики, то есть тех областей, в которых переплетаются интересы государства общества и конкретного человека. Причем в этом процессе именно праву (правовой культуре, правосознанию) отводится чрезвычайно значимая роль, так как без глубокого осознания правовой сущности окружающего мира невозможно представить себе зрелую личность с устойчивым мировоззрением и высокой квалификацией. Правовая подготовка не только обогащает человека информационно, но и наделяет его особыми навыками, компетенциями, которые повышают его социальный статус, позволяют избегать многих ошибок. К тому же необходимо помнить, что на всех уровнях государственной службы востребована правовая личность, инициативная, ответственная, способная к творческой, интегративной деятельности.

Показатели развития правовой культуры населения (как прямые, так и косвенные) самым непосредственным образом коррелируют с состоянием законности и правопорядка в стране, с устойчивостью ее духовного, экономического и военного развития, с состоянием морально-психологического климата. Непреходящая ценность правовой культуры военнослужащих находится свое выражение в реальной жизни благодаря актуализации ее многочисленных функций: познавательно-преобразовательной, регулятивной, аксиологической, правотворческой, правообеспечивающей, коммуникативной, правосоциализаторской (воспитательной), прогностической. При этом не менее значимые считаются развивающие, созидательные, культурологические, общекультурные и гуманистические функции.

В основе формирования правовой культуры российских военных лежат правовое образование и правовое воспитание. Данные направления способны подготовить человека к единственно верному восприятию правовых норм, социальных стереотипов, идеологических установок и мотивировать его к реализации принципа правовой справедливости.

Уровень правовой культуры каждого конкретного военнослужащего характеризуется степенью его овладения правом. В рамках правовой культуры общества формируется правосознание отдельных групп, страт, профессиональных сообществ. В основе процесса распространения и «укоренения» правовой культуры лежит интернализация норм права и морали, что позволяет говорить об устойчивом и целенаправленном характере поведенческой активности конкретных людей, наличии или отсутствии у них высоких чувств, социально-одобряемых мотивов.

Адекватное восприятие военнослужащими навыков правовой культуры происходит благодаря закреплению в их сознании социальных, профессиональных, правовых и этико-правовых ценностей, что, в свою очередь, приводит к формированию системы нормативных взглядов на происходящие события. Мера принятия человеком «канонов» правовой культуры имеет глубоко личностный смысл.

К числу наиболее значимых факторов, как препятствующих, так и способствующих распространению правовой культуры среди военнослужащих, следует отнести условия воспитания каждого конкретного человека в детском и подростковом возрасте. Вторым фактором является личность военнослужащего, ее «правовая сохранность», готовность обучаться и соответствовать нормативным требованиям социума. Третий фактор обусловлен характером организации обучения и воспитания военнослужащих в служебном коллективе, компетентностью педагогов, состоянием морально-психологического климата среди воспитанников.

В основе работы по повышению уровня правовой культуры как население страны в целом, так и российских военнослужащих в частности, должны лежать традиционные методы, использование которых доказало свою эффективность еще в советское время. В каждом вузе должны быть созданы условия для качественной юридической подготовки учащихся. При этом важно понимать, что в эпоху цифровизации неизбежно применение нейротехнологий. Искусственный интеллект позволяет оперировать значительными объемами данных, получать, как самую свежую, так и архивную информацию, моделировать различные ситуации и процессы, прогнозировать их развитие, плодотворно (напрямую) общаться с учеными правоведами, военными юристами, адвокатами, психологами.

Список источников

1. Аврамов С. О. Профессиональная правовая культура как детерминанта эффективности правовых стимулов и ограничений / С. О. Аврамов, Д. А. Конышев // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 1 (34). С. 297–306. URL: https://vestnikspvi.ru/2026/03/030.pdf.

2. Бакин А. А. Психологические концепции российских либеральных правоведов конца XIX – начала XX века / А. А. Бакин, В. Ю. Гусева // Мир политики и социологии. 2019. № 4. С. 177–186.

3. Право – явление цивилизации и культуры: сб. научных трудов конференции Российского университета Дружбы народов. Москва, 30–31 марта 2018 г. / отв. ред. М. В. Немытина. 2019. Вып. № 1. 570 с.

4. Сальников В. П. Правовая культура. Гл. XX // Общая теория государства и права. Акад. Курс: в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. Т. 3: Государство, право, общество. М. : 2013. С. 503–530.

5. Бакин А. А. О технологиях, способствующих повышению эффективности социальной и социально-психологической работы с участниками специальной военной операции // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3(32). С. 123–130.

6. Корякин В. М. Военное право и правосознание военнослужащих // Военное право. 2021. № 4 (68). С. 49–55.

7. Шишкина Е. В. Роль права в формировании правовой культуры курсантов военных образовательных организаций // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 3(16). С. 61–68.

8. Алексеев С. С. Восхождение к праву: поиски и решения. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002. 601 с.

9. Бакин А.А. Психологические концепции российских либеральных правоведов конца XIX – начала XX века / А. А. Бакин, В. Ю. Гусева // Мир политики и социологии. 2019. № 4. С. 177–186.

10. Дерюгин А. А. Традиционные духовно-нравственные ценности и ориентиры – стержень российской государственности на фоне современных угроз / А. А. Дерюгин, С. О. Аврамов // Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы: матер. междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 26 марта 2025 г. / под науч. ред. В. П. Сальникова. СПб., 2025. С. 67–72.

11. Захарцев С. И. Правосознание юриста и правовой нигилизм: современные проблемы профессиональной деформации / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Юридическая наука: история и современность. 2013. № 11. С. 11–29.

12. Сальников В. П. Правовая культура: теоретико-методологический аспект: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Сальников Виктор Петрович. Л., 1990. 402 с.

13. Сальников В. П. Человек в системе нравственно-правовых ценностей и задача формирования суверенной философии права / В. П. Сальников, Д. В. Масленников, А. И. Морозов // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. Дню прав человека, г. Уфа, 10 дек. 2020 г.: в 2 ч. / отв. ред. Е. О. Тулупова. Уфа, 2020. Ч. 1. С. 176–187.

14. Кузнецов Д. Е. Генезис современных педагогических научных школ Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2026. № 2(28). С. 232–242.

15. Ершова Л. А. Правовая культура должностных лиц и пути её формирования: автореф. дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Людмила Алексеевна Ершова. М., 1991. 23с.

16. Крыгина И. А. Правовая культура, правовое воспитание и управление правого воспитательным процессом в современном российском обществе: диссертация кандидата юридических наук: 12.00.01 / Ирина Александровна Крыгина. Ростов-на-Дону, 1999. 190 с.

17. Черникова В. Е. Правовая культура в контексте современной российской государственности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018.Т. 7. № 2. С. 99-106.

18. Воробьев А. О., Сальников В. П. Суверенитет государства и личности: к вопросу о роли правосознания // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 5–13. URL: https://vestnik-spvi.ru/2025/09/001.pdf.

19. Кийко А. Ю. Нормы права и нормы морали в системе регуляторов поведения личности // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 14–21. URL: https://vestnik-spvi.ru/2025/09/002.pdf.

20. Кудрявцев В. Н. Преступность и нравы переходного общества. М. : Гардарики, 2002. 238 с.

21. Кийко А. Ю. Роль Русской Православной Церкви в духовно-нравственном воспитании личного состава войск национальной гвардии / А. Ю. Кийко, К. Г. Прокофьев, В. М. Шеншин // Теория государства и права. 2024.№4 (41). С. 102–113. DOI 10.25839/MATGIP_2024_4_41_102. – EDN MGYJFK.

22. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В. В. Лазарева. 2-е изд., перераб и доп. М. : Юристь, 1996. 472 с.

23. Радченко П. А. Формирование правовой культуры как доминанта в правовой подготовке офицерского состава Вооруженных Сил России // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2008. № 2. С. 10–18.

24. Темяков И. А. Правовое воспитание – основное направление деятельности по формированию правовой культуры военнослужащих. URL: file:///C:/Users/John%20Kennedey/Downloads/pravovoe-vospitanie-osnovnoe-napravlenie-deyatelnosti-po-formirovaniyu-pravovoy-kultury-voennosluzhaschih%20(4).pdf (дата обращения 20.06. 2026).

25. Патриотическое воспитание обучающихся в кадетских корпусах, суворовских училищах и военных институтах Российской Федерации как предмет комплексного анализа: коллективная монография / под ред. А. Ю. Кийко. СПб. : СПВИ войск национальной гвардии, 2023. 368 с.

26. Сальников В. П. Юристы и правовая информированность личности / В. П. Сальников, Н. Я. Соколов // Актуальные проблемы правоохранительной деятельности органов внутренних дел: сб. науч. тр. Санкт-Петербург, 1993. Вып. 1. С. 28–36.

27. Сальников В. П. Правовая культура общества и личности – важнейшее средство охраны прав человека / В. П. Сальников, А. В. Стремоухов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2000. № 4(8). С. 19–22.

28. Захарцев С. И. Философия и юридическая наука: монография / С. И. Захарцев, / В. П. Сальников. М. : Юрлитинформ, 2019. 424 с.

29. Третьяков И. Л. Наркотики в армии: постановка вопроса и попытка переосмысления данной проблемы в мировом масштабе. Ч. I // Наркоконтроль. 2024. № 3 (76). С. 17–22. DOI:10.18572/2072-4160-2024-3-17-22.

30. Максимов Н. В. Развитие правовой культуры военнослужащих - необходимое условие правовой жизни общества // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2016. № 11 (141). С. 113–116.

31. Яковлев М. В. Профессиональная правовая культура военнослужащих войск национальной гвардии России как объект правового воздействия: теоретико-правовой анализ // Правовая политика и правовая жизнь. 2017. № 2. С. 143–147.

32. Общая теория права: курс лекций / под ред. проф. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. 544 с.

33. Чернова Э. Р. К вопросу о применении права как одной из форм реализации права / Э. Р. Чернова, С. Л. Ямщикова // Законность и правопорядок в современном обществе. 2010. № 1. С. 273–276.

34. Кийко А. Ю. Государственный суверенитет России как духовно-нравственная ценность // Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы: матер. междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 26 марта 2025 г. / под науч. ред. В. П. Сальникова. СПб., 2025. С. 22–24.

35. Яковлев М. В. К вопросу о профессиональной правовой культуре на примере военнослужащих Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 1(132). С. 51–56. DOI 10/24411/2227-7315-2020-1006.

36. Баумова М. Г. Функции правовой культуры: дисс. …канд. юрид. наук: 12.00.01/ Баумова Мария Георгиевна. Ярославль, 2005. 220 с.

37. Карташов В. Н. Правовая культура: понятие, структура, функции: монография / В. Н. Карташов, М. Г. Баумова. Ярославль: Ярославский гос. ун-т, 2008. 200 с.

38. Славова Н. А. Правовая культура: понятие и функции // Вестник Волжского ун-та им. В. Н. Татищева. 2020. № 3(96). С. 48–55.

References

1. Avramov S.O. Professional legal culture as a determinant of the effectiveness of legal incentives and restrictions / S.O. Avramov, D.A Konyshev // Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026; 1 (34): 297–306. Available from: https://vestnikspvi.ru/2026/03/030.pdf. (In Russ.).

2. Bakin A.A. Psychological concepts of Russian liberal jurists of the late nineteenth and early twentieth centuries / A.A. Bakin, V.Yu. Guseva // Mir politiki i sociologii. 2019; 4: 177-186. (In Russ.).

3. Pravo - yavlenie civilizacii i kul'tury: Sb. nauchnyh trudov konferencii Rossijskogo universiteta Druzhby narodov (g. Moskva, 30-31 marta 2018) / Otv. red. M.V. Nemytina. 2019. Vyp. № 1. 570 s. (In Russ.).

4. Sal'nikov V.P. Pravovaya kul'tura. Gl. XX // Obshchaya teoriya gosudarstva i prava. Akad. kurs v 3 t. / otv. red. M.N. Marchenko. 4-e izd., pererab. i dop. T. 3: Gosudarstvo, pravo, obshchestvo. M., 2013. S. 503–530. (In Russ.).

5. Bakin A.A. On technologies that contribute to improving the effectiveness of social and socio-psychological work with participants in a special military operation // Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025; 3 (32): 123-130. (In Russ.).

6. Koryakin V.M. Military law and legal awareness of military personnel // Voennoe pravo. 2021; 4 (68): 49-55. (In Russ.).

7. Shishkina E.V. The role of law in the formation of the legal culture of cadets of military educational organizations // Izvestiya Saratovskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024; 3(16): 61-68. (In Russ.).

8. Alekseev S.S. Voskhozhdenie k pravu: poiski i resheniya. 2-e izd., pererab. i dop. M., 2002. 601 s. (In Russ.).

9. Bakin A.A. Psychological concepts of Russian liberal jurists of the late nineteenth and early twentieth centuries / A.A. Bakin, V.Yu. Guseva // Mir politiki i sociologii. 2019; 4: 177-186. (In Russ.).

10. Deryugin A. A. Tradicionnye duhovno-nravstvennye cennosti i orientiry – sterzhen' rossijskoj gosudarstvennosti na fone sovremennyh ugroz / A.A. Deryugin, S. O. Avramov // Zashchita gosudarstvennosti: istoricheskoe nasledie i sovremennye vyzovy: mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf., g. Sankt-Peterburg, 26 marta 2025 g. / pod nauch. red. V. P. Sal'nikova. SPb., 2025. S. 67–72. (In Russ.).

11. Zaharcev S. I. Legal Consciousness and Legal Nihilism: Contemporary Issues of Professional Deformation / S.I. Zaharcev, V.P. Sal'nikov // YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2013; 11: 11–29. (In Russ.).

12. Sal'nikov V. P. Pravovaya kul'tura: teoretiko-metodologicheskij aspekt: dis. … d-ra yurid. nauk: 12.00.01 / Sal'nikov Viktor Petrovich. L., 1990. 402 s. (In Russ.).

13. Sal'nikov V. P. CHelovek v sisteme nravstvenno-pravovyh cennostej i zadacha formirovaniya suverennoj filosofii prava / V. P. Sal'nikov, D. V. Maslennikov, A. I. Morozov // Prava cheloveka v dialoge gosudarstvennoj vlasti i grazhdanskogo obshchestva: sb. mater. Vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashch. Dnyu prav cheloveka, g. Ufa, 10 dek. 2020 g.: v 2 ch. / otv. red. E. O. Tulupova. Ufa, 2020. CH. 1. S. 176–187. (In Russ.).

14. Kuznetsov D. E. Genesis of modern pedagogical scientific schools of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation // Military-legal and humanitarian sciences of Siberia. 2026; 2 (28): 232-242. (In Russ.).

15. Ershova L.A. Pravovaya kul'tura dolzhnostnyh lic i puti eyo formirovaniya: avtoref. diss. … kand. yurid. nauk: 12.00.01 / Lyudmila Alekseevna Ershova. M., 1991. 23 s. (In Russ.).

16. Krygina I.A. Pravovaya kul'tura, pravovoe vospitanie i upravlenie pravogo vospitatel'nym processom v sovremennom rossijskom obshchestve: dissertaciya kandidata yuridicheskih nauk: 12.00.01 / Irina Aleksandrovna Krygina. Rostov-na-Donu, 1999. 190 s. (In Russ.).

17. Chernikova V.E. Legal culture in the context of modern Russian statehood // Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke. 2018; 7: 2A: 99-106. (In Russ.).

18. Vorobyov A.O., Salnikov V.P. Sovereignty of the state and personality: on the role of legal awareness // Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025; 3 (32): 5–13. Available from: https://vestnik-spvi.ru/2025/09/001.pdf. (In Russ.).

19. Kiiko A.Y. Norms of law and norms of morality in the system of regulators of personal behavior // Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025; 3 (32):14–21. Available from: https://vestnik-spvi.ru/2025/09/002.pdf. (In Russ.).

20. Kudryavcev V.N. Prestupnost' i nravy perekhodnogo obshchestva. M.: Gardariki, 2002. 238 s. (In Russ.).

21. Kiiko A.Y., Prokofiev K.G., Shenshin V.M. The role of the Russian Orthodox Church in the spiritual and moral education of the personnel of the National Guard troops // Teoriya gosudarstva i prava. 2024; 4 (41): 102-113. DOI 10.25839/MATGIP_2024_4_41_102. – EDN MGYJFK. (In Russ.).

22. Obshchaya teoriya prava i gosudarstva: Uchebnik / Pod red. V.V. Lazareva. 2-e izd., pererab i dop. M.: YUrist", 1996. 472 s. (In Russ.).

23. Radchenko P.A. Formation of legal culture as a dominant factor in the legal training of officers of the Russian Armed Forces // Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. 2008;2: 10-18. (In Russ.).

24. Temyakov I.A. Legal education is the main activity for the formation of the legal culture of military personnel. Available from: https://cyberleninka.ru / file:///C:/Users/John%20Kennedey/Downloads/pravovoe-vospitanie-osnovnoe-napravlenie-

deyatelnosti-po-formirovaniyu-pravovoy-kultury-voennosluzhaschih%20(4).pdf. (data obrashcheniya: 20.06.2026). (In Russ.).

25. Patrioticheskoe vospitanie obuchayushchihsya v kadetskih korpusah, suvorovskih uchilishchah i voennyh institutah Rossijskoj Federacii kak predmet kompleksnogo analiza / Kollektivnaya monografiya pod red. A.YU. Kijko. SPb.: Sankt-Peterburgskij voennyj ordena ZHukova institut vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii, 2023. 368 s. (In Russ.).

26. Salnikov V.P. Lawyers and legal awareness of personality / V.P. Salnikov, N.Ya. Sokolov // Aktual'nye problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti organov vnutrennih del: sb. nauch. tr. SPb., 1993. Vyp. 1: 28-36. (In Russ.).

27. Salnikov V.P. Legal culture of society and personality – the most important means of protecting human rights / V.P. Salnikov, A.V. Stremoukhov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2000; 4(8): 19-22. (In Russ.).

28. Zaharcev S.I. Filosofiya i yuridicheskaya nauka: monografiya / S.I. Zaharcev, V.P. Sal'nikov. M.: YUrlitinform, 2019. 424s. (In Russ.).

29. Tretyakov I.L. Drugs in the army: raising the issue and an attempt to rethink this problem on a global scale. Part 1 // Narkokontrol'. 2024; 3 (76): 17-22.DOI:10.18572/2072-4160-2024-3-17-22. (In Russ.).

30. Maksimov N.V. The development of the legal culture of military personnel is a necessary condition for the legal life of society // Uchenye zapiski universiteta imeni P.F.Lesgafta. 2016; 11 (141): 113-116. (In Russ.).

31. Yakovlev M.V. Professional legal culture of servicemen of the Russian National Guard troops as an object of legal influence: theoretical and legal analysis // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2017.№2. S. 143-147. (In Russ.).

32. Obshchaya teoriya prava. Kurs lekcij /pod red. prof. V.K. Babaeva. N/Novgorod, 1993. 544 s. (In Russ.).

33. Chernova E.R. On the question of the application of law as one of the forms of realization of law / E.R. Chernova, S.L. Yamshchikova // Zakonnost' i pravoporyadok v sovremennom obshchestve. 2010; 1: 273-276. (In Russ.).

34. Kiiko A.Y. The state sovereignty of Russia as a spiritual and moral value // Zashchita gosudarstvennosti: istoricheskoe nasledie i sovremennye vyzovy: mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf., g. Sankt-Peterburg, 26 marta 2025 g. / pod nauch. red. V. P. Sal'nikova. SPb., 2025. S. 22–24. (In Russ.).

35. Yakovlev M.V. On the issue of professional legal culture on the example of military personnel of the Federal Service of the National Guard of the Russian Federation // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii. 2020; 1(132): 51-56.DOI 10/24411/2227-7315-2020-1006. (In Russ.).

36. Baumova M.G. Funkcii pravovoj kul'tury: diss. …kand. yurid. nauk: 12.00.01/ Mariya Georgievna Baumova. YAroslavl', 2005. 220 s. (In Russ.).

37. Kartashov V.N. Pravovaya kul'tura: ponyatie, struktura, funkcii: monografiya / V.N. Kartashov, M.G. Baumova. YAroslavl': YAroslavl'skij gos. un-t, 2008. 200 s. (In Russ.).

38. Slavova N.A. Legal culture: concept and functions // Vestnik Volzhskogo un-ta im. V.N. Tatishcheva. 2020.№3(96). S.48-55. (In Russ.).

Информация об авторе

А. Ю. Кийко *– кандидат юридических наук, доцент*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 13.08.2026;
одобрена после рецензирования 17.09.2026;
принята к публикации 28.09.2026.

Information about the author

A. Yu. Kiiko *– Candidate of Sciences (Law), Docent*

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 13.08.2026;
approved after reviewing 17.09.2026;
accepted for publication 28.09.2026.

Научная статья

УДК 340.01

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ДИАЛЕКТИКА ПРАВОВЫХ СТИМУЛОВ И ОГРАНИЧЕНИЙ СПЕЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА ПРАВА: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Степан Олегович Аврамов[1], Михаил Алексеевич Комиссаров[2], Виктор Петрович Сальников[3], Светлана Анатольевна Кудина[4]
[1–4] Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
[1] spvi2023@mail.ru
[2] kma41.95@mail.ru
[3] Fonduniver@bk.ru
[4] k.svetlanna@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается философско-правовая взаимосвязь государственно-правовой идеологии, правовых стимулов и правовых ограничений специального субъекта права. Обосновывается, что государственно-правовая идеология проявляется не только в программных и доктринальных положениях, но и в конкретных юридических средствах, посредством которых государство формирует образ должного правомерного поведения. Особое внимание уделяется военнослужащим войск национальной гвардии Российской Федерации как специальному субъекту права, правовой статус которого предполагает сочетание повышенных обязанностей, ограничений, гарантий, поощрений и профессиональной правовой культуры. Делается вывод о том, что эффективность государственно-правовой идеологии зависит от диалектического баланса стимулирующих и ограничительных средств, а также от способности профессиональной правовой культуры обеспечивать внутреннее принятие правовых требований.

Ключевые слова: государственно-правовая идеология; правовые стимулы; правовые ограничения; специальный субъект права; военнослужащие войск национальной гвардии Российской Федерации; профессиональная правовая культура; ценность права

Для цитирования: Аврамов С.О., Комиссаров М.А., Сальников В.П., Кудина С.А. Государственно-правовая идеология и диалектика правовых стимулов и ограничений специального субъекта права: философско-правовой аспект // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 16–29. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/002.pdf.

Original article

STATE-LEGAL IDEOLOGY AND DIALECTIC OF LEGAL INCENTIVES AND RESTRICTIONS OF A SPECIAL LEGAL ENTITY: PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECT

Stepan Olegovich Avramov[1], Mikhail Alekseevich Komissarov[2], Viktor Petrovich Salnikov[3]
[1–3] Academy of National Guard Troops, St. Petersburg, Russia
[1] spvi2023@mail.ru
[2] kma41.95@mail.ru
[3] Fonduniver@bk.ru

Abstract. The article examines the philosophical and legal relationship between the state-legal ideology, legal incentives and legal restrictions of a special legal entity. It is proved that the state-legal ideology is manifested not only in programmatic and doctrinal provisions, but also in specific legal means through which the state forms an image of proper lawful behavior. Special attention is paid to military personnel of the National Guard of the Russian Federation as a special legal entity, whose legal status implies a combination of increased responsibilities, restrictions, guarantees, incentives and professional legal culture. It is concluded that the effectiveness of state-legal ideology depends on the dialectical balance of stimulating and restrictive means, as well as on the ability of professional legal culture to ensure the internal acceptance of legal requirements.

Keywords: state-legal ideology; legal incentives; legal restrictions; special legal entity; military personnel of the National Guard of the Russian Federation; professional legal culture; the value of law

For citation: Avramov S.O., Komissarov M.A., Salnikov V.P., Kudina S.A. State-legal ideology and dialectic of legal incentives and restrictions of a special legal entity: philosophical and legal aspect. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36): 16–29. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/002.pdf.

© Аврамов С. О., Комиссаров М. А., Сальников В. П., Кудина С.А. 2026

Введение

В современной юридической науке вновь возникает вопрос о соотношении нормативного и ценностного начал права. Его сведение к совокупности формально установленных правил оставляет без объяснения способность права воздействовать на правосознание, формировать представление о должном поведении и связывать государственные цели с общественным порядком и личной ответственностью. Однако и обратная трактовка, при которой право понимается преимущественно как выражение ценностей, недостаточна: она не показывает, благодаря каким юридическим средствам ценности приобретают обязательность, институциональную обеспеченность и устойчиво воспроизводятся на практике. По этой причине исследование государственно-правовой идеологии в философско-правовом аспекте предполагает анализ не только ее декларативного содержания, но прежде всего правовых конструкций, посредством которых идеология включается в механизм правового воздействия.

В указанной связи особого внимания требуют правовые стимулы и ограничения. Их назначение не исчерпывается ролью технических инструментов регулирования: через них право организует поведение и в ценностном отношении. Ограничение определяет меру допустимого, отделяя свободу от произвола, а служебную инициативу – от дисциплинарного нарушения. Стимул задает иную направленность воздействия. Посредством него получает позитивное юридическое признание желательная правомерная активность; субъекту обозначается не только поведение, от которого следует воздерживаться, но и такое поведение, которому придается повышенная социальная значимость. Поэтому сочетание стимулов и ограничений не сводится к набору запретов, обязанностей, льгот и поощрений. Речь идет о более сложной модели, где нормативное предписание получает аксиологическое обоснование.

Особенно наглядно рассматриваемая взаимосвязь проявляется в правовом положении специального субъекта. Военнослужащий войск национальной гвардии Российской Федерации участвует в публично-служебных отношениях, в которых осуществление правового статуса предполагает дисциплину и подчиненность, готовность решать общественно значимые задачи, законно применять властные полномочия и лично отвечать за принятые решения. Поэтому содержание такого статуса нельзя исчерпывающе представить в виде перечня прав, обязанностей, запретов и гарантий. Он содержит ценностно-нормативный образ субъекта, в котором государство соединяет требования безопасности, правопорядка, служебного долга, профессиональной культуры и социальной защищенности [6, с. 10–14].

Цель настоящей статьи состоит в философско-правовом обосновании положения о том, что правовые стимулы и правовые ограничения специального субъекта права выступают юридическими средствами реализации государственно-правовой идеологии. При этом государственно-правовая идеология понимается не как совокупность политических лозунгов и не как внешняя по отношению к праву доктрина, а как система правовых идей, нравственно-правовых ценностей, принципов и представлений о должном правовом порядке, которые получают выражение в нормативных конструкциях, правоприменительной практике и профессиональном правосознании [31, с. 135–138] и носят суверенный характер [22; 40; 44]. Методологическую основу анализа составляют диалектический, аксиологический, системный и формально-юридический подходы [15], позволяющие рассматривать стимулы и ограничения в единстве их регулятивного, мотивационного и ценностного назначения.

Государственно-правовая идеология как форма юридически организованного смысла

Категория государственно-правовой идеологии требует осторожного обращения, поскольку в научной традиции понятие идеологии исторически получало различные, а нередко и противоположные смысловые оттенки. Оно может обозначать учение о происхождении идей, систему мировоззренческих представлений, инстру-

мент социальной мобилизации, средство легитимации власти либо форму коллективного самоопределения. Многозначность смысла данной категории не является недостатком сама по себе. Напротив, она показывает, что идеология связана с тем уровнем общественного бытия, где факты, нормы, ценности и символы не существуют изолированно, а образуют систему ориентации субъекта в социальном мире [28; 29].

В правовой плоскости идеология приобретает особую форму. Она не сводится к убеждению, настроению или политической оценке. Ее содержание становится юридически значимым лишь тогда, когда ценностные представления получают нормативное закрепление, влияют на построение правового статуса, задают цели правового регулирования и направляют деятельность правоприменителя. Государственно-правовую идеологию в данном случае можно рассматривать как смысловой уровень правовой системы. Не подменяя собой норму, она позволяет раскрыть основания признания конкретного предписания необходимым. Не заменяя юридическую ответственность, она выявляет ценности, ради охраны которых та установлена. Наконец, идеология не устраняет свободу субъекта, а задает границы, за пределами которых свобода утрачивает правомерный характер.

Философско-правовая специфика государственно-правовой идеологии раскрывается через категорию должного. Позитивное право устанавливает юридически обязательное поведение, тогда как идеологическое содержание права объясняет основания, по которым соответствующее требование воспринимается как необходимое, справедливое и социально оправданное. Идеология в этом смысле не служит внешним оформлением нормы. Благодаря ей норма воспринимается как правовая, а не исключительно как властное предписание. Поэтому идеологическое измерение следует искать не только в положениях Конституции, программных документах и научных доктринах. Оно проявляется и в конкретных юридических средствах, направляющих поведение адресата. Характер государственно-правовой идеологии может быть определен как синкретический – по аналогии с правовой культурой [2; 14; 26; 43] – и компрехендный – по аналогии с познанием права [17; 18; 19; 20, с. 5–118; 21; 23].

Такое понимание непосредственно влияет на анализ стимулов и ограничений. При интерпретации правовой нормы исключительно как властной команды стимул предстает предоставленным преимуществом, а ограничение – простым сужением возможности. Аксиологический ракурс обнаруживает иное содержание этих средств. Стимул юридически выражает признание ценного поведения. Ограничение охраняет те пределы, без которых осуществление свободы одним лицом способно поставить под угрозу безопасность, права и законные интересы других. Государственно-правовая идеология, таким образом, присутствует не только в нормах, прямо закрепляющих ценности. Она выявляется и в распределении дозволений, мер поддержки, запретов, ответственности и поощрений.

Эта взаимосвязь становится еще более отчетливой в суверенном измерении государственно-правовой идеологии [12; 24; 42]. Правовая система, обеспечивающая самостоятельность государства, публичный порядок и внутреннюю устойчивость общества, не может оставлять свое ценностное основание неопределенным. Соответствующие ценности получают выражение в правовых принципах, режимах и статусах. Суверенность в данном контексте не предполагает отрыва национальной правовой системы от универсальных юридических категорий. Она означает способность государства самостоятельно выстраивать ценностно-нормативную основу правового развития с учетом исторической преемственности, публичных интересов, сложившейся правовой культуры и задач безопасности [30].

При таком подходе государственно-правовая идеология предстает формой организации юридического смысла. Она существует в праве, однако не исчерпывается содержанием отдельных предписаний. Ее действие прослеживается в выборе моделей поведения, которые получают правовую поддержку, в исключении поступков, несовместимых с публичной службой, в гарантиях для лиц, принявших повышенные обязанности, наконец, в требованиях к их правовой зрелости. Именно в этой плоскости правовые стимулы и ограничения становятся не периферийными, а центральными юридическими средствами реализации идеологически насыщенного правового воздействия.

Правовые ограничения: предел свободы и охранительное измерение правового порядка

Правовое ограничение нередко воспринимается как отрицательная сторона правового статуса, поскольку оно связано с уменьшением объема возможного поведения. Такая трактовка неполна. Ограничение действительно сужает определен-

ную возможность, однако его правовая природа не исчерпывается фактом сужения. В философско-правовом измерении ограничение выражает идею меры. Оно показывает, что свобода в праве не является бесформенной произвольностью: она существует в границах, позволяющих сохранять порядок, безопасность, равенство субъектов и предсказуемость юридических последствий [4].

Историческое развитие правовых ограничений свидетельствует о том, что их содержание всегда зависело от господствующего понимания публичного интереса. На различных этапах отечественной государственности ограничения могли иметь сословный, имущественный, идеологический, чрезвычайный, служебный или режимный характер. Такая изменчивость не отменяет общей функции ограничения: оно всегда выступало способом установления пределов поведения в целях охраны определенного социального порядка. Вместе с тем правовая ценность ограничения связана не с самим фактом его введения. Она определяется юридической ясностью и соразмерностью установленной меры, ее обоснованием публичной целью, а также наличием гарантий, исключающих произвольное применение [6, с. 17–49].

Для специального субъекта правовое ограничение имеет особую смысловую нагрузку. Его нельзя считать произвольным умалением правовой личности: необходимость ограничения вытекает из природы публично-служебного статуса. Военная служба предъявляет повышенные требования к дисциплине, строится на иерархии управления, предполагает готовность действовать в условиях риска, уменьшение автономии поведения и особый режим ответственности. Однако ни один из этих признаков сам по себе не означает отрицания правовой свободы. Свобода здесь приобретает особую юридическую форму, обусловленную служебным самообязыванием.

В этом проявляется охранительно-дисциплинарное содержание государственно-правовой идеологии. Через ограничения государство фиксирует ценностную иерархию, в которой личная автономия специального субъекта соотносится с задачами национальной безопасности, общественного порядка, законности, защиты прав граждан и устойчивости военной организации. Ограничение тем самым выступает не только средством запрета, но и формой институциональной ответственности: вступая в специальный статус, субъект принимает на себя обязанность действовать в таких пределах, которые соответствуют публичному доверию к его полномочиям.

Для военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации это имеет особое значение в связи с характером задач, включающих участие в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности, противодействии терроризму и экстремизму, охране важных государственных объектов и выполнении иных функций, связанных с защитой личности, общества и государства [1; 3; 36; 37]. Служебное поведение в данной сфере не может строиться только на общей модели гражданской свободы [13; 16; 25]. Оно предполагает дополнительную правовую собранность субъекта, способность соотносить распоряжение, приказ, служебную необходимость и пределы законного вмешательства в права других лиц.

Тем самым ограничение выступает не только внешней границей поведения, но и внутренним требованием профессиональной правовой культуры. Военнослужащий, наделенный властными полномочиями, обязан воспринимать ограничение не как административное препятствие, а как форму юридической меры, позволяющей отличить законное применение полномочия от его произвольного использования. Чем шире предоставленная государством возможность принудительного воздействия, тем выше значение правового самоограничения. В этом смысле ограничение служит не только государству, но и самому субъекту, поскольку защищает его служебное поведение от выхода за пределы права.

Правовое ограничение, лишенное ценностного основания, легко превращается в бюрократическую формальность либо инструмент давления. Поэтому философско-правовой анализ требует рассматривать его в единстве трех критериев: законности, соразмерности и правовой определенности. Законность отвечает на вопрос об источнике ограничения; соразмерность – о допустимом объеме вмешательства; правовая определенность – о понятности пределов поведения для адресата. Только при наличии этих условий ограничение способно реализовывать государственно-правовую идеологию правового порядка, а не разрушать доверие к праву.

Правовые стимулы: признание ценного поведения и обеспечительное измерение службы

Если ограничение выражает юридическую меру допустимого поведения, то правовой стимул раскрывает позитивную сторону правового воздействия. Посредством стимула государство обозначает поведе-

ние, которое признается не просто допустимым, а социально ценным и потому заслуживающим поддержки, поощрения либо дополнительного обеспечения. В этом состоит его отличие от выгоды как таковой. Последняя может быть частной, случайной или обусловленной экономическим интересом. Правовой стимул, напротив, имеет нормативную форму и свидетельствует о значимости определенного поведения для публичного порядка.

Содержание правовых стимулов не ограничивается выплатами, льготами и наградами. К ним относятся также поощрительные, обеспечительные, компенсационные, статусные и морально-психологические средства. Используя их, государство поддерживает заинтересованность субъекта в инициативном, добросовестном и правомерном поведении [5]. В отличие от принуждения стимул действует через создание благоприятных юридических условий. Вместе с тем подобный режим имеет определенную цель: ориентировать адресата не на получение преимущества как такового, а на устойчивое исполнение правомерной социальной роли [6, с. 50–68].

Применительно к военнослужащим система стимулов приобретает специфическую структуру. Военная служба сопровождается повышенными обязанностями и ограничениями, риском, дисциплинарной подчиненностью, а также высокими требованиями к самоорганизации. Вследствие этого стимулы выполняют здесь две взаимосвязанные функции – поощрительную и обеспечительную. Они компенсируют нагрузку, обусловленную специальным статусом, содействуют социальной устойчивости самого военнослужащего и его семьи, создают возможности для профессионального развития. Одновременно поддерживаются мотивация к добросовестному исполнению воинского долга и осознание общественной значимости службы.

Благодаря стимулам государственно-правовая идеология получает мотивационное содержание, в котором выражено признание ценности правомерного поведения. Право предъявляет требования, но вместе с тем подтверждает публичную ценность их добросовестного исполнения; устанавливая ограничения, оно одновременно обеспечивает субъекта. Для военной службы такое сочетание имеет особое значение. Дисциплина, поддерживаемая только опасением ответственности, способна обеспечить внешнее подчинение, однако не формирует устойчивой правовой убежденности. Более прочная служебная мотивация возникает тогда, когда осознание долга сопровождается справедливым признанием и чувством социальной защищенности.

При этом стимул не может подменять собой обязанность. Его философско-правовое назначение не связано ни с приобретением лояльности, ни с обменом служебной самоотдачи на материальные преимущества. Стимулирование призвано укреплять внутреннюю правомерную мотивацию. Если же оно вытесняет такую мотивацию, его юридическое содержание утрачивается: соответствующие меры превращаются либо в административный способ удержания кадров, либо в распределение благ, не соотнесенное с ценностью служения. Отсюда вытекают требования к правовому стимулу. Подобно ограничению, он должен иметь определенного адресата, быть обоснован публичной целью, соразмерен ей и включен в общую систему правового статуса.

При формировании военной культуры и патриотизма стимулы действуют не только через личную заинтересованность военнослужащего. Не менее важна их символическая сторона. Награда или поощрение, досрочное присвоение звания, статусная поддержка, социальная гарантия и иные формы правового благоприятствования закрепляют представления о ценности служения, чести и долга, воинском товариществе, ответственности перед обществом и государством. Поэтому правовые стимулы являются одновременно юридическими и культурными средствами: они закрепляют в праве то, что должно быть признано значимым в профессиональной среде.

С этой точки зрения правовые стимулы раскрывают обеспечительное измерение государственно-правовой идеологии. Государство, устанавливая повышенные требования к специальному субъекту, не может ограничиться только императивным предписанием. Оно должно обеспечить условия, при которых принятие специального статуса не разрушает социальную защищенность лица, не обесценивает служебный риск и не оставляет без признания добросовестное исполнение долга. В противном случае идеологема служения утрачивает правовую убедительность, поскольку требование ответственности оказывается не уравновешенным требованием справедливой поддержки.

Диалектика стимулов и ограничений как механизм реализации государственно-правовой идеологии

Наиболее продуктивным является не раздельное, а диалектическое рассмотрение стимулов и ограничений. Их проти-

вопоставление возможно лишь на поверхностном уровне: стимул расширяет благоприятные возможности, ограничение сужает пространство поведения. В реальном механизме правового воздействия они взаимно предполагают друг друга. Стимул без ограничения теряет нормативную направленность и может превратиться в раздачу преимуществ, не связанную с правомерной целью. Ограничение без стимула превращает право в преимущественно сдерживающий механизм, снижая его способность к формированию внутренней правовой мотивации.

Диалектика правовых стимулов и ограничений выражает более общий закон правовой формы: право действует не только через отрицание неправомерного, но и через утверждение ценного [7]. Ограничение отвечает за охрану пределов, стимул – за поддержание направления. Ограничение задает минимально необходимую дисциплинарную рамку, стимул формирует положительную ориентацию субъекта внутри этой рамки. Ограничение охраняет правопорядок от разрушения, стимул обеспечивает его воспроизводство через заинтересованное и сознательное поведение.

Для специального субъекта права такая взаимосвязь имеет не отвлеченное, а практическое значение. Военнослужащий войск национальной гвардии Российской Федерации находится в системе, где недостаточность ограничений может привести к произвольному использованию полномочий, снижению дисциплины и угрозе правам граждан. Но и недостаточность стимулов способна породить формализм, снижение профессиональной мотивации, восприятие службы исключительно как системы обязанностей и запретов. Поэтому устойчивость военно-служебных отношений обеспечивается не максимизацией одного из средств, а их соразмерным сочетанием.

Именно в этом сочетании проявляется социальная ценность права. Ценность права состоит не только в способности запрещать опасное и наказывать виновное. Она выражается также в умении создавать условия, при которых субъект принимает правомерное поведение как разумное, справедливое и внутренне оправданное [27; 33; 34; 35]. Если право чрезмерно ограничивает, оно рискует утратить доверие адресата и превратиться в систему внешнего давления. Если право чрезмерно стимулирует без ясных пределов, оно утрачивает дисциплинирующую и охранительную функцию. Баланс этих начал является не компромиссом слабости, а условием зрелости правового регулирования [6, с. 69–91].

Государственно-правовая идеология в этой связи выступает не отвлеченной надстройкой, а принципом согласования. Она задает смысловую рамку, в пределах которой можно оценить, какие ограничения являются необходимыми, какие стимулы являются справедливыми, какие формы поведения заслуживают поддержки, а какие должны быть исключены из профессиональной практики. Без такого ценностного горизонта правовое регулирование распадается на отдельные меры: запреты, льготы, обязанности, гарантии, санкции. В рамках же идеологически заданной системы эти средства взаимно согласуются и в совокупности формируют модель должного служебного поведения.

Диалектическая связь стимулов и ограничений позволяет иначе поставить вопрос о соотношении свободы и дисциплины. Для специального субъекта публично-служебных отношений свобода сохраняется, хотя и осуществляется в юридически организованных пределах. Дисциплина, в свою очередь, не призвана подавлять личность; ее назначение состоит в том, чтобы соотнести поведение с требованиями закона и публичными целями службы. Стимулы обращены к субъектной стороне служения, ограничения закрепляют его нормативную меру. В их единстве военнослужащий предстает не пассивным объектом принуждения и не получателем привилегий, а правовой личностью, чьи действия определяются воинским долгом, законностью и ответственностью.

Следовательно, реализация государственно-правовой идеологии через стимулы и ограничения предполагает их ценностную соотнесенность, а не механическое применение. Основанием ограничения служат охраняемые им ценности, основанием стимула – ценности поддерживаемого поведения. Нарушение этой связи деформирует восприятие обоих средств: ограничение оценивается как проявление произвола, а стимул – как неоправданная привилегия. При сохранении ценностной связи право выходит за пределы формального предписания и контроля: оно способно убеждать и участвовать в формировании профессионального правосознания.

Специальный субъект права в системе ценностно ориентированного регулирования

Обращение к категории специального субъекта права показывает адресный характер государственно-правовой идеологии. Право не ориентируется на абстрактного человека вне его социальных связей.

Оно формирует различающиеся статусы с учетом выполняемой роли, объема полномочий, степени риска и ответственности, а также публичной значимости соответствующих функций. Поэтому специальный субъект отличается не просто дополнительными обязанностями и ограничениями. Его правовое положение выражает особую институциональную связь с государством, вследствие которой индивидуальное поведение приобретает публичное значение.

Статус военнослужащего войск национальной гвардии Российской Федерации сочетает общегражданское правовое положение с публично-служебной функцией; именно это сочетание характеризует его как специального субъекта. Он остается носителем правовой личности, но одновременно принимает на себя дополнительные требования, связанные с военной службой. Он обладает определенными правами и гарантиями, но его поведение подчинено особой дисциплинарной логике. Он может реализовывать властные полномочия, но эти полномочия ограничены законом, назначением службы и требованием уважения к охраняемым правом ценностям [6, с. 92–148].

Идеологически ориентированное правовое регулирование специального субъекта проявляется в том, что государство задает не только перечень юридически допустимых действий, но и профессиональный образ должного поведения. Этот образ включает дисциплинированность, правовую грамотность, способность действовать в нестандартных условиях, уважение к законности, готовность к служебному риску, осознание публичного смысла воинского долга и принятие ответственности за последствия решений. Данный образ не существует в отвлеченной моралистической форме; он юридически материализуется через систему обязанностей, ограничений, гарантий, поощрений и ответственности.

В этом смысле правовые стимулы и ограничения являются статусной матрицей специального субъекта. Ограничения показывают, какие элементы частной автономии должны быть поставлены в пределы служебного назначения. Стимулы показывают, какие качества, действия и результаты государство признает ценными для службы и поддерживает юридическими средствами. Во взаимосвязи этих средств складывается правовой статус военнослужащего: служебная обязанность соотносится с социальной гарантией, дисциплина – с признанием, полномочие – с ответственностью, публичное доверие – с правовой культурой.

Специальный субъект, таким образом, служит особенно наглядным адресатом государственно-правовой идеологии. В структуре общего статуса ее содержание выражено менее концентрированно – посредством универсальных прав, обязанностей и запретов. Иное наблюдается в специальном статусе. Здесь ценностное содержание права обнаруживается отчетливее: ограничения нуждаются в более строгом обосновании, стимулы – в непосредственной связи с публичной функцией, а гарантии – в учете конкретных рисков и нагрузки, обусловленных службой.

Рассмотрение статуса с этих позиций не позволяет свести его к административному перечню льгот и запретов. Специальный правовой статус юридически оформляет доверие государства к субъекту, однако само доверие имеет две стороны. Осуществление общественно значимых полномочий поручается военнослужащему; в то же время их реализация ограничивается и контролируется, поскольку неправомерное использование власти создает угрозу правам граждан и публичной безопасности. Поэтому стимулы и ограничения выступают в данном случае не разрозненными элементами статуса, а правовыми средствами поддержания и обеспечения такого доверия.

В отношении специального субъекта государственно-правовая идеология получает тем самым конкретное практическое выражение. Ценности служения, законности и безопасности не только провозглашаются, но и воплощаются в распределении юридических последствий. Добросовестное поведение поддерживается; риск произвола ограничивается; социальная защищенность закрепляется нормативно; в профессиональной среде формируются правокультурные ожидания, обеспечивающие устойчивость служебной организации. В отличие от абстрактной системы взглядов такая идеология непосредственно участвует в конструировании правового статуса и определяет практику его осуществления.

Профессиональная правовая культура как условие внутренней легитимации стимулов и ограничений

Даже самая стройная система правовых стимулов и ограничений не достигает полной эффективности, если остается только внешним набором предписаний. Право действует через сознание и волю субъекта. Поэтому решающим посредником между государственно-правовой идеологией и реальным служебным поведением выступает профессиональная правовая культура. Она позволяет субъекту

не просто знать норму, но понимать ее смысл, соотносить ее с конкретной ситуацией, принимать ее как обязательную и действовать в соответствии с ней даже в условиях сложности, риска или неопределенности [9].

Профессиональная правовая культура военнослужащего включает несколько взаимосвязанных элементов: специальные юридические знания; уважение к закону; способность оценивать пределы полномочий; понимание служебной дисциплины не только как требования подчинения, но и как формы правового порядка; готовность к личной ответственности; культуру профессионального общения при реализации властных полномочий; устойчивую ориентацию на правомерное поведение [32; 46]. В такой структуре знание права является необходимым, но недостаточным элементом. Оно должно быть соединено с ценностной установкой на законность и практической способностью действовать в правовых пределах [6, с. 149–166].

Через профессиональную правовую культуру ограничения получают внутреннюю легитимацию. Благодаря этому установленные пределы воспринимаются субъектом не как произвольное уменьшение возможностей, а как обусловленная службой мера поведения. Такое понимание особенно значимо применительно к ограничениям публичной активности, предпринимательской деятельности и политического участия, запретам на разглашение информации, требованиям служебного режима и недопустимости выхода за пределы полномочий. С внешней позиции они могут оцениваться как сокращение индивидуальной свободы. В профессиональном правосознании, если оно сформировано надлежащим образом, те же ограничения выступают условием сохранения доверия к специальному статусу [45].

Восприятие стимулов также опосредуется профессиональной правовой культурой. При недостаточном уровне ее развития выплаты, знаки отличия, социальные льготы и карьерные преимущества воспринимаются как формально положенные блага, не зависящие от качества службы. Развитая правовая культура придает стимулу иной смысл: он выступает признанием ценного поведения и одновременно напоминает субъекту о повышенной ответственности. Поэтому награда, гарантия либо льгота не исчерпывается удовлетворением индивидуального интереса, а способствует включению военнослужащего в ценностную систему службы.

Для военнослужащего принципиально важна способность соотносить приказ с законом и личной ответственностью. Единоначалие и подчиненность образуют организационную основу военной службы, однако в правовом государстве дисциплина не может быть противопоставлена законности. Лишенная правового основания дисциплина вырождается в механическое исполнение. Законность, не подкрепленная дисциплиной, не обеспечивает необходимой устойчивости военной организации. Соединение этих начал является задачей профессиональной правовой культуры. Она формирует зрелого субъекта, который исполняет требования осмысленно, проявляет инициативу, не допуская произвола, и действует решительно, оставаясь в установленных правом пределах.

Эффективность стимулов и ограничений, следовательно, обусловлена как качеством нормативного закрепления, так и состоянием профессиональной среды. Одинаковая юридическая мера по-разному воздействует на личный состав в зависимости от уровня его правовой культуры. В развитой правовой среде ограничение воспринимается как оправданный предел, а стимул – как справедливое признание. В деформированной среде ограничение вызывает сопротивление или формальное соблюдение, а стимул обесценивается либо воспринимается как административная привилегия. Поэтому совершенствование правового регулирования должно сопровождаться правовым воспитанием, правовой подготовкой и развитием этики публично-служебного поведения [11; 38; 39; 41].

Профессиональная правовая культура является также условием обратного воздействия права на сознание субъекта. Стимулы и ограничения не только зависят от культуры, но и сами способны ее формировать. Справедливое поощрение укрепляет доверие к праву; правомерное и соразмерное ограничение поддерживает уважение к законности; произвольное ограничение или необоснованный стимул, напротив, подрывают правовую культуру. Поэтому принцип адаптивного баланса стимулов и ограничений должен учитывать не только формальную цель регулирования, но и его долгосрочное влияние на профессиональное правосознание.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что правовые стимулы и правовые ограничения специального субъекта права обладают не только регулятивным, но и философско-правовым значением. Они являются юридическими средствами, посредством которых государственно-правовая идеология переводится из уровня

ценностей, принципов и представлений о должном в уровень конкретного правового статуса и практического поведения. Через ограничения право очерчивает пределы служебной свободы, защищает публичный порядок, дисциплину, безопасность и законность. Через стимулы оно признает и поддерживает добросовестное исполнение долга, профессиональную активность, социальную значимость службы и устойчивость мотивации.

Государственно-правовая идеология в данном контексте не должна пониматься как внешняя по отношению к праву декларация. Она проявляется в самой структуре правового воздействия: в том, какие формы поведения ограничиваются, какие поддерживаются, какие ценности охраняются, какие качества специального субъекта признаются необходимыми, какие гарантии предоставляются лицу, принимающему на себя повышенные обязанности. Поэтому исследование стимулов и ограничений позволяет увидеть государственно-правовую идеологию не как абстрактную категорию, а как действующий юридический механизм.

Для военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации данная проблематика имеет особую значимость. Их специальный правовой статус находится на пересечении личной правосубъектности, воинского долга, публично-служебной функции, дисциплинарной подчиненности и социальной защищенности. В этом статусе ограничения не могут рассматриваться как случайное стеснение, а стимулы – как факультативное преимущество. Они образуют взаимосвязанную систему, обеспечивающую правомерность служебного поведения, устойчивость профессиональной мотивации и соответствие деятельности публичным целям.

Наиболее продуктивной является модель сбалансированного правового воздействия [10]. Чрезмерное преобладание ограничений способно ослабить доверие к праву и сформировать внешне-дисциплинарный, но внутренне неустойчивый тип поведения. Избыточная ориентация на стимулы при недостатке четких пределов снижает нормативную определенность и дисциплинарную устойчивость службы. Поэтому ценность права раскрывается именно в диалектическом сочетании стимулирующих и ограничительных средств, при котором право одновременно охраняет, направляет, поддерживает и воспитывает.

Условием реальной эффективности такой модели является профессиональная правовая культура. Она обеспечивает переход от внешнего выполнения предписаний к внутреннему принятию правовых требований, от формального восприятия стимулов и ограничений – к пониманию их ценностного смысла. В конечном счете государственно-правовая идеология реализуется не только в тексте нормы, но и в правомерном поведении субъекта, способного осознавать законность как внутреннее условие служения. Именно поэтому дальнейшая разработка проблематики правовых стимулов и ограничений должна осуществляться в единстве нормативного, аксиологического и правокультурного измерений.

Список источников

1. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (часть I). Ст. 4159.

2. Абезгильдин Р. Р. Сетевые структуры, организованная преступность, синкретизм современной правовой культуры и государственный суверенитет / Р. Р. Абезгильдин, О. А. Клименко, А. К. Мирзоев // Правовое поле современной экономики. 2016. № 2. С. 182–195.

3. Аврамов С. О. Правовые ограничения, установленные законодательством в отношении военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2026. № 1 (70). С. 7–18. DOI 10.61260/2074–1626–2026–1-7–18.

4. Аврамов С. О. Правовые ограничения: общетеоретическая характеристика и механизмы реализации // Теория государства и права. 2025. № 2–1 (44). С. 14–29. DOI 10.47905/MATGIP_2025_2–1_44_14.

5. Аврамов С. О. Правовые стимулы в системе социального управления: историко-правовой аспект // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2025. № 1 (30). С. 23–32.

6. Аврамов С. О. Правовые стимулы и ограничения специального субъекта права (на примере военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации):

теоретико-правовой аспект: дис. … канд. юрид. наук: 5.1.1 / Аврамов Степан Олегович. СПб., 2026. 212 с.

7. Аврамов С. О. Правовые стимулы и ограничения: диалектическое единство в механизме правового регулирования // Теория государства и права. 2025. № 4–1 (47). С. 20–25. DOI 10.47905/MATGIP_2025_4–1_47_14.

8. Аврамов С. О. Правовые стимулы и правовое стимулирование: теоретико-правовые аспекты и практика применения // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 2 (31). С. 12–19.

9. Аврамов С. О. Профессиональная правовая культура как детерминанта эффективности правовых стимулов и ограничений / С. О. Аврамов, Д. А. Конышев // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 1 (34). С. 297–306.

10. Аврамов С. О. Ценность права: баланс стимулов и ограничений // Закон и право. 2025. № 3. С. 17–25. DOI 10.24412/2073–3313–2025–3-17–25.

11. Баранов П. П. Профессиональное правосознание работников органов внутренних дел (теоретические проблемы). М. : ВЮЗШ МВД России, 1991. 127 с.

12. Богатырёв Д. К. Ценности христианского гуманизма и государственно-правовая идеология / Д. К. Богатырёв, В. П. Сальников // Мир политики и социологии. 2019. № 11–12. С. 36–43.

13. Виноградова Е. В. Право, свобода, закон. Контрфорс / Е. В. Виноградова, С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Образование и право. 2021. № 9. С. 30–35.

14. Галиев Ф. Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: дисс. … д-ра юрид. наук. М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. 517 с.

15. Горбань В. С. Формирование целостной картины российской истории: синтез археологии, историографии и гуманитарной мысли / В. С. Горбань, С. В. Маликов // Государство и право. 2025. № 12. С. 203–206.

16. Добро, доверие, справедливость, свобода в философско-правовой мысли: античность и современность: монография / Е. В. Виноградова, А. О. Воробьев, И. Н. Грибов [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. П. Сальникова. 2-е изд, испр. и доп. М. : ИНФРА-М, 2025. 459 с. (Научная мысль). DOI 10.12737/2151906.

17. Захарцев С. И. Компрехендная теория познания права и контекст новых международно-правовых реалий / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Теория государства и права. 2025. № 2–1. С. 64–69. DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2–1_44_64

18. Захарцев С. И. Компрехендная теория права как путь познания его сущности / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Научно-исследовательские публикации. 2021. № 1. С. 5–45.

19. Захарцев С. И. Поправки в российское законодательство и компрехендная теория права как основа суверенной философии права / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Поправки к Конституции Российской Федерации и перспективы развития регионального законодательства: сборник материалов Всероссийской научно практической конференции (г. Уфа, 24 марта 2021 г.) / Отв. ред. Н. В. Ямалетдинова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. С. 172–187. В. сб. 310 с.

20. Захарцев С. И. Право в XXII веке: монография / С. И. Захарцев, В. П. Сальников, В. И. Гасумянов. М. : Юрлитинформ, 2024. 264 с.

21. Захарцев С. И. Продолжаем знакомство с компрехендной теорией права / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Мир политики и социологии. 2019. № 10. С. 173–183.

22. Захарцев С. И. Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 2. С. 183–194.

23. Захарцев С. И. Сущность права в фокусе компрехендной теории его познания / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Сущность права: сборник статей к 100-летию со дня рождения профессора М. И. Байтина / под ред. В. М. Баранова, С. А. Белоусова, И. Н. Сенякина. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2022. С. 105–118. В кн. 312 с.

24. Зорина Н. В. Идея свободы в суверенной идеологии права: аксиологический и нравственно-правовой аспекты / Н. В. Зорина, О. А. Клименко, А. К. Мирзоев [и др.] // Мир политики и социологии. 2018. № 11. С. 188–193.

25. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / под ред. д-ра юрид. наук С. И. Захарцева; И. А. Анапских, И. Н. Грибов, С. И. Захарцев [и др.]. М. : Юрлитинформ, 2020. 288 с.

26. Клименко О. А. Политическая концепция абсолютного суверенитета Марсилия Падуанского и Жана Бодена в контексте синкретизма современной правовой культуры / О. А. Клименко, А. К. Мирзоев, И. Л. Третьяков // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 3. С. 22–28.

27. Кожевников С. Н. Правомерное поведение и правонарушение: сущность и содержание. Н. Новгород: Интелсервис, 2001. 72 с.

28. Комиссаров М. А. Исторические политико-правовые и философско-правовые подходы к трактовке понятия государственно-правовой идеологии // Государственная служба и кадры. 2026. № 1. С. 43–52. DOI: 10.24412/2312–0444–2026–1-43–52.

29. Комиссаров М. А. Историко-теоретические и методологические предпосылки государственно-правовой идеологии // Закон и право. 2026. № 2. С. 23–30. DOI: 10.24412/2073–3313–2026–02–23–30.

30. Комиссаров М. А. Сущность и закономерности формирования суверенной государственно-правовой идеологии // Теория государства и права. 2025. № 4–1 (47). С. 175–184. DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4–1_47_175.

31. Комиссаров М. А. Сущность и предназначение государственно-правовой идеологии // Теория государства и права. 2025. № 2–1 (44). С. 135–143. DOI 10.47905/MATJIP_2025_2–1_44_135

32. Крижановская Г. Н. Эволюция обеспечения формирования профессиональной правовой культуры в генезисе правоохранительной системы государства (на примере военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации) / Г. Н. Крижановская, М. В. Яковлев, Д. А. Никонов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 5 (148). С. 46–55.

33. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М. : *Наука, 1982*. 287 с.

34. Лазарев В. В. Правомерное поведение как объект юридического исследования // Сов. государство и право. 1976. № 10. С. 29–37.

35. Оскамытный В. В. Правомерное поведение личности. Киев: Наукова думка, 1985. 175 с.

36. Сальников В. П. Войска национальной гвардии и возлагаемые на них задачи: участие в борьбе с терроризмом и экстремизмом / В. П. Сальников, Е. Н. Кондрат, О. С. Борисов // Правовое поле современной экономики. 2016. № 8. С. 133–142.

37. Сальников В. П. Комментарий к Федеральному закону от 03 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (постатейный) / В. П. Сальников, О. С. Борисов, Е. Н. Кондрат. М. : Юстицинформ, 2016. 312 с.

38. Сальников В. П. Правовая культура сотрудников милиции. Л. : ВПУ МВД СССР, 1983. 72 с.

39. Сальников В. П. Правовая культура сотрудников органов внутренних дел: учебное пособие. Л. : ВПУ МВД СССР, 1988. 48 с.

40. Сальников В. П. Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права / В. П. Сальников, Д. В. Масленников, С. И. Захарцев [и др.] // Мир политики и социологии. 2019. № 9. С. 170–178.

41. Сальников В. П. Уважение к праву в деятельности органов внутренних дел. Л.: ВПУ МВД СССР, 1989. 86 [2] с.

42. Сальников В. П. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) / В. П. Сальников, Д. В. Масленников, С. И. Захарцев [и др.] // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 11. С. 149–162.

43. Сальников М. В. Доктринальные подходы к международному сотрудничеству в борьбе с преступностью: понимание права и синкретизм современной правовой культуры / М. В. Сальников, С. П. Сальников, И. Л. Третьяков // Мир политики и социологии. 2016. № 3. С. 125–131.

44. Хабибулин А. Г. Государственная идеология как основа суверенности современной России // Теория государства и права. 2024. № 3–2 (40). С. 200–204. DOI 10.25839/MATGIP_2024_3–2_40_200.

45. Яковлев М. В. Правовая культура как детерминанта эффективного применения правовых стимулов и ограничений / М. В. Яковлев, Д. А. Никонов, С. О. Аврамов // Евразийский юридический журнал. 2024. № 2(189). С. 100–105.

46. Яковлев М. В. Профессиональная правовая культура: теоретико-правовое исследование (на примере военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Яковлев Михаил Валерьевич. Саратов, 2021. 27 с.

References

1. Federal'nyy zakon ot 3 iyulya 2016 g. № 226-FZ «O voyskakh natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii» // Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. 2016. № 27 (chast' I). St. 4159. (In Russ).

2. Abezgil'din R. R. Network structures, organized crime, syncretism of modern legal culture and state sovereignty / R. R. Abezgil'din, O. A. Klimenko, A. K. Mirzoyev // Pravovoye pole sovremennoy ekonomiki. 2016;2: 182–195. (In Russ).

3. Avramov S. O. Legal restrictions established by legislation in relation to military personnel of the National Guard of the Russian Federation // Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychaynyye situatsii. 2026;1(70): 7–18. DOI 10.61260/2074–1626–2026–1-7–18. (In Russ).

4. Avramov S. O. Legal restrictions: general theoretical characteristics and implementation mechanisms // Teoriya gosudarstva i prava. 2025;2–1(44): 14–29. DOI 10.47905/MATGIP_2025_2–1_44_14. (In Russ).

5. Avramov S. O. Legal Incentives in the System of Social Management: Historical and Legal Aspect // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voyennogo instituta voysk natsional'noy gvardii. 2025;1(30): 23–32. (In Russ).

6. Avramov S. O. Pravovyye stimuly i ogranicheniya spetsial'nogo sub"yekta prava (na primere voyennosluzhashchikh voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Fede-ratsii): teoretiko-pravovoy aspekt: Dis. … kand. yurid. nauk: 5.1.1 / Avramov Stepan Olegovich. SPb., 2026. 212 s. (In Russ).

7. Avramov S. O. Legal Incentives and Restrictions: Dialectical Unity in the Mechanism of Legal Regulation // Teoriya gosudarstva i prava. 2025;4–1(47): 20–25. DOI 10.47905/MATGIP_2025_4–1_47_14. (In Russ).

8. Avramov S. O. Legal Incentives and Legal Incentives: Theoretical and Legal Aspects and Practical Application // Vestnik Voyennoy akademii voysk natsional'noy gvardii. 2025;2(31): 12–19. (In Russ).

9. Avramov S. O. Professional Legal Culture as a Determinant of the Effectiveness of Legal Incentives and Restrictions / S. O. Avramov, D. A. Konyshev // Vestnik Voyennoy akademii voysk natsional'noy gvardii. 2026;1(34): 297–306. (In Russ).

10. Avramov S. O. The Value of Law: The Balance of Incentives and Constraints // Zakon i pravo. 2025;3: 17–25. DOI 10.24412/2073–3313–2025–3-17–25. (In Russ).

11. Baranov P. P. Professional'noye pravosoznaniye rabotnikov organov vnutrennikh del (teoreticheskiye problemy). M.: VYUZSH MVD Rossii, 1991. 127 s. (In Russ).

12. Bogatyrov D. K. Values of Christian Humanism and State-Legal Ideology / D. K. Bogatyrov, V. P. Sal'nikov // Mir politiki i sotsiologii. 2019;11–12: 36–43. (In Russ).

13. Vinogradova Ye. V. Law, Freedom, Law. Buttress / Ye. V. Vinogradova, S. I. Zakhartsev, V. P. Sal'nikov // Obrazovaniye i pravo. 2021;9: 30–35. (In Russ).

14. Galiyev F. Kh. Sinkretizm pravovoy kul'tury sovremennoy Rossii: teoreti-ko-metodologicheskoye i istoriko-prikladnoye issledovaniye: Dis. … dokt. yurid. nauk. M.: Rossiyskaya akademiya narodnogo khozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii, 2014. 517 s. (In Russ).

15. Gorban' V. S. Formation of a Coherent Picture of Russian History: Synthesis of Archeology, Historiography and Humanitarian Thought / V. S. Gorban', S. V. Malikov // Gosudarstvo i pravo. 2025;12: 203–206. (In Russ).

16. Dobro, doveriye, spravedlivost', svoboda v filosofsko-pravovoy mysli: antichnost' i sovremennost': Monografiya / Ye. V. Vinogradova, A. O. Vorob'yev, I. N. Gribov [i dr.]; pod obshch. red. d-ra yurid. nauk, prof. V. P. Sal'nikova. 2-ye izd, ispr. i dop. M.: INFRA-M, 2025. 459 s. (Nauchnaya mysl'). DOI 10.12737/2151906. (In Russ).

17. Zakhartsev S. I. Comprehend Theory of Legal Knowledge and the Context of New International Legal Realities / S. I. Zakhartsev, V. P. Sal'nikov // Teoriya gosudarstva i prava. 2025;2–1: 64–69. DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2–1_44_64. (In Russ).

18. Zakhartsev S. I. Comprehend Theory of Law as a Way of Understanding Its Essence / S. I. Zakhartsev, V. P. Sal'nikov // Nauchno-issledovatel'skiye publikatsii. 2021;1: 5–45. (In Russ).

19. Zakhartsev S. I. Popravki v rossiyskoye zakonodatel'stvo i komprekhendnaya teoriya prava kak osnova suverennoy filosofii prava / S. I. Zakhartsev, V. P. Sal'nikov // Popravki k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii i perspektivy razvitiya regional'nogo zakonodatel'stva: Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno prakticheskoy konferentsii (g. Ufa, 24 marta 2021 g.) / Otv. red. N. V. Yamaletdinova. Ufa: RITS BashGU, 2021: 172–187. V. sb. 310 s. (In Russ).

20. Zakhartsev S. I. Pravo v XXII veke: monografiya / S. I. Zakhartsev, V. P. Sal'nikov, V. I. Gasumyanov. M.: Yurlitinform, 2024. 264 s. (In Russ).

21. Zakhartsev S. I. Continuing our acquaintance with the comprehend theory of law / S. I. Zakhartsev, V. P. Sal'nikov // Mir politiki i sotsiologii. 2019;10: 173–183. (In Russ).

22. Zakhartsev S. I. Reflections on the Foundations of Russian Sovereign Philosophical and Legal Ideology / S. I. Zakhartsev, V. P. Sal'nikov // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2020;2: 183–194. (In Russ).

23. Zakhartsev S. I. Sushchnost' prava v fokuse komprekhendnoy teorii yego poznaniya / S. I. Zakhartsev, V. P. Sal'nikov // Sushchnost' prava: Sbornik statey k 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora M. I. Baytina / Pod red. V. M. Baranova, S. A. Belousova, I. N. Senyakina. Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2022. S. 105–118. V kn. 312 s. (In Russ).

24. Zorina N. V. The Idea of Freedom in the Sovereign Ideology of Law: Axiological and Moral-Legal Aspects / N. V. Zorina, O. A. Klimenko, A. K. Mirzoyev [i dr.] // Mir politiki i sotsiologii. 2018;11: 188–193. (In Russ).

25. Ideya svobody. Pravo. Moral' (klassicheskaya i postklassicheskaya filosofiya prava): Monografiya / Pod red. dokt. yurid. nauk S. I. Zakhartseva; I. A. Ananskikh, I. N. Gribov, S. I. Zakhartsev [i dr.]. M.: Yurlitinform, 2020. 288 s. (In Russ).

26. Klimenko O. A. . The Political Concept of Absolute Sovereignty of Marsilius of Padua and Jean Bodin in the Context of the Syncretism of Modern Legal Culture / O. A. Klimenko, A. K. Mirzoyev, I. L. Tret'yakov // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2016;3: 22–28. (In Russ).

27. Kozhevnikov S. N. Pravomernoye povedeniye i pravonarusheniye: sushchnost' i soderzhaniye. N. Novgorod: Intelservis, 2001. 72 s. (In Russ).

28. Komissarov M. A Historical Political-Legal and Philosophical-Legal Approaches to the Interpretation of the Concept of State-Legal Ideology // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2026;1: 43–52. DOI: 10.24412/2312–0444–2026–1-43–52. (In Russ).

29. Komissarov M. A. Historical, Theoretical and Methodological Prerequisites of State-Legal Ideology // Zakon i pravo. 2026;02: 23–30. DOI: 10.24412/2073–3313–2026–02–23–30. (In Russ).

30. Komissarov M. A. The Essence and Patterns of Formation of Sovereign State-Legal Ideology // Teoriya gosudarstva i prava. 2025;4–1(47): 175–184. DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4–1_47_175. (In Russ).

31. Komissarov M. A. The Essence and Purpose of State-Legal Ideology // Teoriya gosudarstva i prava. 2025;2–1(44): 135–143. DOI 10.47905/MATJIP_2025_2–1_44_135 (In Russ).

32. Krizhanovskaya G. N. Evolution of Ensuring the Formation of a Professional Legal Culture in the Genesis of the Law Enforcement System of the State (using the example of military personnel of the National Guard of the Russian Federation) / G. N. Krizhanovskaya, M. V. Yakovlev, D. A. Nikonov // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. 2022;5 (148): 46–55. (In Russ).

33. Kudryavtsev V. N. Pravovoye povedeniye: norma i patologiya. M.: Nauka, 1982. 287 s. (In Russ).

34. Lazarev V. V. Lawful Behavior as an Object of Legal Research // Sov. gosudarstvo i pravo. 1976;10: 29–37. (In Russ).

35. Oskamytnyy V. V. Pravomernoye povedeniye lichnosti. Kiyev: Naukova dumka, 1985. 175 s. (In Russ).

36. Sal'nikov V. P. National Guard Troops and Their Tasks: Participation in the Fight against Terrorism and Extremism / V. P. Sal'nikov, Ye. N. Kondrat, O. S. Borisov // Pravovoye pole sovremennoy ekonomiki. 2016;8: 133–142. (In Russ).

37. Sal'nikov V. P. Kommentariy k Federal'nomu zakonu ot 03.07.2016 № 226-FZ «O voyskakh natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii» (postateynyy) / V. P. Sal'nikov, O. S. Borisov, Ye. N. Kondrat. M.: Yustitsinform, 2016. 312 s. (In Russ).

38. Sal'nikov V. P. Pravovaya kul'tura sotrudnikov militsii. L.: VPU MVD SSSR, 1983. 72 c. (In Russ).

39. Sal'nikov V. P. Pravovaya kul'tura sotrudnikov organov vnutrennikh del: Uchebnoye posobiye. L.: VPU MVD SSSR, 1988. 48 s. (In Russ).

40. Sal'nikov V. P. The Principle of Sovereignty of State-Legal Ideology and Philosophy of Law / V. P. Sal'nikov, D. V. Maslennikov, S. I. Zakhartsev [i dr.] // Mir politiki i sotsiologii. 2019;9: 170–178. (In Russ).

41. Sal'nikov V. P. Uvazheniye k pravu v deyatel'nosti organov vnutrennikh del. L.: VPU MVD SSSR, 1989. 86 [2] s. (In Russ).

42. Sal'nikov V. P. The Value Basis of Sovereignty (On the Issue of Sovereign State-Legal Ideology) / V. P. Sal'nikov, D. V. Maslennikov, S. I. Zakhartsev [i dr.] // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2019;11: 149–162. (In Russ).

43. Sal'nikov M. V. Doctrinal Approaches to International Cooperation in the Fight against Crime: Understanding the Law and the Syncretism of Modern Legal Culture / M. V. Sal'nikov, S. P. Sal'nikov, I. L. Tret'yakov // Mir politiki i sotsiologii. 2016;3: 125–131. (In Russ).

44. Khabibulin A. G. State Ideology as the Basis of Sovereignty of Modern Russia // Teoriya gosudarstva i prava. 2024;3–2(40): 200–204. DOI 10.25839/ MATGIP_2024_3–2_40_200. (In Russ).

45. Yakovlev M. V. Legal Culture as a Determinant of the Effective Application of Legal Incentives and Restrictions / M. V. Yakovlev, D. A. Nikonov, S. O. Avramov // Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. 2024;2(189): 100–105. (In Russ).

46. Yakovlev M. V. Professional'naya pravovaya kul'tura: teoretiko-pravovoye issledovaniye (na primere voyennosluzhashchikh voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii: Avtoref. dis. … kand. yurid. nauk: 12.00.01 / Yakovlev Mikhail Valer'yevich. Saratov, 2021. 27 s. (In Russ).

Информация об авторах

С. О. Аврамов *– кандидат юридических наук*
В. П. Сальников *– доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации*
С. А. Кудина *– кандидат юридических наук*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 20.07.2026;
одобрена после рецензирования 14.09.2026;
принята к публикации 28.06.2026.

Information about the authors

S.O. Avramov *– Candidate of Sciences (Law)*
V. P. Sal'nikov *– Doctor of Sciences (Law), Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation*
S. A. Kudina *– Candidate of Sciences (Law)*

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 20.07.2026;
approved after reviewing 14.09.2026;
accepted for publication 28.06.2026.

Научная статья

УДК 34

ТРАНСФОРМАЦИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПОТРЯСЕНИЙ

Анна Сергеевна Грибанова
Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, Москва, Россия
gribanovaan@rambler.ru

Аннотация. В статье рассмотрены основные тенденции развития антикоррупционного законодательства Российской Федерации в условиях глобальных потрясений. Проанализированы ключевые этапы формирования системы противодействия коррупции: от первоначальной ориентации
на международный опыт до современного этапа провозглашения превалирования национальных интересов. Особое внимание уделено внедрению ГИС «Посейдон», ограничению публичного доступа к сведениям
о должностных лицах, а также перспективе сотрудничества в рамках БРИКС. Делается вывод о том, что антикоррупционная политика становится частью стратегии защиты государственного суверенитета, а цифровизация антикоррупционных инструментов требует соблюдения баланса государственных интересов и защиты персональных данных.

Ключевые слова: антикоррупционная политика, цифровизация государственного управления, государственный суверенитет, противодействие коррупции

Для цитирования: Грибанова А.С. Трансформация антикоррупционной политики Российской Федерации в эпоху глобальных потрясений // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 30–37. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/003.pdf.

Original article

TRANSFORMATION OF ANTI-CORRUPTION POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CURRENT ERA OF GLOBAL UPHEAVALS

Anna S. Gribanova
Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation, Moscow, Russia
gribanovaan@rambler.ru

Abstract. The article examines the main trends in the development
of anti-corruption legislation of the Russian Federation under conditions of global upheavals. It analyzes the key stages in the formation of the anti-corruption system, from the initial reliance on international experience to the current stage characterized by the proclaimed primacy of national interests. Special attention is given to the introduction of the Poseidon state information system, the restriction of public access to information about public officials, and prospects for cooperation within BRICS. The article concludes that anti-corruption policy is becoming part of the strategy for protecting state sovereignty, while the digitalization of anti-corruption instruments requires a balance between state interests and the protection of personal data.

Keywords: patriotic education, historical continuity, the Great Patriotic War, military awards, insignia, guards units

For citation: Gribanova A.S. Transformation of anti-corruption policy in the Russian Federation in the current era of global upheavals. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36): 30–37. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/003.pdf.

© Грибанова А.С., 2026

Введение

Формирование и развитие системы государственного управления всегда сопряжено с тематикой противодействия коррупции, поскольку именно от действий государственных служащих зависит не только содержание правовых предписаний, но и эффективность их реа-

лизации. В этой связи наличие у должностного лица полномочий, связанных с реализацией государственной власти, обусловливает не только ряд ограничений, но и необходимость добросовестного исполнения возложенных на него функций.

Особенно острый характер проблематика борьбы с коррупционными проявлениями приобретает в кризисные для государства и общества моменты, связанные как с давлением извне, так и с ростом внутренней напряженности. Нестабильность экономической и внешнеполитической ситуации неизбежно оказывает негативное влияние на жизнь рядовых граждан, в связи с чем особенно важно поддержание высокого уровня доверия к государственным институтам, в том числе посредством публичного объяснения причин наиболее резонансных управленческих решений.

Таким образом, в условиях глобальных потрясений распространение коррупции в государственных органах способно не просто дискредитировать принимаемые властные решения, но стать причиной социального кризиса и дестабилизации политической системы.

В этой связи особенно важно выявить тенденции развития антикоррупционной политики с учетом изменяющихся экономических, социальных и политических реалий.

Основные положения

Сложившиеся к концу XX века социально-политические условия [9], а также всплеск интереса к вопросу разработки единых основополагающих принципов борьбы с коррупцией на международной арене, стали основным толчком к формированию полноценной системы антикоррупционного законодательства Российской Федерации.

Ратификацию нашей страной в 2003 году Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции можно считать основной нормативной предпосылкой для создания системы законодательства о противодействии коррупции в России. Следует отметить, что отдельные положения указанного документа были восприняты российским законодательством еще до официальной ратификации Конвенции, в частности установление уголовной ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств (статья 285[1] УК РФ).

В условиях политической нестабильности стремление законодателя к повышению эффективности борьбы с коррупцией в короткий временной период посредством законодательного урегулирования данного процесса, по мнению автора, стало причиной чрезмерного использования при формировании российского антикоррупционного законодательства международного и иностранного опыта, который не всегда корректно соотносится с российской правоприменительной практикой и правовой традицией общества.

Одной из таких мер стало исключение института конфискации имущества из раздела уголовных наказаний в 2003 году, что вызвало большой резонанс в профессиональном сообществе [11; 15], представители которого обоснованно считали принятие указанного решения политически ангажированным [13]. Вследствие большой критики данной инициативы институт конфискации был вновь возвращен в уголовное законодательство, но в качестве иной меры уголовно-правового характера [16].

Несмотря на то, что в законодательных органах государственной власти тема преобразования конфискации в уголовное наказание не обсуждается, в профессиональном сообществе (особенно среди представителей-практиков) все чаще звучат призывы к данной реформе. В частности, на системной основе с таким предложением выступает глава Следственного комитета РФ – А. И. Бастрыкин[1].

В целом, хотелось бы поддержать указанную позицию и отметить, что конфискация имущества лиц, совершивших коррупционные преступления, особенно связанные с хищением бюджетных средств или их нецелевым расходованием, должна выступать в качестве штрафной, а не компенсационной меры.

Особенную актуальность данное предложение приобретает, конечно, в нынешних политических и экономических условиях, когда от эффективности принимаемых должностными лицами мер (в том числе связанных с расходованием государственных средств и (или) распоряжением государственным имуществом) зависит не просто качественная реализация

[1] Бастрыкин предложил ввести полную конфискацию имущества коррупционеров // РБК. 3 марта 2026. URL: https://www.rbc.ru/politics/03/03/2026/69a6b51d9a79475ada100f3d.

отдельных законодательных мер, но и напрямую жизни людей, а также сохранение суверенитета нашего государства [19].

С учетом того, что наиболее частым мотивом совершения преступлений коррупционной направленности является стремление преступника «поживиться» за счет государства, автор полагает, что именно такая мера наказания, как конфискация, которая негативно влияет прежде всего на уровень благосостояния преступника, будет являться одновременно и мощным инструментом профилактики коррупции, и эффективным методом минимизации последствий совершения коррупционных преступлений.

Масштабные политические и социальные потрясения, имевшие место в 2022 году, стали началом серьезного пересмотра действующего законодательства во всех сферах, в том числе в области противодействия коррупции.

Основной тенденцией стала смена ориентиров, с опорой на которые с начала XXI века осуществлялось выстраивание системы антикоррупционного законодательства, в том числе прекращение тотального следования курсу, прокладываемому международными и региональными организациями. Ввиду принятия отдельными такими организациями лишенных объективности, откровенно политически мотивированных решений, Российской Федерацией был пересмотрен подход к сотрудничеству в рамках таких объединений. Одним из ключевых решений в данном направлении стала денонсация Россией Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию и последующий выход России из Группы государств по борьбе с коррупцией.

При этом особое внимание стало уделяться вопросам сотрудничества с «дружественными» России странами, в том числе в рамках Шанхайской организации сотрудничества[2], БРИКС и т. п. Так, например, на регулярной основе на базе БРИКС проводятся экспертные семинары, посвященные вопросам противодействия коррупции, участие в которых принимают представители не только государственных структур и профессионального сообщества, но и различных секторов экономики[3]. В рамках данной работы отмечается в том числе важность использования потенциала сферы информационных технологий для наиболее эффективной кооперации стран-участников в борьбе с коррупцией [17].

Широкое использование средств цифровизации, по нашему мнению, является еще одной отличительной особенностью нового этапа развития антикоррупционной политики в России.

Процесс цифровизации системы государственного управления, которая является одним из приоритетов работы Правительства Российской Федерации[4], способствует не только большей прозрачности процедур принятия управленческих решений, но и активному вовлечению граждан в процесс управления государством в целом. Ярким примером последнего является необходимость размещения проектов правовых актов для процедур общественного[5] или публичного обсуждения[6] на фе-

[2] Состоялось двенадцатое Совещание министров юстиции государств – членов Шанхайской организации сотрудничества // Министерство юстиции Российской Федерации. 29 октября 2025 г. URL: https://minjust.gov.ru/ru/events/50966 (дата обращения: 10.08.2026).

[3] Об антикоррупционном семинаре БРИКС // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 21 июня 2022 г. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/crime/anti-corruption/1818796/ (дата обращения: 10.08.2026).

[4] Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» // Правительство Российской Федерации URL: http://government.ru/rugovclassifier/923/about/ (дата обращения: 10.08.2026).

[5] О порядке раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения: постановление Правительства Российской Федерации от 25 августа 2012 г. № 851 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_134469/ (дата обращения: 10.08.2026).

[6] О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, а также

деральном портале проектов нормативных правовых актов, в рамках которого физические и юридические лица могут не просто ознакомиться с предлагаемыми изменениями правового регулирования, но и высказать свои замечания и предложения по их корректировке. Кроме того, разработчик проекта акта должен рассчитать и опубликовать одновременно с самим актом оценку потенциальных затрат субъектов правового регулирования. Полагаем, что реализованный механизм не только повышает качество издаваемых правовых актов и не допускает излишней «зарегулированности» общественных отношений, но и способствует повышению уровня доверия населения к государственным органам и их деятельности.

Можно констатировать, что в настоящее время в России созданы необходимые условия для работы электронного правительства. Помимо создания единого портала государственных услуг, стоит также отметить внедрение в процесс их оказания принципов клиентоцентричности[7], в том числе в части сокращения сроков и упрощения процедур получения государственных услуг, необходимость их оказания в соответствии с экстерриториальным принципом, обеспечение возможности их получения в электронном виде, стремление к оказанию государственных услуг в проактивном режиме.

Все перечисленное, на наш взгляд, способствует прозрачности деятельности государственных органов, повышает информированность граждан о проводимой работе, снижает возможности должностных лиц по злоупотреблению полномочиями. Вместе с тем видится опасность перемещения коррупции в иные сферы общественной жизни, а также создания новых угроз в условиях современной и повсеместной информатизации.

В частности, растет уровень обеспокоенности граждан и организаций относительно безопасности их персональных данных, которые хранятся в государственных информационных системах, а также распространения ложных сведений и использования личной информации в мошеннических, коррупционных и иных преступных схемах.

Таким образом, создание условий для максимальной прозрачности работы государственных органов посредством развития электронного правительства неизбежно привело к появлению масштабной угрозы использования информационных технологий и личных данных при совершении преступлений.

Кроме того, развитие информационных технологий и их активное внедрение в повседневную жизнь создает новые уязвимости для взлома и манипуляций. Особенную опасность это приобретает в случае, когда речь идет о государственных служащих.

Так, в связи с противоправными действиями представителей недружественных России государств был принят ряд запретов на использование государственными служащими отдельных устройств и приложений в рабочих целях[8]. Такого рода ограничения помимо прочего связаны и с регулярным выявлением российскими правоохранительными органами попыток иностранных специалистов получить информацию внутреннего пользования или иную «чувствительную» информацию у российских чиновников, в том числе посредством хакерских атак и внедрения вредоносного программного обеспечения на личные и рабочие устройства[9].

о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2012 г. № 1318 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139421/ (дата обращения: 10.08.2026).

[7] На форуме «Клиентоцентричность в государственном управлении» подвели итоги работы за 2023 год // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. URL: https://ac.gov.ru/news/page/na-forume-klientocentricnost-v-gosudarstvennom-upravlenii-podveli-itogi-raboty-za-2023-god-27680 (дата обращения: 10.08.2026).

[8] В Кремле напомнили о запрете на использование iPhone сотрудниками АП в служебных целях // Ведомости. 1 июня 2023 г. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/06/01/978147-v-kremle-napomnili-o-zaprete (дата обращения: 10.08.2026).

[9] ФСБ России вскрыта и задокументирована широкомасштабная акция иностранных спецслужб по внедрению

Новой вехой в развитии антикоррупционной политики Российской Федерации стало начало полноценного широкого внедрения государственной информационной системы в области противодействия коррупции «Посейдон». Целью указанной системы является не просто информационно-аналитическое обеспечение деятельности государственных органов по профилактике коррупционных проявлений, но и осуществление на системной основе анализа и проверок соблюдения установленных законом антикоррупционных ограничений, запретов и требований[10].

Одновременно с указанными нововведениями произошел фактический отказ от такой центральной меры по профилактике коррупции, как публикация сведений о доходах и расходов государственных служащих. Следует отметить, что указанный механизм был важной и неотъемлемой частью общественного антикоррупционного контроля, в связи с чем отказ от него вызвал широкий резонанс.

Вместе с тем здесь заметно прослеживается одна из основных тенденций современной антикоррупционной политики Российской Федерации на данном историческом этапе, а именно постепенное закрытие чувствительной информации о государственных служащих. Начало было положено принятием в 2023 году законодательных изменений, согласно которым сведения о доходах депутатов Государственной Думы стали публиковаться в обобщенном и обезличенном виде[11].

Затем последовали нововведения, предусматривающие отмену ежегодного представления государственными служащими сведений о доходах (расходах), обязательствах имущественного характера[12].

По мнению автора указанной инициативы, целью указанных новелл является совершенствование деятельности по противодействию коррупции посредством возможности ведения постоянного мониторинга финансового состояния государственных служащих, не дожидаясь срока представления декларации. Как отмечалось, реализация данных стремлений станет возможной, в частности, благодаря использованию ГИС «Посейдон»[13].

Вместе с тем представляется, что отказ от механизма ежегодного декларирования государственными служащими своих доходов (расходов) с последующим опубликованием представленных материалов не только существенно снижает эффективность такого инструмента профилактики коррупции, как общественный контроль, но и способствует повышению уровня недоверия граждан к работе государственных структур, а также снижению общего уровня восприятия коррупции в обществе.

Выводы

и применению на мобильных средствах коммуникации высокопоставленных российских служащих вредоносного программного обеспечения // Федеральная служба безопасности Российской Федерации. 2 июня 2026 г. URL: http://www.fsb.ru/fsb/press/message/single.htm%21id%3D10440695%40fsbMessage.html (дата обращения: 10.08.2026).

[10] О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 25 апреля 2022 г. № 232 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_415707/ (дата обращения: 10.08.2026).

[11] О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 12-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439126/ (дата обращения: 10.08.2026).

[12] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 28 декабря 2025 г. № 505-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_523022/ (дата обращения: 10.08.2026).

[13] Госдума освободила чиновников от ежегодного декларирования доходов // Интерфакс. 18 декабря 2025 г. URL: https://www.interfax.ru/russia/1063967 (дата обращения: 10.08.2026).

С учетом изложенного можно констатировать, что в настоящее время антикоррупционная политика Российской Федерации проходит процесс глубокой трансформации, связанной в том числе с ведущей ролью нашей страны в процессе построения многополярного мира.

В текущих условиях антикоррупционное законодательство Российской Федерации хоть и остается тесно связанным с другими отраслями права, в частности с уголовным, административным, трудовым и пр., но приобретает отдельные черты самостоятельной отрасли.

Несмотря на длительное выстраивание системы законодательства о противодействии коррупции в России на основании «западных» принципов с одновременным отказом от ряда достижений советского права, в настоящее время можно говорить о новых тенденциях развития российской антикоррупционной политики.

Прежде всего речь о большем акценте на теоретическом и практическом взаимодействии с «дружественными» странами, в том числе в рамках БРИКС.

Кроме того, можно констатировать, что в настоящее время информатизация системы государственного управления является фундаментальным элементом механизма противодействия коррупции.

Безусловно, современные информационные технологии создают возможность для качественного усиления выстроенной антикоррупционной стратегии, в частности за счет повышения прозрачности управленческих
и правотворческих процессов.

Вместе с тем представляется неверным рассматрение цифровых технологий как универсального средства в противодействии коррупции, поскольку результат борьбы с данным явлением остается результатом совокупности правовых, идеологических, экономических и политических мер. Кроме того, в связи с высоким уровнем информатизации общественной жизни, по нашему мнению, одним из приоритетов антикоррупционной политики должна стать гарантированная защита персональных данных и права на частную жизнь. Следовательно, развитие антикоррупционного законодательства в настоящее время предлагается понимать, как поиск баланса между гибкостью и жесткостью, между публичностью и конфиденциальностью, между национальной спецификой и международным регулированием.

Таким образом, на текущем историческом этапе развитие антикоррупционной политики в России отражает не кризис эффективности,
а этап глубокой институциональной перестройки. При этом в условиях глобальных потрясений – санкций и роста трансграничных угроз –антикоррупционная политика в России становится частью стратегии государственного суверенитета и устойчивости.

Список источников

1. Антикоррупционные меры безопасности : монография / под. ред. Н. В. Щедрина, И. А. Дамм. М. : Проспект, 2020.

2. Антикоррупционная политика: учебное пособие / Р. В. Дронов, В. В. Кузьмин. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2016.

3. Антикоррупционная политика в современной России / под ред. А. В. Малько. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2006.

4. Антикоррупция и конституция. Мировые, региональные и национальные тенденции: монография / Ю. В. Трунцевский, А. К. Есаян; под общ. ред. Ю. В. Трунцевского. М. : Изд-во Юрайт, 2019.

5. Добролюбова Е. И. Цифровое будущее государственного управления по результатам / Е. И. Добролюбова, В. Н. Южаков, А. А. Ефремов. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019.

6. Залоило М. В. Мониторинг законодательства о противодействии коррупции: научно-практическое пособие / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. М. : Проспект, 2021.

7. Киселев А. В. Формирование идеи электронного государства и особенности ее реализации в России и зарубежных странах: монография. М. : Проспект, 2022.

8. Кожокарь И. П. Бланкетные нормы российского права : монография / под ред. В. М. Баранова. М. : Проспект, 2024.

9. Константинов А. Д. Коррумпированный Петербург: Документальные очерки. СПб. : Фолио-Пресс, 1997.

10. Коррупционные риски современного законодательства и правоприменения и правовые механизмы их преодоления: монография / колл. авторов; под. ред. Н. Г. Иванова, М. Н. Илюшиной. М. : ЮСТИЦИЯ, 2016.
11. Кузнецова Н. Ф. Мнение ученых о реформе УК (или Qui prodest) // Уголовное право. 2004. № 1. С. 26–27.
12. Максимов С.В. Коррупция. Закон. Ответственность. М., 2000.
13. Маслов В. А. Эффективность конфискации имущества в контексте официальной статистики // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12 (145). С. 174–190.
14. Муниципальное правотворчество в ИТ-мерах антикоррупционной транспарентности: монография / под. ред. И.А. Дамм, О.В. Роньжиной, Н.В. Щедрина. М. : Проспект, 2020.
15. Скобликов П. А. Конфискация имущества как наказание: доводы за и против // Уголовное право. 2004. № 2. С. 61–63.
16. Степашин В. М. Конфискация имущества: странное возвращение // Вестник ОмГУ. 2007. №1. С. 106–108.
17. Трунцевский Ю. В. Противодействие коррупции в Китае: законодательство и правоприменение / Ю. В. Трунцевский, В. В. Севальнев, А. Н. Сухаренко. М. : Проспект, 2019.
18. Хабриева Т.Я. Коррупция: природа, проявления, противодействие : монография. М. : Юриспруденция, 2012.
19. Хабриева Т. А. Противодействие коррупции: новые вызовы / С. Б. Иванов, Т. Я. Хабриева, Ю. А. Чиханчин [и др.]. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2016.
20. Цифровые технологии в системе государственного и общественного контроля: теоретико-правовые аспекты: монография / отв. ред. С. М. Зубарев. М. : Проспект, 2023.
21. Шевердяев С. Н. Отражение современной антикоррупционной культуры в российском конституционном праве: монография. М. : Юстицин-форм, 2020.

References

1. Antikorrupcionnye mery bezopasnosti : monografiya / pod. red. N. V. SHCHedrina, I. A. Damm. M. : Prospekt, 2020. (In Russ.).
2. Antikorrupcionnaya politika: uchebnoe posobie / R. V. Dronov, V. V. Kuz'min. SPb. : Izd-vo SPbGEU, 2016. (In Russ.).
3. Antikorrupcionnaya politika v sovremennoj Rossii / pod red. A. V. Mal'ko. Saratov: Izd-vo GOU VPO «Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava», 2006. (In Russ.).
4. Antikorrupciya i konstituciya. Mirovye, regional'nye i nacional'nye tendencii: monografiya / YU. V. Truncevskij, A. K. Esayan; pod obshch. red. YU. V. Truncevskogo. M. : Izd-vo YUrajt, 2019. (In Russ.).
5. Dobrolyubova E. I. Cifrovoe budushchee gosudarstvennogo upravleniya po rezul'tatam / E. I. Dobrolyubova, V. N. YUzhakov, A. A. Efremov. M. : Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 2019. (In Russ.).
6. Zaloilo M. V. Monitoring zakonodatel'stva o protivodejstvii korrupcii: nauchno-prakticheskoe posobie / pod red. d-ra yurid. nauk, prof. D.A. Pashenceva. M. : Prospekt, 2021. (In Russ.).
7. Kiselev A. V. Formirovanie idei elektronnogo gosudarstva i osobennosti ee realizacii v Rossii i zarubezhnyh stranah: monografiya. M. : Prospekt, 2022. (In Russ.).
8. Kozhokar' I. P. Blanketnye normy rossijskogo prava : monografiya / pod red. V. M. Baranova. M. : Prospekt, 2024. (In Russ.).
9. Konstantinov A. D. Korrumpirovannyj Peterburg: Dokumental'nye ocherki. SPb. : Folio-Press, 1997. (In Russ.).
10. Korrupcionnye riski sovremennogo zakonodatel'stva i pravoprimeneniya i pravovye mekhanizmy ih preodoleniya: monografiya / koll. avtorov; pod. red. N. G. Ivanova, M. N. Ilyushinoj. M. : YUSTICIYA, 2016. (In Russ.).
11. Kuznecova N. F. Mnenie uchenyh o reforme UK (ili Qui prodest) // Ugolovnoe pravo. 2004;1: 26–27. (In Russ.).
12. Maksimov S.V. Korrupciya. Zakon. Otvetstvennost'. M., 2000. (In Russ.).
13. Maslov V. A. The effectiveness of asset confiscation in the context of official statistics. // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2022;12 (145): 174–190. (In Russ.).
14. Municipal'noe pravotvorchestvo v IT-merah antikorrupcionnoj transparentnosti: monografiya / pod. red. I.A. Damm, O.V. Ron'zhinoj, N.V. SHCHedrina. M. : Prospekt, 2020. (In Russ.).
15. Skoblikov P. A. Confiscation of property as a punishment: arguments for and against // Ugolovnoe pravo. 2004. № 2. S. 61–63. (In Russ.).
16. Stepashin V. M. Confiscation of property: a strange return // Vestnik OmGU. 2007;1: 106–108. (In Russ.).
17. Truncevskij YU. V. Protivodejstvie korrupcii v Kitae: zakonodatel'stvo i pravoprimenenie / YU. V. Truncevskij, V. V. Seval'nev, A. N. Suharenko. M. : Prospekt, 2019. (In Russ.).

18. Habrieva T.YA. Korrupciya: priroda, proyavleniya, protivodejstvie : monografiya. M. : YUrisprudenciya, 2012. (In Russ.).

19. Habrieva T. A. Protivodejstvie korrupcii: novye vyzovy /

S. B. Ivanov, T. YA. Habrieva, YU. A. CHihanchin [i dr.]. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii: INFRA-M, 2016. (In Russ.).

20. Cifrovye tekhnologii v sisteme gosudarstvennogo i obshchestvennogo kontrolya: teoretiko-pravovye aspekty: monografiya / otv. red. S. M. Zubarev. M. : Prospekt, 2023. (In Russ.).

21. SHeverdyaev S. N. Otrazhenie sovremennoj antikorrupcionnoj kul'tury v rossijskom konstitucionnom prave: monografiya. M. : YUsticin-form, 2020. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 30.07.2026;
одобрена после рецензирования 11.09.2026;
принята к публикации 28.06.2026.

The article was submitted 30.07.2026;
approved after reviewing 11.09.2026;
accepted for publication 28.06.2026.

Научная статья

УДК 340.12:321.011

УЧЕНИЕ ЖАНА БОДЕНА О ВЫСШЕЙ ВЛАСТИ КАК ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ ОСНОВА КОНЦЕПЦИИ ИСТИННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Виктор Петрович Сальников[1], Виталий Васильевич Бегеза[2]
[1] Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
[2] Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
[1] fonduniver@bk.ru
[2] vvbegeza@niisem.ru

Аннотация. Исследуется учение Жана Бодена о высшей власти (summum imperium, suverenitas, majestas) как историко-правовая предпосылка современной концепции истинного суверенитета государства. На основе анализа второго тома «Метода легкого чтения историй» и с учетом классической формулы суверенитета, развитой в «Шести книгах о государстве», показывается, что суверенитет не сводится к внешней независимости или конституционной декларации. В центре внимания находится способность государства быть самостоятельным центром окончательного правового, институционального и стратегического решения. Авторы интерпретируют пять признаков высшей власти у Бодена как историко-правовую матрицу критериев истинного суверенитета, переосмысленную применительно к современному конституционному государству и проблематике национальной безопасности.

Ключевые слова: Жан Боден, суверенитет, истинный суверенитет, высшая власть, summum imperium, suverenitas, majestas, публичная власть, государство, правопорядок, национальная безопасность, теория государства и права

Для цитирования: Сальников В.П., Бегеза В.В. Учение Жана Бодена о высшей власти как историко-правовая основа концепции истинного суверенитета // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 38–49. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/004.pdf.

Original article

JEAN BODIN'S DOCTRINE OF SUPREME POWER AS A HISTORICAL AND LEGAL BASIS FOR THE CONCEPT OF TRUE SOVEREIGNTY

Viktor P. Salnikov[1], Vitaly V. Begeza[2]
[1] Academy of the National Guard Troops, St. Petersburg, Russia
[2] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
[1] fonduniver@bk.ru
[2] vvbegeza@niisem.ru

Abstract. The article examines Jean Bodin's doctrine of supreme power as a historical and legal prerequisite for the modern concept of true sovereignty. The author argues that sovereignty should be understood as the real institutional capacity of the state to remain the final center of legal, political and strategic decision-making. Bodin's five features of supreme power are reconsidered in connection with public authority, constitutional sovereignty and national security.

Keywords: Jean Bodin, sovereignty, true sovereignty, supreme power, summum imperium, public authority, legal order, national security, history of legal thought

For citation: Salnikov V.P., Begeza V.V. Jean Bodin's doctrine of supreme power as a historical and legal basis for the concept of true sovereignty. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36): 38–49. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/004.pdf.

© Сальников В.П., Бегеза В.В., 2026

Введение

Проблема суверенитета в современной юридической науке нередко раскрывается через международно-правовое признание, территориальную целостность, верховенство Конституции или политическую неза-

висимость государства. Эти признаки необходимы, но для исследования национальной безопасности Российской Федерации в контексте истинного суверенитета их недостаточно. Суверенитет может быть провозглашен и институционально оформлен, но фактически ослабляться через зависимость ключевых решений от внешних центров влияния, утрату самостоятельности публичной власти, ведомственный или корпоративный захват управленческой воли, а также через разрыв между законом и реальным механизмом его исполнения.

Обращение к Жану Бодену позволяет рассмотреть суверенитет не как риторическую формулу, а как юридическую конструкцию высшей власти. Второй том «Метода легкого чтения историй» содержит шестую главу «Об устройстве государств», которую переводчики справедливо называют фундаментом будущих «Шести книг о государстве» [13, с. 7] Это делает данный источник особенно важным: в нем видна не только готовая доктрина, но и процесс формирования понятий государства, гражданина, магистрата и высшей власти.

Научная проблема статьи состоит в том, что категория суверенитета часто редуцируется либо до внешней независимости, либо до общего утверждения о верховенстве власти. Между тем у Бодена высшая власть определяет сам тип государственного устройства, отделяет государство от союза и анархического множества, а также позволяет отличить собственно суверенную власть от производных полномочий магистратов.

Цель статьи – попытаться раскрыть учение Жана Бодена о высшей власти как историко-правовую основу концепции истинного суверенитета и показать значение этой конструкции для теоретико-правового понимания национальной безопасности. Методологическую основу составляют историко-правовой метод, теоретико-правовой и формально-юридический анализ, системный и доктринальный подходы, а также герменевтическое различение терминов summum imperium, suverenitas, majestas, auctoritas, potestas и imperium.

Предлагаемый тезис заключается в следующем: пять признаков высшей власти, выделенные Боденом, могут рассматриваться как историко-правовая матрица истинного суверенитета, если не переносить его монархическую модель напрямую на современное государство, а выделить в ней структурное ядро: способность публичной власти формировать высшие институты, создавать закон, принимать стратегические решения, обладать последней юрисдикционной волей и контролировать легитимное публичное принуждение в пределах права.

Основные положения

1. Источниковая и историографическая основа

Главным источником исследования является русский перевод второго тома «Метода легкого чтения историй». В аннотации издания указано, что именно в шестой главе Боден определяет ключевые понятия своей политической теории: «гражданин», «гражданская община», «государство», «магистрат» и «высшая власть» [13, с. 4]. Поэтому работа с данным источником позволяет выйти за пределы учебного тезиса «Боден – теоретик суверенитета» и увидеть внутреннюю юридическую архитектонику его мысли.

Принципиальное значение имеет терминологический комментарий И. В. и Е. С. Кривушиных. Переводчики показывают, что Боден использует группу терминов auctoritas, potestas, imperium и majestas, причем majestas означает не величие в церемониальном смысле, а верховенство власти [13, с. 7–9]. Это позволяет избежать модернизирующего анахронизма: в «Методе» нельзя автоматически заменять все эти термины современным словом «суверенитет».

Вместе с тем связь с «Шестью книгами о государстве» необходима. В позднем труде Боден формулирует классическое определение суверенитета как абсолютной и постоянной власти государства; в латинской версии оно раскрывается через формулу maiestas est summa in cives ac subditos legibusque soluta potestas [13, с. 8–9]. Следовательно, «Метод» следует понимать как раннюю, подготовительную версию доктрины, где еще отчетливо виден путь от историко-правового сравнения к общей теории высшей власти.

Зарубежная историография также подчеркивает развитие боденовской мысли. Дж. Г. Франклин показал, что ранняя теория Бодена в «Методе» была связана с более ограниченным пониманием верховенства, тогда как после политико-религиозных потрясений 1570-х годов его доктрина приобрела более выраженный абсолютистский характер [53, p. 23, 70]. К. Скиннер рассматривает Бодена в контексте перехода от средневековой множественности вла-

стей к раннемодерной теории государства [57, p. 284–301].

Российская литература по суверенитету также требует внимательного анализа. М. Н. Марченко обращал внимание на спорность понятия и содержания государственного суверенитета, несмотря на кажущуюся традиционность темы [39]. Н. М. Добрынин специально ставил вопрос о соотношении народного и государственного суверенитета, что принципиально важно для сопоставления позиции Бодена с новеллами Конституции Российской Федерации [24].

В более широком отечественном поле проблема суверенитета связана с конституционным строем, территорией, публичной властью и национальной безопасностью. В этом отношении значимы работы С. А. Авакьяна, С. Н. Бабурина, Н. С. Бондаря, А. Н. Кокотова, А. С. Автономова, Е. С. Шугриной, а также исследования А. В. Возженикова, А. А. Прохожева и С. В. Степашина по проблематике национальной безопасности и др. [см., например: 7; 8; 10; 14; 19; 21; 36; 38].

2. Государство у Бодена: единство власти, а не сумма связей

Боден начинает анализ государства не с отвлеченной метафизики власти [18; 20; 25; 27; 29; 30; 31; 45; 49; 50], а с историко-правового сравнения. Он прямо пишет, что необходимо изучать возникновение, рост, зрелость, упадок и гибель гражданских общин, поскольку это знание необходимо не только отдельному человеку, но и людям в совокупности [13, с. 13]. Для него наука о государстве имеет практический смысл: она нужна для понимания устойчивости и разрушения политико-правовых порядков.

Ключевой тезис Бодена состоит в определении государства через подчинение множеств семей или сообществ одной и той же власти. Гражданин, в свою очередь, пользуется общей свободой и защитой со стороны власти [13, с. 17]. Следовательно, государство не является простым множеством людей, территорией или культурной общностью; оно предполагает правовую связь под общей публичной властью.

Боден специально подчеркивает, что государство определяется не величиной территории. Рагуза или Женева заслуживают названия государства не меньше, чем огромные империи, если обладают собственной властью [13, с. 18]. Для современной теории это означает, что суверенитет не измеряется только масштабом территории, населения или ресурсов. Главный вопрос – обладает ли государство собственным верховным центром публичного решения.

Особую значимость имеет разграничение государства и союза. Анализируя гельветов, балтийские города и иные объединения, Боден приходит к выводу, что торговые отношения, договоры, общие собрания, гостеприимство, брачные права и дружеские связи не создают единого государства [13, с. 24–25]. Единое государство создается не договорами, не торговыми отношениями, не правами, не законами и не религиями различных гражданских общин, а единой властью [13, с. 27].

Этот тезис имеет прямое значение для концепции истинного суверенитета. Современное государство может участвовать в международных организациях, интеграционных режимах, экономических и технологических союзах. Но такие связи не должны превращаться в отчуждение высшей публичной воли. Координация усиливает государство только тогда, когда не уничтожает его способность самостоятельно принимать окончательные решения в сфере права, безопасности и национального развития.

3. Магистрат и пределы делегирования

Боден последовательно отделяет высшую власть от власти магистрата. Магистрат, по его мнению, должен быть причастен к публичной власти (imperium), но эта власть остается производной и ограниченной [13, с. 27–28]. Уже здесь возникает важнейшее для современной теории различение: государственный орган или должностное лицо может обладать значительными полномочиями, но не быть носителем суверенного ядра публичной власти.

Боден подчеркивает, что власть магистрата проявляется через эдикт, тогда как власть правителя – через закон. Даже значительные полномочия магистрата не превращают его в носителя summum imperium. Более того, высшее милосердие или суровость вне пределов закона Боден относит к тем, кто обладает высшей властью в государстве [13, с. 28].

Для современного публичного управления этот тезис особенно актуален. Государство неизбежно делегирует функции министерствам, службам, судам, экспертным органам, цифровым платформам и иным структурам. Но делегирование не должно становиться отчуждением. Производная власть должна оставаться производной; она может быть профессиональной и самостоятельной в пределах

компетенции, но не должна подменять собой окончательную публичную волю.

С этой точки зрения истинный суверенитет предполагает не отсутствие делегирования, а сохранение контроля над ним. Риск для суверенитета возникает тогда, когда ведомственная, экспертная, технологическая, корпоративная или внешняя структура начинает фактически определять содержание закона, кадровой политики, доступа к правосудию или стратегического решения без достаточной публично-правовой ответственности.

4. Пять признаков высшей власти

Центральный фрагмент для настоящей статьи содержится в разделе «Что есть высшая власть». Боден дает дефиницию summum imperium, которое определяет характер государственного устройства и которое он соотносит с греческими, итальянскими, латинскими и сконструированным им термином suverenitas [13, с. 30].

Сравнив мнения Аристотеля, Полибия, Дионисия и правоведов, Боден выделяет пять признаков высшей власти: назначать высших магистратов и определять полномочия каждого; издавать и отменять законы; объявлять и заканчивать войну; выносить конечное решение по жалобам на приговоры всех магистратов; осуществлять право жизни и смерти, когда закон не оставляет места для снисхождения и милосердия [13, с. 30–31].

Первый признак – назначение высших магистратов – в современном понимании означает способность государства самостоятельно формировать публичные институты и определять их компетенцию. Второй признак – издание и отмена законов – выражает нормативную сторону суверенитета: государство должно быть источником общеобязательного правового порядка, а не только исполнителем чужих правил.

Третий признак – решение вопросов войны и мира – сегодня следует понимать шире, чем классическую военную прерогативу. Он охватывает стратегическое самоопределение государства: оборону, внешнюю политику, участие в союзах, режимы безопасности, защиту национальных интересов и самостоятельность выбора модели развития. Четвертый признак – последняя инстанция по жалобам – раскрывает юрисдикционное измерение суверенитета: внутри правопорядка должна существовать окончательная правовая воля.

Пятый признак требует особой осторожности. У Бодена «право жизни и смерти» является раннемодерной прерогативой высшей власти в сфере наказания и милосердия. Его нельзя без оговорок отождествлять с веберовской формулой монополии государства на легитимное физическое насилие. Макс Вебер говорил о государстве как человеческом сообществе, которое в пределах определенной территории претендует на монополию легитимного физического насилия [15, с. 645]. Это иной теоретический контекст.

В современной правовой интерпретации этот пятый признак можно использовать только после переосмысления. Речь должна идти не о произвольном праве власти распоряжаться жизнью, а о легитимном публичном принуждении, ограниченном законом, судом, процессуальными гарантиями, достоинством личности и принципом справедливости [16; 17; 23; 28; 32; 35; 51]. Иначе суверенитет превращается в оправдание силы, а не в основание правопорядка.

Важно, что Боден прямо указывает: эти полномочия не должны предоставляться магистратам при правильно организованной системе управления, кроме чрезвычайных случаев; если же магистрат принимает подобные решения, их утверждение остается за правителем или народом соответственно устройству государства [13, с. 31]. Это и есть идея неделегируемого ядра суверенитета.

5. От монархической высшей власти к народному суверенитету

Наиболее сложный вопрос состоит в соотношении Бодена с современным конституционным строем Российской Федерации. Боден исторически мыслит суверенитет преимущественно в монархическом горизонте, но одновременно указывает, что империй народа в демократическом государстве и оптиматов в аристократическом по структуре сопоставим с властью правителя в монархии. Для него решающее значение имеет вопрос: кому принадлежит высшая власть?

Конституция Российской Федерации исходит из принципиально иной модели: носителем суверенитета и единственным источником власти является многонациональный народ Российской Федерации (статья 3) [1]. Поэтому прямой перенос боденовской персональной модели на современную Россию был бы ошибочным. Российский конституционный строй основан на народном суверенитете, разделении властей, федерализме, правах человека и правовом государстве.

Вместе с тем Конституция закрепляет суверенитет Российской Федерации на всей ее территории и верховенство Конституции и федеральных законов (статья 4) [1]. Следовательно, необходимо различать источник суверенитета и институциональные формы его осуществления. Народ является носителем суверенитета, но публичная власть действует через конституционные институты, правовые процедуры и систему органов государства.

Корректная связь с Боденом возможна именно на структурном уровне. От Бодена не следует брать персональную монархическую модель как политический образец. У него следует брать юридическую матрицу суверенной способности: формирование институтов, законодательная воля, стратегическое решение, последняя юрисдикция и контроль публичного принуждения. В современном государстве эти функции принадлежат не одному лицу, а системе публичной власти, действующей от имени народа и в пределах Конституции.

Такой подход позволяет избежать двух крайностей: архаизации Бодена как прямого обоснования персональной власти и отказа от Бодена как от устаревшего автора. Его учение ценно тем, что помогает выявить функции, без которых государство теряет истинный суверенитет, даже если конкретная форма носителя суверенитета в современном конституционном государстве совершенно иная.

6. Национальная безопасность и истинный суверенитет

Связь рассматриваемой темы с национальной безопасностью раскрывается через Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Стратегия является базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации (пункт 2) [2].

Национальная безопасность в Стратегии определяется как состояние защищенности национальных интересов от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются права и свободы граждан, достойное качество жизни, гражданский мир, охрана суверенитета, независимости и государственной целостности, а также социально-экономическое развитие страны (пункт 5 подпункт 1) [2]. Тем самым суверенитет прямо включен в содержание национальной безопасности.

Стратегия определяет национальные интересы как объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии (пункт 5 подпункт 2) [2]. Это положение важно для авторской концепции: истинный суверенитет не является самоцелью государства. Он нужен для защиты личности, общества, правопорядка и национального развития.

Перечень национальных интересов включает сбережение народа России, защиту конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности, поддержание гражданского мира, укрепление законности, защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей, экономическую и информационную безопасность (пункт 25) [2]. Эти направления хорошо соотносятся с боденовской матрицей высшей власти. Например, 2026 год объявлен в России Годом единства народов России [5]. В стране постоянно проводится большая работа, направленная на единение многонациональных народов нашего государства, обеспечивающая возможности каждой нации и народности развивать свою культуру, традиции и обычаи, собственный язык общения независимо от религиозной принадлежности. Представители традиционных религий, проповедуемых в нашем государстве, демонстрируют взаимное уважение, дружбу и поддержку друг друга, всеобщее стремление к гражданскому миру. Единение народов России особенно ярко проявляется во время проведения Специальной военной операции (СВО) по противостоянию неофашизму, коррумпированному и преступному руководству Украины, обеспечивая защиту нашего конституционного строя, суверенитета, независимости государственной и территориальной целостности от западноевропейских представителей НАТО. Весь российский народ и каждый гражданин государства заинтересован в укреплении законности и стабильном правопорядке. Об этом свидетельствуют традиционные российские духовно-нравственные ценности, законодательно закрепленные [3; 4] и активно демонстрируемые в отечественной науке [9; 12; 22; 26; 33, с. 314–352; 34; 40; 43; 44; 46, с. 153–188] и правовой реальности [11; 41; 42], обеспечивающие духовную, экономическую, финансовую, информационную и др. безопасность [37; 47; 48], в конечном счете – истинный суверенитет. Не случайно на

расширенном заседании коллегии Министерства обороны Российской Федерации Президент В. В. Путин заявил: «И главное, что произошло за время проведения специальной военной операции, заключается в том, что Россия вернула себе статус полного суверенитета. Россия стала во всех смыслах этого слова суверенной страной. Мы вернули себе этот статус, в том числе и в значительной степени с вашим участием, с участием Вооружённых Сил» [6].

Назначение высших магистратов у Бодена соотносится с устойчивостью публичных институтов у нас; законодательная власть – с защитой конституционного строя и правопорядка; решение вопросов войны и мира – с обороной и внешнеполитической самостоятельностью; последняя юрисдикция – с судебной защитой и укреплением законности; легитимное публичное принуждение – с государственной и общественной безопасностью, противодействием преступности, экстремизму и деструктивному воздействию.

В разделе о государственной и общественной безопасности Стратегия прямо называет среди целей защиту конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности, основных прав и свобод человека и гражданина, а также укрепление гражданского мира и согласия (пункт 46) [2]. Здесь особенно отчетливо видно: суверенитет, безопасность, правопорядок и права человека не должны противопоставляться. Они образуют единую систему.

Стратегия также указывает на необходимость противодействовать вмешательству во внутренние дела Российской Федерации, пресекать деятельность, направленную на нарушение единства и территориальной целостности страны, дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации, а также защищать общество от деструктивного информационно-психологического воздействия (пункт 47, 52) [2]. Это позволяет дополнить боденовскую проблематику современным содержанием: суверенная воля государства сегодня может размываться не только военной силой, но и информационными, технологическими, финансовыми и управленческими механизмами.

7. Авторская интерпретация

На основе анализа творчества Бодена истинный суверенитет можно определить как реальную, правовую и институционально обеспеченную способность государства сохранять самостоятельную публичную волю, формировать собственные институты, создавать нормы, определять стратегические цели, защищать правопорядок и обеспечивать безопасность личности, общества и государства.

Такое понимание не отменяет классических признаков суверенитета, а развивает их. Внешняя независимость должна быть подкреплена внутренней устойчивостью. Территориальная целостность должна сопровождаться эффективным правопорядком. Верховенство Конституции должно иметь реальный механизм исполнения. Народный суверенитет должен воплощаться в публичных институтах, способных действовать в интересах народа.

Боден дает историко-правовой критерий проверки. Если государство не способно самостоятельно формировать высшие органы, создавать и обеспечивать действие собственных законов, принимать стратегические решения о безопасности, иметь последнюю юрисдикционную инстанцию и контролировать легитимное публичное принуждение, его суверенитет становится формальным. При этом сильная власть не должна становиться произвольной. На странице с эпиграфом русского издания Бодена вынесена мысль о том, что нет более священного закона, чем закон, лишающий указы правителей силы, если они не соответствуют справедливости и правде [13, с. 12].

Заключение

Учение Жана Бодена о высшей власти следует рассматривать как одну из важных историко-правовых предпосылок современной доктрины истинного государственного суверенитета. Его значение состоит не только в известной формуле суверенитета, но и в юридическом различении высшей власти, магистратской власти, государства, союза и гражданской общины.

Боден раскрывает государство как единство власти. Его тезис о том, что единое государство создается не договорами, торговыми отношениями, правами, законами или религиями различных общин, а единой властью, имеет принципиальное значение для концепции истинного суверенитета. Государство существует как правовой порядок только тогда, когда есть центр публичной власти, решения которого обладают высшей обязательностью.

Пять признаков высшей власти у Бодена могут быть переосмыслены как историко-правовой прототип критериев истинного суверенитета: способность формировать высшие институты; создавать и отменять

законы; самостоятельно принимать стратегические решения о войне, мире и безопасности; иметь окончательную юрисдикционную волю; обеспечивать легитимное публичное принуждение в пределах права и справедливости.

Связь с темой «Национальная безопасность Российской Федерации в контексте проблематики истинного суверенитета» состоит в том, что Боден позволяет увидеть суверенитет как условие безопасности. Национальная безопасность невозможна без государства, способного быть самостоятельным центром правового, институционального и стратегического решения. Но эта способность должна быть не произвольной, а правовой: сильная публичная власть должна сохранять связь с законом, справедливостью и общим благом.

Мы попытались в настоящей статье интерпретировать боденовское учение о высшей власти в качестве основы для разработки категории истинного суверенитета. Истинный суверенитет предлагается понимать как реальную, правовую и институционально обеспеченную способность государства сохранять самостоятельную публичную волю, поддерживать устойчивый правопорядок, защищать национальные интересы и обеспечивать безопасность человека, общества и государства.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). М., 2026.
2. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.
3. Указ Президента Российской Федерации от 09 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.
4. Указ Президента Российской Федерации от 19 августа 2024 г. № 702 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 35. Ст. 6250.
5. Указ Президента Российской Федерации от 25 декабря 2025 г. № 962 «О проведении в Российской Федерации Года единства народов России». URL: // http://kremlin.ru/acts/news/78861 (дата обращения 03.05.2026).
6. Выступление Владимира Путина на расширенной коллегии Минобороны. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/78801 (дата обращения 03.05.2026).
7. Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. М.: Сашко, 2000. 528 с.
8. Александров А. И. Проблемы законодательного обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / А. И. Александров, С. С. Ковалевский, А. В. Коровников [и др.]; под общ. ред. С. В. Степашина. М. : Финансовый контроль, 2003. 250 с.
9. Ананских И. А. Семья как нравственно-правовая ценность российского общества / И. А. Ананских, Н. И. Уткин // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 10. С. 12–15.
10. Бабурин С. Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок. М. : Магистр; ИНФРА-М, 2010. 829 с.
11. Бачинин В. А. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: монография / В. А. Бачинин, В. П. Сальников; под ред. В. П. Сальникова. СПб. : Фонд «Университет», 2005. 224 с. (Серия «Наука и общество»).
12. Богатырёв Д. К. Ценности христианского гуманизма и государственно-правовая идеология / Д. К. Богатырёв, В. П. Сальников // Мир политики и социологии. 2019. № 11–12. С. 36–43.
13. Боден Жан. Метод легкого чтения историй: в 3 т. Т. II: Об устройстве государств / пер. с лат., коммент., сост. указ. И. В. Кривушина, Е. С. Кривушина. М. : Высшая школа экономики, 2021. 560 с.

14. Васильев А. И. Национальная безопасность России: конституционное обеспечение: Научное издание / А. И. Васильев, В. П. Сальников, С. В. Степашин. СПб. : Фонд «Университет», 1999. 192 с. (Серия: «Безопасность человека и общества»).

15. Вебер М. Политика как призвание и профессия // М. Вебер. Избранные произведения / пер. с нем. М. : Прогресс, 1990. С. 644–706. В кн. 808 с.

16. Виноградова Е. В. Правосудие для справедливости М. И. Клеандров. Правосудие и справедливость / Е. В. Виноградова, В. П. Сальников, С. И. Захарцев // Государство и право. 2022. № 8. С. 190–194.

17. Виноградова Е. В. Справедливое правосудие М. И. Клеандров. Правосудие и справедливость. 2-е изд., перераб. и доп. / Е. В. Виноградова, С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Государство и право. 2023. № 7. С. 194–199.

18. Власть и элиты / гл. ред. А. В. Дука. в 2 т. СПб. : Интерсоцис, 2014–2015. Т. 1: 456 с.; Т. 2: 356 с.

19. Возженников А. В. Национальная безопасность России: методология комплексного исследования и политика обеспечения. М. : РАГС, 2002. 423 с.

20. Выменец П. С. Власть как юридический феномен статья // Теория государства и права. 2023. № 4–1 (34). С. 52–61. DOI: 10.25839/MATGIP_2023_4_1_34_52.

21. Государственная безопасность России: история и современность: монография / С. В. Степашин [и др.]; под общ. ред. Р. Н. Байгузина; Сарат. гос. социал.-экон. ун-т, Ин-т обществ. мысли. М. : РОССПЭН, 2004. 814, [1] с.

22. Дерюгин А. А. Традиционные духовно-нравственные ценности и ориентиры – стержень российской государственности на фоне современных угроз / А. А. Дерюгин, С. О. Аврамов // Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы: материалы международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 26 марта 2025 г.) / под науч. ред. В. П. Сальникова. СПб. : Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации, Фонд «Университет», 2025. С. 67–72. В кн. 634 с. (Серия: 80 лет нашей Победы в Великой Отечественной войне).

23. Добро, доверие, справедливость, свобода в философско-правовой мысли: античность и современность: монография / Е. В. Виноградова, А. О. Воробьев, И. Н. Грибов [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. П. Сальникова. 2-е изд, испр. и доп. М. : ИНФРА-М, 2025. 459 с. (Научная мысль). DOI 10.12737/2151906.

24. Добрынин Н. М. Народный суверенитет и суверенитет государства: конвергенция или контрадикция? // Lex Russica. 2019. № 10. С. 8–21.

25. Долфсма В. Провалы государства: общество, рынки и правила / пер. с англ. Ю. Каптуревского; под науч. ред. Д. Кадочникова. М. : Институт Гайдара, 2017. 256 с.

26. Жук А. С. Государственность как нравственно-правовая ценность общества // Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы: материалы международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 26 марта 2025 г.) / под науч. ред. В. П. Сальникова. СПб. : Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации, Фонд «Университет», 2025. С. 30–36. В кн. 634 с. (Серия: 80 лет нашей Победы в Великой Отечественной войне).

27. Жуков В. Н. Бессознательное и власть. Классический психоанализ. М. : Юнити-Дана, 2024. 505 с.

28. Захарцев С. И. Справедливая судебная власть как гарант правового государства / С. И. Захарцев, О. Ю. Лежнева, В. П. Сальников [и др.] // Вестник института права Башкирского государственного университета. 2021. № 4. С. 26–34.

29. Зенькович Н. А. Тайна уходящего века. Власть. Распри. Подоплека. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2004. 638 с.

30. Исаев И. А. Алхимия власти. Очерки по истории и мифологии права. М. : Проспект, 2026. 169 с.

31. Исаев И. А. Власть и закон в контексте иррационального. М. : Юристъ, 2006. 478 с.

32. Исмагилов Р. Ф. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX–XXI вв.): монография / Р. Ф. Исмагилов, В. П. Сальников. СПб. : Фонд «Университет», 2017. 324 с. (Серия: «Наука и общество»).

33. Исмагилов Р. Ф. Философия права России: теоретические и духовные предпосылки ее суверенности: монография / Р. Ф. Исмагилов, В. П. Сальников. СПб.: Фонд «Университет», 2025. 552 с.

34. Кийко А. Ю. Государственный суверенитет России как духовно-нравственная ценность // Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы: Материалы международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 26 марта 2025 г.) /

Под науч. ред. В. П. Сальникова. СПб. : Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации, Фонд «Университет», 2025. С. 22–24. В кн. 634 с. (Серия: 80 лет нашей Победы в Великой Отечественной войне).

35. Клеандров М. И. Правосудие и справедливость. 2-е изд., перераб. и доп. М. : НОРМА, 2023. 424 с.

36. Колокольцев В. А. Проблемы обеспечения национальной безопасности современной России: монография / под общ. ред. В. П. Сальникова, Р. А. Ромашова. СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2005. 248 с.

37. Марков А. А. Информационное общество. Информационная безопасность. Информационные войны: монография / А. А. Марков, С. Б. Быстрянцев, Г. В. Краснова. СПб. : СПбГЭУ, 2019. 124 с.

38. Маркус С. А. Юридические средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: теоретико-инструментальный анализ: дис. … канд. юрид. наук. 5.1.1 / Маркус Сергей Альбертович. СПб., 2026. 214 с.

39. Марченко М. Н. Государственный суверенитет: проблемы определения понятия и содержания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 1. С. 186–197.

40. Мухин А. И. Духовно-нравственные ценности общества и современное государство // Теория государства и права. 2025. № 2–1. С. 204–212. DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2–1_44_204

41. Оль П. А. Правовая реальность: формально-содержательный анализ: монография / под ред. В. П. Сальникова, Р. А. Ромашова. СПб. : Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2005. 187 с.

42. Оль П. А. Правосознание как форма отражения правовой реальности в контексте материалистической методологии / П. А. Оль, М. В. Сальников // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 1. С.182–193.

43. Прокофьев К. Г. Защита нравственно-правовых ценностей как ответ на угрозы духовной безопасности общества // Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы: материалы международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 26 марта 2025 г.) / под науч. ред. В. П. Сальникова. СПб. : Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации, Фонд «Университет», 2025. С. 46–53. В кн. 634 с. (Серия: 80 лет нашей Победы в Великой Отечественной войне).

44. Сальников В. П. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) / В. П. Сальников, Д. В. Масленников, С. И. Захарцев [и др.] // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 11. С. 149–162.

45. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: АСТ, 2004. 669 с.

46. Философско-правовое познание: актуальные проблемы: монография / Е. В. Виноградова, А. О. Воробьев, М. Ю. Гутман [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИНФРА-М, 2025. 418 с. (Научная мысль). DOI 10.12737/2152004.

47. Финансовая безопасность Российской Федерации в условиях интеллектуализации и автоматизации общественных отношений: монография / А. В. Анищенко, В. Н. Анищенко, Е. В. Анищенко [и др.]; под общ. ред. В. Н. Анищенко. М. : МГУ им. М. В. Ломоносова. Высшая школа государственного аудита, 2025. 408 с.

48. Финансовый суверенитет и финансовая безопасность России: угрозы и риски: Монография / А. Г. Хабибулин, А. В. Анищенко, В. Н. Анищенко [и др.]; под общ. ред. А. Г. Хабибулина. 2-е изд., расш. и дополн. М. : МГУ им. М. В. Ломоносова. Высшая школа государственного аудита, 2023. 480 с.

49. Хазин М. Кризис и Власть. Том. I. Лестница в небо. Издание второе, дополненное и исправленное / М. Хазин, С. Щеглов. М. : РИПОЛ Классик, 2023. 544 с.

50. Хазин М. Кризис и Власть. Том. II. Люди власти. Диалоги о великих сюзеренах и властных группировках. 2-е изд., доп. и испр. / М. Хазин, С. Щеглов. М. : РИПОЛ Классик, 2023. 528 с.

51. Экимов А. И. Аксиома соотношения справедливости и права // Мир политики и социологии. 2015. № 1. С. 13–23.

52. Bodin J. Les Six Livres de la Republique. Paris: Jacques du Puys, 1576.

53. Franklin J. H. Jean Bodin and the Rise of Absolutist Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1973. 124 p.

54. Franklin J. H. Jean Bodin and the Sixteenth-Century Revolution in the Methodology of Law and History. New York: Columbia University Press, 1963. 163 p.

55. Rose P. L. Bodin and the Great God of Nature: The Moral and Religious Universe of a Judaiser. Geneve: Droz, 1980. 319 p.

56. Salmon J. H. M. The Legacy of Jean Bodin: Absolutism, Populism or Constitutionalism? // History of Political Thought. 1996. Vol. 17. No. 4. P. 500–522.

57. Skinner Q. The Foundations of Modern Political Thought. Vol. 2: The Age of Reformation. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. 405 p.

References

1. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12 dekabrya 1993 g.; s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 1 iyulya 2020 g.). M., 2026. (In Russ.).

2. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 02.07.2021 g. № 400 «O Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii» // Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. 2021;27 (chast' II). St. 5351. (In Russ.).

3. Ukaz Prezidenta RF ot 09.11.2022 g. № 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh rossiyskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostey» // Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. 2022;46. St. 7977. (In Russ.).

4. Ukaz Prezidenta RF ot 19.08.2024 g. № 702 «Ob okazanii gumanitarnoy podderzhki litsam, razdelyayushchim traditsionnyye rossiyskiye dukhovno-nravstvennyye tsennosti» // Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. 2024;35 St. 6250. (In Russ.).

5. Ukaz Prezidenta RF ot 25.12.2025 g. № 962 «O provedenii v Rossiyskoy Federatsii Goda yedinstva narodov Rossii». Avaible from: // http://kremlin.ru/acts/news/78861 (In Russ.). (data obrashcheniya 03.05.2026).

6. Vystupleniye Vladimira Putina na rasshirennoy kollegii Minoborony. Avaible from: http://kremlin.ru/events/president/news/78801(data obrashcheniya 03.05.2026). (In Russ.).

7. Avak'yan S. A. Konstitutsiya Rossii: priroda, evolyutsiya, sovremennost'. 2-ye izd. M.: Sashko, 2000. 528 s. (In Russ.).

8. Aleksandrov A. I. Problemy zakonodatel'nogo obespecheniya natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii / A. I. Aleksandrov, S. S. Kovalevskiy, A. V. Korovnikov [i dr.]; pod obshch. red. S. V. Stepashina. M.: Finansovyy kontrol', 2003. 250 s. (In Russ.).

9. Ananskikh I. A. Family as a Moral and Legal Value of Russian Society / I. A. Ananskikh, N. I. Utkin // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2023;10: 12–15. (In Russ.).

10. Baburin S. N. Mir imperiy: territoriya gosudarstva i mirovoy poryadok. M.: Magistr; INFRA-M, 2010. 829 s. (In Russ.).

11. Bachinin V. A. Pravovaya real'nost' v kontekste tsivilizatsii i kul'tury. Metodologiya prichinnogo analiza: Monografiya / V. A. Bachinin, V. P. Sal'nikov; pod red. V. P. Sal'nikova. SPb.: Fond «Universitet», 2005. 224 s. (Seriya «Nauka i obshchestvo»). (In Russ.).

12. Bogatyrov D. K. Values of Christian Humanism and State-Legal Ideology / D. K. Bogatyrov, V. P. Sal'nikov // Mir politiki i sotsiologii. 2019;11–12: 36–43. (In Russ.).

13. Boden Zhan. Metod legkogo chteniya istoriy: v 3 t. T. II: Ob ustroystve gosudarstv / per. s lat., komment., sost. ukaz. I. V. Krivushina, Ye. S. Krivushina. M.: Vysshaya shkola ekonomiki, 2021. 560 s. (In Russ.).

14. Vasil'yev A. I. Natsional'naya bezopasnost' Rossii: konstitutsionnoye obespecheniye: Nauchnoye izdaniye / A. I. Vasil'yev, V. P. Sal'nikov, S. V. Stepashin. SPb.: Fond «Universitet», 1999. 192 s. (Seriya: «Bezopasnost' cheloveka i obshchestva»). (In Russ.).

15. Veber M. Politika kak prizvaniye i professiya // M. Veber. Izbrannyye proizvedeniya / per. s nem. M.: Progress, 1990. S. 644–706. V kn. 808 s. (In Russ.).

16. Vinogradova Ye. V. Justice for the sake of fairness M. I. Cleandrov. Justice and fairness / Ye. V. Vinogradova, V. P. Sal'nikov, S. I. Zakhartsev // Gosudarstvo i pravo. 2022;8: 190–194. (In Russ.).

17. Vinogradova Ye. V. Fair justice M. I. Cleandrov. Justice and fairness. 2nd ed., revised and enlarged / Ye. V. Vinogradova, S. I. Zakhartsev, V. P. Sal'nikov // Gosudarstvo i pravo. 2023;7: 194–199. (In Russ.).

18. Vlast' i elity / Gl. red. A. V. Duka. V 2 t. T. 1. SPb.: Intersotsis, 2014–2015. T. 1: 456 s.; T. 2: 356 s. (In Russ.).

19. Vozzhenikov A. V. Natsional'naya bezopasnost' Rossii: metodologiya kompleksnogo issledovaniya i politika obespecheniya. M.: RAGS, 2002. 423 s. (In Russ.).

20. Vymenets P. S. Power as a Legal Phenomenon // Teoriya gosudarstva i prava. 2023;4–1 (34): 52–61. DOI: 10.25839/MATGIP_2023_4_1_34_52 (In Russ.).

21. Gosudarstvennaya bezopasnost' Rossii: istoriya i sovremennost': monografiya / S. V. Stepashin [i dr.]; pod obshch. red. R. N. Bayguzina; Sarat. gos. sotsial.-ekon. un-t, In-t obshchestv. mysli. M.: ROSSPEN, 2004. 814, [1] s. (In Russ.).

22. Deryugin A. A. Traditsionnyye dukhovno-nravstvennyye tsennosti i oriyentiry – sterzhen' rossiyskoy gosudarstvennosti na fone sovremennykh ugroz / A. A. Deryugin, S. O. Avramov // Zashchita gosudarstvennosti: istoricheskoye naslediye i sovremennyye vyzovy: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Sankt-Peterburg, 26 marta 2025 g.) / Pod nauch. red. V. P. Sal'nikova. SPb.: Voyennaya ordena Zhukova akademiya voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii, Fond «Universitet», 2025. S. 67–72. V kn. 634 s. (Seriya: 80 let nashey Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne). (In Russ.).

23. Dobro, doveriye, spravedlivost', svoboda v filosofsko-pravovoy mysli: antichnost' i sovremennost': Monografiya / Ye.V. Vinogradova, A. O. Vorob'yev, I. N. Gribov [i dr.]; pod obshch. red. d-ra yurid. nauk, prof. V. P. Sal'nikova. 2-ye izd, ispr. i dop. M.: INFRA-M, 2025. 459 s. (Nauchnaya mysl'). DOI 10.12737/2151906. (In Russ.).

24. Dobrynin N. M. Popular Sovereignty and State Sovereignty: Convergence or Contradiction? // Lex Russica. 2019;10: 8–21. (In Russ.).

25. Dolfsma V. Provaly gosudarstva: obshchestvo, rynki i pravila / per. s angl. Yu. Kapturevskogo; pod nauch. red. D. Kadochnikova. M.: Institut Gaydara, 2017. 256 s. (In Russ.).

26. Zhuk A. S. Gosudarstvennost' kak nravstvenno-pravovaya tsennost' obshchestva // Zashchita gosudarstvennosti: istoricheskoye naslediye i sovremennyye vyzovy: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Sankt-Peterburg, 26 marta 2025 g.) / Pod nauch. red. V. P. Sal'nikova. SPb.: Voyennaya ordena Zhukova akademiya voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii, Fond «Universitet», 2025. S. 30–36. V kn. 634 s. (Seriya: 80 let nashey Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne). (In Russ.).

27. Zhukov V. N. Bessoznatel'noye i vlast'. Klassicheskiy psikhoanaliz. M.: Yuniti-Dana, 2024. 505 s. (In Russ.).

28. Zakhartsev S. I. A Fair Judicial Authority as a Guarantor of the Rule of Law / S. I. Zakhartsev, O.YU. Lezhneva, V. P. Sal'nikov [i dr.] // Vestnik instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021;4: 26–34. (In Russ.).

29. Zen'kovich N. A. Tayna ukhodyashchego veka. Vlast'. Raspri. Podopleka. M.: OLMA Media Grupp, 2004. 638 s. (In Russ.).

30. Isayev I. A. Alkhimiya vlasti. Ocherki po istorii i mifologii prava. M.: Prospekt, 2026. 169 s. (In Russ.).

31. Isayev I. A. Vlast' i zakon v kontekste irratsional'nogo. M.: Yurist", 2006. 478 s. (In Russ.).

32. Ismagilov R. F. Pravo i spravedlivost': istoricheskiye traditsii i sovremennyye modeli (Istoriko-pravovoy analiz teoreticheskikh issledovaniy aktual'nykh voprosov otnosheniya idei prava i idei spravedlivosti v XX–XXI vv.): Monografiya / R. F. Ismagilov, V. P. Sal'nikov. SPb.: Fond «Universitet», 2017. 324 s. (Seriya: «Nauka i obshchestvo»). (In Russ.).

33. Ismagilov R. F. Filosofiya prava Rossii: teoreticheskiye i dukhovnyye predposylki yeye suverennosti: monografiya / R. F. Ismagilov, V. P. Sal'nikov. SPb.: Fond «Universitet», 2025. 552 s. (In Russ.).

34. Kiyko A.Yu. Gosudarstvennyy suverenitet Rossii kak dukhovno-nravstvennaya tsennost' // Zashchita gosudarstvennosti: istoricheskoye naslediye i sovremennyye vyzovy: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Sankt-Peterburg, 26 marta 2025 g.) / Pod nauch. red. V. P. Sal'nikova. SPb.: Voyennaya ordena Zhukova akademiya voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii, Fond «Universitet», 2025. S. 22–24. V kn. 634 s. (Seriya: 80 let nashey Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne). (In Russ.).

35. Kleandrov M. I. Pravosudiye i spravedlivost'. 2-ye izd., pererab. i dop. M.: NORMA, 2023. 424 s. (In Russ.).

36. Kolokol'tsev V. A. Problemy obespecheniya natsional'noy bezopasnosti sovremennoy Rossii: Monografiya / Pod obshch. red. V. P. Sal'nikova, R. A. Romashova. SPb: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2005. 248 s. (In Russ.).

37. Markov A. A. Informatsionnoye obshchestvo. Informatsionnaya bezopasnost'. Informatsionnyye voyny: Monografiya / A. A. Markov, S. B. Bystryantsev, G. V. Krasnova. SPb: SPbGEU, 2019. 124 s. (In Russ.).

38. Markus S. A. Yuridicheskiye sredstva obespecheniya natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii: teoretiko-instrumental'nyy analiz: Dis. … kand. yurid. nauk. 5.1.1 / Markus Sergey Al'bertovich. SPb., 2026. 214 s. (In Russ.).

39. Marchenko M. N. State Sovereignty: Problems of Defining the Concept and Content // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye. 2003;1: 186–197. (In Russ.).

40. Mukhin A. I. Spiritual and moral values of society and the modern state // Teoriya gosudarstva i prava. 2025;2–1: 204–212. DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2–1_44_204 (In Russ.).

41. Ol' P. A. Pravovaya real'nost': formal'no-soderzhatel'nyy analiz: Monografiya / Pod red. V. P. Sal'nikova, R. A. Romashova. SPb.: Sankt-Peterburgskiy un-t MVD Rossii, 2005. 187 s. (In Russ.).

42. Ol' P. A. Legal Consciousness as a Form of Reflection of Legal Reality in the Context of Materialistic Methodology / P. A. Ol', M. V. Sal'nikov // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2023;1: 182–193. (In Russ.).

43. Prokof'yev K. G. Zashchita nravstvenno-pravovykh tsennostey kak otvet na ugrozy dukhovnoy bezopasnosti obshchestva // Zashchita gosudarstvennosti: istoricheskoye naslediye i sovremennyye vyzovy: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Sankt-Peterburg, 26 marta 2025 g.) / Pod nauch. red. V. P. Sal'nikova. SPb.: Voyennaya ordena Zhukova akademiya voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii, Fond «Universitet», 2025. S. 46–53. V kn. 634 s. (Seriya: 80 let nashey Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne). (In Russ.).

44. Sal'nikov V. P. The Value Basis of Sovereignty (On the Issue of Sovereign State-Legal Ideology) / V. P. Sal'nikov, D. V. Maslennikov, S. I. Zakhartsev [i dr.] // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2019;11; 149–162. (In Russ.).

45. Toffler E. Metamorfozy vlasti. M.: AST, 2004. 669 s. (In Russ.).

46. Filosofsko-pravovoye poznaniye: aktual'nyye problemy: monografiya / Ye. V. Vinogradova, A. O. Vorob'yev, M. Yu. Gutman [i dr.]; pod obshch. red. d-ra yurid. nauk, prof. V. P. Sal'nikova. 2-ye izd., ispr. i dop. M.: INFRA-M, 2025. 418 s. (Nauchnaya mysl'). DOI 10.12737/2152004 (In Russ.).

47. Finansovaya bezopasnost' Rossiyskoy Federatsii v usloviyakh intellektualizatsii i avtomatizatsii obshchestvennykh otnosheniy: monografiya / A. V. Anishchenko, V. N. Anishchenko, Ye. V. Anishchenko [i dr.]; pod obshch. red. V. N. Anishchenko. M: MGU im. M. V. Lomonosova. Vysshaya shkola gosudarstvennogo audita, 2025. 408 s. (In Russ.).

48. Finansovyy suverenitet i finansovaya bezopasnost' Rossii: ugrozy i riski: Monografiya / A. G. Khabibulin, A. V. Anishchenko, V. N. Anishchenko [i dr.]; pod obshch. red. A. G. Khabibulina. 2-ye izd., rassh. i dopoln. M.: MGU im. M. V. Lomonosova. Vysshaya shkola gosudarstvennogo audita, 2023. 480 s. (In Russ.).

49. Khazin M. Krizis i Vlast'. Tom. I. Lestnitsa v nebo. Izdaniye vtoroye, dopolnennoye i ispravlennoye / M. Khazin, S. Shcheglov. M.: RIPOL Klassik, 2023. 544 s. (In Russ.).

50. Khazin M. Krizis i Vlast'. Tom. II. Lyudi vlasti. Dialogi o velikikh syuzerenakh i vlastnykh gruppirovkakh. Izdaniye vtoroye, dopolnennoye i ispravlennoye / M. Khazin, S. Shcheglov. M.: RIPOL Klassik, 2023. 528 s. (In Russ.).

51. Ekimov A. I. Axiom of the relationship between justice and law // Mir politiki i sotsiologii. 2015;1: 13–23. (In Russ.).

52. Bodin J. Les Six Livres de la Republique. Paris: Jacques du Puys, 1576.

53. Franklin J. H. Jean Bodin and the Rise of Absolutist Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1973. 124 p.

54. Franklin J. H. Jean Bodin and the Sixteenth-Century Revolution in the Methodology of Law and History. New York: Columbia University Press, 1963. 163 p.

55. Rose P. L. Bodin and the Great God of Nature: The Moral and Religious Universe of a Judaiser. Geneve: Droz, 1980. 319 p.

56. Salmon J. H. M. The Legacy of Jean Bodin: Absolutism, Populism or Constitutionalism? // History of Political Thought. 1996. Vol. 17. No. 4. P. 500–522.

57. Skinner Q. The Foundations of Modern Political Thought. Vol. 2: The Age of Reformation. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. 405 p.

Информация об авторах

В. П. Сальников *– доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 13.08.2026; одобрена после рецензирования 10.09.2026; принята к публикации 28.09.2026.

Information about the authors

V. P. Sal'nikov *– Doctor of Sciences (Law), Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation*

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 13.08.2026; approved after reviewing 10.09.2026; accepted for publication 28.09.2026.

Научная статья

УДК 344

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОЕННО-СЛУЖЕБНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Галина Сергеевна Лебединская
Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
galina_lebedina@mail.ru

Аннотация. Специфика регулируемых отношений военнослужащих, являющихся специальными субъектами права, состоит в том, что они наделены собственным правовым статусом, включающим в себя особую совокупность прав и обязанностей, обусловленных особенностью выполняемых ими служебно-боевых задач в мирное и военное время. Указанный правовой статус регулируют общеобязательные и формально-определённые нормы, закрепляющие основы построения военной организации государства, порядок её функционирования и правовые средства охраны соответствующих публичных интересов. Исследование данной системы имеет не только теоретическое, но и непосредственное практическое значение, поскольку без её целостного осмысления невозможно обеспечить последовательное развитие нормотворчества, преодоление нормативных противоречий и формирование устойчивой правовой основы регулирования военно-служебных отношений, возникающих в период исполнения военнослужащими, как специальными субъектами права, обязанностей военной службы.

Ключевые слова: система законодательства, систематизация нормативных правовых актов, специальный субъект права, военнослужащие, военно-служебные отношения

Для цитирования: Лебединская Г.С. Систематизация нормативных правовых актов в сфере регулирования военно-служебных отношений в Российской Федерации // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 50–59. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/005.pdf.

Original article

SYSTEMATIZATION OF REGULATORY LEGAL ACTS IN THE SPHERE OF REGULATION OF MILITARY SERVICE RELATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Galina S. Lebedinskaya
Academy of National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
galina_lebedina@mail.ru

Abstract. The specific regulated relations of military personnel, which constitute special rights of subjects, consist of their own legal status, which includes special significance, taking into account the rights and obligations determined by the structure of their combat missions in peacetime and wartime. Registered provisions regulating their status govern generally binding and formally defining norms that establish the foundations of the state's military organization, its order, and the legal means of protecting relevant public interests. The study of this system has not only theoretical but also direct practical significance, since without its holistic understanding it is impossible to ensure the consistent development of rule-making, the overcoming of regulatory contradictions and the formation of a stable legal basis for regulating military service relations that arise during the performance of military service duties by military personnel, as special subjects of law.

Keywords: legislative system, systematization of normative legal acts, special subject of law, military personnel, military service relations

For citation: Lebedinskaya G.S. Systematization of regulatory legal acts in the sphere of regulation of military service relations in the Russian Federation. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36): 50–59. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/005.pdf.

© Лебединская Г.С., 2026

Введение

Регулирование военно-служебных отношений представляет собой внутренне упорядоченный комплекс нормативных правовых предписаний, посредством которых государство регламентирует отношения, складывающиеся в сфере военной организации, обороны и обеспечения военной безопасности. Его содержание образуют общеобязательные и формально определённые нормы, закрепляющие основы построения военной организации государства, порядок её функционирования и правовые средства охраны соответствующих публичных интересов. При этом регулирующее воздействие данного нормативного массива не исчерпывается узкими рамками военно-служебных отношений, а распространяется на весь круг связей, возникающих в процессе создания, развития и деятельности Вооружённых Сил Российской Федерации, иных войск, воинских формирований и органов. Именно в этих пределах получают правовое оформление вопросы комплектования, материально-технического обеспечения, прохождения военной службы, внутренней организации служебной деятельности, а также элементы правового статуса военнослужащих и иных участников воинских правоотношений, как специальных субъектов права, включая объём их прав, содержание обязанностей и основания юридической ответственности.

Нормативные правовые акты, действующие в указанной сфере, не образуют случайного набора законов, указов, постановлений и ведомственных приказов, принятых в различное время. Особую сложность создает значительное число ведомственных нормативных правовых актов, различающихся по юридической природе, содержанию и сфере действия. Такая множественность нередко затрудняет их использование в текущей практической деятельности, вносит несогласованность в правовое регулирование обороны и государственной безопасности и в отдельных случаях осложняет работу даже тем субъектам, которые непосредственно участвуют в подготовке и принятии соответствующих ведомственных документов. Именно поэтому систематизация и концептуальное оформление военного законодательства приобретают не только теоретическую, но и очевидную практическую значимость.

Неустойчивость военного законодательства влечет негативные последствия, способные существенно затронуть военную организацию государства. Прежде всего, страдает авторитет самого закона. Кроме того, постоянные изменения, дополнения и многочисленные поправки к действующим актам порождают ситуацию, при которой не только рядовой военнослужащий, но и правоприменитель нередко не может установить действующую редакцию нормативного акта и определить, какими предписаниями следует руководствоваться в конкретный момент. По этой причине проблема систематизации военного законодательства сегодня обоснованно рассматривается как одна из наиболее острых задач законотворческой практики в области военно-социальной политики [11].

Основная часть

1. Система военного права и ее роль в регулировании военно-служебных отношений

При сопоставлении Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» [2], Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» [5], указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации и ведомственных нормативных правовых актов выявляется не совокупность разрозненных регуляторов, а целостно выстроенная система источников военного права. Ее системообразующим началом выступает Конституция Российской Федерации, обладающая высшей юридической силой и определяющая пределы действия всех иных нормативных предписаний. Любой акт, включенный в данный массив, сохраняет юридическое значение лишь при условии соответствия конституционным установлениям. Тем самым именно конституционный уровень формирует основу всей нормативной конструкции, обеспечивающей регулирование отношений в области обороны, безопасности и функционирования военной организации государства.

Система регулирования военно-служебных отношений как внешняя форма правового оформления соответствующей сферы строится с учетом разграничения компетенции органов публичной власти и особенностей предмета регулирования. Многообразие применяемых нормативных форм обусловлено не только задачами государственного управления, но и различием в объеме властных полномочий субъектов нормотворчества. После Конституции Российской Федерации [1] приоритетное место принадлежит законам, однако и за-

конодательный уровень имеет внутреннюю дифференциацию. Федеральные конституционные законы принимаются по вопросам, прямо обозначенным в Конституции Российской Федерации, в усложненном порядке и по юридической силе занимают положение выше федеральных законов. Последние принимаются в пределах ведения Российской Федерации на основании общей конституционной процедуры. Для военной сферы указанное различие носит не формальный, а содержательный характер, поскольку Федеральный конституционный закон «О военном положении» и Федеральный закон «Об обороне» различаются как по месту в иерархии источников, так и по функциональному назначению в механизме правового регулирования [1].

Внутренняя организация нормативного материала не сводится к делению на законы и подзаконные акты. Существенное значение имеют и такие формы нормативного выражения, которые обеспечивают исходные начала регулирования либо системную переработку правового массива. В этом контексте кодифицированный акт представляет собой не механическое объединение предписаний, а внутренне согласованный законодательный комплекс, построенный на единстве предмета и метода регулирования. Кодификация свидетельствует о достижении соответствующей отраслью законодательства определенного уровня зрелости, когда дальнейшее развитие уже не может ограничиваться точечными изменениями и требует логически цельной нормативной систематизации. Следовательно, значение кодифицированных форм состоит в обеспечении последовательности, устойчивости и предсказуемости правового регулирования.

Подзаконный сегмент военного законодательства также строится по принципу строгой юридической соподчиненности. Его структура определяется, прежде всего, местом акта в иерархии источников, а не только содержанием регулируемых отношений. На верхнем уровне данного массива находятся акты Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, принимаемые в пределах их конституционной и законодательной компетенции во исполнение федеральных законов. Более низкое положение занимают нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, включая акты Министра обороны Российской Федерации и руководителей иных федеральных органов, в которых предусмотрено прохождение военной службы. Их действие ограничено пределами ведомственной компетенции, а содержание не может выходить за рамки федеральных законов, указов Президента Российской Федерации и постановлений Правительства Российской Федерации. Из этого следует производный характер ведомственного нормотворчества, основное назначение которого состоит в конкретизации и организационном обеспечении реализации предписаний более высокого уровня [13].

Самостоятельное место в системе источников военного права занимают указы Президента Российской Федерации. Их особое значение обусловлено конституционно-правовым статусом Президента Российской Федерации как главы государства, наделенного специальными полномочиями в области обороны и безопасности. В военной сфере указы выполняют как непосредственно регулятивную, так и учредительно-организационную функцию. Посредством данной формы закрепляются нормы, прямо регулирующие воинские правоотношения, а также утверждаются документы, содержащие развернутое специальное регулирование. Через указы вводятся в действие общевоинские уставы Вооруженных Сил Российской Федерации [6], утверждается Положение о порядке прохождения военной службы, оформляются основы государственной политики в сфере противодействия терроризму, определяется перечень сведений, составляющих государственную тайну, а также устанавливаются условия присвоения звания «Ветеран военной службы». Таким образом, указ выступает инструментом нормативного оформления ключевых элементов военной организации государства, сочетая оперативность принятия с высоким уровнем юридической значимости.

Иное функциональное назначение имеют постановления Правительства Российской Федерации. Данная форма выражает волю высшего исполнительного органа государственной власти, сформированную в коллегиальном порядке. Ее специфика состоит в предварительном обсуждении, согласовании и принятии решения в рамках коллективной процедуры, что предопределяет характер постановления как типичного акта именно для Правительства Российской Федерации. В системе подзаконного регулирования постановления служат одним из основных средств

нормативной детализации законодательных и президентских предписаний. С их помощью утверждаются положения, правила, инструкции, порядки, нормы снабжения и иные акты, обеспечивающие практическое функционирование механизмов правового регулирования в военной сфере. Правовое значение постановлений состоит в переводе общих нормативных установлений в плоскость организационно-исполнительной реализации, необходимой для деятельности органов военного управления и иных субъектов соответствующих правоотношений.

Особого рассмотрения требует распоряжение как самостоятельная форма правового акта. Его традиционное понимание как индивидуального ненормативного предписания, направленного на разрешение разовой управленческой ситуации, не охватывает фактическое многообразие современной регулятивной практики. Значительная часть распоряжений Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации обладает признаками нормативности, поскольку рассчитана на многократное применение, действует в течение неопределенно длительного либо продолжительного периода и адресуется не конкретному лицу, а неопределенному кругу субъектов. При таких условиях распоряжение выходит за пределы единичного управленческого решения и приобретает свойства подзаконного нормативного правового акта. Это подтверждается, в частности, актами, устанавливающими порядок использования перечней воинских частей и учреждений при решении вопросов о присвоении соответствующего статуса ветерана, а также актами, закрепляющими стоимостные показатели вещевого имущества для расчета денежной компенсации военнослужащим. В подобных случаях распоряжение фактически выполняет функцию устойчивого нормативного регулятора, а не разового административного веления.

Таким образом, современная система регулирования военно-служебных отношений в Российской Федерации опирается на разветвлённую нормативную базу, выстроенную по принципу иерархической соподчинённости. Конституционные положения очерчивают границы всего регулятивного массива и задают его содержательные ориентиры. На законодательном уровне действуют федеральные конституционные законы и федеральные законы, разграничиваемые по процедуре принятия, месту в правовой иерархии и выполняемым функциям. Подзаконный пласт образован указами Президента, правительственными постановлениями и распоряжениями, а также ведомственными актами. Совокупность этих элементов, объединённых единым предметом регулирования, обеспечивает согласованность нормативного воздействия в области обороны и военной службы, формируя правовые условия для решения задач государственной безопасности и регулирования военно-служебных отношений [16].

2. Локальные нормативные акты как основа регулирования военно-служебных отношений

Особенно наглядно нормативное начало проявляется в системе повседневного управления войсками, где правовое регулирование получает выражение через акты военного управления. Речь идет об официальных властных документах, посредством которых орган военного управления либо наделенное компетенцией воинское должностное лицо выражает свое обязательное волеизъявление. Их значение не сводится к простой фиксации уже сформулированного решения. Эти акты служат юридической формой воплощения государственно-властных предписаний, основанных на законе, и через них организуется военное управление в его практическом измерении: определяется содержание боевой подготовки, упорядочиваются процессы строительства Вооруженных Сил, регулируются служебные отношения, внутренняя организация и повседневная жизнь войск. Для тех, на кого распространяется их действие, то есть на специальных субъектах права, такие документы либо устанавливают обязанность действовать определенным образом, либо закрепляют соответствующие властные полномочия.

Специальный субъект права – это результат правовой специализации, который устанавливается с целью конкретизации и детализации объёма способности иметь или возможности обладать правами и обязанностями в правоотношениях специального вида. Военнослужащий, как специальный субъект права, наделен особым комплексом прав и обязанностей, характеризующимся спецификой выполняемых ими служебно-боевых задач в мирное и военное время [15].

Обеспечение правового статуса военнослужащего – это одна из обязанностей Российской Федерации. Ее выполнение предполагает создание через систему ор-

ганов государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, в том числе и органов военного руководства, разносторонних по своим целям, характеру и содержанию гарантий.

Функциональная роль актов военного управления в механизме военной организации государства многопланова. С одной стороны, именно они развивают и детализируют конституционные и законодательные положения, относящиеся к обороне, придавая им форму, пригодную для практического применения и тем самым обеспечивая нормативное оформление воинского правопорядка. С другой стороны, через них реализуется компетенция органов военного управления и воинских должностных лиц, а это непосредственно влияет на устойчивость руководства войсками, состояние дисциплины и поддержание правопорядка в военной сфере.

Приказ занимает центральное положение среди актов военного управления – не в силу формальной иерархии, а по существу своей природы. Речь идёт о властном волеизъявлении командира или начальника, наделённого соответствующими полномочиями и адресующего своё решение подчинённым, причём исполнение этого решения носит обязательный характер. Принцип единоначалия реализуется именно через данный инструмент: управленческое воздействие на личный состав осуществляется, прежде всего, посредством него. По своему содержанию такой акт может обязывать к совершению конкретных действий, предписывать соблюдение установленного режима или следование определённым правилам поведения.

Вместе с тем функции приказа не сводятся к прямым предписаниям. На практике он нередко выступает юридической формой, посредством которой вводятся в действие иные акты военного управления, концентрирующие в себе основной нормативный материал. Из этого вытекает двойственность его роли в механизме военно-служебного регулирования: непосредственное выражение властного веления командира сочетается в нём с функцией придания обязательной силы более широкому кругу управленческих установлений. Именно это сочетание распорядительного воздействия и опосредованного нормативного оформления определяет особое положение приказа в системе военно-управленческих актов.

Для оперативного военного управления директива имеет значение формы, близкой к приказу, но обладающей иными юридическими параметрами. Обычно она рассчитана на более узкий круг адресатов, действует в пределах менее широкого массива отношений, доводится быстрее и, как правило, не достигает той же юридической силы, которая свойственна приказу. Во многих случаях и продолжительность ее действия оказывается сравнительно небольшой. Такое понимание закреплено и в действующем ведомственном регулировании: Инструкция по делопроизводству в войсках национальной гвардии Российской Федерации, утвержденная приказом Росгвардии Российской Федерации от 30 июня 2022 г. № 212, характеризует директиву как распорядительный служебный документ, включающий указания по подготовке и ведению боевых действий, поддержанию боевой готовности, всестороннему обеспечению войск, их боевой и оперативной подготовке, обучению, воспитательной работе, вопросам штатной организации, а также по другим аспектам жизни и деятельности войск сил [9]. Как правило, директива непосредственно упорядочивает соответствующие воинские отношения, хотя иногда через нее вводятся или утверждаются также планы, программы, перечни и другие документы военного управления.

Когда речь идёт о регулировании не разовых предписаний, а устойчивых комплексов правил, в военно-правовой практике задействуют наставления, руководства и уставы. Наставление в этом ряду представляет собой официальный документ, сочетающий нормативные предписания с разъяснительными положениями: им охватываются подготовка и ведение боевых действий оперативных объединений, вопросы применения соединений и частей специальных войск, а также организация боевой подготовки. Применительно к специальным субъектам права подобный документ фактически выполняет роль, которую в других случаях реализует боевой устав. Через него регламентируются боевое использование войск, организация военных действий в особых условиях, штабная служба, различные виды обеспечения, а кроме того – устройство и эксплуатация вооружения и техники. Сложившаяся практика, тем самым, свидетельствует: специальное нормативное регулирование военной деятельности не обязательно требует оформления именно в форме боевого устава.

В совокупности правовых актов, которыми регулируются военно-служебные отношения, устав занимает обособленную по-

зицию. В широком юридическом смысле он представляет собой систематизированный свод норм, закрепляющих принципы устройства, организации и порядка функционирования. Применительно к военной сфере речь идёт о нормативно-правовом массиве, ориентированном на долгосрочное действие: он охватывает конкретную сторону службы, быта, подготовки или боевого применения Вооружённых Сил Российской Федерации, включая отдельные виды и рода войск.

Среди документов военного законодательства боевой устав выделяется по характеру своего содержания. Официальный руководящий акт такого рода фиксирует основы боевых действий соединений, частей и подразделений применительно к конкретному виду Вооружённых Сил или роду войск. Цели, задачи и принципы применения войск в бою определяются именно данным уставом, равно как и исходные положения, касающиеся подготовки к боевым действиям, их ведения, всестороннего обеспечения и управления силами. Формирование содержания подобного акта опирается на военную доктрину государства, достижения военной науки, накопленный боевой опыт, материалы боевой подготовки соединений и частей, сведения об организационно-штатной структуре войск, а также на существующий и перспективный уровень оснащённости вооружением и военной техникой. Субъективное усмотрение при этом исключено: за каждым положением устава стоит объективно обусловленная совокупность оснований.

3. Проблемы современного регулирования военно-служебных отношений и пути их разрешения

Особенности современного регулирования военно-служебных отношений определяются их чрезмерным разнообразием при недостаточно чётком разграничении. Это порождает затруднения как в правоприменительной практике, так и при подготовке новых документов. Разграничить акт, именуемый правилами, и акт, обозначенный как порядок, нередко затруднительно: по содержанию эти формы во многих случаях практически совпадают. Аналогичные сложности возникают при соотнесении наставления с руководством. Смешанные обозначения – такие как инструкция о порядке или положение о порядке – усугубляют неопределённость, поскольку размывают границы между самостоятельными нормативными формами.

Действующее нормативное регулирование, в отличие от описанной размытости, тяготеет к строгой формальной определённости. Постановлением Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 г. № 1009 утверждены Правила подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, второй пункт которых закрепляет исчерпывающий перечень допустимых форм: приказы, постановления, распоряжения, положения, инструкции и правила. Издание нормативных предписаний в форме писем и телеграмм тем же актом прямо исключено. Ведомственная практика, включая военную сферу, тем не менее, нередко отступает от этого требования: вопросы, непосредственно касающиеся прав военнослужащих, по-прежнему получают оформление именно в названных неприемлемых формах [8].

Сложившаяся неупорядоченность не может быть преодолена без чёткого разграничения функциональной роли каждой разновидности военно-правовых актов. Руководство воспринимается на практике преимущественно как прикладной документ. Круг вопросов, охватываемых им, включает ведение боевых действий, организацию боевой подготовки, устройство и эксплуатацию вооружения и военной техники, хранение военного и иного имущества, а также служебное делопроизводство и переписку. Положение преследует иную цель: с его помощью нормативно закрепляется статус органов, учреждений, организаций либо однородных групп таких структур.

Его особенность состоит в кодифицированном характере: положение не сводится к изолированному правилу, а системно закрепляет правовое состояние соответствующего субъекта или целостный участок общественных отношений. В военно-служебной сфере посредством положения может определяться структура конкретного органа военного управления, круг его полномочий, место в общей системе управления, а также регулироваться самостоятельный сегмент военно-служебных отношений.

Основное предназначение инструкции состоит не в установлении правового статуса, а в разъяснении того, каким образом реализуются уже закреплённые предписания. Будучи актом, конкретизирующим применение закона или нормативного документа более высокой юридической си-

лы, она выстраивает последовательность действий, которые обязано совершить физическое либо юридическое лицо при исполнении требований вышестоящего акта. Иными словами, в центре инструктивного регулирования находится операциональная сторона правомерного поведения: заполнение документов, выдача разрешений, эксплуатация объектов и аналогичные предметно ориентированные процедуры.

Правила занимают в этой системе самостоятельное место. Данная форма нормативного правового акта детально описывает порядок осуществления той или иной операции либо специальной деятельности, фиксируя при этом не столько конкретные манипуляции с материальными объектами, сколько модель поведения участников правоотношений и характер их взаимодействия. Содержание, очерёдность и особенности действий субъектов права, процедурные и технические аспекты соответствующей сферы – всё это охватывается правилами как самостоятельным регулятивным инструментом.

Смысловая близость двух форм не снимает практических затруднений. Слово «порядок» в обычном словарном употреблении соотносится либо с правилами совершения действия, либо с установленным режимом деятельности. Между тем в нормотворческой практике тот же термин приобретает значение самостоятельного обозначения акта, что дополнительно осложняет ориентацию в системе ведомственных форм и снижает её прозрачность.

К указанным трудностям добавляется нестабильность самого военно-правового массива. Анализ законотворческой деятельности Федерального Собрания за последние годы показывает: новых законов в данной области принимается сравнительно немного, тогда как действующие акты постоянно корректируются. Внешне такая картина может восприниматься как внимательное сопровождение законодательства. Однако сами изменения нередко вносятся столь же несистемно и стихийно, как принимались исходные законы. Недостает полноценного обобщения правотворческой и правоприменительной практики; замечания и критика со стороны тех, на кого распространяются соответствующие нормы, учитываются не в полной мере. Отсюда – затруднения с информированием адресатов закона: в конкретной ситуации не всегда можно уверенно судить, учтены ли последние изменения. Дополнительную сложность создает и то, что, изменяя один акт, законодатель нередко не приводит в соответствие с ним другие связанные нормативные источники [12].

На этом фоне особую значимость приобретает кодификация. Кодекс выглядит наиболее удачной формой систематизации, поскольку в нем могут быть объединены и логически упорядочены нормы, относящиеся к нескольким правовым отраслям и содержащиеся в актах разной юридической силы, различного предмета регулирования. Кодификационная работа в военной сфере предполагает не механическое сведение действующего материала в единый текст, а его пересмотр и качественное обновление. Речь идет о переходе от фрагментарного состояния к более высокой степени внутренней согласованности. Поэтому результативность создания кодифицированного акта в области обороны и военной безопасности напрямую связана с тем, насколько адекватно поняты и реализованы принципы кодификации.

Практическая ценность кодификации военного права состоит в том, что она способна упорядочить правовую систему и сократить массив подзаконных актов, ряд которых вступает в противоречие с Конституцией Российской Федерации. Нормативные предписания, выдержавшие проверку временем, при этом не утрачиваются – они входят в состав нового, внутренне связного акта. Речь идёт не об арифметическом сокращении числа документов, а о качественно иной правовой основе регулирования.

Наряду с кодификационным направлением требуются решения прикладного, ведомственного характера. Федеральным органам исполнительной власти, в которых предусмотрено прохождение военной службы, по мнению автора, целесообразно принять специальные нормативные акты, фиксирующие перечень используемых видов ведомственных актов и разграничивающие функциональное назначение каждого из них. Подобная внутренняя типизация способна устранить дублирование норм, снять существующую неопределённость и сообщить системе более высокую степень юридической чёткости.

Из вышеизложенного следует, что военное законодательство не сводится к механической совокупности законов, указов, постановлений и приказов. Перед нами единая система, охватывающая весь нормативный массив, посредством которого государство регулирует военную деятель-

ность. Теоретическое осмысление этой системы носит не абстрактный, а сугубо прикладной характер: без него построение внутренне согласованного и непротиворечивого военного законодательства, способного служить устойчивой основой системы регулирования военно-служебных отношений, едва ли достижимо [16].

Заключение

Современное состояние правового регулирования в сфере военно-служебных отношений и деятельности соответствующих федеральных органов исполнительной власти свидетельствует о необходимости более глубокой систематизации военно-правового массива. Перспективным направлением такого упорядочения выступает кодификация норм военного права. Её значение не может быть сведено лишь к формальному объединению разрозненных предписаний в рамках единого текста. По существу речь идёт о приведении всей системы военно-правового регулирования в более согласованное и внутренне упорядоченное состояние, а также о сокращении избыточного массива подзаконных актов, часть которых не всегда в должной мере согласуется с Конституцией Российской Федерации.

Кодификация предполагает не механическое воспроизведение уже существующих норм, а их отбор, переработку и нормативное переосмысление. Сохраняются, прежде всего, те правовые предписания, которые подтверждены практикой, доказали свою устойчивость и соответствуют реально сложившимся общественным отношениям. В переработанном виде такие положения получают закрепление уже в структуре единого кодифицированного нормативного правового акта.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации [электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г., с учетом поправок, внесенных Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, вступили в силу 4 июля 2020 года (Указ Президента Российской Федерации от 03 июля 2020 г. № 445) // СПС «Консультант плюс».

2. Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» (ред. от 13.12.2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 5. Ст. 375.

3. Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (ред. от 26.12.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 22. Ст. 2331.

4. Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (ред. от 28.12.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

5. Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» (ред. от 04.11.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 23. Ст. 2750.

6. Указ Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации (вместе с «Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации», «Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации», «Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации») (ред. от 24.06.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 47. Ст. 5749.

7. Указ Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237 Вопросы прохождения военной службы (вместе с Положением о порядке прохождения военной службы) (ред. от 24.06.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 38. Ст. 4534.

8. Постановление Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 г. № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» (с изменениями на 15 ноября 2024 года) // Собрание законодательства Российской Федерации, 1997. № 33. Ст. 3895.

9. Приказ Росгвардии от 30 июня 2022 г. № 212 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в войсках национальной гвардии Российской Федерации» (ред. от 11.06.2025 г.) // СПС «Консультант плюс».

10. Алексеев С. С. Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1. 565 с.

11. Байтин М. Н. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М., 2007. 451 с.
12. Бошно С. В. Современное развитие теории и практики кодифицированных актов // Современное право. 2003. № 12. С. 124–126.
13. Протасов В. Н. Теория государства и права: учебник и практикум для вузов. М. : Изд-во «Юрайт», 2020. 487 с.
14. Романов П. И. Военное право как отрасль советского законодательства, учебная и научная дисциплина // Вопросы теории военного законодательства и практики его применения. М., 1974. С. 74–79.
15. Стремоухов А. А. Юридический статус специального субъекта права (теоретико-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Стремоухов Александр Алексеевич. СПб., 2002. 215 с.
16. Сырых В. М. Логические основания общей теории права: в 2 т. М., 2008. 444 с.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii [elektronnyj resurs]: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01 iyulya 2020 g., s uchetom popravok, vnesennyh Zakonom Rossijskoj Federacii o popravke k Konstitucii Rossijskoj Federacii ot 14 marta 2020 g. № 1-FKZ, vstupili v silu 4 iyulya 2020 goda (Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 03 iyulya 2020 g. № 445) // SPS «Konsul'tant plyus». (In Russ.).
2. Federal Constitutional Law No. 1□FKZ dated January 30, 2002, "On Martial Law" (as amended on December 13, 2024). // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2002;5. St. 375. (In Russ.).
3. Federal Law No. 76□FZ dated May 27, 1998, "On the Status of Military Personnel" (as amended on December 26, 2025). // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1998;22. St. 2331. (In Russ.).
4. Federal Law No. 53□FZ dated March 28, 1998, "On Military Duty and Military Service" (as amended on December 28, 2025). // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2011;7. St. 900. (In Russ.).
5. Federal Law No. 61□FZ dated May 31, 1996, "On Defense" (as amended on November 4, 2025). // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1996;23. St. 2750. (In Russ.).
6. Decree of the President of the Russian Federation dated November 10, 2007, No. 1495 "On the Approval of the General Military Regulations of the Armed Forces of the Russian Federation" (together with the "Regulations on Internal Service of the Armed Forces of the Russian Federation", the "Disciplinary Regulations of the Armed Forces of the Russian Federation", and the "Regulations on Garrison and Guard Services of the Armed Forces of the Russian Federation") (as amended on June 24, 2025). // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2007;47. St. 5749. (In Russ.).
7. Decree of the President of the Russian Federation dated September 16, 1999, No. 1237. Issues related to military service (together with the Regulations on the Procedure for Military Service) (as amended on June 24, 2025). // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1999;38. St. 4534. (In Russ.).
8. Resolution of the Government of the Russian Federation dated August 13, 1997, No. 1009 "On the Approval of the Rules for the Preparation of Regulatory Legal Acts of Federal Executive Authorities and Their State Registration" (as amended on November 15, 2024) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii, 1997;33. St. 3895. (In Russ.).
9. Prikaz Rosgvardii ot 30 iyunya 2022 g. № 212 «Ob utverzhdenii Instrukcii po deloproizvodstvu v vojskah nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii» (red. ot 11.06.2025 g.) // SPS «Konsul'tant plyus». (In Russ.).
10. Alekseev S. S. Problemy teorii prava: kurs lekcij: v 2 t. Sverdlovsk, 1972. T. 1. 565 s. (In Russ.).
11. Bajtin M. N. Sushchnost' prava (sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvuh vekov). 2-e izd., dop. M., 2007. 451 s. (In Russ.).
12. Boshno S. V. The modern development of the theory and practice of codified acts // Sovremennoe pravo. 2003;12: 124–126. (In Russ.).
13. Protasov V. N. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik i praktikum dlya vuzov. M. : Izd-vo «YUrajt», 2020. 487 s. (In Russ.).
14. Romanov P. I. Voennoe pravo kak otrasl' sovetskogo zakonodatel'stva, uchebnaya i nauchnaya disciplina // Voprosy teorii voennogo zakonodatel'stva i praktiki ego primeneniya. M., 1974. S. 74–79. (In Russ.).

15. Stremouhov A. A. YUridicheskij status special'nogo sub"ekta prava (teoretiko-pravovoj aspekt): dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01 / Stremouhov Aleksandr Alekseevich. SPb., 2002. 215 c. (In Russ.).

16. Syryh V. M. Logicheskie osnovaniya obshchej teorii prava: v 2 t. M., 2008. 444 s. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 12.06.2026;
одобрена после рецензирования 15.09.2026;
принята к публикации 28.09.2026.

The article was submitted `12.06.2026;
approved after reviewing 15.09.2026;
accepted for publication 28.09.2026.

Научная статья

УДК 355/359

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РОЛЬ ВОИНСКИХ НАГРАД И ЗНАКОВ ОТЛИЧИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Сергей Геннадьевич Лысенков[1], Анатолий Петрович Шарухин[2]
[1-2] Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
[1] sergey.lysenkov@mail.ru
[2] apsha@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется эволюция традиции чествования ратных подвигов защитников Отечества, берущая начало в Древней Руси. Показано, что система поощрений, включающая как коллективные, так и индивидуальные награды, в годы Великой Отечественной войны приобрела особое воспитательное значение. Автор обосновывает актуальность обращения к этому историческому опыту в контексте современных задач военно-патриотического воспитания, в том числе в условиях специальной военной операции.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, историческая преемственность, Великая Отечественная война, воинские награды, знаки отличия, гвардейские части

Для цитирования: Лысенков С.Г., Шарухин А.П. Воспитательная роль воинских наград и знаков отличия в годы Великой Отечественной войны // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 60–65. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/006.pdf.

Original article

THE EDUCATIONAL ROLE OF MILITARY AWARDS AND INSIGNIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Sergey G. Lysenkov[1], Anatoly P. Sharukhin[2]
[1-2] Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
[1] sergey.lysenkov@mail.ru
[2] apsha@yandex.ru

Abstract. The article examines the evolution of the tradition of honoring the feats of arms of the defenders of the Fatherland, originating in Ancient Russia. It is shown that the reward system, which includes both collective and individual awards, ac-quired a special educational significance during the Great Patriotic War. The au-thor substantiates the relevance of referring to this historical experience in the context of modern tasks of military-patriotic education, including in the context of a special military operation.

Keywords: patriotic education, historical continuity, the Great Patriotic War, military awards, insignia, guards units

For citation: Lysenkov S.G., Sharukhin A.P. The educational role of military awards and insignia during the Great Patriotic War. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36): 60–65. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/006.pdf.

© Лысенков С.Г., Шарухин А.П., 2026

Введение

Цель настоящей работы – проследить генезис и раскрыть содержание духовно-нравственной традиции поощрения боевых заслуг российских воинов. Эта традиция, складывавшаяся веками, оказалась особенно востребованной в экстремальных условиях Великой Отечественной войны, когда массовый героизм потребовал адекватных форм признания. Воспитание на примерах доблести и чести всегда рассматривалось как основной элемент формирования патриотического сознания, и сегодня, в условиях новых военных вызовов, обращение к наградной практике прошлого приобретает не только историческое, но и практическое значение. Среди многообразных средств патриотического воздействия выделяются присвоение частям почётных наименований, вручение орденов и медалей, а также иные знаки отличия, совокупный опыт применения которых в 1941–1945 гг. представляет собой уникальное наследие, опирающееся на многовековые традиции российского воинства.

Основные положения

1. Становление наградной системы в России

Истоки наградного дела уходят в эпоху формирования древнерусской государственности и её военной организации. Уже в те времена практиковались как коллективные, так и персональные формы поощрения – от присвоения почётных титулов до публичных церемоний, что зафиксировано в военно-исторических источниках [2].

В Древней Руси характер воздаяния за воинские подвиги зависел от социального положения героя, обстоятельств сражения и местных обычаев [3]. Первоначально система не имела жёсткой регламентации, однако постепенно сложились определённые виды материального и морального стимулирования. К числу материальных поощрений относились оружие, доспехи, кони, драгоценные сосуды, земельные угодья; к статусным – титулы, административные посты, наградные монеты; к моральным – княжеские грамоты, почётные звания и «милостивое слово» правителя. Высшим актом признания заслуг перед государством и Церковью становилась канонизация – так, Александр Невский и Дмитрий Донской были причислены к лику святых за победы над иноземными захватчиками [4].

Таким образом, именно в домонгольский период поощрение начало оформляться как системный воспитательный метод, сочетающий моральные и материальные рычаги воздействия на ратников [5, с. 252].

С XVI века поселенные войска получали наименования по месту дислокации – «смоляне», «туляне», «володимерцы» – или по фамилиям командиров. Древнейшей из таких частей считается Бутырский полк, сформированный в Москве в 1642 г., а с 1683 г. ведёт свой отсчёт история Преображенского и Семёновского полков, названных по сёлам, где они квартировали [6].

Пётр I, реформируя армию, создал дополнительно 29 солдатских полков, изначально именовавшихся по фамилиям их шефов. Примечательно, что имя А.В. Суворова впоследствии носили два полка, а М.И. Кутузова – один [6]. Именно в петровскую эпоху зарождается российская гвардия, выросшая из «потешных» отрядов и ставшая в 1700 г. основой регулярной армии и кузницей офицерских кадров [7].

Наградная иерархия Российской империи сложилась в XVIII в. и включала боевые знамёна и штандарты (коллективные награды), а также ордена, медали, наградное оружие и другие персональные знаки. Система отличалась строгой субординацией и чёткими правилами ношения.

Верховной боевой наградой империи являлся орден Святого Георгия четырёх степеней (учреждён в 1769 г.). При этом четвёртая степень вручалась исключительно за личную храбрость, проявленную в сражении. Имена георгиевских кавалеров и наименования удостоенных георгиевских знамён частей были навечно занесены на мраморные доски Георгиевского зала Кремля – это более 11 тысяч фамилий и свыше 500 названий полков, батарей и экипажей, что служит мощным воспитательным фактором до сих пор [8].

Для старших орденов действовал принцип последовательного награждения – от низшей степени к высшей, с учётом чина и выслуги. Медали жаловались за участие в конкретных кампаниях и битвах. Нижние чины удостаивались Георгиевских крестов. Существовало также Георгиевское оружие «За храбрость». Среди малоизвестных знаков – горжет (шейный знак офицеров элитных полков) и парадный шарф, который со временем трансформировался в офицерский пояс, сохранившийся в форме советской, а затем и российской армии [9].

Ношение наград создавало в воинских коллективах особую нравственную атмосферу, базирующуюся на понятиях долга и чести. Генерал-фельдмаршал П.А. Румянцев подчёркивал, что честь есть внутреннее стремление к благородству и совершению славных дел, движимое единственно одобрением собственной совести [10, с. 23–24].

После революции 1917 г. прежние награды были упразднены, однако традиция присвоения почётных имён сохранилась, особенно ярко проявившись в годы Гражданской войны. Части и соединения получали имена героев прошлого (Невского, Донского, Пожарского), своих командиров (Чапаева, Будённого, Щорса), а также названия по местам боёв (Перекопская, Сивашская, Железная дивизии). Наименования, отражавшие революционную идеологию, присваивались кораблям, бронепоездам, авиаотрядам и даже отдельным танкам и самолётам [11].

Наградная система Красной армии в тот период ограничивалась тремя видами: орденом Красного Знамени (с 1918 г.), почётным революционным оружием (шашка или маузер с изображением ордена) и почётными революционными знамёнами, которые становились боевыми знамёнами частей [11]. Особую роль в становлении этой системы сыграли военные комиссары, которые внедряли новые формы поощрения, стремясь поддерживать высокий политико-моральный дух войск в любых условиях [12].

В межвоенный период в СССР сформировалась разветвлённая наградная система: в 1928 г. – орден Трудового Красного Знамени, в 1930 г. – орден Ленина и орден Красной Звезды. В 1938 г. появилась первая юбилейная медаль «XX лет РККА» и боевые медали «За отвагу» и «За боевые заслуги», а также нагрудные знаки за ма-

стерство – «Отличник РККА», «Ворошиловский стрелок» и др. [13].

2. Коллективные награды и почётные наименования в годы войны

В 1941–1945 гг. довоенные традиции получили мощное развитие. Наиболее значимым явлением стало учреждение советской гвардии. Приказом Наркома обороны от 18 сентября 1941 г. четыре стрелковые дивизии (№№ 100, 127, 153 и 161) за проявленные стойкость и массовый героизм были преобразованы в 1–4-ю гвардейские [14, с. 183].

Для гвардейских частей, соединений и кораблей были введены Гвардейские знамёна, а Указом от 21 мая 1942 г. установлены гвардейские воинские звания и нагрудный знак «Гвардия» (для моряков – оранжево-чёрная лента). Гвардейцам полагались повышенные оклады (командирам – полуторный, рядовым – двойной) и особые условия службы. Всего за войну гвардейского звания удостоились 17 армий, 82 корпуса, 215 дивизий, 236 бригад, а также множество полков и кораблей [14, с. 183]. Соединения НКВД этого статуса не получали, поскольку подчинялись наркому внутренних дел, не имевшему полномочий на такое присвоение [15; 16].

С апреля 1943 г. гвардейские дивизии, как наиболее боеспособные, использовались на главных направлениях – для прорыва в наступлении или нанесения контрударов в обороне.

Почётные наименования стали присваиваться частям и соединениям за успешное освобождение городов, форсирование рек, разгром вражеских группировок. Первый поздравительный приказ Верховного Главнокомандующего, ознаменовавший освобождение Орла и Белгорода, вышел 5 августа 1943 г. Всего до конца войны было издано 373 таких приказа, в которых отмечались заслуги фронтов, армий, флотов и отдельных формирований [17, с. 9].

До 1944 г. в приказах перечислялись конкретные части, получавшие почётное наименование; позднее указывалось лишь, что наиболее отличившиеся представляются к награждению орденами и почётными именами, а всем участникам операций объявлялась благодарность [17, с. 102].

Свыше ста соединений и частей Красной армии стали Берлинскими, 79 – Будапештскими, 50 – Венскими; 18 формирований войск НКВД также удостоились почётных имён [18]. Некоторые части получали имена в честь полководцев (Фрунзе, Панфилова, Лизюкова) или географических объектов (Днепровские, Карпатские, Таманские) [6]. Нередкими были двойные наименования (например, 89-я Белгородско-Харьковская гвардейская). Как отмечал генерал С. М. Штеменко, Верховный запретил тройные названия, ограничившись сдвоенными, а для многократно отличившихся применялись иные поощрения – ордена или гвардейское звание [6].

Артиллерийские салюты стали ещё одной формой чествования побед. Первый салют (в честь освобождения Орла и Белгорода) прогремел в Москве 5 августа 1943 г. Идею И.В. Сталин обосновал исторической аналогией с колокольным звоном в честь победителей. Вскоре была установлена трёхступенчатая градация салютов: 24 залпа из 324 орудий, 20 залпов из 224, 12 залпов из 124. В День Победы, 9 мая 1945 г., был дан салют первой категории – 30 залпов из 1000 орудий [19, с. 453–456]. Салюты стали действенным средством подъёма патриотических чувств у населения.

3. Персональные награды военного времени

Государственные награды являлись мощным стимулом для добросовестного выполнения боевых задач. Наряду с довоенными орденами и медалями, в годы войны были учреждены новые.

Указами Президиума Верховного Совета СССР в 1942–1944 гг. введены ордена Отечественной войны I и II степеней, Суворова, Кутузова, Александра Невского, Богдана Хмельницкого, высший военный орден «Победа», солдатский орден Славы трёх степеней, а также флотские ордена Ушакова и Нахимова. Параллельно появились медали за оборону Ленинграда, Одессы, Севастополя, Сталинграда, Москвы, Кавказа, Советского Заполярья, а также медали «Партизану Отечественной войны» [20; 14, с. 520].

После окончания войны были учреждены медали за взятие Будапешта, Кёнигсберга, Вены, Берлина, за освобождение Белграда, Варшавы, Праги, за победу над Японией, а в 1961 г. – за оборону Киева [14, с. 434].

В статутах орденов детально прописывались конкретные боевые эпизоды, дающие право на награду. Например, орден Славы предусматривал 32 вида подвигов (от уничтожения танков до спасения командира), а орден Отечественной войны – 30 для I степени и 25 для II [20].

Для награждённых устанавливались льготы: ежемесячные доплаты, бесплатный проезд, льготы по оплате жилья, однако после войны большинство из них было отменено, и лишь для Героев Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы льготы сохранились (Указ от 10 сентября 1947 г.) [21, с. 523].

Для ускорения процедуры награждения Указом от 10 ноября 1942 г. право вручать ордена и медали было делегировано командующим фронтами, флотами, армиями, а также командирам корпусов, дивизий, бригад и полков. Всего было принято 13 таких указов, расширявших круг должностных лиц, имеющих право награждения; все они утратили силу в феврале 1947 г. [21, с. 145–149].

Особое внимание уделялось своевременному вручению наград и передаче орденов погибших их семьям. В октябре 1942 г. Секретариат Президиума Верховного Совета разъяснил порядок такой передачи через местные исполкомы, чтобы родственники могли получать пенсионные надбавки [21, с. 520–522]. Аналогичные требования содержала директива заместителя наркома обороны от 11 июня 1943 г. [22].

Военные советы ориентировали командиров на поощрение не только за конкретные подвиги, но и за длительную добросовестную службу на передовой. В директиве Западному фронту от 19 июня 1943 г. подчёркивалось, что полутора-двухлетнее пребывание на переднем крае с неоднократными ранениями само по себе является заслугой перед Родиной [23].

Указом от 20 августа 1944 г. были установлены критерии награждения за выслугу лет: от 10 до 14 лет – медаль «За боевые заслуги», 15–19 – орден Красной Звезды, 20–24 – орден Красного Знамени, 25 и более – орден Ленина. При этом время, проведённое в плену, окружении, под следствием, засчитывалось лишь в том случае, если военнослужащий не был уволен из армии [24].

Помимо орденов и медалей, применялись и неформальные знаки отличия: нанесение красных звёзд на фюзеляжи, башни танков и орудия за сбитые самолёты или подбитые танки; вручение почётных грамот, благодарственных писем, нагрудных знаков «Отличный пулемётчик», «Снайпер» и др. [25; 26].

Важным рычагом служило и материальное поощрение. Постановлением от 31 мая 1943 г. для ВМФ устанавливались крупные денежные премии за потопление вражеских кораблей – от 500 до 25 тыс. рублей в зависимости от звания и типа цели [27]. Аналогичные выплаты полагались в сухопутных войсках за уничтожение танков, самолётов и орудий – например, за один подбитый танк боец получал 1 тыс. рублей, а орудийный расчёт за три танка – ту же сумму и медаль «За отвагу».

Заключение

Продуманное сочетание моральных и материальных стимулов, подкреплённое систематической воспитательной работой, существенно повышало боеспособность армии. В ходе войны было проведено свыше 50 стратегических, около 250 фронтовых и более 1000 армейских операций [14, с. 119]. За успешное руководство стратегическими операциями ордена «Победа» были удостоены А. И. Антонов, Л. А. Говоров, И. С. Конев, Р. Я. Малиновский, К. А. Мерецков, К. К. Рокоссовский, С. К. Тимошенко, Ф. И. Толбухин; дважды – А. М. Василевский, Г. К. Жуков, И. В. Сталин [19, с. 446].

Всего за годы войны было произведено свыше 12 миллионов награждений (по годам: 1941 – более 32,7 тыс.; 1942 – около 395 тыс.; 1943 – до 2,05 млн; 1944 – до 4,3 млн; 1945 – 5,47 млн) [19, с. 446–447]. Более 7 миллионов военнослужащих получили ордена и медали, а 11 603 человека стали Героями Советского Союза.

Таким образом, наградная система Великой Отечественной войны явилась не только средством признания индивидуальных и коллективных подвигов, но и мощным инструментом патриотического воспитания, опыт которого сохраняет свою актуальность и в современной практике военного строительства. В условиях усиливающихся попыток пересмотра итогов войны и дискредитации роли Советского Союза, обращение к подлинной истории боевых наград становится важным элементом сохранения исторической памяти и противодействия информационным атакам, о чём справедливо пишет А.А. Семенов [28]. Воспитание на примерах героизма, запечатлённых в наградах, помогает формировать устойчивое национальное самосознание и противостоять деструктивным идеологическим влияниям.

Список источников

1. Бутов С. В. О необходимости преемственности опыта в воспитании патриотизма в войсках НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны // Яковлевские чтения. Новосибирск, 2024. С. 40–44.
2. Ионина И.А. Сто великих наград. М. : Вече, 2002. 429 с.
3. Разин Е. А. История военного искусства. VI–XVI вв. СПб. : Полигон; АСТ, 1999. 656 с.
4. Спасский И. Г. Золотые воинские награды в допетровской Руси. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. 147 с.
5. Во имя России: Российское государство, армия и воинское воспитание / под ред. В. А. Золотарева и др. М. : Русь-РКБ, 1999. 336 с.
6. Почётные наименования воинских частей и соединений России и СССР. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki (дата обращения 22.03.2026).
7. Андриайнен С. В. Российская императорская гвардия в конце XVII первой половине XIX в. СПб. : СПГЭУ, 2020. 314 с.
8. Гамов А. Георгиевский зал // Комсомольская правда. 2016. 6 ноября.
9. Кузнецов А. А. Награды Российской империи. М. : ОлмаМедиа Групп, 2007. 208 с.

10. Суртаев В. Н. Офицеры русской императорской армии. 1900–1917 гг. М. : Русское историческое общество, 2012. 272 с.
11. Рощин Л. В. Наши воинские символы. М. : ДОСААФ, 1989. 229 с.
12. Лысенков С. Г. Военные комиссары – организаторы воспитательной работы в Красной Армии в период Гражданской войны // Научное мнение. 2018. № 12. С. 32–37.
13. Ордена и медали СССР / А. Н. Васильев И. П. Каргальцев, Л. В. Павлов. М. : Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1940. 112 с.
14. Военный энциклопедический словарь / пред. Н. В. Огарков. М. : Воениздат, 1983. 863 с.
15. Лысенков С. Г. Участие войск НКВД СССР в оборонительных сражениях Великой Отечественной войны // Участие войск НКВД в Великой Отечественной войне. СПб., 2015. С. 17–19.
16. Лысенков С. Г. Правовое положение войск НКВД СССР по охране тыла действующей армии в период Великой Отечественной войны / С. Г. Лысенков, С. В. Бутов // Актуальные проблемы обеспечения безопасности... Санкт-Петербург, 2024. С. 120–125.
17. Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны. М. : Воениздат, 1975. 598 с.
18. Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы. М. : Юрид. лит., 1975. 728 с.
19. Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. 2-е изд. М. : Воениздат, 1975. 486 с.
20. Лысенков С. Г. Государственные награды СССР и порядок награждения ими военнослужащих в период Великой Отечественной войны // Современные проблемы науки и образования во внутренних войсках МВД России. СПб., 1975. С. 164–166.
21. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1961 гг. М. : Известия, 1961. 976 с.
22. Директива заместителя народного комиссара обороны СССР от 11.06.1943 // ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Ед. хр. 2340. Л. 48.
23. Директива войскам Западного фронта № 09/969 от 19.06.1943 // ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Ед. хр. 2340. Л. 80.
24. Указ ПВС СССР от 20.08.1944 // ЦВМА. Ф. 1081. Оп. 5. Д. 1660. Л. 184–186.
25. Бутов С. В. Военная присяга военнослужащих Красной Армии... как морально-правовая норма / С. В. Бутов, С. Г. Лысенков // Нравственность и гуманизм в праве и культуре. СПб., 2024. С. 92–98.
26. Бутов С. В. Снайперское движение войск НКВД СССР Ленинградского фронта / С. В. Бутов, О. А. Быков // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 3(38). С. 8–12.
27. Постановление СНК СССР № 761-189 от 31.05.1943 г. // ЦВМА. Ф. 79. Д. 39817. Л. 134–136.
28. Семенов А. А. Искажение исторических фактов о Великой Отечественной войне: инструмент в арсенале информационной борьбы // Яковлевские чтения: сборник научных статей IV Межведомственной научно-практической конференции с международным участием: в 2 частях, Новосибирск, 19–20 марта 2025 года. Новосибирск: НВИ войск национальной гвардии, 2025. С. 283–286.

References

1. Butov S. V. O neobhodimosti preemstvennosti opyta v vospitanii patriotizma v vojskah NKVD SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // YAkovlevskie chteniya. Novosibirsk, 2024. S. 40–44. (In Russ.).
2. Ionina I.A. Sto velikih nagrad. M. : Veche, 2002. 429 s. (In Russ.).
3. Razin E. A. Istoriya voennogo iskusstva. VI–XVI vv. SPb. : Poli-gon; AST, 1999. 656 s. (In Russ.).
4. Spasskij I. G. Zolotye voinskie nagrady v dopetrovskoj Rusi. L. : Izd-vo Gos. Ermitazha, 1961. 147 s. (In Russ.).
5. Vo imya Rossii: Rossijskoe gosudarstvo, armiya i voinskoe vospi-tanie / pod red. V. A. Zolotareva i dr. M. : Rus'-RKB, 1999. 336 s. (In Russ.).
6. Pochyotnye naimenovaniya voinskih chastej i soedinenij Rossii i SSSR. Available from: https://ru.ruwiki.ru/wiki (data obrashcheniya 22.03.2026). (In Russ.).
7. Andriajnen S. V. Rossijskaya imperatorskaya gvardiya v konce XVII pervoj polovine XIX v. SPb. : SPGEU, 2020. 314 s. (In Russ.).
8. Gamov A. Georgievskij zal // Komsomol'skaya pravda. 2016. 6 noy-abrya. (In Russ.).
9. Kuznecov A. A. Nagrady Rossijskoj imperii. M. : OlmaMedia Grupp, 2007. 208 s. (In Russ.).
10. Surtaev V. N. Oficery russkoj imperatorskoj armii. 1900–1917 gg. M. : Russkoe istoricheskoe obshchestvo, 2012. 272 s. (In Russ.).
11. Roshchin L. V. Nashi voinskie simvoly. M. : DOSAAF, 1989. 229 s. (In Russ.).
12. Lysenkov S. G. Military Commissars were the organizers of educa-tional work in the Red Army during the Civil War // Nauchnoe mnenie. 2018. № 12. S. 32–37. (In Russ.).
13. Ordena i medali SSSR / A. N. Vasil'ev I. P. Kargal'cev, L. V. Pavlov. M. : Vedomosti Verhovnogo Soveta RSFSR, 1940. 112 s. (In Russ.).

14. Voennyj enciklopedicheskij slovar' / pred. N. V. Ogarkov. M. : Voenizdat, 1983. 863 s. (In Russ.).
15. Lysenkov S. G. Participation of the NKVD troops in the defensive battles of the Great Patriotic War // Uchastie vojsk NKVD v Velikoj Otech-estvennoj vojne. SPb., 2015. S. 17–19. (In Russ.).
16. Lysenkov S. G. Pravovoe polozhenie vojsk NKVD SSSR po ohrane tyla dejstvuyushchej armii v period Velikoj Otechestvennoj vojny / S. G. Lysen-kov, S. V. Butov // Aktual'nye problemy obespecheniya bezopasnosti... Sankt-Peterburg, 2024. S. 120–125. (In Russ.).
17. Prikazy Verhovnogo Glavnokomanduyushchego v period Velikoj Otechestvennoj vojny. M. : Voenizdat, 1975. 598 s. (In Russ.).
18. Vnutrennie vojska v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. Dokumenty i materialy. M. : YUrid. lit., 1975. 728 s. (In Russ.).
19. SHtemenko S. M. General'nyj shtab v gody vojny. 2-e izd. M. : Voenizdat, 1975. 486 s. (In Russ.).
20. Lysenkov S. G. Gosudarstvennye nagrady SSSR i poryadok nagra-zhdeniya imi voennosluzhashchih v period Velikoj Otechestvennoj vojny // Sov-remennye problemy nauki i obrazovaniya vo vnutrennih vojskah MVD Rossii. SPb., 1975. S. 164–166. (In Russ.).
21. Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR. 1938–1961 gg. M. : Izvestiya, 1961. 976 s. (In Russ.).
22. Direktiva zamestitelya narodnogo komissara oborony SSSR ot 11.06.1943 // CAMO. F. 208. Op. 2511. Ed. hr. 2340. L. 48. (In Russ.).
23. Direktiva vojskam Zapadnogo fronta № 09/969 ot 19.06.1943 // CAMO. F. 208. Op. 2511. Ed. hr. 2340. L. 80. (In Russ.).
24. Ukaz PVS SSSR ot 20.08.1944 // CVMA. F. 1081. Op. 5. D. 1660. L. 184–186. (In Russ.).
25. Butov S. V. Voennaya prisyaga voennosluzhashchih Krasnoj Armii... kak moral'no-pravovaya norma / S. V. Butov, S. G. Lysenkov // Nrav-stvennost' i gumanizm v prave i kul'ture. SPb., 2024. S. 92–98. (In Russ.).
26. Butov S. V. Sniper Movement of the NKVD Troops of the Leningrad Front / S. V. Butov, O. A. Bykov // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2023. № 3(38). S. 8–12. (In Russ.).
27. Postanovlenie SNK SSSR № 761-189 ot 31.05.1943 g. // CVMA. F. 79. D. 39817. L. 134–136. (In Russ.).
28. Semenov A. A. Iskazhenie istoricheskih faktov o Velikoj Oteche-stvennoj vojne: instrument v arsenale informacionnoj bor'by // YAkovlev-skie chteniya: sbornik nauchnyh statej IV Mezhvedomstvennoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem: v 2 chastyah, Novosi-birsk, 19–20 marta 2025 goda. Novosibirsk: NVI vojsk nacional'noj gvardii, 2025. S. 283–286. (In Russ.).

Информация об авторе

С. Г. Лысенков – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
А. П. Шарухин – *доктор педагогических наук, профессор*

Information about the author

S. G. Lysenkov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation
A. P. Sharukhin – *Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 22.07.2026;
одобрена после рецензирования 16.09.2026;
принята к публикации 28.09.2026.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 22.07.2026;
approved after reviewing 16.09.2026;
accepted for publication 28.09.2026.

Научная статья

УДК 340

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ НЕВОЗМОЖЕН БЕЗ СУВЕРЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Виктор Пантелеевич Очередько [1], ***Юрий Борисович Шубников*** [2]
[1] *Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия,*
[2] *Российский государственный педагогический университет, Санкт-Петербург, Россия,*
[1] *ocheredkovp@mail.ru,*
[2] *Shubnikovub@mail.ru*

Аннотация. Статья представляет собой развернутую рецензию-рефлексию на второе издание коллективной монографии «Философско-правовое познание: актуальные проблемы» под редакцией В. П. Сальникова. Анализируется вклад авторского коллектива в разработку суверенной философии права как теоретической платформы национальной правовой идеологии. Рассматриваются ключевые новации работы: аксиологическая трактовка государственного суверенитета, компрехендная (всеохватывающая) теория познания права, анализ санкционного давления как вызова суверенитету, а также философско-правовые аспекты соматических прав и юридического образования. Делается вывод о том, что монография знаменует собой переход российской правовой науки от вторичного комментирования западных моделей к созданию самостоятельной, ценностно-ориентированной философско-правовой системы, способной обеспечить суверенитет России в условиях глобальной турбулентности.

Ключевые слова: суверенная философия права, национальная правовая идеология, государственный суверенитет, компрехендная теория права, автоплагиат, соматические права человека

Для цитирования: Очередько В.П., Шубников Ю.Б. «Национальный суверенитет невозможен без суверенной философии права» // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 66–74. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/007.pdf.

Original article

NATIONAL SOVEREIGNTY IS IMPOSSIBLE WITHOUT A SOVEREIGN PHILOSOPHY OF LAW

Viktor P. Ochered'ko[1], ***Yurij B Shubnikov***[2]
[1] *Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia,*
[2] *Russian State Pedagogical University, Saint-Petersburg, Russia,*
[1] *ocheredkovp@mail.ru,*
[2] *Shubnikovub@mail.ru*

Abstract. The article presents an extended review-reflection on the second edition of the collective monograph "Philosophical and Legal Cognition: Current Issues" (Moscow: INFRA-M, 2025) edited by the eminent Russian scholar V.P. Salnikov. The author analyzes the contribution of the research team to the development of a sovereign philosophy of law as a theoretical platform for a national legal ideology. The key innovations of the work are examined: the axiological interpretation of state sovereignty, the comprehensive (comprehending) theory of legal cognition, the analysis of sanctions pressure as a challenge to sovereignty, the appeal to the heritage of Russian religious-philosophical thought (N.N. Alekseev, P.I. Novgorodtsev, E.N. Trubetskoy, F.M. Dostoevsky), as well as the philosophical and legal aspects of somatic rights and legal education. It is concluded that the monograph marks the transition of Russian legal science from secondary commentary on Western models to the creation of an independent, value-oriented philosophical and legal system capable of ensuring Russia's sovereignty in the context of global turbulence.

Keywords: sovereign philosophy of law, national legal ideology, state sovereignty, compressed theory of law, autopagiarism, somatic human rights

For citation: Ochered'ko V.P., Shubnikov Y.B. National sovereignty is impossible without a sovereign philosophy of law. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36): 66–74. (In Russ.). Available from: http://vestnik- academrg.ru/2026/09/007.pdf.

© Очередько В.П., Шубников Ю.Б., 2026

Введение

В современной российской юридической науке, переживающей период глубокой мировоззренческой трансформации, появился труд, выходящий за границы собственно академической рефлексии, и в значительной мере определяющий ориентиры политико-правового познания российской действительности. Уже само название работы, объединившей усилия более двух десятков исследователей (среди которых такие признанные авторитеты, как С. И. Захарцев, Д. В. Масленников, Виноградова, А. Г. Хабибулин и др.), задает высокий уровень дискуссии: речь идет не о комментировании действующего законодательства и не об очередной ревизии западных доктрин, а о фундаментальном переосмыслении оснований самого правового познания. Его различные аспекты последовательно разрабатываются в других работах авторов этой монографии [1–6]. Как справедливо отмечается во вступительном слове, «к настоящему времени в России сложился ценностный консенсус, опирающийся на многовековые традиции российской правовой культуры» [с. 6]. Именно фиксация этого консенсуса, его философско-правовое обоснование и юридическое оформление составляют главную задачу рецензируемого труда.

Основное содержание

Ключевой тезис, пронизывающий всю монографию, звучит предельно определенно: «Национальный суверенитет невозможен, если правовая система государства основана на принципах заимствованной философии права» [с. 9]. Этот тезис, вынесенный авторами на первые страницы, носит не просто академический, но и политико-правовой, методологический характер. Он означает решительный разрыв с инерцией 1990-х годов, когда западные либеральные идеологемы воспринимались как единственно возможное основание для построения «правового государства». Авторы монографии убедительно показывают, что такая зависимость – теоретическая, терминологическая, ценностная – обрекает российскую правовую мысль на позицию ученика, призванного как можно лучше усваивать предлагаемое «сакральное» знание, национальную правовую систему в целом на догоняющий характер развития. «Если мы формируем теорию права и государства на заимствованной философско-правовой платформе, – пишут они, – то мы просто обречены постоянно оправдываться за все действительные или мнимые ошибки в законодательстве, обречены с вечной оглядкой на чужое мнение создавать нормативно-правовую основу как внутренней, так и внешней политики» [с. 10]. Указанная ситуация, по справедливому заключению авторского коллектива, выступает угрозой национальному суверенитету нашего государства. Именно поэтому разработка «суверенной философии права» понимается не как «проявление академической рефлексии», а как насущная задача обеспечения государственной безопасности.

В первой части монографии, озаглавленной «Российская модель государственного суверенитета и ее философско-правовые основания», авторы предпринимают фундаментальную попытку аксиологического переосмысления суверенитета. Авторы обращаются к классическому наследию – от Парменида, Платона и Аристотеля до Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля – для определения методологического стержня исследования: право понимается не как продукт общественного договора, а как форма явленности абсолютных, вечных ценностей (абсолютного добра, справедливости) в мире социальных отношений. Это позволяет избежать метафизического противопоставления ценности личности и ценности государства, утверждая их онтологическое равноправие.

Отталкиваясь от гегелевского понимания государства как «разумной жизни самосознающей свободы» [7, с. 299] в качестве одного из теоретических источников суверенной философии права, авторы доказывают, что суверенитет – это не просто юридическая независимость и не формальный атрибут государственности, а высшая нравственно-правовая ценность. Как пишет Гегель, цитируемый в монографии, «несколько государств, образуя союз, могут, правда, составить суд над другими государствами... но эти союзы всегда только относительны и ограниченны... Единственный абсолютный судья... есть в себе и для себя сущий дух, выступающий во всемирной истории» [7, с. 299]. Суверенитет, следовательно, исключает существование какой-либо наднациональной инстанции над государством, кроме суда истории.

В работе, на основе обращения к идеям европейских и русских мыслителей, работам современных исследователей [8–13], осуществлен глубокий концептуальный анализ правовой природы суверенитета, его многоуровневости, прослежена эволюция его содержательных и национальных

характеристик, проблем согласования суверенитета государства и суверенитета личности в условиях противоречиво развивающихся процессов глобализации и конфронтации. При этом авторы рассматривают в качестве оснований разрешения возникающих проблем обращение к традиционным российским ценностям [с. 36–38].

Наиболее сильным элементом первой части монографии является конкретно-правовой, инструментальный анализ российской государственности во взаимоотношениях с другими государствами, в частности, в условиях современного межгосударственного давления [с. 39–45]. На наш взгляд, это одно из самых глубоких и системных философско-правовых исследований в последнее время, раскрывающее суверенитет не как абстрактный принцип, а как реальную нравственно-правовую ценность, нуждающуюся в постоянной защите, особенно в условиях гибридных угроз.

В работе осуществлен развернутый юридический анализ инструментов межгосударственного давления в составе реторсий, репрессалий и санкций (гл. 1, ч. I) и убедительно показана юридическая некорректность массового использования термина «санкции» применительно к действиям США, ЕС и их сторонников. Авторы (прежде всего В. П. Сальников, Е.В. Виноградова и С. И. Захарцев) проводят скрупулезный анализ и выводят различение между легитимными международными санкциями (являющимися реакцией на доказанное международное правонарушение и принимаемыми по решению Совета Безопасности ООН) и односторонними принудительными мерами, которые сегодня ошибочно именуются санкциями. Разбирая правовую природу реторсий и репрессалий, авторы приходят к принципиальному выводу: «Применяемые в отношении суверенной России меры межгосударственного воздействия неверно определять как санкции. Прежде всего, это обусловлено тем, что санкции являются реакцией на международное правонарушение, совершение которого весьма непросто доказать... Во-вторых, применение коллективных санкций предполагает процедурное одобрение Совета Безопасности ООН, что при существовании права вето для некоторых стран практически блокирует возможность получения такого согласия. В-третьих, применение индивидуальных санкций, порождающих при современной их интерпретации введение так называемых "вторичных санкций", нарушает принцип экстерриториальности» [с. 51]. Этот вывод имеет не только научное, но и огромное практическое значение для формирования позиции России в международных организациях и при разработке ответных мер.

Авторы не ограничиваются констатацией факта давления, но и показывают диалектику суверенизации через сопротивление. На примере исторических эпизодов – от обстоятельств Ливонской войны до крымской кампании – доказывается, что внешнее давление неизбежно ведет к мобилизации внутренних ресурсов и к укреплению независимости. В этом смысле современные «санкционные войны» парадоксальным образом способствуют завершению постсоветского периода зависимости и формированию нового вектора развития – развороту на Восток, о чем авторы пишут со ссылкой на свои более ранние работы [14, 15]. Таким образом, монография предлагает не пассивную рефлексию на тему угроз, а конструктивную, деятельностную концепцию суверенитета как способности государства к саморазвитию и стратегическому целеполаганию. Авторы конструируют исследовательскую модель обеспечения суверенитета, в составе требований создания суверенной философии права, обеспечения сильной аксиологии и проявления политико-правовой бдительности. Важно указать на ярко выраженное прикладное, политико-правовое значение анализа. Его результаты несомненно будут востребованы всеми, кто занимается вопросами международного права и национальной безопасности.

Второе методологическое «основание» монографии, органично дополняющее первое, связано с разработкой компрехендной теории познания права. Этому вопросу посвящена отдельная глава (Глава 2 Части I), а также ряд других разделов. Авторы (С. И. Захарцев и В. П. Сальников), последовательно развивая эту теорию на протяжении последнего десятилетия [16–19], предпринимают попытку преодолеть извечный спор юридических школ – нормативизма, естественно-правовой школы, социологизма, психологической теории. В отличие от интегративной юриспруденции, которая пытается отобрать «лучшее» из каждой концепции, компрехендный подход предлагает иной путь: признание всех существующих концепций в качестве самостоятельных, объективно существующих «граней» права. Право, в по-

нимании авторов, может быть понято только во всем многообразии его проявлений – как норма, как правоотношение, как правосознание, как справедливость и как принуждение, как свобода и как запрет. Авторы пишут: «Исторически сколько было различных концепций понимания права? Казалось бы, немало (позитивистская, естественная, договорная, психологическая, историческая, социологическая и т.д.). Однако их и не так много... Поэтому выскажем предположение, что пока не будет создано значительное количество самостоятельных концепций, объективно и полно раскрывающих конкретные грани права, при одновременной конкретизации содержания спекулятивно-логической метафизики права, его всеобщего понятия нам достичь не удастся. Но как только количество определений права достигнет критической массы, оно перерастет в качество, необходимое для соответствующего уровня теоретического синтеза» [с. 85].

Особого внимания заслуживает то, как в монографии раскрывается творческое наследие Ф. М. Достоевского. Авторы посвящают Достоевскому много страниц, рассматривая его не только как великого писателя, но и как оригинального, глубокого философа права. Эта линия последовательно развивается в работах А. И. Бастрыкина, Р. Ф. Исмагилова и

В. П. Сальникова, ссылки на которые присутствуют в монографии [20, 21]. Авторы убедительно доказывают, что Достоевский предложил не просто этическую, но онтологическую концепцию права, укорененную в идее «абсолютного добра». Отсюда право не есть продукт договора или конвенции, оно имеет трансцендентный, абсолютный источник.

Обращаясь к произведениям великого русского мыслителя, авторы монографии показывают, что правосознание, оторванное от нравственного абсолюта («если Бога нет, то все дозволено»), неизбежно вырождается либо в произвол, либо в формализм. Именно поэтому «суверенная философия права» не может быть нейтральной в ценностном отношении – она должна иметь нравственный стержень. И этот стержень, по убеждению авторского коллектива, задается русской литературно-философской традицией, вершиной которой является Достоевский. Таким образом, обращение к Достоевскому позволяет авторам соединить строгую юридическую догматику с живым религиозно-нравственным чувством. Не случайно рецензенты работ А. И. Бастрыкина, Р. Ф. Исмагилова и В. П. Сальникова приходят к выводу, что данные исследования могут быть расценены как методологическая основа для разработки национальной идеи и суверенной государственно-правовой идеологии [22, 23].

Компрехендная теория, таким образом, отвергает монополию любой одной «истинной» концепции. Она требует от исследователя не декларировать принадлежность к той или иной школе, а учитывать все накопленные знания о праве, признавая, что право – «сложное диалектическое многофакторное социальное явление, зависящее от объективных и субъективных факторов» [с. 105], включающее и «самодурство лица, правомочного издавать правовые нормы». Такой подход, свободный от идеализации права, является более приемлемым для построения суверенной правовой идеологии, поскольку он не отбрасывает национальную специфику правопонимания как «неправильную» и не подгоняет российскую правовую реальность под прокрустово ложе западных моделей.

Исследователи не ограничиваются выявлением аксиологических оснований суверенной философии права (понимание суверенитета как высшей нравственно-правовой ценности), и сосредотачиваются на методологии познания в суверенной философии права, стремятся показать, как следует познавать право, чтобы это познание было суверенным, а не вторичным. Центральное место в анализе занимает апология диалектического метода. Авторы, обращаясь к Гегелю, убедительно показывают, что диалектика – это не «изобретение марксистов», а фундаментальный метод познания, игнорирование которого обедняет правовую науку. Авторы показывают действие законов диалектики на конкретном юридическом материале. Возвращение диалектике статуса всеобщего метода познания права позволяет адекватно отражать противоречивую природу правовой реальности.

Рассмотрение фундаментальных вопросов философии и теории права органично соединяется с анализом целого ряда проблем, затрагивающих многие стороны политико-правовой действительности. Этому посвящена вторая часть монографии, названная «Современные аспекты философско-правовой проблематики».

Особого внимания заслуживает глава 1 Части II, где анализируется система духовно-нравственных ценностей современного

российского общества. Авторы не рассматривают этот вопрос как второстепенный по отношению к праву, напротив, они обосновывают тезис о том, что духовно-нравственные ценности являются онтологическим фундаментом суверенной государственно-правовой идеологии.

Отправной точкой анализа служит тревожная констатация – современное российское общество переживает состояние «духовно-нравственной опустошенности». Авторы используют сильные образы: «духовный обвал», «девальвация» таких устоев, как долг, честь, совесть и милосердие. Впервые в философско-правовой литературе столь отчетливо формулируется концепция «нравственной безопасности» как составной части национальной безопасности.

Однако в отличие от либеральной критики, которая видит выход в еще большей вестернизации, авторы монографии предлагают консервативно-гуманистическую повестку. Они снова и снова обращаются к необходимости государственной идеологии, различая при этом тоталитарное насаждение единомыслия от ценностно-ориентационной идеологии, которая консолидирует общество. Понимание государственной идеологии как «ценностного консенсуса», базирующегося на традиционных для России ценностях – патриотизме, семье, уважении к старшим, исторической памяти дает основания уходить от ее упрощенной трактовки как набора пропагандистских штампов. Сильной стороной анализа является обращение к творчеству Ф.М. Достоевского, когда наследие писателя рассматривается не просто как глубокая литература, а как методологическая основа для обоснования и разработки суверенной идеологии. В целом полагаем, авторам удалось доказательно показать, что ценности (вера, семья, патриотизм) – это не «придаток» к праву, а его генетическая первооснова.

Показательно, что при анализе статуса семьи как нравственно-правовой ценности авторы вновь обращаются к классикам – к Канту и Гегелю. Но кантовское понимание семьи как союза, основанного на «благорасположении», и гегелевское – как момента нравственности – получают у них конкретно-историческое наполнение. «В России семья всегда была основой общества, тем социальным институтом, который обеспечивал воспроизводство природных и нравственных качеств человека», – цитируют авторы своих коллег [24, с. 12]. Тем самым традиция русской религиозной философии, всегда ставившая семью выше формальных правовых конструкций, органично вплетается в ткань современного конституционного дискурса.

Значительный интерес представляет раздел, посвященный «вечной» проблеме соотношения права, свободы и справедливости в их российском культурно-историческом преломлении. Авторы, опираясь на данные социологических опросов, раскрывают глубинный разрыв между «идеализированным» правом ученых и восприятием права массовым сознанием (ассоциация прежде всего с запретом и наказанием), а также анализируют девиантное правопонимание преступной среды.

Весьма важным, как в научном, так и в практико-ориентированном аспекте представляется раздел, посвященный проблемам юридического образования и науки в контексте конституционно-правовой идентичности. Авторы честно и принципиально поднимают «больную» для современной образовательной среды тему плагиата и, что особенно важно, самоплагиата (автоплагиата). И здесь суверенный взгляд позволяет им дать трезвые и взвешенные оценки. Проанализировав абсурдность крайних проявлений наукометрического ригоризма, авторы обоснованно разграничивают недобросовестный обман и необходимость для ученого распространять свои выстраданные идеи (включая точные формулировки юридических дефиниций) в различных изданиях. Авторы монографии категорично формулируют свою позицию: «Мы жестко негативно относимся к плагиату. Но плагиат и самоплагиат – совсем не синонимы» [с. 210]. Они защищают право ученого на многократное воспроизведение своих идей, особенно в такой точной дисциплине, как юриспруденция, где замена слова синонимом может разрушить юридическую конструкцию. Самоплагиат, по мнению авторов, – это во многом искусственная проблема, навязанная некритически воспринятыми стандартами, не учитывающими специфику гуманитарного познания. Этот фрагмент монографии представляет собой квалифицированную научно-педагогическую рефлексию над бюрократическими перекосами в управлении наукой, защищающую здравый смысл и творческую свободу исследователя. Отсюда суверенная философия права – это еще и способность сопротивляться навязыванию чуждых критериев научности, защита права на собственный, традицион-

ный способ производства и легитимации знания.

Примечательным для отечественной юриспруденции является предметный и смелый анализ вызовов, которые бросают праву биомедицинские технологии (трансплантация, клонирование, суррогатное материнство). Рассматривая обозначенные проблемы, они отказываются как от либеральных подходов (прогресс любой ценой), так и от априорного отрицания. Вместо этого предлагается глубокая аксиологическая рамка: человеческое достоинство и природная телесность как пределы допустимого.

Рассмотрение человеческого достоинства не как абстрактного лозунга, а как конкретной границы, отделяющей правовое регулирование от произвола в отношении тела, составляет несомненную удачу работы. При этом авторы апеллируют не только к юридическим нормам, но и к традициям русской православной культуры, к философской антропологии. Однако здесь важно еще одно: авторы фиксируют, что право сегодня не успевает за технологиями, и это отставание создает риски не только для человека, но и для суверенитета государства, если национальное законодательство окажется неспособным защитить базовые устои от вмешательства извне.

Заключение

Подводя итог, можно утверждать, что коллективная монография «Философско-правовое познание: актуальные проблемы» под редакцией В.П. Сальникова представляет собой заметное явление в современной юридической науке. Она предлагает последовательную, развернутую и внутренне непротиворечивую концепцию суверенной философии права, опирающуюся на широкий пласт отечественной и зарубежной классики – от Платона и Гегеля до Достоевского, Керимова и Нерсесянца. Ее достоинствами являются: аксиологический поворот в понимании суверенитета; разработка оригинальной компрехендной методологии; конкретно-правовой анализ инструментов «гибридной войны»; смелая постановка вопросов о ценностях, образовании и будущем человека; глубокая связь с классической философской традицией при острейшей актуальности рассматриваемых проблем. Вне всякого сомнения, работу следует рекомендовать не только профессорско-преподавательскому коллективу, аспирантам и студентам юридических вузов, но и всем, кто занимается вопросами государственной политики, международных отношений и национальной безопасности.

Однако надо полагать, работа не закончена. При всей фундаментальности и концептуальной завершенности рецензируемого труда, он не закрывает, а, напротив, открывает новый спектр исследовательских направлений. Новые вызовы окружающего мира – будь то дальнейшее развитие биотехнологий и искусственного интеллекта, трансформация форм политического насилия, изменение климата или новые конфигурации глобального миропорядка – неизбежно формируют новые факторы и императивы развития суверенной философии права. Будем ждать новых авторских и коллективных исследований, которые внесут новый вклад в понимание философско-правовых оснований развития российского общества.

В определении новых научных горизонтов важное значение имеет сформулированная авторами максима – суверенная философия права не может быть построена исключительно на чужеземных основаниях. При разработке проблем суверенной философии права авторы монографии базируются на многообразных философско-правовых основаниях. В библиографии монографии указаны труды видных представителей русской философско-правовой традиции (Н.Н. Алексеев, П.И. Новгородцев и Е.Н. Трубецкой и многих других). Надеемся в дальнейших исследованиях авторы подвергнут обстоятельному анализу глубокое и многообразное наследие российских ученых, определивших золотой век российской юриспруденции последней четверти XIX – начала XX веков. Их идеи о духовных основах права, о соотношении нравственности и закона, о правовом государстве как не просто формальном, но этическом феномене, безусловно, получат в будущих исследованиях второе дыхание и современное звучание.

Анализ монографии дает основания и повод для разговора о научной школе, сформировавшейся на базе Академии войск национальной гвардии и ее признанном лидере профессоре В. П. Сальникове. Научная школа сегодня – это живое научное сообщество, определяющее себя как субъект суверенной политики в сфере науки и образования и включающее маститых ученых Москвы (Институт государства и права РАН, МГУ имени М. В. Ломоносова) и Санкт-Петербурга (СПбГУ, Академия войск национальной гвардии), ис-

следователей из регионов (ЮФУ), молодых ученых, начинающих свой путь в науке.

Ученые настойчиво продвигают идеи научной школы суверенной философии права. Их работы (С. И. Захарцев, В. П. Сальников) переведены на английский язык и изданы в Кембридже и Лондоне [25, 26]. Это означает, что суверенная философия права не является проектом, отражающим только российское наследие и потребности – она вписана в мировой научный дискурс, что характеризует «начала» подлинного научного суверенитета страны в сфере философско-правового знания.

Список источников

1. Богатырев Д. К. Ценности, мышление, культура в пространстве духовной жизни / Д. К. Богатырев, В. П. Сальников // Мир политики и социологии. 2019. № 9. С. 186–194.
2. Сальников В. П. Развитие идеи абсолютной свободы в классической русской философии как источник суверенной философии права / В. П. Сальников, Д. В. Масленников, С. И. Захарцев // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 12. С. 185–193.
3. Керимов А. Д. Научная работа петербургских правоведов в перспективе суверенной философии права / А. Д. Керимов, Д. В. Масленников // Мониторинг правоприменения. 2019. № 4. С. 14–18.
4. Исмагилов Р. Ф. Философия Ф. М. Достоевского как источник суверенной российской философии права / Р. Ф. Исмагилов, В. П. Сальников // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 10 дек. 2020 г.). В 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. Е. О. Тулупова. Уфа : РИЦ БашГУ, 2020.
5. Керимов А. Д. Гегелевская философия как теоретическая предпосылка суверенной философии права / А. Д. Керимов, В. П. Сальников, А. Г. Хабибулин // Творческое наследие Гегеля: философия, теология, право, экономика: сб. материалов Межрегион. конф. с междунар. участием, посвящ. 250-летию со дня рождения Г. В. Ф. Гегеля (Санкт-Петербург, 19–21 нояб.) / отв. ред. Д. В. Масленников. СПб. : РХГА, 2020. С. 284–290.
6. Добро, доверие, справедливость в философско-правовой мысли: античность и современность : монография / под общ. ред. В. П. Сальникова; СПВИ войск национальной гвардии. СПб. : Фонд «Университет», 2022. 380 с.
7. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М. : Мысль, 1990. 524 с.
8. Длугач Т. Б. Подвиг здравого смысла, или Рождение идеи суверенной личности (Гольбах, Гельвеций, Руссо). М., 2008. 256 с.
9. Руссо Жан-Жак. Политические сочинения / изд. подгот. Б. Бернарди, С. В. Занин; отв. ред. И. А. Исаев. СПб. : Росток, 2013. 640 с.
10. Мирзоев А.К. Суверенитет: генезис и концептуальная эволюция представлений в политико-правовой науке (исходные начала – Никколо Макиавелли и Жан Боден) // Мир политики и социологии. 2013. № 11. С. 149–157.
11. Клименко О. А. Политическая концепция абсолютного суверенитета Марсилия Падуанского и Жана Бодена в контексте синкретизма современной правовой культуры / О. А. Клименко, А. К. Мирзоев, И. Л. Третьяков // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 3. С. 22–28.
12. Клименко О. А. Становление понимания государственного суверенитета в эпоху Модерна (от идей Ж. Бодена до правовых оснований Вестфальского мира) // Мир политики и социологии. 2016. № 6. С. 53–57.
13. Фролова Е. А. История политических и правовых учений: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2021. 576 с.
14. Сальников В. П. «Orient» или «oxident»: в какую сторону смотрит российский орел? В. П. Сальников, В. Б. Романовская // Мир политики и социологии. 2014. № 11. С. 23–30.
15. Сальников В. П. Почему на Восток: поворот России в современном политико-правовом пространстве / В. П. Сальников, В. Б. Романовская, М. В. Сальников // Правовое поле современной экономики. 2015. № 9. С. 45–52.
16. Захарцев С. И. Философия. Философия права. Юридическая наука: монография / С. И. Захарцев, В. П. Сальников. М. : Юрлитинформ, 2015. 264 с.
17. Захарцев С. И. Для познания права предлагается компрехендный подход / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Юридическая наука: история и современность. 2017. Т. 4, № 1. С. 77–87.
18. Захарцев С. И. Философия и юридическая наука: монография / С. И. Захарцев, В. П. Сальников. М. : Юрлитинформ, 2019. 424 с.

19. Захарцев С. И. Размышляем о сущности права: компрехендный подход / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 1. С. 13–30.

20. Бастрыкин А. И. Идея добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права / А. И. Бастрыкин, Р. Ф. Исмагилов, В. П. Сальников. СПб. : Фонд «Университет», 2021. 380 с.

21. Исмагилов Р. Ф. Философия Ф. М. Достоевского как источник суверенной российской философии права / Р. Ф. Исмагилов, В. П. Сальников // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 10 дек. 2020 г.). В 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. Е.О. Тулупова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020.

22. Алиев Я. Л. Идея добра в интерпретации Ф. М. Достоевского и в контексте философии права / Я. Л. Алиев, К. И. Воронков, А. И. Числов // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 1. С. 190–195.

23. Степашин С. В. На пути к суверенной философии права России // Государство и право. 2024. № 1. С. 188–192.

24. Ананских И. А. Семья как нравственно-правовая ценность российского общества / И. А. Ананских, Н. И. Уткин // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 10. С. 10–18.

25. Zakhartsev S. I., Salnikov V. P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p. DOI: 10.17513/np.452.

26. Zakhartsev S. I., Maslennikov D. V., Salnikov V. P. The Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. The Speculative and Logical Foundations of the Metaphysics of Law. London: Europe Books, 2021. 450 p. DOI: 10.17513/np.490.

References

1. Bogatyrev D. K. Values, thinking, and culture in the space of spiritual life / D. K. Bogatyrev, V. P. Sal'nikov // Mir politiki i sociologii. 2019;9: 186–194. (In Russ.).

2. Sal'nikov V. P. The development of the idea of absolute freedom in classical Russian philosophy as a source of sovereign legal philosophy / V. P. Sal'nikov, D. V. Maslennikov, S. I. Zaharcev // YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2019;12: 185–193. (In Russ.).

3. Kerimov A. D. Nauchnaya rabota peterburgskih pravovedov v perspektive suverennoj filosofii prava / A. D. Kerimov, D. V. Maslennikov // Monitoring pravoprimeneniya. 2019;4: 14–18. (In Russ.).

4. Ismagilov R. F. Filosofiya F. M. Dostoevskogo kak istochnik suverennoj rossijskoj filosofii prava / R. F. Ismagilov, V. P. Sal'nikov // Prava cheloveka v dialoge gosudarstvennoj vlasti i grazhdanskogo obshchestva : sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Ufa, 10 dek. 2020 g.). V 2 ch. CH. 1 / otv. red. E. O. Tulupova. Ufa : RIC BashGU, 2020. (In Russ.).

5. Kerimov A. D. Gegelevskaya filosofiya kak teoreticheskaya predposylka suverennoj filosofii prava / A. D. Kerimov, V. P. Sal'nikov, A. G. Habibulin // Tvorcheskoe nasledie Gegelya: filosofiya, teologiya, pravo, ekonomika: sb. materialov Mezhregion. konf. s mezhdunar. uchastiem, posvyashch. 250-letiyu so dnya rozhdeniya G. V. F. Gegelya (Sankt-Peterburg, 19–21 noyab.) / otv. red. D. V. Maslennikov. SPb. : RHGA, 2020. S. 284–290. (In Russ.).

6. Dobro, doverie, spravedlivost' v filosofsko-pravovoj mysli: antichnost' i sovremennost' : monografiya / pod obshch. red. V. P. Sal'nikova; SPVI vojsk nacional'noj gvardii. SPb. : Fond «Universitet», 2022. 380 s. (In Russ.).

7. Gegel' G. V. F. Filosofiya prava. M. : Mysl', 1990. 524 s. (In Russ.).

8. Dlugach T. B. Podvig zdravogo smysla, ili Rozhdenie idei suverennoj lichnosti (Gol'bah, Gel'vecij, Russo). M., 2008. 256 s. (In Russ.).

9. Russo ZHan-ZHak. Politicheskie sochineniya / izd. podgot. B. Bernardi, S. V. Zanin; otv. red. I. A. Isaev. SPb. : Rostok, 2013. 640 s. (In Russ.).

10. Mirzoev A.K. Sovereignty: Genesis and Conceptual Evolution of Ideas in Political Science and Law (Based on the Works of Niccolò Machiavelli and Jean Bodin) // Mir politiki i sociologii. 2013;11: 149–157. (In Russ.).

11. Klimenko O. A. The political concept of absolute sovereignty by Marsilius of Padua and Jean Bodin in the context of the syncretism of modern legal culture / O. A. Klimenko, A. K. Mirzoev, I. L. Tret'yakov // YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2016;3: 22–28. (In Russ.).

12. Klimenko O. A. The formation of an understanding of state sovereignty in the Modern era (from the ideas of J. Boden before the legal foundations of the Peace of Westphalia) // Mir politiki i sociologii. 2016;6: 53–57. (In Russ.).

13. Frolova E. A. Istoriya politicheskih i pravovyh uchenij: uchebnik. 2-e izd., pererab. i dop. M. : Prospekt, 2021. 576 s. (In Russ.).
14. Sal'nikov V. P. "Orient" or "oxidant": Which way is the Russian eagle looking? / V. P. Sal'nikov, V. B. Romanovskaya // Mir politiki i sociologii. 2014;11: 23–30. (In Russ.).
15. Sal'nikov V. P. Why to the East: Russia's Turn in the Modern Political and Legal Space / V. P. Sal'nikov, V. B. Romanovskaya, M. V. Sal'nikov // Pravovoe pole sovremennoj ekonomiki. 2015;9: 45–52. (In Russ.).
16. Zaharcev S. I. Filosofiya. Filosofiya prava. YUridicheskaya nauka: monografiya / S. I. Zaharcev, V. P. Sal'nikov. M. : YUrlitinform, 2015. 264 s. (In Russ.).
17. Zaharcev S. I. A compressed approach is proposed for learning about law / S. I. Zaharcev, V. P. Sal'nikov // YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2017. Vol. 4;1: 77–87. (In Russ.).
18. Zaharcev S. I. Filosofiya i yuridicheskaya nauka: monografiya / S. I. Zaharcev, V. P. Sal'nikov. M. : YUrlitinform, 2019. 424 s. (In Russ.).
19. Zaharcev S. I. Reflecting on the Essence of Law: A Comprehensive Approach / S. I. Zaharcev, V. P. Sal'nikov // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2017;1: 13–30. (In Russ.).
20. Bastrykin A. I. Ideya dobra v tvorchestve F.M. Dostoevskogo i ee vliyanie na razvitie filosofii prava / A. I. Bastrykin, R. F. Ismagilov, V. P. Sal'nikov. SPb. : Fond «Universitet», 2021. 380 s. (In Russ.).
21. Ismagilov R. F. Filosofiya F. M. Dostoevskogo kak istochnik suverennoj rossijskoj filosofii prava / R. F. Ismagilov, V. P. Sal'nikov // Prava cheloveka v dialoge gosudarstvennoj vlasti i grazhdanskogo obshchestva: sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Ufa, 10 dek. 2020 g.). V 2 ch. CH. 1 / otv. red. E.O. Tulupova. Ufa: RIC BashGU, 2020. (In Russ.).
22. Aliev YA. L. The idea of goodness in the interpretation of Fyodor Dostoevsky and in the context of legal philosophy / YA. L. Aliev, K. I. Voronkov, A. I. CHislov // YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2022;1: 190–195. (In Russ.).
23. Stepashin S. V. Towards a Sovereign Russian Legal Philosophy // Gosudarstvo i pravo. 2024;1: 188–192. (In Russ.).
24. Ananskih I. A. Family as a Moral and Legal Value in Russian Society / I. A. Ananskih, N. I. Utkin // YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2023;10: 10–18. (In Russ.).
25. Zakhartsev S. I., Salnikov V. P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p. DOI: 10.17513/np.452. (In Russ.).
26. Zakhartsev S. I., Maslennikov D. V., Salnikov V. P. The Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. The Speculative and Logical Foundations of the Metaphysics of Law. London: Europe Books, 2021. 450 p. DOI: 10.17513/np.490. (In Russ.).

Информация об авторах

В. П. Очередько *– доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, академик РАЕН*
Ю. Б. Шубников *– доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 16.03.2026;
одобрена после рецензирования 10.09.2026;
принята к публикации 28.09.2026.

Information about the authors

V. P Ochered'ko *– Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored worker of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences*
Yu. B. Shubnikov *Doctor of Science. (Law), Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation*

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 16.03.2026;
approved after reviewing 10.09.2026;
accepted for publication 28.09.2026.

Научная статья

УДК 343.1

ПОДСЛЕДСТВЕННОСТЬ И ПОДСУДНОСТЬ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ОТНОШЕНИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И СОТРУДНИКОВ РОСГВАРДИИ В ПЕРИОД СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Андрей Юрьевич Кийко[1], Виктор Петрович Сальников[2], Илья Валерьевич Кукаев[3], Станислав Федорович Мазурин[4]

[1–4] Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

[1]obr_kom@spvi.ru

[2]Fonduniver@bk.ru

[3]ilha.kukaev@yandex.ru

[4]svyatoslav53@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются актуальные проблемы разграничения подследственности и подсудности уголовных дел в отношении военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации в период проведения специальной военной операции. Актуальность темы обусловлена необходимостью оптимизации следственных и судебных органов в особых условиях проведения Специальной военной операции на Украине. Проводится критический анализ правовых коллизий в судебно-следственной практике по расследованию преступлений, совершенных против военной службы. Сформулированы конкретные предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, включающие: внесение изменений в ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации для детализации критериев подследственности, закрепление презумпции подсудности военных судов для преступлений, совершенных в период СВО.

Практическая значимость заключается в возможности использования научных выводов в правоприменительной деятельности дознавателей, следователей и судов при расследовании преступлений против военной службы, а также в оптимизации отдельных правовых норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: подследственность, подсудность, военнослужащие, войска национальной гвардии, уголовный закон, уголовно-процессуальное законодательство, военные суды, следственные органы

Для цитирования: Кийко А.Ю., Сальников В.П., Кукаев И.В., Мазурин С.Ф. Подследственность и подсудность уголовных дел в отношении военнослужащих и сотрудников Росгвардии в период Специальной военной операции // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 75–85. URL: http://vestnik- academrg.ru/2026/09/008.pdf.

Original article

THE JURISDICTION AND COMPETENCE OF CRIMINAL CASES AGAINST MILITARY PERSONNEL AND EMPLOYEES OF THE NATIONAL GUARD OF THE RUSSIAN FEDERATION DURING THE SPECIAL MILITARY OPERATION

Andrey Yu. Kiiko [1], Viktor P.Salnikov [2], Ilya V. Kukaev [3], Stanislav F. Mazurin [4]

[1–4] Academy of the National Guard Troops, Saint Petersburg, Russia

[1]obr_kom@spvi.ru

[2]Fonduniver@bk.ru

[3]ilha.kukaev@yandex.ru

[4]svyatoslav53@mail.ru

Abstract. This article discusses the current issues of delineating the jurisdiction and competence of criminal cases involving military personnel and employees of the National Guard of the Russian Federation during the special military operation. The relevance of this topic is due to the need to optimize the investigative and judicial bodies in the special conditions of the special military operation in Ukraine. The article provides a critical analysis of legal conflicts in the judicial and investigative practice of crimes committed against military service. The article formulates specific proposals for improving the criminal procedure legislation, including: amendments to Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation to detail the criteria for jurisdiction, and to establish a presumption of jurisdiction for military courts for crimes committed during the special military operation.

The practical significance lies in the possibility of using scientific findings in the law enforcement activities of investigators, prosecutors, and courts when conducting investigations.

Keywords: jurisdiction, military personnel, national guard troops, criminal law, criminal procedure legislation, military courts, investigative bodies

For citation: Kiiko A.Yu., Salnikov V.P., Kukaev I.V., Mazurin S.F. The jurisdiction and competence of criminal cases against military personnel and employees of the National guard of the Russian Federation during the Special military operation. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36): 75–85. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/008.pdf.

© Кийко А.Ю., Сальников В.П., Кукаев И.В., Мазурин С.Ф., 2026

Введение

Современная правоприменительная практика в условиях проведения Специальной военной операции (далее – СВО) с особой остротой ставит вопросы обеспечения законности и оптимизации деятельности следственных и судебных органов в отношении военнослужащих, задействованных в СВО. В этих условиях совершенствование уголовно-процессуальных механизмов, регулирующих расследование и судебное рассмотрение дел в отношении военнослужащих и сотрудников силовых структур, имеет особую значимость. Оно обеспечивает справедливое правосудие, особенно в современных условиях обеспечения единства позиции народа и российской элиты [10; 11; 21].

Значительная численность контингента воинских формирований, задействованных в СВО, а также специфика условий прохождения военной службы, психологическое и психоэмоциональное воздействие на самосознание и правосознание военнослужащих и сотрудников воинских подразделений, объективно обусловливают риски совершения преступлений военнослужащими, в том числе и рост преступлений против военной службы. Данное положение требует создания эффективной и слаженной системы судебно-следственных органов, а также оптимизации действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства, тем более хорошо известно, что участники СВО, в том числе военнослужащие и сотрудники Росгвардии демонстрируют массовый героизм и патриотизм, приверженность другим духовно-нравственным ценностям, присущим многонациональному российскому народу [6; 9; 14; 15; 18, с. 314–352; 20; 24; 31; 32, с. 153–188]. За период проведения СВО 20 человек из личного состава Росгвардии удостоены высшей награды нашей Родины – звания «Героя России», как было отмечено Директором Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации и ее главнокомандующим, генералом армии В.В. Золотовым в Государственной Думе Российской Федерации 17 марта 2026 года. Председатель Госдумы В. В. Володин подчеркнул на осмотре выставки, посвященной 10-летию создания Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации и 215-й годовщине войск правопорядка: «Сильная армия, эффективные спецслужбы – залог обеспечения суверенитета страны. Надо всё делать для того, чтобы у нас было будущее. А будущее будет только тогда, когда мы с вами защитим свой суверенитет». Далее он отметил, что «роль Росгвардии огромна в вопросах поддержания общественного правопорядка и безопасности страны». Кроме того, В.В. Володин четко сформулировал идею о том, что «нам важно со своей стороны сделать всё для того, чтобы Росгвардия имела поддержку в парламенте, формировать необходимое правовое поле. Там, где у нас есть возможность, поддерживать ребят, которые служат в Росгвардии» [12].

Как известно, многие военнослужащие и сотрудники Росгвардии награждены боевыми государственными наградами, в том числе «Орденом Мужества». Так, по некоторым локальным сводкам, среди всех военнослужащих, в том числе и среди войск национальной гвардии Российской Феде-

рации, за время проведения СВО были награждены орденами Мужества многие тысячи военнослужащих и сотрудников силовых структур. Точного числа награжденных росгвардейцев в официальных сводках Министерства Обороны Российской Федерации нет. Однако следует отметить, что и среди военнослужащих Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, есть двое участников СВО, награжденных орденами Мужества: преподаватель кафедры автомобилей, бронетанкового вооружения и техники подполковник Мордасов Денис Викторович и командир первого взвода 2-й роты курсантов факультета (командного), старший лейтенант Бирюков Никита Александрович.

Основные положения

Материал, посвященный награжденным росгвардейцам.

Все это свидетельствует о серьезной работе командного состава, военно-политической службы, духовенства и, безусловно, высоком уровне патриотизма в войсках национальной гвардии [23; 27], правового сознания и правовой культуры военнослужащих и сотрудников, которые и обеспечивают определенный вклад в успехи СВО, массовое доверие личного состава к Президенту Российской Федерации В.В. Путину, к власти в целом и российской элите [13].

В то же время сложность и многогранность решаемых задач, порой неправильное их восприятие и т.д., выступают причинами противоправного поведения отдельных представителей личного состава, которые становятся субъектами преступлений.

Характерной особенностью действующего законодательства, регламентирующего подследственность и подсудность различных категорий дел, связанных с преступлениями против военной службы, являлось то, что оно принималось в условиях мирной жизни и не было адаптировано под ситуации, складывающиеся в особых условиях боевой обстановки, воздействующей на психику военнослужащих.

При всей теоретической значимости вопросов подследственности и подсудности в отношении военнослужащих, исследуемых и освещаемых в трудах таких ученых, как В. П. Кашепов и А. В. Кудашкин, до настоящего времени существует проблема в дифференцированном подходе применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства к сотрудникам и военнослужащим Росгвардии, находящихся в зоне боевых действий [3]; см. также [28; 29; 30]. Как представляется, условия и причины преступлений, совершенных военнослужащими, находящимися в зоне боевых действий и вопросы их расследования требуют более детального научного подхода. Правовой статус военнослужащих, находящийся на стыке общего и военного права, порождает многочисленные коллизии в судебно-следственной практике. Особую сложность вызывает разграничение компетенции между военными и территориальными следственными органами и судами, что создает определенные сложности как при оперативном предварительном расследовании преступлений, совершенных военнослужащими, так и при реализации их права на объективное всестороннее расследование и справедливое судопроизводство.

Институты подследственности и подсудности, представляющие правовой механизм защиты общественных отношений от противоправных посягательств, установления фактов преступного поведения личности, а также причин и условий совершения преступления, обязаны действовать в строгом соответствии с действующим законодательством, выявлять все квалифицирующие преступление обстоятельства и смягчающие вину признаки, содержащие основания для освобождения военнослужащего от ответственности и наказания. Таким образом, фундаментом любого уголовного судопроизводства, обеспечивающим его строгую регламентацию и эффективность, выступают институты подследственности и подсудности. Эти смежные, но не тождественные понятия образуют своего рода «маршрутизацию» уголовного дела, определяя, какой именно орган уполномочен проводить его предварительное расследование и, какой суд должен рассматривать его по существу. Подследственность, регламентированная в ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), представляет собой совокупность юридических признаков уголовного дела, в соответствии с которыми закон относит его расследование к компетенции строго определенного органа предварительного расследования [2, ст. 151]. Данный институт традиционно подразделяется на несколько взаимосвязанных компетентностных видов подследственности. Например, предметная, или родовая подследственность устанавливается в зависимости от квалификации совершенного деяния по статье Уголовного кодекса, разграничивая полномочия между следственными органами по различным категориям уголовных дел. Например, между следователями Следственного комитета и дознавателями орга-

нов внутренних дел. Несомненно, следует согласиться с мнением Д.В. Новокшонова, который отмечает, что «Мы считаем, что при расследовании уголовного дела следователь должен стремиться к тому, чтобы лично проводить все следственные и процессуальные действия. Поручать же производство какого-либо из них другому лицу (в данном случае органу дознания) он вправе лишь в исключительных случаях, когда нет возможности провести их самостоятельно» [25, с. 3].

Территориальная подследственность связывается с местом совершения преступления, обеспечивая удобство и оперативность следственных действий. Наиболее значимой для настоящего исследования является персональная подследственность, которая определяется свойствами (статусом) личности обвиняемого или подозреваемого, именно она является основанием для передачи дел в отношении военнослужащих военным следственным органам.

Неразрывно с подследственностью связан и институт подсудности, закрепленный в главе 4 УПК РФ (ст. 31-36). Если подследственность отвечает на вопрос «кто должен расследовать?», то подсудность – «какой суд вправе рассматривать?». Подсудность – это совокупность юридических признаков уголовного дела, определяющая, какой именно суд первой инстанции правомочен его разрешать [2, ст. 31]. Аналогично подследственности, подсудность также дифференцируется на родовую (предметную), определяемую уровнем суда и тяжестью совершенного преступления, и территориальную, привязывающую дело к конкретному судебному участку или району. Ключевую роль играет персональная подсудность, которая, как справедливо отмечает А. В. Кудашкин, служит гарантией специализированного рассмотрения дел в отношении отдельных категорий лиц, чья деятельность обладает существенной спецификой [22, с. 245]. Именно персональный признак является основой для определения компетенции военных судов.

Таким образом, значение данных процессуальных институтов невозможно переоценить, их компетентная подведомственность является краеугольным камнем для реализации принципов законности, обеспечения прав и свобод участников процесса, создания условий для всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств дела. Нарушение правил о подследственности и подсудности влечет за собою признание полученных доказательств недопустимыми, а вынесенного судом приговора – подлежащим отмене. Следовательно, именно от точного соблюдения требований уголовно-процессуального законодательства, законов в целом (в том числе и закона, регламентирующего использование результатов оперативно-розыскной деятельности [5; 8; 16, с. 290-306; 17, с. 306-322; 26, с. 91-126]), и, конечно, относительно подведомственности и подсудности уголовных дел зависит не только эффективность всего уголовного судопроизводства, но и его легитимность в глазах общества.

Специфика разграничения подследственности уголовных дел в отношении военнослужащих и сотрудников Росгвардии проистекает из их особого правового статуса и наличия множества органов, наделенных полномочиями по предварительному расследованию. Ключевое значение здесь имеет персональный признак, который, однако, по-разному применяется к этим двум категориям лиц. Для военнослужащих основным вектором, определяющим орган расследования, является характер совершенного преступления. В соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ, предварительное следствие по всем преступлениям против военной службы, предусмотренным главой 33 УК РФ, а также по преступлениям, не охватываемым главой 33 УК РФ, совершенным военнослужащими в связи с исполнением служебных обязанностей, отнесено к компетенции следователей военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации [2, п. 1 ч. 2 ст. 151]. Данная норма призвана обеспечить расследование силами наиболее опытных следователей, обладающих специализированными знаниями в области военного дела.

Ситуация с сотрудниками Росгвардии, чей правовой статус сочетает в себе элементы статуса военнослужащего и сотрудника правоохранительного органа, является значительно более сложной. Их двойственная природа порождает дуализм в определении подследственности. С одной стороны, часть 3 ст. 151 УПК РФ и специальный Перечень преступлений, утвержденный Президентом Российской Федерации, закрепляют широкие полномочия за органами дознания войск национальной гвардии. В частности, они уполномочены проводить дознание по делам о преступлениях против общественной безопасности, связанных с незаконным оборотом оружия, а также о некоторых должностных преступлениях, совершенных сотрудниками Росгвардии [3, ст. 30]. С другой стороны, если совершенное преступление является тяжким или особо тяжким, либо если сотрудник Росгвардии обвиняется в совершении преступления, в котором он вы-

ступает в качестве должностного лица [2, п. «б» ч. 2 ст. 151], то подследственность переходит к следователям Следственного комитета Российской Федерации. Это разграничение на практике порождает серьезные коллизии, особенно в период проведения СВО.

Наиболее острой проблемой в текущих условиях становится определение места совершения преступления. Зачастую противоправное деяние может быть начато в зоне проведения Специальной военной операции, а окончательный результат наступить на территории одного из субъектов Российской Федерации, либо его установление объективно затруднено в условиях боевых действий. Это создает правовую неопределенность в вопросе о том, какой именно орган следствия – военный или территориальный – должен возбудить и расследовать уголовное дело. Другой распространенной проблемой является тактическая квалификация преступления на стадии возбуждения дела. Как справедливо отмечает В. А. Бажанов, первичная юридическая оценка содеянного (например, квалификация по ст. 285 «Злоупотребление должностными полномочиями» или ст. 286 «Превышение должностных полномочий» УК РФ) предопределяет, будет ли дело расследоваться СК России или органом дознания Росгвардии, что создает почву для потенциальных злоупотреблений и «перетягивания» дел между ведомствами [7, с. 18]. Кроме того, отсутствие четких критериев для отнесения тех или иных действий сотрудника Росгвардии к исполнению служебных обязанностей в боевой обстановке усугубляет эту неразбериху, приводя к затяжным процессуальным спорам и задержкам в расследовании.

Таким образом, действующая система разграничения подследственности, несмотря на детальную законодательную регламентацию, демонстрирует свою уязвимость в условиях гибридных вооруженных конфликтов, к которым относится СВО. Отсутствие гибких механизмов разрешения споров между СК России и Росгвардией, особенно в части определения территориальной принадлежности, негативно сказывается на эффективности и оперативности всего досудебного производства.

Логическим продолжением правил о подследственности выступают нормы, определяющие подсудность уголовных дел, которые, наслаиваясь на уже существующие сложности, создают комплексную проблему на стадии судебного разбирательства. Краеугольным камнем здесь является персональный признак, закрепленный в статье 31 УПК РФ, в соответствии с которым все уголовные дела о преступлениях, совершенных военнослужащими и гражданами, проходящими военные сборы, подсудны военным судам [2, п. 1 ч. 5 ст. 31]. Данная норма преследует цель обеспечения специализированного правосудия, учитывающего специфику военной службы и уставных отношений. Однако в условиях Специальной военной операции классическое понимание территориальной подсудности военных судов, которая определяется местом дислокации воинской части, сталкивается с серьезными практическими трудностями. Подразделения могут не иметь постоянной дислокации в зоне боевых действий, действовать мобильно на обширной территории, что делает применение критерия «места постоянной дислокации» крайне затруднительным и зачастую формальным. В этих условиях следует разграничивать следственно-судебную подведомственность не по месту дислокации воинских формирований, а по месту совершения преступления, где могут находиться основные доказательства.

Особую остроту вопросу придает правовой статус сотрудников Росгвардии. Хотя в соответствии с разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации, содержащимися в Обзоре судебной практики, на сотрудников Росгвардии распространяется подсудность военных судов, эта позиция не всегда находит однозначное понимание на практике, особенно когда преступление не связано с исполнением служебных обязанностей [4, с. 24]. Эта правовая неопределенность порождает споры о том, должен ли рассматривать дело военный суд по месту условной дислокации части, к которой прикомандирован сотрудник, или же территориальный суд по месту фактического совершения преступления. Еще более усложняет ситуацию институт соединения уголовных дел, предусмотренный частью 1 статьи 33 УПК РФ. Если в одном деле фигурируют, например, гражданское лицо и военнослужащий, дело в отношении всех соучастников может быть рассмотрено территориальным судом по месту совершения преступления. В современной практике это создает риск так называемого «форум-шоппинга», когда сторона обвинения, выбирая ту или иную квалификацию или соединяя дела, может фактически определить, какой суд – военный или общий – будет рассматривать дело, что может повлиять на выбор потенциального наказания.

Коллизия между персональным и территориальным признаками подсудности становится особенно явной при рассмотрении преступлений, совершенных военно-

служащими за пределами расположения их части, в том числе в зоне СВО. Формально применяется общее правило о территориальной подсудности – дело рассматривается судом по месту совершения преступления. Однако это входит в противоречие с самой статьей персональной подсудности военных судов, призванной обеспечить специализированное рассмотрение дел с учетом военного контекста. Судья в территориальном суде общей юрисдикции может не обладать достаточными познаниями в области военной специфики знания уставов и специфики служебных отношений в воинском коллективе. Как справедливо отмечает С.П. Щерба, в подобных ситуациях нарушается принцип создания специализированных судебных составов для рассмотрения категории дел, требующих особых знаний [33, с. 78]. Это создает реальную угрозу нарушению права обвиняемого на законный суд, гарантированного статьей 47 Конституции Российской Федерации, поскольку под законным судом понимается не только надлежаще учрежденный суд, но и суд, компетенция которого определена законом без каких-либо неясностей. В частности, в п.7.1. ч.6 ст. 31 УПК РФ отмечается: «Если дела о преступлениях совершенных группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом, подсудны военному суду в отношении хотя бы одного из соучастников, а выделение уголовного дела в отношении остальных лиц невозможно, указанные дела в отношении всех лиц рассматриваются соответствующим военным судом».

Как представляется, для более справедливого и объективного судебного разбирательства и оптимального выбора уголовного наказания в отношении всех участников преступления, среди которых есть хотя бы один военнослужащий, было бы целесообразно рассматривать в смешанном коллегиальном составе суда с участием судей общей и военной юрисдикции.

Таким образом, действующая система правил о подсудности, сталкиваясь с реалиями современного вооруженного конфликта, порождает значительные правовые пробелы и коллизии. Отсутствие четких критериев для определения территориальной подсудности военных судов в мобильных условиях ведения боевых действий, а также размытость границ применения персональной подсудности к сотрудникам Росгвардии создают серьезные препятствия для быстрого и справедливого отправления правосудия.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что действующая система разграничения подследственности и подсудности в отношении военнослужащих и сотрудников Росгвардии демонстрирует системные сбои в условиях Специальной военной операции. Накопившиеся проблемы носят не частный, а структурный характер, что требует комплексного пересмотра ряда процессуальных институтов. К числу наиболее острых из них можно отнести: отсутствие единообразной и предсказуемой практики разграничения подследственности между Следственным комитетом и дознанием Росгвардии, порождает ведомственные споры и затягивание сроков расследования преступлений. Сохраняется неопределенность в вопросе о рассмотрении уголовных дел в отношении военнослужащих и сотрудников Росгвардии, совершивших преступления в зоне СВО; а также отсутствие законодательно закрепленных критериев для определения территориальной юрисдикции военных судов в условиях высокой мобильности подразделений. Отмеченные пробелы в уголовном процессуальном законодательстве влечет нарушение конституционного права на справедливое судопроизводство, поскольку порождает неопределенность в вопросе о том, какой именно орган правомочен рассматривать дела в отношении военнослужащих, совершивших преступление в зоне СВО.

Учитывая изложенное, существует объективная необходимость в корректировке действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства. В качестве первоочередной меры представляется целесообразным внесение изменений в статью 151 УПК РФ, с детализацией четкого разграничения подследственности дел в отношении сотрудников Росгвардии. Критерий разграничения подследственности по уголовным делам в отношении военнослужащих следует учитывать не на расплывчатой связи с исполнением служебных обязанностей, а на конкретном составе преступления по родовому признаку, это позволит минимизировать формализм при принятии процессуальных решений. Кроме того, для обеспечения единства судебной практики и специализированного рассмотрения дел, в УПК РФ следует закрепить презумпцию подсудности военных судов для всех преступлений, совершенных военнослужащими и сотрудниками силовых структур в период участия в вооруженных конфликтах, независимо от их места дислокации, что позволит устранить существующие коллизии между персонифицированным и территориальным признаками подследственности.

Вместе с тем, целесообразной представляется разработка и утверждение совместного нормативного акта Генеральной прокуратуры, Следственного комитета, Росгвардии и Верховного Суда Российской Федерации, который содержал бы расширенные разъяснения по разрешению спорных ситуаций, возникающих на практике. Подобные межведомственные нормативные правовые акты, как справедливо отмечает В.П. Кашепов, позволяют оперативно и гибко реагировать на вновь возникающие процессуальные коллизии без необходимости ожидания внесения изменений в федеральное законодательство [19, с. 134]. Такой акт мог бы установить, в частности, четкий алгоритм определения территориальной подсудности при временной дислокации воинской части и закрепить перечни преступлений, однозначно отнесенных к ведению того или иного органа расследования. Подобные меры в совокупности призваны создать унифицированную и эффективную систему «маршрутизации» уголовных дел, обеспечивающую как интересы правосудия, так и гарантии прав участников процесса в особых правовых условиях.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что действующее правовое регулирование подследственности и подсудности уголовных дел в отношении военнослужащих и сотрудников Росгвардии не в полной мере адаптировано к особым условиям Специальной военной операции. Выявленные системные проблемы, такие как коллизии между ведомствами при определении подследственности, неопределенность территориальной юрисдикции военных судов и размытость критериев подсудности для сотрудников Росгвардии, создают серьезные препятствия для оперативного и законного отправления правосудия. Эти пробелы напрямую затрагивают фундаментальное право на законный суд, гарантированное статьей 47 Конституции РФ, поскольку порождают правовую неопределенность в вопросах компетенции органов следствия и суда.

Исходя из проведенного анализа проблем в области расследования преступлений против военной службы, назрела насущная необходимость в системной оптимизации соответствующих уголовно-процессуальных норм. Предлагаемые меры, включающие внесение изменений в ст. 151 УПК РФ для четкого разграничения подследственности, законодательное закрепление презумпции подсудности военных судов для преступлений, совершенных в зоне СВО, а также разработку совместного ведомственного разъяснительного акта, направлены на устранение существующих противоречий. Их реализация будет способствовать укреплению законности, обеспечению единого правового пространства и созданию эффективного механизма уголовного преследования в отношении специальных субъектов в условиях современных вооруженных конфликтов, что в конечном итоге усилит защищенность как публичных интересов государства, так и прав личности.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации. М., 2025.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М., 2025.
3. Федеральный закон от 03 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (часть I). Ст. 4159.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 за 2021 год (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 07.07.2021). URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400457008/ (дата обращения 24.03.2026).
5. Александров А. И. 25 лет Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» // Теория государства и права. 2021. № 2(22). С. 181–198.
6. Ананских И. А. Семья как нравственно-правовая ценность российского общества / И. А. Ананских, Н. И. Уткин // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 10. С. 12–15.
7. Бажанов В. А. Проблемы разграничения подследственности в уголовном процессе России // Российский следователь. 2022. № 5. С. 16–19.
8. Бастрыкин А. И. Законность – главное в использовании результатов ОРД в уголовном судопроизводстве / А. И. Бастрыкин, В. М. Егоршин, С. И. Захарцев [и др.] // Процессуально-правовые особенности взаимодействия следственных органов, с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: сб. материалов Межд. науч.-практич. стола / под общ. ред. А. И. Антонова, М. Р. Глушкова. СПб., 2022. С. 7–45.

9. Богатырёв Д. К. Ценности христианского гуманизма и государственно-правовая идеология / Д. К. Богатырёв, В. П. Сальников // Мир политики и социологии. 2019. № 11-12. С. 36–43.

10. Виноградова Е. В. Правосудие для справедливости М.И. Клеандров. Правосудие и справедливость / Е. В. Виноградова, В. П. Сальников, С. И. Захарцев // Государство и право. 2022. № 8. С. 190–194.

11. Виноградова Е. В. Справедливое правосудие М.И. Клеандров. Правосудие и справедливость. 2-е изд., перераб. и доп. / Е. В. Виноградова, С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Государство и право. 2023. № 7. С. 194–199.

12. Володин заявил о важной роли Росгвардии в обеспечении безопасности и суверенитета России // Интерфакс. URL: https://www.interfax.ru/russia/1078362 (дата обращения 24.03.2026).

13. Воробьев А. О. Общественное согласие как основание государственного суверенитета: ценностный аспект // Вестник Военной Жукова академии войск национальной гвардии. 2025. № 2. С. 5–11.

14. Дерюгин А. А. Традиционные духовно-нравственные ценности и ориентиры – стержень российской государственности на фоне современных угроз / А. А. Дерюгин, С. О. Аврамов // Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы: материалы международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 26 марта 2025 г.) / под науч. ред. В. П. Сальникова. СПб. : Академия войск национальной гвардии, Фонд «Университет», 2025. С. 67–72. В кн. 634 с. (Серия: 80 лет нашей Победы в Великой Отечественной войне).

15. Жук А. С. Государственность как нравственно-правовая ценность общества // Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы: Материалы международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 26 марта 2025 г.) / под науч. ред. В. П. Сальникова. СПб. : Академия войск национальной гвардии, Фонд «Университет», 2025. С. 30-36. В кн. 634 с. (Серия: 80 лет нашей Победы в Великой Отечественной войне).

16. Захарцев С. И. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: монография / С. И. Захарцев, Ю. Ю. Игнащенков, В. П. Сальников. М. : Норма, 2015. 400 с.

17. Захарцев С. И. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность / С. И. Захарцев, В. А. Вихров, Ю. Ю. Игнащенков [и др.]; под ред. С. И. Захарцева: монография. М. : Российская академия ракетных и артиллерийских наук; Граница, 2017. 424 с.

18. Исмагилов Р. Ф. Философия права России: теоретические и духовные предпосылки ее суверенности: монография / Р. Ф. Исмагилов, В. П. Сальников. СПб. : Фонд «Университет», 2025. 552 с.

19. Кашепов В. П. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. М. : Юрайт, 2022. 245 с.

20. Кийко А. Ю. Государственный суверенитет России как духовно-нравственная ценность // Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы: Материалы международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 26 марта 2025 г.) / под науч. ред. В. П. Сальникова. СПб. : Академия войск национальной гвардии, Фонд «Университет», 2025. С. 22–24. В кн. 634 с. (Серия: 80 лет нашей Победы в Великой Отечественной войне).

21. Клеандров М. И. Правосудие и справедливость. 2-е изд., перераб. и доп. М. : НОРМА, 2023. 424 с.

22. Кудашкин А. В. Военное право: учебник. М. : За права военнослужащих, 2020. 450 с.

23. Медведев А. А. Формирование патриотических ценностей в процессе обучения в учебных заведениях Федеральной службы войск национальной гвардии // Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы: материалы международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 26 марта 2025 г.) / под науч. ред. В. П. Сальникова. СПб. : Академия войск национальной гвардии, Фонд «Университет», 2025. С. 15–21. В кн. 634 с. (Серия: 80 лет нашей Победы в Великой Отечественной войне).

24. Мухин А. И. Духовно-нравственные ценности общества и современное государство // Теория государства и права. 2025. № 2-1. С. 204–212. DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_204.

25. Новокшонов Д. В. Теория и практика уголовно-процессуальной политики на стадии предварительного расследования при взаимодействии следователя с органом дознания // Д. В. Новокшонов, С. Ф. Мазурин // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 530–533. DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_530. EDNOUPXPG.

26. Оперативно-розыскная деятельность: научно-практический комментарий (постатейный) к Федеральному закону / А. И. Бастрыкин, В. М. Егоршин, С. И. Захарцев [и др.]; под ред. А. И. Бастрыкина. М. : Юрлитинформ, 2020. 280 с.

27. Патриотическое воспитание обучающихся в кадетских корпусах, суворовских училищах и военных институтах Российской Федерации как предмет комплексного анализа: коллективная монография / под ред. А. Ю. Кийко, с предисловием В. П. Сальникова. СПб. : СПВИ войск национальной гвардии, 2023. 369 с.

28. Сальников В. П. Войска национальной гвардии и возлагаемые на них задачи: участие в обеспечении режимов чрезвычайного положения, военного положения, правового режима контртеррористической операции / В. П. Сальников, Е. Н. Кондрат, О. С. Борисов // Правовое поле современной экономики. 2016. № 9. С. 144–161.

29. Сальников В. П. Войска национальной гвардии и возлагаемые на них задачи: участие в борьбе с терроризмом и экстремизмом / В. П. Сальников, Е. Н. Кондрат, О. С. Борисов // Правовое поле современной экономики. 2016. № 8. С. 133–142.

30. Сальников В. П. Комментарий к Федеральному закону от 03 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (постатейный) / В. П. Сальников, О. С. Борисов, Е. Н. Кондрат. М. : Юстицинформ, 2016. 312 с.

31. Сальников В. П. Мораль и суверенитет государства: ценностные и социальные аспекты / В. П. Сальников, К. Г. Прокофьев, В. Н. Чайка // Теория государства и права. 2024. № 2-1 (37). С. 205–212. DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2-1_37_205.

32. Философско-правовое познание: актуальные проблемы: монография / Е. В. Виноградова, А. О. Воробьев, М. Ю. Гутман [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИНФРА-М, 2025. 418 с. (Научная мысль). DOI 10.12737/2152004.

33. Щерба С. П. Процессуальные проблемы подсудности в условиях военного времени // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. № 2. С. 75–82.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii. M., 2025. (In Russ.).

2. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii. M., 2025. (In Russ.).

3. Federal'nyj zakon ot 03 iyulya 2016 g. № 226-FZ «O vojskah nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii» (red. ot 24.04.2024) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2016. № 27 (chast' I). St. 4159. (In Russ.).

4. Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii № 1 za 2021 god (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii 07.07.2021). Available from: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400457008/ (data obrashcheniya 24.03.2026). (In Russ.).

5. Aleksandrov A. I. 25 Years of the Federal Law on Operational Investigative Activities// Teoriya gosudarstva i prava. 2021;2(22):181–198. (In Russ.).

6. Ananskih I. A. Family as a Moral and Legal Value in Russian Society / I. A. Ananskih, N. I. Utkin // YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2023. № 10. S. 12–15. (In Russ.).

7. Bazhanov V. A. Problems of delineating jurisdiction in the Russian criminal process // Rossijskij sledovatel'. 2022;5: 16–19. (In Russ.).

8. Bastrykin A. I. Zakonnost' – glavnoe v ispol'zovanii rezul'tatov ORD v ugolovnom sudoproizvodstve / A. I. Bastrykin, V. M. Egorshin, S. I. Zaharcev [i dr.] // Processual'no-pravovye osobennosti vzaimodejstviya sledstvennyh organov, s organami, osushchestvlyayushchimi operativno-rozysknuyu deyatel'nost': sb. materialov Mezhd. nauch.-praktich. stola / pod obshch. red. A. I. Antonova, M. R. Glushkova. SPb., 2022. S. 7–45. (In Russ.).

9. Bogatyryov D. K. The Values of Christian Humanism and the State-Legal Ideology / D. K. Bogatyryov, V. P. Sal'nikov // Mir politiki i sociologii. 2019;11-12: 36–43. (In Russ.).

10. Vinogradova E. V. Justice for Justice by M.I. Kleandrov. Justice and Fairness / E. V. Vinogradova, V. P. Sal'nikov, S. I. Zaharcev // Gosudarstvo i pravo. 2022;8: 190–194. (In Russ.).

11. Vinogradova E. V. Fair Justice by M.I. Kleandrov. Justice and Fairness. 2-e izd., pererab. i dop. / E. V. Vinogradova, S. I. Zaharcev, V. P. Sal'nikov // Gosudarstvo i pravo. 2023;7: 194–199. (In Russ.).

12. Volodin zayavil o vazhnoj roli Rosgvardii v obespechenii bezopasnosti i suvereniteta Rossii // Interfaks. Available from: https://www.interfax.ru/russia/1078362 (data obrashcheniya 24.03.2026). (In Russ.).

13. Vorob'ev A. O. Public consensus as the foundation of state sovereignty: the value aspect // Vestnik Voennoj ZHukova akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;2: 5–11. (In Russ.).

14. Deryugin A. A. Tradicionnye duhovno-nravstvennye cennosti i orientiry – sterzhen' rossijskoj gosudarstvennosti na fone sovremennyh ugroz / A. A. Deryugin, S. O. Avramov // Zashchita gosudarstvennosti: istoricheskoe nasledie i sovremennye vyzovy: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (g. Sankt-Peterburg, 26 marta 2025 g.) / pod nauch. red. V. P. Sal'nikova. SPb. : Akademiya vojsk nacional'noj gvardii, Fond «Universitet», 2025. S. 67–72. V kn. 634 s. (Seriya: 80 let nashej Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne). (In Russ.).

15. ZHuk A. S. Gosudarstvennost' kak nravstvenno-pravovaya cennost' obshchestva // Zashchita gosudarstvennosti: istoricheskoe nasledie i sovremennye vyzovy: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (g. Sankt-Peterburg, 26 marta 2025 g.) / pod nauch. red. V. P. Sal'nikova. SPb. : Akademiya vojsk nacional'noj gvardii, Fond «Universitet», 2025. S. 30-36. V kn. 634 s. (Seriya: 80 let nashej Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne). (In Russ.).

16. Zaharcev S. I. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v HKHI veke: monografiya / S. I. Zaharcev, YU. YU. Ignashchenkov, V. P. Sal'nikov. M. : Norma, 2015. 400 s. (In Russ.).

17. Zaharcev S. I. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' i voennaya bezopasnost' / S. I. Zaharcev, V. A. Vihrov, YU. YU. Ignashchenkov [i dr.]; pod red. S. I. Zaharceva: monografiya. M. : Rossijskaya akademiya raketnyh i artillerijskih nauk; Granica, 2017. 424 s. (In Russ.).

18. Ismagilov R. F. Filosofiya prava Rossii: teoreticheskie i duhovnye predposylki ee suverennosti: monografiya / R. F. Ismagilov, V. P. Sal'nikov. SPb. : Fond «Universitet», 2025. 552 s. (In Russ.).

19. Kashepov V. P. Ugolovnyj process: aktual'nye problemy teorii i praktiki. M. : YUrajt, 2022. 245 s. (In Russ.).

20. Kijko A. YU. Gosudarstvennyj suverenitet Rossii kak duhovno-nravstvennaya cennost' // Zashchita gosudarstvennosti: istoricheskoe nasledie i sovremennye vyzovy: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (g. Sankt-Peterburg, 26 marta 2025 g.) / pod nauch. red. V. P. Sal'nikova. SPb. : Akademiya vojsk nacional'noj gvardii, Fond «Universitet», 2025. S. 22–24. V kn. 634 s. (Seriya: 80 let nashej Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne). (In Russ.).

21. Kleandrov M. I. Pravosudie i spravedlivost'. 2-e izd., pererab. i dop. M. : NORMA, 2023. 424 s. (In Russ.).

22. Kudashkin A. V. Voennoe pravo: uchebnik. M. : Za prava voennosluzhashchih, 2020. 450 s. (In Russ.).

23. Medvedev A. A. Formirovanie patrioticheskih cennostej v processe obucheniya v uchebnyh zavedeniyah Federal'noj sluzhby vojsk nacional'noj gvardii // Zashchita gosudarstvennosti: istoricheskoe nasledie i sovremennye vyzovy: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (g. Sankt-Peterburg, 26 marta 2025 g.) / pod nauch. red. V. P. Sal'nikova. SPb. : Akademiya vojsk nacional'noj gvardii, Fond «Universitet», 2025. S. 15–21. V kn. 634 s. (Seriya: 80 let nashej Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne). (In Russ.).

24. Muhin A. I. Spiritual and Moral Values of Society and the Modern State // Teoriya gosudarstva i prava. 2025;2-1: 204–212. DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_204. (In Russ.).

25. Novokshonov D. V. Theory and Practice of Criminal Procedure Policy at the Stage of Preliminary Investigation in the Interaction of the Investigator with the Investigative Body // D. V. Novokshonov, S. F. Mazurin // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2025;4: 530–533. DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_530. EDNOUPXPG. (In Russ.).

26. Operativno-rozysknaya deyatel'nost': nauchno-prakticheskij kommentarij (postatejnyj) k Federal'nomu zakonu / A. I. Bastrykin, V. M. Egorshin, S. I. Zaharcev [i dr.]; pod red. A. I. Bastrykina. M. : YUrlitinform, 2020. 280 s. (In Russ.).

27. Patrioticheskoe vospitanie obuchayushchihsya v kadetskih korpusah, suvorovskih uchilishchah i voennyh institutah Rossijskoj Federacii kak predmet kompleksnogo analiza: kollektivnaya monografiya / pod red. A. YU. Kijko, s predisloviem V. P. Sal'nikova. SPb. : SPVI vojsk nacional'noj gvardii, 2023. 369 s. (In Russ.).

28. Sal'nikov V. P. National Guard troops and their assigned tasks: participation in ensuring the regimes of state of emergency, martial law, and the legal regime of counter-terrorism operations / V. P. Sal'nikov, E. N. Kondrat, O. S. Borisov // Pravovoe pole sovremennoj ekonomiki. 2016;9: 144–161. (In Russ.).

29. Sal'nikov V. P. National Guard troops and their assigned tasks: participation in the fight against terrorism and extremism / V. P. Sal'nikov, E. N. Kondrat, O. S. Borisov // Pravovoe pole sovremennoj ekonomiki. 2016;8: 133–142. (In Russ.).

30. Sal'nikov V. P. Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 03 iyulya 2016 g. № 226-FZ «O vojskah nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii» (postatejnyj) / V. P. Sal'nikov, O. S. Borisov, E. N. Kondrat. M. : YUsticinform, 2016. 312 s. (In Russ.).

31. Sal'nikov V. P. Morality and State Sovereignty: Value and Social Aspects / V. P. Sal'nikov, K. G. Prokof'ev, V. N. CHajka // Teoriya gosudarstva i prava. 2024;2-1 (37): 205–212. DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2-1_37_205. (In Russ.).

32. Filosofsko-pravovoe poznanie: aktual'nye problemy: monografiya / E. V. Vinogradova, A. O. Vorob'ev, M. YU. Gutman [i dr.]; pod obshch. red. d-ra yurid. nauk, prof. V. P. Sal'nikova. 2-e izd., ispr. i dop. M.: INFRA-M, 2025. 418 s. (Nauchnaya mysl'). DOI 10.12737/2152004. (In Russ.).

33. SHCHerba S. P. Procedural issues of jurisdiction in wartime // ZHurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2023;2: 75–82. (In Russ.).

Информация об авторах

А. Ю. Кийко *– кандидат юридических наук, доцент*
В. П. Сальников *– доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации*
С. Ф. Мазурин *– кандидат юридических наук, доцент*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 26.06.2026;
одобрена после рецензирования 16.09.2026;
принята к публикации 28.09.2026.

Information about the authors

A. Yu. Kijko *– Candidate of Sciences (Law), Docent*
V. P. Salnikov *– Doctor of Sciences (Law), Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation*
S. F. Mazurin *– Candidate of Sciences (Law), Docent*

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 26.06.2026;
approved after reviewing 16.09.2026;
accepted for publication 28.09.2026.

Научная статья

УДК 343.81

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРОФИЛАКТИКИ АГРЕССИИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ОТНОШЕНИИ ПЕРСОНАЛА ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ: ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ, ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Николай Николаевич Кутаков
Санкт-Петербургский университет ФСИН России, Санкт-Петербург, Россия
Kutakov.n.n@mail.ru, orcid.org/0000-0001-6593-8524

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные направления профилактики агрессии заключенных в отношении персонала пенитенциарных учреждений в зарубежных странах. На основе анализа научной литературы, нормативных правовых актов и открытых источников выделены четыре ключевых направления: совершенствование организационного построения пенитенциарных учреждений; развитие информационно-аналитического обеспечения их деятельности (включая прогнозирование и искусственный интеллект); профилактическое воздействие на заключенных как потенциальных агрессоров; воздействие на персонал как потенциального провокатора агрессии или её жертвы. Приведены примеры подходов к профилактике агрессии заключенных из Франции, США, Великобритании, Новой Зеландии, Казахстана, Узбекистана, Армении и других стран. Особое внимание уделено использованию нового направления – искусственного интеллекта, для мониторинга, прогнозирования агрессии и реабилитации заключенных, а также таким инновационным подходам, как виртуальная реальность, практики осознанности, фармакология, коррекция питания и спорт. Обсуждаются риски и этические аспекты применения искусственного интеллекта в пенитенциарной сфере. Сделан вывод о наиболее эффективных и универсальных направлениях предупреждения агрессии заключенных.

Ключевые слова: агрессия заключенных, персонал пенитенциарных учреждений, профилактика агрессии, зарубежный опыт, искусственный интеллект, прогнозирование, виртуальная реальность, осознанность, наставничество

Для цитирования: Кутаков Н.Н. Зарубежный опыт профилактики агрессии заключенных в отношении персонала пенитенциарных учреждений: организационные, информационно-аналитические и психолого-педагогические направлениЯ // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 86–93. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/009.pdf.

Original article

THE INTERNATIONAL EXPERIENCE OF PREVENTING PRISONERS' AGGRESSION AGAINST PRISON STAFF: ORGANIZATIONAL, INFORMATIONAL, ANALYTICAL, PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL DIRECTIONS

Nikolai N. Kutakov
Saint-Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia, Saint-Petersburg, Russia
Kutakov.n.n@mail.ru, orcid.org/0000-0001-6593-8524

Abstract. The article discusses current trends in the prevention of aggression by prisoners against prison staff in foreign countries. Based on the analysis of scientific literature, regulatory legal acts and open sources, four key areas have been identified: improving the organizational structure of penitentiary institutions; developing information and analytical support for their activities (including forecasting and artificial intelligence); preventive effects on prisoners as potential aggressors; the impact on the staff as a potential provocateur of aggression or its victims. Examples of approaches to the prevention of aggression by prisoners from France, the USA, Great Britain, New Zealand, Kazakhstan, Uzbekistan, Armenia and other countries are given. Special attention is paid to the use of a new field of artificial intelligence for monitoring, predicting aggression and rehabilitation of prisoners, as well as innovative approaches such as virtual reality, mindfulness practices, pharmacology, nutrition correction and sports. The risks and ethical aspects of the use of artificial intelligence in the penitentiary sector are discussed. The conclusion is made about the most effective and universal ways to prevent the aggression of prisoners.

Keywords: aggression among inmates, staff of penitentiary institutions, aggression prevention, foreign experience, artificial intelligence, forecasting, virtual reality, mindfulness, mentoring

For citation: Kutakov N.N. The international experience of preventing prisoners' aggression against prison staff: organizational, informational, analytical, psychological and pedagogical directions. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36): 86–93. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/009.pdf.

© Кутаков Н.Н., 2026

Введение

Обеспечение безопасности персонала пенитенциарных учреждений является одним из приоритетных направлений уголовно-исполнительной политики большинства государств. Акты агрессии осужденных в отношении сотрудников мест лишения свободы представляют повышенную общественную опасность, влекут рост профессионального выгорания и виктимизации персонала, снижают эффективность исполнения наказаний. В условиях гуманизации и цифровизации уголовно-исполнительных систем, изменения структуры осужденных, увеличения доли лиц, отбывающих наказание за тяжкие и особо тяжкие преступления, проблема поиска эффективных мер профилактики таких посягательств приобретает особую значимость.

Зарубежные государства накопили значительный опыт в данной сфере, который необходимо подвергнуть анализу и изучению с целью оценки дальнейшего применения в России.

Ранее нами уже проводилось исследование, посвященное изучению подходов зарубежных стран к обеспечению безопасности персонала пенитенциарных учреждений. В качестве перспективных направлений нами тогда выделялись: совершенствование организационного построения пенитенциарных учреждений (опыт Франции по созданию региональных групп реагирования и безопасности (ERIS); опыт Великобритании, США, Новой Зеландии, Республики Казахстан и Армения по совершенствованию инженерно-технического обеспечения мест лишения свободы); развитие информационно-аналитического обеспечения деятельности пенитенциарных учреждений (опыт США по внедрению аналитики существующей статистической информации, с возможностью выстраивания на её основании объективных прогнозов, краткосрочных и долгосрочных стратегий) [1].

Между тем за столь короткий период между опубликованным исследованием в рассматриваемом направлении и настоящей работой произошли существенные изменения, которые позволяют говорить о новых подходах к профилактике агрессии заключенных в отношении персонала пенитенциарных учреждений.

XXI век – время больших открытий и развития новых технологий. Одним из наиболее ярких открытий заслуженно можно назвать искусственный интеллект (далее – ИИ).

Хотя пенитенциарные системы являются довольно консервативными с точки зрения применения современных технологий, что обусловлено необходимостью высокого уровня конфиденциальности используемых данных, а также спецификой деятельности мест лишения свободы, зарубежные страны начинают активно изучать возможности применения искусственного интеллекта при исполнении уголовных наказаний, в том числе и при профилактике агрессии заключенных.

Основные положения

Анализ научной литературы и открытых источников позволяет сделать вывод, что среди ключевых направлений использования ИИ в пенитенциарных учреждениях зарубежных стран для предупреждения агрессии осужденных можно выделить:

– анализ видеопотока и мониторинг физического состояния заключенного. В частности, Китай и Гонконг недавно объявили, что их правительства внедряют новые технологии ИИ, направленные на то, чтобы каждую минуту следить за заключёнными в некоторых тюрьмах. В Гонконге правительство тестирует устройства, чтобы постоянно отслеживать местоположение и действия людей, в том числе частоту сердечных сокращений. В некоторых тюрьмах также начнут использовать сетевые системы видеонаблюдения, запрограммированные на выявление аномального поведения, такого, как членовредительство или насилие по отношению к другим заключенным и персоналу [2];

– разработка персонализированной программы реабилитации. Благодаря проведенным исследованиям становится ясно, что ИИ обладает потенциалом значительно улучшить реабилитацию лиц, находящихся в местах лишения свободы, путем предоставления персонализированного подхода

[3]. Тем самым применение ИИ может нивелировать существующие проблемы в кадровом обеспечении воспитательных служб учреждений УИС, позволив своевременно проводить необходимые мероприятия с осужденными, в том числе по предупреждению совершения ими агрессии.

Между тем нельзя не сказать и о таких недостатках ИИ, как: возможность нарушения алгоритма его работы, в том числе за счет вирусных атак и нарушения программных кодов; необходимость разработки прогрессивной системы защиты персональных данных с учетом огромного массива информации, необходимого для обеспечения эффективной работы ИИ.

Между тем преимущества использования ИИ очевидны. Развитие аналитического обеспечения деятельности пенитенциарных учреждений как направление профилактики агрессии заключенных в отношении персонала пенитенциарных учреждений представляет собой совокупность проектов, выступающих инструментом прогнозирования кризисных ситуаций в местах лишения свободы, а использование ИИ не только пресекает и профилактирует агрессию заключенных, но и способно помогать выстраивать систему их реабилитации, снижая вероятность рецидива их преступлений, в том числе в отношении персонала мест лишения свободы [4, с. 25].

Анализ научных исследований зарубежных ученых, посвященных изучению проблем агрессии заключенных в отношении персонала мест лишения свободы, поражает широтой своих направлений.

Начать обсуждение новых способов профилактики агрессии заключенных хотелось бы с принципиально новых приемов, одним из которых является использование виртуальной реальности.

В 2025 г. коллективы авторов Университета Франсиско де Витория Дэвид Ронсеро, Роман Д. Морено-Фернандес, Альваро Фернандес-Морено провели исследование, посвященное эффективности вмешательств виртуальной реальности при профилактике агрессии, гнева и импульсивности.

Согласно полученным данным, VR-терапия демонстрирует статистически значимые положительные изменения как по самооценке участников, так и по оценкам наблюдателей. При этом её эффективность превышает результаты традиционных методов лечения и контрольных условий. Разнообразие форматов VR-вмешательств - от структурированных программ с аватарами до расслабляющих виртуальных сред и серьезных игр – обеспечивает гибкость адаптации под разные нужды пациентов.

Между тем, несмотря на положительные краткосрочные эффекты, ограниченное количество исследований с последующим наблюдением затрудняет оценку долгосрочной устойчивости результатов. В целом, VR-вмешательства представляют собой перспективный инструмент для управления агрессией и связанными с ней эмоциональными и поведенческими проявлениями [5].

Попытка применить указанные технологии (VR-терапия) в отношении заключенных была предпринята в 2023 г. в голландских тюрьмах. Заключенные оценили данный эксперимент и отметили улучшение в понимании собственных триггеров агрессии, а также освоение навыков более адекватного реагирования на провоцирующие ситуации. Результаты самоотчётов и наблюдений за агрессией, гневом и регуляцией эмоций показали небольшие или умеренные положительные изменения, которые сохранялись на протяжении двух месяцев после лечения.

Основные сильные стороны такой терапии – персонализированные интерактивные сценарии и возможность безопасной практики агрессивного поведения. Однако теоретическая база была признана слишком сложной для некоторых участников, что потребовало её упрощения.

В целом, VR-терапия представляет перспективный подход для снижения агрессивного поведения в тюрьмах [6]. Безусловно, эмпирические данные по указанным исследованиям довольно скромны, но их потенциал вызывает большой интерес.

В 2020 г. было опубликовано исследование «Значение модуля осознанности для снижения уровня агрессии среди заключенных», основная идея которого состояла в том, что практика осознанности эффективно снижает уровень агрессии среди женщин-заключенных (выборка состояла из 36 женщин-заключенных из одной из тюрем в штате Малайзия). В подтверждение своей теории авторы приводили статистические данные об отрицательной корреляции между осознанностью и агрессивным поведением.

Среди главных выводов – осознанность способствует самоконтролю и осознанию своих эмоций, что позволяет предотвратить

усиление агрессии в провоцирующих ситуациях. Однако связь между осознанностью и самоконтролем оказалась незначительной, что требует дальнейших исследований. Между тем результаты подчеркивают значение интеграции мероприятий по осознанности в реабилитационные программы для снижения агрессии и улучшения психоэмоциональной адаптации заключенных [7].

Обращают на себя внимание исследования, которые среди способов профилактики агрессии заключенных рекомендуют фармакологический подход [8].

Обобщая представленные в исследованиях тезисы, можно сказать, что авторами доказана эффективность фармакологического подхода к управлению агрессией и насилием среди заключенных. Подчёркивая, что агрессия и насилие в тюрьмах часто связаны с психическими расстройствами и расстройствами личности, такими как антисоциальное расстройство и психозы, основным способом профилактики этих явлений является комплексный подход с приоритетом немедикаментозных стратегий деэскалации, а медикаменты используются ограниченно и целенаправленно для купирования острых состояний.

Среди лекарств выделяются атипичные нейролептики, противосудорожные препараты и литий, показавшие эффективность в снижении импульсивной агрессии, однако важен тщательный мониторинг побочных эффектов и соблюдение прав заключенных. В целом, фармакологическая терапия в тюрьмах должна быть частью комплексной программы, сочетающей медицинскую помощь, психологическую поддержку и меры по улучшению условий содержания для уменьшения агрессии и насилия.

Стоит заметить, что в настоящее время существуют исследования, подчеркивающие влияние и пищевых факторов на агрессию человека.

В опубликованном в 2023 г. исследовании на тему «Пищевые факторы, связанные с агрессией» Оливия Чой указывает на важную роль питания и дефицита некоторых микронутриентов в проявлении агрессивного поведения.

Как указывает исследователь, данные свидетельствуют о том, что низкий уровень омега-3 жирных кислот, витамина D, магния и цинка связан с повышенной агрессивностью и нарушениями регуляции эмоций. Интервенции с приемом добавок, особенно омега-3, показали определенное снижение физической и реактивной агрессии, хотя эффекты могут зависеть от дозировки, продолжительности приема и начального состояния пациентов.

В то же время результаты по витамину D, магнию и цинку менее однозначны из-за ограниченного количества и неоднородности исследовательских данных. Механизмы, связывающие питание и агрессию, вероятно, включают влияние на нейрохимические процессы, такие как синтез серотонина и функции исполнительного контроля мозга.

Несмотря на многообещающие данные необходимы дополнительные экспериментальные исследования для установления оптимальных дозировок, длительности терапии и изучения взаимодействий между питательными веществами в контексте агрессивного поведения [9].

Привлекает внимание и научный труд французских исследователей Люка Робена (Университет Бордо) и Доминика Бодена (Университет Париж-Эст-Кретей), в котором они подчеркивают высокий потенциал спорта как средства снижения насилия и социализации заключённых. Подвергая критическому анализу идею о роли спорта в тюремной среде и признавая, что в настоящее время спорт в местах лишения свободы остается ограниченным по функциям и далеко не всегда способствует умиротворению или реабилитации, они настаивают на пересмотре текущей политики и практики в этой области [10].

Как видно из представленных исследований, основными перспективными направлениями профилактики агрессии заключенных в отношении персонала мест лишения свободы зарубежные ученые считают применение таких современных приёмов, как виртуальная реальность и осознанность, при этом считают неисчерпанным потенциал фармакологии, влияние витаминов и даже спорта для снижения уровня агрессии.

Агрессия осужденного возникает в системе «персонал – осужденный», следовательно, работа по снижению агрессии должна проводиться и со вторым участником конфликта – персоналом мест лишения свободы. Именно поэтому необходимо рассмотреть такое направление как воздействие на персонал мест лишения свободы, как потенциального провокатора агрессии осужденных либо её жертвы.

Среди мер, направленных на снижение числа проявлений агрессии заключенных в

отношении персонала, большое внимание уделяется и системе наставничества в системе подготовки персонала как способу снизить вероятность сотрудника стать жертвой агрессии заключенного.

В этой связи стоит уделить внимание подходу к вопросу эффективности подготовки сотрудников, который подробно описан в программах наставничества для персонала тюрьмы, подготовленных международными партнерскими организациями: BrainLog (Дания – Координатор проекта) – Датская федерация тюрем (Дания), Aproximar - Cooperativa de Solidariedade Social (Португалия), Синдикат аль-политики пенитенциарных учреждений (Румыния), Ассоциация против Ювентума (Румыния), Афинский институт непрерывного образования (Греция) и HIVA, КУ Левен (Бельгия).

Подходы к наставничеству в разных странах немного отличаются и представлены следующим образом:

– Дания. Программа наставничества для новых сотрудников не первый год реализуется в датских тюрьмах. Период обучения по ней составляет три года. Цель состоит в том, чтобы наставник провел не менее 100 часов с новым тюремным надзирателем в форме совместных дежурств в сменах и бесед. Это позволяет реализовать преемственность общих стандартов работы пенитенциарного персонала и обеспечить единообразие практического обучения. Помимо этого, создается безопасная среда, в которой новые тюремные служащие приобретают навыки и компетентности, необходимые в будущей работы.

– Греция. С 2009 г. во всех федеральных исправительных учреждениях реализуется программа наставничества по работе с тюремным персоналом, специально предназначенная для новых сотрудников тюрем. Программа длится от шести месяцев до года и направлена на то, чтобы дать рекомендации по преодолению сложностей работы в исправительном учреждении, а также, чтобы сотрудник почувствовал себя более уверенным и компетентным на работе.

– Греция, Португалия. С 2016 года реализуется программа общего наставничества по охране здоровья работника. Она предназначена для решения уникальных проблем, с которыми сталкиваются работники исправительных учреждений, например, высокий уровень стресса и подверженность совершения в отношении них насилия. Программа включает серию семинаров и тренингов.

– Португалия, Румыния. С 2016 г. реализуется двухлетняя программа наставничества над тюремной администрацией, предназначенная для новых сотрудников тюрем. Она предназначена для предоставления как профессиональных консультаций, так и психосоциальной поддержки сотрудникам. В период комплексного обучения сотрудники тюрем приобретают навыки, необходимые для снижения уровня рецидива преступлений, эффективному общению и разрешению конфликтов с заключенными.

– Румыния. Реализуется начальный курс для младших сотрудников. Эта программа организована в каждом румынском пенитенциарном учреждении. Принятые на службу сотрудники пенитенциарных учреждений принимают участие в этой трехшестимесячной программе, которая дает им представление об их профессии, знаниях, навыках и компетентности.

Не оставляют без внимания зарубежные ученые проблему профессионального выгорания персонала мест лишения свободы, в том числе из-за потенциальной опасности агрессии в отношении них. Ранее мы говорили о виктимологии. О том, как сотрудник своими действиями может увеличить вероятность совершения в отношении него преступного посягательства.

В своем исследовании «Выгорание и виктимизация: последствия нападений задержанных на надзирающий персонал» авторы подчеркивают, что персонал мест лишения свободы, в частности надзиратели, несут ответственность за содержание в изоляции и, следовательно, переживают очень сильные стрессовые ситуации и насилие.

Исследование показало, что тюремные надзиратели подвергаются высокой виктимизации в виде словесных, физических и вооружённых нападений со стороны заключённых, что существенно влияет на уровень их профессионального выгорания. Выгорание проявляется в трёх основных компонентах: эмоциональном истощении, отчуждении и снижении личной эффективности. Демографические факторы, такие как пол, возраст и уровень образования, не оказывают существенного влияния на выгорание, тогда как стаж работы и тип тюремного учреждения значимо связаны с уровнем выгорания.

Особо тяжело выгорание проявляется у надзирателей, работающих в следственных изоляторах и сталкивающихся с заключёнными с длительными сроками наказа-

ния. Интенсивность и серьёзность виктимизации повышают все компоненты выгорания, что негативно сказывается на психическом здоровье сотрудников [11].

Перед тем как перейти к выводам по представленным направлениям, нельзя не осветить одно из исследований, гипотеза которого заключалась во влиянии фаз луны на уровень агрессии осужденных.

В своем исследовании «Агрессия в тюремной среде в зависимости от фаз Луны» Армандо Саймон анализировал связь между фазами луны и уровнем агрессии среди заключенных в тюрьме Техаса. Несмотря на широко распространённые сведения о влиянии луны на поведение человека, результаты большинства научных работ, включая данное исследование, опровергают наличие прямого эффекта лунных фаз на агрессивные проявления.

Автор исследования подчеркивает, что случаи повышения агрессии в полнолуние могут объясняться эффектом самоисполняющегося пророчества, когда люди ожидают усиления девиантного поведения и ведут себя соответствующим образом. В целом, научные данные свидетельствуют, что факторы воздействия луны на поведение человека минимальны или отсутствуют [12].

Заключение

В качестве вывода проведенного анализа можно утверждать, что в большинстве зарубежных стран проблема агрессии в местах лишения свободы признаётся одной из ключевых угроз безопасности как для сотрудников, так и для самих осуждённых. В качестве перспективных направлений предупреждения агрессии заключенных в отношении персонала пенитенциарных учреждений выступают: совершенствование организационного построения пенитенциарных учреждений; развитие информационно-аналитического обеспечения деятельности пенитенциарных учреждений; профилактическое воздействие на заключенных как потенциальных агрессоров; воздействие на персонал мест лишения свободы как потенциального провокатора агрессии заключенных либо её жертвы. Каждое из направлений имеет свою специфику, в том числе и за счет национальных особенностей, однако их сочетание зачастую позволяет достичь положительных тенденций в рассматриваемой сфере деятельности пенитенциарных учреждений.

Наиболее эффективным и универсальным направлением предупреждения агрессии заключенных в отношении персонала пенитенциарных учреждений, применимым в большинстве стран мира, является развитие технологий прогнозирования кризисных ситуаций и использования ИИ. Вместе с тем внедрение ИИ сопряжено с рисками нарушения прав заключённых, утечки персональных данных и программных ошибок, что требует разработки этических и правовых стандартов и регламентов применения.

Среди инновационных методов воздействия на заключённых заслуживают внимания виртуальная реальность, практики осознанности, фармакологический подход, коррекция питания и спорт. Эмпирические данные об их эффективности пока ограничены, но результаты проведенных исследований обнадёживают.

Не менее важным в процессе профилактики агрессии осужденных является воздействие на персонал мест лишения свободы. Исследования показывают, что профессиональное выгорание и виктимизация сотрудников существенно повышают риск агрессии со стороны заключённых. В связи с этим программы наставничества, психологической поддержки и обучения эффективному общению, реализуемые в Дании, Греции, Португалии, Румынии и других странах, с учетом их эффективности требуют дальнейшего исследования и возможной имплементации в отечественный опыт.

Таким образом, зарубежный опыт демонстрирует, что наиболее эффективна не узконаправленная, а комплексная профилактика, сочетающая технологические инновации, психолого-педагогические методы и работу с кадрами. Для российской пенитенциарной системы перспективными шагами могли бы стать: пилотное внедрение систем ИИ для прогнозирования агрессии, адаптация VR-программ и практик осознанности.

Список источников

1. Кутаков Н. Н. Безопасность персонала пенитенциарных учреждений зарубежных стран: современное состояние и национальные подходы к совершенствованию // Вестник Пермского института ФСИН России. 2023. № 2(49). С. 81–90.

2. Поможет ли искусственный интеллект улучшить работу тюрем? URL: https://psmag.com/social-justice/should-prisons-use-artificial-intelligence/ (дата обращения: 15.09.2026).

3. Будущее реабилитации: Искусственный интеллект и трансформация образования в тюрьмах. URL: https://www.researchgate.net/publication/381045394_The_Future_Of_Rehabilitation_AI_And_The_Transformation_Of_Education_In_Prison (дата обращения: 15.09.2026).

4. Кутаков Н. Н. Международный опыт использования искусственного интеллекта для обеспечения безопасности в местах лишения свободы: первые результаты и риски // Профессиональное юридическое образование и наука. 2025;1(17). С. 23–25.

5. Ронсеро Р. Д. Эффективность применения виртуальной реальности для борьбы с агрессией, гневом и импульсивностью: многоуровневый метаанализ // Агрессия и насильственное поведение. 2025. № 4(81).

6. Войчик К. Лечение агрессии с помощью виртуальной реальности в голландских тюрьмах: пилотное исследование // Рубежи в психологии. 2023.

7. Деви С. Значение модуля «осознанность» для снижения агрессивности среди содержащихся в тюрьмах // Международный журнал социальных наук PEOPLE. 2020. Т. 6, № 1.

8. Джеймс У. Фармакологические подходы к борьбе с насилием и агрессией среди заключенных: клинические и этические аспекты // International Journal of Prisoner Health. 2011. Vol. 7, № 1. P. 34–52.

9. Чой О. Пищевые факторы, связанные с агрессией // Рубежи в психиатрии. 2023. URL: https://www.researchgate.net (дата обращения: 07.09.2025).

10. Робен Л., Бодена Д. Спорт, тюрьма, насилие: о тюремном заключении и условиях содержания – «французский тюремный спорт» и инструменты мировой доброй совести // Международный журнал по истории спорта. 2014. Т. 31, № 16.

11. Будука А. Х. Выгорание и виктимизация: влияние агрессии заключенных на тюремных надзирателей. URL: https://www.researchgate.net/publication/51701485_Burnout_and_victimisation_Impact_of_inmates'_aggression_towards_prison_guards (дата обращения: 15.09.2026).

12. Саймон А. Aggression in a Prison Setting as a Function of Lunar Phases Available from: Perceptual and Motor Skills. 1998. Vol. 82, No. 3. P. 747–752.

References

1. Kutakov N. N. The safety of personnel in penitentiary institutions in foreign countries: the current state of affairs and national approaches to improvement. // Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii. 2023;2(49): 81–90. (In Russ.).

2. Pomozhet li iskusstvennyj intellekt uluchshit' rabotu tyurem? Available from: https://psmag.com/social-justice/should-prisons-use-artificial-intelligence/ (data obrashcheniya: 15.09.2026). (In Russ.).

3. Budushchee reabilitacii: Iskusstvennyj intellekt i transformaciya obrazovaniya v tyur'mah. Available from: https://www.researchgate.net/publication/381045394_The_Future_Of_Rehabilitation_AI_And_The_Transformation_Of_Education_In_Prison (data obrashcheniya: 15.09.2026). (In Russ.).

4. Kutakov N. N. International experience in using artificial intelligence to ensure security in places of deprivation of liberty: initial results and risks // Professional'noe yuridicheskoe obrazovanie i nauka. 2025;1(17): 23–25. (In Russ.).

5. Ronsero R. D. The effectiveness of using virtual reality to combat aggression, anger, and impulsivity: a multi-level meta-analysis // Agressiya i nasil'stvennoe povedenie. 2025;4(81). (In Russ.).

6. Vojchik K. Treatment of aggression using virtual reality in Dutch prisons: a pilot study // Rubezhi v psihologii. 2023. (In Russ.).

7. Devi S. The significance of the “mindfulness” module for reducing aggression among inmates. // Mezhdunarodnyj zhurnal social'nyh nauk PEOPLE. 2020. Vol. 6. (In Russ.).

8. Dzhejms U. Pharmacological approaches to combating violence and aggression among inmates: clinical and ethical aspects // International Journal of Prisoner Health. 2011. Vol. 7;1: 34–52. (In Russ.).

9. CHoj O. Nutritional factors associated with aggression // Rubezhi v psihiatrii. 2023. Available from: https://www.researchgate.net (data obrashcheniya: 07.09.2025). (In Russ.).

10. L. Roben, D. Bodena. Sports, prisons, violence: about imprisonment and conditions of confinement – "French prison sports" and tools of world conscience. // Mezhdunarodnyj zhurnal po istorii sporta. 2014. Vol. 31;16. (In Russ.).

11. Buduka A. H. Vygoranie i viktimizaciya: vliyanie agressii zaklyuchennyh na tyuremnyh nadziratelej. Available from: https://www.researchgate.net/publication/51701485_Burnout_and_victimisation_Impact_of_inmates'_aggression_towards_prison_guards (data obrashcheniya: 15.09.2026). (In Russ.).

12. Sajmon A. Aggression in a Prison Setting as a Function of Lunar Phases Available from: Perceptual and Motor Skills. 1998. Vol. 82;3: 747–752. (In Russ.).

Информация об авторе

Н. Н. Кутаков *– кандидат юридических наук, доцент*

Information about the author

N. N. Kutakov *– Candidate of Law, Docent*

Статья поступила в редакцию 11.09.2026;
одобрена после рецензирования 18.09.2026;
принята к публикации 28.09.2026.

The article was submitted 11.09.2026;
approved after reviewing 18.09.2026;
accepted for publication 28.09.2026.

Научная статья

УДК 343.8

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И СМЕРТНАЯ КАЗНЬ

Сергей Иванович Захарцев[1], Анна Максимовна Гвай[2]
[1] Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
[2] АО «Лаборатория Цифрового Развития», Москва, Россия
[1] zakhartsev2306@mail.ru
[2] gvayanna@yandex.ru

Аннотация. В данной работе права человека исследуются через концепцию обеспечения безопасности как основополагающего элемента. Автор изучил исторические аспекты применения высшей меры наказания в российском государстве, уделив особое внимание доводам сторонников отмены смертной казни и успешной практике зарубежных стран в этом вопросе.

Ключевые слова: Россия, уголовная ответственность, уголовное право, санкция, Уголовный кодекс, преступления, наказание, смертная казнь

Для цитирования: Захарцев С.И., Гвай А.М. Права человека и смертная казнь // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 94–102. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/010.pdf.

Original article

HUMAN RIGHTS AND THE DEATH PENALTY

Sergey I. Zakhartsev[1], Anna M. Gvay[2]
[1] Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
[2] JSC "Laboratory of Digital Development", Moscow, Russia
[1] zakhartsev2306@mail.ru
[2] gvayanna@yandex.ru

Abstract. In this work, human rights are examined through the concept of ensuring security as a fundamental element. The author has studied the historical aspects of the application of the death penalty in the Russian state, paying special attention to the arguments of those who support the abolition of the death penalty and the successful practices of foreign countries in this matter.

Keywords: Russia, criminal liability, criminal law, sanction, Criminal Code, crimes, punishment, capital punishment

For citation: Zakhartsev S.I., Gvay A.M. Human rights and the death penalty. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026; 3(36): 94–102. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/010.pdf.

© Захарцев С.И., Гвай А.М., 2026

Введение

Если спросить прохожего, что же такое «права человека», то скорее всего мы услышим про свободу слова, тайну личной переписки или право на митинги. Почему-то забывается действительно основополагающее право – право на личную безопасность и тождество справедливости для жертв преступления. Мы много раз писали о том, что именно смертная казнь способна обеспечить эти гарантии [4]. Из-за моратория на смертную казнь сейчас фактически создается ситуация, когда жизнь или безопасность жертвы становится менее важной, чем благополучие опасного преступника. А ведь именно о спокойствии общества, чьи фундаментальные правила были грубо нарушены, мы должны беспокоиться. Противники смертной казни регулярно говорят о праве на жизнь опасного преступника, но это лишает семьи жертв их законного права – права на соразмерное и справедливое наказание. Мы не рассматриваем применение смертной казни с точки зрения мести, мы говорим исключительно про торжество справедли-

вости. Мы встречали позицию, что высшая мера наказания делает общество более жестоким. И мы категорически не согласны. Именно это и защищает общество от агрессии, злости и самосуда: у людей не возникает потребности брать закон в свои руки, они знают, что наказание будет соразмерным. Общество имеет право на покой и уверенность, что самые опасные маньяки и убийцы не выйдут по УДО или амнистии и не вернутся к совершению преступлений. Ведь именно безопасность и является одним из важнейших прав каждого из нас. Мы подробно изучили историю применения смертной казни в России, а также опыт других государств, и аргументируем, почему восстановление применения этой меры наказания – неотъемлемая часть защиты подлинных прав человека.

Основные положения

Смертная казнь появилась задолго до первых государств, она берет свое начало от обычая кровной мести. Именно он долгое время был фактически основным способом обеспечения безопасности как отдельного человека, так и всего общества. Обратим ваше внимание, что ключевым основанием кровной мести был принцип талиона – «око за око». То есть, это и есть то самое воплощение справедливости и возмездие, которое абсолютно соразмерно причиненному злу. И именно на этих принципах и держался порядок в обществе, формировались и укреплялись его правовые устои.

С развитием общества развивалось и государство, оно постепенно монополизировало право на назначение и исполнение наказаний. И здесь очень видно, как мы перешли от обычая возмездия к государственной системе управления, регламентировавшей в том числе практику правосудия. Смертная казнь стала юридическим инструментом, для назначения и реализации которого были утверждены специальные процедуры. Данная мера наказания перестает быть просто «справедливым ответом» на особо опасное преступление, она становится элементом государственной правовой системы, который выполняет ряд общественно значимых функций, таких как демонстрация верховенства закона, неотвратимости наказания, поддержания социального порядка и, что особенно хочется подчеркнуть, укрепление авторитета публичной власти.

Одно из ранних документальных свидетельств того, как этот принцип воплощался на практике, относится к Древней Руси. В тексте договора с Византией, датированного 911 годом, было сказано следующее: «Если русин убьет христианина или христианин убьет русина, он умрет на месте, где совершил убийство. Если же убийца скроется и у него окажется имущество, то ближайший родственник убитого получит часть этого имущества. Если же скрывшийся убийца не имеет имущества, он остается под судом, а после розыска подлежит смерти» [1]. В 944 году в положения вышеуказанного договора были внесены дополнения, в том числе в части ответственности за совершение убийства. Теперь наказанием за убийство была кровная месть, то есть только кровные родственники убитого могли исполнить наказание за совершение данного преступления.

Следующим важным этапом становления уголовного законодательства стала «Русская правда», согласно которой основным наказанием за убийство была кровная месть. Интересно обратить внимание, что при отсутствии лиц, которые могли бы отомстить за убитого, с виновного лица полагалось взыскать денежный штраф. Далее такой вид наказания получил свое развитие. «Русская правда» Ярославичей заменила кровную месть на наказание в виде различных денежных взысканий. Социальный статус потерпевшего имел решающее значение для определения суммы штрафа. Так, за убийство представителя княжеской свиты надо было заплатить 80 гривен, за горожанина или купца – 40, самыми «дешевыми» были холопы и смерды – 5 гривен.

Судебником 1497 года за свершение «душегубства» предусматривал казнь или денежный штраф [19]. Текст Судебника 1550 года не сильно отличался от предыдущего документа, однако в нем появляются дополнительные квалифицирующие составляющие, такие как убийство своего господина и разбойное убийство. Обращаем внимание, что данный документ устанавливает наказание за убийства в основной в виде смертной казни, в то время как штрафы отходят на второй план. Следовательно, законодатель счёл смертную казнь наиболее действенным инструментом как для восстановления нарушенной социальной справедливости, так и, что представляется особенно значимым, для превенции новых убийств.

В Соборном Уложении 1649 года появилось «случайное убийство», то есть причинение смерти по неосторожности [18]. Нормы Уложения отразили переход к более детализированной квалификации убийств: составы преступлений были разграничены, а квалифицирующие признаки

чётко формализованы и соотнесены с мерами наказания. Наиболее распространенным видом наказания являлась смертная казнь, второстепенно предусматривалось применение телесных наказаний, штрафов. Примечательно, что в системе наказаний за убийство смертная казнь оставалась превалирующей мерой: она признавалась максимально эффективной с точки зрения сдерживания насильственной преступности. Впервые появилось понятие «необходимой самообороны». В нормах Соборного уложения была предусмотрена квалификация подстрекательства как формы соучастия в лишении жизни: ответственность в виде смертной казни устанавливалась как для лица, склонившего к преступлению, так и для непосредственного исполнителя. В период правления Петра I Соборное Уложение продолжало применяться, при этом на некоторые категории граждан распространялись положения Артикула воинского и Морского устава. Воинский Артикул предусматривал разные виды смертной казни. Так, за совершение простого убийства виновному лицу отсекали голову, а за квалифицированное – колесовали. Убийствами с отягчающими обстоятельствами были убийства по найму, из корыстных побуждений. Правовая система впервые признала дуэльное лишение жизни деянием, влекущим наказание в виде смертной казни.

Регулирование уголовной ответственности за посягательства на жизнь в первые годы советской власти носило неоднозначный характер. Первым кодифицированным актом стал Уголовный кодекс РСФСР 1922 года [15], который заложил основу для последующего развития уголовного законодательства. Преступления против жизни регламентировались в пятой главе Кодекса, где нормы были систематизированы и разделены на пять групп с самостоятельными подзаголовками. Убийствам отводилась первая группа, объединявшая статьи об ответственности за следующие разновидности данного преступления:

– квалифицированное убийство;

– простое убийство;

– убийство, совершенное под влиянием сильного душевного волнения.

УК РСФСР 1922 года предусматривал довольно большой перечень квалифицирующих обстоятельств. К ним относились:

- убийство, совершенное способом, опасным для жизни большого количества людей;
- совершение убийства особо мучительным для потерпевшего способом;
- убийство, совершенное с использованием беспомощного положения потерпевшего;
- убийство из корыстных побуждений;
- убийство из ревности и других низменных побуждений;
- убийство, совершенное для облегчения или сокрытия другого тяжкого преступления;
- убийство, совершенное лицом, которое было обязано заботиться о потерпевшем.

Одной из характерных черт Уголовного кодекса РСФСР 1922 года являлась относительно мягкая система наказаний. Так, например, за простое умышленное убийство преступник мог подвергнуться ограничению свободы продолжительностью от трёх лет с обязательным содержанием в условиях жёсткой изоляции. Если же речь шла о квалифицированном убийстве — совершённом с отягчающими обстоятельствами — минимальное наказание составляло восемь лет заключения. Однако максимальный срок лишения свободы даже за тяжкое преступление не превышал десяти лет. Примечательно также отсутствие смертной казни в качестве меры ответственности за совершенное убийство.

Второй уголовный закон советского периода – Уголовный кодекс РСФСР 1926 года [16], почти полностью сохранил систему и признаки составов против жизни. Но при этом имелись некоторые особенности, касающиеся внутренней структуры документа. Так, глава о преступлениях против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности теперь не была разделена на группы. Также была установлена уголовная ответственность за доведение до самоубийства. Кроме того, произошло снижение размера санкций за совершение всех преступлений против жизни. Например, за совершение квалифицированного убийства могло быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок от одного года до десяти лет.

Президиум Верховного Совета СССР Указом от 30 апреля 1954 г. «Об усилении уголовной ответственности за умышленное убийство» [22] допустил применение смертной казни к лицам, совершившим умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, при этом не конкретизировал, какие именно виды отягчающих обстоятельств дают основания для применения смертной казни. Данные обстоятельства были перечислены в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 21 мая 1954 г. [21]:

– убийство в целях завладения имуществом потерпевшего;

– убийство из хулиганских побуждений;

– убийство на почве мести за служебную деятельность потерпевшего;

– особая жестокость при совершении убийства;

– убийство, сопряженное с изнасилованием;

– повторное убийство;

– убийство двух или более лиц.

Таким образом, мы видим, что смертная казнь за убийства была восстановлена, поскольку стала очевидна ее необходимость.

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 года система составов преступлений против жизни изменилась незначительно. Статья 102 УК РСФСР 1960 года устанавливала ответственность за совершение квалифицированного убийства. Новыми обстоятельствами, ужесточающими ответственность, были названы убийство женщины, которая находится в беспомощном состоянии, убийство двух или более лиц, убийство, совершенное особо опасным рецидивистом. В качестве умышленного убийства законодатель стал рассматривать содействие или подговор на совершение самоубийства в отношении несовершеннолетнего, а равно лица, которое заведомо не могло отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими.

В период с 1991 по 1996 год в России были приведены в исполнение 163 приговора. Поворотным моментом стало издание 16 мая 1996 года Президентом России Борисом Ельциным Указа «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы». Последний смертный приговор в России был приведен в исполнение 2 августа 1996 г. Казнен был Головкин – убийца, каннибал и педофил, который совершал поражающие своей жестокостью преступления на протяжении 6 лет, то есть с 1986 по 1992 гг. За это время его жертвами стали 11 мальчиков на территории Московской области. И с августа 1996 г. в России не был казнен ни один человек [23]. В 1997 году Россия подписала, однако не ратифицировала 6-й протокол Европейской конвенции, который отменяет смертную казнь. В 1999 году Конституционный суд России ввел мораторий на применение смертной казни, который все еще действует.

Мы проанализировали практически всю историю России на предмет применения смертной казни и можем точно сказать, что данная мера наказания была всегда. Да, были небольшие временные промежутки, когда применение высшей меры или временно приостанавливалось, или официально отменялось. Но давайте еще раз вспомним, с чем это было связано. А ведь всегда были политические или экономические факторы. Данные периоды были кратковременными и каждый раз заканчивалось восстановлением смертной казни. Именно это доказывает, что нет более эффективной меры борьбы с самыми жестокими и опасными нарушителями закона. Даже самые миролюбивые правители приходили к выводу, что смертная казнь необходима для поддержания порядка в обществе и защиты социальной справедливости [2].

Что же произошло в результате отмены высшей меры наказания?

Государство сохранило жизнь самым опасным преступникам, а также дало им надежду на выход на свободу по амнистии или УДО. И здесь нарушаются те самые фундаментальные права остальной части граждан – право на безопасность и справедливость. Ведь при таких условиях намного сложнее гарантировать им право на спокойствие, а иногда и жизнь [7]. Число опасных преступников с каждым годом увеличивается. Как справедливо подчеркивается в литературе, современная преступность характеризуется не только ростом числа совершаемых в стране преступлений, но и жестоким, зверским отношением к потерпевшим, особенно по делам об убийствах, изнасилованиях, грабежах [17]. Важно отметить, что лица, совершающие особо тяжкие преступления против жизни и здоровья граждан, наносят значительный ущерб не только своим жертвам, но еще и общественной безопасности, и стабильности. Своими противоправными деяниями они посягают на основы государственного устройства и общественного порядка, создавая атмосферу тревоги и неуверенности среди населения. Потерпевшие, свидетели и близкие родственники пострадавших зачастую испытывают обоснованное чувство беспокойства, опасаясь, что преступник, избежав справедливого возмездия, вновь окажется на свободе и продолжит свою деятельность. Именно это является причиной возникновения ощущения вседозволенности одних и беспомощности перед лицом произвола у других, что, безусловно, негативно сказывается на ситуации общества. Чувство несправедливости, вызванное безнаказанностью преступников, препятствует формированию прочных нравственных ориентиров и мешает развитию здоровых социальных норм и принципов поведения. Обра-

щаем внимание, что именно это делает любое общество более жестоким, а не справедливое и соразмерное наказание, как утверждают наши оппоненты.

Смертная казнь традиционно считалась самой суровой формой юридической ответственности, применяемой исключительно в отношении лиц, совершивших особенно тяжкие и жестокие преступления, представляющие серьезную угрозу для общества. Если мы обратимся к целям уголовного наказания, то увидим среди прочего и перевоспитание осужденного, и возвращение его в общество законопослушным гражданином. И тут невозможно не задать вопрос: а мы правда верим в возможность «переосмысления жизненных взглядов и ценностей» тех, чья вина доказана в совершении наиболее бесчеловечных и жестоких преступлений? Нам очень сложно представить ситуацию, в которой, например, Сергей Головкин, о котором мы писали выше, сможет осознать содеянное, раскаяться в этом и уж тем более сделать что-то положительное для общества. Сохранение жизни таким индивидам вызывает вполне обоснованный страх у окружающих, создает реальную угрозу для общества, что заставляет задуматься о целесообразности отказа от смертной казни.

Мы уже писали, что сторонники отмены смертной казни утверждают, будто такая форма наказания становится причиной повышения уровня жестокости в обществе, оказывает негативное влияние на моральный облик граждан. Между тем тщательное изучение исторических материалов не подтверждает данное предположение. До настоящего момента отсутствуют убедительные доказательства, свидетельствующие о прямой связи между применением смертной казни и уровнем агрессивности или насилия в стране. Возникает резонный вопрос: каким именно образом вынесение судебного решения о применении высшей меры наказания способно сделать общество более жестким? Возможно, любое уголовное наказание, включая лишение свободы и даже пожизненное заключение, оказывает аналогичное воздействие? Может ли тюрьма стать источником добродетелей и гуманизма? А если мы откажемся вообще от системы наказаний, то общество станет добрее? Для нас ответы на эти вопросы очевидны. Наоборот, кажется гораздо более вероятным, что именно недостаточная строгость наказаний способна провоцировать рост агрессии в обществе. Когда граждане видят, что серьезное преступление остается безнаказанным или карается несоразмерно мягко, возникает соблазн заняться самосудом, поскольку вера в справедливый суд исчезает. Это явление объясняется естественным желанием человека защитить себя и близких, восстановить нарушенную справедливость. Недостаточное наказание создает ощущение безнаказанности, что неизбежно провоцирует повторные преступления и усиливает социальную напряженность. И вот здесь зарождаются те самые негативные эмоции: гнев, злоба, ненависть, желание отмщения. И именно они заменяют собой справедливое и законное правосудие. Мы не перестаем говорить о том, что смертная казнь – это не месть, это справедливое наказание за самые жестокие, опасные и бесчеловечные преступления, которые угрожают всему нашему обществу. Анализ истории правоприменительной практики доказывает, что наш народ привык видеть адекватное и соразмерное наказание за самые страшные преступления. В нашем сознании давно укоренилось понимание, что некоторые поступки настолько бесчеловечны и аморальны, что заслуживают исключительной реакции государства в лице правосудия. И особенно важно помнить об этом сегодня.

Не стоит забывать, что целью наказания также является предупреждение совершения нового преступления данным лицом и другими лицами. Всегда были и будут люди, которых наличие в уголовном законе смертной казни сдерживало от совершения убийств. К сожалению, определенный процент людей не совершает преступления не из-за своих высоких моральных принципов, а потому что они боятся наказания. И цифры тому подтверждение: в 1998 году, когда приговоры к высшей мере наказания еще выносились и исполнялись, прирост убийств составил всего 0,9 %, а в 1999 г., когда данное наказание уже не применялось, возрос почти в 5 раз и достиг 4,4 % [13]. Достаточно наивно говорить, что фактор устрашения не является сдерживающим. И.И. Карпец правильно подчеркивал, что исключить из содержания наказания фактор устрашения – «значит идеалистически смотреть на сущность вещей. Если преступника не будет устрашать наказание, зачем тогда оно нужно? Чем тогда объяснить, что мы не только используем, но и устанавливаем за различные деяния разные по тяжести наказания? Это и есть своеобразная дозировка устрашения» [8].

Ранее мы детально изучили основные аргументы противников применения высшей меры наказания [5]. Хотим еще раз обратиться к одному из центральных дово-

дов, который особенно часто используется нашими оппонентами сегодня: существует риск судебной ошибки, следствием которой станет гибель невиновного гражданина, ошибочно обвиненного в тяжком преступлении. Мы всегда писали о том, что смертная казнь должна применяться лишь тогда, когда вина обвиняемого установлена абсолютно достоверно и не подлежит никаким сомнениям. Мы никогда не призывали и не призываем немедленно приводить смертный приговор в исполнение сразу после оглашения вердикта суда первой инстанции. Важно понимать, что практика зарубежных стран демонстрирует совершенно иной подход, с которым мы абсолютно согласны. Так, в США и Японии ожидание исполнения смертного приговора достигает иногда десятилетий. При таком длительном периоде ожидания почти полностью исключается возможность судебной ошибки, так как есть время для рассмотрения дела в вышестоящем суде, изучение новых доказательств. Таким образом, учитывая международный опыт, прошедший проверку временем, полагаем необходимым введение аналогичных механизмов контроля и проверки судебных решений в отечественной практике, позволяющих обеспечить максимальную уверенность в правильности принятых судебных решений и минимизировать риск трагической судебной ошибки.

Следует также обратить внимание на удачный опыт применения смертной казни в других государствах. Ранее мы детально рассматривали этот вопрос, но необходимо остановиться на наиболее показательных примерах. Так, в Республике Беларусь смертная казнь применяется. В УК РБ, принятом в 1999 г., она предусмотрена в виде расстрела как исключительная мера наказания лишь за совершение наиболее тяжких преступлений, сопряженных с умышленным лишением человека жизни при отягчающих обстоятельствах. Кроме того, свыше 60 стран по всему миру до сих пор применяют смертную казнь за различные категории преступлений. К их числу относятся многие бывшие республики Советского Союза, Куба, ряд азиатских стран (Афганистан, Бангладеш, Вьетнам, Индия, Индонезия, Китай, КНДР, Республика Корея, Сингапур, Пакистан, Япония и др.), целая группа африканских государств (Судан, Уганда, Нигерия и др.), практически все арабские государства (Египет, Ливия, Иордания, Иран, Ирак, Сирия и др.). В США наказание в виде смертной казни действует в 39 штатах, а также в федеральном законодательстве США и в системе военной юстиции. В некоторых государствах смертная казнь используется особенно часто, к ним относятся Ирак, Иран, Китай, КНДР, Судан, Нигерия, Саудовская Аравия, США. Хотелось бы отметить, что в США ежегодно приговариваются к смертной казни в среднем 243 человека, за последние 35 лет было вынесено 7500 смертных приговоров. В плане частоты применения, в последние 10 лет в среднем 76 % всех зафиксированных в мире казней и 70 % всех смертных приговоров приходились на долю Китая [12].

Выводы

Мы детально изучили исторический опыт применения смертной казни в России, внимательно проанализировали аргументы оппонентов данной меры наказания, а также обратились к положительному опыту зарубежных стран. На основании всего вышеизложенного мы пришли к заключению, что мораторий на применение смертной казни не удовлетворяет актуальным потребностям современного общества тем вызовам, которые сегодня стоят перед ним. Именно право на личную безопасность является неотъемлемым и фундаментальным правом каждого, оно является первостепенным по отношению к иным свободам и правам. Благодаря тому, что мы изучили различные подходы, мы уверенно можем сказать, что данная мера является гарантией защищённости граждан, позволяет предотвратить возвращение опасных преступников обратно в общество, где они могли бы возобновить свои противоправные действия, вселяя страх в граждан и подрывая устои нашего общества. Необходимо понимать, что лишение жизни самых закоренелых преступников, которых невозможно перевоспитать, не только обеспечивает справедливое возмездие за совершенные ими злодеяния, но и одновременно служит надежной защитой будущего наших сограждан. Только благодаря такому подходу можно создать условия, при которых каждый гражданин чувствует себя уверенно и спокойно, зная, что угроза нового нападения со стороны ранее осужденных и отпущенных преступников сведена к минимуму. Вот почему смертная казнь, являясь высшей мерой наказания, служит способом обеспечения фундаментального права каждого из нас – права на безопасность.

Список источников

1. Борисов А. В. Генезис понятия «убийство» в отечественном законодательстве // Военное право. 2019. № 2. С. 235–239.
2. Гвай А. М. И снова о смертной казни // Право и управление. 2024. № 4. С. 15–20.
3. Гернет М. Н. Смертная казнь. М., 1913. С. 14.
4. Захарцев С. И. Целесообразность возвращения смертной казни как наказания за убийство в Российской Федерации / С. И. Захарцев, А. М. Гвай // Юридическая наука: история и современность. 2022. - № 9. - С. 125-133.
5. Захарцев С.И. Уголовная ответственность за убийство в контексте оперативно-розыскной деятельности и доказывания: монография; под ред. С. И. Захарцева. М. : Юрлитинформ, 2021. 268 с.
6. История Государства и права России: учебник для вузов // под ред. С. А. Чибиряева. М., 1998 С. 528.
7. Ищенко Е. П. Смертная казнь, как фактор обуздания преступности и очищения общества // Вестник института. 2014. № 9. С. 75–76.
8. Карпец И. И. Высшая мера. За и против // Советское государство и право. 1991. № 7. С. 49–53.
9. Кашанина Т. В. Снижение жесткости санкций как тенденция развития законодательства // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. 2018. № 4. С. 156.
10. Квашис В. Е. Смертная казнь. Мировые тенденции, проблемы и перспективы. М., 2008. С. 22.
11. Кистяковский А. Ф. Исследование о смертной казни (1867). Тула, 2000. С. 62.
12. Кобелев А. И. Смертная казнь: Целесообразность сохранения // Дискуссионная Трубуна. 2016. № 7(116). С. 195–196.
13. Милюков С. Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000. 276 с.
14. Новое уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. СПб. : Изд-во В. П. Анисимова, 1903. 250 с.
15. Постановление ВЦИК от 01 июня 1922 года «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
16. Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 года «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
17. Романов В. В. Защита прав жертв преступлений в уголовном процессе по делам о тяжких и особо тяжких насильственных, корыстно-насильственных и корыстных преступлениях с учетом положений современной криминальной виктимологии / В. В. Романов, О. О. Топорикова // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. трудов. Минск, 2005.
18. Соборное уложение 1649 года. URL: //http://ivo.garant.ru/#/document/57791500/paragraph/5:0 (дата обращения: 20.07.2026).
19. Судебник 1497 года. URL: // https://scicenter.online/istoriya-gosudarstva-scicenter/tekst-sudebnika-1497-99970.html (дата обращения: 20.07.2026).
20. Томсинов В. А. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Древность и Средние века). М. : Зерцало, 2000.
21. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов // Н. Н. Белокобыльский, Г. И. Богуш, Г. Н. Борзенков [и др.]; под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М. : Статут, 2012. 879 с.
22. Указ Президиума ВС СССР от 30 апреля 1954 г. «Об усилении уголовной ответственности за умышленное убийство» // Ведомости ВС СССР. 1954. № 11. Ст. 221.
23. Шестакова А. С. Процесс развития и применения смертной казни в России; Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2014. № 3 (11). С. 171–176.

References

1. Borisov A. V. The genesis of the concept of "murder" in domestic legislation. // Voennoe pravo. 2019;2: 235–239. (In Russ.).
2. Gvaj A. M. And once again, about the death penalty. // Pravo i upravlenie. 2024;4: 15–20. (In Russ.).
3. Gernet M. N. Smertnaya kazn'. M., 1913. S. 14. (In Russ.).
4. Zaharcev S. I. The feasibility of reinstating the death penalty as a punishment for murder in the Russian Federation. / S. I. Zaharcev, A. M. Gvaj // YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2022;9: 125–133. (In Russ.).
5. Zaharcev S.I. Ugolovnaya otvetstvennost' za ubijstvo v kontekste operativno-rozysknoj deyatel'nosti i dokazyvaniya: monografiya; pod red. S. I. Zaharceva. M. : YUrlitinform, 2021. 268 s. (In Russ.).
6. Istoriya Gosudarstva i prava Rossii: uchebnik dlya vuzov // pod red. S. A. CHibiryaeva. M., 1998 S. 528. (In Russ.).
7. Ishchenko E. P. The death penalty as a factor in curbing crime and purifying society. // Vestnik instituta. 2014;9: 75–76. (In Russ.).
8. Karpec I. I. The ultimate penalty. Pros and cons // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1991;7: 49–53. (In Russ.).
9. Kashanina T. V. The reduction in the severity of sanctions as a trend in the development of legislation. // Vestnik Universiteta im. O. E. Kutafina. 2018. № 4. S. 156. (In Russ.).
10. Kvashis V. E. Smertnaya kazn'. Mirovye tendencii, problemy i perspektivy. M., 2008. S. 22. (In Russ.).
11. Kistyakovskij A. F. Issledovanie o smertnoj kazni (1867). Tula, 2000. S. 62. (In Russ.).
12. Kobelev A. I. The death penalty: The rationale for its preservation // Diskussionnaya Trubuna. 2016;7(116): 195–196. (In Russ.).
13. Milyukov S. F. Rossijskoe ugolovnoe zakonodatel'stvo: opyt kriticheskogo analiza. SPb., 2000. 276 s. (In Russ.).
14. Novoe ugolovnoe ulozhenie, Vysochajshe utverzhdennoe 22 marta 1903 goda. SPb. : Izd-vo V. P. Anisimova, 1903. 250 s. (In Russ.).
15. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee dated June 1, 1922, "On the Implementation of the Criminal Code of the Russian Socialist Federative Soviet Republic" (together with the "Criminal Code of the Russian Socialist Federative Soviet Republic"). // SU RSFSR. 1922;15. St. 153. (In Russ.).
16. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee dated November 22, 1926, "On the Implementation of the Criminal Code of the Russian Socialist Federative Soviet Republic, 1926 Edition" (together with the "Criminal Code of the Russian Socialist Federative Soviet Republic"). // SU RSFSR. 1926;80. St. 600. (In Russ.).
17. Romanov V. V. Zashchita prav zhertv prestuplenij v ugolovnom processe po delam o tyazhkih i osobo tyazhkih nasil'stvennyh, korystno-nasil'stvennyh i korystnyh prestupleniyah s uchetom polozhenij sovremennoj kriminal'noj viktimologii / V. V. Romanov, O. O. Toporikova // Voprosy kriminologii, kriminalistiki i sudebnoj ekspertizy: sb. nauch. trudov. Minsk, 2005. (In Russ.).
18. Sobornoe ulozhenie 1649 goda. Available from: //http://ivo.garant.ru/#/document/57791500/paragraph/5:0 (data obrashcheniya: 20.07.2026). (In Russ.).
19. Sudebnik 1497 goda. Available from: // https://scicenter.online/istoriya-gosudarstva-scicenter/tekst-sudebnika-1497-99970.html (data obrashcheniya: 20.07.2026). (In Russ.).
20. Tomsinov V. A. Hrestomatiya po istorii gosudarstva i prava zarubezhnyh stran (Drevnost' i Srednie veka). M. : Zercalo, 2000. (In Russ.).
21. Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federacii. Obshchaya chast': uchebnik dlya vuzov // N. N. Belokobyl'skij, G. I. Bogush, G. N. Borzenkov [i dr.]; pod red. V. S. Komissarova, N. E. Krylovoj, I. M. Tyazhkovoj. M. : Statut, 2012. 879 s. (In Russ.).
22. U Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated April 30, 1954, "On Strengthening Criminal Liability for Premeditated Murder" // Vedomosti VS SSSR. 1954;11. St. 221. (In Russ.).
23. SHestakova A. S. The process of the development and application of the death penalty in Russia // Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve. 2014;3 (11): 171–176. (In Russ.).

Информация об авторах

С. И. Захарцев *– доктор юридических наук, профессор*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 11.08.2026;
одобрена после рецензирования 19.09.2026;
принята к публикации 28.09.2026.

Information about the authors

S. I. Zakhartsev *– Doctor of Sciences (Law), Professor*

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 11.08.2026;
approved after reviewing 19.09.2026;
accepted for publication 28.09.2026.

Научная статья

УДК 159.9

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ: РЕСУРСЫ И УЯЗВИМОСТИ ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ИНТЕРНЕТ-СРЕДОЙ

***Георгий Павлович Гензе*[1], *Елена Леонидовна Солдатова*[2]**
[1, 2] *Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия*
[1] *mr.genze@gmail.com*
[2] *elena.l.soldatova@gmail.com*

Аннотация. В условиях цифровой трансформации, когда каждый сотрудник независимо от профессиональной позиции становится оператором информационной системы, фишинговые атаки становятся критической эргономической угрозой в системе «человек-информация-среда». Особую актуальность данная проблема приобретает для образовательных учреждений, обеспечивающих подготовку кадров для оборонно-промышленного комплекса, где человеческий фактор выступает наиболее уязвимым звеном в системе защиты. Целью представленного в статье исследования является теоретическое обоснование и разработка интегративной психосоциальной модели уязвимости к фишинговым атакам, адаптированной к организационно-поведенческим характеристикам данных учреждений.

На основе компаративного анализа современных зарубежных и отечественных исследований идентифицированы шесть ключевых блоков факторов уязвимости: когнитивные искажения, эмоциональные состояния, социально-демографические характеристики, индивидуально-личностные черты, поведенческие паттерны и уровень цифровой грамотности. Предложена математическая модель оценки уязвимости, реализованная в форме логистической регрессии, которая позволяет на основе данных валидизированных психометрических методик осуществлять классификацию пользователей по степени риска подверженности фишингу.

Установлено, что уязвимость детерминируется не изолированными факторами, а их системным взаимодействием. При этом определяющее значение приобретают специфика когнитивных искажений, эмоциональная регуляция в стрессовых условиях, особенности мотивации к защите, а также поведенческие стереотипы, характерные для сотрудников и обучающихся. Рассмотрены преимущества и ограничения применения регрессионного моделирования, а также проанализированы противоречия в существующих эмпирических данных. Полученные результаты могут быть использованы при разработке дифференцированных программ повышения цифровой грамотности и формирования компетенций кибергигиены.

Ключевые слова: фишинговые атаки, уязвимость пользователя, человеческий фактор, когнитивная эргономика, цифровая грамотность, логистическая регрессия, образовательная среда, кибербезопасность

Для цитирования: Гензе Г.П., Солдатова Е.Л. Человеческий фактор в эпоху социальной инженерии: ресурсы и уязвимости при взаимодействии с интернет-средой // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 103–113. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/011.pdf.

Original article

THE HUMAN FACTOR IN THE AGE OF SOCIAL ENGINEERING: RESOURCES AND VULNERABILITIES IN INTERACTING WITH THE INTERNET ENVIRONMENT

***Georgy P. Genze*[1], *Elena L. Soldatova*[2]**
[1, 2] *Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia,*
[1] *mr.genze@gmail.com*
[2] *elena.l.soldatova@gmail.com*

Abstract. In the context of the digital transformation of the educational environment, phishing attacks are becoming a critical threat to information security. This problem is particularly relevant

for educational institutions training personnel for the military-industrial complex and those involved with state secrets, where the human factor is the most vulnerable link in the security system. The aim of this article is to theoretically substantiate and develop an integrative psychosocial model of vulnerability to phishing attacks, applicable to the specific characteristics of these institutions.

Based on a comparative analysis of modern international and domestic studies, six key vulnerability factors are identified: cognitive biases, emotional states, socio-demographic characteristics, individual personality traits, behavioral patterns, and digital literacy. A mathematical vulnerability assessment model, implemented in the form of logistic regression, is proposed. This model, based on data from validated psychometric methods, allows for the classification of users according to their risk of exposure to phishing. It has been established that vulnerability is determined not by isolated factors, but by their systemic interactions. Specific cognitive biases, emotional regulation under stress, protective motivation, and persistent behavioral patterns characteristic of employees and students at restricted-access educational institutions are crucial. The advantages and limitations of regression modeling are examined, and inconsistencies in existing empirical data are analyzed. The findings can be used in the development of differentiated programs to improve digital literacy and develop cyber hygiene competencies, taking into account the confidential nature of the activities.

Keywords: phishing attacks, user vulnerability, human factor, digital literacy, logistic regression, educational environment, cybersecurity

For citation: Genze G.P., Soldatova E.L. The human factor in the age of social engineering: resources and vulnerabilities in interacting with the internet environment. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36): 103–113. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/011.pdf.

© Гензе Г.П., Солдатова Е.Л., 2026

Введение

В условиях цифровизации профессиональной деятельности критическое мышление и цифровая бдительность становятся важными качествами специалистов, работающих с информацией. Особенно уязвима образовательная среда, где коммуникация часто маскируется под легитимные сообщения. Фишинг следует рассматривать не только как техническую, но и как психологическую проблему, связанную с особенностями электронной деятельности. Расширение дистанционных и гибридных форм обучения усиливает данные риски.

Несмотря на развитие технических средств защиты, значительная часть уязвимости обусловлена человеческим фактором – совокупностью когнитивных, эмоциональных и социально-психологических характеристик индивида, которые определяют его предрасположенность к небезопасным действиям в условиях социально-инженерных атак.

Уязвимостью пользователя называется характеристика индивида, выражающаяся в повышенной вероятности стать жертвой социально-инженерной атаки при взаимодействии с интернет-средой.

С 2020 по 2025 г. фишинговые атаки демонстрируют устойчивый рост и усложнение. По данным Anti-Phishing Working Group, только во втором квартале 2025 г. зафиксировано более 1 млн атак [2]. В отчёте Data Breach Investigations Report 2025 социальная инженерия и фишинг стабильно входят в число ведущих причин утечек данных [13; 38].

Современные атаки используют принципы юзабилити-дизайна, вызывая когнитивный конфликт и вынуждая действовать быстро в режиме многозадачности. Применяются персонализированные сценарии (spear-phishing), генеративный искусственный интеллект, deepfake-материалы, QR-фишинг. Сектор образования в 2023 г. вошёл в число наиболее атакуемых: университеты становятся мишенью из-за большого числа учётных записей и ценности академической информации [35].

Эмпирические исследования показывают высокую вероятность совершения целевого действия среди студентов – в тестовых рассылках до 50 % переходов по ссылкам. Преподаватели чаще становятся объектом целевых атак. Низкие показатели репортирования о фишинге (10–20 %) подтверждают высокий риск [28].

Уязвимость связана с её открытым характером, а также с создаваемыми ею условиями информационной перегрузки и высокой психологической нагрузки на пользователей. Дополнительными факторами выступают профессиональное выгорание преподавателей и академический стресс студентов.

В современной литературе (с 2020 г.) преобладают работы, посвящённые анализу когнитивных искажений и поведенческих факторов [10; 21; 36; 42], однако заме-

тен дефицит исследований, направленных на разработку математических моделей уязвимости конкретных групп пользователей.

Цель – проанализировать научную литературу по проблемам киберугроз в образовательном пространстве и выявить психологические факторы, влияющие на уязвимость субъектов образовательной среды (студентов и преподавателей) к фишингу.

Анализ исследований проблематики фишинга

Фишинг – вид интернет-мошенничества, при котором злоумышленники посредством поддельных писем или веб-ресурсов стремятся получить конфиденциальные данные либо побудить к загрузке вредоносного ПО.

Исследование Фана и соавт. (Fan et al., 2023) выявило детерминанты фишинговой уязвимости с использованием объяснимого искусственного интеллекта [18]. Авторы применяли личностно-ориентированную модель, опросники («Большая пятёрка», шкала воспринимаемого стресса) и симулированную фишинговую кампанию. Нейросетевая модель показала точность 78 % при полноте 71 %.

Систематический обзор Десольда и соавт. (Desolda et al., 2022) обобщает исследования, анализируя влияния факторов [15]:

1. Модификация пользовательского интерфейса (User Interface).
2. Отношение пользователей и психологические аспекты (Attitude, Behaviour, Psychological Aspects).
3. Обучение пользователей (Knowledge, Education, Training).
4. Структуры для дизайнеров (Framework, Models, Taxonomies).

Авторы выделяют психологические предикторы: импульсивность шкала (BIS-11), рискованное онлайн-поведение (RScB), установки к кибербезопасности (CAS), осведомлённость (ISAS), воспринимаемый риск (PMT, TPB), когнитивные тесты (CRT), эмоциональные состояния (PSS, STAI), социальные нормы (TPB). Выявлены пробелы: недостаток данных по фишингу в образовательной среде, неясность когнитивных механизмов в больших языковых моделях (LLM), слабая изученность мультимодальных атак.

Кортелинг и соавт. (Korteling et al., 2023) предлагают нейросетевую модель для объяснения когнитивных искажений, показывая, что мозг систематически склоняется к эвристическому принятию решений, и аргументируют, что многие когнитивные искажения возникают из внутренних механизмов мозга, фундаментальных для работы биологических нейронных сетей [24].

Исследование Джаятилака и соавт. (Jayatilaka et al., 2024) предлагает качественную модель принятия решений при взаимодействии с фишинговыми письмами, включающую этапы восприятия, интерпретации, оценки срочности и доверия [21; 33].

Хан и соавт. (Khan et al., 2022) проанализировали эффективность тренингов, опираясь на теоретически обоснованные показатели модели Киркпатрика [23]. Показано, что повышение осведомлённости не всегда приводит к устойчивым поведенческим изменениям.

Исследование Вишваната и соавт. (Vishwanath et al., 2018) представляет модель SCAM (Suspicion, Cognition, and Automaticity Model) [40], включающую три компонента:

- Suspicion (подозрительность) – способность распознать подозрительные признаки.
- Cognition (когнитивная обработка) – осознанный анализ при активации подозрительности.
- Automaticity (автоматизм) – поведенческие привычки.

Результаты показали, что:

1. Автоматичность (независимая переменная) выступает ключевым предиктором уязвимости (зависимая переменная).
2. Подозрительность выполняет функцию медиатора в отношении связи между когнитивной нагрузкой и успешностью распознавания фишинга (или: между автоматичностью и уязвимостью — выбрать нужное).
3. Знания о фишинге слабо коррелируют с фактической защищённостью, что указывает на разрыв между когнитивной осведомлённостью и поведенческой реализацией.

Спадаро и соавт. (Spadaro et al., 2023) показали, что восприятие честности социального окружения влияет на готовность к кооперации и чувствительность к манипуляциям [37].

Хэдлингтон и соавт. (Hadlington et al., 2017) выявили индивидуальные предикторы рискованного онлайн-поведения [20]: импульсивность (BIS-11), интернет-зависимость (IAT), установки к кибербезопасности (CAS), рискованное поведение (RScB). Импульсивность – наиболее сильный предиктор.

Ван и соавт. (Wang et al., 2021) анализируют уязвимость через модель когнитивных искажений с акцентом на эффект избыточной уверенности [41]. Компоненты предвзятости самоуверенности показали высокую взаимосвязь (r=0,628).

Марин и соавт. (Marin et al., 2023) изучали намерение сообщать о фишинге на основе теории запланированного поведения [27]. Методика включала предъявление сценариев, оценку риска, фиксацию поведенческого намерения, измерение установок, субъективных норм и воспринимаемого контроля.

В обзоре Альмансуури и соавт. (Almansoori et al., 2023) систематизированы психологические модели: человеческий фактор, рискованное поведение, когнитивная нагрузка, мотивация защиты [12].

Патель и соавт. (Patel et al., 2024) сравнили когнитивное распознавание угроз с LLM-моделями [31]. Показано, что и люди, и модели подвержены ошибкам при наличии психологических стимулов в письмах (срочности, страха, социальной значимости).

Шэн и соавт. (Sheng et al., 2010) выявили демографические факторы восприимчивости к фишингу и оценили эффективность обучающих программ [25].

Совокупный анализ показывает многомерный характер психологической уязвимости, охватывающей личностные, поведенческие особенности и когнитивные процессы.

Определение видов факторов уязвимости

На основе анализа исследований выделены шесть блоков факторов:

1. Когнитивные факторы

Включают способность к анализу, когнитивные искажения, внимательность. Пользователи с низкой аналитической активностью чаще поддаются социально-инженерному воздействию [21; 33]. Выявлены: ошибки обработки информации [15; 20; 21; 31; 33], когнитивные искажения [24; 36; 39; 41], снижение аналитической обработки [21; 31; 33], ограниченность рабочей памяти [12; 15], ошибочная оценка угроз [23; 27; 39; 41].

2. Эмоциональные факторы

Отражают усталость, реактивность, восприимчивость к стимулам [3; 9; 30]; включают тревожность и стресс [12; 15; 23]; страх и срочность [21; 23; 33]; эмоциональную нестабильность [20; 37]; снижение доверия [37]. Эмоциональные факторы усиливают когнитивную уязвимость [29].

3. Социально-демографические факторы

К данной группе относятся возраст, уровень образования, цифровой опыт и особенности социального контекста [1; 8; 19]. Эти параметры не выступают прямыми причинами уязвимости, но опосредованно влияют на сформированность навыков распознавания угроз, стратегии обработки информации и поведенческие реакции в цифровой среде [25; 27; 34]. Возраст и образовательный уровень [12; 15], а также организационная среда [27] и социальное окружение [37] задают условия, в которых формируются либо ресурсы безопасности, либо дополнительные риски.

4. Индивидуально-личностные факторы

Включают самоэффективность, мотивацию к защите, склонность к риску [4; 6; 32], уровень доверчивости [18; 37], импульсивность [12; 15; 20] и особенности самоэффективности [23; 27], привычные стратегии [24; 31] и самооценки [31; 36; 41]. Эти характеристики определяют, каким образом пользователь воспринимает цифровые угрозы, оценивает собственные возможности и принимает решения. Индивидуальные особенности формируют когнитивные и эмоциональные реакции на потенциально опасные сообщения и, соответственно, повышают или снижают вероятность ошибочных действий.

5. Поведенческие факторы

Связаны с устойчивыми паттернами цифрового поведения: автоматизированными действиями [18; 20; 21; 33] при работе с письмами, склонностью к импульсивной активности пользователя [16; 17; 22], привычкой открывать подозрительные сообщения [15; 21; 33] или игнорировать процедуры проверки. К этой группе также относится готовность сообщать о фишинговых инцидентах [23; 27] и точность классификации писем [31; 36; 41]. Поведенческие привычки отражают степень сформированности защитных стратегий либо закреплённых рискованных моделей взаимодействия [12; 20].

6. Цифровая грамотность

Представляет собой совокупность знаний о киберугрозах и практических навыков безопасной работы в сети [5; 7; 14]. Уязвимость повышается при недостаточной способности распознавать признаки фишинга [18; 20; 21; 33; 36; 41], неполном понимании процедур [12; 23; 27] безопасности и расхождении между субъективной уверенностью и реальным

уровнем компетентности [36; 41]. Таким образом, цифровая грамотность выступает ключевым ресурсом, модифицирующим влияние других факторов риска.

Анализ противоречий в исследуемых моделях

Современные исследования демонстрируют неоднозначность в оценке роли ключевых предикторов уязвимости к фишингу.

Во-первых, выявляется диссонанс между декларируемыми знаниями правил кибербезопасности и реальными поведенческими паттернами: хотя обучающие программы повышают осведомлённость пользователей [12], наличие знаний само по себе не гарантирует корректных действий в реальной ситуации угрозы [18]. Это указывает на опосредованный характер влияния когнитивной компетентности и необходимость учитывать поведенческие и ситуационные механизмы [11; 26; 33; 40].

Во-вторых, доверие выполняет двойственную функцию [15]. Доверие к организации может усиливать готовность соблюдать правила и сообщать о фишинговых инцидентах, тогда как доверие к конкретному отправителю сообщения повышает риск ошибочного взаимодействия [21]. Таким образом, эффект доверия зависит от его направленности и контекста.

В-третьих, влияние социально-демографических характеристик оказывается неоднозначным. Возраст и уровень образования редко выступают самостоятельными детерминантами уязвимости [25], чаще отражая различия в цифровом опыте и условиях взаимодействия с интернет-средой.

Наконец, самоэффективность может играть как защитную, так и рискованную роль: адекватная уверенность способствует соблюдению мер безопасности, тогда как избыточная уверенность (overconfidence) снижает критическую настороженность [34].

Выявленные противоречия во многом обусловлены методологическими различиями исследований – использованием разных инструментов измерения одних и тех же конструктов, особенностями выборок и временным дизайном. Это подтверждает необходимость интегративного подхода к анализу психологических ресурсов и уязвимости в цифровой среде.

Применение анализа в гипотетической модели

Анализ показывает отсутствие единой универсальной модели уязвимости. Выявленные противоречия указывают на многофакторную природу уязвимости.

Рекомендации по построению гипотетической модели:

1. Многоуровневый анализ с учётом индивидуальных и организационных факторов
2. Мета-анализ по ключевым эффектам
3. Долгосрочные эксперименты
4. Прописать в модели набор блоков

Гипотетическая модель

Модель основывается на предположении, что уязвимость определяется совокупным влиянием 6 факторов:

1. Когнитивные факторы (Cog) – способность к анализу, критическое мышление, когнитивные искажения.

2. Эмоциональные факторы (Emot) – восприимчивость к стрессу, усталости, эмоциональным стимулам.

3. Социально-демографические факторы (SocD) – возраст, цифровой опыт, образование, социальные нормы.

4. Индивидуально-личностные факторы (Pers) – самоэффективность, мотивация к защите, склонность к риску.

5. Поведенческие факторы (Beh) – привычки работы с письмами, импульсивность.

6. Цифровая грамотность (DG) – знания о цифровой безопасности.

Математизация гипотетической модели

Для построения модели используется логистическая регрессия:

$vuln = 1 / (1 + \exp(-z))$,

где $z = a0 + a1 \cdot Cog + a2 \cdot Emot + a3 \cdot SocD + a4 \cdot Pers + a5 \cdot Beh + a6 \cdot DG + \varepsilon$.

Cog – склонность к аналитическому мышлению (Cognitive Reflection Test), мотивация к глубокой переработке (Need for Cognition Scale), тест внимания d2.

Emot – уровень стресса (Perceived Stress Scale), восприимчивость к угрозам (State-Trait Anxiety Inventory).

SocD – возраст, образование, цифровой опыт, давление со стороны коллег.

Pers – самоэффективность (Self-Efficacy Scale), склонность к риску (Risk-Taking Scale), доверие (Trust measures).

Beh – частота небезопасных действий (Risky Cybersecurity Behaviours Scale), импульсивность (Barratt Impulsiveness Scale).

DG – знания о безопасности (Information Security Awareness Scale), установки (Cybersecurity Attitudes Scale).

$a0, a1, \ldots, a6$ – параметры модели, ε – случайная ошибка.

Классификация на неуязвимых (0) и уязвимых (1) через пороговое значение p:

- y = 0, если vuln < p
- y = 1, если vuln ≥ p

Оптимальное p определяется через ROC-кривую и AUC. Параметры оцениваются максимизацией функции правдоподобия.

Характеристика гипотетической модели

Преимущества:

1. Интерпретируемость – модель позволяет выявить и содержательно описать значимые предикторы уязвимости (например, уровень тревожности, склонность к автоматическим реакциям) с указанием направления и силы их влияния.
2. Бинарная классификация – модель прогнозирует принадлежность индивида к одному из двух классов: «уязвимый» или «резистентный» к фишинговой атаке, что даёт чёткое практическое правило для прогнозирования.
3. Гибкость – допускает одновременное включение количественных (возраст, время реакции) и категориальных (пол, тип занятости) переменных без дополнительного преобразования шкал.
4. Статистическая оценка значимости – каждый предиктор сопровождается p-значением и доверительным интервалом, что позволяет отсеивать случайные связи.

Недостатки:

1. Линейная зависимость логитов – модель предполагает линейную связь между логитом вероятности и предикторами, что не позволяет полностью учесть нелинейные взаимодействия (например, синергетический эффект двух факторов).
2. Чувствительность к мультиколлинеарности – при высокой корреляции между предикторами оценки коэффициентов становятся нестабильными, что требует предварительного отбора переменных.
3. Необходимость ручного добавления взаимодействий – в отличие от деревьев решений или нейросетей, модель не автоматически обнаруживает эффекты взаимодействия; их нужно задавать исследователем вручную.
4. Ограниченная способность к предсказанию редких событий – при малой доле уязвимых в выборке модель может давать смещённые оценки.
5. Отсутствие динамики – фиксация состояния на момент опроса – модель фиксирует состояние на момент опроса и не отражает изменения уязвимости во времени (например, после тренинга).

Открытые задачи:

1. Определение оптимального порогового значения p
2. Выбор наиболее информативного набора психометрических тестов
3. Проверка валидности на независимых выборках студентов и преподавателей

Модель объединяет математическую строгость логистической регрессии с психологической валидностью выбранных факторов и позволяет формально оценивать вероятность уязвимости каждого респондента.

Заключение

Проведённый теоретический анализ позволил выделить ключевые психологические факторы уязвимости на когнитивном, эмоциональном и социально-демографическом уровнях. Учитывая, что в условиях повышенных требований к конфиденциальности и режиму секретности, важно своевременно выявлять зоны потенциального риска, в том числе оценивая такие индивидуально-личностные особенности как критическое мышление и опыт распознавания угроз. Дополнительные векторы уязвимости: тревожность, страх упустить значимую информацию ведомственного характера и социальное давление в закрытых коммуникационных контурах. Доверие к вышестоящим инстанциям и влияние профессионального окружения тоже формируют зоны критического риска, тогда как возрастные характеристики, опыт работы с конфиденциальными данными и уровень специализированной цифровой грамотности определяют индивидуальные различия в восприимчивости к социотехническим угрозам.

Разработка математической модели, учитывающей теоретически выявленные параметры, требует ее эмпирической проверки на целевых группах респондентов.

Практическая значимость работы заключается в том, что предложенные и валидизированные модели могут служить основой для ведомственных образовательных программ в области кибербезопасности. Приоритетными направлениями в рамках таких программ следует считать развитие критического мышления в условиях информационной закрытости, формирование эмоциональной саморегуляции при взаимодействии с чувствительными данными, а также закрепление паттернов осознанного цифрового поведения в защищённых сегментах интернет-среды.

Список источников

1. Джусупова Р. А. Влияние морального и правового сознания на социальное поведение // Bulletin of the Academy of Justice. 2025. DOI: 10.63546/3005-2246.2025.10.2.002.
2. Ландшафт угроз для систем промышленной автоматизации. Европа. II квартал 2025 года. URL: https://ics-cert.kaspersky.ru/publications/reports/2025/09/11/threat-landscape-for-industrial-automation-systems-q2-2025.
3. Лобанова Е. В. Социологический анализ влияния корпоративной культуры на эффективность обучения в технических университетах / Е. В. Лобанова, Г. П. Сапожников // Modern scientist. 2024. № 7. С. 353–367.
4. Моросанова В. И. Диагностика устойчивости психической саморегуляции в напряженных условиях в ситуации эксперимента / В. И. Моросанова, В. Н. Красников // Экспериментальная психология. 2012. Т. 5, № 4. С. 44–53.
5. Нестик Т. А. Социально-психологические предпосылки и типы долгосрочной ориентации: результаты эмпирического исследования // Психологический журнал. 2021. Т. 42, № 4. С. 28–39. DOI: 10.31857/S020595920016008-4.
6. Прохоров А. О. Динамика ментальной регуляции психических состояний студентов в различных условиях учебной деятельности / А. О. Прохоров, А. В. Чернов, М. Г. Юсупов // Экспериментальная психология. 2024. Т. 17, № 3. С. 130–143. DOI: 10.17759/exppsy.2024170309.
7. Солдатова Г. У. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность / Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова, Т. А. Нестик. М. : Смысл, 2017. 375 с.
8. Сташкова Т. В. Психологические аспекты моделирования профессионально-личностного развития педагога в системе повышения квалификации // Инновационная наука психология педагогика дефектология. 2021. Т. 4, № 3. С. 55–64. DOI: 10.23947/2658-7165-2021-4-3-55-64.
9. Фабрикант М. С. Психологические факторы кибербезопасности и доверие к ложным новостям в интернет-коммуникации: обзор современных зарубежных исследований // Современная зарубежная психология. 2024. Т. 13, № 4. С. 163–171. DOI: 10.17759/jmfp.2024130415.
10. Abroshan H., Devos J., Poels G., Laermans E. COVID-19 and phishing: Effects of human emotions, behavior, and demographics on the success of phishing attempts during the pandemic // IEEE Access. 2021. Vol. 9. P. 121–130. DOI: 10.1109/ACCESS.2021.3109091.
11. Agagu M., Omorogiuwa O. Investigating and Mitigating User Susceptibility to Phishing Using the Analysis of Demographic Information, Knowledge and Cognitive Experience. Advances in Multidisciplinary & Scientific // Research Journal Publication. 2019. Vol. 13, no. 2. P. 94–107. DOI: 10.22624/AIMS/BHI/V11N2P8.
12. Almansoori A., Al-Erman M., Shaalan K. Exploring the frontiers of cybersecurity behavior: A systematic analysis // Applied Sciences. 2023. Vol. 13, no. 9. P. 5700. DOI: 10.3390/app13095700.
13. Bitaab M., Cho H., Oest A., Zhang P. Scam pandemic: How attackers exploit public fear through phishing // Conference: 2020 APWG Symposium on Electronic Crime Research. DOI: 10.48550/arXiv.2103.12843.
14. Caputo D. D., Pfleeger S. L., Freeman J. D., Johnson M. E. Going spear phishing: Exploring embedded training and awareness // IEEE Security and Privacy Magazine. 2014. Vol. 12, no. 1. P. 28–38. DOI: 10.1109/MSP.2013.106.
15. Desolda G., Ferro L. S., Marrella A., Costabile M. F., Catarci T. Human Factors in Phishing Attacks: A Systematic Literature Review // ACM Computing Surveys (CSUR). 2022. Vol. 54, no.8. P. 1–35. DOI: 10.1145/3469886.
16. Diaz A., Sherman A. T., Joshi A. Phishing in an academic community: A study of user susceptibility and behavior // Cryptologia. 2019. Vol. 44, no. 1. P. 1–15. DOI: 10.48550/arXiv.1811.06078.
17. Falade P. V. Decoding the threat landscape: ChatGPT, FraudGPT, and WormGPT in social engineering attacks // International Journal of Scientific Research in Computer Science Engineering and Information Technology. 2023. Vol. 9, no. 5. P. 185–198. DOI: 10.32628/CSEIT2390533.
18. Fan Z., Li W., Laskey K. B., Chang K. C. Investigation of phishing susceptibility with explainable artificial intelligence // MDPI. 2023. Vol. 16, no. 1. DOI: 10.20944/preprints202311.1540.v1.
19. Furnell S., Shah N. J. Home working and cyber security – an outbreak of unpreparedness? // Computer Fraud & Security. 2020. no. 8. P. 6–12. DOI: 10.1016/s1361-3723(20)30084-1.

20. Hadlington L. Human factors in cybersecurity: Examining the link between Internet addiction, impulsivity, attitudes towards cybersecurity, and risky online behaviours // Heliyon. 2017. Vol. 3, no. 7. DOI: 10.1016/j.heliyon.2017.e00346.

21. Jayatilaka A., Arachchilage N. A. G., Babar M. A. Why people still fall for phishing emails: An empirical investigation into how users make email response decisions // Symposium on Usable Security. 2024. DOI: 10.14722/usec.2024.23072.

22. Kashapov A., Wu T., Abuadbba S., Rudolph C. Email summarization to assist users in phishing identification // Conference: ASIA CCS '22: ACM Asia Conference on Computer and Communications Security. 2022. DOI: 10.48550/arXiv.2203.13380.

23. Khan N. F., Ikram N., Murtaza H., Javed M. Evaluating protection motivation based cybersecurity awareness training on Kirkpatrick's Model // Computers & Security. 2022. Vol. 125. P. 7–8. DOI: 10.1016/j.cose.2022.103049.

24. Korteling J. E., Paradies G. L., Sassen-van Meer J. P. Cognitive bias and how to improve sustainable decision making // Front. Psychol., Sec. Cognitive Science. 2023. Vol.14. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1129835.

25. Kumaraguru P., Sheng S., Acquisti A., Cranor L. Teaching Johnny not to fall for phish // ACM Transactions on Internet Technology. 2010. Vol. 10, no. 2. DOI: 10.1145/1754393.1754396.

26. Malloy T., Ferreira M. J., Fang F., Gonzalez C. Leveraging a cognitive model to measure subjective similarity of human and GPT-4 written content // Conference: Proceedings of the 28th Conference on Computational Natural Language Learning. 2024. DOI: 10.48550/arXiv.2409.00269.

27. Marin I. A., Burda P., Zannone N, Allodi L. The influence of human factors on the intention to report phishing emails // Conference: CHI '23: CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. 2023. No. 20. P. 1–18. DOI: 10.1145/3544548.3580985.

28. Morrow E. Scamming higher ed: An analysis of phishing content and trends // Computers in Human Behavior. 2024. Vol. 158, no. 3. DOI: 10.1016/j.chb.2024.108274.

29. Mousa J. An overview of phishing victimization: Human factors, training and the role of emotions // Computer Science & Information Technology. 2022. Vol. 12, no. 13. P. 197–207. DOI: 10.5121/csit.2022.121319.

30. Nagar P. The Psychology of Cyber Fraud: Unraveling the Tactics Behind Modern-Day Scams // The International Journal of Indian Psychology. 2025. Vol. 13, no. 3. P. 1638–1648. DOI: 10.25215/1303.151.

31. Patel H., Rehman U., Iqbal F. Evaluating the efficacy of large language models in identifying phishing attempts // 16th International Conference on Human System Interaction (HSI) 2024. DOI: 10.1109/HSI61632.2024.10613528.

32. Pattinson M., Jerram C., Parsons K., McCormac A. Why do some people manage phishing emails better than others? // Information Management & Computer Security. 2012. Vol. 20, no. 1. P.18-28. DOI: 10.1108/09685221211219173.

33. Sarker O., Haggag S., Jayatilaka A., Liu C. Personalized guidelines for design, implementation and evaluation of anti-phishing interventions // International Symposium on Empirical Software Engineering and Measurement (ESEM) 2023. DOI: 10.1109/ESEM56168.2023.10304861.

34. Sheng S., Lanyon M. B., Kumaraguru P., Cranor L. Who falls for phish? A demographic analysis of phishing susceptibility and effectiveness of interventions // Proceedings of the 28th International Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI 2010), Atlanta, Georgia, USA, 2010. Vol. 4. P. 10–15. DOI: 10.1145/1753326.1753383.

35. Sharevski F., Devine A., Pieroni E., Jachim P. Phishing with Malicious QR Codes // EuroUSEC '22: Proceedings of the 2022 European Symposium on Usable Security. 2022. P. 160–171. DOI: 10.1145/3549015.3554172.

36. Shonman M., Shi X., Kang M., Wang Z. Using a computational cognitive model to understand phishing classification decisions of email users // Interacting with Computers. 2024. Vol. 36, no. 2. P. 113–125. DOI: 10.1093/iwc/iwad054.

37. Spadaro G., Molho C., van Prooijen J. W., Romano A., Mosso C. O., van Lange P. A. M. Corrupt third parties undermine trust and prosocial behaviour between people // Nature Human Behaviour. 2023. Vol. 7, no. 1. P. 1–9. DOI: 10.1038/s41562-022-01457-w.

38. Threat Landscape Report 2025: A Year in Review. Версия 1, 8 апреля 2026 г. TLP:CLEAR/PUBLIC. URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2025/09/pdf.pdf

39. van der Heijden, A., Allodi, L. Cognitive triaging of phishing attacks // SEC'19: Proceedings of the 28th USENIX Conference on Security Symposium. P. 1309–1326. DOI: 10.48550/arXiv.1905.02162.

40. Vishwanath, A., Harrison, B., Ng, Y. J. Suspicion, cognition, and automaticity model (SCAM) of phishing susceptibility // Communication Research. 2018. Vol. 45, no. 8. P. 1146–1166. DOI: 10.1177/0093650215627483.

41. Wang J., Li Y., Rao H. R. Overconfidence in Phishing Email Detection // Journal of the Association for Information Systems. 2021. Vol. 17, no. 11. P. 759–783. DOI: 10.17705/1jais.00442.

42. Zhuo S., Biddle R., Russello G. Lottridge D. Precision Email Simulator for Research on Safety-Critical Phishing Behaviour // CHI '25: Proceedings of the 2025 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. 2025. No. 1092. P. 1–12.

References

1. Dzhusupova R. A. Vliyanie moral'nogo i pravovogo soznaniya na social'noe povedenie // Bulletin of the Academy of Justice. 2025. DOI: 10.63546/3005-2246.2025.10.2.002. (In Russ.).

2. Landshaft ugroz dlya sistem promyshlennoj avtomatizacii. Evropa. II kvartal 2025 goda. Available from: https://ics-cert.kaspersky.ru/publications/reports/2025/09/11/threat-landscape-for-industrial-automation-systems-q2-2025. (In Russ.).

3. Lobanova E. V. Sociologicheskij analiz vliyaniya korporativnoj kul'tury na effektivnost' obucheniya v tekhnicheskih universitetah / E. V. Lobanova, G. P. Sapozhnikov // Modern scientist. 2024;7: 353–367. (In Russ.).

4. Morosanova V. I. Diagnostika ustojchivosti psihicheskoj samoregulyacii v napryazhennyh usloviyah v situacii eksperimenta / V. I. Morosanova, V. N. Krasnikov // Eksperimental'naya psihologiya. 2012. Vol. 5;4: 44–53. (In Russ.).

5. Nestik T. A. Social'no-psihologicheskie predposylki i tipy dolgosrochnoj orientacii: rezul'taty empiricheskogo issledovaniya // Psihologicheskij zhurnal. 2021. Vol. 42;4: 28–39. DOI: 10.31857/S020595920016008-4. (In Russ.).

6. Prohorov A. O. Dinamika mental'noj regulyacii psihicheskih sostoyanij studentov v razlichnyh usloviyah uchebnoj deyatel'nosti / A. O. Prohorov, A. V. CHernov, M. G. YUsupov // Eksperimental'naya psihologiya. 2024. Vol. 17;3: 130–143. DOI: 10.17759/exppsy.2024170309. (In Russ.).

7. Soldatova G. U. Cifrovoe pokolenie Rossii: kompetentnost' i bezopasnost' / G. U. Soldatova, E. I. Rasskazova, T. A. Nestik. M. : Smysl, 2017. 375 s. (In Russ.).

8. Stashkova T. V. Psihologicheskie aspekty modelirovaniya professional'no-lichnostnogo razvitiya pedagoga v sisteme povysheniya kvalifikacii // Innovacionnaya nauka psihologiya pedagogika defektologiya. 2021. Vol. 4;3: 55–64. DOI: 10.23947/2658-7165-2021-4-3-55-64. (In Russ.).

9. Fabrikant M. S. Psihologicheskie faktory kiberbezopasnosti i doverie k lozhnym novostyam v internet-kommunikacii: obzor sovremennyh zarubezhnyh issledovanij // Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya. 2024. Vol. 13;4: 163–171. DOI: 10.17759/jmfp.2024130415. (In Russ.).

10. Abroshan H., Devos J., Poels G., Laermans E. COVID-19 and phishing: Effects of human emotions, behavior, and demographics on the success of phishing attempts during the pandemic // IEEE Access. 2021. Vol. 9. P. 121–130. DOI: 10.1109/ACCESS.2021.3109091.

11. Agagu M., Omorogiuwa O. Investigating and Mitigating User Susceptibility to Phishing Using the Analysis of Demographic Information, Knowledge and Cognitive Experience. Advances in Multidisciplinary & Scientific // Research Journal Publication. 2019. Vol. 13, no. 2. P. 94–107. DOI: 10.22624/AIMS/BHI/V11N2P8.

12. Almansoori A., Al-Erman M., Shaalan K. Exploring the frontiers of cybersecurity behavior: A systematic analysis // Applied Sciences. 2023. Vol. 13, no. 9. P. 5700. DOI: 10.3390/app13095700.

13. Bitaab M., Cho H., Oest A., Zhang P. Scam pandemic: How attackers exploit public fear through phishing // Conference: 2020 APWG Symposium on Electronic Crime Research. DOI: 10.48550/arXiv.2103.12843.

14. Caputo D. D., Pfleeger S. L., Freeman J. D., Johnson M. E. Going spear phishing: Exploring embedded training and awareness // IEEE Security and Privacy Magazine. 2014. Vol. 12, no. 1. P. 28–38. DOI: 10.1109/MSP.2013.106.

15. Desolda G., Ferro L. S., Marrella A., Costabile M. F., Catarci T. Human Factors in Phishing Attacks: A Systematic Literature Review // ACM Computing Surveys (CSUR). 2022. Vol. 54, no.8. P. 1–35. DOI: 10.1145/3469886.

16. Diaz A., Sherman A. T., Joshi A. Phishing in an academic community: A study of user susceptibility and behavior // Cryptologia. 2019. Vol. 44, no. 1. P. 1–15. DOI: 10.48550/arXiv.1811.06078.

17. Falade P. V. Decoding the threat landscape: ChatGPT, FraudGPT, and WormGPT in social engineering attacks // International Journal of Scientific Research in Computer Science Engineering and Information Technology. 2023. Vol. 9, no. 5. P. 185–198. DOI: 10.32628/CSEIT2390533.

18. Fan Z., Li W., Laskey K. B., Chang K. C. Investigation of phishing susceptibility with explainable artificial intelligence // MDPI. 2023. Vol. 16, no. 1. DOI: 10.20944/preprints202311.1540.v1.

19. Furnell S., Shah N. J. Home working and cyber security – an outbreak of unpreparedness? // Computer Fraud & Security. 2020. no. 8. P. 6–12. DOI: 10.1016/s1361-3723(20)30084-1.
20. Hadlington L. Human factors in cybersecurity: Examining the link between Internet addiction, impulsivity, attitudes towards cybersecurity, and risky online behaviours // Heliyon. 2017. Vol. 3, no. 7. DOI: 10.1016/j.heliyon.2017.e00346.
21. Jayatilaka A., Arachchilage N. A. G., Babar M. A. Why people still fall for phishing emails: An empirical investigation into how users make email response decisions // Symposium on Usable Security. 2024. DOI: 10.14722/usec.2024.23072.
22. Kashapov A., Wu T., Abuadbba S., Rudolph C. Email summarization to assist users in phishing identification // Conference: ASIA CCS '22: ACM Asia Conference on Computer and Communications Security. 2022. DOI: 10.48550/arXiv.2203.13380.
23. Khan N. F., Ikram N., Murtaza H., Javed M. Evaluating protection motivation based cybersecurity awareness training on Kirkpatrick's Model // Computers & Security. 2022. Vol. 125. P. 7–8. DOI: 10.1016/j.cose.2022.103049.
24. Korteling J. E., Paradies G. L., Sassen-van Meer J. P. Cognitive bias and how to improve sustainable decision making // Front. Psychol., Sec. Cognitive Science. 2023. Vol.14. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1129835.
25. Kumaraguru P., Sheng S., Acquisti A., Cranor L. Teaching Johnny not to fall for phish // ACM Transactions on Internet Technology. 2010. Vol. 10, no. 2. DOI: 10.1145/1754393.1754396.
26. Malloy T., Ferreira M. J., Fang F., Gonzalez C. Leveraging a cognitive model to measure subjective similarity of human and GPT-4 written content // Conference: Proceedings of the 28th Conference on Computational Natural Language Learning. 2024. DOI: 10.48550/arXiv.2409.00269.
27. Marin I. A., Burda P., Zannone N, Allodi L. The influence of human factors on the intention to report phishing emails // Conference: CHI '23: CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. 2023. No. 20. P. 1–18. DOI: 10.1145/3544548.3580985.
28. Morrow E. Scamming higher ed: An analysis of phishing content and trends // Computers in Human Behavior. 2024. Vol. 158, no. 3. DOI: 10.1016/j.chb.2024.108274.
29. Mousa J. An overview of phishing victimization: Human factors, training and the role of emotions // Computer Science & Information Technology. 2022. Vol. 12, no. 13. P. 197–207. DOI: 10.5121/csit.2022.121319.
30. Nagar P. The Psychology of Cyber Fraud: Unraveling the Tactics Behind Modern-Day Scams // The International Journal of Indian Psychology. 2025. Vol. 13, no. 3. P. 1638–1648. DOI: 10.25215/1303.151.
31. Patel H., Rehman U., Iqbal F. Evaluating the efficacy of large language models in identifying phishing attempts // 16th International Conference on Human System Interaction (HSI) 2024. DOI: 10.1109/HSI61632.2024.10613528.
32. Pattinson M., Jerram C., Parsons K., McCormac A. Why do some people manage phishing emails better than others? // Information Management & Computer Security. 2012. Vol. 20, no. 1. P.18-28. DOI: 10.1108/09685221211219173.
33. Sarker O., Haggag S., Jayatilaka A., Liu C. Personalized guidelines for design, implementation and evaluation of anti-phishing interventions // International Symposium on Empirical Software Engineering and Measurement (ESEM) 2023. DOI: 10.1109/ESEM56168.2023.10304861.
34. Sheng S., Lanyon M. B., Kumaraguru P., Cranor L. Who falls for phish? A demographic analysis of phishing susceptibility and effectiveness of interventions // Proceedings of the 28th International Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI 2010), Atlanta, Georgia, USA, 2010. Vol. 4. P. 10–15. DOI: 10.1145/1753326.1753383.
35. Sharevski F., Devine A., Pieroni E., Jachim P. Phishing with Malicious QR Codes // EuroUSEC '22: Proceedings of the 2022 European Symposium on Usable Security. 2022. P. 160–171. DOI: 10.1145/3549015.3554172.
36. Shonman M., Shi X., Kang M., Wang Z. Using a computational cognitive model to understand phishing classification decisions of email users // Interacting with Computers. 2024. Vol. 36, no. 2. P. 113–125. DOI: 10.1093/iwc/iwad054.
37. Spadaro G., Molho C., van Prooijen J. W., Romano A., Mosso C. O., van Lange P. A. M. Corrupt third parties undermine trust and prosocial behaviour between people // Nature Human Behaviour. 2023. Vol. 7, no. 1. P. 1–9. DOI: 10.1038/s41562-022-01457-w.
38. Threat Landscape Report 2025: A Year in Review. Версия 1, 8 апреля 2026 г. TLP:CLEAR/PUBLIC. URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2025/09/pdf.pdf
39. van der Heijden, A., Allodi, L. Cognitive triaging of phishing attacks // SEC'19: Proceedings of the 28th USENIX Conference on Security Symposium. P. 1309–1326. DOI: 10.48550/arXiv.1905.02162.
40. Vishwanath, A., Harrison, B., Ng, Y. J. Suspicion, cognition, and automaticity model (SCAM) of phishing susceptibility // Communication Research. 2018. Vol. 45, no. 8. P. 1146–1166. DOI: 10.1177/0093650215627483.

41. Wang J., Li Y., Rao H. R. Overconfidence in Phishing Email Detection // Journal of the Association for Information Systems. 2021. Vol. 17, no. 11. P. 759–783. DOI: 10.17705/1jais.00442.

42. Zhuo S., Biddle R., Russello G. Lottridge D. Precision Email Simulator for Research on Safety-Critical Phishing Behaviour // CHI '25: Proceedings of the 2025 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. 2025. No. 1092. P. 1–12.

Информация об авторах

Е. П. Солдатова *– доктор психологических наук, профессор*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 20.03.2026;
одобрена после рецензирования 17.08.2026;
принята к публикации 28.09.2026.

Information about the authors

E. P. Soldatova *– Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor*

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 20.03.2026;
approved after reviewing 17.08.2026;
accepted for publication 28.09.2026.

Научная статья

УДК 316.6+37.015.3+159.9

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ В КОНТЕКСТЕ ИХ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ

Иван Викторович Малышев
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов
Россия, iv.999@list.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблематика профессионального становления студенческой молодежи. На теоретическом и эмпирическом уровне раскрыта взаимосвязь между профессиональным самоопределением и адаптационными составляющими личности, а именно социально-психологической адаптацией на примере студентов и выпускников школ. Говорится о необходимости создания такой психодиагностической модели, которая бы позволила на более высоком и оптимальном уровне проводить профессионально-ориентированную диагностику личности с учетом когнитивных и личностных способностей, включая возможности к самостоятельному росту и используя современные информационные технология.

Ключевые слова: социально-психологическая адаптация личности, профессиональное самоопределение учащихся и студентов, психодиагностическая модель в профориентации

Для цитирования: Малышев И.В. Профессиональное самоопределение личности студентов вузов в контексте их социально-психологической адаптации // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 114–121. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/012.pdf.

Original article

PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION OF UNIVERSITY STUDENTS IN THE CONTEXT OF THEIR SOCIO-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION

Ivan V.Malyshev
Saratov national research state university named after N.G. Chernyshevskiy, Saratov, Russia
iv.999@list.ru

Abstract. The article addresses the issue of professional development among university students. On the theoretical and empirical level is disclosed the interrelation between professional self-determination and adaptive components of the personality, namely social-psychological adaptation on the example of students and school graduates. It is spoken about the necessity of creation of such psychodiagnostic model, which would allow on a more high and optimal level to conduct professional-oriented diagnostics of personality with taking into account of cognitive and personal abilities, including possibilities to independent growth and using modern information technologies.

Keywords: socio-psychological adaptation, professional self-determination of students, psychodiagnostic models in career guidance

For citation: Malyshev I.V. Professional self-determination of university students in the context of their socio-psychological adaptation. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36): 114–121. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/012.pdf.

© Малышев И.В., 2026

Введение

На сегодняшний день проблема профессионального самоопределения молодых людей становится всё более очевидной. За последние 20 лет она не потеряла свою актуальность, а в связи с освоением новых форм общения и глобальной цифровизации общества в настоящее время приобретает ещё большую актуальность. Появились профессии, которые требуют новых подходов и компетенций, что значительно усложнило профориентационную работу и профессионально-психологический отбор специалистов в разные области деятельности. В свою очередь молодежь также испытывает значительные трудности при выборе известных профессий, которые подверг-

лись модификации в современных условиях. При этом в формировании профессионального самосознания учащихся задействованы когнитивные и эмоциональные компоненты.

Основные положения

Эффективная профессиональная ориентация молодежи сегодня невозможна с использованием только традиционных подходов. Для решения этой задачи необходимо использование новых информационных технологий, в том числе применение нейронных сетей. В целом, это создаст новые возможности для изучения процессов профессионального становления самоопределения личности молодежи. Прежде всего будет задействован междисциплинарный подход в исследовании этих и других психических явлений, что особенно важно при построении современных психодиагностических программ, направленных на профориентацию и углубленное изучение личности. Профориентационная программа должна быть направлена прежде всего на исследование особенностей профессиональной социализации, адаптационных составляющих личности, её социально-психологических характеристик у учащихся старших классов и студентов, включая взаимосвязи между несколькими переменными. Сюда можно отнести в частности, особенности взаимосвязей между адаптационными характеристиками личности и профессиональными интересами студентов и школьников.

Особенно актуальным в современных социально-экономических условиях страны является необходимость адекватного и оптимального профессионального самоопределения студенческой молодежи, что является необходимым условием становления личности и в целом её эффективной профессиональной социализации.

Начало исследований в области профессионального самоопределения и становления личности было заложены в XX веке в первую очередь западными, а в дальнейшем и отечественными учеными. Рассматривались вопросы, связанные с повышением производительности труда, а также гуманистические основы взаимодействия специалистов. Благодаря этому активно развивались несколько научных направлений в психологии и социологии [1].

Согласно Ф. ПарсонсуЮ индивиду при выборе профессии необходимо прежде всего обращать внимание на индивидуальные особенности личности и профессиональные способности. Также необходимо учитывать ценности и интересы личности. Джон Холланд в свою очередь полагал, что большинство профессий должны быть классифицированы в группы и принадлежать к определенным типам [2].

В теории А. Адлера профессиональное самоопределение рассматривается в контексте направленности личности на совершенство и полезности для общества [3]. С позиции Э. Эриксона для эффективного самоопределения личности имеют значения социальные условия, то есть необходимо постепенное развитие человека и его взаимодействие с окружающими [4]. Э. Фромм связывал развитие личности с преодолением одиночества и стремлением к самоидентичности [5].

Основания для исследований в области профессионального становления личности в нашей стране были заложены отечественным ученым С. Л. Рубинштейном. В русле своих научных изысканий ученый утверждал об активности личности в процессе её самоопределения [6]. В свою очередь К. А. Абульханова-Славская рассматривала профессиональное самоопределение с позиции обобщенных жизненных ценностей личности, которые отвечают ее основным потребностям [7].

По мнению Е. А. Климова, процесс самоопределения и выбор профессиональной деятельности зависит от многих факторов и длится на протяжении значительного периода жизненного пути личности, он отражает уровень её психического развития [8].

Известный отечественный ученый Н. С. Пряжников профессиональное самоопределение понимает как осознанный поиск смысла личностью в процессе её самоопределения, при выборе профессии и при непосредственном выполнении работы [9].

По мнению Т. В. Кудрявцева, самоопределение непосредственно связано с трудовой деятельностью и накопленным профессиональным опытом личности, то есть является неотъемлемой частью её профессионального становления [10].

Существенной особенностью профессионального самоопределения с точки зрения Р. М. Шамионова является оптимальный уровень психического развития личности. То есть формирование социальной зрелости и активное взаимодействие с окружающими отражают по-

казатель качества социального становления личности специалиста [11].

И. В. Арендачук в своей работе говорит о необходимости изучения профессионального самоопределения во взаимосвязи с ценностными ориентациями личности и другими явлениями у учащихся в процессе завершения основного общего образования при подготовке к поступлению в вузы [12].

В этой связи М. В. Ососова предложила модель профессионального самоопределения учащихся, которая включает психолого-педагогическое сопровождение с применением психологического тестирования и других методов [13].

Важное значение в процессе профессионального самоопределения личности молодежи играют их адаптационные возможности, как индивидуальные, так и социально-психологические составляющие адаптации. В современной отечественной психологии под адаптацией принято понимать возможность приспособления человека как личности к существованию в обществе с учетом его требований, а также в соответствии со своими потребностями и интересами [14].

В соответствии с классификацией Е. В. Таранова, различают следующие типы адаптации: профессионально-производственную, общественно-политическую, межличностную и личностную. Под личностной адаптацией автор понимает самосовершенствование, личностное и интеллектуальное развитие, стремление к физическому и морально-этическому росту [15].

По мнению А. А. Реана, адаптация включает в себя активное изменение себя и социальной среды, что собственно характеризует процесс развития личности [16].

Е. В. Руденский связывает социально-психологическую адаптацию с социальной психикой, которая позволяет сформировать индивидуальность личности и ускорить приспособление и взаимодействие с окружающими [17].

С позиции А. Л. Журавлева, социально-психологическая адаптация позволяет стабилизировать психоэмоциональное состояние личности и существенно снизить риски её дезадаптации, которые могут возникать при взаимодействии с окружающими, то есть представляет собой некую защиту. Ученый полагает, что таким образом в процессе социально-психологической адаптации личность приспосабливается к жизни в обществе и достигает внутреннего баланса [18].

Создание на сегодняшний день позитивных условий в процессе сотрудничества и взаимодействия студентов и преподавателей также может способствовать успешному профессиональному становлению личности молодых людей [19].

В наших исследованиях отмечено, что на сегодняшний день у значительной части учащихся имеются проблемы, связанные с их адаптационным потенциалом, которые определенным образом сказываются на эффективности профессионального самоопределения будущих студентов [20].

Таким образом, цель исследования – изучение взаимосвязи профессионального самоопределения и социально-психологической адаптации личности на примере студентов вуза.

Материалы и методы исследования

Наши исследования проводились в течение 2024–2026 годов. В настоящее время полученные результаты в этой области также анализируются и обобщаются. В 2024 году в эмпирическом исследовании на базе средних общеобразовательных школ г. Саратова участвовали 60 учащихся старших классов в возрасте 15–17 лет [21]. Эмпирическое исследование у студентов (февраль – июнь 2025 года) было проведено в Саратовском национальном исследовательском государственном университете имени Н. Г. Чернышевского [22]. Выборку составили 106 студентов 2–3 курсов в возрасте 19–20 лет, обучающихся по направлениям: психолого-педагогическое образование (60 испытуемых) и педагогическое образование (46 испытуемых).

Психодиагностическое обследование проводилось с применением следующих методик: дифференциально-диагностический опросник (Е. А. Климов), методика профессиональных склонностей Йовайши, опросник «Карта интересов» А. Е. Голомштока (модификация О. Г. Филимоновой). Кроме этого, у учащихся применен 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла» и опросник MMPI (мини-мульт), а у студентов – опросник социально-психологической адаптации (Роджерс и Даймонд). В статистическом анализе применены t-критерий Стьюдента и корреляционный анализ по критерию К. Пирсона. Проверка на нормальность распределения проведена по критерию Колмогорова – Смирнова.

Результаты исследования и их обсуждение

Исходя из результатов ранее проведенного исследования профессионального самоопределения и адаптационных возможностей личности на выборке учащихся старших классов, было обнаружено, что значительная часть учащихся 10 класса ориентированы на профессии типа «человек – человек», в свою очередь значительная часть школьников из 11 класса ориентируются на технические профессии. Далее был проведен сравнительный анализ адаптационных возможностей личности старшеклассников с применением методик Р. Кеттелла и теста Мини-мульт. Обнаружены статистически значимые различия по нескольким характеристикам личности адаптационного характера. Так, для старшеклассников, ориентированных на профессии типа «человек – человек», характерны эмоциональная стабильность, высокая общительность, социальная активность, открытость, склонность к доминированию, хорошая нормативность поведения, смелость и хороший самоконтроль и т. д. В целом данные свойства личности могут способствовать эффективной работе с людьми. При этом старшеклассники данной группы ещё не имеют определенных представлений относительно построения своей карьеры. Для других учащихся, склонных более к профессиональному выбору «человек – техника», свойственны такие особенности личности, как эмоциональная неустойчивость, закрытость, практичность, склонность к анализу, самодостаточность, стремление к подчинению, высокий интеллект и т. д. Данные свойства личности позволяют в определенных условиях деятельности быть адаптированными, особенно для будущего специалиста, ориентированного на практическую деятельность (например, на работу с техникой). Однако при частом взаимодействии с окружающими этого недостаточно. Полученные результаты свидетельствуют об определенной зависимости личностных показателей и адаптации учащихся от характеристик их профессионального самоопределения.

Исходя из результатов эмпирического исследования (2025 год) профессионального самоопределения и адаптационных составляющих личности студентов следует, что большинство испытуемых (около 80 %) осознанно отдают предпочтение выбранным ранее профессиям в области «психологии» или «физической культуры». Так, значительная часть студентов-спортсменов (87 % испытуемых), в качестве основной профессии выбрали физкультуру и спорт (на втором месте по значимости «психология» – 56 %), а в группе студентов психолого-педагогического направления («психология») 90 % испытуемых выбрали психологию (на втором месте «педагогика»). При этом испытуемые-студенты и «психологи» и «спортсмены» в своём большинстве отдают предпочтения профессиональному взаимодействию в области человеческих взаимоотношений. Так, у студентов – спортсменов данный тип направленности выявлен у 56 %, а у студентов будущих психологов он более характерен для 40 % испытуемых. Далее изучались особенности социально-психологической адаптации у студентов разных направлений. Полученные результаты свидетельствуют о высоком и хорошем уровне адаптационных составляющих личности у большинства испытуемых-студентов. В процессе изучения адаптационных возможностей был проведен статистический анализ различий характеристик социально-психологической адаптации у студентов двух групп. Не обнаружено ни одного статистически значимого различия по показателям адаптации. Возможно, это связано с тем, что большинство студентов имеют тип профессиональной деятельности с ориентацией на взаимодействие с окружающими («человек – человек») и осознанно подошли к выбору своей профессии.

В то же время у 8–10 % студентов от всей выборки были обнаружены не связанные с выбранной специальностью («психология» или «физическая культура и спорт») профессиональные интересы (например, «изобразительное искусство» или «военные специальности»). При этом профессиональная направленность личности у них также не связана с взаимодействием с окружающими (например, «человек – художественный образ», «человек – природа» или сферы деятельности в области искусства и материального производства). То есть, в процессе обучения в вузе в данной группе студентов выявлены определенные несоответствия в выборе профессии, существует некоторая «размытость» профессиональных интересов и т. д. Был проведен сравнительный анализ статистически значимых различий по показателям социально-психологической адаптации у студентов двух групп по принципу осознанности выбора своей специальности и имеющих разные типы профессиональной направ-

ленности и взаимодействия (например, «человек – человек» и «человек – художественный образ», «человек – природа» и другие). Обнаружены статистически значимые различия по большинству характеристик социально-психологической адаптации, таким как адаптивность (t= 4,8; p=0,001), дезадаптивность (t= -3,4; p=0,006), приятие себя (t=6,2; p=0,00), неприятие себя (t=-3,2; p=0,008), приятие других (t=4,8; p=0,00), эмоциональный комфорт (t=3,3; p=0,007), эмоциональный дискомфорт (t=-3,5; p=0,004), внешний контроль(t=-2,8; p=0,017) и эскапизм (t=-3,8; p=0,003).

Далее был проведен корреляционный анализ, направленный на изучение взаимосвязи профессионального самоопределения и адаптационных возможностей личности студентов. Обнаружена отрицательная корреляционная связь между показателем социально-психологической адаптации «доминирование» и профессиональной направленностью «человек – техника» (r=-0,498*). Также обнаружены отрицательные корреляционные связи между направленностью «человек – человек» и «дезадаптивностью» (r=-0,569*), неприятием себя (r=-0,515*), «неприятием других» (r=-0,657**), «внешним контролем» (r=-0,598*), «ведомостью» (r=-0,636**) и положительная корреляция между «приятием других» (r=0,609*). Обнаружены положительные корреляционные связи между типом профессиональной ориентации «человек-знак» и «дезадаптивностью» (r=0,682**), «неприятием себя» (r=0,518*), «неприятием других» (r=0,595*), «эмоциональным дискомфортом» (r=0,630**), «внешним контролем» (r=0,585*), «эскапизмом» (r=0,661**), а также отрицательная корреляция данного типа направленности между «адаптивностью» (r=-0,568*) и «приятием себя» (r=-0,609*).

Полученные корреляционные связи показывают позитивные тенденции в адаптационных возможностях испытуемых и эффективной социально-психологической адаптации при профессиональном самоопределении, которое соответствует выбранной ранее специальности. В нашем случае это профессиональная деятельность в системе «человек – человек». Так, у студентов – спортсменов с данным предпочтением отмечается более высокая адаптивность, эмоциональная комфортность, приятие себя и других, высокая социальная активность, снижающая риск ведомости и бегства от проблем и т. д. При этом предпочтения типов профессионального взаимодействия в системе человек – техника и знаковая система напротив могут снижать адаптационные возможности, усиливать эмоциональный дискомфорт, если это не соответствует внутренним требованиям личности и её конкретной профессиональной деятельности, больше связанной, например, с человеческим общением и взаимодействием в данной системе.

Аналогичным образом можно интерпретировать взаимосвязи, полученные после анализа результатов по методике Йовайши и социально-психологической адаптации. Так, выявлены отрицательные корреляции между сферой умственного труда и адаптивностью (r=-0,523*), приятием себя (r=-0,647**) и положительные между данным типом и дезадаптивностью(r=0,582*), неприятием себя (r=0,536*), эмоциональным дискомфортом (r=0,558*), внешним контролем (r=0,651**). Выявлена положительная корреляционная связь между сферой искусств и эмоциональным комфортом (r=0,506*), а также между сферой физического труда и внутренним контролем (r=0,522*). Обнаружены отрицательные связи между сферой физического труда и эмоциональным комфортом (r=-0,529*), внешним контролем (r=-0,514*). Не исключено, что сфера умственной деятельности, равно как и физический труд при явном несоответствии с конкретной профессиональной деятельностью, при определенных условиях также могут снижать адаптационные возможности. При этом сфера искусств и культуры позитивно влияет на психоэмоциональное состояние будущих специалистов.

Выводы

Таким образом, полученные результаты нескольких эмпирических исследований (2024–2025 годов) указывают на существование взаимосвязи между явлениями профессионального самоопределения и адаптационными составляющими личности студентов вузов разных специальностей, а также учащихся старших классов. Так, обнаружена зависимость составляющих социально-психологической адаптации от степени и осознанности профессионального выбора испытуемых-студентов. То есть чем более четче и осознанно студенты в выборе своей профессии (специальности), имеют устойчивые интересы и мотивы, а также предпочитают определенный тип профессиональной направленности (например, человек – человек), тем эффективнее они будут адаптироваться к

новым социальным и профессиональным условиям в рамках своей деятельности. Не исключено, что в дальнейшем это также позволит им успешно профессионально социализироваться, в целом окажет позитивное влияние на профессиональное становление личности.

На взаимосвязь между явлениями также указывают обнаруженные в результате анализа корреляционные связи. Так, качественный анализ большинства корреляций, говорит о значимости определенной профессиональной направленности личности и её соответствия выбранной специальности. Чем более осознанно выбор испытуемых, тем выше вероятность более эффективной социально-психологической адаптированности личности и большинства её составляющих (например, эмоциональная комфортность, приятие себя и других). В то же время «размытость» в профессиональном самоопределении и отсутствие устойчивости интересов и склонностей оказывает дезинтегрирующее влияние на личность и её адаптационные возможности, то есть возникает риск дезадаптации. Не исключено, что и высокая степень социально-психологической адаптированности оказывает своё позитивное влияние на профессиональный выбор студентов.

Сегодня можно определенно говорить о том, что не всегда учитываются социально-психологические и индивидуальные адаптационные возможности личности в процессе профессионального самоопределения учащихся и студентов. В различных экстремальных и стрессовых ситуациях специалистам нужно быть готовыми к взаимодействию с разными людьми. Особенно это актуально для молодых работников (в частности, психологов и учителей), так как они испытывают значительные трудности при социально-психологической адаптации в той или иной профессиональной группе и в целом имеют трудности профессиональной социализации.

В настоящее время имеет существенное значение создание принципиально новой концептуальной основы (модели) профориентационной диагностики обучающихся, которая включает более совершенную психодиагностику с применением цифровых технологий в образовательной среде с учетом социально-психологических детерминант личности, её адаптационных возможностей и профессиональной социализации.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования результатов эмпирического исследования в дальнейшем для подготовки психокоррекционных программ и тренингов, направленных на изменение мотивационных составляющих личности молодых людей с целью формирования у них более приемлемого и ответственного выбора профессии, повышения профессиональной компетентности и социально-психологической адаптивности личности.

Список источников

1. Кондаков И. М. Методологические основания зарубежных теорий профессионального развития / И. М. Кондаков, А. В. Сухарев // Вопросы психологии. 2017. № 5. С. 158–164.

2. Зеер Э. Ф. Психология профконсультирования: метод. пособие / Э. Ф. Зеер, Э. Э. Сыманюк. М. : Издательский центр «Академия», 2014. 224 с. (Сер. Профессиональная ориентация). ISBN 978-5-7695-8590-6.

3. Адлер А. Очерки по индивидуальной психологии. М. : Когитоцентр, 2018. 220 с.

4. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. и общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М. : «Прогресс», 2015. 344 с.

5. Фромм Э. Иметь или быть? / Э. Фромм; пер. с англ. Н. И. Войскунской и И. И. Каменкович; общ. ред. и вступ. ст. В. И. Добренькова. М. : Прогресс, 2016. 240 с.

6. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., СПб. : Питер, 2019. 705 с.

7. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М. : Мысль, 2016. 576 с.

8. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. М. : «Академия», 2004. 304 с.

9. Пряжников Н. С. Профессиональное самоопределение: теория и практика. М. : Академия, 2018. 108 с.

10. Кудрявцев Т. В. Психологический анализ динамики профессионального самоопределения личности / под. ред.: Т. В. Кудрявцев, В. Ю. Шегурова // Вопросы психологии. 2008. № 2. С. 51–59.

11. Шамионов Р. М. Социальная психология личности: учебное пособие / Р. М. Шамионов, А. А. Голованова. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2006. 264 с.

12. Арендачук И. В. Особенности профессионального самоопределения учащихся на этапе подготовки к профильному обучению // Известия Саратовского университета. Сер.: Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7. Вып. 27. С. 204–211. DOI: 10.18500/2304-9790-2018-7-3-204–211.

13. Ососова М. В. Модель психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения учащихся // Педагогическое образование в России. 2011. № 4. С. 166–172. EDN: OJDWDD

14. Психология: Словарь / под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М. : Политиздат, 1990. 494 с.

15. Таранов Е. В. Адаптация молодого рабочего на промышленном предприятии // Проблемы психологии личности. М. : Наука, 1982. С. 83–88.

16. Реан А. А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика. СПб., 2006. 479 с.

17. Руденский Е. В. Социальная психология: курс лекций. М. : ИНФРА-М; Новосибирск,1998. 224 с.

18. Журавлев А. Л. Социальная психология: учебное пособие. М. : ФОРУМ: ИНФРА-М., 2006. 416 с.

19. Галаев С. В. Организация самостоятельной работы при ДО // Высшее образование в России. 2007. № 10. С. 141–144.

20. Малышев И. В. Особенности социально-психологической адаптации и стрессоустойчивости личности старшеклассников в условиях меняющегося общества//Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2016. Т. 5. № 2. С. 157–163. EDN: WFDVC.

21. Малышев И. В. Личностные адаптационные характеристики и профессиональное самоопределение у старшеклассников // Пензенский психологический вестник. 2024. № 2(23). С. 32–44. EDN EDQYZK.

22. Малышев И. В. Профессиональное самоопределение и становление личности студентов вузов в современных социально-экономических условиях/ И. В. Малышев // Пензенский психологический вестник. 2025. № 1(24). С. 80–89. ISSN 2312-7392.

References

1. Kondakov I. M. Methodological foundations of foreign theories of professional development / I. M. Kondakov, A. V. Suharev // Voprosy psihologii. 2017;5: 158–164. (In Russ.).

2. Zeer E. F. Psihologiya profkonsul'tirovaniya: metod. posobie / E. F. Zeer, E. E. Symanyuk. M. : Izdatel'skij centr «Akademiya», 2014. 224 s. (Ser. Professional'naya orientaciya). ISBN 978-5-7695-8590-6. (In Russ.).

3. Adler A. Ocherki po individual'noj psihologii. M. : Kogitocentr, 2018. 220 s. (In Russ.).

4. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis / per. s angl. i obshch. red. i predisl. A. V. Tolstyh. M. : «Progress», 2015. 344 s. (In Russ.).

5. Fromm E. Imet' ili byt'? / E. Fromm; per. s angl. N. I. Vojskunskoj i I. I. Kamenkovich; obshch. red. i vstup. st. V. I. Dobren'kova. M. : Progress, 2016. 240 s. (In Russ.).

6. Rubinshtejn S. L. Osnovy obshchej psihologii. M., SPb. : Piter, 2019. 705 s. (In Russ.).

7. Abul'hanova-Slavskaya K. A. Strategiya zhizni. M. : Mysl', 2016. 576 s. (In Russ.).

8. Klimov E. A. Psihologiya professional'nogo samoopredeleniya. M. : «Akademiya», 2004. 304 s. (In Russ.).

9. Pryazhnikov N. S. Professional'noe samoopredelenie: teoriya i praktika. M. : Akademiya, 2018. 108 s. (In Russ.).

10. Kudryavcev T. V. Psychological analysis of the dynamics of an individual's professional self-determination / pod. red.: T. V. Kudryavcev, V. YU. SHegurova // Voprosy psihologii. 2008;2: 51–59. (In Russ.).

11. SHamionov R. M. Social'naya psihologiya lichnosti: uchebnoe posobie / R. M. SHamionov, A. A. Golovanova. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2006. 264 s. (In Russ.).

12. Arendachuk I. V. Features of students' professional self-determination at the stage of preparation for specialized training. // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser.: Akmeologiya

obrazovaniya. Psihologiya razvitiya. 2018. Vol. 7. Vyp. 27. S. 204–211. DOI: 10.18500/2304-9790-2018-7-3-204–211. (In Russ.).

13. Ososova M. V. Model of psychological and pedagogical support for students' professional self-determination // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2011;4: 166–172. EDN: OJDWDD. (In Russ.).

14. Psihologiya: Slovar' / pod red. A. V. Petrovskogo, M. G. YAroshevskogo. M. : Politizdat, 1990. 494 s. (In Russ.).

15. Taranov E. V. Adaptation of a young worker at an industrial enterprise // Problemy psihologii lichnosti. M. : Nauka, 1982. S. 83–88. (In Russ.).

16. Rean A. A. Psihologiya adaptacii lichnosti. Analiz. Teoriya. Praktika. SPb., 2006. 479 s. (In Russ.).

17. Rudenskij E. V. Social'naya psihologiya: kurs lekcij. M. : INFRA-M; Novosibirsk,1998. 224 s. (In Russ.).

18. ZHuravlev A. L. Social'naya psihologiya: uchebnoe posobie. M. : FORUM: INFRA-M., 2006. 416 s. (In Russ.).

19. Galaev S. V. Organization of independent work at pre- // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2007;10: 141–144. (In Russ.).

20. Malyshev I. V. The characteristics of socio-psychological adaptation and stress resistance of high school students in the context of a changing society. // Izvestiya Saratovskogo un-ta. Novaya seriya. Akmeologiya obrazovaniya. Psihologiya razvitiya. 2016. Vol. 5;2: 157–163. EDN: WFDVC. (In Russ.).

21. Malyshev I. V. Personal adaptive characteristics and professional self-determination among high school students // Penzenskij psihologicheskij vestnik. 2024;2(23): 32–44. EDN EDQYZK. (In Russ.).

22. Malyshev I. V. Professional self-determination and personality development of university students in modern socio-economic conditions / I. V. Malyshev // Penzenskij psihologicheskij vestnik. 2025;1(24): 80–89. ISSN 2312-7392. (In Russ.).

Информация об авторе

И. В. Малышев *– кандидат психологических наук, доцент*

Information about the author

I. V. Malyshev *– Candidate of Sciences (Psychology), Docent*

Статья поступила в редакцию 10.06.2026;
одобрена после рецензирования 17.08.2026;
принята к публикации 28.09.2026.

The article was submitted 10.06.2026;
approved after reviewing 17.08.2026;
accepted for publication 28.09.2026.

Научная статья

УДК 159.9

ЦЕННОСТНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ПРОФЕССИИ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ

Елена Сергеевна Тужикова
РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
tuzhikova@live.ru, https://orcid.org/0000-0002-6404-2061

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на изучение взаимосвязи ценностного отношения к будущей профессиональной деятельности и социально-психологической адаптации студентов первого курса. Установлено, при помощи корреляционного анализа, что ориентация на собственный престиж и высокое материальное положение положительно связана с субъективной оценкой обучения в вузе, тогда как выраженность учебных трудностей коррелирует с выраженностью ценностей саморазвития, достижения и духовного удовлетворения. Показано, что при относительно низких показателях личностного адаптационного потенциала первокурсники демонстрируют высокий уровень текущей социально-психологической адаптации. Полученные данные указывают на компенсаторную роль образовательной среды и межличностных взаимодействий в системе «студент – группа – преподаватель». Результаты позволяют рассматривать ценностную сферу и адаптационные процессы как взаимосвязанные и динамически развивающиеся компоненты профессионального становления на начальном этапе обучения в вузе.

Ключевые слова: ценностное отношение к профессии, социально-психологическая адаптация, терминальные ценности, адаптационный потенциал, профессиональное становление

Для цитирования: Тужикова Е.С. Ценностное отношение к профессии и социально-психологическая адаптация студентов вузов // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 122–130. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/013.pdf.

Original article

VALUE-BASED ATTITUDE TO THE PROFESSION AND SOCIO-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF UNIVERSITY STUDENTS

Elena S. Tuzhikova
Herzen University, Saint-Petersburg, Russia
tuzhikova@live.ru, https://orcid.org/0000-0002-6404-2061

Abstract. The article presents the results of an empirical study examining the relationship between first-year university students' value-based attitudes toward their future profession and their socio-psychological adaptation. The findings indicate that orientations toward personal prestige and high financial well-being are positively associated with students' subjective evaluation of university studies, whereas perceived academic difficulties are related to values of self-development, achievement, and spiritual fulfillment. Despite relatively low levels of personal adaptive potential, first-year students demonstrate a high level of situational socio-psychological adaptation. These results emphasize the compensatory role of the educational environment and interpersonal interactions within the "student–peer group–teacher" system and support the interpretation of values and adaptation as interrelated and dynamically developing processes at the early stage of professional development.

Keywords: value attitude to the profession, socio-psychological adaptation, terminal values, adaptive potential, professional development

For citation: Tuzhikova E.S. Value-based attitude to the profession and socio-psychological adaptation of university students. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36): 122–130. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/013.pdf.

© Тужикова Е.С., 2026

Введение

Современные социально-экономические изменения, обусловленные трансформацией рынка труда, цифровизацией и сменой поколенческих ценностей, актуализируют проблему профессионального становления молодежи [4]. Это связано в первую очередь с заинтересованностью работодателей и общества в подготовке высококвалифицированных и мотивированных специалистов, а академическая неуспеваемость и последующая неудовлетворенность профессией ведут к потерям и рискам не только экономическим, но и личностным.

Выбор профессии зачастую осуществляется под влиянием внешних факторов, таких как мнения авторитетных взрослых, престижность профессии, баллы ЕГЭ, и в меньшей степени основан на внутренних ценностных убеждениях, что приводит к сложностям в начале профессиональной подготовки в вузе на первом курсе. Кризис профессионального самоопределения может проявляться в виде дезадаптации, в снижении академической успеваемости, что свидетельствует о недостаточной осознанности профессионального выбора.

Первый курс, как отмечают исследователи [10; 14; 18], относится к сложным периодам, поскольку он одновременно сочетает адаптацию к новой социальной среде, адаптацию к новым форматам обучения, повышенной нагрузки и первое соприкосновение с будущей профессиональной деятельностью. В этой связи социально-психологическая адаптация выступает интегративным показателем успешности прохождения этого периода и отражает степень согласованности требований образовательной среды с личностными ресурсами.

Дезадаптация приводит к различным рискам, проявляется в виде тревожности, деструктивности в поведении, академической неуспеваемости или академического выгорания, что отмечается в исследованиях, посвященных психологическому сопровождению студентов [21; 22]. Практика работы психологических служб вузов подчеркивает необходимость проведения профилактических и развивающих программ, направленных на укрепление связи между поведенческими компонентами благополучия с ценностным отношением к профессиональной деятельности через понимание смысла и ее значимости.

Необходимо отметить, что ценностное отношение к профессии следует рассматривать не как статичное образование, а как динамический психологический ресурс, оказывающий влияние на учебную мотивацию, толерантность к трудностям и степень увлеченности студенческим и профессиональным сообществом единомышленников. Сформированность ценностных оснований профессионального выбора способствует более успешной социально-психологической адаптации и позволяет смягчить негативные последствия [3; 5].

Таким образом, актуальность исследования определяется противоречием между декларируемым выбором профессионального пути студентами-первокурсниками и недостаточной сформированностью у них гибкого, осознанного ценностного отношения к нему. В стрессовых условиях данное противоречие может приводить к дезадаптивному поведению, снижению учебной мотивации и рискам ухода из профессии. В этой связи представляется необходимым выявить структуру и иерархию ценностных компонентов отношения к профессии у современных студентов, а также определить характер их взаимосвязи с показателями социально-психологической адаптации на начальном этапе обучения в вузе.

Основные положения

Проблема ценностного отношения к профессиональной деятельности традиционно рассматривается в контексте профессионального становления личности и формирования профессиональной идентичности [1]. На этапе поступления в вуз будущий специалист, как правило, опирается на уже сложившуюся систему ценностных ориентаций, сформированную под влиянием ближайшего социального окружения и социокультурных факторов. Именно ценности в этот период выступают опосредующим звеном между субъективным выбором профессии и первичными представлениями о её содержании и значимости.

В процессе профессионального обучения происходит постепенное соотнесение индивидуальных ценностей с требованиями профессиональной среды, норма-

ми профессиональной культуры и ожиданиями общества [6]. Освоение профессии предполагает не только приобретение знаний и навыков, но и интериоризацию профессионально значимых ценностей, которые в дальнейшем определяют направленность активности, устойчивость мотивации и готовность к преодолению трудностей. В этом смысле обучение в вузе выступает критическим этапом интеграции личностных смыслов и профессиональных требований.

Ценности занимают центральное место в структуре личности, выполняя регулятивную функцию и определяя избирательность поведения, целеполагание и мотивацию деятельности [13]. Ценностное отношение проявляется, с одной стороны, в субъективной оценке значимости различных аспектов профессиональной деятельности, а с другой – в устойчивых установках, направляющих поведение и влияющих на принятие решений. Таким образом, ценности выступают связующим звеном между когнитивными представлениями о профессии, эмоциональным отношением к ней и реальными поведенческими стратегиями.

В структуре профессионально-ценностных ориентаций исследователи, как правило, выделяют когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты [19]. Когнитивный компонент отражает осознанные представления о смысле и значимости профессиональной деятельности и формирует основу профессиональной идентичности. Эмоциональный компонент проявляется в переживаниях, связанных с удовлетворенностью профессиональным выбором и процессом обучения, и во многом определяет уровень вовлеченности и устойчивость мотивации. Поведенческий компонент выражается в конкретных формах активности, через которые ценностные установки реализуются в учебной и профессионально-ориентированной деятельности. Взаимосвязь этих компонентов обеспечивает целостность ценностного отношения к профессии.

С позиции отечественной психологической традиции ценности и отношения рассматриваются как взаимосвязанные психологические образования [12; 26]. В рамках деятельностного подхода подчеркивается, что отношения формируются и проявляются в деятельности, тогда как системный подход акцентирует их многоуровневый и иерархический характер. Такое понимание позволяет рассматривать ценностное отношение к профессии как динамическую систему, развивающуюся во взаимодействии личности с образовательной и профессиональной средой.

Процесс профессионального становления неизбежно сопряжен с необходимостью адаптации к требованиям среды. Адаптация личности в условиях обучения в вузе представляет собой сложный многоуровневый процесс, включающий согласование внешних требований образовательной среды с внутренними ресурсами и возможностями субъекта [7]. Ключевым механизмом адаптации выступает преодоление противоречия между предъявляемыми требованиями и имеющимся адаптационным потенциалом личности.

В научных исследованиях адаптация рассматривается как процесс, который может развиваться по различным траекториям – от прогрессивной, сопровождающейся расширением ресурсов и компетенций, до стагнации или дезадаптации [16]. Эффективность адаптационного процесса определяется не только индивидуальными психофизиологическими и личностными характеристиками, но и социально-психологическими условиями образовательной среды, прежде всего качеством межличностных взаимодействий.

Особое значение в контексте адаптации студентов первого курса приобретает социально-психологическая адаптация, отражающая степень включенности личности в систему учебных и межличностных отношений [17]. Успешность данного процесса во многом зависит от уровня сформированности коммуникативных навыков, эмоциональной устойчивости и способности соотносить личные ценности с нормами и требованиями академической среды. При этом благоприятный социально-психологический климат может выполнять компенсаторную функцию, снижая негативное влияние ограниченного личностного адаптационного потенциала.

Таким образом, ценностное отношение к будущей профессиональной деятельности и социально-психологическая адаптация студентов первого курса могут рассматриваться как взаимосвязанные процессы, определяющие успешность профессионального становления на начальном этапе обучения в вузе. Анализ их взаимосвязи позволяет выявить психологические ресурсы и факторы риска, значимые для разработки программ психологического сопровождения студентов.

Методы

Цель исследования заключалась в выявлении характера взаимосвязи между структурой ценностного отношения к про-

фессии и уровнем социально-психологической адаптации у студентов-первокурсников. Были выдвинуты следующие гипотезы:

1. социально-психологическая адаптация первокурсников связана с уровнем сформированности их ценностного отношения к будущей профессии;

2. наиболее значимыми для первокурсников ценности будут коррелировать с показателями адаптивности и субъективным отношением к учебному процессу;

3. благоприятный социально-психологический климат в учебной группе и позитивные отношения с преподавателями могут компенсировать относительно низкий уровень личностного адаптационного потенциала.

В исследовании приняли участие 168 студентов первого курса очной формы обучения различных вузов Санкт-Петербурга в возрасте от 17 до 19 лет. В выборке 49 % респондентов постоянно проживали в Санкт-Петербурге, 51 % респондентов прибыли в мегаполис для получения высшего образования. Все участники дали информированное согласие на участие в исследовании.

Для реализации целей исследования был использован комплекс психодиагностических методик. Ценностное отношение к профессиональной деятельности изучалось с помощью «Опросника терминальных ценностей» (ОТеЦ) И. Г. Сенина. Личностный адаптационный потенциал оценивался с использованием многоуровневого личностного опросника «Адаптивность» (МЛО-АМ) А. Г. Маклакова и С. В. Чермянина. Уровень социально-психологической адаптации диагностировался с помощью методики К. Роджерса и Р. Даймонда.

Дополнительно применялась авторская анкета, включающая 14 вопросов. Анкета была направлена на сбор социально-демографических данных, оценку субъективного опыта адаптации в первые месяцы обучения, а также анализ отношения студентов к учебной и профессиональной среде. Часть вопросов носила открытый характер и обрабатывалась с использованием контент-анализа. Оценка отношения к профессиональной среде и параметров социально-психологической адаптации осуществлялась по семибалльной шкале Лайкерта.

Сбор эмпирических данных проводился дистанционно с использованием платформы «Яндекс Формы» после завершения второй экзаменационной сессии в июле 2025 года. Такой временной интервал позволил зафиксировать особенности адаптационного процесса после первого года обучения в вузе. Статистическая обработка данных проводилась с использованием программы Statistica 10 и включала расчет среднегрупповых показателей и корреляционный анализ по методу Пирсона.

Результаты

Анализ среднегрупповых значений показателей по методике «Опросник терминальных ценностей» И. Г. Сенина, представленных в таблице 1. показал, что для первокурсников ведущими терминальными ценностями являются «достижения», «сохранение собственной индивидуальности» и «высокое материальное положение», а наименьшей выраженностью оказалась ценность «собственного престижа». Наиболее важными жизненными сферами для студентов первого курса оказались сфера «обучения и образования» и сфера «общественной жизни», а самой не значимой была выделена сфера «семейной жизни».

Результаты контент-анализа ответов на открытый вопрос анкеты «Перечислите, какими были основные трудности в первый месяц учебы, с которыми вы столкнулись…» показали, что наиболее частыми трудностями в первый месяц учебы первокурсники называли проблемы связанные непосредственно с учебой (33,8 %). Существенная доля респондентов указала на отсутствие значимых трудностей (27, 9 %), а трудности с проживанием и трудности с преподавателями отметили по 16, 2 % соответственно.

Анализ показателей многоуровневого личностного опросника «Адаптивность» МЛО-АМ (рисунок 1) выявили сниженный уровень личностного адаптационного потенциала – 2,5 стенна. Низкие значения по шкале «поведенческая регуляция» (3,0 стенна) указывают на недостаточную эмоциональную устойчивость и сложности саморегуляции в условиях повышенной нагрузки.

В тоже время результаты методики диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда свидетельствуют о достаточно высоком уровне ситуативной социально-психологической адаптации студентов первокурсников. Среднегрупповые значения по шкалам «адаптивность, «принятие себя», «принятие других», «эмоциональный комфорт» и «внутренний контроль» находятся на верхних границах нормативных показателей (таблица 2), что отражает

субъективное самочувствие студентов в образовательной среде.

Результаты анализа данных авторской анкеты (таблица 3) показывают, что наиболее высокие средние значения и процентные показатели были обнаружены в сфере межличностных отношений в учебной группе. Так, отношения с одногруппниками получили высокую оценку у 60 % (M=6,2 ± 0,9), а отношения с куратором у 81 % (M=6,1 ± 1,2). Низкие оценки в этой категории были минимальны, что позволяет рассматривать микросоциальное окружение учебной группы как значимый ресурс адаптации на начальном этапе обучения.

Обращает на себя внимание и фактор отношения к преподавателям, который, в общем, оценивается положительно, однако отличается вариативностью. Высокие оценки дали 48 % студентов первокурсников, средние – 33 %, а низкие 19 % (M=5,2 ± 1,2). Это указывает на значимую, но дифференцирующую роль взаимодействия с преподавателями в процессе адаптации по сравнению с более интенсивными контактами в студенческой группе.

Половина респондентов (50 %) оценила изменения в своей жизни с момента поступления в вуз как выраженные (M = 4,9 ± 1,4), что отражает субъективную значимость и новизну адаптационного периода. Участие в жизни вуза за пределами обязательной учебной деятельности продемонстрировало противоречивую картину: 60 % студентов не принимают участия во внеучебных формах активности, тогда как 37 % участвуют в них и оценивают данный опыт положительно.

Отдельного внимания заслуживают показатели психофизиологического самочувствия. Самочувствие в первую неделю обучения было оценено как низкое 24% респондентов (M = 4,8 ± 1,6), а настроение перед посещением вуза – 21 % (M = 4,6 ± 1,5). При этом преобладают средние оценки, что указывает на состояние напряжения и повышенной адаптационной нагрузки в начальный период обучения.

Корреляционный анализ выявил статистически значимые взаимосвязи между ценностными ориентациями и субъективной оценкой к обучению. Установлены положительные корреляции между оценкой обучения в вузе ценностями «собственный престиж» (r=0,344, p≤0,01) и «высокое материальное благополучие» (r=0,354, p≤0,01). Показатель «проблемы в обучении» у первокурсников положительно коррелировали с ценностями «развитие себя» (r=0,322, p≤0,01), «достижения» (r=0,300, p≤0,05), «духовное удовлетворение» (r=0,248, p≤0,05), а также со сферами «профессиональная жизнь» и «обучение и образование» (r=0,251 и r=0,304, p≤0,05).

Структура корреляционных связей адаптации и социально-психологического самочувствия первокурсников показала, что показатель «настроение перед учебой» имеет сильные положительные связи с показателями методики социально-психологической адаптации, с «эмоциональным комфортом» (r=0,455, p≤0,01), с «самопринятием» (r=0,381, p≤0,01), «адаптивностью» (r=0,372, p≤0,01), «внутренним контролем» (r=0,359, p≤0,01) и отрицательную с «эскапизмом» (r= - 0,345, p≤0,01). Кроме того, «отношение к преподавателям» положительно коррелируют с «принятием себя» (r=0,323, p≤0,01) и «адаптивностью» (r=0,284, p≤0,05).

Выявлены также взаимосвязи между показателями личностного адаптационного потенциала и текущим эмоциональным состоянием студентов первого курса. Показатель «настроение перед учебой» положительно коррелирует с «поведенческой регуляцией» (r=0,421, p≤0,01), «коммуникативным потенциалом» (r=0,354, p≤0,01) и интегральным «личностно-адаптационным потенциалом» (r=0,420, p≤0,01).

Обсуждение результатов

Полученные результаты свидетельствуют о сложном и неоднородном характере взаимосвязи между ценностным отношением к будущей профессиональной деятельности и процессами социально-психологической адаптации студентов первого курса. Выявленные корреляционные связи подтверждают предположение о значимости ценностных ориентаций как психологического ресурса адаптации на начальном этапе профессионального обучения.

Положительные взаимосвязи между ориентацией на собственный престиж и высокое материальное благополучие, с одной стороны, и субъективной оценкой обучения в вузе – с другой, могут быть интерпретированы в контексте прагматической направленности профессиональной мотивации, характерной для части современной студенческой молодежи [11]. В данном случае обучение воспринимается как инструмент достижения социального и экономического успеха, что повышает субъективную значимость образовательного процесса.

В то же время установленные положительные связи между выраженностью учебных трудностей и ценностями саморазви-

тия, достижения и духовного удовлетворения указывают на другой вектор осмысления профессионального становления. Учебные трудности в этом случае не обесценивают процесс обучения, а, напротив, могут актуализировать личностно значимые смыслы, связанные с развитием и самореализацией. Данный результат согласуется с представлениями о конструктивной роли умеренных трудностей в процессе профессионального и личностного роста [9; 15].

Особый интерес представляет выявленное расхождение между относительно низкими показателями личностного адаптационного потенциала и высокими значениями ситуативной социально-психологической адаптации. Такое сочетание может свидетельствовать о компенсаторной функции образовательной среды, в рамках которой благоприятный социально-психологический климат и поддерживающие межличностные взаимодействия способствуют снижению субъективной напряженности и успешному включению студентов в учебный процесс [8; 23].

Ведущая роль микросоциального окружения подтверждается высокими оценками отношений с одногруппниками и кураторами, а также их связями с показателями адаптивности и эмоционального комфорта. Данные результаты подчеркивают значимость социально-коммуникативных ресурсов как факторов, способствующих адаптации студентов в условиях повышенных требований и неопределенности, характерных для первого года обучения [20; 24; 25].

Выявленные взаимосвязи между показателем «настроение перед учебой» и большинством параметров социально-психологической адаптации позволяют рассматривать эмоциональное состояние как интегративный индикатор адаптационного процесса. Эмоциональный фон отражает степень субъективного благополучия, уровень принятия себя и окружающих, а также особенности регуляции поведения, что делает его чувствительным показателем динамики адаптации в образовательной среде [2; 27].

В целом результаты исследования подтверждают положение о том, что процессы адаптации и профессионального становления носят системный характер и формируются во взаимодействии личностных ресурсов и условий образовательной среды. Ценностное отношение к профессии выступает важным психологическим основанием, определяющим направленность адаптационных стратегий и характер переживания учебных трудностей на начальном этапе обучения в вузе.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить особенности взаимосвязи ценностного отношения к будущей профессиональной деятельности и социально-психологической адаптации студентов первого курса на начальном этапе обучения в вузе. Установлено, что в структуре ценностных ориентаций первокурсников ведущими являются ценности достижений, высокого материального благополучия и сохранения собственной индивидуальности, реализуемые преимущественно в сфере обучения и общественной жизни.

Показано, что ценностное отношение к профессии связано с субъективной оценкой учебного процесса и переживанием учебных трудностей. Ориентация на престиж и материальное благополучие положительно коррелирует с оценкой обучения в вузе, тогда как выраженность ценностей саморазвития, достижения и духовного удовлетворения сопряжена с восприятием учебных трудностей, что может отражать их осмысление как значимого элемента профессионального роста.

Выявлено, что при относительно низком уровне личностного адаптационного потенциала студенты первого курса демонстрируют высокий уровень ситуативной социально-психологической адаптации. Данный результат указывает на компенсаторную роль образовательной среды, прежде всего благоприятного социально-психологического климата в учебных группах и поддерживающих межличностных отношений с одногруппниками и преподавателями.

Особое значение в структуре адаптационного процесса приобретает эмоциональное состояние студентов. Показатель «настроение перед учебой» выступает интегративным индикатором адаптированности, отражающим уровень эмоционального комфорта, самопринятия, внутреннего контроля и регуляции поведения.

Полученные результаты подтверждают представление о ценностном отношении к профессии и социально-психологической адаптации как о взаимосвязанных и динамически развивающихся процессах профессионального становления. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования выявленных закономерностей при разработке программ психологического сопровождения студентов первого курса, направлен-

ных на поддержку адаптации, формирование осмысленного профессионального выбора и профилактику дезадаптивных проявлений в образовательной среде.

Список источников

1. Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. М. : Наука, 1980. 335 с.
2. Акользина С. И. Особенности социально-психологической адаптации студентов-первокурсников // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 2 (78). С. 87–92.
3. Алексеев С. Г. Ценностно-смысловые ориентиры деятельности педагога в условиях цифрового общества: монография / С. Г. Алексеев, Т. Ю. Алексеева, Л. Н. Антилогова [и др.]. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2022. 400 с.
4. Бакушкин И. А. Изучение ценностей и ценностных ориентаций личности в истории психологии / И. А. Бакушкин, И. М. Ильичева // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология. 2021. № 2 (56). С. 136–148.
5. Барсукова А. А. Ценностное отношение как психолого-педагогическое понятие / А. А. Барсукова, Е. О. Мазурчук, Н. И. Мазурчук // Актуальные проблемы психологии личности. 2021. С. 31–35.
6. Белов В. Ф. Развитие ценностного отношения к профессии в социально-культурной среде образовательного учреждения: монография / В. Ф. Белов, А. И. Юдина, Е. Ф. Черняк. Кемерово: Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, 2022. 237 с.
7. Богданова М. В. Неврозы и защитно-адаптационные механизмы. Тюмень: ТюмГУ, 2016. 280 с.
8. Головешкин И. Д. Учебная практика как фактор успешной социально-психологической адаптации студентов первых курсов к условиям обучения в вузе на факультете психологии / И. Д. Головешкин, Н. В. Головешкина, А. Г. Маклаков // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2018. № 2. С. 82–91.
9. Дворецкая М. Я. Интегративная антропология: учебное пособие. СПб. : Институт практической психологии, 2003. 611 с.
10. Дементьева Е. А. Формирование ценностных и межличностных ориентаций в студенческом возрасте: теоретические аспекты / Е. А. Дементьева, Ю. В. Дремова // Globus. 2016. № 3. С. 10–16.
11. Карпушина Л. В. Психология ценностей российской молодежи: монография / Л. В. Карпушина, А. В. Капцов. Самара: СНЦ РАН, 2009. 252 с.
12. Кривцова Е. В. Толерантность личности в системе ценностного самоопределения: монография / Е. В. Кривцова, Т. Н. Мартынова [и др.]. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2014. 139 с.
13. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. Изд. 2-е, испр. М. : Смысл, 2003. 487 с.
14. Локаткова О. Н. Исследование взаимосвязи структурных компонентов эмоционально-волевой регуляции с личностными адаптивными способностями студентов-педагогов // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 3 (95). С. 81–85.
15. Маклаков А. Г. Адаптационные характеристики студентов вуза с разными типами функциональной асимметрии / А. Г. Маклаков, Е. А. Бойко // Психология XXI века. Вызовы нового времени. 2020. С. 27–29.
16. Медведев В. И. Адаптация человека: монография. СПб. : Институт психологии РАН, 2003. 551 с.
17. Налчаджян А. А. Социально-психологическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии). Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1988. 202 с.
18. Нежельская Г. Н. Социальная адаптация студентов к вузовской образовательной среде как педагогический феномен // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2020. № 5. С. 178–184.
19. Пряжников Н. Морально-ценностные основания процесса профессионального самоопределения в подростковом возрасте / Н. Пряжников, С. Молчанов, К. Кирсанов // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 62. С. 71–77.
20. Тужикова Е. С. Образ будущей работы студентов-первокурсников // Психология образования: проблемы и перспективы: материалы первой Международной научно-практической конференции. М., 2004. С. 185–186.
21. Тужикова Е. С. Предикторы академического выгорания у студентов выпускных курсов // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2023. № 6. С. 556–565.

22. Тужикова Е. С. Проявление компьютерной тревожности у студентов разных направлений подготовки // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13, № 2-1. С. 120–130.
23. Фурманова Н. В. Психологические характеристики адаптивной личности в период перехода к ранней взрослости: дис. … канд. психол. наук: 19.00.01 / Фурманова Наталия Викторовна. Ярославль, 2008. 198 с.
24. Чекалева Н. В. Исследование ценностно-смысловых ориентиров будущих педагогов // Познание и деятельность: от прошлого к настоящему. 2021. С. 156–158.
25. Шарафеева Л. Р. Развитие адаптационного потенциала личности молодых педагогов общего образования, как звено безопасности образовательной системы / Л. Р. Шарафеева, И. П. Истомина // XXII Всероссийская научно-практическая конференция Нижневартовского государственного университета. 2020. С. 498–502.
26. Щербакова Т. Н. Ценностное отношение к успеху как акмеологический фактор профессионального роста психологов / Т. Н. Щербакова, А. А. Киреев // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2013. № 12. С. 107–112.
27. Britt K. C. Exploring the Meaning of Spirituality and Spiritual Care with Help From Viktor Frankl / Britt K. C., Acton G. // Journal of Holistic Nursing. 2022. № 40(1). P. 46–55. URL: https://doi.org/10.1177/089801012110 (дата обращения: 11.12.2025).

References

1. Abul'hanova-Slavskaya K. A. Deyatel'nost' i psihologiya lichnosti. M. : Nauka, 1980. 335 s. (In Russ.).
2. Akol'zina S. I. Features of the socio-psychological adaptation of first-year university students // Skif. Voprosy studencheskoj nauki. 2023;2 (78): 87–92. (In Russ.).
3. Alekseev S. G. Cennostno-smyslovye orientiry deyatel'nosti pedagoga v usloviyah cifrovogo obshchestva: monografiya / S. G. Alekseev, T. YU. Alekseeva, L. N. Antilogova [i dr.]. Omsk: Izd-vo OmGPU, 2022. 400 s. (In Russ.).
4. Bakushkin I. A. The study of values and value orientations of the individual in the history of psychology. / I. A. Bakushkin, I. M. Il'icheva // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psihologiya. 2021;2 (56): 136–148. (In Russ.).
5. Barsukova A. A. Cennostnoe otnoshenie kak psihologo-pedagogicheskoe ponyatie / A. A. Barsukova, E. O. Mazurchuk, N. I. Mazurchuk // Aktual'nye problemy psihologii lichnosti. 2021. S. 31–35. (In Russ.).
6. Belov V. F. Razvitie cennostnogo otnosheniya k professii v social'no-kul'turnoj srede obrazovatel'nogo uchrezhdeniya: monografiya / V. F. Belov, A. I. YUdina, E. F. CHernyak. Kemerovo: Kuzbasskij gosudarstvennyj tekhnicheskij universitet imeni T.F. Gorbacheva, 2022. 237 s. (In Russ.).
7. Bogdanova M. V. Nevrozy i zashchitno-adaptacionnye mekhanizmy. Tyumen': TyumGU, 2016. 280 s. (In Russ.).
8. Goloveshkin I. D. Educational practice as a factor in the successful socio-psychological adaptation of first-year students to the conditions of studying at a university, at the Faculty of Psychology. / I. D. Goloveshkin, N. V. Goloveshkina, A. G. Maklakov // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2018;2: 82–91. (In Russ.).
9. Dvoreckaya M. YA. Integrativnaya antropologiya: uchebnoe posobie. SPb. : Institut prakticheskoj psihologii, 2003. 611 s. (In Russ.).
10. Dement'eva E. A. Formirovanie cennostnyh i mezhlichnostnyh orientacij v studencheskom vozraste: teoreticheskie aspekty / E. A. Dement'eva, YU. V. Dremova // Globus. 2016;3: 10–16. (In Russ.).
11. Karpushina L. V. Psihologiya cennostej rossijskoj molodezhi: monografiya / L. V. Karpushina, A. V. Kapcov. Samara : SNC RAN, 2009. 252 s. (In Russ.).
12. Krivcova E. V. Tolerantnost' lichnosti v sisteme cennostnogo samoopredeleniya: monografiya / E. V. Krivcova, T. N. Martynova [i dr.]. Kemerovo: Kemerovskij gos. un-t, 2014. 139 s. (In Russ.).
13. Leont'ev D. A. Psihologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti. Izd. 2-e, ispr. M. : Smysl, 2003. 487 s. (In Russ.).
14. Lokatkova O. N. A study of the relationship between the structural components of emotional and volitional regulation and the personal adaptive abilities of student teachers. // Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika. 2022;3 (95): 81–85. (In Russ.).
15. Maklakov A. G. Adaptacionnye harakteristiki studentov vuza s raznymi tipami funkcional'noj asimmetrii / A. G. Maklakov, E. A. Bojko // Psihologiya XXI veka. Vyzovy novogo vremeni. 2020. S. 27–29. (In Russ.).
16. Medvedev V. I. Adaptaciya cheloveka: monografiya. SPb. : Institut psihologii RAN, 2003. 551

s. (In Russ.).
17. Nalchadzhyan A. A. Social'no-psihologicheskaya adaptaciya lichnosti (formy, mekhanizmy i strategii). Erevan: Izd-vo AN Armyanskoj SSR, 1988. 202 s. (In Russ.).
18. Nezhel'skaya G. N. The social adaptation of students to the university educational environment as a pedagogical phenomenon. // Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta. 2020;5: 178–184. (In Russ.).
19. Pryazhnikov N. The moral and value-based foundations of the process of professional self-determination in adolescence. / N. Pryazhnikov, S. Molchanov, K. Kirsanov // Psihologicheskie issledovaniya. 2018. Vol. 11;62: 71–77. (In Russ.).
20. Tuzhikova E. S. Obraz budushchej raboty studentov-pervokursnikov // Psihologiya obrazovaniya: problemy i perspektivy: materialy pervoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. M., 2004. S. 185–186. (In Russ.).
21. Tuzhikova E. S. Prediktory akademicheskogo vygoraniya u studentov vypusknyh kursov // Gercenovskie chteniya: psihologicheskie issledovaniya v obrazovanii. 2023. № 6. S. 556–565. (In Russ.).
22. Tuzhikova E. S. The manifestation of computer anxiety among students of different fields of study. // Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya. 2024. Vol. 13;2-1: 120–130. (In Russ.).
23. Furmanova N. V. Psihologicheskie harakteristiki adaptivnoj lichnosti v period perekhoda k rannej vzroslosti: dis. … kand. psihol. nauk: 19.00.01 / Furmanova Nataliya Viktorovna. YAroslavl', 2008. 198 s. (In Russ.).
24. CHekaleva N. V. Issledovanie cennostno-smyslovyh orientirov budushchih pedagogov // Poznanie i deyatel'nost': ot proshlogo k nastoyashchemu. 2021. S. 156–158. (In Russ.).
25. SHarafeeva L. R. Razvitie adaptacionnogo potenciala lichnosti molodyh pedagogov obshchego obrazovaniya, kak zveno bezopasnosti obrazovatel'noj sistemy / L. R. SHarafeeva, I. P. Istomina // XXII Vserossijskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. S. 498–502. (In Russ.).
26. SHCHerbakova T. N. A value-based attitude towards success as an acmeological factor in the professional growth of psychologists. / T. N. SHCHerbakova, A. A. Kireev // Izvestiya YUzhnogo federal'nogo universiteta. Pedagogicheskie nauki. 2013;12: 107–112. (In Russ.).
27. Britt K. C. Exploring the Meaning of Spirituality and Spiritual Care with Help From Viktor Frankl / Britt K. C., Acton G. // Journal of Holistic Nursing. 2022;40(1): 46–55. Available from: https://doi.org/10.1177/089801012110 (data obrashcheniya: 11.12.2025).

Информация об авторе

Е. С. Тужикова *– кандидат психологических наук, доцент*

Information about the author

E. S. Tuzhikova *– Candidate of Sciences (Psychology), Docent*

Статья поступила в редакцию 10.08.2026;
одобрена после рецензирования 17.09.2026;
принята к публикации 28.09.2026.

The article was submitted 10.08.2026;
approved after reviewing 17.09.2026;
accepted for publication 28.09.2026.

Научная статья

УДК 159.9

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК КАНДИДАТОВ, РЕКОМЕНДОВАННЫХ И УСЛОВНО РЕКОМЕНДОВАННЫХ ПСИХОЛОГАМИ К СЛУЖБЕ В ВОЙСКАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ВНЕВЕДОМСТВЕННОЙ ОХРАНЫ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ-КУЗБАССА)

Татьяна Николаевна Громова[1], Ольга Артуровна Браун[2]
[1] Управление Росгвардии по Кемеровской области – Кузбассу, Кемерово, Россия
[2] Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
[1] gromtata@mail.ru
[2] oabraun09@rambler.ru

Аннотация. В статье представлены результаты сравнительного анализа личностных характеристик кандидатов, рекомендованных и условно рекомендованных психологами к службе в войсках национальной гвардии Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности профессионально-психологического отбора и психологического сопровождения сотрудников на испытательном сроке в условиях возросшей потребности в комплектовании подразделений Росгвардии. Целью исследования явилось выявление различий по ряду личностных характеристик, определяющих успешность профессиональной адаптации и дальнейшей служебной деятельности. В исследовании приняли участие 130 кандидатов, принятых во вневедомственную охрану Кемеровской области-Кузбасса в 2025 году. Диагностика осуществлялась при помощи методик: «Правосознание», ММИЛ, ВСК, тест локуса контроля и М-профиль. Установлено, что кандидаты, условно рекомендованные к службе, характеризуются более выраженной тревожностью, эмоциональной напряженностью, сниженным волевым самоконтролем и менее выраженным внутренним локусом контроля, недостаточной сформированностью отдельных компонентов правового сознания. Полученные результаты позволяют сформировать психологический профиль кандидатов группы риска и разработать рекомендации для их психологического сопровождения в период адаптации к службе.

Ключевые слова: психологическое сопровождение, Росгвардия, профессионально-психологический отбор, личностные особенности, адаптация

Для цитирования: Громова Т.Н., Браун О.А. Сравнительный анализ личностных характеристик кандидатов, рекомендованных и условно рекомендованных психологами к службе в войсках национальной гвардии Российской Федерации (на примере вневедомственной охраны Кемеровской области-Кузбасса) // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 131–141. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/014.pdf.

Original article

A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PERSONALITY CHARACTERISTICS OF CANDIDATES RECOMMENDED AND CONDITIONALLY RECOMMENDED BY PSYCHOLOGISTS FOR SERVICE IN THE TROOPS OF THE ROSGVARD OF THE RUSSIAN FEDERATION (USING THE EXAMPLE OF THE NON-DEPARTMENTAL SECURITY OF THE KEMEROVO REGION-KUZBASS)

Tatiana N. Gromova[1], Olga A. Braun[2]
[1] Rosgvard Administration for the Kemerovo Region – Kuzbass, Kemerovo, Russia
[2] Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
[1] gromtata@mail.ru

[2] oabraun09@rambler.ru

Abstract. This article presents the results of a comparative analysis of the personal characteristics of candidates recommended and conditionally recommended by psychologists for service in the Rosgvard. The relevance of the study stems from the need to improve the effectiveness of professional and psychological selection and psychological support for recruits in the context of the increased need to staff Rosgvard units. The aim of the study was to identify differences in a number of personal characteristics that determine the success of professional adaptation and subsequent career performance. The study involved 130 candidates accepted into the non-departmental security service of the Kemerovo Region-Kuzbass in 2025. The assessment was carried out using the following methods: "Legal Awareness," MMIL, VSK, the Locus of Control Test, and the M-Profile. It was found that candidates conditionally recommended for service are characterized by higher levels of anxiety, emotional tension, reduced volitional self-control, a less pronounced internal locus of control, and insufficient development of individual components of legal awareness. The obtained results make it possible to form a psychological profile of at-risk candidates and develop recommendations for their psychological support during the adaptation period to service.

Keywords: psychological support, professional psychological selection, Rosgvard, personal characteristics, adaptation

For citation: Gromova T.N., Braun O.A. A comparative analysis of the personality characteristics of candidates recommended and conditionally recommended by psychologists for service in the troops of the Rosgvard of the Russian Federation (using the example of the non-departmental security of the Kemerovo region-Kuzbass). Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36): 131–141. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/014.pdf.

© Громова Т.Н, Браун О. А., 2026

Введение

Одной из приоритетных задач психологической службы Росгвардии является психологическое сопровождение сотрудников, при этом особое внимание уделяется периоду адаптации к служебной деятельности [6; 7]. Эффективная организация психологического сопровождения невозможна без выделения «фокусных точек» воздействия и групп риска, которое происходит в момент приёма на службу, на основе данных полученных еще на этапе отбора кандидатов.

Служебная деятельность сотрудников вневедомственной охраны характеризуется повышенной ответственностью, необходимостью оперативного принятия решений, высоким уровнем эмоционального напряжения и готовностью к действиям в экстремальных ситуациях. В связи с этим личностные особенности кандидатов становятся одним из ключевых критериев их профессиональной пригодности.

В отечественной психологии профессиональная пригодность рассматривается как интегральная характеристика личности, отражающая степень соответствия индивидуально-психологических, психофизиологических и личностных качеств требованиям конкретной профессиональной деятельности. Она формируется в результате взаимодействия врожденных особенностей человека, уровня его развития, профессиональной подготовки и способности эффективно выполнять служебные задачи в различных условиях. В силовых структурах профессиональная пригодность имеет особое значение, поскольку ошибки, обусловленные недостаточным уровнем психологической готовности, могут привести не только к снижению эффективности выполнения служебных обязанностей, но и создать угрозу жизни и здоровью сотрудников и граждан [4; 6: 8].

Специфика профессиональной деятельности сотрудников вневедомственной охраны обусловлена необходимостью круглосуточного несения службы, высокой вероятностью возникновения нестандартных и потенциально опасных ситуаций, требующих быстрого анализа обстановки и принятия правомерных решений в условиях дефицита времени. Выполнение служебных задач сопровождается значительными психоэмоциональными нагрузками, регулярным взаимодействием с правонарушителями, необходимостью применения мер государственного принуждения, а также высокой ответственностью за сохранность охраняемых объектов и общественную безопасность. Подобные условия предъявляют повышенные требования к эмоциональной устойчивости, самоконтролю, способности к адаптации, коммуникативным навыкам и уровню развития волевой сферы личности [2].

В связи с этим профессионально-психологический отбор является важнейшим элементом системы кадрового обеспечения войск национальной гвардии Российской Федерации. Его цель заключается не только в выявлении лиц, способных успешно выполнять служебные обязанности, но и в прогнозировании вероятности возникновения профессиональной дезадаптации, нарушений дисциплины, конфликтного поведения, эмоционального выгорания и иных факторов, способных негативно повлиять на эффективность служебной деятельности, в соответствии с чем и формируются индивидуальные направления психологической поддержки и сопровождения сотрудников. Результаты психологического обследования позволяют оценить потенциальные ресурсы личности кандидата, степень выраженности факторов риска и составить прогноз успешности дальнейшего прохождения службы.

Основные положения

Трудовая деятельность специалистов экстремальных профессий предъявляет высокие требования к личности, так как сопряжена с необходимостью принятия решений в трудных и неопределенных условиях, в которых даже небольшая оплошность может провоцировать серьезные последствия. Выделение качеств личности, которые могут стать ресурсами её функционирования в сложных условиях профессиональной деятельности, а тем более тех качеств, которые напротив эту деятельность затрудняют необходимо еще на этапе отбора. Это позволит не только подобрать людей максимально соответствующих требованиям профессии, но и даст возможность психологам правильно организовать поддерживающую и коррекционную работу, для минимизации профессиональных ошибок и деструкций. Профессиональная деятельность в условиях стресса приводит к постоянному напряжению и как следствие истощению защитных механизмов, что существенно повышает риск выгорания, соматических и психических нарушений и других нежелательных последствий. Поэтому сотрудники экстремальных профессий нуждаются в дополнительной помощи и специальной программе по развитию необходимых навыков стрессоустойчивости, а также коррекции негативных эффектов, вызванных психическими нагрузками в процессе профессиональной деятельности [1; 17; 18].

Из-за глобализации и технологических инноваций деловая среда стала более сложной и неопределенной. Чтобы эффективно справляться с такой меняющейся средой, сотрудники должны проявлять инициативу, эффективно реагировать на изменения и справляться с ними, вместо того чтобы ждать, пока их руководители или организации проинструктируют их, что делать. Быть проактивным – значит взять под контроль ситуацию, а не наблюдать за ней [17; 20].

Исследователи выделяют целый комплекс качеств, необходимы представителям профессий экстремального профиля. Эти качества отражают высокий адаптационный потенциал, нервно-психологическую устойчивость и выносливость, активность, готовность к принятию нестандартных решений, самоконтроль, стрессоустойчивость, умение взаимодействовать с другими людьми, способность к прогнозированию и т. д. [1].

Одной из ведущих личностных характеристик для эффективности деятельности сотрудников и военнослужащих силовых структур, по нашему мнению, является эмоциональная устойчивость. Это – ключевое качество, без которого невозможно эффективное выполнение обязанностей в условиях постоянного воздействия стрессогенных факторов [8].

Безусловно, понятие эмоциональной устойчивости включает широкий спектр разнообразных интерпретаций. В настоящее время не существует единого подхода к определению понятия «эмоциональная устойчивость». Это связано как с комплексным характером самого явления, так и с разнообразием методических и методологических подходов к его изучению. Эмоциональная устойчивость изучается в рамках психологии экстремальных ситуаций, спортивной и военной психологии, педагогической психологии, и многих других. Соответственно авторы рассматривают эту характеристику с психологических, медицинских, социальных, педагогических и прочих аспектов. Выделяют как минимум четыре разных точки зрения на понятие эмоциональной устойчивости: первые определяют ее с позиции волевых проявлений, вторые как интегральное образование, третьи со стороны темперамента, и наконец, четвертые как стабильность эмоциональных реакций. В структуру эмоциональной устойчивости исследователи включают мотивационный, эмоциональный, волевой, интеллектуальный и поведенческий компоненты [16].

Мы рассматриваем эмоциональную устойчивость с позиции Л. И. Аболина, которая определяет ее как устойчивость эмоций, а не функциональную устойчивость человека к эмоциогенным условиям. Это эмоциональная стабильность, устойчивость эмоциональных состояний, отсутствие склонностей к частой смене эмоций [1].

Помимо эмоциональной устойчивости важной характеристикой для эффективного функционирования в условиях стресса является волевая регуляция. Уровень развития волевой регуляции, проявляющийся в готовности к преодолению препятствий в достижении цели, саморегуляции, способности к эффективному функционированию, несмотря на эмоциональное состояние, целеустремленности и т. д. может оказывать существенное влияние на процесс и результаты служебной деятельности.

Таким образом, развитие эмоциональной устойчивости и волевых качеств может рассматриваться как обязательный элемент программы адаптации молодых сотрудников.

В настоящее время психологическая диагностика кандидатов на службу осуществляется при помощи автоматизированной психодиагностической программы, по результатам прохождения которой система выдает интегрированную оценку уровня сформированности личностных качеств кандидата, на основании которой комиссией по профессиональному-психологическому отбору выносится заключение: «рекомендован в первую очередь» «рекомендован», «рекомендован условно» и «не рекомендован» [10]. С одной стороны, такой подход значительно снижает нагрузку на психологов и вероятность ошибок. С другой стороны, понимание личностных особенностей кандидатов, имеющих различные категории профессионально-психологического заключения, представляет, как теоретический, так и практический интерес. Выявление психологических различий между лицами, рекомендованными к службе без ограничений и рекомендованными условно, позволит дополнить описанные критерии профессиональной пригодности, повысить качество профессионально-психологического отбора, и что самое важное – даст возможность разработать план сопровождения в период адаптации к службе, для нивелирования личностных особенностей препятствующих эффективному выполнению профессиональных задач, что в итоге приведет к росту эффективности кадрового обеспечения подразделений вневедомственной охраны войск национальной гвардии Российской Федерации.

Исходя из всего вышеизложенного, была сформулирована цель исследования – выявить различия в личностных характеристиках кандидатов, рекомендованных и условно рекомендованных к службе.

Задачи исследования:

– провести анализ профессионально важных качеств сотрудников вневедомственной охраны;

– выявить различия в личностных характеристиках кандидатов, рекомендованных к службе и рекомендованных условно;

– сформулировать основные направления работы по психолого-педагогическому сопровождению кандидатов, рекомендованных условно, в период адаптации к службе.

Методы исследования

В исследовании приняли участие 130 кандидатов, принятых на службу во вневедомственную охрану Кемеровской области – Кузбасса в 2025 году. Выборка была разделена на две равные группы: 65 кандидатов, рекомендованных к службе; 65 кандидатов, рекомендованных к службе условно. Для изучения личностных и деловых качеств использовалась батарея психодиагностических методик, применяемая для проведения профессионального-психологического отбора на службу:

1. М-профиль – Модифицированный вариант методики «Мотивационный профиль» Ш. Ричи и П. Мартина. Методика позволяет оценить структуру профессионально-значимых мотивов. В основу теста положено сопоставление значимости 12 мотивационных факторов (потребностей), включающих материальные, социальные, творческие потребности, потребности в самореализации, власти, креативности и т. д. Опросник состоит из 33 утверждений, с 4 вариантами ответов на каждое. Испытуемому необходимо распределить 11 баллов между этими 4 вариантами. Чем выше уровень согласия, тем больше присваиваемый балл. В результате выявляются факторы мотивации, которые высоко оцениваются работником, а также те факторы, которым он придает мало значения [15].

2. Правосознание – оценка сформированности правового сознания и готовно-

сти придерживаться правовых норм в профессиональной деятельности и межличностных отношениях, гражданской зрелости (Л. А. Ясюкова). Методика представляет собой 13 вопросов, на которые предлагается 3 варианта ответа, каждый из вариантов отражает ориентацию на разные типы норм: правовые, групповые и абстрактно-гуманистические и промежуточный вариант. В итоге сумма полученных баллов говорит об уровне развития правосознания.

3. ММИЛ – методика многостороннего исследования личности (адаптация Ф. Березина, М. Мирошникова). Многофакторный личностный опросник, состоящий из 377 вопросов. Обработка результатов заключается в подсчете баллов по 3 оценочным и 9 клиническим (базовым) шкалам. Методика позволяет оценить личностные особенности кандидата, описать его основные паттерны поведения и спрогнозировать модель поведения в различных жизненных ситуациях, в том числе экстремальных [5].

4. Волевой самоконтроль (ВСК) – оценка уровня развития волевой саморегуляции (А. Зверкова, Е. Эйдман). Опросник направлен на обобщенную оценку индивидуального уровня развития волевой саморегуляции, под которым понимается мера овладения собственным поведением в различных ситуациях, т.е. способность сознательно управлять своими действиями, состояниями и побуждениями. Помимо общего индекса самоконтроля методика позволяет оценить уровень развития настойчивости и самообладания. В целом, чем выше полученный по результатам диагностики балл, тем более выражена изучаемая характеристика. Согласно многочисленным экспериментальным данным, особенности личностной саморегуляции во многом определяют индивидуальный стиль и конкретные проявления активности человека [19].

5. Локус контроля – оценка субъективной локализации контроля над значимыми событиями (модификация Е. Ксенофонтовой) [3; 4; 11; 12]. Методика разработана на основе опросника «УСК» Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкиной, А. М. Эткинда, состоит из 40 утверждений, на которые испытуемый отвечает «да» или «нет», результаты подсчитываются по 17 шкалам (8 основных и 9 вспомогательных). Наиболее общий показатель, который позволяет оценить методика – уровень интернальности личности. Несколько серий исследований показали, что люди, уверенные в своей компетенции и эффективности, с внутренним локусом контроля, лучше справляются с трудностями, а группы, сознающие свою коллективную эффективность, чаще предпринимают активные действия [12; 13; 14].

Статистическая обработка данных проводилась с использованием программного пакета Statistica 13.0. Для оценки значимости различий применялся t-критерий Стьюдента [9].

Результаты и их обсуждение

Особое практическое значение имеет разграничение категорий кандидатов, получивших заключение психологов «рекомендован к службе» и «рекомендован к службе условно». Несмотря на то, что обе категории допускаются к прохождению службы, условно рекомендованные кандидаты потенциально характеризуются более высоким риском возникновения затруднений в адаптации, сниженной стрессоустойчивостью и большей вероятностью внутриличностных и межличностных конфликтов, и не позволяют эффективно принимать адекватные решения в экстремальных ситуациях. В связи с этим, ранее таких кандидатов старались не принимать на службу или сводить их прием до 5–10 % в год, однако современные реалии вносят свои коррективы. В этих условиях возрастает актуальность поиска дополнительных показателей, позволяющих более точечно фокусировать психологическое сопровождение, прогнозировать успешность профессиональной адаптации и надежность служебной деятельности сотрудников данной категории.

Анализ мотивационно-потребностной сферы.

На первом этапе исследования был проведен сравнительный анализ мотивационно-потребностной сферы кандидатов по методике М-профиль, позволяющей оценить ведущие мотивы поступления на службу. Анализ результатов показал, что статистически значимых различий между группами по основным мотивационным

показателям выявлено не было. Это свидетельствует о том, что как рекомендованные, так и условно рекомендованные кандидаты примерно в одинаковых пропорциях демонстрируют ориентацию на сходные основания профессионального выбора, включая материальную заинтересованность, стремление к социальной значимости службы и профессиональной самореализации.

Анализ правосознания.

Следующим этапом исследования стало изучение уровня сформированности правосознания кандидатов.

Установлено, что по общей итоговой оценке правосознания статистически значимых различий между группами не выявлено. Однако значимые различия были зафиксированы по отдельным сферам (таблица 1).

Таблица 1 – Результаты сравнительного анализа личностных и деловых качеств кандидатов по методике «Правосознание» (средние баллы)

Table 1 – Results of a comparative analysis of personal and business qualities of candidates using the «Legal Awareness» methodology (average scores)

Характеристика	Рекомендованные (n=65)	Условно рекомендованные (n=65)	t-критерий	p
Правосознание (общий показатель)	4,040	3,953	1,774	0,078
*Бытовая сфера**	*7,046*	*5,861*	*4,146*	*< 0,001*
Деловая сфера	5,171	5,276	-0,361	0,718
*Гражданская сфера**	*6,562*	*5,784*	*2,129*	*0,035*
Правовые знания	6,015	5,461	1,892	0,060

Примечание: курсивом и знаком (*) выделены статистически значимые различия

Так, кандидаты, рекомендованные к службе, продемонстрировали более высокие показатели по бытовой сфере правосознания ($p < 0,001$), что свидетельствует о более высоком уровне понимания правовых норм и способности применять их в повседневной жизни.

Кроме того, значимые различия выявлены по гражданской сфере ($p = 0,035$), что указывает на более выраженную правовую зрелость и гражданскую ответственность у рекомендованных кандидатов.

Полученные результаты дают возможность предположить необходимость дополнительного правового сопровождения условно рекомендованных кандидатов в период их адаптации к службе, а также включения в программу адаптации мероприятий, направленных на расширение правовых знаний и развитие правового самосознания.

Анализ личностного профиля по методике ММИЛ

Сравнительный анализ личностного профиля по методике ММИЛ, позволил оценить эмоционально-личностные особенности кандидатов (таблица 2).

Таблица 2 – Результаты сравнительного анализа личностных и деловых качеств кандидатов по методике «ММИЛ» (средние баллы)

Table 2 – Results of a comparative analysis of personal and business qualities of candidates using the MMIL methodology (average scores)

Шкалы	Рекомендованные	Условно рекомендованные	t- критерий	p

L	4,923	4,800	0,469	0,640
*F**	*4,415*	*5,092*	*-2,213*	*0,029*
K	5,308	5,185	0,350	0,727
1 шкала	4,062	4,492	-1,448	0,150
*2 шкала**	*4,708*	*5,877*	*-3,545*	*<0,001*
3 шкала	5,000	5,046	-0,123	0,902
*4 шкала**	*3,600*	*4,723*	*-3,825*	*<0,001*
*5 шкала**	*4,231*	*5,369*	*-3,011*	*0,003*
6 шкала	4,600	4,723	-0,353	0,725
*7 шкала**	*4,369*	*5,723*	*-4,062*	*<0,001*
*8 шкала**	*4,215*	*5,415*	*-4,587*	*<0,001*
9 шкала	5,108	5,400	-0,881	0,380
*0 шкала**	*5,323*	*6,754*	*-4,159*	*<0,001*

Примечание: курсивом и знаком (*) выделены статистически значимые различия

В группе кандидатов, рекомендованных к службе, профиль в целом характеризуется относительной эмоциональной устойчивостью и отсутствием выраженных пиков по клиническим шкалам.

В группе условно рекомендованных кандидатов выявлен более напряженный и внутренне конфликтный профиль. Статистически значимые различия установлены по шкалам:

1) F (p = 0,029),
2) 2 шкала (депрессивность, $p < 0,001$),
3) 4 шкала (импульсивность / конфликтность, $p < 0,001$),
4) 5 шкала (личностная дисгармония, $p = 0,003$),
5) 7 шкала (тревожность, $p < 0,001$),
6) 8 шкала (аутизация, $p < 0,001$),
7) 0 шкала (социальная интроверсия, $p < 0,001$).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что для условно рекомендованных кандидатов более характерны: повышенная тревожность, эмоциональная напряженность, склонность к депрессивным переживаниям, снижение социальной адаптивности; тенденция к внутренней конфликтности. Все это свидетельствует о необходимости уже на этапе адаптации к службе проводить психолого-педагогическую работу, направленную на три важных направления:

– умение осознавать, понимать, анализировать свои собственные эмоции (рефлексия);

– научиться контролировать и регулировать свои эмоции (самоконтроль и саморегуляция);

– научиться понимать, прогнозировать эмоции других людей в различных жизненных ситуациях, в том числе при взаимодействии с другими людьми (эмоциональный интеллект).

Анализ волевой сферы

Оценка уровня развития волевой саморегуляции по методике А. Зверкова, Е. Эйдман, подтвердила существенные различия между группами (таблица 3)

Таблица 3 – Результаты сравнительного анализа личностных и деловых качеств кандидатов по методике «ВСК» (средние баллы)

Table 3 – Results of a comparative analysis of personal and business qualities of candidates using the VSK methodology (average scores)

Шкалы	Рекомендованные	Условно рекомендованные	t-критерий	p
Волевой	*7,062*	*6,169*	*2,957*	*0,004*

*самоконтроль**				
*Настойчивость**	*6,985*	*6,031*	*3,372*	*< 0,001*
*Самообладание**	*6,323*	*5,585*	*2,989*	*0,003*

Примечание: курсивом и знаком (*) выделены статистически значимые различия

Кандидаты, рекомендованные к службе условно, демонстрируют более низкий уровень самоконтроля, меньшую способность к регуляции поведения и недостаточную устойчивость в стрессовых ситуациях. Выявленные различия логически подтверждают результаты, полученные по методике ММИЛ.

Высокие значения шкал теста ВСК характерны для лиц эмоционально зрелых, активных, независимых, самостоятельных. Их отличает спокойствие, уверенность в себе, ответственность, устойчивость намерений, реалистичность взглядов, развитое чувство долга. Как правило, они хорошо осознают собственные мотивы, планомерно реализуют свои намерения, умеют распределять собственные усилия, способны контролировать свои поступки, обладают выраженной социально-позитивной направленностью. В предельных случаях возможно нарастание внутренней напряженности, связанной со стремлением проконтролировать каждый нюанс собственного поведения и тревогой по поводу малейшей его возможной спонтанности.

Низкий балл по шкалам методики наблюдается у людей чувствительных, ранимых, неуверенных в себе. Рефлексивность у таких людей невысока. Общий фон активности, как правило, снижен. Им свойственна импульсивность и неустойчивость намерений. Это может быть связано как с незрелостью, так и с выраженной утонченностью натуры, не подкрепленной способностью к рефлексии и самоконтролю. Таким образом, психологическое сопровождение в данном случае также может быть направлено на обучение навыкам саморегуляции, с разбором основных жизненных ситуаций, вызывающих эмоциональную неустойчивость и напряжение.

Анализ локуса контроля.

Сходные тенденции подтверждаются и результатами методики «Локус контроля» (таблица 4).

Таблица 4 **–** Результаты сравнительного анализа личностных и деловых качеств кандидатов по методике «Локус контроля» (средние баллы)

Table 4 – Results of a comparative analysis of personal and business qualities of candidates using the «Locus of Control» method (average scores)

Шкалы	Рекомендованные	Условно рекомендованные	t-критерий	p
*Интернальность общая**	*6,385*	*5,277*	*4,178*	*<0.001*
*Интернальность в профессиональной деятельности**	*6,092*	*5,200*	*3,478*	*<0.001*
*Интернальность в межличностном общении**	*6,031*	*4,892*	*3,508*	*<0.001*
*Готовность к деятельности**	*6,138*	*5,323*	*3,514*	*<0.001*
*Интернальность в семейных взаимоотношениях**	*5,415*	*4,323*	*3,271*	*0,001*
*Интернальность здоровья**	*5,708*	*4,954*	*3,098*	*0,002*
*Интернальность достижений**	*6,554*	*5,400*	*4,566*	*<0.001*
Интернальность неудач	5,754	5,323	1,620	0,108

Примечание: курсивом и знаком (*) выделены статистически значимые различия

По большинству шкал выявлены статистически значимые различия в пользу кандидатов, рекомендованных к службе: общая интернальность; интернальность в профессиональной деятельности; интернальность достижений; интернальность в межличностном общении; готовность к деятельности; интернальность здоровья.

Это свидетельствует о большей личностной зрелости кандидатов, рекомендованных к службе, чем рекомендованных условно, о готовности брать ответственность за свои действия и более высоком

уровне субъектности. Высокие показатели по шкале характеризуют человека с внутренним локусом контроля, проявляющимся в разнообразных жизненных ситуациях. Такие люди отличаются уверенностью в том, что силы, влияющие на судьбу человека, находятся внутри его самого. То, что происходит с человеком, в значительной степени является результатом его активности, и, следовательно, ответственность за собственную жизнь лежит на самом человеке, а не на каких-либо других, внешних по отношению к нему, силах.

В свою очередь кандидаты, рекомендованные условно, характеризуются относительно большей убежденностью, что все события их жизни зависят от внешних обстоятельств, все предопределено кем-то и у них совершенно нет возможности что-то изменить, а, следовательно, нет смысла прилагать какие-либо личные усилия. В плане психолого-педагогического сопровождения это говорит о необходимости проведения обсуждения различных жизненных ситуация, с целью развития навыков анализа и рефлексии своего поведения и эмоций.

Проведенное исследование позволило сформировать психологический профиль кандидата, рекомендованного к службе: развитая эмоциональная устойчивость, самоконтроль, высокий уровень настойчивости в достижении целей, развитая внутренняя ответственность, зрелый интернальный локус контроля.

Напротив, для условно рекомендованных кандидатов характерны: повышенная тревожность, эмоциональная нестабильность, выраженная невротизация, снижение волевого контроля; избегание ответственности, и как следствие трудности социальной адаптации. Эти особенности могут выступать факторами риска в процессе профессиональной адаптации к служебной деятельности, а значит должны являться предметом наблюдения и коррекции со стороны непосредственных руководителей, наставников и психологов подразделений, в которых служат сотрудники.

Выводы

Основная цель данного исследования состояла в выявлении различий в личностных характеристиках кандидатов рекомендованных и условно рекомендованных к службе.

Анализ результатов диагностики позволил установить, что выявленные отличия в первую очередь относятся к эмоционально-волевой сфере и особенностям саморегуляции, что соответствует существующим представлениям о профессионально важных качествах в профессиях экстремального профиля.

Так для кандидатов, рекомендованных условно, характерны: повышенная тревожность, эмоциональная напряженность, склонность к депрессивным переживаниям, снижение социальной адаптивности, тенденция к внутренней конфликтности. Относительно большая убежденность, что все события их жизни зависят от внешних обстоятельств, что все предопределено кем-то и у них совершенно нет возможности что-то изменить, а, следовательно, нет смысла прилагать какие-либо личные усилия.

Кроме того, кандидаты, рекомендованные условно демонстрируют более низкий уровень сформированности правового сознания, в части понимания правовых норм и способности применять их в повседневной жизни. Это свидетельствует о необходимости дополнительной развивающей работы на этапе адаптации, включающей обучение правовым основам.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что условно рекомендованные кандидаты нуждаются в более тщательном психолого-педагогическом сопровождении в период адаптации, направленном на развитие эмоционально-волевой сферы личности, эмоционального интеллекта, расширение эмоционального кругозора, обучение навыкам продуктивной рефлексии, способам саморегуляции и самоконтроля. Все это возможно с помощью комплекса мероприятий разных форм реализации: занятия с психологом (индивидуальные и групповые), психологические тренинги, практические занятия с наставниками и непосредственными руководителями, постоянное совершенствования профессионально важных навыков и углубление правовых и знаний.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных данных психологами подразделений и непосредственными командирами для организации адресной профилактической и коррекционной работы, направленной на снижение риска дезадаптации и повышение эффективности служебной деятельности молодых сотрудников.

Список источников

1. Аболин Л. М. Эмоциональные механизмы продуктивных форм соревновательного действия спортсменов // Теория и практика физической культуры. 1986. № 12. С. 19–21.

2. Алиев У. С. Психологическая технология повышения стрессоустойчивости у представителей экстремальных профессий // Психология человека в образовании. 2021. Т. 3, № 4. С. 372–384. DOI: https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-4-372-384.
3. Бажин Е. Ф. Метод исследования уровня субъективного контроля /Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкин, А. М. Эткинд // Психологический журнал.1984. Т. 5, № 3. С. 152–162.
4. Белашева И. В. Психологическое обеспечение служебной деятельности: курс лекций / И. В. Белашева, И. Н. Польшакова, М. Л. Есаян. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2018. 178 с.
5. Бурлачук Л. Ф. Словарь-справочник по психодиагностике / Л. Ф. Бурлачук, С. М. Морозов. СПб. : Питер Ком, 1999. 519 с.
6. Военная психология: концепты, направления и интервенции / под ред. Н. Махешвари, В. В. Кумара; пер. с англ. С. В. Герова. Харьков: Гуманитарный Центр, 2022. 394 с.
7. Головков Д. А. Юридическая психология: учебное пособие / Д. А. Головков, П. И. Пархимович. Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2004. 142 с.
8. Горбач Н. А. Особенности профессиональной адаптации молодых сотрудников к службе в ОВД / Н. А. Горбач, В. А. Матросов, В. С. Ткаченко // Психопедагогика в правоохранительных органах. 1998. № 2 (8). С. 35–40.
9. Каган Е. С. Прикладной статистический анализ данных: учебное пособие. Кемерово: КемГУ, 2018. 235 с.
10. Краснов И. В. К вопросу профессионального психологического отбора граждан, подлежащих призыву на военную службу в войска национальной гвардии Российской Федерации // Современное педагогическое образование. 2021. № 6. С. 20–24.
11. Кривощёков С. Г. Психофизиология: учебное пособие / С. Г. Кривощёков, Р. И. Айзман. М.: ИНФРА-М, 2024. 249 с.
12. Ксенофонтова Е. Г. Исследование локализации контроля личности – новая версия методики «Уровень субъективного контроля» // Психологический журнал. 1999. Т. 20, № 2. С. 103–114.
13. Майерс Д. Социальная психология. СПб. : Питер Ком, 1998. 688 с.
14. Новейший психолого-педагогический словарь / сост. Е. С. Рапацевич; под общ. ред. А. П. Астахова. Минск: Современная школа, 2010. 928 с.
15. Ричи Ш. Управление мотивацией: учебное пособие / Ш. Ричи, П. Мартин; пер. с англ. под ред. Е. А. Климова. М. : ЮНИТИ, 2004. 399 с.
16. Туманов В. Д. Психологическая готовность сотрудников органов внутренних дел к действиям в экстремальных условиях. Домодедово, 1994. 39 с.
17. Чжан Сяомэн. Психологический интеллект. Главная книга для формирования эмоциональной устойчивости. М. : МИФ, 2025. 384 с.
18. Щербатых Ю. В. Психология стресса и методы коррекции. СПб. : Питер, 2006. 256 с.
19. Эйдман Е. В. Волевая регуляция деятельности в условиях предельных физических напряжений: дис. ... канд психол. наук: 19.00.01 / Эйдман Евгений Владимирович. М., 1986. 275 с.
20. Emotion and Proactivity at Work: Prospects and Dialogues / ed. by K. Z. Peng, Ch.-H. Wu. Bristol: Bristol University Press Publ, 2021. 348 p.

References

1. Abolin L. M. Emotional mechanisms underlying productive forms of athletes' competitive action // Teoriya i praktika fizicheskoj kul'tury. 1986;12: 19–21. (In Russ).
2. Aliev U. S. Psychological technology for enhancing stress resistance in representatives of extreme professions. // Psihologiya cheloveka v obrazovanii. 2021. Vol. 3;4: 372–384. DOI: https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-4-372-384. (In Russ).
3. Bazhin E. F. Method for studying the level of subjective control /E. F. Bazhin, E. A. Golynkin, A. M. Etkind // Psihologicheskij zhurnal.1984. Vol. 5;3: 152–162. (In Russ).
4. Belasheva I. V. Psihologicheskoe obespechenie sluzhebnoj deyatel'nosti: kurs lekcij / I. V. Belasheva, I. N. Pol'shakova, M. L. Esayan. Stavropol': Severo-Kavkazskij federal'nyj universitet, 2018. 178 s. (In Russ).
5. Burlachuk L. F. Slovar'-spravochnik po psihodiagnostike / L. F. Burlachuk, S. M. Morozov. SPb. : Piter Kom, 1999. 519 s. (In Russ).
6. Voennaya psihologiya: koncepty, napravleniya i intervencii / pod red. N. Maheshvari, V. V. Kumara; per. s angl. S. V. Gerova. Har'kov: Gumanitarnyj Centr, 2022. 394 s. (In Russ).
7. Golovkov D. A. YUridicheskaya psihologiya: uchebnoe posobie / D. A. Golovkov, P. I. Parhimovich. Minsk: Akademiya MVD Respubliki Belarus', 2004. 142 s. (In Russ).
8. Gorbach N. A. Features of the professional adaptation of young employees to service in the internal affairs bodies / N. A. Gorbach, V. A. Matrosov, V. S. Tkachenko // Psihopedagogika v

pravoohranitel'nyh organah. 1998;2 (8): 35–40. (In Russ).
9. Kagan E. S. Prikladnoj statisticheskij analiz dannyh: uchebnoe posobie. Kemerovo: KemGU, 2018. 235 s. (In Russ).
10. Krasnov I. V. Regarding the issue of professional psychological selection of citizens subject to conscription for military service in the National Guard troops of the Russian Federation. // Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. 2021;6: 20–24.
11. Krivoshchyokov S. G. Psihofiziologiya: uchebnoe posobie / S. G. Krivoshchyokov, R. I. Ajzman. M.: INFRA-M, 2024. 249 s. (In Russ).
12. Ksenofontova E. G. A study of the localization of personal control – a new version of the "Level of Subjective Control" methodology. // Psihologicheskij zhurnal. 1999. Vol. 20;2: 103–114. (In Russ).
13. Majers D. Social'naya psihologiya. SPb. : Piter Kom, 1998. 688 s. (In Russ).
14. Novejshij psihologo-pedagogicheskij slovar' / sost. E. S. Rapacevich; pod obshch. red. A. P. Astahova. Minsk: Sovremennaya shkola, 2010. 928 s. (In Russ).
15. Richi SH. Upravlenie motivaciej: uchebnoe posobie / SH. Richi, P. Martin; per. s angl. pod red. E. A. Klimova. M. : YUNITI, 2004. 399 s. (In Russ).
16. Tumanov V. D. Psihologicheskaya gotovnost' sotrudnikov organov vnutrennih del k dejstviyam v ekstremal'nyh usloviyah. Domodedovo, 1994. 39 s. (In Russ).
17. CHzhan Syaomen. Psihologicheskij intellekt. Glavnaya kniga dlya formirovaniya emocional'noj ustojchivosti. M. : MIF, 2025. 384 s. (In Russ).
18. SHCHerbatyh YU. V. Psihologiya stressa i metody korrekcii. SPb. : Piter, 2006. 256 s. (In Russ).
19. Ejdman E. V. Volevaya regulyaciya deyatel'nosti v usloviyah predel'nyh fizicheskih napryazhenij: dis. ... kand psihol. nauk: 19.00.01 / Ejdman Evgenij Vladimirovich. M., 1986. 275 s. (In Russ).
20. Emotion and Proactivity at Work: Prospects and Dialogues / ed. by K. Z. Peng, Ch.-H. Wu. Bristol: Bristol University Press Publ, 2021. 348 p. (In Russ).

Информация об авторах

О. А. Браун *– кандидат психологических наук, доцент*

Information about the authors

O. A. Braun *– Candidate of Sciences (Psychology), Docent*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.08.2026;
одобрена после рецензирования 17.08.2026;
принята к публикации 28.09.2026.

The article was submitted 06.08.2026;
approved after reviewing 17.08.2026;
accepted for publication 28.09.2026.

Научная статья

УДК 159.9, 355.23

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВМЕСТНОЙ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОИНСКИХ КОЛЛЕКТИВОВ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

Любовь Юрьевна Бабошкина[1], Регина Ахнафовна Яфизова[2], Лариса Валерьевна Фролова[3]
[1, 3] Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
[2] Институт машиноведения им. А.А. Благонравова РАН, Москва, Россия
[1] baboshkina.word@mail.ru
[2] yafizovara@imash.ru
[3] nvinsk@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются социально-психологические аспекты совместной проектной деятельности воинских коллективов в условиях реализации инновационных проектов. Обосновывается значимость совместной деятельности как важнейшего фактора повышения эффективности профессиональной подготовки и формирования кадрового потенциала в условиях высокотехнологичного развития. Проведен анализ научных подходов к пониманию сотрудничества, кооперации и взаимодействия в коллективной деятельности, раскрыты психологические механизмы, влияющие на результативность проектной работы. В современных условиях особую значимость приобретает изучение социально-психологических механизмов функционирования коллективов, осуществляющих профессиональную деятельность в сложных организационных системах. Эффективность выполнения задач в значительной степени определяется характером взаимодействия участников, уровнем их психологической готовности к совместной деятельности, а также сформированностью навыков кооперации и согласования индивидуальных и групповых целей. Особое внимание уделено исследованию структуры совместной деятельности, роли мотивационных и эмоционально-волевых компонентов, а также особенностям формирования социально-психологической готовности участников к эффективному взаимодействию. Представлена модель совместной проектной деятельности, ориентированная на развитие инженерно-технических способностей и инновационного потенциала участников. Рассмотрены подходы к диагностике групповой совместимости и формированию эффективных проектных коллективов. Показано, что совместная проектная деятельность выступает важным элементом психолого-педагогического обеспечения подготовки специалистов и развития воинских коллективов, обеспечивая формирование профессионально значимых компетенций, навыков взаимодействия и способности к решению сложных задач. Результаты исследования соответствуют направлениям изучения психологии коллективов и социально-психологических явлений деятельности, а также вопросам совершенствования образовательной и профессиональной подготовки кадров.

Ключевые слова: совместная деятельность, проектная деятельность, воинские коллективы, социально-психологические явления, психология коллективов, профессиональная подготовка, психолого-педагогическое обеспечение, групповая совместимость, инновационные проекты, человеческий капитал, профессиональные компетенции, инженерно-технические способности

Для цитирования: Бабошкина Л.Ю., Яфизова Р.А., Фролова Л.В. Психологические аспекты совместной проектной деятельности воинских коллективов в условиях реализации инновационных проектов // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 142–150. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/015.pdf.

Original article

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF JOINT PROJECT ACTIVITY OF MILITARY TEAMS IN THE CONTEXT OF IMPLEMENTING INNOVATIVE PROJECTS

Lyubov' Yu. Baboshkina[1], Regina A. YAfizova[2], Larisa V. Frolova[3]
[1, 3] Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
[2] A.A. Blagonravov Institute of Mechanical Engineering of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
[1] baboshkina.word@mail.ru
[2] yafizovara@imash.ru
[3] nvinsk@mail.ru

Abstract. The article examines the socio-psychological aspects of joint project activities of military teams in the context of implementing innovative projects. The significance of joint activities as a key factor in enhancing the effectiveness of professional training and building human resources in the context of high-tech development is substantiated. An analysis of scientific approaches to understanding cooperation, collaboration, and interaction in collective activities is carried out, and the psychological mechanisms influencing the effectiveness of project work are revealed. In modern conditions, the study of the socio-psychological mechanisms of the functioning of teams engaged in professional activities within complex organizational systems is of particular importance. The effectiveness of task completion is largely determined by the nature of the participants' interaction, the level of their psychological readiness for joint activity, and the level of development of their cooperative skills.

Keywords*:* joint activity, project activity, military collectives, socio-psychological phenomena, group psychology, professional training, psychological and pedagogical support, group compatibility, innovative projects, human capital, professional competencies, engineering and technical abilities

For citation: Baboshkina L.Yu., Yafizova R.A., Frolova L.V. Psychological aspects of joint project activity of military teams in the context of implementing innovative projects. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36): 142–150. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/015.pdf.

© Бабошкина Л.Ю., Яфизова Р.А., Фролова Л.В., 2026

Введение

В настоящее время перед Россией возникает большое количество вызовов, которые необходимо оперативно решать для дальнейшего устойчивого развития страны, достижения технологической независимости, укрепления экономики инновационного типа. Важнейшей составляющей инновационной экономики является формирование эффективно функционирующего кадрового потенциала, отвечающего требованию непрерывного обновления знаний, умений и навыков. Постоянное и разностороннее развитие персонала необходимо, так как именно люди, их личные качества и компетенции являются одним из основных факторов конкурентоспособности. Особенно это касается уникальных специалистов, которые обладают ключевыми для компании компетенциями и являются востребованными во многих проектах.

Характерные для современного общества процессы глобализации, интеграции и внедрение цифровых технологий, в том числе технологий генеративного искусственного интеллекта, выводят на первый план необходимость развития человеческого капитала за счет организации совместной деятельности. Это все более явно отражается в современной экономике в форме создания конечных продуктов, товаров или услуг через осуществление проектной деятельности и ее поддержку со стороны государства, бизнеса и институтов образования.

Проектная деятельность – это способ достижения конечного результата в условиях ограниченности по срокам и ресурсам посредством организации совместной деятельности группы людей с набором определенных компетенций. Так как проектная деятельность – это совместная деятельность группы людей, то это означает, что достигаемый результат зависит от всех участников группы, реализующей его. При этом важным аспектом совместной деятельности являются психологические особенности по готовности к взаимодействию, кооперации и сотрудничеству.

Основные положения

В данном контексте проектная деятельность выступает не только как организационная форма достижения результата, но и как педагогический инструмент формирования профессионально значимых качеств личности, обеспечивающих способность к эффективному взаимодействию, принятию решений и выполнению задач в условиях ограниченных ресурсов и высокой ответственности.

Анализ научных работ дает основание рассматривать сотрудничество как согласованную совместную и ценностно-значимую для участников деятельность, приводящую к достижению общих целей и результатов, к решению участниками значимой для них задачи. Многочисленные

теоретические и прикладные исследования, посвященные проблемам эффективности совместной деятельности, психологических важных качеств личности, доказывают, что эффективность любой деятельности определяется множеством факторов (А. А. Бодалев, 1982; А. А. Деркач, 1993; В. Б. Дурнева, 2010; В. Г. Зазыкин; Л. Н. Захарова, 1997; Е. А. Климов, 2000; Ю. В. Чуфаровский, 1996 и др.). В то же время, объясняя термин «кооперация» (лат. cooperatio – сотрудничество), психологи имеют в виду «одну из форм организации межличностного взаимодействия, которая характеризуется как объединение усилий участников для достижения общей цели с помощью одновременного разделения между ними функций, ролей и обязанностей».

С. Альпер, Д. Тжосволд и К. Ло определяют кооперативное поведение как деятельность, участники которой обмениваются информацией, учитывают мнение друг друга, общаются и оказывают влияние друг на друга [1, 2]. Они обмениваются ресурсами деятельности, содействуют друг другу и оказывают поддержку, открыто обсуждают противоположные мнения, совместно принимают решения, укрепляя рабочие отношения и готовность к сотрудничеству в будущем, что является базовой основой для выполнения любого проекта.

Нельзя отрицать того факта, что сотрудничество, а точнее опыт сотрудничества, оказывает сильное влияние на успешность деятельности в целом. При этом опыт сотрудничества является одним из компонентов регуляторного опыта, который обеспечивает возможность осознанной саморегуляции произвольной активности. Сущностной характеристикой опыта сотрудничества, по мнению А. К. Осницкого, является объединение усилий по достижению целей совместной деятельности в совокупности с другими компонентами регуляторного опыта [8]. Таким образом, сотрудничество – ситуация согласованного целенаправленного взаимодействия равноправных (равностатусных) субъектов деятельности, которая является одинаково значимой для них и не связанной с потенциальной конфликтностью в силу ожидания общей для партнеров оценки за процесс и результат их совместных усилий.

Т. Тайлер и С. Блэйдер, изучая особенности организации совместной деятельности, выделяют два типа сотрудничества – принудительное, регламентированное нормами и санкциями, и «дискреционное» – добровольное, осуществляемое по собственной инициативе [3]. По мнению авторов, только последний тип сотрудничества может лежать в основе эффективной совместной деятельности.

Таким образом, можно сказать, что сотрудничество – это форма социального взаимодействия между людьми, проявляющаяся в подражании, общении, кооперации и являющаяся источником психического развития. Неотъемлемыми признаками совместной деятельности являются единая цель, общая мотивация, объединение индивидуальных деятельностей каждого из участников, разделение единого процесса деятельности на отдельные функционально связанные операции и их распределение между участниками и др.

Если рассматривать сотрудничество в профессиональной деятельности, то опыт сотрудничества является компонентом социальной компетентности личности [4, 6, 9]. Он обеспечивает перспективность социально-профессиональной реализации будущего специалиста через гармоничное и бесконфликтное взаимодействие в социальной среде профессиональной деятельности. Так, современный сотрудник должен обладать умениями работать в команде, эффективно общаться с коллегами, руководством, клиентами, взаимодействовать со всеми участниками профессиональной среды по различным линиям сотрудничества (сотрудник – клиент, сотрудник – коллектив, сотрудник – сотрудник и др.), то есть иметь сформированные «мягкие» навыки.

Совместная деятельность в рамках проектных коллективов представляет собой сложное социально-психологическое образование, в котором взаимодействие участников определяется не только распределением функций, но и особенностями межличностных отношений, уровнем доверия, согласованностью мотивационных установок и степенью включенности в общий результат.

В процессе анализа структуры совместной деятельности все большее внимание обращает на себя факт, что ее нельзя свести к сумме индивидуальных деятельностей участников, так как совместная деятельность является сложным образованием, в котором ее составные элементы специальным образом взаимосвязаны друг с другом и представляют собой единое неделимое целое. Более того, встраиваясь в структуру совместной деятельности, индивидуальная деятельность участников претерпевает существенные изменения.

Так, с позиции А. Л. Журавлева «совместная деятельность преобразует структуры индивидуальных деятельностей, однако не за счет устранения или исключения каких-то отдельных компонентов индивидуальной деятельности, а, наоборот, за счет их взаимного дополнения и качественного обогащения в условиях совместной деятельности» [5]. Это свидетельствует о том, что эффективность совместной деятельности обусловлена не только профессиональной подготовленностью участников, но и их способностью к социально-психологической адаптации, принятию групповых норм и интеграции в коллективную систему взаимодействия.

Важным условием совместной деятельности является то, что необходимо объединять, распределять и согласовывать индивидуальные деятельности, что значительным образом усложняет ее структуру и предъявляет особые требования к участникам совместной деятельности. Для достижения оптимального уровня совместной работы необходим баланс между индивидуальными и групповыми целями участников. При высоком уровне организации совместной деятельности, построенном на сотрудничестве, личные цели и задачи становятся второстепенными, уступая место групповым интересам и запросам.

В совместной деятельности происходит также объединение индивидуальных мотивов деятельности, которые могут взаимно усиливать или ослаблять друг друга. Как подчеркивает Б. Ф. Ломов, в результате совместной деятельности может происходить «обогащение» мотивационной сферы участников, либо столкновение мотивов, которое способно привести к разрушению, невозможности осуществления совместной работы [7].

В этом ключе готовность к осуществлению совместной (проектной) деятельности играет важную роль для качества получаемого итогового результата. Проблема создания условий для развития способности к сотрудничеству в совместной деятельности неимоверно актуальна, особенно она востребована для решения задач по созданию высокотехнологичной продукции. Ярко проявление такого рода деятельности можно увидеть в эндогенной модели развития человеческого капитала, когда на базе вузов за счет объединения усилий теоретиков и практиков появляются новые продукты и технологии и осуществляется их непосредственная коммерциализация через создание бизнес-инкубаторов и малых инновационных компаний. Таким образом, очевидно, что университет является одним из ключевых игроков, формирующих навыки проектной деятельности и культуру эффективного взаимодействия при проведении научно-исследовательской работы среди молодежи.

На основании анализа исследований зарубежных и отечественных авторов по проблеме моделирования проектной совместной деятельности молодежных исследовательских коллективов была сформулирована основная терминология, на которую авторы данной статьи ориентируются в своих дальнейших исследованиях, изложенная далее.

Совместная деятельность – осуществляемое под руководством взаимодействие активности индивидов, находящихся во временном и пространственном соприсутствии и движимых достижением единой цели, при обязательном разделении процесса между ними.

Коллектив – группа людей, осуществляющих совместную деятельность, в том числе и проектную, по достижению поставленной цели. Коллективы могут носить временный и постоянный характер.

Проектная деятельность – совместная учебная, познавательная, творческая или игровая деятельность людей, имеющая общую цель, согласованные методы, способы деятельности, направленная на достижение общего результата.

Проект – решение специализированной задачи либо решение внутренних производственных задач.

Исследовательская деятельность – деятельность людей, связанная с решением творческой, исследовательской задачи с заранее неизвестным решением.

Основными отличительными особенностями проектной деятельности являются ограниченность временными рамками, создание уникального результата и последовательность разработки.

Важно понимать, что в современных экономических условиях значимым фактором является не просто проведение исследовательских работ и получение результатов интеллектуальной деятельности (РИД), что несомненно ценно для самих исследователей, а возможность трансфера их в продукт, который будет востребован конечным потребителем. В настоящее время государство активно поддерживает различные программы и конкурсы, способствующие росту таких возможностей, а также разрабатывает дополнительные ин-

струменты, помогающие коммерциализации бизнес-идей молодежи.

Успешная реализация проектной деятельности зависит от способностей членов проектной группы. С целью формирования коллективов, способных привносить наибольший вклад в решение поставленных задач, необходимо помогать им формировать и развивать инженерно-технические способности. Для этого авторами была разработана модель совместной проектной деятельности молодежных исследовательских коллективов по реализации технических и инженерных проектов, в основе которой лежит задача по развитию инженерно-технических способностей (таблица).

Таблица – Модель совместной проектной деятельности

Table – Model of collaborative project activity

Этапы проектной деятельности	**Цели и задачи**	**Развиваемые компоненты инженерно-технических способностей и инновационного потенциала**	**Результат этапа**
Представление о конечном результате деятельности	1. Первое знакомство с проблемой. 2. Формирование конечного результата, т.е. цели совместной деятельности	1. Личностная креативность. 2. Творческое мышление. 3. Мотивация достижения успеха	Понимание цели деятельности и представление о конечном продукте
Этап проектирования	1. Изучение теоретического материала по теме. 2. Подбор необходимых методов исследования	1. Техническое мышление. 2. Инженерное мышление. 3. Инженерно-технические способности	1. Сформулированные основные теоретические выводы. 2. Сформированный исследовательский аппарат
Этап реализации проекта	1. Непосредственное осуществление проекта	1. Инженерно-технические способности	1. Умение обрабатывать полученные данные. 2. Умение описывать полученный результат
Осмысление полученных результатов исследования	1. Обобщение полученных данных. 2. Изучение основных закономерностей. 3. Формулирование выводов	1. Инженерно-технические способности. 2. Личностная креативность. 3. Творческое мышление 4. Мотивация достижения успеха	1. Полученные собственные результаты (осмысленные). 2. Сформулированные основные выводы исследования. 3. Результат, представленный в доступном и понятном виде

Представленная модель совместной проектной деятельности позволяет целенаправленно формировать у участников не только профессиональные знания и умения, но и социально-психологические качества, обеспечивающие эффективность коллективной работы и устойчивость к

внешним и внутренним факторам, влияющим на результат деятельности.

Первым этапом осуществления проектной совместной деятельности является представление о конечном результате деятельности. На данном этапе происходит знакомство с поставленной проблемой, участники проектной деятельности формируют представление о конечном продукте их деятельности, осознают, какие задачи необходимо решить и в какой последовательности, после чего формулируется цель деятельности.

Второй этап осуществления проектной совместной деятельности – это этап проектирования. На данном этапе участниками осуществляется изучение теоретического материала по проблеме (сбор, изучение, анализ) и происходит подбор необходимых методов исследования. Для успешного прохождения данного этапа совместной проектной деятельности необходимо развитие технического мышления, инженерного мышления, инженерно-технических способностей.

Третий этап проектной совместной деятельности – этап реализации проекта. На данном этапе участниками осуществляется сам проект. Для успешной реализации данного этапа необходим высокий уровень развития инженерно-технических способностей.

И, наконец, четвертый этап – этап осмысления полученных результатов исследования. На данном этапе осуществляется обобщение полученных данных, изучение основных закономерностей, формулирование выводов. На данном этапе важно развитие инженерно-технических способностей, личностной креативности, творческого мышления, мотивации достижения успеха.

Одним из важных аспектов, которые следует учитывать при организации совместной проектной деятельности, является диагностика групповой совместимости привлекаемых в проект участников. Для решения задачи диагностики групповой совместимости разработано огромное количество методов. Эти методы можно поделить на 4 большие группы на основании способа, с помощью которого происходит формирование конечной проект-группы.

К первой (наиболее часто встречающейся) группе следует отнести проект-группы, сформированные на основании способа «срабатывание на рабочем месте». Он заключается в том, что группе назначается некоторая задача, в процессе решения которой происходит отсеивание или переформатирование группы. Недостатком данного способа является большая протяженность во времени, сложность формулирования критериев изменения в группе, невозможность повторения или применения прошлого опыта на новый проблемной группе. Также стоит отметить, что данный метод может быть очень затратным по силам и средствам, в связи с тем, что поставленная перед группой задача не выполняет в установленные сроки, что ведет к убыткам. Кроме того, здесь присутствуют высокие эмоциональные затраты, связанные с тем, что за время работы группа успевает «притереться друг к другу» и удаление одного из членов группы повышает риск появления внутреннего недовольства в коллективе из-за принятого решения.

Ко второй группе следует отнести проект-группы, сформированные на основании способа «тренинговых упражнений». По своей сути данный способ очень похож на первый вариант, его отличие заключается в том, что он более формализован и для его проведения требуется значительно меньше времени. Суть метода заключается в том, чтобы сформировать проблемные группы и провести с ними ряд заданий в игровой форме, а далее на основании полученного результата отсеять «лишних» людей.

Третий способ можно озаглавить как «метод построения и сравнения психологических портретов личности». Достоинством данного метода является высокая формализация полученных оценок. К недостаткам можно отнести сложность проведения и подготовки. Задача заключается в том, чтобы подобрать ряд психодиагностических методик, при помощи которых можно выявить качества личности каждого члена группы для оценки их совместимости. Данный метод используется как самостоятельный, так и совместно с другими процедурами оценки эффективности группы и является для них дополнительным основанием того, что сделанные выводы являются верными. Это обусловлено тем, что большинство психодиагностических методик базируется на методах математической статистики, которые позволяют уточнить выводы экспертной оценки. Например, тест на диагностику темперамента может выявлять тип личности, что позволит определить, насколько человек подходит к включению в проектную группу (холерический тип,

например, будет плохо взаимодействовать в паре с меланхоликом).

Четвертый способ можно обозначить как «аппаратурные методы». Он заключается в применении технических средств в тренинговых и игровых упражнениях. Таким образом, можно получить экспресс-диагностику, основанную на специально разработанных заданиях, подкрепленных объективными данными. Этот подход объединяет в себе все предыдущие и расширяет их возможности за счет применения компьютеризированных систем, позволяющих ускорить процесс обработки и получения результатов.

В качестве основных факторов следует рассматривать мотивационный и эмоционально-волевой. Мотивационный компонент включает в себя профессионально значимые потребности, мотивы деятельности, положительное отношение к деятельности, интерес и другие сильные мотивы. Эмоционально-волевой компонент отображает чувство ответственности за результат, самоконтроль, ценности, нравственные принципы, умение управлять действиями, из которых состоят функциональные обязанности в проекте.

Заключение

Таким образом, совместная проектная деятельность выступает не только как инструмент реализации инновационных проектов, но и как важный механизм формирования социально-психологических основ профессиональной деятельности, обеспечивающий развитие коллективов, способных эффективно действовать в условиях сложных и динамичных задач.

Для достижения целей, закладываемых в проект, с максимальной эффективностью (в требуемые сроки, в необходимом объеме и с планируемым результатом), следует тщательно подходить к выбору его исполнителей. Именно заложенный изначально в реализацию проекта человеческий капитал (и непосредственно умение и навыки совместной деятельности) играет основную роль в проектной деятельности, что особенно важно при реализации инновационных и инвестиционных проектов.

Список источников

1. Alper S., Tjosvold D., Law K.S. Interdependence and controversy in group decision making: Antecedents to effective self-managing teams // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 2000. Vol. 74. P. 33–52.

2. Tjosvold D. Cooperation and competition in organizations. New York: McGraw-Hill, 1986.

3. Tyler T. R., Blader S. L. Cooperation in groups: Procedural justice, social identity, and behavioral engagement. Philadelphia: Psychology Press, 2000.

4. Басова В. М. Социальная компетентность личности: теоретические аспекты // Психология обучения. 2007. № 5.

5. Журавлев А. Л. Психология совместной деятельности. М. : Институт психологии РАН, 2005.

6. Зимняя И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5.

7. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М. : Наука, 1984.

8. Осницкий А. К. Психология самостоятельности. М. : НИУ ВШЭ, 2010.

9. Смолеусова Т. В. Формирование социальной компетентности личности в образовательном процессе. Новосибирск: НГПУ, 2008.

10. Цветков В. В. Социально-психологические аспекты профессиональной деятельности. М. : Изд-во МГУ, 2006.

11. Утюганов А. А. Система ценностно-смысловых ориентаций курсантов вузов национальной гвардии: феноменология и психолого-педагогические детерминанты формирования: дис. … д-ра психол. наук. Кемерово, 2019. 401 с.

12. Утюганов А. А. Формирование ценностно-смысловых ориентаций у курсантов войск национальной гвардии Российской Федерации // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 62-4. С. 302–305.

13. Утюганов А. А. Психолого-педагогическое управление процессом адаптации курсантов к высоким учебным нагрузкам // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 171–183.

14. Утюганов А. А. Комплексный психологический подход к оценке готовности военнослужащих к действиям в особых условиях / А. А. Утюганов, А. Ю. Чудаков, С. А. Бондаренко // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 2 (31). С. 167–175.

15. Утюганов А. А. Ценностно-смысловые компоненты профессиональных компетенций будущих офицеров национальной гвардии // Сибирский педагогический журнал. 2017. № 1. С. 84–91.

16. Утюганов А. А. Педагогическая психология: учебное пособие / А. А. Утюганов, А. С. Турчин. СПб. : Академия войск национальной гвардии, 2025. 106 с.

17. Яницкий М. С. Постнеклассическая педагогическая психология: ценностно-смысловой тренд / А. В. Серый, М. С. Иванов, А. А. Утюганов. Кемерово: Кузбасский региональный институт развития профессионального образования, 2017. 202 с.

18. Новиков Н. С. Физическое и психическое здоровье военнослужащих как социально-правовая ценность / Н. С. Новиков, П. Ю. Наумов, А. А. Утюганов // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6, № 3(23). С. 450–458.

19. Яфизова Р. А. Проектная деятельность в образовательной среде как основа эффективной подготовки специалистов / Р. А. Яфизова, В. А. Попова, К. Ю. Хлопок // Перспективы науки. 2026. № 2(197). С. 131–134.

20. Яфизова Р. А. Педагогический потенциал совместной проектной деятельности в формировании инженерно-технической готовности военнослужащих // Сибирский педагогический журнал. 2026. № 3. С. 21–30.

References

1. Alper S., Tjosvold D., Law K.S. Interdependence and controversy in group decision making: Antecedents to effective self-managing teams // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 2000. Vol. 74. P. 33–52.

2. Tjosvold D. Cooperation and competition in organizations. New York: McGraw-Hill, 1986.

3. Tyler T. R., Blader S. L. Cooperation in groups: Procedural justice, social identity, and behavioral engagement. Philadelphia: Psychology Press, 2000.

4. Basova V. M. Social'naya kompetentnost' lichnosti: teoreticheskie aspekty // Psihologiya obucheniya. 2007. № 5.

5. ZHuravlev A. L. Psihologiya sovmestnoj deyatel'nosti. M. : Institut psihologii RAN, 2005.

6. Zimnyaya I. A. Klyuchevye kompetencii – novaya paradigma rezul'tata obrazovaniya // Vysshee obrazovanie segodnya. 2003. № 5.

7. Lomov B. F. Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii. M. : Nauka, 1984.

8. Osnickij A. K. Psihologiya samostoyatel'nosti. M. : NIU VSHE, 2010.

9. Smoleusova T. V. Formirovanie social'noj kompetentnosti lichnosti v obrazovatel'nom processe. Novosibirsk: NGPU, 2008.

10. Cvetkov V. V. Social'no-psihologicheskie aspekty professional'noj deyatel'nosti. M. : Izd-vo MGU, 2006.

11. Utyuganov A. A. Sistema cennostno-smyslovyh orientacij kursantov vuzov nacional'noj gvardii: fenomenologiya i psihologo-pedagogicheskie determinanty formirovaniya: dis. … d-ra psihol. nauk. Kemerovo, 2019. 401 s.

12. Utyuganov A. A. Formirovanie cennostno-smyslovyh orientacij u kursantov vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2019. № 62-4. S. 302–305.

13. Utyuganov A. A. Psihologo-pedagogicheskoe upravlenie processom adaptacii kursantov k vysokim uchebnym nagruzkam // Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025. № 3 (32). S. 171–183.

14. Utyuganov A. A. Kompleksnyj psihologicheskij podhod k ocenke gotovnosti voennosluzhashchih k dejstviyam v osobyh usloviyah / A. A. Utyuganov, A. YU. CHudakov, S. A. Bondarenko // Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025. № 2 (31). S. 167–175.

15. Utyuganov A. A. Cennostno-smyslovye komponenty professional'nyh kompetencij budushchih oficerov nacional'noj gvardii // Sibirskij pedagogicheskij zhurnal. 2017. № 1. S. 84–91.

16. Utyuganov A. A. Pedagogicheskaya psihologiya: uchebnoe posobie / A. A. Utyuganov, A. S. Turchin. SPb. : Akademiya vojsk nacional'noj gvardii, 2025. 106 s.

17. YAnickij M. S. Postneklassicheskaya pedagogicheskaya psihologiya: cennostno-smyslovoj trend / A. V. Seryj, M. S. Ivanov, A. A. Utyuganov. Kemerovo: Kuzbasskij regional'nyj institut razvitiya professional'nogo obrazovaniya, 2017. 202 s.

18. Novikov N. S. Fizicheskoe i psihicheskoe zdorov'e voennosluzhashchih kak social'no-pravovaya cennost' / N. S. Novikov, P. YU. Naumov, A. A. Utyuganov // Aktual'nye problemy gosudarstva i prava. 2022. T. 6, № 3(23). S. 450–458.

19. YAfizova R. A. Proektnaya deyatel'nost' v obrazovatel'noj srede kak osnova effektivnoj podgotovki specialistov / R. A. YAfizova, V. A. Popova, K. YU. Hlopok // Perspektivy nauki. 2026. № 2(197). S. 131–134.

20. YAfizova R. A. Pedagogicheskij potencial sovmestnoj proektnoj deyatel'nosti v formirovanii inzhenerno-tekhnicheskoj gotovnosti voennosluzhashchih // Sibirskij pedagogicheskij zhurnal. 2026. № 3. S. 21–30.

Информация об авторах

Р. А. Яфизова *– кандидат педагогических наук*

Information about the authors

R. A. Yafizova *– Candidate of Sciences (Pedagogy)*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.08.2026; одобрена после рецензирования 26.08.2026; принята к публикации 28.09.2026.

The article was submitted 15.08.2026; approved after reviewing 26.08.2026; accepted for publication 28.09.2026.

Научная статья

УДК 395:159.9

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ ВУЗА И КОЛЛЕДЖА К ЭТИКЕТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ

Инна Андреевна Гарибян
Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
relhjdf1999@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено анализу особенностей отношения к этикетному поведению у студентов университета и колледжа. Этикет рассматривается как важный элемент социальной организации, регулирующий взаимодействие, способствующий установлению гармоничных отношений и выражению уважения. В условиях социокультурных изменений, влияющих на восприятие нормативного регулирования, изучение отношения студентов к этикету приобретает особую актуальность. Результаты эмпирического исследования показали, что студенты колледжа демонстрируют более традиционные и формальные подходы к этикету, лучше знают, положительнее относятся и более склонны соблюдать правила, связанные с приветствием старших по возрасту и полномочиям. Однако эта тенденция обусловлена в большей степени внеморальным и доморальным уровнями мотивации, основанными на прагматических соображениях и страхе перед наказанием.

Ключевые слова: этикет, этикетное поведение, отношение к этикету, студенты, университет, колледж, мотивация соблюдения правил этикета, функции этикета

Для цитирования: Гарибян И.А. Отношение студентов вуза и колледжа к этикетному поведению // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 151–163. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/016.pdf.

Original article

ATTITUDE OF UNIVERSITY AND COLLEGE STUDENTS TOWARDS ETIQUETTE BEHAVIOR

Inna A. Garibyan
Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
relhjdf1999@mail.ru

Abstract. The study is devoted to the analysis of the peculiarities of attitudes towards etiquette behavior among university and college students. Etiquette is considered as an important element of a social organization that regulates interaction, promotes the establishment of harmonious relations and the expression of respect. In the context of socio-cultural changes affecting the perception of regulatory regulation, the study of students' attitudes to etiquette is becoming particularly relevant. The results of an empirical study have shown that college students demonstrate more traditional and formal approaches to etiquette, are more knowledgeable, have a more positive attitude, and are more likely to follow the rules related to greeting elders in terms of age and authority. However, this trend is driven to a greater extent by extra-moral and pre-moral levels of motivation based on pragmatic considerations and fear of punishment.

Keywords: etiquette, etiquette behavior, attitude towards etiquette, students, university, college, motivation to comply with etiquette rules, functions of etiquette

For citation: Garibyan I.A. Attitude of university and college students towards etiquette behavior. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36): 151–163. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/016.pdf.

© Гарибян И.А., 2026

Введение

Этикет представляет собой форму выражения статусных различий и включает особые правила общения между людьми, которые разнятся по половому, возрастному, социальному, конфессиональному и другим признакам в общественных группах [1]. Он регулирует взаимодействие

между людьми, способствуя установлению гармоничных отношений, выражению уважения и снижению конфликтов [17]. Этикет предоставляет возможность гармоничного взаимодействия между представителями разных поколений, культур и социальных слоев, что делает его важным элементом социальной организации [16]. За последние десятилетия в российском обществе произошли значительные социокультурные изменения, связанные с распространением идей индивидуализма, свободы и потребительства. Переход от коллективистской идеологии к ориентации на личный успех и самореализацию способствовал формированию критического отношения к любым формам нормативного регулирования, включая этикет. Период вседозволенности и игнорирования традиционных ценностей, характерный для постсоветской эпохи, оказал негативное влияние на культуру поведения и привел к снижению значимости этикетных норм в обществе.

Студенчество, представляющее собой особую социально-демографическую группу, переживает период интенсивной личностной трансформации, характеризующийся стремлением к автономии, критическим переосмыслением социальных норм и формированием собственной системы ценностей [21]. Данный возрастной этап закономерно сопровождается сепарацией от родительских установок, экспериментированием с различными моделями поведения [19]. Вместе с тем, именно динамика этих процессов – критическое переосмысление и поиск автономии – формирует благоприятные условия для трансформации возможных сложившихся негативных установок в отношении этикетного поведения, позволяя рассмотреть его не как ограничение, а как ресурс для достижения личных и профессиональных целей. В связи с этим, образовательная среда выступает важнейшим институтом, обладающим потенциалом для формирования позитивного отношения к этикету. К тому же в настоящее время наблюдается тенденция к возрождению традиционных ценностей и усилению нормативного регулирования в различных сферах жизни. В связи с этим возникает вопрос, как современные студенты реагируют на эти изменения.

Основные положения

Этикет редко становится объектом психологического исследования, значительное внимание ему уделяется в рамках культурологии и социологии, рассматривающих его как неотъемлемую часть социальных норм и культурных традиций [9]. Однако, в области психологии, изучение этикетного поведения является скорее прикладным аспектом в контексте более широких психологических исследований. Одним из немногих, кто посвятил свои работы психологическому анализу этикетного поведения, является О. И. Даниленко, которая сосредоточила свои усилия на изучении отношения к этикетному поведению у студентов.

Чтобы разобраться в том, что такое этикет, нужно понимать, что любое общение происходит между людьми, занимающими определенное место в коммуникативном акте. О. И. Даниленко этикет рассматривает как культурный феномен и, опираясь на А. К. Байбурина, предлагает анализировать его с позиции трех подходов: системный, функциональный и семиотический.

В рамках системного подхода этикет понимается как сложная система взаимосвязанных элементов, целостная структура, функционирующая в обществе. Этикет имеет границы, определяемые культурными нормами и социальным контекстом, то, что считается этикетом в одной культуре, может являться моралью в другой, или вовсе не быть принятым в этой группе. У. Гуденау устанавливает связь, согласно которой ценности обосновывают нормы и правила [23]. Системный подход, в данном случае, иллюстрирует иерархию элементов, где ценности являются фундаментальными и наиболее общими убеждениями о том, что является важным или желательным, нормы представляют собой общие правила поведения, которые основываются на ценностях, а правила – это конкретные предписания, указывающие, как себя нужно вести в определенной ситуации [4]. У. Гуденау подчеркивает важность культурного контекста, разные культуры отдают разный приоритет ценностям, это значит, что система ценностей является одним из ключевых факторов, определяющих систему этикета в данной культуре [14].

Функциональный подход фокусируется на назначении этикетных норм. Л. А. Уайт указывает, что основное предназначение этикета заключается в регулировании общественного поведения с целью поддержания своего класса [24]. Выступая в качестве регулятора поведения, этикет выполняет множество функций: помогает поддер-

живать стабильность в отношениях между людьми; передает культурное наследие следующим поколениям; снижает риск возникновения конфликтов между людьми разного социального статуса и позволяет демонстрировать свою принадлежность к определенной социальной группе или культуре и т. п. [8]. Свою функцию регулятора поведения этикет выполняет только тогда, когда этикетные нормы приняты и соблюдаются, с помощью взаимного приспособления или посредством санкций за их несоблюдение, в противном случае, регулирование поведения не представляется возможным [11].

Семиотический анализ этикет рассматривает как систему знаков, обладающую своим словарем и грамматикой, позволяющая людям взаимодействовать, передавать информацию. Знаки могут проявляться вербальным (слова), невербальным (жесты, мимика, поза), предметным (одежда, украшения, предметы интерьера) или ритуальным (поклоны, пожать руку) способом. Грамматика представляет собой правила поведения, определяющие, какие знаки должны сочетаться друг с другом, в какой последовательности следовать и т. д., например, впервые встречаясь с человеком, сначала нужно поздороваться, потом представиться. Об этом пишет А. К. Байбурин: «В семиотическом аспекте этикет представляет собой определенную систему знаков, имеющую свой словарь (набор символов) и грамматику (правила сочетания знаков и построения текстов)» [1, с. 7]. Иными словами, можно сказать, что этикет – это система знаков, с помощью которого мы взаимодействуем с людьми, у нас есть «словарь» – набор жестов, выражений лица, манер, которые что-то означают, и есть «грамматика» – правила, как эти жесты и выражения сочетать, чтобы нас поняли правильно. Этот словарь включает в себя определенные поведенческие стереотипы, обозначающие различные ситуации, например, при встрече с человеком, старшего по возрасту или статусу, часто используется более формальное приветствие «Здравствуйте», в то время как с ровесниками или близкими друзьями может быть уместно неформальное «Привет». Это стереотип показывает уважение и социальные границы, таким образом, знаки этикета позволяют понимать свое место в ситуации коммуникации и дифференцировать статусное неравенство.

Понятие «этикет» отделилось от других форм поведения в 16, однако до сих пор его границы не так просты. Можно встретить разные определения этикета, в которых его отождествляют с моралью, этикой, однако необходимо отделить эти понятия друг от друга.

Изначально понятия «мораль» и «этика» отождествлялись и обозначали науку о человеческих нравах, позднее под этикой стали понимать область философии, изучающую мораль, а сама мораль стала определяться как «форма отношений людей в обществе и совокупность норм (правил), регулирующих эти отношения» [16, с. 121], что по своему определению очень похоже на этикет. Позднее этика преобразовалась в область философской науки и стала определяться как «область философии, предметом которой является мораль» [22]; «наука о сущности, законах возникновения и исторического развития морали (нравственности), о специфических функциях морали и моральных ценностях общественной жизни» [16, с. 160]. Л. А. Уайт разделяет эти два понятия по их целеполаганию, несмотря на то, что оба феномена служат регуляции поведения человека. Цель этики – способствовать благосостоянию общества в целом, а этикета – обеспечить функционирование и взаимодействие людей, принадлежащих к разным его группам (классам). Он так же подчеркивает, этикет является более эффективным и влиятельным средством регулирования социальных взаимоотношений, чем этика [24]. Нарушение правил этикета всегда наказуемо, поскольку нарушение этих правил всегда очевидно [16]. Этикетное поведение проявляется только во время коммуникативного акта, действия, совершённые уединенно, не являются этикетом, тогда как нарушение этических правил не всегда наказывается, причин тому может быть множество [15]. Но в случае нарушения правила этикета наказание поступает неотвратимо и проявляться будет в виде насмешки, пренебрежения, сделанного резкого замечания или, в крайнем случае, изгнания из собственного класса [24].

Таким образом, этика является областью философской науки, в основе которой лежит изучение морали, ее возникновения и развития, функций и влияния на жизнь человека. Этика и этикет не являются тождественными понятиями, с одной стороны, нарушение правил этикета может расцениваться людьми как нарушение моральных принципов, например, обращение на «вы» отражает ценность уважения к опыту и мудрости старшего поколения, одновре-

менно являясь правилом этикета; с другой стороны, нарушение определенных правил может являться выражением моральных принципов, например, в эпоху расовой сегрегации в США, соблюдение этикетных норм, поддерживающих разделение между белыми и черными (например, уступать место в автобусе белым, использовать разные туалеты), формально способствовало социальной стабильности, но с моральной точки зрения, это было аморально, поскольку поддерживало дискриминацию и угнетение. Степень влияния на регулирование социальных отношений у этикета и морали отличаются тем, что этикет проявляется только в ситуации взаимодействия, и наказание за нарушение требуемых правил последует сразу. При этом, как отмечает Л. Д. Волченко, «их нельзя жестко противопоставлять друг другу, так как оба они служат удовлетворению одной и той же социальной потребности - регуляции человеческих отношений и оба – суть продукты исторического развития этих отношений» [2, с. 7]. Этикет следует рассматривать как адаптивную систему, чьи правила отражают актуальное состояние общества: он сохраняет и транслирует только те предписания, которые соответствуют текущим доминирующим ценностям [17]. Эта адаптивность отличает этикет от более статичных категорий (этики, морали), позволяя интегрировать в себя нравственные нормы. Таким образом, этикет и мораль следует отличать друг от друга, при этом, учитывать, что его фундаментом в современном обществе является мораль, на основании которой человек совершает выбор, действовать ему определенным образом, или нет, а если действовать, то почему, в соответствии с тем, какой у него уровень морального сознания.

Особое место в исследовании этикетного поведения занимает вклад О. И. Даниленко. Следуя концепции В. Н. Мясищева, О. И. Даниленко выделила три компонента отношения к правилам этикета – когнитивный, эмоциональный и поведенческий, каждый из которых раскрывается следующим образом: когнитивный определяется через знание правил этикета, эмоциональный через отношение к правилу этикета по типу «нравится-не нравится» и поведенческий через намерение соблюдать эти правила или их отсутствие [6], [18].

Соблюдение правил этикета – это не только вопрос внешнего контроля, а скорее результат взаимной регуляции [16]. Со стороны собеседника регуляция обеспечивается за счет демонстрирования своего отношения к нашему поведению в виде одобрения или неодобрения, мотивационные механизмы обеспечивают внутреннюю регуляцию поведения человека. В психологии существуют разные подходы к определению понятий «мотив» и «мотивационная сфера личности». Мотив в нашем исследовании будет определяться как внутреннее побуждение личности к тому или иному виду деятельности, а мотивационная сфера личности будет определяться как «совокупность стойких мотивов, имеющих определенную иерархию, и выражающую направленность личности» [20, с. 85–86]. О. И. Даниленко предлагает рассматривать мотивацию как причину, полагая, что для того, чтобы понять, почему люди ведут себя определенным образом в ситуациях, где нужен этикет, нужно изучать их мотивы. Термин «поведение» она рассматривает с позиции «современной психологии, где данный термин обозначает целый ряд реакций, которые не поддаются непосредственному наблюдению, например, работа человеческой памяти и т. д.» [3, с. 2]. Таким образом, поведение рассматривается гораздо шире. Автор подчеркивает, что изучение этикетного поведения нельзя ограничивать только тем, как человек ведет себя внешне (приветствует людей старших по возрасту стоя, пропускает старших вперед), важно понимать, почему он это делает, какие при этом происходят внутренние процессы.

Теоретической основой для изучения мотивации этикетного поведения выступила концепция Л. Колберга, в которой описываются уровни морального сознания, обеспечиваемые психологическими механизмами принятия решения в ситуации морального выбора [12]. На основании этого следование правилам этикета осуществляется по нескольким причинам, отражающим разные уровни морального развития: потому что это позволяет избежать наказания или получить награду (доморальный уровень); потому что это соответствует социальным нормам и ожиданиям (конвенциональный уровень); потому что это выражает внутренние ценности и убеждения (автономный уровень); потому что это ситуативно выгодно или удобно (внеморальный уровень) [3]. Понимание мотивации этикетного поведения позволяет понять, на каком обучении этикетного поведения необходимо делать упор, на обучении технике или обучении нормам. Для успешного обучения этикетному поведе-

нию необходимо учитывать психологические условия, влияющие на его усвоение. Одним из ключевых условий является осознание обучаемым ценности этикета в многообразии его функций [7, 13].

На основании анализа литературных источников О. И. Даниленко выделила и обосновала функции этикета, выделив среди них девять основных, предназначенных для выявления их субъективной значимости у российских студентов вузов [10]. В число этих функций вошли: «сохранение культурных традиций; выражение принадлежности к определенной социальной и культурной общности; самоутверждения (через демонстрацию своей компетентности – владение «хорошими манерами»); Не думать о форме общения, действуя в соответствии с общепринятыми правилами; саморегуляция («тренировать способность владеть собой, подчиняясь правилам»); Предотвращение конфликтов между людьми разного социального статуса, возраста и пола; обеспечение удобства и эффективности взаимодействия (благодаря возможности прогнозировать поведение участников); сохранение порядка общественной жизни; выражение уважения к тому, с кем вступаешь в контакт» [14, с. 33].

Таким образом, изучение этикетного поведения выходит за рамки простого наблюдения за внешними проявлениями, такими как соблюдение формальных правил, и отношения к этому поведению, необходимо понимать, почему человек совершает те или иные этикетные ритуалы, и какой смысл в них вкладывается при его соблюдении/несоблюдении.

Цель статьи – выявить особенности отношения к этикету у студентов вуза и колледжа.

Методы и материалы.

В исследовании приняли участие 162 студента, обучающихся в следующих учебных заведениях:

– Кемеровский государственный университет, социально-психологический институт: 123 человека. Среди них студенты 1 и 2 курса, обучающихся по направлениям «Психология», «Клиническая психология»; студенты 5 курса, обучающиеся по специальности «Психология».

– Колледж предпринимательских и цифровых технологий: 22 человека, среди них студенты 1 курса, обучающиеся по направлению «Информационные системы»;

– Кузбасский медицинский колледж: 17 человек, среди них студенты 1 и 2 курса, обучающихся по направлениям «Фармация» и «Лечебное дело».

Для изучения отношения к этикетному поведению у студентов были использованы следующие методики:

– Опросник «Отношение к репрезентативным правилам этикета» состоит из девяти репрезентативных правил этикета, три из них относятся к деловому, шесть – к общегражданскому. Статусное неравенство выражается тремя способами: кто первый приветствует собеседника, кто должен первым встать, и кто должен первым пройти в помещение. После каждого правила респонденту необходимо ответить по шкале от 0 до 10, известно ли ему это правило (когнитивный компонент), нравится ли оно ему (эмоциональный компонент), намерен ли он его соблюдать (поведенческий компонент). Таким образом, опросник позволяет получить 27 показателей отношения к репрезентативным правилам этикета. Опросник обладает содержательной и конструктивной валидностью, имеет высокий показатель надежности-согласованности (α=0,901) и надежности-устойчивости (r=0,835) [5].

– Опросник «Оценка субъективной значимости функций этикета» состоит из девяти функций. Испытуемым предлагается выразить свое мнение относительно того, в чем он видит смысл правил этикета и предлагается девять его функций, по каждой из которых необходимо обозначить степень важности по шкале от 0 до 10, где 0 – совсем не важно, и 10 – очень важно. Опросник обладает содержательной и конструктивной валидностью, имеет высокий показатель надежности-согласованности (α=0,895) и надежность-устойчивость (r=0,879) [10].

– Методика «Мотивация соблюдения правил этикета» состоит из двух правил служебного (вузовского), второе – общегражданского этикета. После каждого правила следовала незаконченная фраза: «Это правило следует соблюдать, поскольку…» и далее список из 12 аргументов. Аргументы для двух правил по содержанию и порядку были идентичны, отличались только в изображении партнера по взаимодействию или места. Респонденту предлагается для каждого аргумента обозначить степень весомости от 0 до 10, где 0 – наименее весомый аргумент и 10 – наиболее весомый аргумент, при этом уточняется, что разным аргументам можно дать одинаковую оценку. Каждый аргумент относится к тому или иному уровню мо-

рального сознания, и, следовательно, мотивации соблюдения правил этикета. Опираясь на это, можно судить об уровне морального сознания респондентов, если человек выбирает аргументы, относящиеся к доморальному уровню, это говорит о том, что его мотивация соблюдения этикета основана на страхе наказания или желании получить выгоду и т. д. [14].

Данные для исследования собирались в течение трех месяцев (март 2025 г. – май 2025 г.) с помощью программного обеспечения – Google Forms. Математическая обработка данных проводилась с использованием программы STATISTICA, версия 10. Методы обработки данных – математико-статистический метод: сравнительный анализ по t-критерию Стьюдента.

Результаты

Для выявления особенностей отношения студентов к репрезентативным правилам этикета был использован сравнительный анализ, результаты которого представлены в таблице 1. Сравнение проводилось по двум основаниям: уровень образования и пол.

Таблица 1 – Результаты сравнительного анализа отношения к репрезентативным правилам этикета в выборке студентов университета и колледжа

Table 1 – Results of a comparative analysis of attitudes towards representative rules of etiquette in a sample of university and college students

Компоненты отношения к репрезентативным правилам этикета	Университет N=123		Колледж N=39		p
	M	SD	M	SD	
Правила общегражданского этикета					
Знание правила *«Мужчина первым должен приветствовать женщину»*	4,98	3,66	6,44	3,63	0,03
Эмоциональное отношение к правилу *«В официальной обстановке человек, обладающий меньшими полномочиями, должен встать, приветствуя того, кто обладает большими полномочиями (подчиненный – начальника, студент – преподавателя и пр.)»*	5,60	2,85	7,44	2,35	0,001
Намерение соблюдать правило *«В официальной обстановке человек, обладающий меньшими полномочиями, должен встать, приветствуя того, кто обладает большими полномочиями (подчиненный – начальника, студент – преподавателя и пр.)»*	6,21	2,64	7,56	2,62	0,01
Правила делового этикета					
Знание правила: *«Человек должен встать, приветствуя того, кто значительно старше его по возрасту»*	5,52	3,76	7,41	2,94	0,001
Эмоциональное отношение к правилу *«Человек должен встать, приветствуя того, кто значительно старше его по возрасту»*	5,46	2,93	7,36	2,81	0,001
Намерение соблюдать правило *«Человек должен встать, приветствуя того, кто значительно старше его по возрасту»*	5,60	2,91	7,62	2,53	0,001

Результаты сравнительного анализа студентов университета и колледжа по различным компонентам отношения к этикету выявили ряд статистически значимых различий, в результате которых студенты колледжа демонстрируют более традиционные и формальные подходы к этикету, чем сту-

денты университета. Они лучше знают правило: *«Мужчина первым должен приветствовать женщину»*, лучше знают правило: *«Человек должен встать, приветствуя того, кто значительно старше его по возрасту»* лучше к нему относятся, и более склоны его соблюдать. То же самое касается правила: *«В официальной обстановке человек, обладающий меньшими полномочиями, должен встать, приветствуя того, кто обладает большими полномочиями (подчиненный – начальника, студент – преподавателя и пр.)»*, оно им больше нравится, и они намерены это правило соблюдать. Однако статистически значимых различий в знании этого правила между двумя группами обнаружено не было. Оба правила являются отражением одной и той же этикетной нормы, с разницей только в проявлении деловой и общегражданской сферах.

Вероятно, выявленные различия обусловлены особенностями образовательной среды и воспитательных подходов, характерных для колледжей и университетов. Студенты колледжей, как правило, находятся в условиях более традиционного воспитания, где значительное внимание уделяется дисциплине и поддержанию порядка. В отличие от этого, университетская среда, ориентированная больше на самостоятельность, может способствовать более гибкому и менее формализованному подходу ко многим нормам делового этикета. Таким образом, знание многих этикетных правил появляются и закрепляются в образовательной среде, и безукоризненное следование им может вызывать последующее принятие и желание соблюдать их в дальнейшем.

Результаты сравнительного анализа отношения студентов к репрезентативным правилам этикета в выборках юношей и девушек представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Результаты сравнительного анализа отношения к репрезентативным правилам этикета в выборке студентов между юношами и девушками

Table 2 – Results of a comparative analysis of attitudes towards representative rules of etiquette in a sample of students between boys and girls

Компоненты отношения к репрезентативным правилам этикета	Девушки H=132		Юноши H=30		p
	M	SD.	M	SD.	
Правила общегражданского этикета					
Эмоциональное отношение к правилу *«если у входа в помещение одновременно оказались мужчина и женщина, то мужчина должен пропустить женщину вперед»*	8,40	2,45	7,37	2,71	0,04
Эмоциональное отношение к правилу: *«мужчина первым должен приветствовать женщину»*	6,70	3,05	5,27	3,66	0,03
Знание правила *«человек, обладающий меньшими полномочиями, должен первым приветствовать того, кто обладает большими полномочиями»*	8,12	2,74	7,00	3,04	0,05
Намерение следовать правилу: *«человек, обладающий меньшими полномочиями, должен первым приветствовать того, кто обладает большими полномочиями»*	8,04	2,23	6,70	3,01	0,01
Эмоциональное отношение к правилу: *«мужчина должен встать, приветствуя вошедшую в помещение женщину»*	6,45	3,07	4,17	3,44	0,00
Намерение соблюдать правило: *«мужчина должен встать, приветствуя вошедшую в помещение женщину»*	6,11	3,18	4,07	3,60	0,00

Девушки значимо лучше относятся к правилу *«мужчина должен пропустить*

женщину вперед» и «мужчина должен приветствовать женщину первым». Аналогично с правилом *«мужчина должен встать, приветствуя вошедшую женщину»*, женщины значимо лучше к нему относятся и более склонны его соблюдать.

Девушки более чувствительны к проявлениям уважения и галантности, которые подчеркивают их социальный статус и значимость. Юноши, напротив, демонстрируют менее позитивное отношение к этим правилам, что может быть связано с тем, что они воспринимают традиционные нормы этикета как устаревшие или не соответствующие современным представлениям о равенстве. Женщины, напротив, продолжают ценить такие проявления галантности, так как они подчеркивают их социальный статус и значимость.

Студентки значительно лучше относятся к правилу *«человек с меньшими полномочиями должен первым приветствовать того, кто обладает большими полномочиями»* и более склонны его соблюдать. Они выше оценивают нормы, указывающие на социальное неравенство, и стремятся подчеркнуть свое уважение к людям с более высоким статусом. Юноши, таким образом, демонстрируют менее позитивное отношение к репрезентативным правилам этикета, подчеркивающим неравенство между юношами и девушками. Социальные изменения, такие как феминизм и движение за равенство, привели к переосмыслению гендерных ролей.

Изучение субъективной значимости функций этикета является ключевым этапом, позволяющим выявить индивидуальные смысловые конструкты, лежащие в основе восприятия этикета. Этот анализ необходим для понимания мотивационных основ соблюдения/несоблюдения этикетных норм, дифференциации индивидуальных поведенческих стратегий и разработки в будущем эффективных психолого-педагогических интервенций, направленных на формирование положительного отношения к этикету.

Результаты сравнительного анализа субъективной значимости функций этикета в выборках студентов университета и колледжа представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Результаты сравнительного анализа субъективной значимости функций этикета в выборке студентов университета и колледжа

Table 3 – Results of a comparative analysis of the subjective significance of etiquette functions in a sample of university and college students

Функции этикетного поведения	Университет N=123		Колледж N=39		p
	M	SD	M	SD	
«Выразить свою принадлежность к определенной культурной и социальной общности»	5,86	2,64	7,38	2,85	0,001
«Не думать о форме общения, действуя в соответствии с общепринятыми правилами»	6,16	2,33	7,21	2,25	0,02
«Тренировать способность владеть собой, подчиняясь правилам»	5,81	2,71	7,15	2,54	0,01

Для студентов колледжей этикет является важным способом подчеркнуть свою принадлежность к определенной группе или культуре, что может быть связано с более выраженной идентичностью или стремлением соответствовать ожиданиям окружающих. Они больше ценят удобство и предсказуемость, которую обеспечивает соблюдение этикетных норм, этикет, таким образом, воспринимается, как способ избежать неопределенности в социальных взаимодействиях и является инструментом саморегуляции.

Результаты сравнительного анализа субъективной значимости функций этикета в выборках студентов юношей и девушек представлены в таблице 4.

Таблица 4 – Результаты сравнительного анализа субъективной значимости функций этикета в выборке студентов университета и колледжа

Table 4 – Results of a comparative analysis of the subjective significance of etiquette functions in a sample of university and college students

Функции этикетного поведения	Девушки H=132		Юноши H=30		p
	M	SD.	M	SD.	
«Выразить уважение к тому, с кем вступаешь в контакт»	8,64	1,64	7,77	2,46	0,02
«Поддерживать порядок общественной жизни»	7,62	2,13	6,67	2,87	0,04

Девушки придают большее значение функциям этикета, связанным с проявлением уважения к людям и поддержанием порядка, чем юноши. Таким образом, они в большей степени воспринимают этикет как важный социальный инструмент, способствующий гармоничным отношениям и стабильности в обществе.

Результаты сравнительного анализа мотивации соблюдения правил этикета в выборке студентов университета и колледжа представлены в таблице 5.

Таблица 5 – Результаты сравнительного анализа мотивации соблюдения правил этикет в выборке студентов университета и колледжа

Table 5 – Results of a comparative analysis of the motivation for observing the rules of etiquette in a sample of university and college students

Мотивация соблюдения правил этикета	Университет N=123		Колледж N=39		p
	M	SD	M	SD	
Деловой этикет					
Внеморальный уровень морального сознания	13,76	8,95	17,51	9,82	0,03
Так будет удобно поддерживать разговор	3,74	3,37	5,67	3,29	0,001
Так ты сможешь лучше организовать коммуникацию	5,41	3,41	6,41	3,24	0,11
Так ты будешь чувствовать себя более комфортно	4,62	3,65	5,44	3,82	0,23
Доморальный уровень морального сознания	14,50	9,07	17,13	9,69	0,12
Преподаватель может впоследствии припомнить такое нарушение субординации	4,83	3,48	5,87	3,52	0,11
Преподаватель может расценить это как пренебрежение, и это может негативно повлиять на его отношение к тебе в дальнейшем	5,77	3,40	6,10	3,24	0,59
Преподаватель может в присутствии других студентов иронично высказаться по поводу твоих манер	3,89	3,59	5,15	3,71	0,06
Конвенциональный уровень морального сознания	18,15	8,18	20,90	8,91	0,08
Так принято себя вести в вузе/колледже	5,54	3,21	6,77	3,44	0,04
Это соответствует сложившимся нормам взаимоотношений преподавателей и студентов	6,15	3,03	7,18	3,04	0,07
Это правило хорошего тона	6,46	3,13	6,95	3,10	0,39
Автономный уровень морального сознания	18,28	8,23	19,95	8,86	0,28
Так ты выражаешь свое уважение к преподавателю	6,88	2,98	7,26	2,89	0,49
Так ты проявишь свое уважение к традициям, принятым в вузе	5,28	3,22	6,13	3,40	0,16
Такое поведение является выражением твоего уважения к статусу	6,12	3,37	6,56	3,38	0,48
Общегражданский этикет					

Внеморальный уровень морального сознания	14,20	9,62	17,67	10,26	0,06
Так будет удобно поддерживать разговор	4,28	3,42	5,74	3,54	0,02
Так ты сможешь лучше организовать коммуникацию	5,11	3,31	5,90	3,39	0,20
Так ты будешь чувствовать себя более комфортно	4,80	3,65	6,03	3,51	0,07
Доморальный уровень морального сознания	12,43	8,58	16,41	10,66	0,02
Этот человек может впоследствии припомнить такое нарушение правила поведения со старшим по возрасту	3,88	3,10	5,44	3,59	0,01
Если ты не станешь, приветствуя старшего по возрасту, он может расценить это как пренебрежение, и это может негативно повлиять на его отношение к тебе в дальнейшем	4,96	3,28	5,62	3,55	0,29
Старший может в присутствии других иронически высказаться по поводу твоих манер	3,59	3,35	5,36	3,76	0,01
Конвенциональный уровень морального сознания	16,94	8,38	19,64	9,37	0,09
Так принято себя вести	4,54	3,40	6,18	3,24	0,01
Это соответствует сложившимся нормам взаимоотношений людей значительно более старших и младших по возрасту	5,84	3,26	6,54	3,42	0,25
Это правило хорошего тона	6,56	2,99	6,92	2,97	0,51
Автономный уровень морального сознания	18,54	8,43	20,38	9,39	0,25
Так ты выражаешь свое уважение к человеку, значительно старшему по возрасту	6,59	3,05	7,10	3,15	0,36
Так ты проявишь свое уважение к существующим традициям	5,47	3,24	6,41	3,35	0,12
Такое поведение является выражением твоего уважения к почетному возрасту	6,48	3,16	6,87	3,20	0,50

Для студентов колледжей основной мотивацией соблюдения правил делового этикета выступают прагматические соображения собственной выгоды, в частности, наибольшая статистическая значимость в различии была у аргумента *«так будет удобно поддерживать разговор»*. Также значимым оказался один аргумент из уровня конвенциональной морали *«так принято себя вести в вузе/колледже»*, но сам уровень статистически значимых различий не выявил. Студенты колледжей сильнее ориентированы на общепринятые социальные ожидания и нормы, сложившиеся в учебном заведении, что также вполне закономерно для их возраста, поскольку для них является важным соответствовать ожиданиям референтной группы. Кроме того, образовательная среда в колледжах часто более иерархична и формализована, что усиливает зависимость от конвенциональных норм.

Для студентов колледжей основной мотивацией соблюдения правил общегражданского этикета выступает страх перед потенциальным наказанием или вознаграждением правильного поведения. Таким образом, юноши и девушки, обучающиеся в колледжах, соблюдают правила в том случае, если понимают, что их нарушение может привести к возможному наказанию или осуждению со стороны старших, или в том случае, если за соблюдение принятых правил они получат какое-то вознаграждение. Для правил общегражданского этикета остается важным мотивация их соблюдения студентами колледжей – *удобство поддержания разговора* и необходимость их соблюдения, потому что *так принято себя вести в обществе*. Студенты университета, хотя и демонстрируют те же тенденции, делают это в меньшей степени, что может указывать на их переход к более автономному осмыслению правил поведения.

При этом стоит отметить, что студенты колледжа в целом более мотивированы соблюдать деловой и общегражданский этикет, чем студенты университета, по большинству пунктов.

Заключение

Основная цель работы заключалась в выявлении особенностей отношения к эти-

кетному поведению у студентов колледжей и вуза. В результате сравнительного анализа было установлено, что студенты колледжа демонстрируют более традиционные и формальные подходы к этикету, они превосходят студентов университета в знаниях, принятии и намерении соблюдать правила, касающиеся возрастной и статусной субординации. Большая приверженность правилам этикета для студентов колледжей в основном базируется на внешних мотивах. Независимо от того, деловой это или общегражданский этикет, студенты колледжей больше мотивированы соблюдать правила, потому что так принято себя вести и удобно поддерживать разговор, однако их мотивация соблюдения для делового этикета – выгода, для общегражданского – страх осуждения, наказания или вознаграждения за его соблюдение. В дополнение были выявлены гендерные особенности: девушки, в отличие от юношей, демонстрируют более позитивное отношение и большую склонность к соблюдению правил, подчеркивающих галантность и уважение к ней. Они также большее значение придают функциям этикета, связанным с проявлением уважения к людям и поддержанию порядка.

Новизна исследования: студенты колледжей отличаются более высоким уровнем знания, принятия и намерением соблюдать правила этикета, они, таким образом, лучше относятся к этикетному поведению, что в свою очередь обусловлено внешней мотивацией их соблюдения: для делового этикета – выгодой, для общегражданского – страхом осуждения, наказания или вознаграждения за его соблюдение. Установлены отличительные особенности отношения студентов колледжа, которые заключаются в том, что они лучше знают правило: *«Мужчина первым должен приветствовать женщину»*, лучше знают правило: *«Человек должен встать, приветствуя того, кто значительно старше его по возрасту»* лучше к нему относятся, и более склонны его соблюдать. То же самое касается правила: *«В официальной обстановке человек, обладающий меньшими полномочиями, должен встать, приветствуя того, кто обладает большими полномочиями (подчиненный – начальника, студент – преподавателя и пр.)»*, оно им больше нравится, и они намерены это правило соблюдать.

Полученные данные указывают на целесообразность дифференциального подхода при формировании положительного отношения к этикету: для студентов колледжа это формирование должно фокусироваться преимущественно на обучении содержанию правил и их функциональному значению, а не на формировании самой техники соблюдения. Особое внимание стоит уделять студентам мужского пола, поскольку было выявлено снижение уровня в знании, эмоциональном отношении и намерении следовать некоторым правилам.

Основные направления дальнейших исследований должны быть сосредоточены на углубленном изучении психологических факторов, определяющих отношение к этикету, с целью воздействия на них при формировании позитивного отношения к этикету.

Список источников

1. Байбурин А. К. У истоков этикета: Этнографические очерки / А. К. Байбурин, А. Л. Топорков. Л. : Наука. Лен. отд-ние, 1990. 166 с.
2. Волченко Л. Б. Культура поведения, этикет, мораль. М. : Знание, 1982. 64 с.
3. Даниленко О. И. Моральная регуляция этикетного поведения студентов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. № 1. С. 48–59.
4. Даниленко О. И. О типах установок в отношении этикетных моделей поведения и их ценностных основаниях // Ценностные ориентации личности в историко-психологическом и когнитивном контекстах. 2013. № 4. С. 14.
5. Даниленко О. И. Опросник «Отношение к репрезентативным правилам этикета» // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2016. № 7.
6. Даниленко О. И. Отношение к правилам вузовского этикета: основания и опыт эмпирического исследования // Психология сегодня: актуальные исследования и перспективы. 2022. Т. 2. С. 54–58.
7. Даниленко О. И. Приоритеты функций этикета у современных петербургских студентов // Актуальные проблемы развития современной науки и образования: сб. научных трудов по

мат-м Международной научно-практической конференции 30 апреля 2015 г.: в 5 частях. Ч. V. М. : АР-Консалт, 2015. С. 128–132.

8. Даниленко О. И. Студенты о правилах этикета: пространство смыслов // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2019. № 2. С. 151–159.

9. Даниленко О. И. Этикет и этикетное поведение: от культурологического анализа к психологическому исследованию // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2016. № 7. С. 50–56.

10. Даниленко О. И. Оценка значимости функций этикета китайскими студентами // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. 2016. № 2. С. 67–78.

11. Даниленко О. И. Преподаватели и студенты: какие правила взаимодействия нарушаются? // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2020. № 3. С. 135–144.

12. Даниленко О. И. Представления студентов о мотивации соблюдения правил этикета как предикторы этикетного поведения // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2021. № 4. С. 124–130.

13. Даниленко О. И. Этикетное поведение в контексте организационной культуры вуза // Высшее образование в России. 2021. № 10. С. 28–41.

14. Ли Ц. Психологические факторы отношения к этикетным моделям поведения у китайских и российских студентов. СПб., 2017. 237 с.

15. Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. Литературные памятники. М.; СПб., 2006. 321 с.

16. Лихачева Л. С. Социально-культурный статус этикета // Актуальные проблемы современной культурологии. Научное издание: межвузовский сборник науч. трудов, посвященный 15-летию кафедры культурологии УрГПУ. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2008. С. 72–86.

17. Лихачева Л. С. Этика: теория и практика: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2019. 190 с.

18. Мясищев В. Н. Психология отношений. М.: МПСИ, 2003. 400 с.

19. Петренко Т. В. Возрастные этапы процесса сепарации от родителей // Акмеология. 2016. № 4 (60).

20. Реан А. А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика / А. А. Реан, А. Р. Кудашев, А. А. Баранов. СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. 479 с.

21. Романькова С. С. Студенческая молодежь как особая социально-демографическая категория // Наука, образование и культура. 2017. № 6 (21).

22. Словарь по этике / под ред. И. С. Кона. М. : Политическая литература, 1975. 392 с.

23. Смелзер Н. Социология. М. : Феникс, 1994. 688 с.

24. Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры. М. : РОССПЭН, 2004. 1064 с.

References

1. Bajburin A. K. U istokov etiketa: Etnograficheskie ocherki / A. K. Bajburin, A. L. Toporkov. L. : Nauka. Len. otd-nie, 1990. 166 s. (In Russ.).

2. Volchenko L. B. Kul'tura povedeniya, etiket, moral'. M. : Znanie, 1982. 64 s. (In Russ.).

3. Danilenko O. I. Moral'naya regulyaciya etiketnogo povedeniya studentov // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. 2015;1: 48–59. (In Russ.).

4. Danilenko O. I. O tipah ustanovok v otnoshenii etiketnyh modelej povedeniya i ih cennostnyh osnovaniyah // Cennostnye orientacii lichnosti v istoriko-psihologicheskom i kognitivnom kontekstah. 2013;4: 14. (In Russ.).

5. Danilenko O. I. Oprosnik «Otnoshenie k reprezentativnym pravilam etiketa» // Nauchnoe obozrenie: gumanitarnye issledovaniya. 2016. № 7. (In Russ.).

6. Danilenko O. I. Otnoshenie k pravilam vuzovskogo etiketa: osnovaniya i opyt empiricheskogo issledovaniya // Psihologiya segodnya: aktual'nye issledovaniya i perspektivy. 2022. Vol. 2: 54–58. (In Russ.).

7. Danilenko O. I. Prioritety funkcij etiketa u sovremennyh peterburgskih studentov // Aktual'nye problemy razvitiya sovremennoj nauki i obrazovaniya: sb. nauchnyh trudov po mat-m Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii 30 aprelya 2015 g.: v 5 chastyah. CH. V. M. : AR-Konsalt, 2015. S. 128–132. (In Russ.).

8. Danilenko O. I. Studenty o pravilah etiketa: prostranstvo smyslov // Gercenovskie chteniya: psihologicheskie issledovaniya v obrazovanii. 2019;2: 151–159. (In Russ.).
9. Danilenko O. I. Etiket i etiketnoe povedenie: ot kul'turologicheskogo analiza k psihologicheskomu issledovaniyu // Nauchnoe obozrenie: gumanitarnye issledovaniya. 2016;7: 50–56. (In Russ.).
10. Danilenko O. I. Ocenka znachimosti funkcij etiketa kitajskimi studentami // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 16. Psihologiya. Pedagogika. 2016;2: 67–78. (In Russ.).
11. Danilenko O. I. Prepodavateli i studenty: kakie pravila vzaimodejstviya narushayutsya? // Gercenovskie chteniya: psihologicheskie issledovaniya v obrazovanii. 2020;3: 135–144. (In Russ.).
12. Danilenko O. I. Predstavleniya studentov o motivacii soblyudeniya pravil etiketa kak prediktory etiketnogo povedeniya // Gercenovskie chteniya: psihologicheskie issledovaniya v obrazovanii. 2021;4: 124–130. (In Russ.).
13. Danilenko O. I. Etiketnoe povedenie v kontekste organizacionnoj kul'tury vuza // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2021;10: 28–41. (In Russ.).
14. Li C. Psihologicheskie faktory otnosheniya k etiketnym modelyam povedeniya u kitajskih i rossijskih studentov. SPb., 2017. 237 s. (In Russ.).
15. Lihachev D. S. Pis'ma o dobrom i prekrasnom. Literaturnye pamyatniki. M.; SPb., 2006. 321 s. (In Russ.).
16. Lihacheva L. S. Social'no-kul'turnyj status etiketa // Aktual'nye problemy sovremennoj kul'turologii. Nauchnoe izdanie: mezhvuzovskij sbornik nauch. trudov, posvyashchennyj 15-letiyu kafedry kul'turologii UrGPU. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2008. S. 72–86. (In Russ.).
17. Lihacheva L. S. Etika: teoriya i praktika: uchebnoe posobie. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta, 2019. 190 s. (In Russ.). (In Russ.).
18. Myasishchev V. N. Psihologiya otnoshenij. M.: MPSI, 2003. 400 s.
19. Petrenko T. V. Vozrastnye etapy processa separacii ot roditelej // Akmeologiya. 2016;4 (60). (In Russ.).
20. Rean A. A. Psihologiya adaptacii lichnosti. Analiz. Teoriya. Praktika / A. A. Rean, A. R. Kudashev, A. A. Baranov. SPb. : Prajm-EVROZNAK, 2006. 479 s. (In Russ.). (In Russ.).
21. Roman'kova S. S. Studencheskaya molodezh' kak osobaya social'no-demograficheskaya kategoriya // Nauka, obrazovanie i kul'tura. 2017;6 (21). (In Russ.).
22. Slovar' po etike / pod red. I. S. Kona. M. : Politicheskaya literatura, 1975. 392 s. (In Russ.).
23. Smelzer N. Sociologiya. M. : Feniks, 1994. 688 s. (In Russ.).
24. Uajt L. Izbrannoe: Evolyuciya kul'tury. M. : ROSSPEN, 2004. 1064 s. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 24.07.2026;
одобрена после рецензирования 29.08.2026;
принята к публикации 28.09.2026.

The article was submitted 24.07.2026;
approved after reviewing 29.08.2026;
accepted for publication 28.09.2026.

Научная статья

УДК 159.9

ОЦЕНКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ И КРИТЕРИЕВ УРОВНЕЙ СОВМЕСТНОЙ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ДЕТЬМИ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ НАЧАЛЬНОГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Дарья Дмитриевна Яркова [1, 2]
[1] *Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия*
[2] *Новосибирский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Новосибирск, Россия*
yarckova-dd@yandex.ru

Аннотация. В публикации представлено концептуальное обоснование и экспериментальное доказательство ведущей роли совместной детско-родительской активности в личностном становлении четвероклассников при завершении начальной школы. На основе психодиагностического комплекса систематизированы дифференциальные критерии и качественные индикаторы градаций детско-родительской деятельности в период предкризисного взросления. Обоснована система качественных показателей, раскрывающих характер детско-родительской кооперации: от ситуативного контакта до продуктивного и развивающего партнерства. Представлена авторская диагностическая анкета, апробированная на выборке из 104 родителей выпускников начальной школы Нижнего Новгорода. Математико-статистические расчеты (критерий Краскелл – Уоллис, регрессионный анализ) подтвердили связь уровней совместности со стилями воспитания и эмоциональной близостью. Материалы применимы в школьной психологической практике, при профессиональной подготовке педагогов начального звена и на курсах повышения квалификации педагогических работников.

Ключевые слова: младший школьник, заключительный этап начального общего образования, критерии, уровни совместной детско-родительской деятельности, педагог-психолог, психологическая диагностика

Для цитирования: Яркова Д.Д. Оценка показателей и критериев уровней совместной детско-родительской деятельности с детьми младшего школьного возраста на заключительном этапе начального общего образования // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 164–172. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/017.pdf.

Original article

ASSESSMENT OF INDICATORS AND CRITERIA FOR THE LEVELS OF COOPERATIVE CHILD-PARENT ACTIVITY WITH CHILDREN OF PRIMARY SCHOOL AGE AT THE FINAL STAGE OF PRIMARY GENERAL EDUCATION

Darya D. Yarkova [1, 2]
[1] *N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia,*
[2] *Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Novosibirsk, Russia*
yarckova-dd@yandex.ru

Abstract. The publication presents a conceptual justification and experimental evidence of the leading role of joint child-parent activity in the personal development of fourth-grade students upon completing primary school. Based on a psychodiagnostic complex, differential criteria and qualitative indicators of gradations of child-parent activity during the pre-crisis period of maturation have been systematized. A system of qualitative indicators revealing the nature of child-parent cooperation has been substantiated: from situational contact to productive and developmental partnership. An author's diagnostic questionnaire is presented, which was tested on

a sample of 104 parents of elementary school graduates in Nizhny Novgorod. Mathematical and statistical calculations (the Kruskal-Wallis test, regression analysis) confirmed the relationship between the levels of involvement and parenting styles and emotional closeness. The materials are applicable in school psychological practice and in the professional training of primary school teachers.

Keywords: primary school student, final stage of primary general education, criteria, levels of joint child-parent activity, educational psychologist, psychological assessment

For citation: Yarkova D.D. Assessment of indicators and criteria for the levels of cooperative child-parent activity with children of primary school age at the final stage of primary general education. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36): 164–172. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/017.pdf.

© Яркова Д.Д., 2026

Введение

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 66) и действующий стандарт начального общего образования (ФГОС НОО) ставят во главу угла разностороннее развитие личности ребенка. Начальная школа – это не просто период усвоения грамоты и счета. Именно в 1–4 классах закладывается эмоциональное благополучие растущего человека, формируется внутренняя позиция школьника и накапливается первичный опыт субъектного действия в учебной и внеучебной среде [19].

Однако четвертый год обучения психологи традиционно связывают с предкризисными трудностями. В работах С. В. Ганина, М. В. Григорьевой, Н. В. Ивановой, Т. Н. Князевой и Е. С. Николаевой показано, что к выпуску из начальной школы у детей нередко снижается интерес к урокам, колеблется самооценка и растет школьная тревожность. Надежной опорой для четвероклассника в этот период становится семья. Если родители не ограничиваются бытовой опекой, а выстраивают совместные дела, переживание кризиса сглаживается. Школьный психолог может опереться на этот ресурс во всех направлениях практики – от консультаций и тренингов до родительских собраний [4, 5].

Здесь отчетливо видно практическое противоречие: запросы школьной практики требуют объединения усилий семьи и педагогов, тогда как надежных инструментов оценки совместных дел у практиков до сих пор явно не хватает.

Настоящая работа призвана восполнить этот пробел: мы предлагаем систему качественных показателей и диагностическую анкету, позволяющую дифференцировать уровни совместной детско-родительской деятельности у четвероклассников.

Теоретическую основу нашего исследования составили две фундаментальные традиции отечественной психологии. Первая – субъектный подход, раскрытый в трудах К. А. Абульхановой-Славской, Б. Г. Ананьева, А. Г. Асмолова, А. В. Брушлинского, Е. Н. Волковой, В. В. Знакова, А. Н. Леонтьева, А. В. Петровского, С. Л. Рубинштейна и Е. А. Сергиенко. Согласно этим авторам, человек формируется как инициативный творец собственной жизни и активный участник совместных дел. Вторая – личностно-деятельностная концепция (исследования Е. В. Бондаревской, Л. И. Божович, И. А. Зимней, А. К. Марковой, А. А. Реана, Л. А. Регуш, В. В. Серикова, И. С. Якиманской, В. А. Якунина), утверждающая ценность внутреннего мира ребенка и важность признания его личного потенциала.

В младшем школьном возрасте ведущей задачей становится овладение учебной деятельностью – как отмечали Д. Б. Эльконин [14] и Л. И. Божович [3] (а также современные исследователи Н. П. Анисимова и Ю. А. Башкатова [1]), именно в учении складываются основы произвольности и рефлексии. Ребенок постепенно переходит от ведомого положения к самостоятельной учебной работе. По Э. Эриксону [15], на этом этапе формируется базовое чувство умелости и компетентности, либо комплекс неполноценности при систематических неудачах.

Параллельно расширяется круг социального общения: четвероклассник учится выстраивать продуктивный контакт с учителями, входит в группу сверстников, осваивает нормы взаимовыручки и правила честной игры в коллективе [10, 17, 18].

Особую роль при этом сохраняет контакт со значимым взрослым (Л. С. Выготский, Л. И. Божович, О. А. Карабанова, А. М. Прихожан). В современной литературе много внимания уделяется программам психолого-педагогического просвещения родителей и привлечению их к жизни школы (работы O. Alexandra, O. Chiș, S. M. Glaveanu, S. Kang, Y. Shao, К. Ю. Белоусова, О. А. Карабановой, К. А. Любицкой, М. Д. Матюшкиной, О. И. Пец). Однако практическая сторона совместных семейных дел

исследована заметно слабее. В распоряжении специалистов почти нет инструментов, оценивающих развивающий эффект повседневных домашних занятий родителей с четвероклассниками [2, 7, 11, 12].

Обобщая теоретические подходы, под совместной детско-родительской деятельностью с младшим школьником мы понимаем организованную систему взаимодействия, в которой ребенок и родители объединяются ради общего дела. В этом процессе складывается общее смысловое пространство: согласуются мотивы и цели, распределяются роли, а совместная рефлексия и радость от достигнутого превращают сотрудничество в действенную зону ближайшего развития школьника.

Для проверки теоретических положений мы провели эмпирическое психолого-педагогическое исследование, сосредоточенное на оценке параметров совместной деятельности в семьях четвероклассников.

Результаты исследования

Исследование проводилось на базе четырех школ Нижнего Новгорода: МАОУ № 186 «Авторская академическая школа», МБОУ «Школа № 169», МАОУ «Школа № 54» и МАОУ «Школа № 118». Выборку составили 104 родителя четвероклассников в возрасте от 28 до 53 лет, при этом 76 % респондентов являлись матерями.

Для сбора эмпирического материала применялась авторская анкета «Уровни совместной детско-родительской деятельности с младшим школьником» с опорой на критерии О. В. Суворовой [13], методика «Взаимодействие родитель – ребенок» И. М. Марковской [8, 9] и опросник «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ) Э. Г. Эйдемиллера и В. В. Юстицкиса [16].

В структуру опросника вошли вопросы, которые сгруппированы в 14 блоков, позволяющих оценить готовность родителей передавать инициативу ребенку, характер распределения обязанностей в семье, степень согласованности планов и эмоциональный тон контактов. Также фиксировались широта диапазона видов совместной деятельности родителей и младших школьников, предпочтительные формы взаимодействия (от бытовых обязанностей до интеллектуальных игр и совместного творчества).

Приведем пример формулировок из анкеты, раскрывающих логику диагностики:

«Вопрос 36. В нашей семье в совместной деятельности с ребенком мы стараемся предоставить инициативу ребенку:

1) чаще всего;

2) нет, чаще всего инициатива должна исходить от взрослого;

3) мы стараемся распределять инициативу поровну между родителем и ребенком.

Вопрос 37. В совместной деятельности в семье с младшим школьником чаще всего необходимо учить ребенка:

1) учить в равной мере сотрудничеству и соревнованию в деятельности;

2) распределять и оценивать индивидуальный вклад в совместной деятельности;

3) учить работать на общий результат».

Для статистической оценки различий применялись непараметрический H-критерий Краскела – Уоллиса и критерий согласия χ^2 Пирсона [20]. Уровни совместной деятельности (высокий, средний, низкий) выделялись на основе критериев, систематизированных в таблице 1.

Таблица 1 – Качественные показатели и критерии уровней совместной детско-родительской деятельности с младшим школьником

Table 1 – Qualitative indicators and criteria for levels of joint activity between parent and primary school-age child

Показатели	Критерии уровней		
	Высокий – развивающее сотрудничество и партнерство	Средний – продуктивное сотрудничество и партнерство	Низкий – ситуативное сотрудничество
1	2	3	4
1. Родительская позиция, которая обеспечивает равноправное распределение ролей и действий, обмен действиями, взаимодействие	партнерская / демократическая ориентирующая	доминантная / авторитарная ориентирующая или потворствующая	конфликтная или дистантная / отстраненная
2. Совместность замысла и пла-	замысел и план	замысел и план	замысел и план

нирования результата деятельности Конфликты на этапе замысла и планирования	предлагается и обсуждается совместно при партнерском взаимодействии	предлагается и обсуждается совместно при активной роли родителей	предлагают родители
3. Совместность действий организации и контроля по ходу деятельности пошаговый контроль хода или контроль по результату. Конфликты на этапе организации и контроля деятельности	совместно-распределенная организация и контроль; совместный пошаговый контроль по ходу, и результату	совместная организация и контроль при родительской помощи	организацию и контроль обеспечивают родители, или дети при минимальном участии родителей
4. Координация и коррекция совместных действий (обмен действиями и способами действий)	эффективная и координация и коррекция	продуктивная	непродуктивная
5. Гибкость в диспозиции ролей организатора и исполнителя; комплиментарность в функционально-ролевом распределении	гибкая диспозиция ролей организатора и исполнителя; комплиментарное функционально-ролевое распределение	не достаточно гибкая диспозиция ролей организатора и исполнителя	ригидная или конфликтная диспозиция ролей организатора и исполнителя
6. Общение и стратегии взаимодействия в процессе деятельности	развивающее субъект-субъектное, диалогическое стратегия партнерства	субъектно ориентированное стратегия успешности и самостоятельности ребенка	объектно ориентированное стратегия самостоятельности и контроля
7. Взаимопонимание как осознание соответствия собственных действий и результата и действий и действий и результатов партнера	продуктивное взаимопонимание	неконфликтное взаимопонимание	конфликтное взаимопонимание
8. Степень оригинальности продукта совместной деятельности	оригинальный	продуктивный	репродуктивный
9. Эмоциональный фон взаимодействия. Эмоции, чувства, поощрение (похвала действий личности – похвала успеха – похвала вознаграждением)	положительный деловой тон; безусловное принятие и поддержка, подтверждение, сопереживание и воодушевление; похвала действий личности	положительный неконфликтный тон; принятие, поощрение и неконфликтное взаимодействие; похвала успеха	амбивалентный и вознаграждающий тон; похвала вознаграждением
10. Систематичность совместной деятельности и вовлеченность родителей и детей	систематичность высокая вовлеченность	достаточная систематичность включенность	несистематичность отстраненность
11. Соотношение инициативности и активности партнеров Интересно со своим ребенком	баланс инициативы и активности детей и родите-	преобладает инициатива и активность одного из	преобладает инициатива и активность ро-

	лей;	партнеров	дителя
12. Вариативность форм совместной деятельности (индивидуальные вклады, позиционная / соревнование, содержательно-деятельностная / общий результат)	вариативность	достаточная вариативность	однообразие
13. Диапазон видов совместной деятельности родителей и младших школьников	учебно-познавательная; исследовательская; проектная; продуктивно-творческая; общественно-полезная; культурно-просветительская; физкультурно-оздоровительная и спортивная; игровая, рекреационная; хозяйственно-бытовая; общественно-значимая.		

Обобщенные результаты распределения респондентов по уровням совместной деятельности представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Уровни совместной детско-родительской деятельности с младшим школьником (авторская анкета «Уровни совместной детско-родительской деятельности с младшим школьником»)

Table 2 – Levels of joint parent-child activity with a primary school-aged child (author's questionnaire «Levels of joint parent-child activity with a primary school-aged child»)

Уровни совместной деятельности	Чел.	%
Низкий уровень – ситуационное сотрудничество	30	28,8
Средний уровень – продуктивное сотрудничество и партнёрство	63	60,6
Высокий уровень – развивающее сотрудничество и партнёрство	11	10,6
Итого	104	100

Полученное распределение асимметрично: около трети выборки (28,8 %) демонстрирует низкий уровень совместной деятельности, характеризующийся ситуативным сотрудничеством. В таких семьях взаимодействие наименее продуктивно: родители нередко занимают либо отстраненную, либо конфликтную позицию. Разногласия возникают уже на этапе замысла и планирования. В беседах и анкетах взрослые признаются, что требуют от четвероклассника беспрекословного подчинения, считая контроль исключительно своей прерогативой.

Анализ суждений родителей из первой подгруппы показывает, что совместная деятельность воспринимается ими преимущественно утилитарно: как необходимость обучить ребенка конкретному навыку или проконтролировать уроки. Взрослые ориентируются на скорейшее достижение видимого результата, не стремясь к равноправному сотрудничеству. Спектр совместных занятий здесь узок и ограничен бытовыми делами (уборка комнаты, вынос мусора) или эпизодической проверкой домашних заданий. Досуговые или творческие формы контактов практически отсутствуют.

Эмоциональная атмосфера в таких семьях часто характеризуется напряженностью. Родители сетуют на быструю утомляемость, непослушание и закрытость четвероклассников. Нередко звучат жалобы на взаимное раздражение и нехватку терпения («пока сто раз не скажешь – ничего не сделает», «начинаем делать уроки – сразу скандал»). Ребенок реагирует на такое давление уходом в защиту или встречным упрямством, что снижает продуктивность любых совместных дел.

Наиболее многочисленную группу составили семьи со средним уровнем совместной деятельности – 60,6 % выборки (а с учетом промежуточных шкал – 66,4 %). Этот уровень можно охарактеризовать как продуктивное сотрудничество. Позиция родителей здесь активна: они охотно вовлекаются в общие дела, помогают планировать шаги и координируют действия ребенка. Однако инициатором дел в большинстве случаев оказывается сам взрослый, а контроль за ходом выполнения остается за родителями.

Для семей с продуктивным уровнем типичны высокая регулярность и разнообразие занятий. Родители вместе с детьми участвуют в школьных конкурсах, мастер-

классах и спортивных эстафетах, готовят поделки и семейные проекты. В анкетах упоминаются дипломы и грамоты за победы в районных и городских выставках. Такие родители стремятся поддерживать тесную связь со школой и классным руководителем, активно участвуют в родительских комитетах и проявляют заинтересованность в учебных успехах четвероклассника.

Высокий уровень совместной деятельности – развивающее партнерство – зафиксирован у 10,6 % родителей. Для этой группы характерны подлинно диалогические, равноправные отношения со школьником. Взрослые чутко реагируют на инициативу ребенка, доверяют ему самостоятельное планирование и поддерживают в случае затруднений. Роли организатора и исполнителя здесь подвижны: в зависимости от ситуации лидерство легко переходит от взрослого к ребенку. Эмоциональный контакт отличается теплом, взаимным принятием и искренним сопереживанием. В протоколах это иллюстрируется яркими примерами: «играем в шашки, шахматы, ни с кем так неинтересно; ходим в спортзал – качаемся только вместе, по очереди замеряем время; наловчились вместе лепить пельмени, не успеваю за ней».

Родители с высоким уровнем осознают развивающую ценность совместности и получают подлинное удовольствие от общения с растущим ребенком. В беседах они отмечают: «важно просто быть рядом», «интересно придумывать новое вместе», «делимся мыслями как друзья». Они могут реже участвовать в формальных школьных мероприятиях, но всегда готовы поддержать классные походы, организовать экскурсии или провести для школьников творческие занятия.

Интересно, что в ответах на вопросы об игровом взаимодействии родители часто упоминают соревновательные моменты («кто больше отожмется», «кто быстрее соберет свою часть пазлов», «кто выиграет», «кто быстрее решит задачу, придумает решение», «кто придумает самое интересное название проекта», «кто быстрее почистит картошку»). Однако 76,9 % опрошенных подчеркивают, что дух состязания не разрушает общности: главным мотивом остаются совместный интерес и взаимная поддержка.

Именно зрелость сотрудничества служит главным качественным критерием для дифференциации уровней совместной детско-родительской деятельности.

Связь параметров детско-родительских отношений с уровнем сотрудничества и совместной деятельности

Обратимся к результатам регрессионного анализа, позволившего сопоставить показатели авторской анкеты со стандартизированными шкалами тестов Э. Г. Эйдемиллера и В. В. Юстицкиса, а также опросника И. М. Марковской. Построенная регрессионная модель продемонстрировала высокую статистическую надежность: коэффициент детерминации составил $R^2 = 0,9474$ при критерии Фишера $F = 44,023$ ($p < 0,001$).

Анализ регрессионных весов показал выраженную отрицательную связь показателя «сотрудничество» с деструктивными формами воспитания:

– гипопротекцией ($p = 0,001$);
– потребностей ребенка ($p = 0,010$);
– чрезмерностью запретов ($p = 0,001$);
– неустойчивостью стиля воспитания ($p = 0,034$);
– родительской неуверенностью ($p = 0,060$);
– фобией утраты ребенка ($p = 0,016$);
– неразвитостью родительских чувств ($p = 0,001$),
– выносом супружеских конфликтов в сферу воспитания ($p = 0,001$).

Также отрицательные связи отмечены со шкалами строгости и чрезмерного контроля. Напротив, ключевым позитивным предиктором сотрудничества выступила шкала «эмоциональная близость» ($p = 0,001$), что полностью согласуется с выводами О. А. Карабановой о роли эмоциональной поддержки в благополучии младших школьников [6].

Положительная связь сотрудничества со шкалой предпочтения детских качеств указывает на способность зрелых родителей принимать возрастное своеобразие четвероклассника.

Сопоставление диагностических показателей подтверждает содержательную обоснованность выделенных уровней совместной деятельности: различия между группами носят системный и статистически достоверный характер.

Ключевыми дифференцирующими критериями совместной деятельности выступают: соотношение равноправия и доминирования в паре, гибкость распределения ролей, уровень конфликтности, взаимная поддержка и согласованность инициатив

родителей и ребенка при решении общих задач.

Выводы

По итогам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

Теоретические выводы: совместная деятельность родителей и детей на этапе выпуска из начальной школы остается действенным, но во многом стихийно задействованным ресурсом личностного развития. В преддверии перехода в 5 класс четвероклассник особенно нуждается в поддерживающем партнерстве, смягчающем трудности возрастного кризиса.

Практические выводы: авторская методика позволяет надежно разграничить три уровня совместной деятельности: ситуативное сотрудничество (28,8 % семей), продуктивное партнерство (60,6 %) и развивающее сотрудничество (10,6 %). Выделенные градации тесно связаны с характером детско-родительских отношений, стилями воспитания и эмоциональным климатом в семье.

Результаты исследования имеют прямое практическое значение. Они могут использоваться школьными педагогами-психологами при разработке программ детско-родительского взаимодействия и индивидуальных консультаций, а также в вузовском обучении студентов направления 44.03.02 «Психология и педагогика начального образования» и на курсах повышения квалификации педагогических кадров.

Список источников

1. Ансимова Н. П. Развитие коммуникативной сферы младших школьников в процессе организации совместной деятельности с родителями / Н. П. Ансимова, Ю. А. Башкатова // Ярославский педагогический вестник. 2012. Т. 2. № 1. С. 285–290.
2. Белоусов К. Ю. Участие родителей в образовании своих детей и в образовательной политике школы / К. Ю. Белоусов, М. Д. Матюшкина // Перспективы науки и образования. 2020. № 5 (47). С. 222–245.
3. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб. : Питер, 2008. 378 с.
4. Григорьева М. В. Психологическая структура и динамика взаимодействий образовательной среды и ученика в процессе его школьной адаптации: дис. … д-ра психол. наук / Григорьева Марина Владимировна. Саратов, 2010. 520 с.
5. Иванова Е. Е. Феномен отчужденности в детско-родительских отношениях / Е. Е. Иванова, Ю. А. Сторожева. // Вестник университета. № 9. 2019. С. 190–195.
6. Карабанова О. А. Роль семьи и школы в обеспечении психологического благополучия младших школьников // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24, № 5. С. 16–26.
7. Карабанова О. А. Ориентирующий образ в структуре социальной ситуации развития ребенка: от Л. С. Выготского к П. Я. Гальперину // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2012. № 4. С. 73–82.
8. Марковская И. М. Опросник для изучения взаимодействия родителей с детьми // Семейная психология и семейная терапия. 1999. № 2. С. 94–108
9. Марковская И. М. Практика групповой работы с родителями. СПб. : Институт тренинга. 1998. 120 с.
10. Прихожан А. М. Проблема подросткового кризиса // Психологическая наука и образование. 2007. № 1. С. 82–88.
11. Прихожан А. М. Современный младший школьник: социальная ситуация развития и становление «Социального Я» // Образовательная политика. 2014. № 2 (64). С. 37–45.
12. Совместная учебная деятельность и развитие детей: коллективная монография / под ред. В. В. Рубцова, И. М. Улановской. М. : ФГБОУ ВО МГППУ, 2021. 352 с.
13. Суворова О. В. Оценка уровней развития совместной деятельности в детско-родительских отношениях с младшими подростками / О. В. Суворова, И. В. Васина // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 78-2. С. 383–387.
14. Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды / Д. Б. Эльконин; под ред. В. В. Давыдова, В. П. Зинченко. М. : Педагогика, 1989. 560 с.
15. Эриксон Э. Детство и общество СПб. : Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996. 592 с.
16. Эйдемиллер Э. Г. Психология и психотерапия семьи / Э. Г. Эйдемиллер, В. Э. Юстицкис. 4-е изд. СПб. : Питер, 2008. 672 с.

17. Яркова Д. Д. Совместная деятельность в контексте детско-родительских отношений с ребенком младшего школьного возраста / Д. Д. Яркова // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск Национальной гвардии. 2023. № 4 (25). С. 82.

18. Яркова Д. Д. Развитие личности младшего школьника в зависимости от уровня совместной деятельности в детско-родительских отношениях / Н. В. Иванова, Д. Д. Яркова // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29, № 3 (98). С. 276.

19. Яркова Д. Д. Психолого-педагогическое сопровождение развития личности младших школьников в совместной проектной детско-родительской деятельности / Н. В. Иванова, Д. Д. Яркова // Личность в современном обществе: исследование, образование, развитие: материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 85-летию доктора психологических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы РФ А. И. Крупнова. М., 2024. С. 352–358.

20. Яркова Д. Д. Совместная детско-родительская деятельность как фактор развития личности младшего школьника на заключительном этапе начального общего образования: дис. ... канд. психол. наук: 5.3.4. / Яркова Дарья Дмитриевна. Н. Новгород, 2025. 260 с.

References

1. Ansimova N. P. Razvitie kommunikativnoj sfery mladshih shkol'nikov v processe organizacii sovmestnoj deyatel'nosti s roditelyami / N. P. Ansimova, YU. A. Bashkatova // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2012. Vol. 2;1: 285–290.

2. Belousov K. YU. Uchastie roditelej v obrazovanii svoih detej i v obrazovatel'noj politike shkoly / K. YU. Belousov, M. D. Matyushkina // Perspektivy nauki i obrazovaniya. 2020;5 (47): 222–245.

3. Bozhovich L. I. Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste. SPb. : Piter, 2008. 378 s.

4. Grigor'eva M. V. Psihologicheskaya struktura i dinamika vzaimodejstvij obrazovatel'noj sredy i uchenika v processe ego shkol'noj adaptacii: dis. … d-ra psihol. nauk / Grigor'eva Marina Vladimirovna. Saratov, 2010. 520 s.

5. Ivanova E. E. Fenomen otchuzhdennosti v detsko-roditel'skih otnosheniyah / E. E. Ivanova, YU. A. Storozheva. // Vestnik universiteta. № 9. 2019. S. 190–195.

6. Karabanova O. A. Rol' sem'i i shkoly v obespechenii psihologicheskogo blagopoluchiya mladshih shkol'nikov // Psihologicheskaya nauka i obrazovanie. 2019. Vol. 24;5: 16–26.

7. Karabanova O. A. Orientiruyushchij obraz v strukture social'noj situacii razvitiya rebenka: ot L. S. Vygotskogo k P. YA. Gal'perinu // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya. 2012;4: 73–82.

8. Markovskaya I. M. Oprosnik dlya izucheniya vzaimodejstviya roditelej s det'mi // Semejnaya psihologiya i semejnaya terapiya. 1999;2: 94–108

9. Markovskaya I. M. Praktika gruppovoj raboty s roditelyami. SPb. : Institut treninga. 1998. 120 s.

10. Prihozhan A. M. Problema podrostkovogo krizisa // Psihologicheskaya nauka i obrazovanie. 2007;1: 82–88.

11. Prihozhan A. M. Sovremennyj mladshij shkol'nik: social'naya situaciya razvitiya i stanovlenie «Social'nogo YA» // Obrazovatel'naya politika. 2014;2 (64): 37–45.

12. Sovmestnaya uchebnaya deyatel'nost' i razvitie detej: kollektivnaya monografiya / pod red. V. V. Rubcova, I. M. Ulanovskoj. M. : FGBOU VO MGPPU, 2021. 352 s.

13. Suvorova O. V. Ocenka urovnej razvitiya sovmestnoj deyatel'nosti v detsko-roditel'skih otnosheniyah s mladshimi podrostkami / O. V. Suvorova, I. V. Vasina // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2023;78-2: 383–387.

14. El'konin D. B. Izbrannye psihologicheskie trudy / D. B. El'konin; pod red. V. V. Davydova, V. P. Zinchenko. M. : Pedagogika, 1989. 560 s.

15. Erikson E. Detstvo i obshchestvo SPb. : Lenato, AST, Fond «Universitetskaya kniga», 1996. 592 s.

16. Ejdemiller E. G. Psihologiya i psihoterapiya sem'i / E. G. Ejdemiller, V. E. YUstickis. 4-e izd. SPb. : Piter, 2008. 672 s.

17. YArkova D. D. Sovmestnaya deyatel'nost' v kontekste detsko-roditel'skih otnoshenij s rebenkom mladshego shkol'nogo vozrasta / D. D. YArkova // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk Nacional'noj gvardii. 2023;4 (25): 82.

18. YArkova D. D. Razvitie lichnosti mladshego shkol'nika v zavisimosti ot urovnya sovmestnoj deyatel'nosti v detsko-roditel'skih otnosheniyah / N. V. Ivanova, D. D. YArkova // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2024. Vol. 29;3 (98): 276.

19. YArkova D. D. Psihologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie razvitiya lichnosti mladshih shkol'nikov v sovmestnoj proektnoj detsko-roditel'skoj deyatel'nosti / N. V. Ivanova, D. D. YArkova // Lichnost' v sovremennom obshchestve: issledovanie, obrazovanie, razvitie: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchyonnoj 85-letiyu doktora psihologicheskih nauk, professora, zasluzhennogo rabotnika vysshej shkoly RF A. I. Krupnova. M., 2024. S. 352–358.

20. YArkova D. D. Sovmestnaya detsko-roditel'skaya deyatel'nost' kak faktor razvitiya lichnosti mladshego shkol'nika na zaklyuchitel'nom etape nachal'nogo obshchego obrazovaniya: dis. ... kand. psihol. nauk: 5.3.4 / YArkova Dar'ya Dmitrievna. N. Novgorod, 2025. 260 s.

Информация об авторе

Д. Д. Яркова *– кандидат психологических наук*

Information about the author

D. D. Yarkova *– Candidate of Sciences (Psychological)*

Статья поступила в редакцию 05.09.2026;
одобрена после рецензирования 18.09.2026;
принята к публикации 28.09.2026.

The article was submitted 25.09.2026;
approved after reviewing 18.09.2026;
accepted for publication 28.09.2026.

Научная статья

УДК 159.9:351.753.3:378.6(470)

ТРЕНАЖЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ К ПРИМЕНЕНИЮ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

Айнур Айдарович Даминов
Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Уфа, Россия
arturakbarov0@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются роль и место тренажерных технологий в системе психологической подготовки курсантов образовательных организаций МВД России к применению огнестрельного оружия. Обоснована актуальность интеграции технических средств обучения в процессе формирования психофизиологической устойчивости и морально-психологической готовности будущих сотрудников органов внутренних дел. Проанализированы теоретические подходы к организации психологической подготовки стрелка, дана классификация современных тренажерных комплексов, применяемых в ведомственных вузах. Предложена поэтапная модель включения тренажерных технологий в психологическую подготовку курсантов, а также сформулированы рекомендации по дальнейшему совершенствованию данного направления.

Ключевые слова: психологическая подготовка, огневая подготовка, тренажерные технологии, огнестрельное оружие, психофизиологическая устойчивость, экстремальные ситуации

Для цитирования: Даминов А.А. Тренажерные технологии в системе психологической подготовки курсантов образовательных организаций МВД России к применению огнестрельного оружия // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 173–181. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/018.pdf.

Original article

SIMULATION TECHNOLOGIES IN THE SYSTEM OF PSYCHOLOGICAL TRAINING OF CADETS OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA FOR THE USE OF FIREARMS

Ainur A. Daminov
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Ufa, Russia
arturakbarov0@gmail.com

Abstract. This article examines the role and place of simulator technologies in the psychological training of cadets at educational institutions of the Russian Ministry of Internal Affairs for the use of firearms. The relevance of integrating technical training tools into the development of psychophysiological resilience and moral and psychological readiness of future law enforcement officers is substantiated. Theoretical approaches to organizing shooter psychological training are analyzed, and a classification of modern simulator systems used in departmental higher education institutions is provided. A step-by-step model for incorporating simulator technologies into cadet psychological training is proposed, along with recommendations for further improvement in this area.

Keywords: psychological training, firearms training, training technologies, firearms, psychophysiological stability, extreme situations

For citation: Daminov A.A. Simulation technologies in the system of psychological training of cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the use of firearms. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;3(36): 173–181. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/018.pdf.

© Даминов А.А., 2026

Введение

Условия реального применения оружия в практической деятельности сотрудников органов правопорядка существенно отличаются от учебных. В реальной оперативно-служебной обстановке сотрудник нередко вынужден принимать решение о применении огнестрельного оружия в сложной, динамично изменяющейся ситуации: при наличии непосредственной угрозы собственной жизни либо жизни иных лиц, в отношении лиц, активно сопротивляющихся, движущихся или скрывающихся правонарушителей, при ограниченной видимости, неблагоприятных погодных условиях, нестандартном расположении объектов в пространстве и воздействии иных внешних факторов. В таких обстоятельствах значение приобретает не только уровень технической стрелковой подготовленности, но и способность сотрудника быстро оценивать обстановку, сохранять самообладание, контролировать эмоциональное состояние и выбирать правомерный, тактически обоснованный способ действий. От правильности реакции на совокупность указанных факторов во многом зависят жизнь и здоровье сотрудников, граждан, а также результативность выполнения той или иной служебной задачи.

Психологическая подготовка сотрудников органов внутренних дел является необходимым элементом их профессионального обучения, поскольку специфика служебной деятельности нередко связана с воздействием повышенных эмоциональных и стрессовых нагрузок. Наиболее отчетливо это проявляется в ситуациях, предполагающих возможность применения огнестрельного оружия. В подобных условиях от сотрудника требуется не только знание правовых оснований применения оружия и владение практическими навыками стрельбы, но и способность сохранять самообладание, объективно оценивать складывающуюся обстановку и принимать решения в ограниченный промежуток времени. Очевидно, что выполнение таких задач сопровождается значительным психическим напряжением и высокой степенью ответственности за возможные последствия принимаемых решений. В связи с этим психологическая подготовка должна быть направлена на формирование устойчивости к стрессовым воздействиям, развитие самоконтроля и закрепление профессионально значимых качеств личности сотрудника.

В этой связи развитие технического мастерства в процессе огневой подготовки должно рассматриваться во взаимосвязи с психологической подготовкой. Доведение базовых действий с оружием до устойчивого навыка позволяет высвободить психические ресурсы для анализа обстановки, принятия решения, оценки правовых оснований применения оружия и контроля за безопасностью окружающих. Иными словами, автоматизация отдельных двигательных и технических действий не является самоцелью, а выступает необходимым условием более эффективного поведения сотрудника в экстремальной ситуации.

Огневая подготовка в системе МВД России направлена не только на формирование техники стрельбы и навыков безопасного обращения с оружием, но и на выработку готовности к действиям в условиях, максимально приближенных к реальной служебной деятельности [9]. Вместе с тем традиционные занятия в тире не всегда позволяют в полной мере воспроизвести такие факторы, как внезапность нападения, дефицит времени, эмоционально-психологическое напряжение, необходимость выбора между несколькими вариантами поведения, наличие посторонних лиц и высокая цена ошибки. Именно поэтому особое значение приобретают тренажерные технологии, позволяющие моделировать сложные служебные ситуации и создавать управляемую учебную среду, приближенную к условиям практической деятельности.

Основные положения

При выполнении прицельного выстрела основная нагрузка ложится на центральную нервную систему. Недостаточный уровень психологической устойчивости проявляется в треморе рук, учащенном сердцебиении, страхе, тревоге, сомнении и неуверенности, что неизбежно сказывается на точности

попадания. Исследователи отмечают, что сотрудники и курсанты МВД России должны уметь не только устойчиво и быстро направлять оружие на правонарушителя, но и быть морально и психологически подготовленными к чрезвычайным ситуациям [8].

Следует отметить, что состояние психоэмоционального напряжения может возникать не только непосредственно при применении оружия, но и на этапах, предшествующих выполнению огневых упражнений. Практика показывает, что момент получения табельного оружия и снаряжения его боевыми патронами нередко сопровождается выраженным психоэмоциональным напряжением. Это обусловлено тем, что обучающийся осознает реальность возможных последствий обращения с оружием, а также степень личной ответственности за каждое действие и принимаемое решение. Следовательно, уже сама выдача боевых патронов может выступать самостоятельным стрессогенным фактором, вызывающим внутреннее напряжение, тревожность и неуверенность в собственных действиях.

В структуре психологической готовности к применению оружия можно выделить когнитивный, эмоционально-волевой и поведенческий компоненты. Когнитивный компонент включает знание правовых оснований применения оружия и алгоритмов действий в типовых ситуациях. Эмоционально-волевой компонент предполагает способность управлять своим состоянием, преодолевать страх и неуверенность. Поведенческий компонент выражается в автоматизированных навыках, позволяющих эффективно действовать даже на фоне высокого стресса.

Данное обстоятельство показывает, что психологическая подготовка к применению огнестрельного оружия не может ограничиваться только традиционными формами проведения занятий по огневой подготовке. Она должна включать такие методы и средства обучения, которые позволяют постепенно адаптировать курсантов к условиям риска, дефицита времени и повышенной ответственности. В современных условиях решение этой задачи связано с внедрением инновационных подходов в образовательный процесс.

Под «инновациями» в данном случае следует понимать совершенствование педагогических технологий, методов, приемов и средств обучения, направленных на повышение эффективности профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел.

Инновационная деятельность в образовательных организациях МВД России тесно связана с использованием современных тренажерных технологий. Их применение позволяет моделировать сложные служебные ситуации, приближенные к реальной оперативной обстановке, и формировать у курсантов не только технические навыки обращения с оружием, но и психологическую устойчивость, уверенность и готовность к принятию правомерных решений в условиях эмоционального напряжения [16; 18].

В настоящее время в образовательных организациях системы МВД России применяется несколько разновидностей специальных стрелковых тренажеров, которые в зависимости от принципа функционирования можно подразделить на оптико-электронные, лазерные и интерактивные комплексы [20]. Их использование способствует повышению эффективности обучения, обеспечивая моделирование различных сценариев стрельбы, анализ допущенных ошибок и их оперативную коррекцию [17].

Оптико-электронные стрелковые тренажеры представляют собой образцы боевого оружия либо их массогабаритные макеты, оснащенные устройствами имитации выстрела. Данная группа тренажеров позволяет получать обратную связь по допущенным курсантами ошибкам с высокой точностью, которая не всегда доступна даже опытным преподавателям посредством их визуального контроля. Несмотря на высокую точность фиксации результатов, основанную на регистрации попадания в определенную область мишени, такие системы не всегда позволяют установить непосредственные причины допущенных при стрельбе ошибок. В частности, технические средства не могут оценить правильность изготовки, особенности хвата, характер обработки спускового крючка, степень психоэмоционального напряжения и другие факторы, оказывающие влияние на точность стрельбы. В связи с этим особое значение приобретает контроль со стороны преподавателя, который должен не только анализировать результаты стрельбы, но и своевременно выявлять причины непопадания по мишени, осуществ-

лять корректировку действий курсанта и формировать правильные навыки обращения с оружием [17].

Одним из наиболее известных электронных тренажеров является комплекс «СКАТТ», предназначенный для обучения и совершенствования техники стрельбы по неподвижным мишеням. Принцип его работы основан на фиксации траектории движения оружия относительно цели при помощи специального датчика, закрепляемого на оружии стрелка. Информация, поступающая с датчика, передается на компьютер, где посредством специализированного программного обеспечения отображается перемещение точки прицеливания на фоне мишени. Момент выстрела фиксируется в виде отметки попадания, а все результаты сохраняются в памяти программы для последующего анализа допущенных ошибок [11].

Особенность применения тренажера «СКАТТ» заключается в возможности систематической отработки техники стрельбы без использования боеприпасов. Эффективность таких тренировок достигается при их регулярном проведении и сочетании с практическими стрельбами из боевого оружия. Постоянное выполнение однотипных двигательных действий способствует формированию устойчивых двигательных стереотипов (так называемой «мышечной памяти»), что имеет существенное значение для выработки овладения правильной техникой производства выстрела. При этом следует учитывать, что результативность стрельбы определяется не только уровнем технической подготовленности, но и психоэмоциональным состоянием стрелка. В этой связи использование тренажерных комплексов позволяет в определенной степени отслеживать и корректировать влияние данного фактора в ходе учебно-тренировочного процесса [4; 23].

Систематические занятия с применением комплекса «СКАТТ» способствуют развитию общей и специальной выносливости, формированию устойчивой мышечной координации, а также способности адекватно реагировать на внешние раздражители. Важным преимуществом данного тренажера также является возможность обучения правильному хвату оружия – как одной, так и двумя руками – в зависимости от поставленных задач. С его помощью отрабатываются навыки прицеливания, плавной обработки спуска. Особое значение имеет формирование умения правильно выбирать район прицеливания с учетом расстояния до цели, поскольку именно эти элементы нередко вызывают затруднения у начинающих стрелков [1].

Среди лазерных тренажерных комплексов широкое распространение получил лазерный стрелковый тир «Рубин». Принцип его работы основан на проецировании видеосюжетов на экран с последующей фиксацией результатов стрельбы. Данный комплекс позволяет отрабатывать навыки ведения огня как в статичном положении, так и при перемещении. Одновременно тренировку могут проходить несколько курсантов, что повышает эффективность организации учебного процесса. Система включает камеры и специальные устройства, определяющие координаты лазерной точки и передающие данные в компьютерный процессор. Результаты стрельбы автоматически отображаются на экране и могут использоваться преподавателем для последующего анализа и оценки действий обучающихся [2; 7].

Преимущество тренажера состоит в том, что он позволяет воспроизводить внезапное появление и перемещение целей, использовать звуковые эффекты, а также имитировать ведение ответного огня со стороны условного правонарушителя. Благодаря этому у курсантов формируются навыки действий в условиях повышенного психоэмоционального напряжения и дефицита времени. Кроме того, данный тренажер обеспечивает возможность отработки стрельбы по неподвижным, движущимся, проецируемым мишеням, а также совершенствования навыков ведения скоростной стрельбы с разных дистанций и положений сразу по нескольким мишеням. В процессе таких занятий целесообразно применять элементы внезапности, устанавливать временные ограничения и вводить дополнительные отвлекающие факторы. Создание указанных условий способствует развитию способности быстро ориентироваться в изменяющейся обстановке, принимать решения в стрессовой ситуации и адекватно реагировать на различные варианты развития событий.

Формирование психофизиологической устойчивости является одной из ключевых задач психологической подготовки. Под психофизиологической устойчивостью в контексте стрельбы понимают способность курсанта сохранять оптимальный

уровень возбуждения, управление эмоциональным состоянием и точность движений при высокой информационной и временной нагрузке [6]. Современные тренажеры позволяют моделировать условия динамично меняющейся тактической обстановки: движущиеся цели, внезапные звуковые и световые раздражители, смена позиции, ограниченное время на решение.

Результаты эмпирических исследований подтверждают наличие тесной связи между уровнем психоэмоциональной устойчивости и качеством стрельбы. Снижение уровня тревожности и развитие навыков психической саморегуляции во многом оказывают положительное влияние на результаты стрельбы. Вместе с тем следует учитывать, что у курсантов с различными типами нервной системы отмечены различия в адаптации к психофизическим нагрузкам в процессе огневой подготовки, что объективно обусловливает необходимость индивидуального подхода к организации психологической подготовки с использованием тренажерных технологий [6].

В период обучения перед образовательными организациями системы МВД России стоит задача сформировать у курсантов готовность к действиям в условиях повышенного риска, дефицита времени и психоэмоционального напряжения. Это предполагает не только совершенствование практических навыков обращения с оружием, но и развитие психологической устойчивости, способности сохранять самообладание, а также принимать быстрые и обоснованные решения в сложной оперативной обстановке [12].

Важным аспектом психологической подготовки является формирование так называемой «психологии стрелка». Психологическое восприятие выстрела на занятии по огневой подготовке оказывает существенное влияние на результативность обучения. Уровень готовности курсантов к применению оружия напрямую связан с качеством проводимых мероприятий на занятиях по огневой подготовке, то есть приемам и правилам стрельбы, и их морально-психологической готовностью произвести выстрел в любой экстремальной ситуации [19].

К числу факторов, влияющих на психологическое состояние курсанта при проведении учебных стрельб, относятся шум выстрела, отдача оружия, ограниченное время на выполнение упражнения, риск ошибки, а также социальная ответственность. Осознанное использование тренажерных технологий позволяет постепенно адаптировать курсанта к данным стресс-факторам, формируя механизмы совладающего поведения и повышая общую стрессоустойчивость [3; 10].

Необходимо отметить, что психологическая подготовка к применению оружия не может быть сведена исключительно к формированию технических навыков. Она должна включать развитие эмоциональной устойчивости, способности к саморегуляции, уверенности в своих действиях и правомерности принимаемых решений. Психологическая саморегуляция рассматривается как условие успешного прохождения дисциплины «Огневая подготовка», поскольку большинству слушателей профессиональной подготовки необходимо осуществлять психологическую саморегуляцию при работе с оружием [21].

Эффективное использование тренажерных технологий в психологической подготовке курсантов требует разработки целостной методики, основанной на принципах системности, последовательности, индивидуализации и постепенного наращивания сложности упражнений. Такая методика может быть представлена в виде трех последовательных этапов.

Первый этап – подготовительный – предполагает ознакомление курсантов с оружием и формирование базовых технических навыков с использованием тренажеров, позволяющих минимизировать стрессовый фактор. С помощью тренажеров типа «СКАТТ» курсанты психологически и физиологически привыкают к оружию, его свойствам и особенностям. Применение тренажеров на данном этапе способствует снижению тревожности и формированию первичной уверенности в обращении с оружием. Электронные стрелковые тренажеры позволяют курсантам на подготовительном этапе овладеть основными навыками стрельбы без использования боевого оружия [17].

Второй этап направлен на формирование психофизиологической устойчивости посредством тренажерных упражнений с возрастающим уровнем сложности и введением дополнительных стресс-факторов. Практическая реализация подготовки курсантов в условиях динамично меняющейся обстановки предполагает использование комплексных упражнений, включающих стрельбу после физической нагрузки (бег,

приседания, отжимания, преодоление препятствий), стрельбу в условиях ограниченного времени, при звуковых и световых помехах. Важным элементом второго этапа является применение идеомоторных методик, которые рассматриваются как составляющая формирования психофизиологических качеств профессиональной подготовки курсантов [5].

Третий этап предполагает комплексное формирование психологической готовности к применению оружия в условиях, максимально приближенных к реальным. На данном этапе применяются интерактивные тренажерные комплексы с использованием технологий виртуальной реальности, позволяющие моделировать целостные сценарии оперативно-служебной деятельности.

Особое внимание следует уделять междисциплинарному подходу к подготовке. Некоторые особенности подготовки обучающихся в образовательных организациях МВД России к действиям с применением огнестрельного оружия, специальных средств и физической силы заключаются в необходимости интеграции знаний из области психологии, педагогики, юриспруденции и тактико-специальной подготовки. Тренажерные технологии в данном контексте выступают связующим звеном, позволяющим объединить различные аспекты профессиональной подготовки в единый учебный комплекс [15].

Заключение

Современные изменения, происходящие в обществе, а также динамика социально-экономического и культурного развития государства обусловили необходимость модернизации отечественной системы образования, в том числе подготовки сотрудников органов внутренних дел. В связи с этим особое внимание стало уделяться внедрению инновационных технологий и совершенствованию методов обучения, направленных на повышение эффективности профессиональной подготовки курсантов.

Использование тренажерных технологий в рамках занятий по огневой подготовке обеспечивает возможность моделирования экстремальных ситуаций, формирования психофизиологической устойчивости, эмоционально-волевой регуляции и готовности к принятию решений в экстремальных условиях [12]. Также интеграция тренажерных технологий в образовательный процесс способствует повышению эффективности огневой подготовки в целом и снижает риск ошибок при реальном применении оружия. Благодаря применению таких технологий у курсантов формируются не только навыки обращения с огнестрельным оружием, но и такие профессионально-значимые качества, как психологическая устойчивость, самоконтроль, стрессоустойчивость, способность к быстрому принятию решений и готовность действовать в условиях риска. Кроме того, тренажерные комплексы позволяют отрабатывать типовые и нестандартные ситуации без угрозы для жизни и здоровья обучающихся, анализировать допущенные ошибки, корректировать поведение и постепенно повышать уровень сложности учебных задач [13; 14]. Как следствие, тренажерная подготовка выступает важным элементом комплексной подготовки будущих сотрудников органов внутренних дел к правомерному, безопасному и эффективному применению огнестрельного оружия в реальных условиях служебной деятельности.

Вместе с тем результаты научных исследований в области огневой подготовки свидетельствуют о том, что использование даже наиболее современных технических и педагогических решений не всегда обеспечивает достижение ожидаемых результатов. Само по себе внедрение инноваций не может рассматриваться как универсальное средство, автоматически гарантирующее высокий уровень подготовки обучающихся. Эффективность применения инновационных технологий во многом определяется обоснованностью их использования, уровнем методического сопровождения, а также способностью преподавателя адаптировать соответствующие средства обучения к конкретным условиям образовательного процесса.

Следовательно, инновационные технологии целесообразно рассматривать не как самостоятельную основу подготовки, а как дополнительный педагогический инструмент, применение которого должно сочетаться с традиционными методами обучения, практической подготовкой и профессиональным контролем со стороны преподавателя. Именно комплексный подход позволяет обеспечить необходимый уровень огневой и психологической готовности будущих сотрудников органов внутренних дел.

Список источников

1. Галда М. В. Применение современных технических средств на занятиях по огневой подготовке / А. А. Антоненко, А. Э. Есипенко // Актуальные вопросы совершенствования служебно-боевой подготовки сотрудников в органах внутренних дел. 2019. С. 55–59.

2. Гилев А. М. Условия эффективности методики огневой подготовки курсантов с использованием современных технических средств обучения / А. М. Гилев, А. Р. Хамитова // Актуальные проблемы совершенствования огневой подготовки в уголовно-исполнительной системе. 2018. С. 59–61.

3. Гончаров С. В. Современные стрелковые тренажеры и их комплексное применение в процессе огневой подготовки курсантов военных вузов / С. В. Гончаров, Б. В. Дидык // Мир образования – образование в мире. 2016. № 3 (63). С. 193–198.

4. Ермоленко С. А. Особенности использования стрелкового тренажера СКАТТ на занятиях по огневой подготовке / С. С. Клименко, А. В. Кирза // Эпоха науки. 2020. № 22. С. 47–49.

5. Усков С. В. Идеомоторные методики как составляющая формирования специальных психофизиологических навыков профессиональной рукопашной подготовки курсантов вузов МВД России / А. С. Веремьёв, А. А. Жамборов // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 74-1. С. 280–282.

6. Иоганнес И. С. Методика формирования психофизиологической устойчивости курсантов при выполнении упражнений по стрельбе в условиях динамично меняющейся тактической обстановки / К. А. Коровина, П. Д. Отрощенко // Молодой ученый. 2026. № 13 (616). С. 313–315.

7. Кемов С. А. Организация и проведение занятий по огневой подготовке с использованием компьютерно-тренажерных средств / С. А. Кемов, Д. С. Гужова // Актуальные проблемы совершенствования навыков обращения с автоматом (карабином) у сотрудников правоохранительных органов. 2018. С. 47–49.

8. Кобленков А. Ю. Психологические особенности производства прицельного выстрела / В. С. Трубина Ю. А. Умнягина // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № Т36. С. 27–31.

9. Ковалев Т. В., Вербилов А. Ф. Некоторые вопросы методики обучения огневой подготовке сотрудников органов внутренних дел / Т. В. Ковалев А. Ф. Вербилов // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2025. № 25. С. 264–265.

10. Конычев А. А. Освоение огневой подготовки курсантами МВД в современном мире с применением инновационных технологий / Д. И. Ураков, И. В. Ураков // ПерсПективы науки. 2020. С. 24.

11. Коряковцев Д. А. Использование стрелковых тренажеров на занятиях по огневой подготовке в образовательных организациях МВД России / А. В. Плешков, В. И. Гурылев // Эпоха науки. 2021. № 25. С. 96–98.

12. Кукарских П. Р. Создание моделей экстремальных ситуаций в процессе огневой подготовки курсантов образовательных учреждений МВД России // Социальное управление. 2024. Т. 6, № 2S. С. 303–308.

13. Куликов А. А. Применение новых технологий в процессе проведения занятий по огневой подготовке / А. А. Куликов Е. Ю. Домрачева // Инновационные методики формирования спортивно-технических и прикладных двигательных навыков. 2020. С. 76–78.

14. Малышев А. Г. Применение инновационных технологий в учебном процессе по огневой подготовке / А. Г. Малышев, А. М. Сажина // Актуальные проблемы совершенствования навыков обращения с автоматом (карабином) у сотрудников правоохранительных органов. 2018. С. 137–139.

15. Мирзоева А. Ф. Некоторые особенности подготовки обучающихся в образовательных организациях МВД России к действиям в условиях с применением огнестрельного оружия, специальных средств, физической силы / А. Ф. Мирзоева, М. Б. Кузнецов // Автономия личности. 2026. № 1 (38). С. 86–91.

16. Озеров И. Н. Применение инновационных технологий в огневой подготовке сотрудников правоохранительных органов // Эпоха науки. 2016. № 6. С. 76–78.

17. Попов А. А. Огневая подготовка курсантов образовательных учреждений МВД России на основе современных технических средств обучения / С. В. Глухов А. В. Бакай //Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 87-2. С. 337–339.

18. Струганов С. М. Инновации, применяемые на занятиях по огневой подготовке для повышения стрелковой подготовленности у сотрудников органов внутренних дел Российской

Федерации / Л. В. Моторин Э. Э. Кугно // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 3 (25). С. 142–148.

19. Тихонович М. И. Психологическое восприятие выстрела на занятии по огневой подготовке у курсантов и слушателей образовательных организаций Министерства внутренних дел России / М. И. Тихонович, Н. А. Савчук // Автономия личности. 2021. № 3 (26). С. 47–52.

20. Торгерсен А. С. Использование тренажеров в огневой подготовке в образовательных организациях МВД России // E-Scio. 2020. № 10 (49). С. 390–396.

21. Фишер И. В. Психологическая саморегуляция как условие успешного прохождения дисциплины «Огневая подготовка» // Полицейская деятельность. 2024. № 4. С. 89–102.

22. Черемин Н. В. Применение системы стрелковых тренажеров «СКАТТ» на практических занятиях по дисциплине «Огневая подготовка» // Теория и практика социогуманитарных наук. 2020. № 2 (10). С. 56–60.

References

1. Galda M. V. Primenenie sovremennyh tekhnicheskih sredstv na zanyatiyah po ognevoj podgotovke / A. A. Antonenko, A. E. Esipenko // Aktual'nye voprosy sovershenstvovaniya sluzhebno-boevoj podgotovki sotrudnikov v organah vnutrennih del. 2019. S. 55–59. (In Russ.).

2. Gilev A. M. Usloviya effektivnosti metodiki ognevoj podgotovki kursantov s ispol'zovaniem sovremennyh tekhnicheskih sredstv obucheniya / A. M. Gilev, A. R. Hamitova // Aktual'nye problemy sovershenstvovaniya ognevoj podgotovki v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme. 2018. S. 59–61. (In Russ.).

3. Goncharov S. V. Modern shooting simulators and their comprehensive use in the fire training of military university cadets / S. V. Goncharov, B. V. Didyk // Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire. 2016;3 (63): 193–198. (In Russ.).

4. Ermolenko S. A. Features of using the SKATT shooting simulator in fire training classes / S. S. Klimenko, A. V. Kirza // Epoha nauki. 2020;22: 47–49. (In Russ.).

5. Uskov S. V. Ideomotor techniques as a component of the formation of special psychophysiological skills in professional hand-to-hand combat training of cadets at Russian Interior Ministry universities / A. S. Verem'yov, A. A. ZHamborov // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2022;74-1: 280–282. (In Russ.).

6. Iogannes I. S. Methodology for developing cadets' psychophysiological stability during shooting exercises in a dynamically changing tactical environment / K. A. Korovina, P. D. Otroshchenko // Molodoj uchenyj. 2026;13 (616): 313–315. (In Russ.).

7. Kemov S. A. Organizaciya i provedenie zanyatij po ognevoj podgotovke s ispol'zovaniem komp'yuterno-trenazhernyh sredstv / S. A. Kemov, D. S. Guzhova // Aktual'nye problemy sovershenstvovaniya navykov obrashcheniya s avtomatom (karabinom) u sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov. 2018. S. 47–49. (In Russ.).

8. Koblenkov A. YU. Psychological features of the aimed shot production / V. S. Trubina YU. A. Umnyagina // Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Koncept». 2017;T36: 27–31. (In Russ.).

9. Kovalev T. V. Some issues of teaching fire training to employees of internal affairs bodies / T. V. Kovalev, A. F. Verbilov // Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. 2025;25: 264–265. (In Russ.).

10. Konychev A. A. Osvoenie ognevoj podgotovki kursantami MVD v sovremennom mire s primeneniem innovacionnyh tekhnologij / D. I. Urakov, I. V. Urakov // PersPektivy nauki. 2020. S. 24. (In Russ.).

11. Koryakovcev D. A. Use of shooting simulators in fire training classes at educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia / A. V. Pleshkov, V. I. Gurylev // Epoha nauki. 2021;25: 96–98. (In Russ.).

12. Kukarskih P. R. Creating models of extreme situations in the process of fire training for cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Social'noe upravlenie. 2024. Vol. 6;2S: 303–308. (In Russ.).

13. Kulikov A. A. Primenenie novyh tekhnologij v processe provedeniya zanyatij po ognevoj podgotovke / A. A. Kulikov E. YU. Domracheva // Innovacionnye metodiki formirovaniya sportivno-tekhnicheskih i prikladnyh dvigatel'nyh navykov. 2020. S. 76–78. (In Russ.).

14. Malyshev A. G. Primenenie innovacionnyh tekhnologij v uchebnom processe po ognevoj podgotovke / A. G. Malyshev, A. M. Sazhina // Aktual'nye problemy sovershenstvovaniya navykov obrashcheniya s avtomatom (karabinom) u sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov. 2018. S. 137–

139. (In Russ.).

15. Mirzoeva A. F. Some features of training students in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation to act in conditions involving the use of firearms, special means, and physical force / A. F. Mirzoeva, M. B. Kuznecov // Avtonomiya lichnosti. 2026;1 (38): 86–91. (In Russ.).

16. Ozerov I. N. The use of innovative technologies in the fire training of law enforcement officers // Epoha nauki. 2016;6: 76–78. (In Russ.).

17. Popov A. A. Fire training of cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation based on modern technical training tools / S. V. Gluhov A. V. Bakaj //Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2025;87-2: 337–339. (In Russ.).

18. Struganov S. M. Innovations used in fire training classes to improve the shooting skills of employees of the Internal Affairs Ministry of the Russian Federation / L. V. Motorin E. E. Kugno // Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2024;3 (25): 142–148. (In Russ.).

19. Tihonovich M. I. Psychological Perception of a Shot in Fire Training Classes for Cadets and Students of Educational Organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation / M. I. Tihonovich, N. A. Savchuk // Avtonomiya lichnosti. 2021;3 (26): 47–52. (In Russ.).

20. Torgersen A. S. Use of simulators in fire training in educational institutions of the Russian Ministry of Internal Affairs // E-Scio. 2020;10 (49): 390–396. (In Russ.).

21. Fisher I. V. Psychological self-regulation as a condition for successful completion of the Fire Training discipline // Policejskaya deyatel'nost'. 2024;4: 89–102. (In Russ.).

22. CHeremin N. V. Application of the SKATT shooting simulator system in practical training sessions on the Fire Training discipline // Teoriya i praktika sociogumanitarnyh nauk. 2020;2 (10): 56–60. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 22.04.2026;
одобрена после рецензирования 12.06.2025;
принята к публикации 28.09.2026.

The article was submitted 22.04.2025;
approved after reviewing 12.06.2025;
accepted for publication 28.09.2026.

Научная статья

УДК 159.923:519.857.3

ОПИСАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА НА ОСНОВЕ АЛГОРИТМОВ И ПРОЦЕДУР ТЕОРИИ МАССОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Анвер Сайядович Латуга[1], Алексей Иванович Примакин[2], Сергей Алексеевич Сахнов[3], Никита Алексеевич Таратухин[4]
[1–4] Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
[1] latuga700@bk.ru
[2] a.primakin@mail.ru
[3] sakhnov_1992@mail.ru
[4] nik.taratuxin@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается возможность описания и прогнозирования эмоционально-психического состояния человека посредством применения математического инструментария теории массового обслуживания в неординарных условиях. Представлена попытка объединить в математической модели теорию эмоций П. В. Симонова с динамическим описанием состояний человека через систему обыкновенных дифференциальных уравнений А. Н. Колмогорова. Подобный подход позволит прогнозировать поведенческие реакции человека в неблагоприятных условиях и сформировать рекомендации по противодействию мошенническим воздействиям на психику человека.

Ключевые слова: эмоционально-психическое состояние человека, система массового обслуживания (СМО), показатели эффективности СМО, оптимизация параметров, алгоритм автоматизации процедур аналитического моделирования СМО

Для цитирования: Латуга А.С., Примакин А.И., Сахнов С.А., Таратухин Н.А. Описание и прогнозирование эмоционально-психического состояния человека на основе алгоритмов и процедур теории массового обслуживания // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 182–195. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/019.pdf.

Original article

DESCRIPTION AND FORECASTING OF A PERSON'S EMOTIONAL AND PSYCHOLOGICAL STATE BASED ON ALGORITHMS AND PROCEDURES OF THE THEORY OF MASS SERVICE

Anver S. Latuga[1], Alexey I. Primakin[2], Sergey A. Sakhnov[3], Nikita A. Taratukhin[4]
[1–4] Academy of the National Guard, Saint Petersburg, Russia
[1] latuga700@bk.ru
[2] a.primakin@mail.ru
[3] sakhnov_1992@mail.ru
[4] nik.taratuxin@mail.ru

Abstract. The article discusses the possibility of describing and predicting a person's emotional and mental state using the mathematical tools of the theory of mass service in extraordinary conditions. It presents an attempt to combine the theory of emotions by P.V. Simonov with the dynamic description of a person's states through the system of ordinary differential equations by A.N. Kolmogorov in a mathematical model. This approach allows for predicting a person's behavioral responses in adverse conditions and providing recommendations for countering fraudulent influences on the human psyche.

Keywords: human emotional and mental state, mass service system (MSS), MSS efficiency indicators, parameter optimization, and an algorithm for automating MSS analytical modeling procedures

For citation: Latuga A.S., Primakin A.I., Sakhnov S.A., Taratukhin N.A. Description and forecasting of a person's emotional and psychological state based on algorithms and procedures of the theory of mass service. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36):182–195. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/019.pdf.

© Латуга А.С., Примакин А.И., Сахнов С.А., Таратухин Н.А., 2026

Введение

Построение математических моделей эмоционально-психической системы человека (далее – ЭПСЧ) остаётся актуальной и перспективной областью исследований, что обусловлено рядом факторов [1, 2].

Это, прежде всего, высокая динамичность и сложность социальной среды, когда человека постоянно сопровождают интенсивные информационные потоки и не простые социальные взаимодействия. Попытка описания и прогнозирования психического состояния человека, т. е. создания математической модели его поведения, поможет понять причины принятия человеком того или иного решения, позволит спрогнозировать его поведенческие реакции.

Возможности современных информационных технологий позволяют создавать и накапливать огромные объемы данных, касающихся особенностей поведения человека и его эмоций. В этом случае математическое моделирование обеспечивает их обработку и анализ данных, выявляя скрытые закономерности и паттерны, которые невозможно обнаружить при традиционном качественном анализе [7, 8].

Математическая модель способна спрогнозировать динамику эмоционально-психического состояния человека, включая риски социально опасного поведения, эмоциональное выгорание, профессиональную дезадаптацию и другие состояния [15].

Кроме того, математическая модель создает инструментарий для развития методов машинного обучения и искусственного интеллекта. Современные алгоритмы машинного обучения и нейронные сети открывают новые возможности для моделирования сложных психических состояний человека в неординарных условия, позволяют работать с неструктурированными данными, выявлять нелинейные зависимости и создавать более точные предсказательные модели [15].

В зависимости от типа используемого математического инструментария математическое моделирование ЭПСЧ можно классифицировать по трем направлениям [15].

Детерминированные модели, которые предполагают, что будущее состояние системы однозначно определяется её текущим состоянием и внешними воздействиями, в психологии используются не часто, поскольку психологическая реальность редко может быть описана полностью детерминированными процессами.

Стохастическое моделирование, которое включает случайные величины и процессы, наиболее распространённый подход в психологии. Случайные величины в подобных моделях описываются вероятностными характеристиками, но и полученный результат имеет вероятностный характер, например, модели с латентными переменными, которые невозможно измерить непосредственно. В этом случае применяются алгоритмы и процедуры кластерного, факторного и регрессионного анализов.

Третье направление связано с синергетическими моделями, фундаментом которых являются элементы теории самоорганизации и синергетика – наука, утверждающая появление упорядоченных структур из хаоса. В таких моделях математическая идеализация содержит чувствительность к начальным условиям и непредсказуемость исхода для системы. Например, синергетический подход может рассматривать разум как нелинейную систему, которая при далёких от равновесия условиях превращается в части сложных аттракторов [16].

Основные положения

Психическое состояние человека тесно связано с его эмоциями, поскольку эмоции отражают субъективную оценку ситуации, потребностей и отношения к миру. Они влияют на поведение, когнитивные процессы, физиологические реакции и общее благополучие личности. Эмоции, как субъективные психологические состояния человека, возникают в ответ на воздействие внешних и внутренних раздражителей [11].

Представляет интерес, с точки зрения возможностей математического описания эмоций и на их основе прогнозирования поведения человека, потребностно-информационная теория П. В. Симонова [17, 18].

В данной теории эмоции рассматриваются как отражение мозгом актуальной потребности и вероятности её удовлетворения, а оценка этих параметров происходит на основе генетического и ранее приобретённого индивидуального опыта. В соответствии с теорией Симонова, эмоции – это не просто реакция на стимул, а интегральная оценка рассогласования между тем, что необходимо для достижения цели,

и тем, чем организм реально располагает [18].

Симонов предлагает лаконичную математическую модель, где эмоция выступает как функция двух ключевых переменных. Формула Симонова выглядит следующим образом (1):

$$Э = -П \cdot (И_н - И_с), \quad (1)$$

где Э – эмоция (её сила, качество и знак); П – сила и качество актуальной потребности (жажда, голод, безопасность или социальное признание); $И_н$ – информация о средствах, времени и ресурсах, теоретически необходимых для удовлетворения потребности; $И_с$ – информация о средствах, времени и ресурсах, которые в данный момент есть у человека в распоряжении; $(И_н - И_с)$ – оценка возможности удовлетворения потребности с учётом имеющегося опыта (генетического и приобретённого).

С учетом того, что ЭПСЧ связано с многократным выполнением однотипных задач, где случайные процессы (информационные потоки) влияют на смену психических состояний человека, представляется целесообразным для построения математической модели психической системы человека применить инструментарий (алгоритмы и процедуры) систем массового обслуживания (СМО) [14].

Теоретической основой подобных систем являются случайные процессы, которые переводят СМО из одного состояния в другое. Случайные процессы описываются интенсивностями информационных потоков λ (в терминах теории массового обслуживания – потоком заявок-задач) и временем обслуживания заявок $t_{обсл.}$ каналами СМО. В широком понимании, случайный процесс – это случайная функция, у которой каждому значению аргумента (временному промежутку в процессе наблюдения за системой) соответствует случайная величина (одно из возможных состояний СМО) [13].

Для перехода от формально-математического описания информационного потока к эмоционально-психической модели человека, необходимо обратиться к культурно-исторической парадигме Л. С. Выготского [5, 6]. Важно понимать, что высшие психические функции человека отличаются от натуральных своим опосредованным строением. Главным орудием этого опосредования является знак. Знак – это искусственно созданное стимул-средство (речь, схема, число, норма, правило), которое преобразует непосредственную реакцию на раздражитель в осознанное, произвольно регулируемое действие [22].

СМО способны описывать любой процесс, где присутствует поток заявок (информационные стимулы, события, требования среды), которые необходимо обслужить (отработать); есть каналы обработки информации (когнитивные и физиологические ресурсы человека); где формируется очередь из необслуженных заявок (необработанные впечатления, незавершённые действия, нарастающее напряжение).

В теории систем массового обслуживания принято считать и обозначать:

λ – интенсивность поступления информации/стимулов-раздражителей (для психической системы человека – поступающий в нее информационный поток, который необходимо обслужить/переработать);

μ – мера знакового опосредования или интенсивность обработки информации ЭПСЧ (скорость обслуживания/переработки поступившей информации и принятие осмысленных решений);

$\rho = \lambda/\mu$ – приведенная интенсивность информационного потока (степень загрузки психической системы человека).

Если $\rho < 1$ – система стабильна, эмоции слабы или отсутствуют (рациональное поведение).

Если $\rho > 1$ – нарастает очередь, необработанная информация накапливается, возникает отрицательная эмоция (страх, тревога, гнев) как сигнал дефицита ресурсов.

Если $\rho = 1$ и ресурс избыточен – психическая система человека испытывает положительные эмоции (радость, уверенность).

В терминах система массового обслуживания (Далее – СМО), указанные в уравнении (1) величины, могут трактоваться и измеряться следующим образом:

П – значимость для человека поступающей информации, которая может рассматриваться как относительная величина и измеряться в диапазоне от 0 до 1 (степень важности);

$И_н$ – требуемая (необходимая) интенсивность обработки психической системой человека поступающей информации

(λ), т.е. то, что психической системе человека требуется обработать;

$И_с$ – существующая (реальная) интенсивность обработки психической системой человека поступающей информации (μ), т.е. то, что психическая система человека способна обработать.

Графическая интерпретация возможного соотношения между $И_н$ (для СМО – λ) и $И_с$ (для СМО – μ) представлена на рисунке 1.

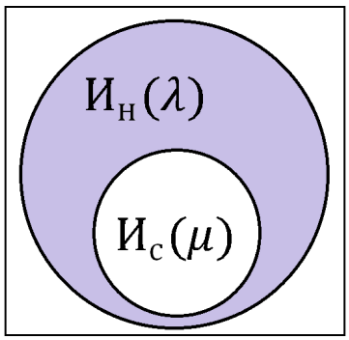

Рисунок 1 – Схема, поясняющая соотношение интенсивностей поступающей информации $И_н(\lambda)$ и способностью ее обработки $И_с(\mu)$ психической системой человека

Figure 1 – A diagram illustrating the relationship between the intensity of incoming information $И_н(\lambda)$ and the ability of the human mental system to process it $И_с(\mu)$

С учетом сказанного, формула (1) примет вид (2):

$$Э = -П \cdot (\lambda - \mu). \quad (2)$$

Анализируя (2), можно сделать следующие выводы:

1. Если $\lambda > \mu$, то $(И_н - И_с) > 0$, а значит $Э < 0$ (отрицательная эмоция).

2. Если $\lambda < \mu$, то $(И_н - И_с) < 0$, а значит $Э > 0$ (положительная эмоция).

3. Если $\lambda = \mu$, то $Э = 0$ (автоматизм, эмоции отсутствуют).

Сила эмоции определяется по формуле (3):

$$|Э| = -П \cdot (\lambda - \mu). \quad (3)$$

Для большей информативности видится целесообразным перейти от разности абсолютных значений интенсивностей $(\lambda - \mu)$ к относительной величине β (4):

$$\beta = \frac{\lambda-\mu}{\lambda} = 1 - \frac{\mu}{\lambda} = 1 - \frac{1}{\rho}, \quad (4)$$

где $\rho = \lambda/\mu$ – приведенная интенсивность потоков, циркулирующих в системе; β – безразмерная относительная величина соотношения информационных потоков (для формулы Симонова – $И_н$ и $И_с$).

Для ситуации, которая представлена на рисунке 1 ($И_н \geq И_с$ или $\lambda \geq \mu$), величина β соответствует доле затемненной области (рисунок 1), ее значения лежат в диапазоне от 0 (отрицательная эмоция – депрессия) до 1 (эмоции отсутствуют, «возможности соответствуют потребностям»).

В случае, когда «возможности» значительно преобладают над «потребностями» ($И_н \leq И_с$ или $\lambda \leq \mu$), числовые значения величины β изменяются от 1 до ∞ (положительные эмоции).

С математической точки зрения эмоционально-психическое поведение человека, как СМО, можно трактовать как явление, заданное конкретными условиями среды и внутренними параметрами (величиной потребности). Состояние психической системы человека (обозначим ее, как S) определяется вектором, состоящим из текущей силы потребности (П) и информационной разности ($И_н - И_с$ или $\lambda - \mu$).

Если человек обладает меньшими ресурсами, чем нужны для удовлетворения потребности ($И_н > И_с$ или $\lambda > \mu$), то он оценивает вероятность удовлетворения как низкую и может испытать неприятную эмоцию. Это состояние тревоги, страха или гнева, которое заставляет организм мобилизовать ресурсы на поиск недостающих данных и действовать в режиме гиперкомпенсации.

Если человек обладает большими ресурсами, чем нужно для удовлетворения потребности ($И_н < И_с$ или $\lambda < \mu$), то оценивает вероятность её удовлетворения как высокую и испытывает положительные эмоции. Это радость, удовольствие или торжество, возникающие, например, когда

вероятность спасения или достижения цели резко возрастает.

Наконец, в ситуации автоматизма, когда навык отработан до стереотипа и информации ровно столько, сколько нужно ($И_н = И_с$ или $\lambda = \mu$), разность равна нулю. В этом случае показатель Э также равен нулю – эмоции отсутствуют, а действие выполняется экономно, без лишних энергозатрат нервной системы.

Ключевой вывод Симонова состоит в том, что эмоция – это эволюционный компенсаторный механизм, который включается именно там, где логика и разум бессильны из-за нехватки данных. В математическом смысле эмоцию можно представить как производную от скорости изменения прагматической неопределенности: рост неопределенности порождает стресс, снижение неопределенности дает подкрепление, а нулевая производная соответствует спокойному и эффективному функционированию. Таким образом, эмоция выступает своеобразной энергетической добавкой к знанию, позволяя действовать даже в условиях информационного вакуума.

Применение потребностно-информационной теории П. В. Симонова в математическом моделировании позволяет формализовать поведение сложных систем (биологических или социальных), где переход из одного состояния в другое зависит не только от внешних факторов, но и от «внутреннего напряжения» (потребности) и оценки вероятности достижения цели [17, 18].

Важным дополнением к предлагаемой модели вносит эмоциональная теория Н. Я. Грота [7]. Можно выделить три стадии эмоционального процесса:

– воздействие внешнего стимула;
– эмоциональная оценка ситуации;
– волевое действие.

В контексте нашей модели, основанной на теории П. В. Симонова [17, 18] и математическом аппарате СМО [8], возможно описывать различные психические состояния человека на этапах обработки знаков. Данный процесс может быть коротким (т. е. аффективным) или развернутым (т. е. осознанным) [21].

Эффективное решение и анализ СМО в любой предметной области обеспечивает система обыкновенных дифференциальных уравнений (ОДУ) Колмогорова [3, 9].

Уравнения Колмогорова (или уравнения типа Колмогорова) обычно описывают поведение непрерывных марковских процессов, включая вероятности нахождения системы в различных состояниях в зависимости от времени. ОДУ составляются на основе размеченного графа состояний СМО (рисунок 2) [9].

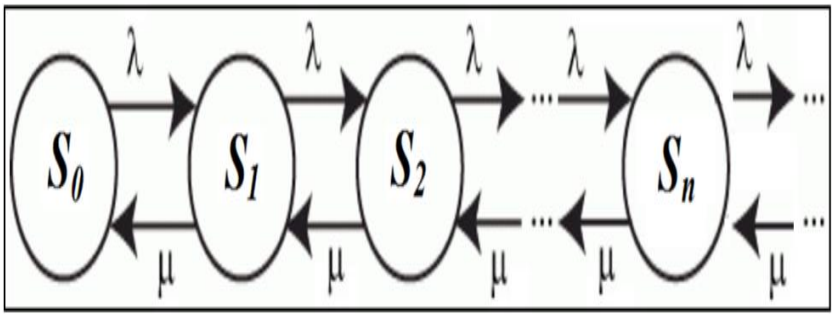

Рисунок 2 – Размеченный граф различных состояний СМО при условии, что один канал по обработке информации и бесконечная очередь

Figure 2 – A labeled graph of the different states of a SMO, assuming one information processing channel and an infinite queue

Размеченный граф обеспечивает визуализацию процесса, улучшает понимание процедур и принципов формирования уравнений Колмогорова. Эти уравнения представляют собой систему ОДУ, описывающих вероятности нахождения СМО в состоянии S_i в момент времени t [3, 9].

Компактная запись системы ОДУ Колмогорова выглядит следующим образом (5):

$$\frac{dP_i(t)}{dt} = \sum \lambda_{ji} \cdot P_j(t) - \sum \lambda_{ij} \cdot P_i(t), \quad (5)$$

где: $P_i(t)$ – вероятность $i-$го состояния СМО в момент времени t;

λ_{ij} – интенсивность потока событий, переводящего СМО из состояния i в состояние j;

$P_j(t)$ – вероятность $j-$го состояния СМО в момент времени t;

λ_{ji} – интенсивность потока событий, переводящего СМО из состояния j в состояние i (суммирование ведётся по всем состояниям j, из которых в состояние i ведут стрелки).

Общее правило составления системы уравнений Колмогорова сводится к тому, что в левой части каждого уравнения стоит производная вероятности $i-$го состояния, а в правой – сумма произведений вероятностей всех состояний, из которых идут стрелки в данное состояние (из $j-$го состояния в $i-$е состояние), на интенсивности соответствующих потоков, минус суммарная интенсивность всех потоков, выводящих систему из данного состояния (из $i-$го состояния в $j-$е состояние), умноженная на вероятность этого состояния ($P_i(t)$).

Для нахождения предельных вероятностей (т.е. вероятностей при $t \to \infty$) нужно приравнять производные в ОДУ Колмогорова нулю. В результате получится система линейных алгебраических уравнений (далее – СЛАУ).

В теории случайных процессов, лежащих в основе теории массового обслуживания (ТМО), уравнения (5) описывают вероятности нахождения системы в определенных состояниях S_i в зависимости от времени [3].

С математической точки зрения состояние СМО можно рассматривать как явление, заданное конкретными условиями среды (численные значения интенсивностей входящих в СМО потоков заявок) и внутренними параметрами (количество каналов в СМО по обработке информации, правила очереди, среднее время обработки каналом поступившей команды) [3].

Интеграция основных положений теории Симонова [17, 18] в математический аппарат уравнений Колмогорова [9] позволяет создать динамическую модель поведения. Эмоция перестает быть субъективным ощущением и становится расчетным параметром интенсивности информационных потоков, определяющих скорость и направление адаптации и реакции человека на изменяющиеся условия внешней среды.

Представляя ЭПСЧ в терминах СМО, можно утверждать, что количество каналов по обработке информации у индивида равно одному, т.е. СМО можно определить, как одноканальную с неограниченной очередью (без отказов).

Описание эксперимента

Осуществить построение аналитической математической модели психических состояний человека с автоматизацией процесса расчета их предельных вероятностей очень удобно в среде специализированного математического пакета Mathcad [4, 12].

Ориентируясь на размеченный граф различных состояний СМО (рисунок 2), будем полагать, что различные эмоционально-психические состояния человека будут соответствовать обозначениям: S_0 – в СМО не поступило ни одного сообщения (человек, как СМО, «простаивает», никакая информация не обрабатывается); S_1 – канал СМО обрабатывает одно информационное сообщение (человек реагирует на ту информацию, которую получил, и формирует адекватную реакцию); S_2 – канал СМО обрабатывает одно информационное сообщение (человек «отрабатывает» текущее информационное сообщение, а в СМО поступило еще одно сообщение, которое начинает формировать очередь); S_3 – канал СМО обрабатывает одно информационное сообщение, а в СМО поступило уже два сообщения, (в очереди два сообщения) и т.д.

Каждому ЭПСЧ соответствуют предельные вероятности: $S_0 \to P_0$, $S_1 \to P_1$, $S_2 \to P_2$, $S_3 \to P_3$ и т.д., которые необходимо найти.

Учитывая, что алгоритм автоматизации процедур построения и решения ОДУ методом Колмогорова в среде специализированного математического пакета Mathcad достаточно подробно представлены в работе [15], в рамках настоящей статьи рассмотрим только методику расчета предельных вероятностей состояний системы, рассматривая ЭПСЧ как марковский процесс «гибели-размножения» [14].

Подобный подход обычно применяется в биологии, когда исследуются процессы рождения и гибели особей популяции (отсюда название – «гибели-размножения»).

В качестве фактора, определяющего смену состояний системы, принимается приведенная интенсивность потока $\rho = \lambda/\mu$ или $\beta = 1 - 1/\rho$.

Методика расчета предельных вероятностей СМО также базируется на размеченном графе состояний эмоционально-психической системы человека (рисунок 2). Переход системы из одного состояния под воздействием приведенной интенсивности потока происходит только в соседнее состояние: переход вправо – «рождение одной особи» $(S_k \to S_{k+1})$, переход влево – «гибель одной особи» $(S_{k-1} \leftarrow S_k)$.

В зависимости от количества каналов, обрабатываемых поток поступающей информации, СМО можно разделить на одноканальные и многоканальные системы. Очевидно, что ЭПСЧ является одноканальной СМО (далее в расчетах будем полагать $n = 1$).

В зависимости от отсутствия (или наличия) очередей СМО делятся на системы с отказами или с очередью. Очереди могут быть бесконечные или с ограниченным количеством заявок, например, если допустимое количество заявок в очереди три $(k = 1)$, то четвертая заявка получает отказ в обслуживании. Логично предположить, что ЭПСЧ пытается обработать весь поток поступающей информации, таким образом, данная система – это СМО с бесконечной очередью $(k = \infty)$.

Эмоционально-психическое состояние человека определяется способностью его единственного канала переработать поступающий поток информации. Если $\rho \leq 1$, то в большей степени присутствуют положительные эмоции, а если $\rho > 1$, то для их поддержания (для сохранения адекватного восприятия действительности) необходимы дополнительные каналы по переработке информации $(n > 1)$. «Подключение» дополнительных каналов может быть представлено в виде общения человека с окружающими (с близкими и друзьями) [6, 11].

В этом случае ЭПСЧ, как СМО, становится многоканальной $(n > 1)$, а расчет предельных состояний системы с последующим определением показателей ее эффективности и качества превращается в задачу Эрланга (многоканальная СМО с отказами) [13].

Формула (6) позволяет рассчитать предельную вероятность P_0 состояния ЭПСЧ, когда в многоканальной системе (n – число каналов) отсутствуют заявки:

$$P_0 = \left(\sum_{i=0}^{n} \frac{\rho^i}{i!}\right)^{-1}. \quad (6)$$

Соответственно предельные вероятности P_1, P_2, ... состояний ЭПСЧ S_1, S_2, ... рассчитываются по формулам (7) и (8):

$$P_1 = \frac{\lambda}{1! \cdot \mu} \cdot P_0 = \frac{\rho^1}{1!} \cdot P_0. \quad (7)$$

$$P_2 = \frac{\lambda^2}{2! \cdot \mu^2} \cdot P_0 = \frac{\rho^2}{2!} \cdot P_0. \quad (8)$$

Показатели эффективности работы ЭПСЧ рассчитываются по следующим формулам:

1. Вероятность отказа в обслуживании поступающей в систему заявки соответствует ситуации, когда все каналы заняты. Это определяется вероятностью P_n, когда ЭПСЧ находится в состоянии S_n (9):

$$P_{\text{отк.}} = P_n = \frac{\rho^n}{n!} \cdot P_0. \quad (9)$$

В ситуации, когда $n = 1$ (информация перерабатывается единственным каналом ЭПСЧ), $P_{\text{отк.}} = P_1 = \frac{\rho^1}{1!} \cdot P_0 = \rho \cdot P_0$.

2. Относительная пропускная способность ЭПСЧ определяется вероятностью отказа в обслуживании и рассчитывается по формуле (10):

$$\mathrm{Q} = 1 - P_{\text{отк.}}. \quad (10)$$

Показатель Q соответствует доле заявок, которые ЭПСЧ в состоянии переработать («обслужить»).

3. Абсолютная пропускная способность ЭПСЧ рассчитывается по формуле (11):

$$A = \lambda \cdot Q = \lambda \cdot \left(1 - \frac{\rho^n}{n!} \cdot P_0\right). \quad (11)$$

Показатель A соответствует среднему числу обработанных заявок из среднего числа всех заявок, пришедших в ЭПСЧ за единицу времени.

4. Среднее число занятых каналов (если ЭПСЧ многоканальная, т. е. когда $n > 1$) рассчитывается по формуле (12):

$$\overline{K} = \frac{A}{\mu} = \rho \cdot Q = \rho \cdot \left(1 - \frac{\rho^n}{n!} \cdot P_0\right). \quad (12)$$

Для автоматизации процедур расчета соответствующих показателей эффективности работы ЭПСЧ используем возможности математического пакета Mathcad [4, 12].

Зададим начальные условия для модели ЭПСЧ, где в качестве числовых показателей интенсивностей информационных потоков будем принимать условные значения: $\lambda = 5$ инф. сообщ. за ед. времени; $\mu = 1$ инф. сообщ. за ед. времени. Полагая, что человек в состоянии обрабатывать информационный поток только одним каналом, будем считать, что СМО одноканальная, т.е. $n = 1$.

На рисунке 3 представлен алгоритм расчета предельных вероятностей $P_0 = 0{,}167$ и $P_1 = 0{,}833$ состояний S_0 и S_1 соответственно одноканальной ЭПСЧ при $\lambda = 5$ и $\mu = 1$.

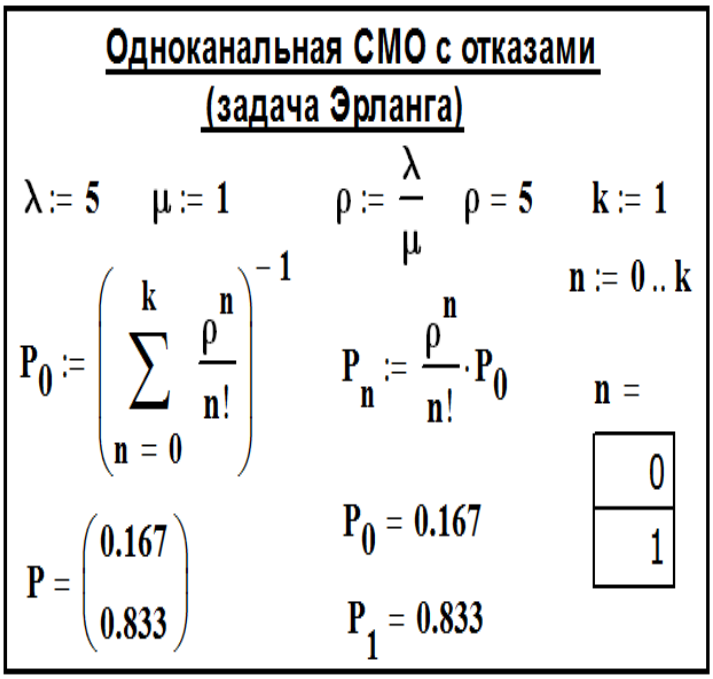

Рисунок 3 – Расчет предельных вероятностей состояний одноканальной ЭПСЧ, выполненный в среде специализированного математического пакета Mathcad

Figure 3 – Calculation of the limiting probabilities of the states of a single-channel random-access memory, performed in the environment of the specialized Mathcad mathematical package

Результаты расчета показателей эффективности работы одноканальной ЭПСЧ в соответствии с формулами (9) – (12), выполненные в среде специализированного математического пакета Mathcad, представлены на рисунке 4.

Показатели эффективности работы ЭПСЧ, как СМО

$P_{отк} := P_k$ $\quad P_{отк} = 0.833$ - предельная вероятность отказа ЭПСЧ;

$Q := 1 - P_{отк}$ $\quad Q = 0.167$ - относительная пропускная способность ЭПСЧ;

$A := \lambda \cdot Q$ $\quad A = 0.833$ - абсолютная пропускная способность ЭПСЧ;

$K := \frac{A}{\mu}$ $\quad K = 0.833$ - среднее число занятых каналов ЭПСЧ.

Рисунок 4 – Расчет показателей эффективности работы одноканальной ЭПСЧ, выполненный в среде специализированного математического пакета Mathcad

Figure 4 – Calculation of the performance indicators of a single-channel ESPCH, performed in the specialized Mathcad mathematical package

Возможности математического пакета Mathcad по автоматизации расчетов позволяют оперативно получить значения предельных вероятностей эмоционально-психических состояний человека и показателей эффективности работы ЭПСЧ, как СМО, при изменении интенсивностей, циркулирующих в СМО информационных потоков (λ и μ), и количества каналов по обработке поступившей информации (например, до $n = 2$).

На рисунке 5 представлены результаты расчета предельных вероятностей $P_0 = 0{,}054$, $P_1 = 0{,}270$ и $P_2 = 0{,}676$ состояний S_0, S_1 и S_2 соответственно двухканальной ЭПСЧ при $\lambda = 5$ и $\mu = 1$.

Двухканальная СМО с отказами (задача Эрланга)

$\lambda := 5$ $\quad \mu := 1$ $\quad \rho := \frac{\lambda}{\mu}$ $\quad \rho = 5$ $\quad k := 2$

$P_0 := \left(\sum_{n=0}^{k} \frac{\rho^n}{n!} \right)^{-1}$ $\quad P_n := \frac{\rho^n}{n!} \cdot P_0$ $\quad n := 0 .. k$

$n =$

0
1
2

$P = \begin{pmatrix} 0.054 \\ 0.27 \\ 0.676 \end{pmatrix}$

$P_0 = 0.054$

$P_1 = 0.27$

$P_2 = 0.676$

Рисунок 5 – Расчет предельных вероятностей состояний двухканальной ЭПСЧ, выполненный в среде специализированного математического пакета Mathcad

Figure 5 – Calculation of the limiting probabilities of the states of a two-channel random-access memory, performed in the environment of the specialized Mathcad mathematical package

Результаты расчета показателей эффективности работы двухканальной ЭПСЧ в соответствии с формулами (9) – (12), выполненные в среде специализированного математического пакета Mathcad, представлены на рисунке 6.

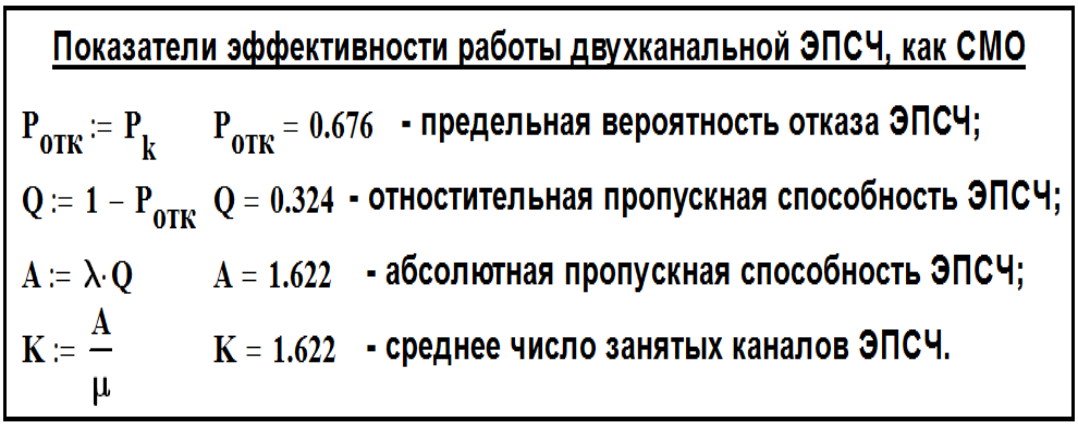

Рисунок 6 – Расчет показателей эффективности работы двухканальной ЭПСЧ, выполненный в среде специализированного математического пакета Mathcad

Figure 6 – Calculation of the performance indicators of a two-channel ESPCH, performed in the environment of a specialized Mathcad mathematical package

Для удобства проведения дальнейшего анализа результаты расчета предельных вероятностей состояний и показателей эффективности работы многоканальной ЭПСЧ сведены в таблицу 1.

Таблица 1 – Предельные вероятности и показателей эффективности работы многоканальной ЭПСЧ, как СМО, при различных значениях интенсивностей, циркулирующих в СМО информационных потоков (λ и μ), и количества каналов по обработке поступившей информации

Table 1 – Limit probabilities and performance indicators of a multi-channel ESPCH as a SMO, for different values of the intensities of information flows circulating in the SMO (λ and μ), and the number of channels for processing incoming information

n	P_0	P_1	P_2	P_3	$P_{\text{отк.}}$	Q	A	K
$\lambda = 5, \mu = 1$								
$n = 1$	0,167	0,833	–	–	0,833	0,167	0,833	0,833
$n = 2$	0,054	0,270	0,676	–	0,676	0,324	1,622	1,622
$n = 3$	0,025	0,127	0,318	0,53	0,53	0,47	2,352	2,352
$\lambda = 5, \mu = 3$								
$n = 1$	0,375	0,625	–	–	0,625	0,375	1,875	0,625
$n = 2$	0,247	0,411	0,342	–	0,342	0,658	3,288	1,096
$n = 3$	0,207	0,345	0,288	0,16	0,16	0,84	4,201	1,4
$\lambda = 5, \mu = 5$								
$n = 1$	0,5	0,5	–	–	0,5	0,5	2,5	0,5
$n = 2$	0,4	0,4	0,2	–	0,2	0,8	4	0,8
$n = 3$	0,375	0,375	0,188	0,063	0,063	0,938	4,688	0,938
$\lambda = 3, \mu = 5$								
$n = 1$	0,625	0,375	–	–	0,375	0,625	1,875	0,375
$n = 2$	0,562	0,337	0,101	–	0,101	0,899	2,697	0,539
$n = 3$	0,551	0,33	0,099	0,02	0,02	0,98	2,941	0,588

При условии, что число каналов $n = 1$, а интенсивности потоков $\lambda = 5$ и $\mu = 1$, СМО прекращает функционировать, поскольку предельная вероятность состояния S_1, когда СМО занята, $P_1 = 0{,}833$, при этом надо помнить – работает только один канал! Данная ситуация отражает отсутствие рационального (критического) мышления у человека [6, 23].

Как видно из таблицы 1, способность психической системы человека по адекватному (критическому) восприятию посту-

пающей информации во многом определяется соотношением интенсивностей информационных потоков (λ и μ) – приведенной интенсивностью $\rho = \lambda/\mu$. Если $\rho < 1$, то один канал СМО способен справиться с потоком информации (психическое состояние человека сохраняет способность к адекватному мышлению). Если $\rho > 1$, то требуется второй (или даже третий) канал по обработке информации, т.е. человеку необходимо перенаправить поток поступающей информации на помощника [17, 18].

В терминах теории массового обслуживания задача Эрланга описывает ситуацию, когда психика человека вынуждена отказывать части поступающих стимулов в обработке – потому что все доступные каналы заняты. При анализе эмоционально-психического состояния человека по модели Эрланга нужно оценивать: есть ли у человека знак, которым он фиксирует сам факт отказа (осознанное «нет» или слепое вытеснение); завершается ли психический оборот или отказы накапливаются в виде фонового напряжения; какую эмоцию порождает ситуация отказа – тревогу, гнев, безразличие или спокойную отсрочку. Совокупность этих трёх измерений позволяет отличить адаптивный отказ от деструктивного [13].

Потребностно-информационная теория П. В. Симонова (теория эмоций) проявляет себя в смысловом соответствии составляющих формулы (1) $И_н$ и $И_с$ характеристикам интенсивности информационных потоков λ и μ. Действительно, соотношения $И_н$ и $И_с$ формируют эмоциональный портрет человека. Положительная оценка возможностей удовлетворения потребностей (когда $И_с > И_н$) способна повысить интенсивность обработки поступающей информации человеком (μ) и наоборот.

Предлагаемые математические модели эмоционально-психического состояния человека представляют практический интерес в неординарных условиях, например, в ситуациях, связанных с мошенничеством [8, 20].

С точки зрения теории Симонова, мошенник – это оператор, который намеренно манипулирует переменными в формуле (1) [17, 18]. Его цель – создать у человека состояние острого эмоционального напряжения, которое заблокирует рациональное мышление.

Для этого мошенником осуществляется атака на потребность (П). Мошенник всегда начинает с активации базовой потребности. Это может быть витальная потребность (безопасность ваших денег), социальная (страх перед властью, чиновниками) или идеальная (жажда легкой наживы). Чем выше значимость П, тем сильнее эмоциональный отклик.

Другое направление атаки: искусственный дефицит информации ($И_н - И_с$): Жертве навязывается условие «цейтнота». Информация, необходимая для принятия решения ($И_н$), искусственно раздувается до гигантских масштабов, а имеющиеся у человека ресурсы ($И_с$) обесцениваются. Мошенник говорит: «У вас есть всего 2 минуты, иначе все пропадет». Это создает колоссальный разрыв в скобках формулы, вызывая панику.

Математическая модель «взлома» психического состояния человека (в контексте уравнений Колмогорова) сводится к тому, что мошенник резко повышает интенсивность входящих в СМО информационных потоков (λ), с которым канал обработки информации (физиологические способности человека по обработке информации – μ) не справляется. Дополнительно к этому применяется эмоциональный рычаг, что делает вероятность перехода СМО в состояние S_0, когда система свободна от информации (простаивает), практически нулевой. СМО (способность человека осмысленно и критично мыслить) оказывается «запертой» в навязанном состоянии, где единственным выходом кажется выполнение требований мошенника.

Заключение

В качестве рекомендаций по противодействию мошенническим воздействиям на психику человека предлагаются следующие действия.

1. Для выхода из навязанного состояния человеку необходимо применить принцип «разрыва формулы» [17, 18]. Поскольку мошенник полностью контролирует текущий информационный канал ($И_с$), жертва должна принудительно создать еще один независимый канал анализа. Дополнительный канал анализа – это звонок в официальный орган, разговор с близким человеком или поиск информации в независимом источнике [5, 19]. Симонов подчеркивал компенсаторную роль эмоций при нехватке информации [18].

2. Изменение интенсивностей информационных потоков в ОДУ Колмогорова [9]. Как только в СМО появляется второй канал по переработке информационных сообщений, структура и интенсивности потоков, определяющих переход системы из одного состояния в другое, меняется. Появляется высокая вероятность перехода психики человека в состояние «критического осмысления» [22, 23]. Новый канал по обработке информационных потоков позволяет скорректировать разницу $(И_н - И_с)$, переводя психическое состояние человека из режима паники в режим рационального анализа.

Учитывая вышесказанное, можно предложить следующий алгоритм информационной безопасности.

Информационная гигиена сегодня – это умение вовремя заметить аномальный рост эмоционального напряжения по формуле Симонова [8, 9]. Если мы чувствуем, что наша потребность в безопасности или выгоде эксплуатируется через жесткий дефицит времени – это сигнал о внешнем вмешательстве в наши «внутренние уравнения» [11, 12]. Лучший способ противодействия – принудительное расширение информационной базы [2, 3, 10]. Необходимо помнить, что эмоция замещает знание, но реальное знание из независимого информационного канала позволяет «погасить» деструктивную эмоцию, а вместе с ней и власть мошенника над нашим психическим состоянием [9].

Список источников

1. Белобрыкина О. А. Психология как призвание, служение и жизненный путь: к 170-летию Николая Яковлевича Грота. Ч. 2. Значение научного наследия ученого в становлении отечественной психологии // Социальная и экономическая психология. 2022. Т. 7, № 3 (27). С. 65–94.

2. Братко А. А. Моделирование психики. М. : Наука, 1969. 172 с.

3. Вентцель Е. С. Исследование операций: Задачи, принципы, методология: учебное пособие. 5-е изд., стер. М. : КноРус, 2010. 192 с.

4. Воскобойников Ю. Е. Решение инженерных задач в пакете MathCAD: учебное пособие / под ред. Ю. Е. Воскобойникова. Новосибирск: НГАСУ (Сибстрин), 2013. 120 с.

5. Выготский Л. С. История развития высших психических функций / Л. С. Выготский // Собрание сочинений: в 6 т. М. : Педагогика, 1983. Т. 3. 368 с.

6. Выготский Л. С. Орудие и знак в развитии ребенка // Собрание сочинений: в 6 т. М. : Педагогика, 1984. Т. 6. С. 5–90.

7. Грот Н. Я. Психология чувствований в ее истории и главных основах. СПб., 1879–1880. 569 с.

8. Дмитриева Ю. А. Метод моделирования в социальной психологии / Ю. А. Дмитриева, В. Г. Грязева-Добшинская // Вестник Южно-Уральского государственного университета; Серия «Психология». Челябинск: ГОУ ВПО «ЮУрГУ», 2013. С. 18–27.

9. Колмогоров А. Н. Основные понятия теории вероятностей. 3-е изд. М. : Фазис, 1998. 129 с.

10. Латуга А. С. Статистическая модель формирования личностной информационной безопасности военнослужащего Росгвардии / А. С. Латуга, А. И. Примакин // Региональная информатика и информационная безопасность: сборник трудов XIV Санкт-Петербургской межрегиональной конференции. СПб., 2025. С. 245–249.

11. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Смысл, 2005. 352 с.

12. Макаров Е. Г. Инженерные расчеты в MathCad 15: учебное пособие. СПб. : Изд-во «Инфра-инженерия», 2024. 408 с.

13. Олейникова С. А. Математическое моделирование и системы массового обслуживания. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2021. 90 с.

14. Плескунов М. А. Теория массового обслуживания: учебное пособие / М. А. Плескуно. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. 264 с.

15. Примакин А. И. Применение алгоритмов и процедур теории массового обслуживания для математического описания элементов образовательного процесса при подготовке специалистов Росгвардии / А. И. Примакин, С. А. Сахнов, В. В. Миллер // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 1 (34). С. 266–278.

16. Примакин А. И. Применение методов линейного программирования для создания оптимальных маршрутов эвакуации населения с учетом опыта специальной военной операции / А. И. Примакин, А. С. Латуга // Природные и техногенные риски (физико-математические и прикладные аспекты). 2026. № 1(57). С. 37–43.

17. Симонов П. В. Информационная теория эмоций: критический анализ и место в современной психологии // Психологический журнал. 2024. Т. 45, № 2. С. 45–60.

18. Симонов П. В. Эмоциональный мозг. СПб. : Питер, 2022. 286 с.

19. Солдатова Г. У. Цифровая социализация и развитие личности в эпоху цифровых технологий / Г. У. Солдатова, С. В. Чигарькова, С. Н. Илюхина // Вопросы психологии. 2022. № 3. С. 35–48.

20. Соломин И. Л. Математические методы в психологии: учебное пособие. СПб. : ФГБОУ ВО ПГУПС, 2021. 50 с.

21. Терещенко Е. Ю. Теоретическое обоснование эмоций как психологическое состояние человека // Вестник науки. 2020. № 1 (22). С. 35–39.

22. Цуканов И. А. Аналитический подход: ритуалы инициации психологической готовности военнослужащих к профессиональной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2023. № 3(24). С. 21–28.

23. Шабанов Л. В. Концепция ориентировочной основы действия в системе военного и гражданского образования / Л. В. Шабанов, А. С. Турчин, Р. А. Терехин, И. А. Цуканов. СПб. : Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2025. 170 с.

References

1. Belobrykina O. A. Psychology as a calling, a service, and a life path: on the 170th anniversary of Nikolai Yakovlevich Grot. Part 2. The significance of the scientist's scientific legacy in the development of Russian psychology // Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya. 2022. T. 7;3 (27): 65–94. (In Russ.).

2. Bratko A. A. Modelirovanie psihiki. M. : Nauka, 1969. 172 s. (In Russ.).

3. Ventcel' E. S. Issledovanie operacij: Zadachi, principy, metodologiya: uchebnoe posobie. 5-e izd., ster. M. : KnoRus, 2010. 192 s. (In Russ.).

4. Voskobojnikov YU. E. Reshenie inzhenernyh zadach v pakete MathCAD: uchebnoe posobie / pod red. YU. E. Voskobojnikova. Novosibirsk: NGASU (Sibstrin), 2013. 120 s. (In Russ.).

5. Vygotskij L. S. Istoriya razvitiya vysshih psihicheskih funkcij / L. S. Vygotskij // Sobranie sochinenij: v 6 t. M. : Pedagogika, 1983. T. 3. 368 s. (In Russ.).

6. Vygotskij L. S. Orudie i znak v razvitii rebenka // Sobranie sochinenij: v 6 t. M. : Pedagogika, 1984. T. 6. S. 5–90. (In Russ.).

7. Grot N. YA. Psihologiya chuvstvovanij v ee istorii i glavnyh osnovah. SPb., 1879–1880. 569 s. (In Russ.).

8. Dmitrieva YU. A. Metod modelirovaniya v social'noj psihologii / YU. A. Dmitrieva, V. G. Gryazeva-Dobshinskaya // Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta; Seriya «Psihologiya» / CHelyabinsk: GOU VPO «YUUrGU», 2013. S. 18–27. (In Russ.).

9. Kolmogorov A. N. Osnovnye ponyatiya teorii veroyatnostej. 3-e izd. M. : Fazis, 1998. 129 s. (In Russ.).

10. Latuga A. S. Statisticheskaya model' formirovaniya lichnostnoj informacionnoj bezopasnosti voennosluzhashchego Rosgvardii / A. S. Latuga, A. I. Primakin // Regional'naya informatika i informacionnaya bezopasnost': sbornik trudov XIV Sankt-Peterburgskoj mezhregional'noj konferencii. SPb., 2025. S. 245–249. (In Russ.).

11. Leont'ev A. N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. M. : Smysl, 2005. 352 s. (In Russ.).

12. Makarov E. G. Inzhenernye raschety v MathCad 15: uchebnoe posobie. SPb. : Izd-vo «Infra-inzheneriya», 2024. 408 c. (In Russ.).

13. Olejnikova S. A. Matematicheskoe modelirovanie i sistemy massovogo obsluzhivaniya. Voronezh: Izd-vo VGTU, 2021. 90 s. (In Russ.).

14. Pleskunov M. A. Teoriya massovogo obsluzhivaniya: uchebnoe posobie / M. A. Pleskuno. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2022. 264 s. (In Russ.).

15. Primakin A. I. The use of algorithms and procedures from queueing theory to mathematically describe the elements of the educational process in the training of specialists for the National Guard of Russia / A. I. Primakin, S. A. Sahnov, V. V. Miller // Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;1 (34): 266–278. (In Russ.).

16. Primakin A. I. The use of linear programming methods to create optimal evacuation routes for the population, taking into account the experience of a special military operation. / A. I. Primakin, A. S. Latuga // Prirodnye i tekhnogennye riski (fiziko-matematicheskie i prikladnye aspekty). 2026;1(57): 37–43. (In Russ.).

17. Simonov P. V. Information theory of emotions: a critical analysis and its place in modern psychology // Psihologicheskij zhurnal. 2024. T. 45;2: 45–60. (In Russ.).

18. Simonov P. V. Emocional'nyj mozg. SPb. : Piter, 2022. 286 s. (In Russ.).
19. Soldatova G. U. Digital socialization and personality development in the era of digital technologies / G. U. Soldatova, S. V. CHigar'kova, S. N. Ilyuhina // Voprosy psihologii. 2022;3: 35–48. (In Russ.).
20. Solomin I. L. Matematicheskie metody v psihologii: uchebnoe posobie. SPb. : FGBOU VO PGUPS, 2021. 50 s. (In Russ.).
21. Tereshchenko E. YU. Theoretical justification of emotions as a psychological state of a person. // Vestnik nauki. 2020;1 (22): 35–39. (In Russ.).
22. Cukanov I. A. Analytical approach: rituals of initiating the psychological readiness of military personnel for professional activity. // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2023;3(24): 21–28. (In Russ.).
23. SHabanov L. V. Koncepciya orientirovochnoj osnovy dejstviya v sisteme voennogo i grazhdanskogo obrazovaniya / L. V. SHabanov, A. S. Turchin, R. A. Terekhin, I. A. Cukanov. SPb. : Izdatel'sko-poligraficheskaya associaciya vysshih uchebnyh zavedenij, 2025. 170 s. (In Russ.).

Информация об авторах

А. И. Примакин *– доктор технических наук, профессор*
С. А. Сахнов *– кандидат технических наук*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 06.05.2026;
одобрена после рецензирования 12.08.2026;
принята к публикации 28.09.2026.

Information about the authors

A. I. Primakin *– Doctor of Sciences (Technical), Professor, Professor*
S. A. Sakhnov *– Candidate of Sciences (Technical)*

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 06.05.2026;
approved after reviewing 12.08.2026;
accepted for publication 28.09.2026.

Научная статья

УДК 378

РЕЗУЛЬТАТЫ ДИАГНОСТИКИ ЭВРИСТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА КУРСАНТОВ МЛАДШИХ КУРСОВ ВООВО РОСГВАРДИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ДИСЦИПЛИНЫ «КУЛЬТУРОЛОГИЯ»)

Юлия Геннадьевна Богданова
Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
Bogdanova.iuliya5@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0000-3389-8601

Аннотация. Статья посвящена анализу результатов педагогической диагностики эвристического потенциала курсантов младших курсов военных образовательных организаций высшего образования. Диагностика включает в себя авторскую анкету, позволяющую оценить мотивационно-ценностный компонент эвристического потенциала курсантов, и диагностический этап адаптированного метода Д. Б. Богоявленской «Креативное поле», направленного на измерение уровня интеллектуальной инициативы и степени развития эвристических способностей. На основании полученных результатов, автор приходит к выводу о необходимости системного введения эвристических методов при организации и планирования работы с курсантами при изучении гуманитарных дисциплин.

Ключевые слова: эвристический потенциал, курсанты, военные образовательные организации высшего образования, авторская диагностика, культурология, творческое мышление

Для цитирования: Богданова Ю.Г. Результаты диагностики эвристического потенциала курсантов младших курсов ВООВО Росгвардии (на материале дисциплины «культурология») // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 196–207. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/020.pdf.

Original article

RESULTS OF DIAGNOSTICS OF THE HEURISTIC POTENTIAL OF JUNIOR CADETS OF THE ALL-RUSSIAN MILITARY MILITARY DISTRICT OF THE RUSSIAN GUARD (BASED ON THE COURSE "CULTURAL STUDIES")

Julia G. Bogdanova
Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
Bogdanova.iuliya5@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0000-3389-8601

Abstract. This article analyzes the results of a pedagogical assessment of the heuristic potential of junior cadets of military higher education institutions. The assessment includes a questionnaire designed by the author to assess the motivational and value components of cadets' heuristic potential, and a diagnostic stage adapted from D. B. Bogoyavlenskaya's "Creative Field" method, aimed at measuring the level of intellectual initiative and the development of heuristic abilities. Based on the obtained results, the author concludes that it is necessary to systematically introduce heuristic methods into the organization and planning of work with cadets studying the humanities.

Keywords: heuristic potential, cadets, military higher education institutions, author's diagnostics, cultural studies, creative thinking

For citation: Bogdanova J.G. Results of diagnostics of the heuristic potential of junior cadets of the all-russian military military district of the Russian guard (based on the course "cultural studies"). Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36):196–207. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/020.pdf.

© Богданова Ю.Г., 2026

Введение

Система высшего образования в России находится в постоянном поиске наиболее актуальных и эффективных форм, методов и средств организации педагогического процесса. Динамика и направление его развития во многом определяются вызовами современности, а также запросами и ожиданиями общества на подготовку кадров. В этих условиях государство определяет национальные приоритеты и посредством нормативных и экономических механизмов регулирует систему образования и формирует общие тренды и приоритеты в его развитии.

В условиях нарастания военных угроз и ростом степени вовлеченности российского общества в вопросы обороноспособности и поддержки армии, отечественная система образования претерпевает значительные изменения. Они характеризуются постепенным отказом от западных моделей и формированием национальной образовательной системы, усилением фундаментальности, идейно-воспитательной составляющей, а также выстраиванием более крепких связей между образовательными организациями, научными центрами, реальным экономическим сектором и работодателями [1, с. 10].

Несмотря на кажущуюся глобальность, вышеназванные тренды в значительно меньшей степени затронули систему высшего военного образования, отличающегося по целям, организации и условиям подготовки и изначально более близкого к ним. Так, в военных образовательных организациях высшего образования (далее – ВООВО) не вводилась двухуровневая международная система бакалавриата и магистратуры. В силу условий секретности курсанты не могли участвовать в академической мобильности, а перевод результатов обучения на зачетные единицы не отменил систему традиционных экзаменационно-зачетных форм промежуточной аттестации, а используется лишь для унификации учета нагрузки [2, с. 694].

Таким образом, можно констатировать, что Болонская система оказала незначительное и скорее формальное влияние на систему высшего военного образования. В своей основе она соответствовало тем принципам, на основе которых будет строиться новая образовательная политика в России с 2023 года.

Основные положения

Сохраняя свою формальную стабильность, ВООВО столкнулись с необходимостью качественной перестройки педагогического процесса с учетом опыта специальной военной операции (далее – СВО). Это коснулось пересмотра содержания и дополнения учебного материала, введение в образовательный процесс новых дисциплин (связанных с управлением БПЛА или РЭБ), проведение учений в новых условиях и т. д. При этом крепких знаний, отработанных навыков и доведенных до автоматизма умений становится уже недостаточно.

Непредсказуемость, напряженность и динамика боевых действий актуализируют такие качества выпускника, как инициативность, самостоятельность, решительность, креативность, умение быстро анализировать обстановку, применять нестандартные решения и быстро адаптироваться в условиях неопределенности и сжатого времени.

Формирование данных качеств традиционно не является приоритетной целью образовательного процесса в ВООВО, поэтому требует отдельного внимания на уровне методической работы и планирования организации учебной работы.

Современная военная педагогика обладает значительным арсеналом средств, формирующих аналитическое и нестандартное мышление (проблемное или исследовательское обучение), однако они направлены на получение заранее определенного педагогом результата или предполагают наличие четких методологических инструкции «добывания» научных знаний. Развитие творческого мышления в этих системах носит скорее вторичный характер.

В последние десятилетия в педагогической теории и практике оформился новый педагогический подход, поставивший развитие творческих способностей обучающихся в качестве цели и получивший название «эвристическое обучение». В нашем исследовании мы будем опираться на трактовку данного понятия, выдвинутого членом-корреспондентом Российской академии образования, доктора педагогических наук и автора концепции дидактической эвристики А. В. Хуторского. Под эвристическим обучением в его работах понимается тип обучения, при котором деятельность обучающегося направлена на создание личностно значимого образовательного продукта (текста, идеи, модели, решения проблемы и т. д.) через самостоятельное «открытие» субъективно нового знания [3; 4].

Вышеназванный тип обучения, несмотря на свою очевидную значимость

и актуальность, не получил широкого распространения в военном образовании, что объясняется его жесткой регламентацией, доминированием традиционных репродуктивных методов обучения и иерархичностью. Эвристическое обучение как открытая, инвариантная и творческая система [5, с. 23] входит в некоторое противоречие с устоявшимися чертами военно-педагогического процесса. Однако опыт современных военных конфликтов показывает, что без элементов эвристики офицер может оказаться неспособен находить решения нестандартной обстановке, выход из которой не всегда может быть предписан инструкциями или приказами.

В контексте современных научных исследований эвристический потенциал можно определить, основываясь на работах А. В. Хуторского, который под «эвристическим потенциалом» обучающихся понимает вид продуктивной образовательной деятельности, сопровождающейся созданием образовательных продуктов. [6].

Таким образом, обращение именно к основам эвристического обучения является одним из важных направлений повышение качества военно-профессиональной будущих офицеров в условиях современных угроз. Приоритетной задачей, при этом является поиск оптимальных путей внедрения основ эвристики в образовательный процесс ВООВО, которые бы, учитывали военную специфику и не вступали в противоречие с ней.

Решение данной задачи можно достигнуть в плоскости внедрения основ эвристического обучения в планирование, организацию и проведение занятий по гуманитарным дисциплинам. Это определяется несколькими факторами:

во-первых, гуманитарное знание многозначно и открыто к интерпретации по своей природе. По мнению основателя теории творчества в отечественной психологии Я. А. Пономарева, творческое мышление активизируется при столкновении с личностно значимым противоречием [7, с. 276]. При этом именно гуманитарные дисциплины в наибольшей степени затрагивают ценностно-смысловую сферу курсанта, создавая мощное мотивационное напряжение и активизируя нестандартный ход мысли;

во-вторых, гуманитарные дисциплины, предлагающие к анализу неполные, многозначные проблемные поля с большой вариативностью трактовок создают основу для эффективного «встраивания» заданий эвристического типа в процесс обучения [8, с. 18];

в-третьих, материал, изучаемый на дисциплинах гуманитарного блока, может быть содержательным источником эвристики, благодаря которому курсант получает профессиональный контекст и ценностную основу (через анализ источников, составление культурных кодов, формулирование морально-нравственных оценок исторических деятелей и т. д.) [9, с. 103].

Таким образом, именно гуманитарные дисциплины являются наиболее подходящей площадкой для апробации и внедрения основ эвристического обучения в рамках педагогического процесса в ВООВО.

Методы

Констатирующий этап экспериментальной работы по внедрению модели эвристического обучения был осуществлена нами на базе Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии. Исследование проводилось в течение 2025–2026 учебного года на примере гуманитарной дисциплины «Культурология», которая изучается на младших курсах ВООВО. В исследовании приняло участие 243 курсанта.

Нами была разработана анкета, представляющая собой инструмент для сбора мнений курсантов об организации и проведению занятий по учебной дисциплине «Культурология». Она позволяет выявить предпочтительные формы проведения занятий, отражает общую эффективность гуманитарных дисциплин, а также отражает отношение курсантов к творческому мышлению, эвристике, цифровизации и определяет векторы их развития и реализации в рамках освоения гуманитарных дисциплин на основе принципов эвристического обучения [10, 11, 12].

Анкета сочетает качественные и количественные методы. Она включает 8 закрытых (в том числе с множественным выбором и с рефлексией в контексте освоения дисциплины) и 2 открытых вопроса (посвящены исследованию понимания термина «Эвристическое обучение» и раскрытию мнений курсантов относительно путей повышения эффективности организации занятий по культурологии).

В контексте заявленной в исследовании темы авторская анкета раскрывает мнение респондентов по нескольким критериям:

1. По удовлетворённости организацией занятий и заинтересованности гуманитарной учебной дисциплиной «Культурология»

(1, 2 вопросы, в количественном выражении от одного до десяти, вопрос 10 – субъективную ретроспективную оценку знаний по культурологии на момент начала педагогического эксперимента).

2. По исходной осведомленности курсантов об эвристике (вопрос 3), отражающую общее понимание данного термина курсантами младших курсов.

3. По восприятию цифровых инструментов в образовательном процессе (вопрос 4).

4. По измерению мотивационно-ценностного компонента через степень осознания курсантом практической значимости гуманитарных знаний и творческого мышления в будущей профессиональной деятельности (вопросы 5 и 6) и желания развивать креативность (вопрос 7).

5. По выявлению предпочтительных форм обучения и способов получения знаний, а также оценке степени предпочтительности эвристических среди прочих (вопрос 8).

6. Формирует банк ответов с идеями и мнениями курсантов относительно улучшения планирования, организации и проведения занятий по гуманитарным учебным дисциплинам, среди которых оценивается количество эвристических (вопрос 9).

Таким образом, авторская анкета представляет собой комплексный инструмент выражения курсантами основных мотивационно-ценностных, организационно-понятийных и предпочтительно-рефлексивных мнений на современный образовательный процесс в контексте освоения гуманитарных дисциплин. На наш взгляд, она является достаточно валидной при проведении констатирующего эксперимента в рамках заявленной в исследовании проблемы внедрения эвристического обучения в ВООВО.

Результаты

По первому критерию курсанты оценивали эффективность занятий и заинтересованность дисциплиной по 10-бальной шкале. Для подсчетов среднего балла нами была применена средняя арифметическая по формуле:

$$\bar{x} = \frac{1}{n}\sum_{i=1}^{n} x_i$$

где:

$\bar{x}$ – средний балл по критерию;

x_i – оценка, поставленная i-м курсантом (целое число от 1 до 10);

n – общее количество курсантов, ответивших на вопрос.

Нами была разработана шкала оценивания полученных результатов, с показателями, представленными в таблице 1.

Таблица 1 – Шкала оценивания первого критерия

Table 1 – Assessment scale for the first criterion

№	Уровень	Балл	Трактовка
1	Низкий	1–4	Курсант видит серьезные недостатки в организации, подаче материала. Интерес к дисциплине минимален
2	Удовлетворительный	5–6	Занятия соответствуют формальным признакам их организации и проведения (поверхностны), но не формируют устойчивого интереса.
3	Хороший	7–8	Отмечаются как положительные, так и отрицательные стороны. Курсантам нравится большая часть занятий, но считают, что можно их улучшить в некоторых аспектах. Интерес к дисциплине прослеживается.
4	Высокий	9–10	Курсанты высоко ценят занятия по дисциплине: занятия интересны, хорошо организованы, способствуют усвоению материала. Наблюдается высокий уровень заинтересованности дисциплиной.

По результатам анализа анкет средний балл оценки эффективности организации занятий по культурологии составил немного выше удовлетворительного уровня – 7,1 баллов, а заинтересованность дисциплиной удовлетворительная – 6,4 балла.

Исходя из полученных данных, необходимо отметить, что пограничный

характер оценки уровня подготовки и проведения занятий является важным основанием для актуализации и доработки существующих в военном образовании методик работы преподавателей-гуманитариев и учебно-методического комплекса, применяемых ими на занятия в ВООВО.

Удовлетворительный уровень заинтересованностью культурологией как учебной дисциплиной свидетельствует о том, что курсанты воспринимают ее как второстепенную, и не в полной мере соотносят результаты ее освоения со своей личностью и служебно-боевой деятельностью.

По второму критерию анализ открытых ответов о понимании сути эвристического обучения показал, что большинство опрошенных (68 %) не имеют представления о спрашиваемом (47 % не дали ответа, 21 % курсантов ответили неверно); 23 % дали близкий к правильному ответ, и лишь 9 % правильно отметили основные сущностные характеристики понятия (обучение через самостоятельное открытие знаний учениками, метод самостоятельного изучения, организация занятия для изобретения нового учениками, занятия творчеством и т. д.).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что большинство опрашиваемых курсантов не знакомы с эвристикой, что сделало необходимым знакомство с теорией эвристического обучения в начале формирующего эксперимента.

По третьему критерию курсантам предлагалось выбрать варианты ответов, отражающих разные стороны понимания цифровизации. В анкете мы уделили особое внимание данному термину, так как наше исследование проводится с

учетом современной электронной образовательной среды ВООВО [13].

Абсолютное большинство (231 курсант) отметили, что цифровизацию можно трактовать как «a) переход от бумажной работы и ручных процессов к использованию компьютеров и интернета – делает работу быстрее и удобнее». Вопрос подразумевает возможность выбора нескольких вариантов ответа, поэтому более половины (154 курсанта) выбрали также вариант «e) Позволяет использовать автоматизированные тесты, мгновенную обратную связь и аналитические данные о прогрессе обучающихся». Также заметную часть составили ответы «c) преподаватель становится посредником и координатором – направляет учебный процесс и использует технологии для поддержки студентов» (61 курсант).

Остальные варианты отражают негативное («d) установка как можно большего числа гаджетов без подготовки персонала» – 6 ответов или искаженное восприятие цифровизации («b) убирает любые оценки и рейтинги» – 16 ответов, «f) преподаватель полностью заменяется компьютером без участия в учебном процессе» – 14 ответов) набрали либо небольшое, либо незначительное количество ответов, что свидетельствует об адекватном понимании цифровизации: они связывают её с переходом к цифровым инструментам, использованием автоматизированного контроля и ролью преподавателя как координатора.

Иерархия мнений в представленном порядке тоже интересна с исследовательской точки зрения. Она демонстрирует, что курсанты воспринимают электронную образовательную среду в первую очередь как инструмент для облегчения рабочих и учебных процессов, как способ ускорения выполнения задач. Более половины отметили возможность использования аналитического и статистического потенциала программ, а почти четверть – смещение роли преподавателя с единственного авторитетного носителя знаний в тьютора в процессе их получения.

Таким образом, данное распределение указывает, что, во-первых, при организации занятий профессорско-преподавательскому составу необходимо использовать цифровые ресурсы, что позволит ускорить и вовлечь курсантов в педагогический процесс, и во-вторых, на необходимость целенаправленной работы по формированию у курсантов современного понимания цифровой образовательной среды не только как инструментальной площадки, но и как пространства совместной продуктивной деятельности, где преподаватель выступает фасилитатором эвристического поиска [14]. Поэтому учет процессов цифровизации в качестве условия внедрения основ эвристического обучения в ВООВО является ее неотъемлемой составляющей. По четвертому критерию 79 % опрошенных ответили, что считают творческое мышление важным качеством для офицера (вопрос 6) 65 % хотели бы его развивать в себе (вопрос 7). Ответы

оценивались по следующим вариантам: a) да, однозначно; b) скорее да; c) скорее нет; d) нет, не нужно. Наглядно результаты ответов на вопросы 5–7 представлены на рисунке 1.

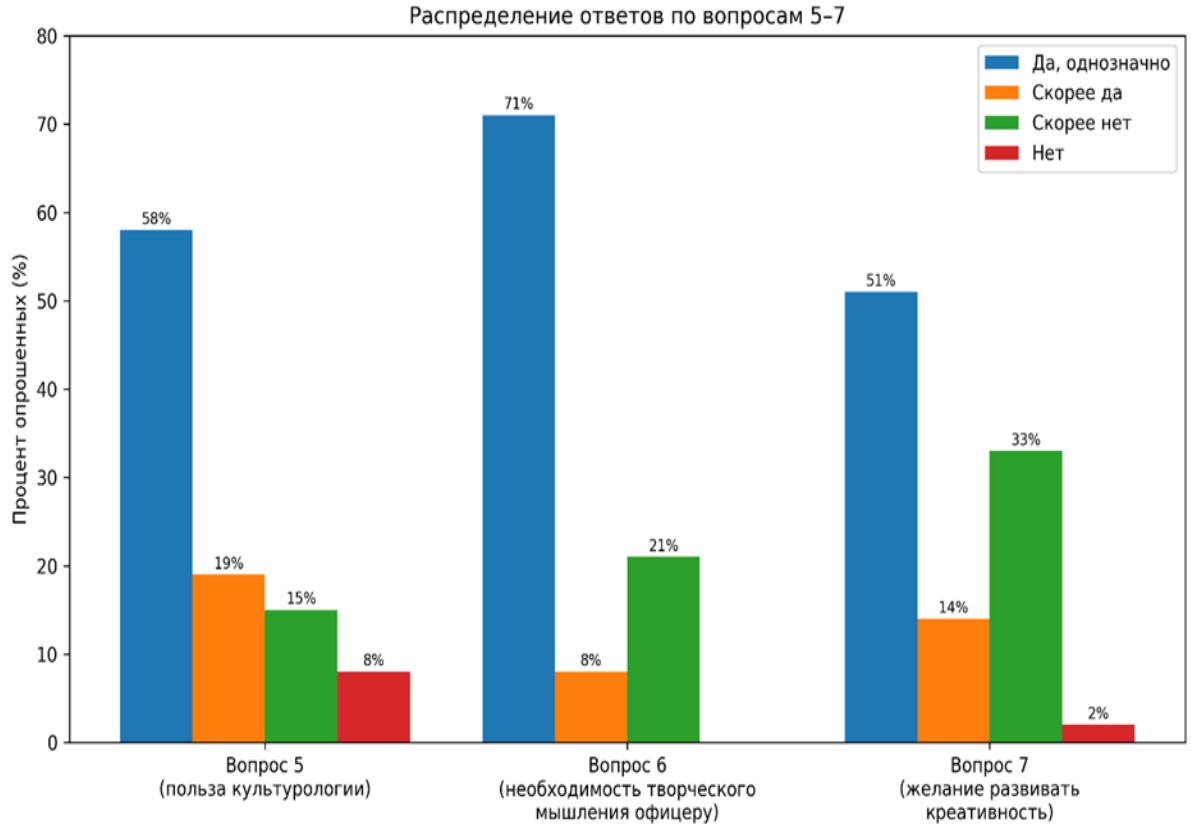

Рисунок 1 – Результаты ответов по четвертому критерию

Figure 1 – Results of answers for the fourth criterion

Сравнение результатов демонстрирует снижение числа стремящихся к развитию творческого мышления для себя, а также было отмечено 4 ответа «скорее нет», что говорит о разрыве между признанием важности творческого мышления и готовностью работать над собой.

Интересно, что развитие творческих способностей курсанты в меньшей степени соотносят с дисциплиной «Культурология»: 58 % на 5 вопрос ответили «да, однозначно», еще 19 % – «скорее да». Высокая доля сомневающихся в этом 6 и 7 вопросах определяет масштабы педагогической работы, которая должна быть направлена на формирование убежденности в необходимости личного творческого развития, эффективной площадкой для осуществления которого являются занятия по культурологии.

По пятому критерию курсантам было предложено отметить предпочтительные для них формы проведения занятий и способы получения знаний (вопрос 8). Распределение ответов представлено в таблице 2.

Таблица 2 – Распределение ответов по пятому критерию

Table 2 – Distribution of responses according to the fifth criterion

№	Варианты ответов	%
a)	Просмотр документальных исторических фильмов	40
b)	Посещение мемориальных мест, исторических мероприятий и музеев	79
c)	Участие в викторинах, круглых столах, деловых играх	38
d)	Чтение исторической литературы	29
e)	Исторический квест с проблемными заданиями и игровыми блоками в программном обеспечении	64

f)	Контактная работа с преподавателем (посещение факультативных занятий)	22

Результаты ответов на вопрос свидетельствуют о высоком запросе на активные эвристические формы обучения, а также на современные интерактивные способы получения знаний с использованием электронной образовательной среды. Среднюю, но приблизительно равную долю ответов составил просмотр документальных фильмов и участие в мероприятиях с высоким эвристическим потенциалом. Это свидетельствует о предпочтении наглядных и современных способов получения знаний, однако низкая привлекательность чтения исторической литературы и факультативных занятий, на которых организовывается проектная работа, отражает низкую заинтересованность в самостоятельной работе с источниками и недостаточную мотивацию к поисково-аналитической деятельности в целом.

Последний критерий формируется на основе банка предложений курсантов по повышению эффективности организации и проведения занятий по учебной дисциплине «Культурология». Качественный анализ ответов позволил выделить группы наиболее часто встречающихся ответов курсантов, представленных в таблице 3.

Таблица 3 – Распределение ответов по шестому критерию

Table 3 – Distribution of responses according to the sixth criterion

Варианты ответов	%
Увеличение числа «выездных» мероприятий (с посещением музеев, мемориальных мест, достопримечательностей)	74
Активное участие в «выездных» мероприятиях (подготовка части экскурсии, выступление с докладами, работа над проектами)	61
Более активное использование электронной образовательной среды (программного обеспечения, интерактивных электронных заданий)	58
Увеличение числа викторин и иных игровых форматов	44
Использовать художественные фильмы и видео	42
Давать творческие занятия	26
Другое	18

Анализ результатов подтверждает запрос на активные, современные и наглядные формы обучения, в которых роль обучающегося выходит за рамки традиционного репродуктивного образования. Популярность среди курсантов желания увеличения количества выездных мероприятий можно объяснить спецификоой жизни в закрытом коллективе, однако стремление подавляющего большинства из них (82 %) принимать в них активное участие свидетельствует о высоком эвристическом потенциале в данном направлении.

Исходя из данных качественного анализа шестого критерия, мы видим также запрос на более активное внедрение цифровых методов в процесс обучения гуманитарным дисциплинам, традиционно организуемым по канонам классической устной лекции [15]. Высокая доля ответов, связанных с увеличением числа игровых форматов, свидетельствует о стремлении вовлекать в учебный процесс не только посредством степени интереса к материалу, но и через новаторские педагогические методы.

Среди общего числа ответов, выделяется группа, обозначенная как «творческие задания». Иногда курсанты формулировали их именно так, иногда уточняли формат (создания модели, рисунка, постановка сценки и др.). Это говорит о некоторой популярности идей создания индивидуального продукта, однако становится заметна ограниченность их понимания исключительно в области искусства. Данное положение требует дополнительной педагогической работы по разъяснению связи творчества с разными областями жизни общества.

Таким образом, исходя из общего анализа и интерпретации результатов

авторской анкеты, необходимо отметить, что разработанный измерительный материал является достаточно валидным, так как позволяет определить не только субъективную оценку эффективности организации и проведения занятий по учебной дисциплине, но и выявить отношение курсантов к творческому мышлению, эвристическому обучению, цифровизации и формам получения знаний, определить зону эвристической работы и основные ее направления.

Методика достаточно надежна и информативна (использует как качественные, так и количественные метрики) для измерения мотивационно-ценностного компонента курсантов младших курсов ВООВО и помогает зафиксировать исходные показатели (отношение к творчеству, интерес к дисциплине и организации занятий при ее освоении, знания эвристики и цифровизации), выявить зоны роста и сравнить результаты после формирующего эксперимента.

Таким образом, авторская анкета полностью соответствует задачам констатирующего этапа педагогического эксперимента по внедрению эвристического обучения на занятиях по культурологии в ВООВО Росгвардии.

Метод «Креативное поле»

Определив основные исходные показатели мотивационно-ценностного компонента перед планированием и организацией эвристического обучения. Мы столкнулись с вопросом об исходном уровне эвристических способностей курсантов (не декларируемом самими респондентами, а реальным).

Для его измерения мы остановили свой выбор на классическом методе качественного типа «Креативное поле», разработанного специалистом в области психологии мышления Д. Б. Богоявленской.

Использование «креативного поля» позволяет диагностировать уровень интеллектуальной активности (вовлеченности) при решении творческих задач, то есть стремление к познавательной деятельности [16, с. 115]. Психологом были разработаны комплекты «многоуровневых» задач, прямое решение которых будет соответствовать первому стимульно-продуктивному уровню. Однако если испытуемый видит определенную связь между данными заданиями и выходит на уровень открытия закономерностей эмпирическим путём, то в нем раскрывается эвристический потенциал [17, с. 53].

Закономерности, имеющиеся внутри системы задания, относительно несложны; если специально дать задание обнаружить их, это будет сделано без значительных усилий. Однако эти закономерности «скрыты» лишь тем, что перед испытуемым не ставится цель их обнаружения; будет ли он действовать во втором слое – поле скрытых закономерностей – или нет, зависит исключительно от него самого [18, с. 74].

Поскольку возможности испытуемого могут быть обнаружены лишь в ситуации преодоления и выхода за пределы требований исходной ситуации, то ограничение, «потолок» может быть, но он должен быть преодолен, снят. В этот момент достигается «креативный уровень», когда открытие закономерности выходит на уровень теоретической проблемы и формирования новой теории (образовательного продукта).

Метод «Креативное поле» строится на основе нескольких принципов [19, с. 52–53]:

1. Отказ от внешнего побудителя и предотвращение внутренней оценочной стимуляции.

2. Задание не ограничивает испытуемого каким-либо «потолком» в исследовании объекта, как это бывает в тестах или проблемных ситуациях.

3. Эксперимент не ограничен во времени, что дает испытуемому время, достаточное для овладения деятельностью, а затем и проявления творческой инициативы.

Таким образом, представленный метод позволяет осуществить переход внешнего стимула к внутренней мотивации. Мышление при мотивации такого рода Д. Б. Богоявленская называет интеллектуальной инициативой [20, с. 47].

На основе принципов «креативного поля» нами была разработана авторская методика, представляющая собой практико-ориентированную адаптацию классического подхода Д. Б. Богоявленской. Она включает в себя географическую карту с пятью открытыми заданиями, характеризующими историко-культурные особенности различных этнических групп и регионов.

Задача курсанта не только определить сформулировать особенности, но и учесть их в контексте профессиональной деятельности. Каждая из них имеет множество вариантов ответа. Наличие нескольких разнородных ситуаций из одной области способствуют не просто изучению историко-культурных знаний, а умению переносить общие принципы (например, учёт иерархии, религиозных табу, исторической памяти) в новые контексты, выведению на их основе общих закономерностей и алгоритмов работы с представителями разных культур и регионов. Третий уровень будет достигаться путем выведения найденных закономерностей в плоскость отдельных исследовательских проблем. При этом преподаватель наблюдает, выдвигает ли курсант собственные гипотезы, ссылается ли на исторические аналогии, выходит ли за рамки инструкции (с занесением информации в дневник наблюдений).

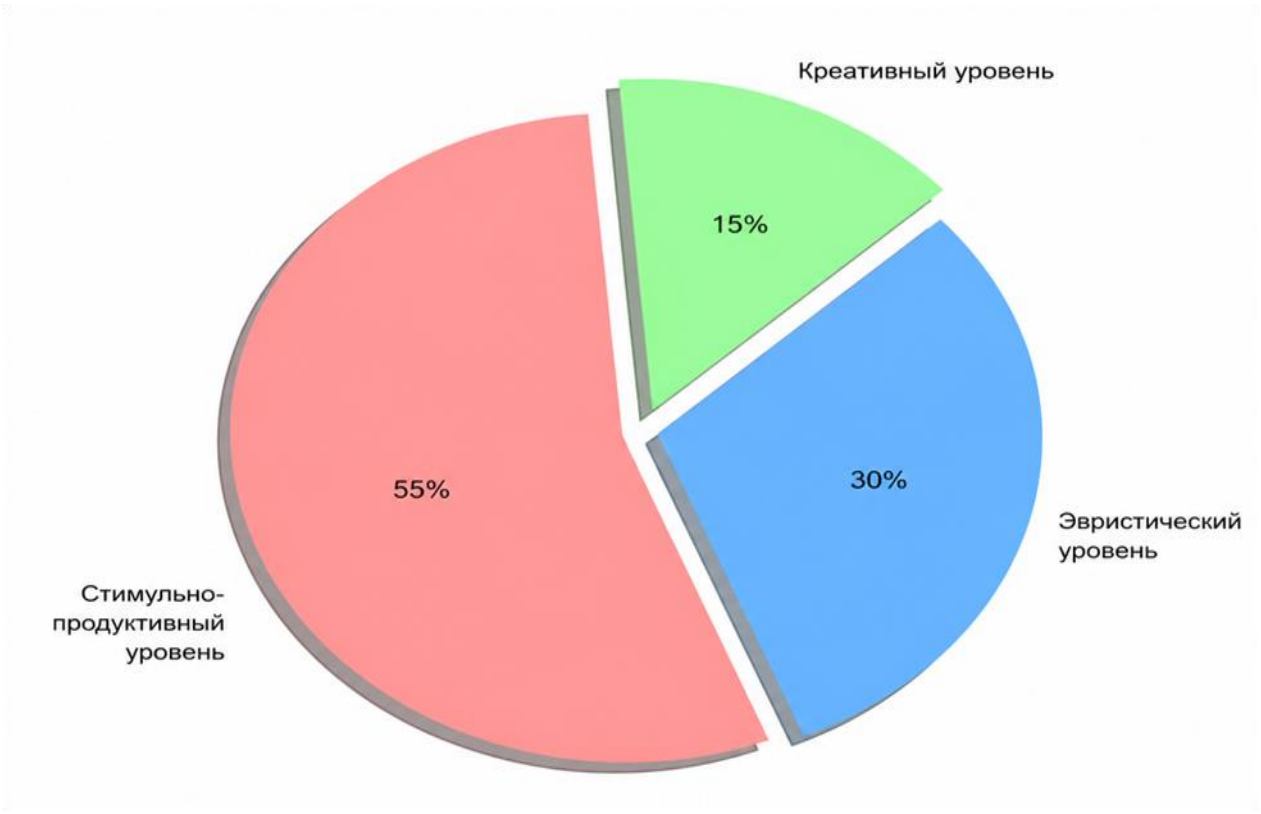

Рисунок 2 – распределение ответов курсантов по уровню интеллектуальной активности

Figure 2 – distribution of cadets' responses by level of intellectual activity

Метод «Креативное поле» предполагает в своей реализации три этапа: диагностический (первичное знакомство и решение предложенных заданий); обучающий (проведение 3–5 занятий длительностью по 20–40 минут), где проводится объяснение механизмов и решение подобных заданий; заключительный, на котором оцениваются результаты работы с контрольной группой) [14, с. 79].

Результаты первого этапа проведения адаптированного метода среди курсантов контрольной и экспериментальной групп (74 курсанта 1 курса факультета (ВПР) представлены на рисунке 2.

Исходя из полученных данных, мы видим, что большинство курсантов (55 %) не вышли за рамки стимульно-продуктивного уровня, формулируя односложные шаблонные ответы и перечисляя общеизвестные нормы без анализа их специфики и внутренней логики культурных норм, в целом.

Эвристический уровень прослеживается в 30 % работ, где курсант предлагает несколько вариантов решений, проводит сравнительный анализ норм и выходит на уровень обобщений. 15 % работ можно отнести к креативному уровню, так как в них курсанты выходят за рамки инструкций и заданий и предлагают оригинальные ответы, синтезирующие нормы разных культур, исследуют их природу, создает

собственные классификации и «протоколы» на основе выявленных закономерностей.

Таким образом, адаптированный к военно-профессиональной специфике метод Д. Б. Богоявленской «Креативное поле» является валидным инструментом для определения внутренней мотивации к обучению и для диагностики развития эвристических способностей курсантов ВООВО.

На основе всего вышеизложенного мы пришли к нескольким выводам.

Во-первых, вызовы современности и нарастание военных угроз предъявляют к офицеру и к высшему военному образованию новые требования, связанные с развитием таких качеств, как нестандартное мышление, инициативность, самостоятельность и креативность как неотъемлемых составляющих профессиональной подготовки. В данном контексте нам представляется достаточно целесообразным обращение к современной концепции эвристического обучения, так как именно оно ставит своей главной целью развитие творческого мышления и креативности. Данный вид обучения пока не получил широкого применения в военной педагогике, однако потенциал его применения в рамках гуманитарного блока общеобразовательных дисциплин ВООВО достаточно велик.

Во-вторых, целью нашей работы была диагностика эвристических способностей как комплексной интегративной характеристики личности курсантов Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии. Исследование проводилось на основе авторской методики для измерения мотивационно-ценностного компонента курсантов младших курсов, а также на основе модифицированного метода «Креативное поле» Д. Б. Богоявленской, направленного на оценку интеллектуальной инициативы, лежащей в основе креативности, а также для диагностики развития эвристических способностей курсантов ВООВО.

В-третьих, результаты первой методики показывают противоречивые тренды: высокую ценность творческого мышления для офицера, однако значительно менее выраженную важность творчества для себя; демонстрируют желание увеличения количества активных методов обучения, но не готовы в той же мере увеличивать самостоятельную активность и мало связывают развитие творческого мышления с гуманитарными дисциплинами. Решение данных противоречий находится в плоскости необходимости повышения мотивации курсантов в своей учебной деятельности.

В-четвертых, курсанты положительно оценивают использование современных интерактивных и цифровых методов обучения на гуманитарных дисциплинах. Значительная их часть хотела бы принимать более активное участие в них, что свидетельствует о высокой доле эвристического потенциала для работы в ВООВО.

В-пятых, результаты первого этапа адаптированного метода «Креативное поле» показали низкий общий уровень внутренней мотивации и креативных способностей у большинства. Данное обстоятельство требует педагогической работы по целенаправленному решению данной педагогической проблемы.

Список источников

1. Константинова Л. В. Переосмысление подходов к уровневой системе высшего образования в России в условиях выхода из Болонского процесса / Л. В. Константинова, А. М. Петров, Д. А. Штыхно // Высшее образование в России. 2023. № 2. С. 9–24.
2. Шарифуллин Р. Р. Направления развития системы военного образования и подготовки офицеров в России с 1991 г. по настоящее время // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2025. № 5. С. 693–701.
3. Хуторской А. В. Дидактическая эвристика: Теория и технология креативного обучения. М. : Изд-во МГУ, 2003. 416 с.
4. Хуторской А. В. Эвристическое обучение: примеры из собственной деятельности / А. В. Хуторской, Г. А Андрианова, Э. П. Мельникова [и др.] // Эйдос. 2025. № 3. URL: https://eidos.ru/doc/Eidos-Journal-Content (дата обращения: 15.05.2026).
5. Хуторской А. В. Эвристическое обучение: теория, методология, практика. М. : Эйдос, 2024. 352 с.
6. Хуторской А. В. Эвристический потенциал отечественного образования и педагогические условия его реализации // Эйдос. 2012. № 117. URL: http://eidos-institute.ru/journal (дата обращения: 17.05.2026).
7. Пономарёв Я. А. Психология творческого мышления. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1960. 352 с.
8. Смурыгин А. В. Условия формирования эвристической деятельности курсантов в процессе их обучения в военном вузе // Концепт. 2025. № 5. С. 12–18.
9. Смирнова О. В. Документ как текст культуры: эвристические принципы преподавания гуманитарных дисциплин в военном училище / О. В. Смирнова, И. В. Михайлов // Документ как текст культуры: межвузовский сборник научных трудов. Тверь: ТвГУ, 2024. Вып. 16. С. 102–109.
10. Хуторской А. В. Эволюция эвристического обучения, его принципы и методика // Вестник Института образования человека. 2014. № 2. URL: https://eidos-institute.ru/journal/2014/200/Eidos-Vestnik2014-210-Khutorskoy (дата обращения: 22.05.2026).
11. Король А. Д. Технология эвристического обучения в высшей школе: теория и практика: методическое пособие. Минск: Вышэйшая школа, 2020. 189 с.
12. Lawrence G. Thomas. Heuristic Teaching as a Research Concept // Technical Report. A symposium on heuristic teaching / edit. by Richard E. Snow. 1970. № 18. P. 89–104.
13. Анфалов Е. В. Обобщение педагогического опыта: поиск нестандартных форм и методов обучения и воспитания курсантов военного вуза / Е. В. Анфалов, Д. В. Ольховский // Современные проблемы науки и образования. 2024. № 2. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=33329 (дата обращения: 26.05.2026). DOI: https://doi.org/10.17513/spno.33329.
14. Хисматулина Н. В. Design of Teaching and Methodical Support for Foreign Language Training of Future Forensic Experts: Humanitarian-Anthropological Approach // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2023. № 4. С. 683–691.
15. Луконин А. В. Опыт развития творческого мышления обучающихся на кафедре математики и информатики // Информатика и образование. 2023. № 6. С. 52–58.
16. Кортнева Ю. В. Диагностический контакт в экспериментальной диагностике творчества // Психология творчества и одаренности: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: в 3 ч., Москва, 15–17 ноября 2021 года / под ред. Д. Б. Богоявленской. М. : Ассоциация технических университетов, 2021. Ч. 1. С. 114–118.
17. Богоявленская Д. Б. Еще раз о «Креативном поле» // Российский психологический журнал. 2005. № 1. С. 70–80.
18. Богоявленская Д. Б. Интеллектуальная активность как проблема творчества. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1983. 175 с.
19. Ильясов И. И. Внутренняя мотивация при решении творческих задач: возникновение и повышение уровня в ходе обучения эвристическим приёмам / И. И. Ильясов, А. Ю. Седлов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2011. № 3. С. 46–55.
20. Котлярова Л. Н. Использование метода «Креативное поле» в практике оценки личностного потенциала инженеров атомной отрасли // Психофизиологическое обеспечение профессиональной надежности персонала предприятий и организаций атомной отрасли: сборник материалов III отраслевой научно-практической конференции, Обнинск, 15–17 октября 2018 года / АНО ДПО «Техническая академия Росатома». Обнинск: Институт психологии РАН, 2018. С. 77–89.

References

1. Konstantinova L. V. Rethinking approaches to the level system of higher education in Russia in the context of withdrawal from the Bologna Process / L. V. Konstantinova, A. M. Petrov, D. A. SHtyhno // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2023;2: 9–24. (In Russ.).
2. SHarifullin R. R. Directions of development of the military education and training system in Russia from 1991 to the present // Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki. 2025;5: 693–701. (In Russ.).
3. Hutorskoj A. V. Didakticheskaya evristika: Teoriya i tekhnologiya kreativnogo obucheniya. M. : Izd-vo MGU, 2003. 416 s. (In Russ.).
4. Hutorskoj A. V. Heuristic Learning: Examples from My Own Work / A. V. Hutorskoj, G. A Andrianova, E. P. Mel'nikova [i dr.] // Ejdos. 2025;3. Available from: https://eidos.ru/doc/Eidos-Journal-Content (data obrashcheniya: 15.05.2026). (In Russ.).
5. Hutorskoj A. V. Evristicheskoe obuchenie: teoriya, metodologiya, praktika. M. : Ejdos, 2024. 352 s. (In Russ.).
6. Hutorskoj A. V. The heuristic potential of domestic education and the pedagogical conditions for its implementation // Ejdos. 2012;117. Available from: http://eidos-institute.ru/journal (data obrashcheniya: 17.05.2026). (In Russ.).
7. Ponomaryov YA. A. Psihologiya tvorcheskogo myshleniya. M. : Izd-vo APN RSFSR, 1960. 352 s. (In Russ.).
8. Smurygin A. V. Conditions for the formation of cadets' heuristic activity during their training at a military university // Koncept. 2025;5: 12–18. (In Russ.).
9. Smirnova O. V. Dokument kak tekst kul'tury: evristicheskie principy prepodavaniya gumanitarnyh disciplin v voennom uchilishche / O. V. Smirnova, I. V. Mihajlov // Dokument kak tekst kul'tury: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Tver': TvGU, 2024. Vyp. 16. S. 102–109. (In Russ.).
10. Hutorskoj A. V. The evolution of heuristic learning, its principles, and methodology // Vestnik Instituta obrazovaniya cheloveka. 2014;2. Available from: https://eidos-institute.ru/journal/2014/200/Eidos-Vestnik2014-210-Khutorskoy (data obrashcheniya: 22.05.2026). (In Russ.).
11. Korol' A. D. Tekhnologiya evristicheskogo obucheniya v vysshej shkole: teoriya i praktika: metodicheskoe posobie. Minsk: Vyshejshaya shkola, 2020. 189 s. (In Russ.).
12. Lawrence G. Thomas. Heuristic Teaching as a Research Concept // Technical Report. A symposium on heuristic teaching / edit. by Richard E. Snow. 1970;18: 89–104. (In Russ.).
13. Anfalov E. V. Summarization of pedagogical experience: searching for non-standard forms and methods of teaching and upbringing of military university cadets / E. V. Anfalov, D. V. Ol'hovskij // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2024;2. Available from: https://science-education.ru/ru/article/view?id=33329 (data obrashcheniya: 26.05.2026). DOI: https://doi.org/10.17513/spno.33329. (In Russ.).
14. Hismatulina N. V. Design of Teaching and Methodical Support for Foreign Language Training of Future Forensic Experts: Humanitarian-Anthropological Approach // Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya. 2023;4: 683–691. (In Russ.).
15. Lukonin A. V. Experience in developing students' creative thinking at the Department of Mathematics and Computer Science // Informatika i obrazovanie. 2023;6: 52–58. (In Russ.).
16. Kortneva YU. V. Diagnosticheskij kontakt v eksperimental'noj diagnostike tvorchestva // Psihologiya tvorchestva i odarennosti: sbornik statej Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem: v 3 ch., Moskva, 15–17 noyabrya 2021 goda / pod red. D. B. Bogoyavlenskoj. M. : Associaciya tekhnicheskih universitetov, 2021. CH. 1. S. 114–118. (In Russ.).
17. Bogoyavlenskaya D. B. Once again, about the Creative Field// Rossijskij psihologicheskij zhurnal. 2005;1:70–80. (In Russ.).
18. Bogoyavlenskaya D. B. Intellektual'naya aktivnost' kak problema tvorchestva. Rostov n/D: Izd-vo Rostovskogo universiteta, 1983. 175 s. (In Russ.).
19. Il'yasov I. I. Internal motivation in solving creative problems: emergence and increase in the level of learning heuristic techniques / I. I. Il'yasov, A. YU. Sedlov // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya. 2011;3: 46–55. (In Russ.).
20. Kotlyarova L. N. Ispol'zovanie metoda «Kreativnoe pole» v praktike ocenki lichnostnogo potenciala inzhenerov atomnoj otrasli // Psihofiziologicheskoe obespechenie professional'noj nadezhnosti personala predpriyatij i organizacij atomnoj otrasli: sbornik materialov III otraslevoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Obninsk, 15–17 oktyabrya 2018 goda / ANO DPO «Tekhnicheskaya akademiya Rosatoma». Obninsk: Institut psihologii RAN, 2018. S. 77–89. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 15.07.2026;
одобрена после рецензирования 17.08.2026;
принята к публикации 28.09.2026.

The article was submitted 15.07.2026;
approved after reviewing 17.08.2026;
accepted for publication 28.09.2026.

Научная статья

УДК 378.14

ИДЕИ ГРАФА А.М. СТРОГАНОВА И ИСТОРИКА Н.М. КАРАМЗИНА, ВОПЛОЩЕННЫЕ В ЖИЗНЬ, КАК ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЗМА, ВЫСОКИХ МОРАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ И ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ ВОЕННОЙ ОРДЕНА ЖУКОВА АКАДЕМИИ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Матвей Юрьевич Гутман[1], Андрей Александрович Семенов[2]
[1, 2] Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
[1] mygutman@gmail.com
[2] semenov11121983@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается опыт использования местных возможностей, научной и художественной литературы в патриотическом, морально-политическом и эстетическом воспитании курсантов и адъюнктов Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации. Анализируются идеи графа А. М. Строганова и историка Н. М. Карамзина о роли искусства и отечественной истории в воспитании личности. Представлены формы и методы культурно-воспитательной работы, включая разработку «Плана культурного роста» курсантов, подготовку экскурсоводов из числа обучающихся, а также использование музейной педагогики и художественной литературы. Обосновывается значимость самостоятельной культурно-образовательной деятельности для формирования профессиональных и личностных компетенций будущих офицеров Росгвардии.

Ключевые слова: академия, воспитание, героизм, живопись, мораль, музеи, национальная гвардия, патриотизм, политика, училище, культурное самообразование, военно-патриотическое воспитание

Для цитирования: Гутман М.Ю., Семенов А.А. Идеи графа А.М. Строганова и историка Н.М. Карамзина, воплощенные в жизнь, как факторы формирования патриотизма, высоких морально-политических ка-честв и эстетического воспитания курсантов и слушателей Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 208–215. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/021.pdf

Original article

IDEAS OF COUNT A.M. STROGANOV AND HISTORIAN N.M. KARAMZIN BROUGHT TO LIFE AS FACTORS IN THE FORMATION OF PATRIOTISM, HIGH MORAL AND POLITICAL QUALITIES AND AESTHETIC EDUCATION OF CADETS AND STUDENTS OF THE MILITARY ORDER OF ZHUKOV ACADEMY OF THE NATIONAL GUARD TROOPS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Matvey Yu. Gutman[1], Andrey A. Semenov[2]
[1, 2] Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
[1] mygutman@gmail.com
[2] semenov11121983@mail.ru

Abstract. The article examines the experience of using local opportunities, scientific and fiction literature in the patriotic, moral-political and aesthetic education of cadets and students of the Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation. The ideas of Count A. M. Stroganov and historian N. M. Karamzin about the role of art and national history in per-sonality education are analyzed. The forms and methods of cultural and educational work are presented, including the development of a "Cultural Growth Plan" for cadets, the training of guides from among the students, as well as the use of museum pedagogy and fiction. The importance of independent cultural and educational activities for the formation of professional and personal competencies of future officers of the Russian National Guard is substantiated.

Keywords: academy, education, heroism, painting, morality, museums, national guard, patriotism, politics, school, cultural self-education, military-patriotic education

For citation: Gutman M.Yu., Semenov A.A. Ideas of count A.M. Stroganov and historian N.M. Karamzin brought to life as factors in the formation of patriotism, high moral and political qualities and aesthetic education of cadets and students of the Military order of Zhukov academy of the national guard troops of the Russian Federation. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36): 208–215. (In Russ.). Available from: http://vestnik- academrg.ru/2026/09/021.pdf

© Гутман М.Ю., Семенов А.А., 2026

Введение

Недавно, освобождая место для новых книг, я взял в руки книгу «Н. М. Карамзин об истории государства Российского» и посмотрел её оглавление. Моё внимание привлекло приложение «О случаях и характерах в Российской истории, которые могут быть предметом художеств. Письмо к господину НН» [1]. Это статья Николая Карамзина, написанная им в связи с предложением Президента Академии художеств графа А. М. Строганова «задавать художникам сюжеты из русской истории». Карамзин писал: «Мысль задавать художникам предметы из отечественной истории достойна вашего патриотизма, и есть лучший способ оживить для нас ее великие характеры и случаи, особливо пока мы еще не имеем красноречивых историков, которые могли бы поднять из гроба знаменитых предков наших и явить тени их в лучезарном венце славы. Таланту русскому всего ближе и любезнее прославлять русское в то счастливое время, когда монарх и самое провидение зовут нас к истинному народному величию. Должно приучить россиян к уважению собственного; должно показать, что оно может быть предметом вдохновений артиста и сильных действий искусства на сердце», – писал Карамзин. Не только историк и поэт, но и живописец, и ваятель бывают органами патриотизма» [1, с. 3–4]. К этому можно добавить и целую плеяду Российских Великих деятелей, своими делами прославлявших нашу Родину.

В письме Карамзин призывает оживить историю отечества с помощью искусства, предлагая, в частности, сюжеты, связанные с древнерусскими князьями, например, с князем Владимиром, его деятельностью по крещению Руси и с героическими подвигами [1, с. 5–6].

Прочитав статью вновь, я старался воскресить в памяти, где я видел эти картины, кто их написал и когда. Я длительное время служил в ленинградском Высшем политическом училище имени 60-летия Министерства внутренних дел Союза Советских Социалистических Республик (далее ВПУ МВД СССР) преподавал Отечественную историю [2], на которую в учебных планах было выделено 200 часов. Ряд занятий по культуре России, по военной истории страны, её социально-экономическому и политическому развитию мы проводили в Русском музее, в Эрмитаже, в музее А. В. Суворова и других. По Великой Отечественной войне – на местах боёв на ближних подступах к Ленинграду и в Государственном мемориальном музее обороны и блокады Ленинграда [3], по экономическому развитию страны на Кировском заводе и ЛЭМЗе (Ленинградский электромеханический завод), и как восторженно воспринимались эти занятия курсантами и слушателями. Успеваемость по курсу истории была высокая.

С удовлетворением я встретил приказ об увеличении учебных часов в школах на историю [4], обратил внимание на то, как много внимания в своих выступлениях президент России В. В. Путин уделяет вопросам истории и воспитанию подрастающего поколения на истории России, «Безусловно, мы и историю семьи должны знать, и историю страны. Мы должны гордиться своей историей, что мы и делаем, и все время подкреплять в своем собственном сознании значимость того, что сделал наш народ за тысячу лет своего развития. Это очень важно для будущего», – сказал Путин в ходе открытого урока «Разговор о важном» [5].

Важно отметить и то, что практически сразу после победоносного завершения Великой Отечественной войны, не только в крупных городах, но и в небольших деревнях, сёлах и аулах, в школах начали создаваться памятники и мемориальные комплексы о своих великих земляках, прославляя не место, а их подвиги и добрые дела. Напомню об известном армянском селе Чардахлы [6], насчитывавшем до Великой Отечественной войны 1941-1945 годов не более двух тысяч жителей. Из села в годы войны «ушли воевать 1250 односельчан. Двое из них – Амазасп Бабаджанян и Иван Баграмян - стали маршалами СССР. Двенадцать односельчан стали генералами и пятьдесят семь – полковниками. Семеро были удостоены высокого звания Героя Советского Союза» [6, с. 45]. Всего же за время существования СССР звания Героя Советского Союза были удостоены 12 777 че-

ловек. Эта статистика включает как граждан СССР, так и граждан других государств [7, с. 112]. Тринадцати Героям СССР и Героям России – выпускникам Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации [8], посвящена на его территории целая аллея. Я хорошо помню, что во время моей учёбы в училище, почти все преподаватели и его руководство были участниками Великой Отечественной войны.

В настоящее время Россия проводит Специальную военную операцию на Украине. Её целями и задачами являются: нейтральный и безъядерный статус Украины при обязательной демилитаризации страны и денацификации, признание российской принадлежности Крыма, ДНР и ЛНР в административных границах Донецкой и Луганской областей [9]. Специальная военная операция (далее – СВО) успешно осуществляется, её ход освещается средствами массовой информации.

В Санкт-Петербурге и других населённых пунктах России на больших стендах запечатлены участники СВО, удостоенные звания Героя России и другие воины, удостоенные высоких наград за совершенные подвиги. И это – замечательно, страна должна знать своих героев-земляков и гордиться ими.

Но не все города, рабочие посёлки, села, деревни и другие населённые пункты страны имеют своих земляков-героев. Тем более их не может быть во всех учебных учреждениях России, в том числе и военных. Однако это вовсе не означает, что в них не занимаются военно-патриотическим воспитанием, что мало внимания уделяют изучению истории, что стены их зданий и территории не содержат военно-патриотической тематики. Безусловно, это не так!

Так что же должно быть на территориях учебных организаций, на стенах их зданий и сооружений, в учебных аудиториях и залах и т. д., способствующих патриотическому воспитанию личного состава?

Если мы зададим этот вопрос любому встречному, то всегда получим ответ: всё зависит от назначения помещения (музей, филармония, театр, промышленное предприятие, учебное заведение, спальня, больница, ресторан и др.).

Немало будет и тех, кто перечислит, что конкретно должно быть на стенах. При этом обязательно назовут, что это: картины, фотографии, Доски почёта, стенгазеты, стенды, отражающие историю учреждения, его передовиков, полки с коллекциями, книгами, кубками, завоёванными их спортсменами, светильниками и зеркалами, панелями, грамотами и сертификатами, и т.д. Будут правы и те, кто скажет: что стены могут оставаться и «пустыми, чистыми».

Безусловно, выпускники военных вузов должны быть, и являются патриотами своей Родины. Они обязаны знать историю своего Отечества, её Вооружённых Сил, историю рода войск, в которых предстоит служить, историю своего вуза, его Героев, профессорско-преподавательский и командный состав, быть людьми, хорошо подготовленными к несению службы, культурными, дисциплинированными, инициативными, а этому должно служить всё, а также стены зданий и территория родного военного вуза!

Основные положения

Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации дословно не прописывает, что должно висеть на стенах каждого помещения военного учреждения, но устанавливает общие требования к воинскому порядку и быту, которые должны обеспечивать дисциплину и выполнение обязанностей личным составом [10].

На специальных стендах внутри помещений размещаются официальные документы, подтверждающие статус вуза, лицензии, дипломы, сертификаты и грамоты, демонстрирующие достижения профессорско-преподавательского состава вуза, его выпускников. Обязательными являются также правила внутреннего распорядка, схемы размещения, стенды с материалами по боевой подготовке, воспитательной работе, истории вуза, стенгазеты, а также информация по безопасности и здравоохранению, информация о мероприятиях и объявления. Также стены могут украшать различные декоративные элементы (картины, гравюры, фотографии).

В учебных аудиториях и кабинетах размещаются карты, схемы, плакаты и другие наглядные пособия по профильным предметам, а также стенды с расписанием занятий. На внутривузовских территориях могут быть стационарные стенды и картины, бюсты знаменитых выпускников, скульптурные группы, различная техника и пр.

Создание всего перечисленного входит в обязанность лиц, замещающих должности военно-политических работников: заместители командира полка, батальона и роты по военно-политической работе, которые отвечают за военно-политическую

подготовку, воспитание, морально-политическое состояние, воинскую дисциплину и информирование личного состава. Их обязанности включают организацию культурно-досуговых и спортивно-массовых мероприятий, работу с обращениями военнослужащих, а также поддержание связи с родными и близкими [10]. Устав внутренней службы определяет конкретные обязанности каждого из них.

Так обязанностью заместителя командира полка по военно-политической работе является организация и проведение военно-политической работы, включающая формирование высоких морально-политических качеств у военнослужащих, проведение мероприятий по нравственному, физическому и эстетическому воспитанию и организацию культурно-досуговых и спортивно-массовых мероприятий.

Заместитель командира батальона по военно-политической работе обязан проводить мероприятия по нравственному, физическому и эстетическому воспитанию личного состава батальона, организовывать проведение культурно-досуговых и спортивно-массовых мероприятий с участием личного состава батальона.

Заместитель командира роты по военно-политической работе обязан: проводить мероприятия по нравственному, физическому и эстетическому воспитанию личного состава роты, организовывать досуг личного состава роты и спортивно-массовые мероприятия, руководить ротной художественной самодеятельностью [10].

Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации определены и общие обязанности военнослужащих (ст. 16–23), которые формируются в процессе обучения и на практике соответствующими командирами и начальниками. Но никто не станет отрицать очевидного: культурный уровень (эстетический, морально-нравственный и т. д.) военнослужащих всегда благоприятно сказывается на выполнении ими своих обязанностей, проявление инициативы и других качеств личности. Однако не все из них приобретаются под влиянием командиров и начальников, но и в процессе самостоятельной работы военнослужащих, для которой должны создаваться и соответствующие условия. В период моей действительной военной службы в воинской части была хорошая библиотека, её руководителем был очень интеллигентный и достаточно пожилой лейтенант, который помогал мне в выборе литературы. Во время учёбы в Ленинградской военно-политической школе МВД СССР, я регулярно читал классическую и современную художественную литературу и считаю, что именно это не только способствовало повышению моего культурного уровня, но и выбору профессии военного политработника.

С первых дней офицерской службы в должности секретаря комсомольской организации учебного батальона, дислоцированного в городе Калаче-на-Дону [11], пришлось сразу включиться в работу по оформлению наглядной агитации в батальоне, командиром которого был Герой Советского Союза, подполковник Михаил Ефимович Нихаев.

Ещё будучи курсантом Ленинградской военно-политической школы МВД СССР, я усвоил, что для реализации этой задачи необходимо создать группу курсантов, способных участвовать в этой работе и имеющих соответствующие навыки: писать, рисовать, изготовлять стенды и т. д. Однако начинать надо с составления плана этой работы: что изготовить, из чего, где взять для этого необходимые материалы, где и что разместить, и согласовать с командиром и замполитом.

И должен отметить, что при поддержке офицеров батальона, комсомольского актива, отдельных энтузиастов, мы сделали многое. Нет, первого места по наглядному оформлению подразделений мы не заняли, но накопленный опыт работы мною был использован на практике, когда пришлось во вновь формировавшихся 2 отдельных ротах все начинать сначала. И моё первое поощрение в должности замполита роты было именно за наглядное оформление подразделения, находившееся на значительном удалении от ядра полка.

В последующие годы службы на различных должностях в ЛВПШ и ВПУ, я участвовал в наглядном оформлении Ленинских комнат, кафедр, в разработке наглядных пособий, таблиц и схем по философии, социологии, истории СССР, истории Советской милиции, политологии, методике преподавания социально-политических дисциплин, привлекая к этой работе курсантов и слушателей [2; 12].

Практически все преподаватели нашего вуза активно участвовали в проведении мероприятий, имевших целью развитие культурного уровня обучаемых, используя для этого возможности Ленинграда (ныне Санкт-Петербурга), его окрестностей и другие, тем самым позволяли глубже

освоить историю культурной столицы России.

И наша кафедра Истории КПСС, которую возглавлял участник Великой Отечественной войны, кандидат исторических наук, доцент полковник Иван Денисович Ходанович, предложила учредить для курсантов «План культурного роста», в котором отразить их самостоятельную работу в этом направлении, и разработала его форму. План повышения культурного уровня курсантов включает в себя различные мероприятия и программы, направленные на развитие их культурных компетенций и навыков. План включал самостоятельное посещение музеев, выставок, художественных галерей, театров, библиотек, спортивных и других мероприятий по интересам самого курсанта и составлялся самостоятельно, но был обязателен для всех. Его отдельной частью была не только отметка «вып.», но и краткое описание впечатлений. Таким образом, этот план являлся не чем иным, как культурным самообразованием курсантов военного вуза, направленным на развитие их личности, общей и профессиональной культуры и ценностных ориентаций, осуществляемый через внеаудиторную деятельность и самоорганизацию [13; 14].

Так как составление такого плана требовало предварительных знаний, перед его составлением перед ними выступали работники библиотеки, знакомые с современной литературой, наши театралы, краеведы, приглашённые сотрудники культурных учреждений города и другие знатоки, и на основе такой информации курсанты составляли свои планы. Интересно и то, что уже в ходе реализации этих планов, они вносили изменения и дополнения после обмена мнениями с товарищами о посещении тех или иных мероприятий. Важно было и то, что план учитывал личные интересы каждого курсанта.

Важным было и то, что о выполнении этого плана курсанты отчитывались на комсомольских и партийных собраниях. Конечно, не все чётко придерживались своих планов по разным причинам, вначале были и случаи обмана, но после того, как это выявлялось, подобное не повторялось.

Многие бывшие курсанты, отслужившие ряд лет в войсках, при встречах говорили, что этот план, по своей сути, обязывающий их повышать свой культурный уровень, помогал рационально использовать увольнения и на службе использовать полученные знания в воспитательной работе с личным составом.

Ещё одним интересным и осуществлённым проектом повышения культурного уровня курсантов и их вовлечения в воспитательную работу была организация подготовки экскурсоводов по городу. Инициатором этого мероприятия был И. Д. Ходанович, который на одной из лекций задал курсантам вопрос: «Есть ли среди Вас курсанты, которые, после определённой подготовки, проводили бы экскурсии с курсантами младших курсов по интересным маршрутам Красносельского района и Города-Героя Ленинграда». Буквально через несколько дней ему передали список, включавший около 50 человек. Следует отметить, что в этот список вошли хорошо успевающие курсанты.

Через несколько дней эти курсанты были приглашены на первое заседание. Иван Денисович назвал примерные маршруты от училища и до Дворцовой площади (до здания Эрмитажа), рассказал об одном из них, а затем рекомендовал самим курсантам разработать маршруты, которые бы включали памятные места и события, имевшие место в истории города в разные периоды. Всё остальное было поручено мне.

В течение трёх месяцев курсантами было разработано около 20 маршрутов, которые я прочитал и на последующих заседаниях их авторы провели экскурсии по карте. После обсуждения выступлений, был одобрен самый интересный маршрут, разделён на 6 участков, за которыми были закреплены определённые курсанты. В один из выходных дней нам выделили автобус, на котором мы проехали по всему маршруту, выслушав выступления курсантов на всех участках. Безусловно, были отмечены и сильные, и слабые стороны, однако все остались довольны результатами.

После моего сообщения на кафедре, И. Д. Ходанович доложил начальнику политотдела училища о готовности курсантов к проведению экскурсий. И по решению начальника политотдела полковника А. П. Ганичева была проведена пробная экскурсия с участием сотрудников политотдела, одобрена ими, и в последующем по заявкам от учебных батальонов и в период абитуриентских сборов проводились эти экскурсии.

К сожалению, с уходом в отставку инициаторов этого мероприятия, оно было забыто. Может быть, его стоит возобновить? Ведь самостоятельное повышение культур-

ного уровня курсантов – это культурное самообразование. Оно включает чтение, посещение культурных мероприятий, участие в культурно-досуговых мероприятиях вуза, встречах с интересными людьми, посещение лекций и концертов, экскурсий и других мероприятиях, расширяющих кругозор и формирующих эрудицию, способствующих развитию таких личностных компетенций, как самодисциплина, саморазвитие, коммуникативные навыки, а также способствующих проявлению инициативы и самостоятельности [15; 16].

Важно подчеркнуть, что использование художественной литературы и произведений искусства, о чём писали А. М. Строганов и Н. М. Карамзин, является действенным инструментом нравственно-эстетического воспитания. В процессе чтения и обсуждения книг о войне, героических подвигах, таких как романы Ю. Бондарева «Горячий снег», К. Симонова «Живые и мёртвые», повести В. Быкова «Обелиск», у курсантов формируются эмпатия, чувство долга, понимание ценности жизни и готовности к самопожертвованию [17]. Современные исследователи [18; 19] также подтверждают, что культурологический подход в военном образовании способствует формированию целостной личности профессионала.

Заключение

Таким образом, идеи графа А. М. Строганова и историка Н. М. Карамзина об обращении к отечественной истории и искусству как средству воспитания патриотизма и высоких моральных качеств находят своё практическое воплощение в системе военно-профессионального образования. Опыт Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации (и её предшественников – ЛВПШ МВД СССР и ВПУ МВД СССР) показывает, что целенаправленная системная работа по культурному самообразованию курсантов, включающая разработку индивидуальных «Планов культурного роста», подготовку экскурсоводов из числа обучающихся, активное использование музейной педагогики, выездные занятия на предприятиях и в музеях, а также потенциала художественной литературы, является эффективным фактором формирования всесторонне развитой личности офицера-патриота. Важно, чтобы эта работа носила не эпизодический, а системный характер, поддерживалась на уровне командования и органично вписывалась в общий контекст профессиональной подготовки. Возобновление и развитие подобных практик в современных условиях представляется актуальной задачей военно-педагогической науки и практики, особенно в свете задач, поставленных Президентом России В. В. Путиным в области воспитания подрастающего поколения и сохранения исторической памяти [5; 20].

Список источников

1. Карамзин Н. М. О случаях и характерах в Российской истории, которые могут быть предметом художеств. Письмо к господину НН // Н. М. Карамзин об истории государства Российского. М. : Просвещение, 1990. С. 3–15.
2. Гутман М. Ю. Участие ветеранских организаций Санкт-Петербургского университета МВД России в патриотическом, гражданском и профессиональном воспитании курсантов и слушателей / М. Ю. Гутман, В. А. Баринов // 210 лет МВД России: история и современность: всероссийская научно-практическая конференция. Санкт-Петербург, 21 сентября 2012 г.: в 4 ч. Ч. 4. / под общ. ред. Н. С. Нижник. СПб. : Изд-во СПб ун-та МВД России, 2013. С. 45–49.
3. Ломакин М. А. Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда: история и современность // Вопросы музеологии. 2019. № 2. С. 178–186.
4. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 16 ноября 2022 г. № 993 «Об утверждении федеральной образовательной программы основного общего образования» // Российская газета. 2022. 15 декабря.
5. Путин В. В. Разговор о важном: открытый урок с Президентом России // Официальный сайт Президента России. 2022. 1 сентября. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/69264 (дата обращения: 15.04.2026).
6. Акопян В. З. Село Чардахлы – кузница героев // Военно-исторический архив. 2015. № 7. С. 44–49.
7. Герои Советского Союза: краткий биографический словарь: в 2 т. / пред. ред. коллегии И. Н. Шкадов. М. : Воениздат, 1987. Т. 1. 911 с.
8. Ксенофонтов В. Н., Семёнов А. В. Герои-выпускники академии Росгвардии: традиции служения Отечеству. СПб., 2021. 128 с.

9. Дмитриев А. В. Цели и задачи специальной военной операции на Украине: политико-правовой анализ // Национальная безопасность. 2024. № 3. С. 56–68.
10. Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 47. Ст. 5749.
11. Калачёвский район: история и современность / под ред. В. П. Полянского. Волгоград: Издатель, 2018. 240 с.
12. Гутман М. Ю. Методика преподавания социально-политических дисциплин в военном вузе: из опыта работы. СПб. : ВПУ МВД СССР, 1990. 112 с.
13. Золотарев В. А. Модель формирования готовности к профессиональному самообразованию у курсантов военных вузов войск национальной гвардии // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». 2017. Т. 9, № 1. С. 64–71.
14. Яранов С. А. Организация самостоятельной работы курсантов в военных образовательных организациях высшего образования войск национальной гвардии Российской Федерации // Гуманитарные науки. 2020. № 11. С. 132–137.
15. Зайцев А. В. Культурологический подход к формированию исследовательской культуры курсантов военных вузов / М. В. Петровская, А. А. Рябчиков // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 5. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=29108 (дата обращения: 31.03.2026).
16. Беляев А. В. Социокультурные практики воспитания в системе военного образования // Педагогика. 2020. № 6. С. 45–53.
17. Бондарев Ю. В. Горячий снег: роман. М. : Воениздат, 1974. 384 с.
18. Кирьякова А. В. Аксиология образования: ценностные ориентиры педагогической деятельности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2018. № 3. С. 56–63.
19. Караяни А. Г., Сыромятников И. В. Военная педагогика: учебник. М.: Юрайт, 2021. 412 с.
20. Флиер А. Я. Культурология для культурологов: учебное пособие. М.: Согласие, 2022. 456 с.

References

1. Karamzin N. M. O sluchayah i harakterah v Rossijskoj istorii, kotorye mogut byt' predmetom hudozhestv. Pis'mo k gospodinu NN // N. M. Karamzin ob istorii gosudarstva Rossijskogo. M. : Prosveshchenie, 1990. S. 3–15. (In Russ.).
2. Gutman M. YU. Uchastie veteranskih organizacij Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii v patrioticheskom, grazh-danskom i professional'nom vospitanii kursantov i slushatelej / M. YU. Gutman, V. A. Barinov // 210 let MVD Rossii: istoriya i sovremennost': vserossijskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya. Sankt-Peterburg, 21 sentyabrya 2012 g.: v 4 ch. CH. 4. / pod obshch. red. N. S. Nizhnik. SPb. : Izd-vo SPb un-ta MVD Rossii, 2013. S. 45–49. (In Russ.).
3. Lomakin M. A. The State Memorial Museum of the Defense and Siege of Leningrad: History and Modernity // Voprosy muzeologii. 2019;2: 178–186. (In Russ.).
4. Order No. 993 of the Ministry of Education of the Russian Federation dated November 16, 2022, "On the Approval of the Federal Educational Program for Basic General Education" // Rossijskaya gazeta. 2022. 15 dekabrya. (In Russ.).
5. Putin V. V. Razgovor o vazhnom: otkrytyj urok s Prezidentom Rossii // Oficial'nyj sajt Prezidenta Rossii. 2022. 1 sentyabrya. Available from: http://www.kremlin.ru/events/president/news/69264 (data obrashcheniya: 15.04.2026). (In Russ.).
6. Akopyan V. Z. The village of Chardakhly is the forge of heroes. // Voenno-istoricheskij arhiv. 2015;7: 44–49. (In Russ.).
7. Geroi Sovetskogo Soyuza: kratkij biograficheskij slovar': v 2 t. / pred. red. kollegii I. N. SHkadov. M. : Voenizdat, 1987. T. 1. 911 s. (In Russ.).
8. Ksenofontov V. N., Semyonov A. V. Geroi-vypuskniki akademii Rosgvardii: tradicii sluzheniya Otechestvu. SPb., 2021. 128 s. (In Russ.).
9. Dmitriev A. V. The goals and objectives of the special military operation in Ukraine: a political and legal analysis // Nacional'naya bezopasnost'. 2024;3: 56–68. (In Russ.).
10. Ustav vnutrennej sluzhby Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Fede-racii (utv. Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 10 noyabrya 2007 g. № 1495) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2007. № 47. St. 5749. (In Russ.).
11. Kalachyovskij rajon: istoriya i sovremennost' / pod red. V. P. Polyanskogo. Volgograd: Izdatel', 2018. 240 s. (In Russ.).

12. Gutman M. YU. Metodika prepodavaniya social'no-politicheskih disciplin v voennom vuze: iz opyta raboty. SPb. : VPU MVD SSSR, 1990. 112 s. (In Russ.).
13. Zolotarev V. A. A model for developing readiness for professional self-education among cadets of military universities of the National Guard troops. // Vestnik YUUrGU. Seriya «Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki». 2017. Vol. 9;1: 64–71. (In Russ.).
14. YAranov S. A. The organization of independent work of cadets in military educational organizations of higher education of the National Guard troops of the Russian Federation. // Gumanitarnye nauki. 2020;11: 132–137. (In Russ.).
15. Zajcev A. V. A cultural approach to fostering the research culture of cadets at military universities. / M. V. Petrovskaya, A. A. Ryabchikov // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2019;5. Available from: https://science-education.ru/ru/article/view?id=29108 (data obrashcheniya: 31.03.2026). (In Russ.).
16. Belyaev A. V. Sociocultural practices of upbringing in the military education system // Pedagogika. 2020;6: 45–53. (In Russ.).
17. Bondarev YU. V. Goryachij sneg: roman. M. : Voenizdat, 1974. 384 s. (In Russ.).
18. Kir'yakova A. V. Axiology of education: value-based guidelines for pedagogical activity // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018;3: 56–63. (In Russ.).
19. Karayani A. G., Syromyatnikov I. V. Voennaya pedagogika: uchebnik. M.: YUrajt, 2021. 412 s. (In Russ.).
20. Flier A. YA. Kul'turologiya dlya kul'turologov: uchebnoe posobie. M.: Soglasie, 2022. 456 s. (In Russ.).

Информация об авторах

М. Ю. Гутман *– доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 30.04.2026;
одобрена после рецензирования 20.09.2026;
принята к публикации 28.09.2026.

Information about the authors

M. Yu. Gutman *– Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Worker of Higher Education in the Russian Federation*

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 30.04.2026;
approved after reviewing 20.09.2026;
accepted for publication 28.09.2026.

Научная статья

УДК 378.01

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Руслан Александрович Николаев
Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
ruslan53rus1978@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования государственно-патриотической компетенции обучающихся в условиях современных социальных преобразований. Особое внимание уделяется аксиологическому подходу как методологической основе формирования ценностных ориентаций личности. Анализируются теоретические основы аксиологического подхода в образовании, раскрывается сущность государственно-патриотической компетенции и её структурные компоненты. Определяются педагогические условия, способствующие развитию данной компетенции у обучающихся. Подчеркивается значение образовательной среды, активных методов обучения и рефлексивной деятельности в формировании ценностного отношения к государству и обществу. Сделан вывод о необходимости системного внедрения аксиологического подхода в образовательный процесс как основы гражданского и патриотического воспитания.

Ключевые слова: государственно-патриотическая компетенция, аксиологический подход, ценности, гражданское воспитание, образовательная среда, патриотизм, компетентностный подход

Для цитирования: Николаев Р.А. Педагогические условия развития государственно-патриотической компетенции обучающихся: аксиологический подход // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 216–222. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/022.pdf.

Original article

PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR THE DEVELOPMENT OF STUDENTS' STATE-PATRIOTIC COMPETENCE: AN AXIOLOGICAL APPROACH

Ruslan A. Nikolaev
Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
ruslan53rus1978@mail.ru

Abstract. The article examines the problem of developing students' state-patriotic competence in the context of modern socio-cultural transformations. The axiological approach is considered as a methodological basis for the formation of personal value orientations within the educational process. The essence and structure of state-patriotic competence are analyzed, including cognitive, value-motivational, emotional, and activity components. Based on theoretical analysis and empirical research results, the pedagogical conditions for developing this competence among students are identified. It is established that effective formation of state-patriotic competence is possible through the integration of value-based content into the educational process, the creation of a value-oriented educational environment, the use of active learning methods, and the involvement of students in socially significant activities.

Keywords: state-patriotic competence, axiological approach, civic education, value orientations, educational environment, patriotism

For citation: Nikolaev R.A. Pedagogical conditions for the development of students' state-patriotic competence: an axiological approach. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36): 216–222. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/022.pdf.

© Николаев Р.А., 2026

Введение

В условиях глобализации, динамичных социально-политических изменений и трансформации культурных ценностей особую актуальность приобретает проблема формирования гражданской и патриотической позиции молодёжи. Современное общество нуждается в лично-

сти, обладающей развитым чувством гражданской ответственности, уважением к государственным институтам и осознанием своей роли в общественном развитии. В связи с этим возрастает значение формирования государственно-патриотической компетенции обучающихся [1].

Система образования является одним из ключевых институтов социализации личности. Именно в образовательной среде происходит формирование мировоззрения, ценностных ориентаций и социально значимых установок молодого поколения. Современные образовательные стандарты ориентируют педагогическую практику на развитие компетенций, обеспечивающих успешную социализацию личности и её готовность к активному участию в общественной жизни [2].

Государственно-патриотическая компетенция рассматривается как интегративное качество личности, включающее знания о государстве и обществе, ценностное отношение к национальной культуре и истории, а также готовность к социально значимой деятельности. Формирование данной компетенции требует комплексного педагогического воздействия, направленного на развитие когнитивной, ценностной и деятельностной сфер личности.

Одним из наиболее перспективных методологических оснований для решения данной задачи выступает аксиологический подход. Данный подход ориентирует образовательный процесс на формирование системы ценностей личности и рассматривает образование как пространство передачи культурных и социальных ценностей [3].

Результаты исследования

Целью настоящего исследования является анализ педагогических условий развития государственно-патриотической компетенции обучающихся на основе аксиологического подхода.

Задачи исследования:

1. Рассмотреть теоретические основы аксиологического подхода в образовании.
2. Определить сущность и структуру государственно-патриотической компетенции обучающихся.
3. Выявить педагогические условия, способствующие формированию данной компетенции.
4. Определить роль образовательной среды в развитии ценностных ориентаций обучающихся.

Теоретические основы аксиологического подхода в образовании

Аксиологический подход занимает значимое место в современной педагогической теории и практике. Он основывается на признании ценностей фундаментальным компонентом формирования личности и рассматривает образование как процесс освоения культурных и социальных ценностей [4].

Понятие «аксиология» происходит от греческих слов axios – ценность и logos – учение. В философии аксиология изучает природу ценностей, их структуру и роль в жизни человека и общества. В педагогике аксиологический подход предполагает ориентацию образовательного процесса на формирование ценностных ориентаций личности.

Ценности выступают важнейшими регуляторами поведения человека. Они определяют жизненные цели, формируют мировоззрение и оказывают влияние на социальную активность личности [5]. Именно поэтому формирование системы ценностей является одной из ключевых задач образования.

В рамках аксиологического подхода образование рассматривается не только как процесс передачи знаний и навыков, но и как процесс культурной трансляции ценностей. Образовательная деятельность направлена на формирование у обучающихся ценностного отношения к окружающему миру, обществу, культуре и государству.

Особую роль аксиологический подход играет в системе гражданского и патриотического воспитания. Патриотизм в данном контексте рассматривается не только как эмоциональная привязанность к своей стране, но и как осознанная система ценностей, включающая уважение к историческому наследию, государственным институтам и культурным традициям [6].

Таким образом, аксиологический подход позволяет рассматривать формирование государственно-патриотической компетенции как процесс интериоризации ценностей гражданственности, ответственности и социальной солидарности.

Рассмотрим сущность и структуру государственно-патриотической компетенции обучающихся.

Современная педагогическая наука активно использует компетентностный подход, в рамках которого образовательные результаты рассматриваются как совокуп-

ность знаний, умений, навыков и ценностных установок личности.

Государственно-патриотическая компетенция представляет собой интегративное качество личности, отражающее уровень её гражданской зрелости и готовности к социально ответственному поведению [7].

Данная компетенция включает несколько взаимосвязанных компонентов.

Когнитивный компонент включает знания о государстве, его политической системе, истории, культуре и общественных институтах. Он формирует интеллектуальную основу гражданской идентичности.

Ценностно-мотивационный компонент отражает систему ценностных ориентаций личности, её отношение к государству, обществу и национальной культуре.

Эмоциональный компонент связан с формированием чувства принадлежности к своему государству, уважения к его символам, традициям и историческому наследию.

Деятельностный компонент проявляется в готовности личности участвовать в общественной жизни, реализовывать социально значимые инициативы и выполнять гражданские обязанности.

Формирование государственно-патриотической компетенции требует комплексного педагогического воздействия, направленного на развитие всех перечисленных компонентов [8].

Рассмотрим педагогические условия формирования государственно-патриотической компетенции.

Эффективность формирования государственно-патриотической компетенции обучающихся во многом зависит от создания соответствующих педагогических условий.

В современных условиях развития общества особую значимость приобретает воспитание гражданина, обладающего высоким уровнем государственно-патриотической компетенции [9]. Это связано с необходимостью социальной сплоченности и ответственности личности перед государством и обществом. Образовательные организации играют ключевую роль в данном процессе, поскольку именно в них формируются базовые ценности, установки и модели поведения подрастающего поколения.

Государственно-патриотическая компетенция представляет собой интегративное качество личности, включающее знание истории и культуры своей страны, уважение к государственным символам, готовность к выполнению гражданских обязанностей, а также осознанную позицию в отношении общественно значимых процессов. Ее формирование требует системного подхода и создания определенных педагогических условий [10].

Одним из важнейших педагогических условий является ценностно-смысловая направленность образовательного процесса. Это предполагает включение в содержание обучения тем, связанных с историей государства, культурным наследием, гражданскими правами и обязанностями. Однако простая передача знаний недостаточна – необходимо формировать личностное отношение обучающихся к изучаемому материалу. Эффективным инструментом здесь выступают дискуссии, анализ исторических событий, проектная деятельность, позволяющая учащимся самостоятельно осмысливать значение патриотизма [11].

Следующим условием является интеграция урочной и внеурочной деятельности. Формирование патриотической компетенции не может ограничиваться рамками отдельных дисциплин. Здесь наиболее важную роль играет контактная работа, проведение тематических мероприятий, участие в общественных мероприятиях, организация встреч с представителями различных профессий, в том числе с представителями государственных структур. Такой подход позволяет применять теоретические знания в практической деятельности и формировать личный опыт.

Наиболее важным педагогическим условием является использование деятельностного подхода. Данный подход предполагает активное вовлечение обучающихся в различные виды деятельности, направленные на осмысление и реализацию гражданских ценностей. Это может быть участие в социальных проектах, в общественно значимых мероприятиях, организация и проведение исследовательской работы. Через деятельность учащиеся не только получают новые знания, но и развивают навыки общения, принимают на себя ответственность и проявляют разумную инициативу [12].

Не менее важным является создание благоприятного воспитательного процесса, способствующего формированию патриотических установок. Этот процесс включает в себя не только внешнюю оболочку (наличие государственной символики, информационных стендов), но и формирование атмосферы уважения, доверия

и осознание своей гражданской ответственности. Важную роль здесь играет личный пример преподавателя, его отношение к своей стране, профессии и окружающей среде [13].

Необходимо отметить важность индивидуального подхода к обучающимся. Уровень сформированности государственно-патриотического сознания может значительно различаться в зависимости от личного опыта, семейного воспитания и социальной среды, в которой воспитывался обучающийся. Преподаватель должен обязательно учитывать индивидуальные особенности обучающихся, создавать условия для их самовыражения и поддержки инициатив, связанных с гражданской активностью.

Современные информационные технологии также выступают важным инструментом формирования государственно-патриотической компетенции. В настоящее время применение цифровых ресурсов позволяет нам расширить доступ к историческим материалам, документам, архивам, а также организовать обучение в интерактивном формате. В результате применения интернет-технологий важно развивать критическое мышление у обучающихся, чтобы они могли анализировать информацию и выделять фейковые источники [14].

Еще одним значимым условием является взаимодействие образовательной среды с семьей и социальными институтами. Патриотическое воспитание не может быть эффективным без поддержки со стороны родителей и общества. Совместные мероприятия, участие в общественных проектах, сотрудничество с культурными и общественными организациями усиливают воспитательный эффект и обеспечивают преемственность в формировании ценностей.

Таким образом, формирование государственно-патриотической компетенции является сложным и многогранным процессом, требующим создания комплекса педагогических условий. К ним относятся ценностно-смысловая направленность обучения, интеграция различных видов деятельности, деятельностный подход, создание благоприятной воспитательной среды, индивидуализация обучения, использование современных технологий и взаимодействие с социальными партнерами [15]. Только при системной реализации этих условий возможно воспитание личности, способной осознанно и ответственно участвовать в жизни государства и общества.

Рассмотрим роль образовательной среды в формировании ценностных ориентаций обучающихся.

Образовательная среда является одним из ключевых факторов, влияющих на формирование ценностных ориентаций обучающихся. Под образовательной средой понимается совокупность материальных, социальных, культурных и педагогических условий, в которых осуществляется процесс обучения и воспитания. Она включает не только содержание учебных программ, но и характер взаимоотношений между участниками образовательного процесса, организацию пространства, традиции учреждения и его воспитательный потенциал.

Прежде всего, образовательная среда формирует систему норм и ценностей, которые воспринимаются обучающимся как на уровне контактной работы с ними, так и через скрытые механизмы – так называемый «скрытый учебный план». Поведение преподавателей, используемый ими стиль общения, умение локализации конфликтов, отношение к успеху и неудачам – все это формирует у учащихся представления о справедливости, ответственности и уважении.

Таким образом, ценностные ориентации формируются не только через содержание изучаемых дисциплин, но и через повседневную деятельность, в результате которой происходит взаимодействие с окружающей средой [16].

Важную роль играет социально-психологический климат образовательной среды. Атмосфера доверия, поддержки и взаимного уважения способствует развитию у обучающихся гуманистических ценностей и готовности к сотрудничеству. Напротив, атмосфера недоверия и неуважения может формировать отчуждение, пассивность или агрессивные модели поведения. Следовательно, педагогический коллектив должен осознанно выстраивать такие условия, которые способствуют личностному росту учащихся.

Не менее значимым компонентом является культурно-образовательное пространство. Наличие в образовательной организации традиций, символики, участие в культурных и общественных мероприятиях способствует формированию у обучающихся чувства принадлежности к сообществу, уважения к культурному наследию и осознания своей социальной роли. Через

включение в различные виды деятельности учащиеся усваивают ценности не в абстрактной форме, а через личный опыт [17].

Организация учебной деятельности также оказывает существенное влияние на формирование ценностных ориентаций. Использование активных и интерактивных методов обучения – дискуссий, проектной деятельности, групповой работы – способствует развитию критического мышления, ответственности за собственное мнение и уважения к позициям других. В таких условиях обучающиеся учатся не только усваивать знания, но и выстраивать систему личных ценностей.

Особую роль играет личность педагога как носителя определенной системы ценностей. Учитель выступает не только источником знаний, но и значимой фигурой, на которую ориентируются обучающиеся. Его профессиональная позиция, нравственные установки, отношение к своей деятельности и окружающим людям оказывают непосредственное влияние на формирование ценностных ориентаций учащихся. Именно через личный пример педагога происходит наиболее эффективная передача ценностей [18].

Современную образовательную среду невозможно представить без использования цифровых ресурсов, которые существенно расширяют возможности воздействия на обучающихся. С одной стороны, они предоставляют доступ к разнообразной информации и способствуют развитию самостоятельности, а с другой требуют формирование критического мышления и способности «фильтровать» полученную информацию, поскольку обучающиеся сталкиваются с противоречивыми ценностными установками. В этой связи важной задачей педагогов становится методическое сопровождение обучающихся при работе с цифровыми источниками [19].

Таким образом, современная образовательная среда выступает не просто фоном, но также служит важным фактором, который формирует ценностные ориентации у обучающихся. Ее влияние проявляется через содержание образования, характер взаимодействия, организацию педагогической деятельности и личность преподавателя. Целенаправленная работа по созданию развивающей и гуманистической образовательной среды позволяет формировать у обучающихся устойчивую систему ценностей, соответствующую требованиям современного общества.

Заключение

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что формирование государственно-патриотической компетенции обучающихся является важной задачей современной системы образования. В условиях социальных преобразований особое значение имеет формирование у молодёжи устойчивых ценностных ориентаций, основанных на уважении к государству, его истории, обществу и культурному наследию.

Аксиологический подход позволяет рассматривать государственно-патриотическое воспитание как процесс формирования системы ценностей обучающихся. В рамках данного подхода государственно-патриотическая компетенция выступает результатом восприятия гражданских ценностей, личной ответственности и чувства социальной поддержки.

Анализ научной литературы позволяет нам выделить основные педагогические условия формирования государственно-патриотической компетенции:

этапность развития государственно-патриотической компетенции через изучение, осмысление, рефлексию;

методическое сопровождение развития государственно-патриотической компетенции;

комплекс содержательно-дидактических элементов (методы, формы, средства, информационное содержание).

Реализация данных условий способствует формированию активной гражданской позиции обучающихся и их готовности к осознанному участию в общественной жизни государства и общества [20].

Список источников

1. Вербицкий А. А. Контекстное обучение: понятие и содержание // Эксперимент и инновации в школе. 2009. № 4. С. 8–13. EDN MVSDBJ.

2. Асмолов А. Г. Психология личности. Культурно-историческое понимание развития человека: учебник. 6-е издание, стереотипное. М : Изд-во «Смысл», 2023. 448 с.

3. Караковский В. А. Воспитательная система школы: педагогические идеи и опыт формирования. М. : Новая школа, 1994.

4. Байденко В. И. Компетентностный подход в образовании. М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2018.
5. Бондаревская Е. В. Ценностные основания личностно-ориентированного воспитания // Педагогика. 2014. № 4. С. 29–36.
6. Исаева Т. Е. Компетенции студентов и преподавателей высшей школы: способы формирования и оценивания: монография. Ростов н/Д, 2010. 152 с.
7. Выготский Л. С. Педагогическая психология. М. : АСТ, 2008. ISBN 978-5-17-049975-5. EDN QXVCOX.
8. Зимняя И. А. Ключевые компетентности как результат образования. М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2017.
9. Леонтьев А. Н. Личность. Сознание. Деятельность. М. : Политиздат, 2008. 130 с.
10. Ильин И. А. О патриотизме // Собр. соч.: Справедливость или равенство?/ сост. и комм. Ю. Т. Лисицы. М., 2006. 576 с.
11. Краевский В. В. Общие основы педагогики: учебник для вузов. М. : Академия, 2009.
12. Лихачёв Д. С. Письма о добром и прекрасном. СПб. : Азбука, 2016.
13. Данилюк А. Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М. : Просвещение, 2019.
14. Новиков А. М. Методология образования. М : Изд-во «Эгвес», 2006. 488 с. ISBN 5-85449-127-6. EDN PFNTED.
15. Петровский А. В. Введение в психологию. М. : Издательский центр «Академия», 1996. 496 с.
16. Сериков В. В. Образование и личность. Волгоград: Перемена, 2018. 259 с.
17. Иванов В. Г. Воспитание государственного патриотизма у курсантов военно-физкультурного вуза: автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.04 / Иванов Валерий Геннадьевич. СПб., 2004. 24 с.
18. Степин В. С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2019.
19. Третьякова Е. И. Развитие личности курсанта в условиях обучения в высшей военной школе; под общ. ред. И. В. Родных. Орел: Академия ФСО России, 2008. 158 с.
20. Хуторской А. В. Педагогика: учебник. СПб. : Питер, 2017. 112 с.

References

1. Verbickij A. A. Contextual Learning: Concept and Content // Eksperiment i innovacii v shkole. 2009;4: 8–13. EDN MVSDBJ. (In Russ.).
2. Asmolov A. G. Psihologiya lichnosti. Kul'turno-istoricheskoe ponimanie razvitiya cheloveka: uchebnik. 6-e izdanie, stereotipnoe. M : Izd-vo «Smysl», 2023. 448 s. (In Russ.).
3. Karakovskij V. A. Vospitatel'naya sistema shkoly: pedagogicheskie idei i opyt formirovaniya. M. : Novaya shkola, 1994. (In Russ.).
4. Bajdenko V. I. Kompetentnostnyj podhod v obrazovanii. M. : Issledovatel'skij centr problem kachestva podgotovki specialistov, 2018. (In Russ.).
5. Bondarevskaya E. V. The value foundations of personality-oriented education // Pedagogika. 2014;4: 29–36. (In Russ.).
6. Isaeva T. E. Kompetencii studentov i prepodavatelej vysshej shkoly: sposoby formirovaniya i ocenivaniya: monografiya. Rostov n/D, 2010. 152 s. (In Russ.).
7. Vygotskij L. S. Pedagogicheskaya psihologiya. M. : AST, 2008. ISBN 978-5-17-049975-5. EDN QXVCOX. (In Russ.).
8. Zimnyaya I. A. Klyuchevye kompetentnosti kak rezul'tat obrazovaniya. M. : Issledovatel'skij centr problem kachestva podgotovki specialistov, 2017. (In Russ.).
9. Leont'ev A. N. Lichnost'. Soznanie. Deyatel'nost'. M. : Politizdat, 2008. 130 s. (In Russ.).
10. Il'in I. A. O patriotizme // Sobr. soch.: Spravedlivost' ili ravenstvo?/ sost. i komm. YU. T. Lisicy. M., 2006. 576 s. (In Russ.).
11. Kraevskij V. V. Obshchie osnovy pedagogiki: uchebnik dlya vuzov. M. : Akademiya, 2009. (In Russ.).
12. Lihachyov D. S. Pis'ma o dobrom i prekrasnom. SPb. : Azbuka, 2016. (In Russ.).
13. Danilyuk A. YA. Koncepciya duhovno-nravstvennogo razvitiya i vospitaniya lichnosti grazhdanina Rossii. M. : Prosveshchenie, 2019. (In Russ.).

14. Novikov A. M. Metodologiya obrazovaniya. M : Izd-vo «Egves», 2006. 488 s. ISBN 5-85449-127-6. EDN PFNTED. (In Russ.).

15. Petrovskij A. V. Vvedenie v psihologiyu. M. : Izdatel'skij centr «Akademiya», 1996. 496 s. (In Russ.).

16. Serikov V. V. Obrazovanie i lichnost'. Volgograd: Peremena, 2018. 259 s. (In Russ.).

17. Ivanov V. G. Vospitanie gosudarstvennogo patriotizma u kursantov voenno-fizkul'turnogo vuza: avtoref. dis. … kand. ped. nauk: 13.00.04 / Ivanov Valerij Gennad'evich. SPb., 2004. 24 s. (In Russ.).

18. Stepin V. S. Teoreticheskoe znanie. M. : Progress-Tradiciya, 2019. (In Russ.).

19. Tret'yakova E. I. Razvitie lichnosti kursanta v usloviyah obucheniya v vysshej voennoj shkole; pod obshch. red. I. V. Rodnyh. Orel: Akademiya FSO Rossii, 2008. 158 s. (In Russ.).

20. Hutorskoj A. V. Pedagogika: uchebnik. SPb. : Piter, 2017. 112 c. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 12.06.2026;
одобрена после рецензирования 18.09.2026;
принята к публикации 28.09.2026.

The article was submitted 12.06.2026;
approved after reviewing 18.09.2026;
accepted for publication 28.09.2026.

Научная статья

УДК 37.01

ГОСУДАРСТВЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ЦЕЛЬ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

***Анатолий Петрович Шарухин*[1], *Денис Александрович Ваганов*[2]**
[1, 2] *Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия*
[1] *apsha@yandex.ru*
[2] *vtx80@bk.ru*

Аннотация. В статье обосновывается необходимость рассмотрения понятия «государственно-патриотические ценности» (ГПЦ) применительно к военнослужащим подразделений войск национальной гвардии Российской Федерации. На основе аксиологического и системного подходов, теории ценностей М. Рокича и результатов исследований Э. В. Дарбиняна и А. А. Утюганова, изучения практики государственно-патриотического воспитания в войсках национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардии) предложено определение понятия «государственно-патриотические ценности военнослужащих подразделений войск национальной гвардии Российской Федерации как цель учебно-воспитательного процесса». Раскрыта двухкомпонентная структура государственно-патриотических ценностей военнослужащего, включающая терминальные (смысловые, этические) и инструментальные (ценности-цели, ценности-средства) компоненты. Раскрыто содержание каждого структурного элемента. Показано, что психологическим механизмом формирования ГПЦ выступает интериоризация – процесс перехода внешних требований (военной присяги, уставов, приказов командира) во внутренние убеждения в процессе осуществления различных видов деятельности военнослужащего (служебно-боевой, учебно-боевой, культурно-досуговой, хозяйственно-бытовой и внутригрупповой). Обосновано, что предложенная структура ГПЦ опирается на фундаментальные психологические закономерности ценностно-смысловой детерминации поведения и социально-психологические феномены воинского коллектива. Практическая значимость исследования связана с возможностью использования предложенной структуры ГПЦ при проектировании системы воспитания военнослужащих подразделений войск национальной гвардии Российской Федерации. Статья адресована исследователям в области военной педагогики, преподавателям военных вузов, адъюнктам, командирам подразделений, офицерам-воспитателям.

Ключевые слова: государственно-патриотические ценности, аксиологический подход, терминальные ценности, инструментальные ценности, долг, честь, интериоризация, системный анализ, военнослужащие войск национальной гвардии

Для цитирования: Шарухин А.П., Ваганов Д.А. Государственно-патриотические ценности военнослужащих подразделений войск национальной гвардии Российской Федерации как цель учебно-воспитательного процесса // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 223–233. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/023.pdf

Original article

STATE-PATRIOTIC VALUES OF MILITARY PERSONNEL OF THE UNIT OF THE NATIONAL GUARD OF THE RUSSIAN FEDERATION AS THE GOAL OF THE EDUCATIONAL PROCESS

***Anatoly P. Sharukhin*[1], *Denis A. Vaganov*[2]**
[1, 2] *Academy of National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia*
[1] *apsha@yandex.ru*
[2] *vtx80@bk.ru*

Abstract. The research substantiates the necessity of considering the concept of «state-patriotic values» (SPV) in relation to military personnel of the National Guard troops of the Russian Federation. The author proposes a definition of the concept "state-patriotic values of military personnel of the Russian National Guard troops as a goal of the educational process" which is

based on the axiological and systemic approaches, M. Rokeach's theory of values, the research findings of E. V. Darbinyan and A. A. Utyuganov, as well as an examination of the state-patriotic educational process in the National Guard troops of the Russian Federation (Rosgvardiya). The two-component structure of a serviceman's state-patriotic values is revealed, comprising terminal (semantic, ethical) and instrumental (values-goals, values-means) components. The content of each structural element is elaborated. It is stated that the psychological mechanism for SPV formation is internalization which implies the process of transitioning external requirements (military oath, regulations, commander's orders) into internal beliefs through the serviceman's engagement in various types of activities (service-combat, training-combat, cultural-leisure, economic-domestic, and intra-group). It is substantiated that the proposed structure of SPV is based on fundamental psychological regularities of value-meaning determination of behavior and socio-psychological phenomena of the military collective. The practical significance of the research is related to the possibility of using the proposed SPV structure in designing the educational system for military personnel of the National Guard troops of the Russian Federation. The article is addressed to researchers in the field of military pedagogy, teachers of military higher educational institutions, military postgraduate students, unit commanders, and officers - tutors.

Keywords: state-patriotic values, Rosgvardiya personnel, axiological approach, terminal values, instrumental values, duty, honor, internalization, system analysis, National Guard troops servicemen

For citation: Sharukhin A.P., Vaganov D.A. State-patriotic values of military personnel of the unit of the national guard of the Russian Federation as the goal of the educational process. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36): 223–233. (In Russ.). Available from: http://vestnik- academrg.ru/2026/09/023.pdf

© Шарухин А.П., Ваганов Д.А., 2026

Введение

Современные геополитические вызовы, участие войск национальной гвардии Российской Федерации в специальной военной операции, а также попытки обесценивания традиционных российских ценностей актуализируют проблему воспитания личного состава подразделений Росгвардии [1]. Ключевым качеством, характеризующим современного военнослужащего, выступает государственный патриотизм. Данное качество личности имеет сложную внутреннюю структуру, в которой системообразующим элементом, его смысловым ядром являются государственно-патриотические ценности (далее – ГПЦ) [2]. В статье речь идёт о формировании государственного патриотизма – готовности выполнить профессиональный долг на основе любви к Родине, к самопожертвованию во имя интересов Отечества, приоритета интересов государства над личными интересами. Без сформированности государственно-патриотических ценностей государственный патриотизм превращается из внутреннего убеждения в формальный лозунг, не способный регулировать поведение военнослужащего в экстремальных условиях [3].

Проведённый анализ научных источников показал, что, несмотря на наличие исследований по отдельным видам воспитания (патриотическому, профессиональному, правовому, культурно-эстетическому) [4; 5; 6; 7] и категориям военнослужащих (офицеров, сержантов, рядовых) [8; 9; 10], понятие государственно-патриотических ценностей как цель учебно-воспитательного процесса не являлось предметом специального научного исследования. В теоретическом плане ключевая проблема заключается в отсутствии определения самого понятия «государственно-патриотические ценности военнослужащих подразделений войск национальной гвардии Российской Федерации». В работах Э. В. Дарбиняна и А. А. Утюганова показано, что профессиональные ценности военнослужащего имеют свою структуру, а ценностно-смысловая сфера выступает показателем его профессиональной надёжности [11; 12]. Однако эти исследования акцентируют внимание на профессиональных ценностях, в то время как понятие «государственно-патриотические ценности» используется скорее декларативно, без раскрытия его внутреннего строения и механизмов формирования в условиях современной жизнедеятельности войск.

Кроме того, значительный массив исследований посвящён патриотическому воспитанию в целом. Однако в них, как правило, не проводится разграничение между такими понятиями, как «Родина», «Отечество», «страна», «государство», что,

по справедливому замечанию ряда авторов, ведёт к смысловому обеднению воспитательного воздействия [13; 14]. В этой связи особую актуальность приобретает адаптация понятия «государственно-патриотические ценности» к специфике служебно-боевой деятельности военнослужащих Росгвардии.

Задача, решаемая в статье, – ввести и теоретически обосновать понятие «государственно-патриотические ценности военнослужащих подразделений войск национальной гвардии Российской Федерации как цель учебно-воспитательного процесса» и раскрыть его структуру.

Материалы и методы

Теоретико-методологической базой исследования послужили труды в области системного анализа (В. Г. Афанасьев, И. В. Блауберг) [15; 16], аксиологии (В. А. Сластёнин, Г. И. Чижакова, Е. Н. Шиянов, Н. Д. Никандров) [17; 18; 19; 20], теория ценностей М. Рокича [21], а также работы, посвящённые проблемам воспитания военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации [22; 23].

Основными методологическими подходами исследования являются системный и аксиологический подходы. При этом системный подход (от греч. *systema* – «целое, составленное из частей») позволил представить сами государственно-патриотические ценности как целостную, иерархически организованную структуру, в которой терминальные (ценности-цели) и инструментальные (ценности-средства) компоненты взаимосвязаны и образуют единство. В контексте настоящего исследования это означает, что ГПЦ не могут рассматриваться как изолированные элементы, а представляют собой систему, в которой каждый компонент выполняет свою функцию, а ценностно-смысловое единство достигается только при условии взаимосвязи всех структурных элементов. В свою очередь, аксиологический подход (от греч. *axios* – «ценность» и *logos* – «учение»), позволил выявить структуру и ценностное наполнение государственно-патриотических ценностей. При этом формирование ценностей происходит в реальной деятельности военнослужащего: служебно-боевой, учебно-боевой, культурно-досуговой, хозяйственно-бытовой и внутригрупповой.

В качестве теоретико-методологической основы использована классификация М. Рокича, разделяющая ценности на терминальные и инструментальные [21]. Данный подход позволяет «развести» смысловое употребление понятия: ради чего действует военнослужащий (неприкосновенность конституционного строя, долг, честь, авторитет и др.) и какими способами он достигает этих целей (мастерство, исполнительность, бережливость, толерантность и др.) [2].

В работе также использованы методы теоретического анализа и синтеза научной литературы по проблеме исследования, сравнительный анализ подходов различных авторов к пониманию ценностей, а также систематизация полученных данных для построения структуры ГПЦ.

Результаты

1. Обоснованы теоретические предпосылки исследования.

Проблема ценностей как цели образовательного процесса является одной из центральных в современной педагогической науке. В самом общем виде ценность понимается как значимость объекта или явления для удовлетворения потребностей и интересов личности и общества. Как отмечает Д. А. Леонтьев, ценности представляют собой «устойчивые убеждения относительно предпочтительности определённых целей и способов поведения» [24].

В отечественной педагогической аксиологии (В. А. Сластёнин, Г. И. Чижакова, Е. Н. Шиянов, Н. Д. Никандров) ценности рассматриваются как системообразующий фактор воспитания [17; 18; 19; 20]. Н. Д. Никандров подчёркивает, что «духовные ценности являются основой формирования личности, её мировоззрения, нравственных качеств и гражданской позиции» [20]. В. А. Сластёнин и Г. И. Чижакова обосновывают, что система ценностей педагога определяет направленность и эффективность всей его профессиональной деятельности [17; 18].

В зарубежной науке наиболее влиятельной является теория ценностей М. Рокича, согласно которой ценности делятся на два класса: терминальные (убеждения в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться) и инструментальные (убеждения в том, что какой-то образ действий является предпочтительным в любых ситуациях) [21]. Эта классификация признана классической и широко применяется в психолого-педагогических исследованиях.

В системе войск национальной гвардии Российской Федерации продуктивность теории ценностей М. Рокича подтверждается исследованиями Э. В. Дарбиняна и А. А. Утюганова. Так, в своем диссертационном исследовании, А. А. Утюганов использует понятие «ценностно-смысловая сфера» как интегративное образование, включающее терминальные и инструментальные ценности, и показывает, что именно сформированность этой сферы является предиктором профессиональной надёжности военнослужащего [12]. В свою очередь Э. В. Дарбинян в своем диссертационном исследовании «Формирование профессиональных ценностей курсантов военных институтов Росгвардии в предметном обучении» обосновал, что профессиональные ценности формируются в процессе предметного обучения и включают ценность военной службы как особого вида деятельности, ценность профессионального знания и мастерства, ценность воинского коллектива [11].

Таким образом, теоретическая основа для введения понятия ГПЦ уже существует. Однако проведённый анализ показывает, что в рассмотренных исследованиях понятие «государственно-патриотические ценности» используется преимущественно декларативно, без раскрытия его внутренней структуры и механизмов формирования. Это обстоятельство, а также анализ содержания служебно-боевой деятельности военнослужащих Росгвардии позволили сформулировать определение и структуру государственно-патриотических ценностей военнослужащего Росгвардии (рисунок 1).

Рисунок – Структура государственно-патриотических ценностей военнослужащего Росгвардии

Figure – Structure of state-patriotic values of a Rosgvardia service member

2. Раскрыта структура государственно-патриотических ценностей.

Структура государственно-патриотических ценностей военнослужащего Росгвардии включает взаимосвязанные компоненты:

2.1. Терминальные ГПЦ отвечают на вопрос «ради чего военнослужащий осуществляет свою деятельность?». Они представляют собой устойчивые убеждения, определяющие мировоззрение военнослужащего, и подразделяются на две группы: терминальные смысловые и терминальные этические.

2.1.1. Терминальные смысловые ценности.

Данная группа ценностей определяет высшие, экзистенциальные смыслы военной службы, её предназначение в обществе и государстве. К ним относятся:

- *неприкосновенность конституционного строя* – ценность, отражающая убеждённость военнослужащего в необходимости защиты основ конституционного порядка Российской Федерации от любых посягательств, понимание своей роли в обеспечении государственной безопасности;
- *культурное наследие* – ценностное отношение к историческому и культурному достоянию Отечества, понимание своей роли в его сохранении и передаче следующим поколениям;
- *жизнь и здоровье* – признание высшей ценности человеческой жизни как военнослужащих, так и гражданского населения, готовность защищать её ценой собственной жизни;
- *духовность* – ориентация на традиционные российские духовно-нравственные ценности, составляющие основу мировоззрения защитника Отечества.

2.1.2. Терминальные этические ценности.

Данная группа ценностей определяет нравственные ориентиры поведения военнослужащего, его отношение к воинскому долгу, сослуживцам и службе в целом. К ним относятся:

- *боевое братство* – ценность, отражающая особый характер межличностных отношений в воинском коллективе, основанный на взаимном доверии, ответственности и готовности к самопожертвованию;
- *авторитет* – ценностное отношение к заслуженному уважению со стороны сослуживцев и командиров, достигаемому профессиональными и личностными качествами;
- *долг* – внутреннее осознание и принятие ответственности за выполнение поставленных служебно-боевых задач, безусловная готовность действовать в соответствии с требованиями присяги и законов;
- *честь* – нравственная саморегуляция поведения, основанная на принципах правды, справедливости, достоинства, нетерпимость к действиям, порочащим звание военнослужащего;
- *творческое отношение к делу* – ценностная установка на поиск нестандартных, эффективных решений служебно-боевых задач, проявление инициативы и самостоятельности;
- *профессионализм* – устойчивая ориентация на достижение высокого уровня мастерства в избранной сфере военно-профессиональной деятельности;
- *мужество* – ценность, отражающая готовность преодолевать страх, действовать решительно в условиях, сопряжённых с риском для жизни и здоровья;
- *статус* – ценностное отношение к своему положению в воинской иерархии, осознание ответственности, вытекающей из занимаемого должностного положения.

Терминальные ценности носят целевой характер – они определяют конечные ориентиры воспитательного процесса. Сформированность терминальных ценностей означает, что военнослужащий осознаёт высший смысл своей службы и способен руководствоваться этими убеждениями в повседневной деятельности.

2.2. Инструментальные ГПЦ отвечают на вопрос «как, с помощью каких способов, качеств и образцов поведения военнослужащий реализует терминальные ценности?». Они представляют собой устойчивые убеждения в предпочтительности определённых действий и поведенческих стратегий, обеспечивающих достижение целей военной службы. В структуре инструментальных ценностей выделяются две группы: ценности-цели и ценности-

средства.

2.2.1. Инструментальные ценности-цели.

Данная группа ценностей задаёт долгосрочные ориентиры профессионального поведения и саморазвития. К ним относятся:

- *мастерство* – ценностная установка на постоянное совершенствование профессиональных навыков, достижение высшего уровня квалификации, стремление к безупречному выполнению служебно-боевых задач [12];
- *познавательная активность* – устойчивое стремление к получению новых знаний, расширению профессионального кругозора, освоению передовых методов и приёмов служебно-боевой деятельности;
- *интеллектуальная и физическая готовность* – ценностное отношение к поддержанию высокого уровня интеллектуального и физического развития как необходимого условия эффективного выполнения профессиональных задач;
- *наставничество* – ценностная ориентация на передачу профессионального опыта и ценностных установок от морально надежных и опытных военнослужащих к вновь прибывшим, формирование у последних готовности к безупречному выполнению воинского долга;
- *уважение к традициям* – ценностное отношение к историческому опыту войск, боевым традициям, ритуалам и символике, понимание их роли в формировании воинской идентичности;
- *боевая готовность и бдительность* – ценностная установка на постоянную готовность к выполнению служебно-боевых задач, своевременное обнаружение и пресечение угроз.

2.2.2. Инструментальные ценности-средства.

Данная группа ценностей обеспечивает повседневную, практическую сторону деятельности военнослужащего. К ним относятся:

- *исполнительность* – ценностная установка на точное и своевременное выполнение приказов, распоряжений и поставленных задач;
- *умение хранить тайну* – ценностное отношение к соблюдению государственной и военной тайны, понимание ответственности за разглашение сведений ограниченного доступа;
- *доверие* – ценностная ориентация на установление доверительных отношений с командирами и сослуживцами как основы эффективного взаимодействия в служебно-боевой деятельности;
- *оружие и спецсредства* – ценностное отношение к вверенному оружию и специальным средствам как к инструментам выполнения служебно-боевых задач, осознание ответственности за их сохранность и правильное применение;
- *служебный этикет* – ценностная установка на соблюдение норм профессиональной этики и правил служебного поведения, отражающих культуру воинского общения;
- *культурная развитость* – ценностное отношение к культурно-досуговой сфере как ресурсу духовно-нравственного развития и культурного обогащения личности военнослужащего;
- *бережливость* – ценностная установка на экономное, рациональное использование материальных, финансовых и иных ресурсов, бережное отношение к военному имуществу;
- *толерантность и тактичность* – ценностная ориентация на уважительное отношение к сослуживцам – представителям различных национальностей и вероисповеданий, проявление выдержки и корректности в межличностном общении.

Инструментальные ценности обеспечивают операциональную сторону формирования ГПЦ. Именно через них происходит «перевод» терминальных ценностей из области идеалов в область реального поведения. Как показано в исследованиях А. А. Утюганова, сформированность инструментальных ценностей является необходимым условием профессиональной надёжности военнослужащего [13].

2.3. Реализация ГПЦ в видах деятельности военнослужащего.

Предложенная структура ГПЦ приобретает конкретное операциональное содержание в зависимости от вида деятельности, в которую включён военнослужащий. Анализ служебно-боевой практики и модели педагогической системы воинского

подразделения, представленной в концепции воспитания А. П. Шарухина [1], позволяет выделить пять видов деятельности, осуществление которых приводит к формированию и реализации ГПЦ:

1. Служебно-боевая деятельность является ведущим, системообразующим видом деятельности, в рамках которого военнослужащий непосредственно реализует своё предназначение. В данном виде деятельности терминальные ценности раскрываются через защиту конституционного строя, жизни и здоровья граждан; инструментальные – через боевую готовность и бдительность, владение оружием и специальными средствами.

2. Учебно-боевая деятельность обеспечивает формирование терминальных ценностей: боевая выучка, готовность к применению оружия, а также развитие инструментальных ценностей: тактическая грамотность, умения и навыки владения оружием.

3. Культурно-досуговая деятельность обеспечивает приобщение военнослужащего через терминальные ценности к культурному наследию, формирует духовность, уважение к традициям. Инструментальными ценностями здесь выступают интеллектуальная и визуальная культура, посещение учреждений культуры.

4. Хозяйственно-бытовая деятельность формирует терминальные ценности: ценностное отношение к быту, порядку как основе дисциплины, а инструментальные развивают: бережливость, ответственность за вверенное имущество.

5. Внутригрупповая деятельность направлена на формирование терминальных ценностей: боевое братство, взаимовыручка, уважение к сослуживцам – представителям разных национальностей. Инструментальными ценностями выступают толерантность и тактичность.

Таким образом, именно через предложенные виды деятельности военнослужащего происходит интериоризация государственно-патриотических ценностей – процесс, при котором внешние, социально и нормативно заданные требования, изложенные в федеральных законах, военной присяге, общевоинских уставах, приказах командира, переходят во внутренний план личности, становясь личностными убеждениями и регуляторами поведения. В контексте воспитания военнослужащего это означает, что ГПЦ не могут быть сформированы исключительно вербальными методами – они присваиваются через многократное «проживание» ситуаций, требующих проявления долга, чести, профессионализма, взаимовыручки и ответственности. Представленные пять видов деятельности выступают не просто средой, а процессуальным механизмом интериоризации, обеспечивающим превращение ценностей из внешних нормативных требований в устойчивые личностные смыслы, определяющие поведение военнослужащего в служебно-боевой обстановке.

3. Предложено определение понятия «государственно-патриотические ценности как цель учебно-воспитательного процесса».

На основе проведённого теоретического анализа сформулировано определение государственно-патриотических ценностей военнослужащих подразделений Росгвардии как цели учебно-воспитательного процесса.

ГПЦ – это система фундаментальных убеждений этического, правового и профессионального характера, отражающих однозначную смысловую ориентацию на безусловное выполнение принятых на себя обязательств (верность присяге, добросовестное служение Отечеству и др. – ценности-цели) посредством осуществления служебно-должностных обязанностей на высоком уровне качества (профессионализм, творческий подход и др. – ценности-средства).

4. Определена системообразующая связь в системе ценностных ориентаций военнослужащего.

Предложенная структура ГПЦ не является изолированной. Она органично вписывается в более широкую систему ценностных ориентаций личности военнослужащего, соотносясь с нравственными, профессиональными, правовыми и культурно-эстетическими ценностями (таблица).

Таблица – Проявление ГПЦ в системе ценностей военнослужащего

Table – Manifestation of the GOC in the value system of a military serviceman

Виды ценностей	Содержание	Связь с ГПЦ
Нравственные ценности	Справедливость, честность, гуманизм, уважение к достоинству человека	ГПЦ являются конкретизацией нравственных ценностей применительно к военной службе
Профессиональные ценности	Мастерство, компетентность, ответственность, бдительность	Инструментальные ценности ГПЦ совпадают с ключевыми профессиональными ценностями
Правовые ценности	Законность, уважение к праву, правовая культура	Верность присяге и служение Отечеству немыслимы без правовой основы
Культурно-эстетические ценности	Уважение к традициям, эстетика воинского быта, внешняя культура	Поддерживают и усиливают терминальные ценности через эмоциональную сферу

Таким образом, ГПЦ выступают не как изолированное образование, а как системообразующий фактор, интегрирующий различные виды ценностей вокруг единого смыслового ядра – служения Отечеству.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. «Государственно-патриотические ценности военнослужащих подразделений Росгвардии как цель учебно-воспитательного процесса» отвечает насущной потребности педагогики в определении данного понятия. Предложенное определение может быть использовано в качестве теоретической основы для проектирования систем государственно-патриотического воспитания военнослужащих.

2. ГПЦ имеют двухкомпонентную структуру, включающую терминальные и инструментальные ценности, что позволяет развести целевой и операциональный аспекты формирования ценностей.

3. Государственный патриотизм не существует абстрактно – он проявляется в каждой из сфер жизнедеятельности военнослужащего. В нравственной сфере он раскрывается через долг, честь, достоинство, справедливость; в профессиональной – через мастерство, бдительность; в правовой – через верность присяге и закону; в культурно-эстетической – через уважение к традициям, эстетику воинского быта, служебный этикет. Именно государственно-патриотические ценности (ГПЦ) выступают тем стержнем, который объединяет стороны личности военнослужащего вокруг единого смыслового ядра – добросовестного служения Отечеству. Таким образом, ГПЦ являются не просто одним из видов ценностей, а системообразующим фактором, интегрирующим нравственные, профессиональные, правовые и культурно-эстетические ценности в целостную структуру личности военнослужащего.

4. Системный и аксиологический подходы, дополненные теорией ценностей М. Рокича, доказали свою продуктивность для операционализации понятия ГПЦ. Полученные результаты создают основу для дальнейшего проектирования системы воспитания военнослужащих подразделений Росгвардии на основе ГПЦ.

Список источников

1. Шарухин А. П. Система воспитания военнослужащих и сотрудников подразделений войск национальной гвардии Российской Федерации // Мир образования – образование в мире. 2023. № 3(91). С. 128–138.
2. Ваганов Д. А. Формирование государственно-патриотических ценностей военнослужащих (сотрудников) подразделений войск национальной гвардии Российской Федерации как цель воспитательного процесса // Владимир Яковлевич Слепов: учитель, учёный, наставник преемственность научных школ в войсках национальной гвардии Российской Федерации В. Я. Слепов – А. П. Шарухин (к 70-летию А. П. Шарухина): сборник научных статей II Межведомственной научной конференции (к 10-летию Росгвардии), Санкт-Петербург, 19 февраля 2026 года. СПб. : Академия войск национальной гвардии, 2026. С. 49–53.
3. Шарухин А. П. Воспитание военнослужащих и сотрудников подразделений войск национальной гвардии Российской Федерации: учебное пособие. СПб. : СПВИ войск национальной гвардии, 2020. 240 с.
4. Макаренко В. С. Формирование у курсантов военных вузов активной позиции защитника Отечества: автореф. дис. …канд. пед. наук: 13.00.08 / Макаренко Виталий Сергеевич. М., 2018. 24 с.
5. Смирнов Р. В. Педагогические стратегии развития профессионального воспитания военнослужащих войск национальной гвардии: автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.08 / Смирнов Руслан Вадимович. СПб., 2019. 24 с.
6. Яковлев М. В. Профессиональная правовая культура: теоретико-правовое исследование (на примере военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации): автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Яковлев Михаил Валерьевич. Саратов, 2021. 24 с.
7. Орехов Я. В. Формирование патриотизма у курсантов военных вузов средствами музыкального искусства: автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.08 / Орехов Ян Владимирович. Казань, 2020. 24 с.
8. Пивоваров Р. В. Формирование готовности будущего офицера войск национальной гвардии Российской Федерации к воспитанию у личного состава ценностей военной службы: автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.08 / Пивоваров Роман Викторович. Новосибирск, 2019. 24 с.
9. Каныгин Е. Б. Педагогическое проектирование профессиональной подготовки сержантов в учебных центрах внутренних войск МВД России: автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.01 / Каныгин Евгений Борисович. М., 2014. 25 с.
10. Поляков Е. А. Военно-профессиональная ориентация в системе военно-политической работы с военнослужащими по призыву: автореф. дис. … канд. пед. наук: 00.00.00 / Поляков Евгений Александрович. Челябинск, 2025. 22 с.
11. Дарбинян Э. В. Формирование профессиональных ценностей курсантов военных институтов Росгвардии в предметном обучении: дис. … канд. пед. наук: 13.00.02 / Дарбинян Эдуард Владимирович. СПб., 2017. 187 с.
12. Утюганов А. А. Система ценностно-смысловых ориентаций курсантов вузов национальной гвардии: феноменология и психолого-педагогические детерминанты формирования: автореф. дис. … д-ра психол. наук: 19.00.07 / Утюганов Алексей Анатольевич. Кемерово, 2019. 50 с.
13. Ромахин А. П. Патриотизм как ценностная ориентация военнослужащих // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 6. С. 337–342.
14. Серова Ю. С. Особенности ценностных ориентаций военнослужащих // Научное отражение. 2019. № 3 (17). С. 33–36.
15. Афанасьев В. Г. Системность и общество. М. : Политиздат, 1980. 368 с.
16. Блауберг И. В. Становление и сущность системного подхода / И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин. М. : Наука, 1973. 270 с.
17. Сластёнин В. А. Педагогическая аксиология: монография / В. А. Сластёнин, Г. И. Чижакова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2008. 294 с.
18. Чижакова Г. И. Теоретические основы педагогической аксиологии: дис. … д-ра пед. наук: 13.00.01 / Чижакова Галина Ивановна. М., 1999. 388 с.
19. Шиянов Е. Н. Аксиологические основания процесса воспитания // Педагогика. 2007. № 10. С. 33–37.

20. Никандров Н. Д. Духовные ценности и воспитание человека // Педагогика. 1998. № 4. С. 3–8.
21. Rokeach M. The Nature of Human Values. New York: Free Press, 1973. 438 p.
22. Шарухин А. П. Нормативно-уставное регулирование процесса воспитания в Вооруженных Силах Российской Федерации: дис. … д-ра пед. наук: 13.00.01 / Шарухин Анатолий Петрович. СПб., 1998. 564 с.
23. Новиков И. Н. Личностно-деятельностный подход в воспитании военнослужащих-контрактников // Современные проблемы науки и образования. 2023. № 4. С. 1–7.
24. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М. : Смысл, 2007. 511 с.

References

1. Sharukhin A. P. The system of upbringing of military personnel and employees of the National Guard Troops of the Russian Federation // Mir obrazovaniya – obrazovaniye v mire. 2023;3(91): 128–138. (In Russ.).
2. Vaganov D. A. Formation of state-patriotic values of military personnel (employees) of the National Guard Troops of the Russian Federation as a goal of the upbringing process // Vladimir Yakovlevich Slepov: uchitel', uchenyy, nastavnik – preyemstvennost' nauchnykh shkol v voyskakh natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii V. Ya. Slepov – A. P. Sharukhin (k 70-letiyu A. P. Sharukhina): sbornik nauchnykh statey II Mezhvedomstvennoy nauchnoy konferentsii (k 10-letiyu Rosgvardii), Sankt-Peterburg, 19 fevralya 2026 goda. SPb. : Akademiya voysk natsional'noy gvardii, 2026. 49–53. (In Russ.).
3. Sharukhin A. P. Vospitaniye voyennosluzhashchikh i sotrudnikov podrazdeleniy voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii: uchebnoye posobiye. Sankt-Peterburg: SPVI voysk natsional'noy gvardii, 2020. 240 s. (In Russ.).
4. Makarenko V. S. Formirovaniye u kursantov voyennykh vuzov aktivnoy pozitsii zashchitnika Otechestva: avtoref. dis. … kand. ped. nauk: 13.00.08. M., 2018. 24 s. (In Russ.).
5. Smirnov R. V. Pedagogicheskiye strategii razvitiya professional'nogo vospitaniya voyennosluzhashchikh voysk natsional'noy gvardii: avtoref. dis. … kand. ped. nauk: 13.00.08. SPb., 2019. 24 s. (In Russ.).
6. Yakovlev M. V. Professional'naya pravovaya kul'tura: teoretiko-pravovoye issledovaniye (na primere voyennosluzhashchikh voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii): avtoref. dis. … kand. yurid. nauk: 12.00.01. Saratov, 2021. 24 s. (In Russ.).
7. Orekhov Ya. V. Formirovaniye patriotizma u kursantov voyennykh vuzov sredstvami muzykal'nogo iskusstva: avtoref. dis. … kand. ped. nauk: 13.00.08. Kazan, 2020. 24 s. (In Russ.).
8. Pivovarov R. V. Formirovaniye gotovnosti budushchego ofitsera voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii k vospitaniyu u lichnogo sostava tsennostey voyennoy sluzhby: avtoref. dis. … kand. ped. nauk: 13.00.08. Novosibirsk, 2019. 24 s. (In Russ.).
9. Kanygin E. B. Pedagogicheskoye proyektirovaniye professional'noy podgotovki serzhantov v uchebnykh tsentrakh vnutrennikh voysk MVD Rossii: avtoref. dis. … kand. ped. nauk: 13.00.01. M., 2014. 25 s. (In Russ.).
10. Polyakov E. A. Voyenno-professional'naya oriyentatsiya v sisteme voyenno-politicheskoy raboty s voyennosluzhashchimi po prizyvu: avtoref. dis. … kand. ped. nauk: 00.00.00. Chelyabinsk, 2025. 22 s. (In Russ.).
11. Darbinyan E. V. Formirovaniye professional'nykh tsennostey kursantov voyennykh institutov Rosgvardii v predmetnom obuchenii: dis. … kand. ped. nauk: 13.00.02. SPb., 2017. 187 s. (In Russ.).
12. Utyuganov A. A. Sistema tsennostno-smyslovykh oriyentatsiy kursantov vuzov natsional'noy gvardii: fenomenologiya i psikhologo-pedagogicheskiye determinanty formirovaniya: avtoref. dis. … d-ra psikhol. nauk: 19.00.07. Kemerovo, 2019. 50 s. (In Russ.).
13. Romakhin A. P. Patriotism as a value orientation of military personnel // Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya. 2020;6: 337–342. (In Russ.).
14. Serova Yu. S. Characteristics of value orientations of military personnel // Nauchnoye otrazheniye. 2019;3 (17): 33–36. (In Russ.).
15. Afanasyev V. G. Systemicity and Society. M. : Politizdat, 1980. 368 s. (In Russ.).
16. Blauberg I. V. Formation and Essence of the Systems Approach / I. V. Blauberg, E. G Yudin. M. : Nauka, 1973. 270 s. (In Russ.).
17. Slastenin V. A. Pedagogicheskaya aksiologiya: monografiya / V. A. Slastenin, G. I. Chizhakova. Krasnoyarsk: Sibirskiy federal'nyy universitet, 2008. 294 s. (In Russ.).

18. Chizhakova G. I. Teoreticheskiye osnovy pedagogicheskoy aksiologii: dis. … d-ra ped. nauk: 13.00.01. M., 1999. 388 s. (In Russ.).
19. Shiyanov E. N. Axiological foundations of the upbringing process // Pedagogika. 2007;10: 33–37. (In Russ.).
20. Nikandrov N. D. Dukhovnyye tsennosti i vospitaniye cheloveka // Pedagogika. 1998;4: 3–8. (In Russ.).
21. Rokeach M. The Nature of Human Values. New York: Free Press, 1973. 438 s.
22. Sharukhin A. P. Normativno-ustavnoye regulirovaniye protsessa vospitaniya v Vooruzhennykh Silakh Rossiyskoy Federatsii: dis. … d-ra ped. nauk: 13.00.01. SPb., 1998. 564 s. (In Russ.).
23. Novikov I. N. Personality-activity approach in upbringing of contract servicemen // Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya. 2023;4: 1–7. (In Russ.).
24. Leontiev D. A. Psikhologiya smysla: priroda, stroyeniye i dinamika smyslovoy real'nosti. M. : Smysl, 2007. 511 s. (In Russ.).

Информация об авторах

А. П. Шарухин *– доктор педагогических наук, профессор*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 30.06.2026;
одобрена после рецензирования 20.09.2026;
принята к публикации 28.09.2026.

Information about the authors

A. P. Sharukhin *– Doctor of Pedagogical Sciences, Professor*

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 30.06.2026;
approved after reviewing 20.09.2026;
accepted for publication 28.09.2026.

Научная статья

УДК 378

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ БУДУЩИХ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ

Алексей Владимирович Петкин
Штаб материально-технического обеспечения Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, Москва, Россия
alew124@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования направленности личности на ряде исторических этапов. В ходе исследования выделены несколько этапов развития проблематики, часть из них из-за большой исторической продолжительности разделена на части. Учитывая активизацию исследований на современном этапе генезиса проблемы, особое внимание уделено рассмотрению научной компоненты ведомства (Росгвардии) и вопросу зарождения ведомственной науки в федеральных органах исполнительной власти, осуществляющих деятельность в области обороны государства. Также с учетом особенностей направленности в структуре личности индивида в статье приводятся суждения и определения как об искомом феномене исследователей и общественных деятелей, так и в целом в историческом контексте педагогики.

Ключевые слова: научная работа, формирование, направленность, личность, будущий научный работник, военнослужащий

Для цитирования: Петкин А.В. Ретроспективный анализ проблемы формирования направленности личности будущих научных работников // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 234–243. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/024.pdf.

Original article

A RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE PROBLEM OF SHAPING THE PERSONALITY ORIENTATION OF FUTURE RESEARCHERS

Alexey V. Petkin
Headquarters of Logistics of the Federal Service of the National Guard of the Russian Federation, Moscow, Russia
alew124@mail.ru

Abstract. The article examines the problem of personality orientation formation at a number of historical stages. In the course of the study, several stages of the development of the problem have been identified, a number of which are divided into parts due to their long historical duration. Given the intensification of research at the present stage of the problem's genesis, special attention is paid to the consideration of the scientific component of the department (Rosgvardiya) and the issue of the emergence of departmental science in federal executive authorities engaged in activities in the field of state defense. Also, taking into account the peculiarities of orientation in the structure of personality character, the article provides judgments and definitions both about the sought-after phenomenon of researchers and public figures, and in terms of the historical context of pedagogy.

Keywords: scientific work, formation, orientation, personality, future researcher, soldier

For citation: Petkin A.V. A retrospective analysis of the problem of shaping the personality orientation of future researchers. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36): 234–243. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/024.pdf.

© Петкин А.В., 2026

Введение

Быстрое развитие технологий предопределяет важность реализации перечней критических и сквозных технологий для разработки государственных заданий и отраслевых приоритетов, включая в том числе и реализацию государственной программы вооружения в части исполнения государственного оборонного заказа. Прежде всего, технологический бум связан со сменой приоритетов в ведении боевых действий в сторону увеличения робототехнических комплексов и средств противодействия им, заменяющих на поле боя человека. Беспилотные воздушные суда активно вошли в современные реалии в качестве доставки подразделениям материально-технических ценностей, продовольствия, а также в роли разведывательных, ударных средств и др. Вместе с тем военно-профессиональная подготовка военнослужащих с учетом усложнения и появления принципиально новых современных образцов вооружения, военной и специальной техники (далее – ВВСТ) не отходит на второй план. В процессе обучения знания, умения, навыки трансформируются в совершенное овладение военно-профессиональной подготовкой [14, с. 6], что невозможно без сформированной направленности на освоение профессии военного в целом и в узкопрофессиональном смысле по определенной военной специальности [14].

К обучению как предмету исследования направлено внимание ученых из различных областей знаний, особенно специалистов педагогов, психологов, историков, философов, социологов и др. [21].

В условиях современных реалий, когда экономике нужны трудовые ресурсы, а рынок труда ограничен, успешный работодатель прилагает огромные усилия для сохранения своих сотрудников. Инструментарии могут быть различными в зависимости от характера трудовой деятельности и конкретного населенного пункта. Конечно, многое зависит от высокой оплаты труда, но после пандемии многие сотрудники предпочитают надомную работу или совмещение офисной работы с возможностью удаленного выполнения работы. Крупные игроки на рынке труда могут позволить себе такие уступки работнику, а также корпоративные бонусы, дополнительные медицинские страховки, фитнес-клубы и др.

Государственным структурам в поиске сотрудников труднее конкурировать на рынке труда с частными игроками. Еще сложнее выдерживать конкуренцию ведомственным научным организациям. Установленные законодательством надбавки ученым в ряде случаев делают оплату труда достойной, но не разрешают проблематику привлечения в науку молодых ученых [3].

Считается, что в научном мире есть две категории ученых, которые занимаются конкретной наукой и организаторы, то есть административные работники. Общественное мнение складывается не в пользу второй категории ученых. Вместе с тем перспективные менеджеры в науке из своей среды необходимы. От них требуется быть грамотными разработчиками концептуальных документов, осуществлять коммуникацию в интересах научного коллектива и соответствовать многим другим качествам, свойственным работникам административного аппарата [4]. Ведомственной науке требуются и менеджеры от науки и исследователи. Приведенные аргументы и социальный заказ требуют разрешения и необходимости формирования у военнослужащих в период обучения в образовательной организации направленности на научную работу.

Различные аспекты мотивации и направленности личности рассматривали А. П. Андруник, Д. П. Заводчиков, В. С. Мерлин, А. Н. Печников, А. П. Сейтешев и др. Вместе с тем, несмотря на огромный интерес исследователей, проблема формирования направленности личности будущих научных работников недостаточно освещена и не разрешена в отечественной науке.

Любой феномен для его всестороннего и полного научного исследования и обоснования перспективно рассматривать на протяжении длительного промежутка времени. Для разрешения современных проблем необходимо заглянуть в прошлое, переосмыслить настоящий опыт и на основании этого, решать научные проблемы современности.

Так, С. Ф. Бондарчук считает: «Истоки нашего глобального кризиса – в отношении к прошлому. Ведь прошлое – это фундамент любого общества, любой культуры… Кто не дорожит своей историей, тот непременно – рано или поздно – несет суровое наказание судьбы. Варварское разрушение прошлого жестоко мстит не только настоящему, но и будущему» [10].

В современной историографии педагогической науки принято отображать определенные временные отрезки, на которых конкретизируются деятельность исследователей, методы их работы, выявление научно-теоретических, социально-исторических,

культурных предпосылок возникновения и дальнейшего развития проблематики.

По мнению В. Н. Лымарева, разработка и внедрение педагогической концепции в военно-профессиональную деятельность невозможна без изменения структурных и функциональных характеристик ведомственной образовательной системы [5], а без анализа генезиса возникновения и эволюции проблематики дальнейшая работа нецелесообразна.

Относительно исследования проблемы формирования направленности личности будущих научных работников следует отметить, что базис проблематики лежит в эволюции комплексных исследований мотивационной сферы, мотивации и направленности личности, а также в вопросах, связанных с историей развития отечественной науки.

В своей диссертации Е. М. Харланова, рассматривая работы Л. И. Божович отмечает, что исследователь установил взаимосвязи общественной активности и влияния ведущих мотивов, характеризующих направленность личности [1, 19, с. 46].

А. П. Сейтешев в своей работе «Воспитание профессиональной направленности личности молодых рабочих как педагогическая проблема» особо подчеркивает решающую роль направленности в структуре личности и в доказательство приводит цитату В. С. Мерлина «Самое существенное и основное в характеристике личности – это ее направленность, то есть то, от чего зависит общее направление её жизни и всей его активной творческой деятельности, от направленности личности зависит свойство характера и даже развитие способностей … от направленности личности зависит ее социальная и нравственная ценность» [18].

Также вышеупомянутый основатель пермской научной школы психологии интегральной индивидуальности В. С. Мерлин стоит на близких позициях с теорией А. Ф. Лазурского в части понятия отношения личности. По своему содержанию отношения личности выражают ее направленность. А. Ф. Лазурский впервые показал, что в чертах характера проявляется направленность личности. Аналогичный ход мысли наблюдается и у В. С. Мерлина: «каждое свойство личности одновременно является выражением и направленности, и характера, и способностей, оно формируется в деятельности и вместе с тем в той или иной степени зависит от наследственных задатков» [2, с. 42].

Основные положения

В ходе исследовательской и аналитической работы выявлено 3 этапа генезиса рассматриваемой проблематики. В целях систематизации и привязки к историческим периодам в развитии страны представлено их наименование.

Дореволюционный – конец XVII – начало XX века;

Советский – начало XX века – конец XX века;

Современный – конец XX века – по настоящее время.

Ретроспективный анализ перспективно начать с 80-х годов XVII столетия, когда развитие вооруженных сил происходит под влиянием взглядов Петра I. Первоначально им создаются «потешные войска», которые быстро превращаются в боеспособные воинские подразделения. Исходной точкой формирования узконаправленной специализации будущих военных специалистов может служить конец XVII века, когда были открыты артиллерийская, пехотная и мореходная школы.

Кратко охарактеризуем каждый из выявленных нами исторических периодов.

Результаты исследования.

Дореволюционный этап.

Несомненно, данный этап носит большой исторический отрезок времени и в ходе исследования он был разделен на две части.

Первая часть дореволюционного этапа.

Лейтмотивом нашего исследования является парадигма, созданная Петром I. Начиная с конца XVII века, в России начинают формироваться военные школы, явившиеся прообразом современных военных образовательных учреждений и научно-исследовательских организаций. Активными теоретиками и практиками данного этапа являлись И. Л. Голенищев-Кутузов, Г. А. Потемкин, П. А. Румянцев и др. [20, с. 21].

Отдельно стоит отметить в ряду отечественных полководцев данного этапа А. В. Суворова, который неоднократно за счет высокой обученности личного состава добивался победы на поле боя [21, с. 22].

Одновременно с преобразованиями во всех аспектах общественной жизни страны формируется внутренняя стража, ставшая прообразом Росгвардии. Основной задачей ведомства на данном этапе является конвоирование преступников.

В это время начинается работа по обобщению положительного опыта, но решение этих задач не систематизировано, происходит стихийно и существенным образом не влияет на разрешение проблематики. Однако исследовательские работы носят только практический характер (зачастую в форме докладных записок), не имеют логической структуры и документального оформления.

Противоречием этого периода является тот факт, что демократические процессы, которые происходили в этот период истории страны, внесли огромный вклад в развитие теории военной науки. Одновременно с этим правительство всячески пыталось сделать офицеров покорными и лишить инициативы. Этот факт в конечном итоге и стал предпосылкой к событиям 1825 года. Декабрьские события 1825 года и поражение в Крымской войне послужили предпосылками к изменению социально-экономических процессов в государстве [5].

Вторая часть дореволюционного этапа.

Данная часть этапа связана с государственными реформами, одной из которых была военная, связанная с решением проблем, вскрывшихся после Крымской войны, отменой многовекового крепостного права, бурным развитием промышленного производства.

Большая работа была проделана по систематизации проблематики и обобщению негативного опыта в ходе Крымской кампании. Опыт обобщения материалов и предложений по итогам Крымской войны занял большой период времени. Вместе с тем 17 ноября 1870 года император Александр II повелел создать две комиссии из представителей различных ведомств для разработки Положения о воинской повинности и Положения о запасных местных и резервных войсках и государственных ополчениях. После прохождения Государственного совета Устав о воинской повинности был утвержден и опубликован специальным манифестом. Основным влиянием Устава на рассматриваемую нами проблематику являлось уменьшение кастовости в военной службе, теперь офицерами могли становиться недворяне. Этот важный момент позволяет формировать мотивацию и как следствие, направленность личности на военную карьеру у низших сословий [8].

Следует отметить офицеров, которые внесли вклад в реформирование армии на данном этапе: Б. Г. Глинка, Д. А. Милютин, Н. Н. Обручев, Ф. В. Ридигер и др.

На данном этапе происходят изменения в системе военного образования, включающие в себя создание военных образовательных учреждений, также формируется Главное управление, отвечающее за образование, и Военно-педагогический музей.

Во второй части этапа издается большое количество работ, посвященных теоретическим аспектам образовательной деятельности.

Русско-японская война начала XX века стала индикатором необходимости серьезных изменений. Целый ряд исследователей Н. П. Бирюков, П. О. Бобровский, М. Д. Бонч-Бруевич, М. С. Галкин, Н. Ф. Дубровин, Д. Ф. Масловский, Д. Н. Трескин издают научные труды о необходимости изменений военно-педагогической концепции.

К этому времени относится ряд реформ военного образования – это перестройка системы военного образования (допризывная подготовка, снижение сословных ограничений при приеме в военно-учебные заведения, введение самостоятельной подготовки, введение «Кодекса нравственных достоинств воспитателя» и системы поощрений за примерную учебу). Получение государственных наград давало военнослужащим ряд льгот в общественной жизни и в части продвижения по службе [13].

Особо стоит отметить образование на этом этапе Академии Генерального штаба. Данное заведение было образовано в 1832 году на базе училища колонновожатых, размещавшегося в Санкт-Петербурге. Учебное заведение внесло весомый вклад не только в педагогический процесс, но и стало центром военно-научной (исследовательской) мысли.

Начавшаяся положительная динамика в воинском обучении и воспитании остановилась в связи с началом Первой мировой войны, а впоследствии и с изменением политического устройства государства и как результат остановилось развитие педагогических исследований [11, 12].

Советский этап.

Кардинальное изменение общественного строя в стране, несомненно, затронуло и военное образование. В частности, изменились принципы набора в армию. Главным фактором является отмена кастовости. Теперь младшие чины имели возможность стать высшими руководителями. Советская власть, признав невозможность имеющимися кадрами выстроить качественную военную организацию, начала подбирать кадры из числа бывших царских офицеров. Именно с ними и связан быстрый рост профессионализма в армии, открытие образовательных учреждений, в том числе и оборонно-спортивных. На данном этапе эффективно использовались мотивационные установки на вовлечение молодежи в повышение обороноспособности молодого советского государства.

С 1941 года исследования гуманитарной направленности, в том числе педагогической

тематики и военно-профессиональной подготовки, были остановлены.

С окончанием Великой Отечественной войны в развитии военно-профессионального образования начинается очередное реформирование с учетом опыта боевых действий. Активизируются исследования во всех направлениях военно-образовательной деятельности.

Именно в этот период является расцветом отечественной военной педагогики, а именно: начинаются защиты диссертаций по педагогической тематике, в Военно-политической академии образуется кафедра педагогики, проводится первая конференция по педагогике.

Одновременно происходит развитие теории мотивации, так как на основе идеи «учета человеческого фактора» Э. Мэйо А. Маслоу создает определенную фундаментальную концепцию мотивации поведения человека. В будущем западные исследователи теории А. Маслоу расширили научные представления о характере, особенностях, видах, сущности мотивов поведения.

В 70-е годы XX века на основании работ А. С. Макаренко, П. П. Блонского, С. Т. Шацкого, В. А. Сухомлинского появилась теория личностно-ориентированного обучения, которая рассматривала военнослужащего не в качестве объекта педагогического воздействия, а как субъект совместной образовательной деятельности курсанта и преподавателя.

Среди отечественных работ отметим исследования Э. Ф. Зеера, Е. А. Климова, Н. В. Кузьминой, А. К. Марковой и др., которые вносят существенный вклад в решение проблемы профориентации, профессионального развития и т.д. [7].

Современный этап

Демократические изменения в стране, произошедшие в России в связи с распадом СССР, стали предпосылкой для коренной реорганизации системы военного образования. Вслед за базовыми изменениями в системе Вооруженных Сил началась реорганизация и всей системы военно-профессионального образования и науки.

С 1991 года началась реформа военного образования, зачастую заключавшаяся только в оптимизации, а именно в количественном сокращении военных образовательных учреждений и научно-исследовательских организаций.

Наряду с тяжелым социально-экономическим положением на постсоветском пространстве, связанным с рыночными реформами и разрывами кооперационных связей во всех отраслях хозяйственной деятельности, большой проблемой для нашей страны стала утрата научного и образовательного потенциала в ставших независимыми бывших союзных республиках.

Учитывая необходимость формирования направленности личности будущих научных работников ведомства к службе в научной компоненте Росгвардии, перспективно на данном этапе основное внимание уделить развитию научных (научно-исследовательский и организационный компоненты) организаций федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих деятельность в области обороны государства, сознательно учитывая, что в ряде ведомств создание научно-исследовательских организаций выходит за рамки рассматриваемого этапа (таблица 1).

Таблица 1 – Научно-исследовательские органы федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих деятельность в области обороны государства

Table 1 – Scientific research bodies of federal executive authorities engaged in activities in the field of state defense

Год образования	Название	Ведомство
1945	Всероссийский научно-исследовательский институт	МВД России
1977	46-й Центральный научно-исследовательский институт (надвидовой)	Минобороны России
	Видовые научно-исследовательские институты	Минобороны России
1976	Всероссийский научно-исследовательский институт по пробле-	МЧС Росси

Год образования	Название	Ведомство
1945	Всероссийский научно-исследовательский институт	МВД России
	мам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций	
1976	Институт криминалистики Центра специальной техники	ФСБ России
1983	Научно-производственное объединение «Специальная техника и связь»	МВД России
1999	Научно-исследовательский институт	ФСИН России
2003	Центр оперативно-тактических исследований	Росгвардия

Касательно научных организаций силового блока нашей страны необходимо отметить, что Минобороны России по большинству проблем, касающихся оборонной тематики, осуществляет функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в области обороны государства.

Минобороны России имеет в своей научной компоненте ряд научно-исследовательских организаций, занимающихся исследованиями по определенным направлениям деятельности. В таблице 1 приведен только 46 научно-исследовательский институт, который в целом определяет политику в части разработки государственной программы вооружения, каталогизации, сертификации и ряда других вопросов.

Из приведённых в таблицы 1 данных можно сделать вывод о том, что ведомственная наука (Росгвардии), как и ведомство в целом является наиболее молодой в системе федеральных органов исполнительной власти, что несомненно является индикатором необходимости формирования направленности личности у курсантов на выбор профессии научных работников.

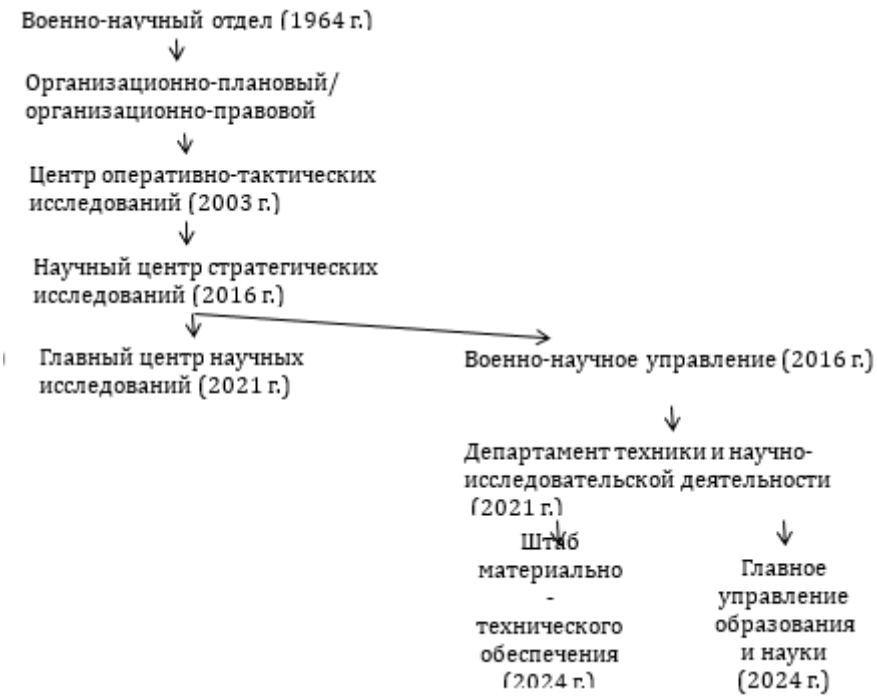

Схема 1 – Генезис ведомственной научной компоненты

Scheme 1 – The genesis of the departmental scientific component

Из представленной в статье схемы 1 можно сделать вывод о том, что организационный компонент в части функционирования ведомственной науки существует с 1964 года. Разделение научной и организационной компонентов в Росгвардии произошло в 2016 году при создании Военно-научного управления [15]. В дальнейшем при проведении организационно-штатных мероприятий было создано два структурных подразделения центрального аппарата Росгвардии, отвечающих за научную и научно-техническую деятельность. К компетенции Штаба материально-технического обеспечения Росгвардии было отнесено: организационное обеспечение деятельности Научно-технического совета, научно-методологическое сопровождение проведения апробации, взаимодействие с коллегиальными органами в части направления деятельности.

В диссертационном исследовании А. Ю. Плюхина представлена вызывающая интерес схема организации ведомственной науки с более детальным описанием научной работы в рамках образовательных организаций ведомства и др. Научная компонента образовательных организаций более многочисленна по объему и характеру выполняемых задач, а также по количеству личного состава, если не учитывать две научные организации Росгвардии (схема 2) [16].

Несомненно, для представления позиции А. Ю. Плюхина требуется отметить, что образовательный компонент ведомства в настоящее включает Академию и 3 военных института. В их структуру также входит научный компонент (центр или отдел).

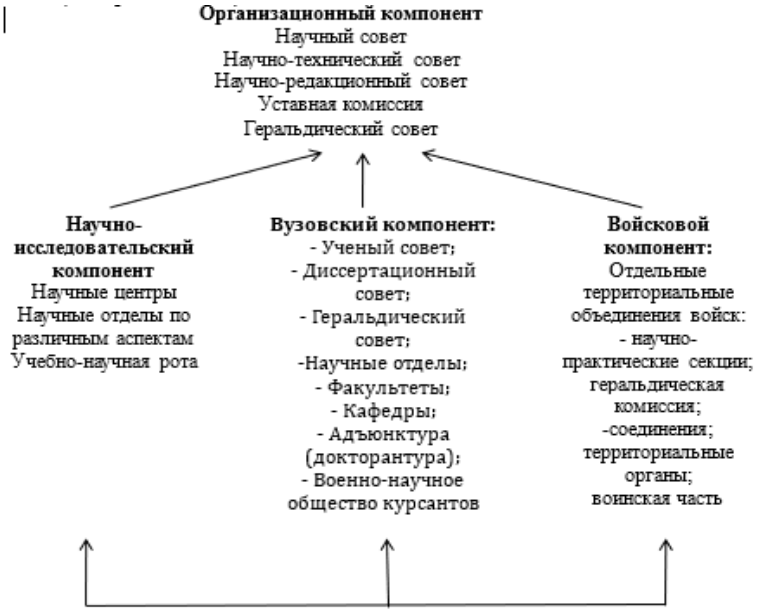

Схема 2 – Ведомственный научный компонент

Scheme 2 – Departmental scientific component

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ведомственный научный компонент представлен на всех уровнях управления, в научных
и образовательных организациях, что еще раз свидетельствует о необходимости подбора личного состава, склонного к научной работе.

Обсуждение

Происходящие в стране и мире события объективно свидетельствуют, что государство, планирующее успешное и долгосрочное развитие на основе национальных интересов, должно иметь силовой блок, оснащенный современными образцами ВВСТ. Вместе с тем, как отмечено во введении к статье, ход проведения специальной военной операции показывает, что вооруженные конфликты начинают переходить в плоскость использования ВВСТ, робототехнических комплексов и средств противодействия им без использования человека, то есть беспилотных воздушных судов, безэкипажных катеров, а также технических образцов на принципах интегрированного самостоятельного программного обеспечения. Ускоренное развитие робототехнических комплексов, и усложнение образцов ВВСТ также предопределяет важность формирования военно-профессиональной направленности

личного состава войск национальной гвардии Российской Федерации.

Учитывая необходимость исследовательской работы по изучению зарождения и развития проблематики, проведена поисковая работа, и исторический этап разделен на три части. Этапы неравномерны по времени и исследованиям проблематики в них. Кратко резюмируем данные этапы. Первый этап можно охарактеризовать как практический, где все процессы происходят стихийно, бессистемно, теоретические исследования не проводятся, а все действия, как уже было отмечено, носят практический характер. На втором этапе происходит систематизация полученных ранее сведений, научно-теоретическое их обоснование, зарождение системы образовательных и научно-исследовательских учреждений в нашей стране. Третий этап по праву можно считать расцветом исследований педагогической тематики. На нем появляются работы, исследующие искомый феномен в узкопрофессиональном смысле. Происходит реформирование научно-исследовательских учреждений ведомств с учетом уточнения задач, усиливается научная компонента в образовательных организациях и др.

Вместе с тем, касательно Росгвардии, в ведомстве отсутствует система формирования направленности личности курсантов на предстоящую научную работу, не реализована система мониторинга за выпускниками, склонными к научной работе. Эти факторы и являются предпосылками для дальнейшей работы по формированию направленности личности военнослужащих к научной работе в рамках своего ведомства.

Выводы

В настоящее время проблема направленности личности актуализировалась в большой степени. Развитие научной компоненты войск обуславливает потребность в подготовке специалистов с высоким уровнем сформированной направленности личности на научную работу. При получении опыта практической деятельности в войсках возможно назначение их на должности, связанные с научно-исследовательской деятельностью.

В рамках данной работы выявлены исторические отрезки, на которых происходил генезис проблематики, установлено, что Росгвардия – одно из самых молодых ведомств в стране. Именно этот фактор и обуславливает необходимость работы по совершенствованию как ведомственной науки, так и направленности личности курсантов, будущих научных работников, на достижение искомой в исследовании цели. В ходе данной публикации задан только вектор научного поиска в области формирования направленности личности военнослужащих, склонных к научной работе. Перспективой дальнейшей работы представляется углубленное сравнительное изучение особенностей формирования мотивации, ценностных установок и побуждений к научной работе для подготовки и обоснования реализуемой концепции.

Список источников

1. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте: СПб. : Питер, 2008. 400 с.

2. Вяткин Б. А. Психология интегральной индивидуальности: Пермская школа / Б. А. Вяткин, Л. Я. Дорфман, М. Р. Щукин. М. : Смысл, 2011. 636 с.

3. Вяткина, Л. Б. Исследование педагогических способностей в отечественной психологии / Л. Б. Вяткина, С. А. Богданов // Успехи современной науки и образования. 2017. Vol. 2. № 5. С. 205–209.

4. Вяткин М. Б. Социально-психологический тренинг как метод развития педагогических способностей менеджеров образования: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Вяткин Михаил Брониславович. Пермь, 2015. 183 с.

5. Гонцов Б. И. Формирование мотива военно-профессиональной деятельности: монография. Пермь / Б. И. Гонцов, В. Н. Лымарев. 2016. 163 с.

6. Каитов А. П. Развитие позтивно профессиональной мотивации будущих педагогов: автореф. дис. ... д-ра. пед. наук: 5.8.7 / Каитов Александр Пилялович. М., 2024. 42 с.

7. Кечкин Ю. В. Профессионально-мотивационная адаптация курсантов в военном вузе: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Кечкин Юрий Владимирович. Челябинск, 2016. 200 с.

8. Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России, почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М. : Политиздат, 1991. 302 с.

9. Лымарев В. Н. Педагогическая концепция формирования военно-профессиональной мотивации курсантов вузов войск национальной гвардии: дис. ... д-ра пед. наук: 5.8.7 / Лымарев Виталий Николаевич. Челябинск, 2025. 518 с.

10. Мединский В. Р. История. Всеобщая история. 1945 год – начало XXI века: 11-й класс: базовый уровень: учебник / В. Р. Мединский, А. О. Чубарьян. М. : Просвещение, 2023. 272 с.

11. Максимов Н.В. Формирование ценностного отношения к противодействию экстремизму у курсантов вузов войск национальной гвардии Российской Федерации: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Максимов Никита Васильевич. Челябинск, 2019. 198 с.

12. Муралев А. А. Формирование документоведческой компетентности у курсантов военных вузов: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Муралев Андрей Александрович. Пермь, 2015. 204 с.

13. Петкин А. В. Формирование военно-професиональной направленности личности курсантов вузов Росгвардии: дис. ... канд. пед. наук: 5.8.7 / Петкин Алексей Владимирович. Челябинск, 2021. 201 с.

14. Петкин А. В. Ретроспективные аспекты новейшей истории военно-профессиональной подготовки и направленности личности обучаемых суворовских и кадетских военных училищ // Патриотизм: вчера, сегодня, завтра (ко Дню защитника Отечества): сборник научных статей III Всероссийской научно-практической конференции. Саратов. 2025. С. 52–57.

15. Петкин А. В. Исторический опыт организации научной и научно-технической деятельности в войсках национальной гвардии Российской Федерации // Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. 2023. № 1. С. 34–38.

16. Плюхин А. Ю. Формирование готовности к научно-исследовательской деятельности у молодых преподавателей военных вузов: дис. ... канд. пед. наук: 5.8.7 / Плюхин Александр Юрьевич. Челябинск, 2025. 246 с.

17. Пузиков О. П. Формирование управленческо-прогностической компетенции у курсантов военных вузов: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Пузиков Олег Петрович. Челябинск, 2015. 235 с.

18. Сейтешев А. П. Пути воспитания профессиональной направленности учащихся и молодых рабочих. М. : Высшая школа, 1974. 285 с.

19. Харланова Е. М. Развитие социальной активности студентов вуза в процессе интеграции формального и неформального образования: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.08 / Харланова Елена Михайловна. Челябинск, 2015. 435 с.

20. Цыганков Д. С. Формирование мотивации к профессиональной деятельности будущих офицеров войск национальной гвардии Российской Федерации: дис. ... канд. пед. наук: 5.8.7 / Цыганков Дмитрий Сергеевич. Грозный, 2023. 221 с.

21. Яковлева Н. О. Педагогическое проектирование инновационных систем: автореф. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / Яковлева Надежда Олеговна. Челябинск. 2003. 52 с.

References

1. Bozhovich L. I. Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste: SPb. : Piter, 2008. 400 s. (In Russ.).

2. Vyatkin B. A. Psihologiya integral'noj individual'nosti: Permskaya shkola / B. A. Vyatkin, L. YA. Dorfman, M. R. SHCHukin. M. : Smysl, 2011. 636 s. (In Russ.).

3. Vyatkina, L. B. Issledovanie pedagogicheskih sposobnostej v otechestvennoj psihologii / L. B. Vyatkina, S. A. Bogdanov // Uspekhi sovremennoj nauki i obrazovaniya. 2017. Vol. 2. № 5. S. 205–209. (In Russ.).

4. Vyatkin M. B. Social'no-psihologicheskij trening kak metod razvitiya pedagogicheskih sposobnostej menedzherov obrazovaniya: dis. ... kand. psihol. nauk: 19.00.07 / Vyatkin Mihail Bronislavovich. Perm', 2015. 183 s. (In Russ.).

5. Goncov B. I. Formirovanie motiva voenno-professional'noj deyatel'nosti: monografiya. Perm' / B. I. Goncov, V. N. Lymarev. 2016. 163 s. (In Russ.).

6. Kaitov A. P. Razvitie poztivno professional'noj motivacii budushchih pedagogov: avtoref. dis. ... d-ra. ped. nauk: 5.8.7 / Kaitov Aleksandr Pilyalovich. M., 2024. 42 s. (In Russ.).

7. Kechkin YU. V. Professional'no-motivacionnaya adaptaciya kursantov v voennom vuze: dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.08 / Kechkin YUrij Vladimirovich. CHelyabinsk, 2016. 200 s. (In Russ.).

8. Litvak B. G. Perevorot 1861 goda v Rossii, pochemu ne realizovalas' reformatorskaya al'ternativa. M. : Politizdat, 1991. 302 s. (In Russ.).

9. Lymarev V. N. Pedagogicheskaya koncepciya formirovaniya voenno-professional'noj motivacii kursantov vuzov vojsk nacional'noj gvardii: dis. ... d-ra ped. nauk: 5.8.7 / Lymarev Vitalij Nikolaevich. CHelyabinsk, 2025. 518 s. (In Russ.).

10. Medinskij V. R. Istoriya. Vseobshchaya istoriya. 1945 god – nachalo XXI veka: 11-j klass: bazovyj uroven': uchebnik / V. R. Medinskij, A. O. CHubar'yan. M. : Prosveshchenie, 2023. 272 s. (In Russ.).

11. Maksimov N.V. Formirovanie cennostnogo otnosheniya k protivodejstviyu ekstremizmu u kursantov vuzov vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.08 / Maksimov Nikita Vasil'evich. CHelyabinsk, 2019. 198 s. (In Russ.).

12. Muralev A. A. Formirovanie dokumentovedcheskoj kompetentnosti u kursantov voennyh vuzov: dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.08 / Muralev Andrej Aleksandrovich. Perm', 2015. 204 s. (In Russ.).

13. Petkin A. V. Formirovanie voenno-profesional'noj napravlennosti lichnosti kursantov vuzov Rosgvardii: dis. ... kand. ped. nauk: 5.8.7 / Petkin Aleksej Vladimirovich. CHelyabinsk, 2021. 201 s. (In Russ.).

14. Petkin A. V. Retrospektivnye aspekty novejshej istorii voenno-professional'noj podgotovki i napravlennosti lichnosti obuchaemyh suvorovskih i kadetskih voennyh uchilishch // Patriotizm: vchera, segodnya, zavtra (ko Dnyu zashchitnika Otechestva): sbornik nauchnyh statej III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Saratov. 2025. S. 52–57. (In Russ.).

15. Petkin A. V. Istoricheskij opyt organizacii nauchnoj i nauchno-tekhnicheskoj deyatel'nosti v vojskah nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii // Akademicheskij vestnik vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii. 2023. № 1. S. 34–38. (In Russ.).

16. Plyuhin A. YU. Formirovanie gotovnosti k nauchno-issledovatel'skoj deyatel'nosti u molodyh prepodavatelej voennyh vuzov: dis. ... kand. ped. nauk: 5.8.7 / Plyuhin Aleksandr YUr'evich. CHelyabinsk, 2025. 246 s. (In Russ.).

17. Puzikov O. P. Formirovanie upravlenchesko-prognosticheskoj kompetencii u kursantov voennyh vuzov: dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.08 / Puzikov Oleg Petrovich. CHelyabinsk, 2015. 235 s. (In Russ.).

18. Sejteshev A. P. Puti vospitaniya professional'noj napravlennosti uchashchihsya i molodyh rabochih. M. : Vysshaya shkola, 1974. 285 s. (In Russ.).

19. Harlanova E. M. Razvitie social'noj aktivnosti studentov vuza v processe integracii formal'nogo i neformal'nogo obrazovaniya: dis. ... d-ra ped. nauk: 13.00.08 / Harlanova Elena Mihajlovna. CHelyabinsk, 2015. 435 s. (In Russ.).

20. Cygankov D. S. Formirovanie motivacii k professional'noj deyatel'nosti budushchih oficerov vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. ped. nauk: 5.8.7 / Cygankov Dmitrij Sergeevich. Groznyj, 2023. 221 s. (In Russ.).

21. YAkovleva N. O. Pedagogicheskoe proektirovanie innovacionnyh sistem: avtoref. ... d-ra ped. nauk: 13.00.01 / YAkovleva Nadezhda Olegovna. CHelyabinsk. 2003. 52 s. (In Russ.).

Информация об авторе

А. В. Петкин *– кандидат педагогических наук*

Information about the author

A. V. Petkin *– Candidate of Sciences (Pedagogy)*

Статья поступила в редакцию 10.02.2026;
одобрена после рецензирования 10.09.2026;
принята к публикации 28.09.2026.

The article was submitted 10.02.2026;
approved after reviewing 10.09.2026;
accepted for publication 28.09.2026.

Научная статья

УДК 623.746.4-519

ОПЫТ, АКТУАЛЬНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН СЛУШАТЕЛЯМ С НЕИНЖЕНЕРНЫМ ПРОФИЛЕМ ПОДГОТОВКИ

***Игорь Олегович Прутчиков*[1], *Денис Ильясович Хайбулин*[2]**
[1, 2] *Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия*
[1] *vpio277254@mail.ru*
[2] *haybulindi1993@mail.ru*

Аннотация. В рамках обзорной статьи обосновывается необходимость и рассматриваются возможности повышения уровня подготовки неинженерных кадров военных образовательных организаций высшего образования по военно-техническим дисциплинам. Обосновываются перспективные направления совершенствования подготовки специалистов неинженерного профиля по военно-техническим дисциплинам.

Ключевые слова: инженерная подготовка, квалификация «инженер», повышение уровня подготовки, неинженерные кадры

Для цитирования: Прутчиков И.О., Хайбулин Д.И. Опыт, актуальность и особенности преподавания военно-технических дисциплин слушателям с неинженерным профилем подготовки // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 244–250. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/025.pdf

Original article

THE EXPERIENCE, RELEVANCE AND FEATURES OF TEACHING MILITARY-TECHNICAL DISCIPLINES TO STUDENTS WITH A NON-ENGINEERING TRAINING PROFILE

***Igor O. Prutchikov*[1], *Denis I. Haybulin*[2]**
[1, 2] *Academy of National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia*
[1] *vpio277254@mail.ru*
[2] *haybulindi1993@mail.ru*

Abstract. Within the framework of the review article, the necessity is justified and the possibilities of improving the level of training of non-engineering personnel of higher education institutions in military-technical disciplines are considered. Promising directions for improving the training of non-engineering specialists in military-technical disciplines are substantiated.

Keywords: engineering training, "engineer" qualification, advanced training, non-engineering personnel

For citation: Prutchikov I.O., Haybulin D.I. The experience, relevance and features of teaching military-technical disciplines to students with a non-engineering training profile. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36): 244–250. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/025.pdf

© Прутчиков И.О., Хайбулин Д.И., 2026

Введение

Военно-техническое и, особенно, инженерное направление подготовки руководящего состава всех степеней в Росгвардии и других силовых структурах России в настоящее время играет большую и ускоренно возрастающую роль. В первую очередь это вызвано революционными изменениями в тактике и всестороннем обеспечении ведения боевых действий, применении вооружения, военной и специальной техники, интеллектуализацией и автоматизацией вооружений, механизацией и роботизацией войсковых формирований [1]. В настоящее время доктринальные представления о ведении боевых действий развиваются в направлении усиления их сетецентрического и многосферного характера, повышения, в первую очередь, автономности и мобильности войсковых формирований. Распоряжением начальника Главного штаба от 23 октября 2024 г. № 5/28-2568 предписано войскам инженерную подготовку определить

основным предметом обучения для всех категорий военнослужащих.

Основные положения.

В настоящее время весьма актуальным становится вопрос повышения эффективности военно-технической и инженерной подготовки в военных образовательных организациях высшего образования (далее – ВООВО) [2]. По целому ряду причин данный вопрос становится особенно актуальным в ВООВО, ориентированных на подготовку специалистов с гуманитарной квалификацией по неинженерным направлениям профессиональной подготовки. В первую очередь это вызвано ограничением по времени подготовки и количеству изучаемых инженерных дисциплин, отсутствием в некоторых случаях собственной системы подготовки и повышения квалификации преподавательского состава по инженерным специальностям, инженерных и научных школ, недостаточной начальной технической подготовкой обучаемых и преобладающим среди них психотипом, ориентированным на первостепенное изучение дисциплин неинженерного гуманитарного профиля.

Основная проблема в данном случае, как представляется, состоит в необходимости привития обучаемым совокупности инженерных знаний и навыков, достаточных для применения современного высокотехнологичного вооружения, военной и специальной техники, в то же время, не имея соответствующих временных и других ресурсов для достижения слушателями квалификации «инженер». Если при подготовке военных специалистов с квалификацией «инженер» имеются традиционно проработанные представления относительно организации и методики преподавания военно-технических дисциплин, являющихся в этом случае профильными [3–4], то при подготовке слушателей с неинженерным профилем квалификации, преподавание инженерных дисциплин требует отдельного рассмотрения и учета всех, в том числе субъективных по отношению к данному ВООВО, факторов [5–6].

На кафедре обеспечения служебно-боевой деятельности Академии войск национальной гвардии в отношении преподавания инженерных дисциплин слушателям с неинженерным профилем подготовки накоплен достаточный для анализа и обобщения многолетний опыт, позволяющий сделать ряд полезных выводов и заключений в целях повышения эффективности и уровня подготовки выпускников данного ВООВО [7].

С точки зрения использования традиционных форм обучения следует отметить, в качестве основных положительных особенностей преподавания на кафедре военно-технических дисциплин слушателям с неинженерным профилем подготовки, преимущественное проведение занятий в специализированных классах и подготовленных полигонах, полное методическое обеспечение собственными учебными пособиями, современные формы промежуточного и итогового контроля, высокий уровень практической подготовки, в том числе ввиду того, что большинство преподавателей являются участниками боевых действий. Некоторые результаты преподавания на кафедре военно-инженерных дисциплин для слушателей, проходящих подготовку по направлениям: 37.05.02 Психология служебной деятельности, 56.05.08 Военно-политическая работа, представлены в таблице.

Таблица – Некоторые результаты подготовки на кафедре обеспечения служебно-боевой деятельности Военной академии войск национальной гвардии Российской Федерации курсантов с неинженерным профилем

Table – Some results of the training of cadets with a non-engineering profile at the Department of Maintenance of Service and Combat Activities of the Military Academy of the National Guard of the Russian Federation

№ п\п	Направление военно-инженерной подготовки	Квалификация выпускников	Общая оценка успеваемости				
			2020	2021	2022	2023	2024
1.	Инженерное обеспечение	Юрист	4.26	4.15	4.01	4.12	4.17
		Психолог	4.21	4.55	4.03	4.02	3.9
		Преподаватель					

2.	Инженерно-технические средства охраны	Юрист	4.23	4.28	4.05	3.40	4.51
		Психолог	3.96	4.05	4.09	4.01	3.93
		Преподаватель					
3.	Защита от оружия массового поражения	Юрист	4.51	4.27	4.16	4.31	4.42
		Психолог	4.75	4.40	4.44	4.14	4.23
		Преподаватель					

Анализ данных, представленных в таблице 1, свидетельствует о стабильных и достаточно высоких результатах преподавания на кафедре дисциплин инженерно-технической направленности для курсантов с неинженерным профилем подготовки. В то же время успеваемость по данным дисциплинам достаточно длительное время остается на одном уровне, что позволяет сделать заключение о необходимости внедрения в процесс обучения новых эффективных технологий и подходов, например активизацию работы кружка военно-научного общество курсантов по данным направлениям обучения. Также следует отметить менее высокие результаты успеваемости по данным дисциплинам слушателей с квалификацией психолог, что может быть предметом отдельного рассмотрения и анализа с точки зрения повышения эффективности подготовки.

Наряду с традиционными формами обучения в учебных заведениях, в том числе ВООВО, в настоящее время активно внедряются новые инновационные образовательные технологии, такие как проблемное обучение, разноуровневое обучение, проектные методы обучения, исследовательские методы в обучении, лекционно-семинарско-зачетная система, технология использования в обучении игровых методов: ролевых, деловых, и других видов обучающих игр, обучение в сотрудничестве (командная, групповая работа), информационно-коммуникационные образовательные технологии и т. п. [8–9]. Имеются сведения об успешном внедрении современных образовательных инновационных технологий, например таких как учебные мультимедийные презентации, видеоматериалы, электронные учебники, электронные справочники и энциклопедии, обучающие программы.

Специализированные программы для практических занятий, online-консультации, средства автоматизированного контроля знаний обучаемых и т. п. при преподавании военно-технических и инженерных дисциплин в ВООВО [11–12]. На кафедре обеспечения служебно-боевой деятельности Академии войск национальной гвардии также с целью совершенствования образовательного процесса при изучении инженерных дисциплин, предпринимаются меры по внедрению современных инновационных технологий, таких как применение средств мультимедиа, тестирование, групповое и проблемное обучение, деловые игры, интерактивные методические пособия и т. п.

Однако положительный эффект от реализации рассматриваемых технологий мог бы быть более положительным при устранении ряда сдерживающих факторов, среди которых в первую очередь следует отметить недостаточное оснащение компьютерной и мультимедийной техникой, аппаратными и программными средствами работы в среде дополненной и виртуальной реальности, имитационного и физического моделирования [13], автоматизированными и роботизированными системами и комплексами, локальными сетевыми устройствами. Это объясняется тем, что большинство внедряемых в настоящее время инновационных методов преподавания военно-технических дисциплин основывается на применении современных информационных технологий, искусственного интеллекта и больших данных [14].

Представляется, что в оборудовании кафедры компьютерным классом с соответствующим информационным оборудованием, в настоящее время нет необходимости. В то же время внедрение по целому ряду дисциплин инновационных групповых методов обучения делает весьма желательным оборудование, по крайней мере, одного из специализированных классов 3–5 ПК с возможностью объединения их в локальную изолированную сеть. Это позволит организовать оптимальные режимы программирования [15], доступа, хранения и использования информации. Также следует отметить необходимость для развития современных технологий преподавания по инженерным дисциплинам организации неразрывной

планомерной работы по совершенствованию учебно-материальной базы (далее – УМБ) и методического обеспечения в темпе создания и принятия на снабжение в Росгвардии современных вооружений, военной и специальной техники (далее – ВВСТ) и обеспечивающих систем. По данным направлениям в настоящее время проводится работа, как собственно кафедрой обеспечения служебно-боевой деятельности Академии войск национальной гвардии, так и во взаимодействии ее с командованием и другими кафедрами Академии войск национальной гвардии, прежде всего военно-технического профиля преподавания.

В то же время в процессе преподавания на кафедре обеспечения служебно-боевой деятельности Академии войск национальной гвардии инженерных дисциплин был выявлен ряд особенностей, в определенной степени снижающих в настоящее время эффективность и результативность процесса обучения по целому ряду предметов. В первую очередь это относится к своевременному оснащению кафедры и соответствующему оборудованию специализированных классов и полигонов образцами и комплектующими современных ВВСТ [16], особенно по инженерно-техническому и инженерно-саперному направлениям подготовки. Также по ряду дисциплин собственные кафедральные учебно-методические средства и материалы следует считать нуждающимися в дополнении или переработке [17]. По инженерным направлениям на кафедре обеспечения служебно-боевой деятельности Академии войск национальной гвардии проводятся научные исследования, организовываются конференции, работает кружок военно-научного общество курсантов [18]. Однако объем, темпы и результаты работы в этом направлении могут быть повышены. Также нуждается в повышении процент преподавателей, имеющих ученую степень, в первую очередь в области технических наук. Объективной причиной недостаточно высокого, по сравнению с возможным, уровня состояния УМБ, методической и научной работы, сдерживающей процесс совершенствования учебного процесса являются высокие, подчас революционные, темпы разработки и внедрения в войсках современных образцов ВВСТ и их комплектующих, что требует новых решений, форм и подходов по материально-техническому, учебно-методическому и научно-исследовательскому обеспечению кафедры при проведении занятий в инженерной области.

Современный этап развития ВООВО характеризуется переходом от фрагментарного использования цифровых инструментов к формированию целостной информационно-образовательной среды [19]. Эксперты выделяют последовательные этапы этой трансформации: от оснащения аудиторий интерактивным оборудованием и внедрения систем идентификации до создания ведомственных электронных образовательных ресурсов и корпоративных порталов военных институтов. Такая поэтапность позволяет обеспечить преемственность инноваций и минимизировать риски сбоев в учебном процессе.

Особую актуальность для подготовки военных инженеров приобретает технология контекстного обучения, при которой учебный материал подается через моделирование предметного и социального содержания будущей профессиональной деятельности. В рамках этого подхода деловые и ролевые игры трансформируются в тренажеры, где курсанты отрабатывают алгоритмы принятия решений в условиях, имитирующих реальную оперативную обстановку. Интеграция таких методов с цифровыми платформами позволяет формировать у обучаемых не только предметные компетенции, но и навыки работы в распределенных информационных средах.

Для инженерных дисциплин это означает возможность персонализации практических задач по проектированию, расчету и эксплуатации ВВСТ с учетом уровня подготовки каждого курсанта [20]. При этом важно, чтобы алгоритмы адаптации учитывали не только академические результаты, но и психофизиологические особенности

обучаемых, что особенно значимо в условиях повышенных нагрузок ВООВО.

Заключение

Сдерживающим системным фактором в развитии и совершенствовании процессов подготовки по военно-инженерным дисциплинам в определенной мере до недавнего времени являлось отсутствие в Академии войск национальной гвардии специалистов квалификации «инженер». Однако в настоящее время подготовка таких специалистов в Академии войск национальной гвардии ведется, что позволяет надеяться на открытие по данному профилю подготовки новых возможностей в контексте совершенствования учебно-лабораторной базы, подготовки научного и преподавательского состава, методической и издательской деятельности.

Список источников

1. Поляков О. А. Применение боевых и обеспечивающих роботов при ведении боевых действий в городских условиях // Наука, техника и образование. 2022. № 3(86). С. 44–47.

2. Блиев В. Р. Обучение иностранных военнослужащих как перспективный канал реализации политики «мягкой силы» России / В. Р. Блиев, Е. В. Волобуев // Гуманитарные проблемы военного дела. 2018. № 3(16). С. 10–15.

3. Сорокин А. Ф. Проблема совершенствования военно-технической подготовки студентов, обучающихся на кафедре танковых войск // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2016. Т. 8. № 2. С. 83–95.

4. Левченко В. А. Военно-техническая подготовка: учебное пособие. М. : Машиностроение, 1999. 180 с.

5. Карелин А. Е. К вопросу о специфике преподавания технических дисциплин в современном вузе // Дневник науки. 2020. № 11 С. 21–25.

6. Рахымбеков А. Ж. Особенности преподавания технических дисциплин // The scientific heritage 2020. № 44. С. 27–29.

7. Габышева Т. П. Применение личностно ориентированных технологий в обучении выпускников учреждений среднего профессионального образования в вузе // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 3. С. 26.

8. Гриншкун В. В. Особенности информатизации образовательного процесса в инновационном техническом вузе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2021. № 4. С. 45–50.

9. Гриншкун В. В. Проблемы и пути эффективного использования технологий информатизации в образовании // Вестник Российского университета дружбы народов. 2012. № 3. С. 11–15.

10. Селевко Г. К. Современные образовательные технологии. М. : Народное образование, 1998.

11. Варламов А. С. Педагогические инновации в обучении курсантов в рамках обучения в вузах Министерства обороны Российской Федерации // Аллея Науки. 2023. № 8. С. 23–28.

12. Примакин А. И. Математические алгоритмы для обработки результатов педагогического эксперимента по развитию самостоятельности курсантов военных вузов // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2024. № 4 (29). С. 237–251.

13. Лавшук Д. А. Методология использования биомеханического синтеза техники физических упражнений в имитационном моделировании // Физическая культура, спорт, здоровый образ жизни в XXI веке: сборник научных статей Международной научно-практической конференции, Могилев, 13–14 декабря 2022 года / под ред. О. Л. Борисова, А. А. Антипенко. Могилев: Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова, 2023. С. 113–116.

14. Квач С. С. Дисциплина «Правоведение» в системе подготовки инженеров оборонно-промышленного комплекса: содержательный и методический аспекты // Социально-гуманитарные технологии. 2025. № 4(36). С. 162–171.

15. Рогожкин В. М. Выбор оптимальных режимов эксплуатации наземно-транспортных средств с учётом морального износа методом динамического программирования / В. М. Рогожкин, Н. А. Ушаков, А. Н. Ушаков // Наземные транспортно-технологические комплекс и средства : материалы Международной научно-технической конференции, Тюмень, 08 февраля 2021 года / под общ. ред. Ш. М. Мерданова. Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2021. С. 201–204.

16. Горелов А. А. Актуализация нормативно-методического аппарата оценки стойкости РЭА и ЭКБ к воздействию ионизирующих излучений / А. А. Горелов, Т. И. Зелякова, М. Е. Лучкина [и др.] // Радиационная стойкость электронных систем «Стойкость-2024»: тезисы докладов 27-й Всероссийской научно-технической конференции, Москва, 04–05 июня 2024 года. – Лыткарино: Научно-исследовательский институт приборов, 2024. С. 21–22.

17. Третьякова Е. М. Двухуровневое инженерное образование: требования к компетенциям и содержание образования // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2012. № 2(9). С. 292–295.

18. Головинский А. А. Научная деятельность курсантов ВНОК по защите исторической памяти о традиционных духовнонравственных ценностях воинского служения / А. А. Головинский, А. Н. Саврий, В. А. Локтионов // Личность курсанта как поле смыслового контента в сфере воинской деятельности: сборник материалов научно-методической конференции, Петергоф, 07 июня 2024 года. Петергоф: Военный институт (Железнодорожных войск и военных сообщений), 2024. С. 112–120.

19. Ефимов Г. И. Информационно-образовательная среда методика экспертной оценки качества информационно-образовательной среды образовательного процесса в военном вузе // Вестник военного образования. 2023. № 1(40). С. 74–77.

20. Цыганков Д. С. Формирование мотивации к профессиональной деятельности будущих офицеров войск национальной гвардии Российской Федерации: дис. … канд. пед. наук: 5.8.7 / Цыганков Дмитрий Сергеевич. 2024. 221 с.

References

1. Polyakov O. A. The use of combat and support robots in conducting military operations in urban environments // Nauka, tekhnika i obrazovanie. 2022;3(86): 44–47. (In Russ.).

2. Bliev V. R. Training foreign military personnel as a promising channel for implementing Russia's "soft power" policy / V. R. Bliev, E. V. Volobuev // Gumanitarnye problemy voennogo dela. 2018;3(16): 10–15. (In Russ.).

3. Sorokin A. F. The problem of improving the military-technical training of students studying at the Department of Tank Forces // Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. Vol. 8;2: 83–95. (In Russ.).

4. Levchenko V. A. Voenno-tekhnicheskaya podgotovka: uchebnoe posobie. M. : Mashinostroenie, 1999. 180 s. (In Russ.).

5. Karelin A. E. On the issue of the specifics of teaching technical disciplines in a modern university // Dnevnik nauki. 2020;11: 21–25. (In Russ.).

6. Rahymbekov A. ZH. Osobennosti prepodavaniya tekhnicheskih disciplin // The scientific heritage 2020;44: 27–29. (In Russ.).

7. Gabysheva T. P. The use of learner-centered technologies in the education of graduates of secondary vocational education institutions at a university // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2019;3: 26. (In Russ.).

8. Grinshkun V. V. Features of the informatization of the educational process in an innovative technical university // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Informatizaciya obrazovaniya. 2021;4: 45–50. (In Russ.).

9. Grinshkun V. V. Problems and ways to effectively use information technology in education // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. 2012;3: 11–15. (In Russ.).

10. Selevko G. K. Sovremennye obrazovatel'nye tekhnologii. M. : Narodnoe obrazovanie, 1998. (In Russ.).

11. Varlamov A. S. Pedagogical innovations in the training of cadets within the framework of education at universities of the Ministry of Defense of the Russian Federation // Alleya Nauki. 2023;8;23–28. (In Russ.).

12. Primakin A. I. Mathematical algorithms for processing the results of a pedagogical experiment on developing the independence of cadets in military universities // Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2024;4 (29): 237–251. (In Russ.).

13. Lavshuk D. A. Metodologiya ispol'zovaniya biomekhanicheskogo sinteza tekhniki fizicheskih uprazhnenij v imitacionnom modelirovanii // Fizicheskaya kul'tura, sport, zdorovyj obraz zhizni v XXI veke: sbornik nauchnyh statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Mogilev, 13–14 dekabrya 2022 goda / pod red. O. L. Borisova, A. A. Antipenko. Mogilev: Mogilevskij gosudarstvennyj universitet imeni A. A. Kuleshova, 2023. S. 113–116. (In Russ.).

14. Kvach S. S. The discipline "Jurisprudence" in the system of training engineers for the defense-

industrial complex: substantive and methodological aspects // Social'no-gumanitarnye tekhnologii. 2025;4(36): 162–171. (In Russ.).

15. Rogozhkin V. M. Vybor optimal'nyh rezhimov ekspluatacii nazemno-transportnyh sredstv s uchyotom moral'nogo iznosa metodom dinamicheskogo programmirovaniya / V. M. Rogozhkin, N. A. Ushakov, A. N. Ushakov // Nazemnye transportno-tekhnologicheskie kompleks i sredstva : materialy Mezhdunarodnoj nauchno-tekhnicheskoj konferencii, Tyumen', 08 fevralya 2021 goda / pod obshch. red. SH. M. Merdanova. Tyumen': Tyumenskij industrial'nyj universitet, 2021. S. 201–204. (In Russ.).

16. Gorelov A. A. Aktualizaciya normativno-metodicheskogo apparata ocenki stojkosti REA i EKB k vozdejstviyu ioniziruyushchih izluchenij / A. A. Gorelov, T. I. Zelyakova, M. E. Luchkina [i dr.] // Radiacionnaya stojkost' elektronnyh sistem «Stojkost'-2024»: tezisy dokladov 27-j Vserossijskoj nauchno-tekhnicheskoj konferencii, Moskva, 04–05 iyunya 2024 goda. – Lytkarino: Nauchno-issledovatel'skij institut priborov, 2024. S. 21–22. (In Russ.).

17. Tret'yakova E. M. Two-tier engineering education: competency requirements and educational content // Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psihologiya. 2012;2(9): 292–295. (In Russ.).

18. Golovinskij A. A. Nauchnaya deyatel'nost' kursantov VNOK po zashchite istoricheskoj pamyati o tradicionnyh duhovnonravstvennyh cennostyah voinskogo sluzheniya / A. A. Golovinskij, A. N. Savrij, V. A. Loktionov // Lichnost' kursanta kak pole smyslovogo kontenta v sfere voinskoj deyatel'nosti: sbornik materialov nauchno-metodicheskoj konferencii, Petergof, 07 iyunya 2024 goda. Petergof: Voennyj institut (ZHeleznodorozhnyh vojsk i voennyh soobshchenij), 2024. S. 112–120. (In Russ.).

19. Efimov G. I. Information and educational environment: methodology for expert assessment of the quality of the information and educational environment in the educational process at a military university // Vestnik voennogo obrazovaniya. 2023;1(40): 74–77. (In Russ.).

20. Cygankov D. S. Formirovanie motivacii k professional'noj deyatel'nosti budushchih oficerov vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii: dis. … kand. ped. nauk: 5.8.7 / Cygankov Dmitrij Sergeevich. 2024. 221 s. (In Russ.).

Информация об авторах

И.О. Прутчиков *– доктор технических наук, профессор*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 20.05.2026;
одобрена после рецензирования 20.09.2026;
принята к публикации 28.09.2026.

Information about the authors

I.O. Prutchikov *– Doctor of Sciences (Technical), Professor*

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 20.05.2026;
approved after reviewing 20.09.2026;
accepted for publication 28.09.2026.

Научная статья

УДК 378.14

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПАТРИОТИЧЕСКОГО МИРОВОЗРЕНИЯ КУРСАНТОВ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА ОТ ВНЕШНИХ ИНФОРМАЦИОННЫХ УГРОЗ СТРАН НАТО

Алексей Владимирович Шленков
Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
33366610@mail.ru, orcid.org/0000-0003-4649-1717

Аннотация. Статья посвящена анализу проблемы негативного суггестивного влияния средств массовой информации стран НАТО на патриотическое воспитание курсантов как будущих офицеров войск национальной гвардии Российской Федерации с учетом традиционных ценностей общества. Рассматриваются актуальные подходы и средства патриотического воспитания курсантов войск национальной гвардии. Основное внимание уделяется рассмотрению образовательных программ и психолого-педагогических проектов, где особым образом рассматривается роль педагогов и офицеров факультетов, а также необходимость правовой защищённости молодежи, курсантов как базового элемента в формировании патриотического мировоззрения.

Ключевые слова: СМИ, курсанты, страны НАТО, суггестивное воздействие, патриотическое мировоззрение, традиционные ценности общества

Для цитирования: Шленков А.В. Психолого-педагогические мероприятия по обеспечению патриотического мировоззрения курсантов как психологическая защита от внешних информационных угроз стран НАТО // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 251–258. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/026.pdf

Original article

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL MEASURES TO ENSURE THE PATRIOTIC OUTLOOK OF CADETS, AS PSYCHOLOGICAL PROTECTION FROM EXTERNAL INFORMATION THREATS OF NATO COUNTRIES

Alexey V. Shlenkov
Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
33366610@mail.ru, orcid.org/0000-0003-4649-1717

Abstract. The article is devoted to the analysis of the problem of the negative suggestive influence of the NATO mass media on the patriotic education of cadets as future officers of the National Guard of the Russian Federation, taking into account the traditional values of society. The current approaches and means of patriotic education of cadets of the National Guard troops are considered. The main attention is paid to the consideration of educational programs and psychological and pedagogical projects, where the role of teachers and faculty officers is considered in a special way, as well as the need for legal protection of young people, cadets, as a basic element in the formation of a patriotic worldview.

Keywords: media, cadets, NATO countries, suggestive influence, patriotic worldview, traditional values of society

For citation: Shlenkov A.V. Psychological and pedagogical measures to ensure the patriotic outlook of cadets, as psychological protection from external information threats of NATO countries. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36): 251–258. (In Russ.). Available from: http://vestnik- academrg.ru/2026/09/026.pdf

© Шленков А.В., 2026

Введение

Современные геополитические вызовы требуют от государства усиленного внимания к воспитанию молодёжи, особенно тех, кто готовится к службе в силовых структурах. Патриотическое воспитание становится важным элементом защиты национальных интересов в условиях информационного противостояния России и стран НАТО. Здесь ключевую роль играют попытки

подорвать моральный дух общества, размывая традиционные ценности через суггестивное воздействие на молодёжь, как наиболее активную часть общества. Необходимо на государственном уровне решать психологическое обеспечение становления и развития моральных качеств личности подрастающего поколения, как граждан Российского общества и государства.

Курсанты войск национальной гвардии, являясь будущими защитниками правопорядка и государственной безопасности страны, должны обладать устойчивыми патриотическими убеждениями и взглядами. Сформированные взгляды и убеждения позволят им противостоять внешним информационным угрозам, исходящим от стран НАТО. Сформированный патриотизм – это не только любовь к Родине, но и осознание своей ответственности перед обществом и государством.

Методы

При написании научной статьи использовались следующие методы: теоретические методы анализа, синтеза и абстрагирования.

Результаты

Актуальность исследования обусловлена не только возрастающим значением информационных технологий и суггестивных влияний через интернет и СМИ в современном мире, но и потребностью формирования у будущих военнослужащих высокого уровня морально-психологической устойчивости [1, 2, 3, 4]. Анализ существующих практик позволяет выделить наиболее эффективные методы и предложить пути их дальнейшего совершенствования. Патриотическое воспитание молодежи, в том числе курсантов войск национальной гвардии, является важным средством противодействия негативному внешнему информационному воздействию и укреплению национальной безопасности через формирование твёрдых моральных и профессиональных качеств.

В современном мире информационное воздействие на молодёжь стало одним из ключевых инструментов внешнеполитического влияния, как наиболее действенного средства, направленного на подчинение определенных государств государствам «мировой политической элиты» [3, 4, 5, 6]. Страны НАТО, ориентируясь на так называемую «мировую политическую элиту», активно используют разнообразные информационные каналы, предназначенные для распространения своих идей и формирования общественного мнения молодежи. Целью такого воздействия является осуществление внешних и политических задач, направленных на собственное обогащение «элиты» через эксплуатацию энергетических, природных и трудовых ресурсов третьих стран. Это, как указывалось, ярко проявляется по отношению к молодёжи, которая является наиболее восприимчивой и благодатной аудиторией из-за отсутствия богатого житейского опыта, неустоявшихся личных взглядов и убеждений, высокой вовлеченности в медиапространство, но при этом активно пользующейся цифровыми технологиями [1, 5, 7].

Одной из действенных форм негативного информационного воздействия на молодежь является целенаправленная и системно подающаяся дезинформация с учетом потребностей молодежи, их интересов и направленностей. С помощью манипуляционных сообщений создаётся искажённая картина реальности или происходящих событий, где подрываются традиционные ценности и устои общества, такие как семья, национальная история, государственность, национальные ценности. Через социальные сети и новостные порталы транслируются материалы, призванные вызвать недоверие к национальным лидерам и институтам власти государства. Примерами могут быть идеи свободы гражданина, пропаганда нетрадиционной сексуальной ориентации, борьба с коррумпированностью в высших эшелонах власти с целью спровоцировать массовое выступление граждан, не носящее под собой созидательного начала, а просто как призыв к насилию и беспорядкам. Также просматривается агрессивная маркетинговая стратегия, стремящаяся навязать мнение, что западное все лучше и эффективней, что все технологичные товары или большую их часть нужно завозить с Запада, уничтожая собственное высокотехнологичное производство, при этом гражданам Российской Федерации для поддержания торговых отношений необходимо экспортировать свои энергетические и природные ресурсы. При этом «мировая элита» не стремится делиться своими технологиями, а предоставляет готовый продукт. Даже в ситуациях эксплуатации готового продукта нет гарантий его обслуживания, улучшения или модернизации. Примером может служить автомобильная промышленность и другие сложнотехнологичные продукты, такие как строительная техника, авиация и др. Граждане, купившие форд, мерседес, БМВ и др. марки, не могут обновить программное обеспечение, установить ориги-

нальные заводские части или «прописать» ключи взамен утерянных. Все это создает трудности в эксплуатации и недовольство граждан.

Ещё одним мощным инструментом манипулирования служат культурные и образовательные программы, которые, на первый взгляд, выглядят как инициативы, направленные на развитие международного сотрудничества, обмен опытом. Однако данные программы в большинстве своем содержат элементы пропаганды, способствующие внедрению чуждых идей и стандартов данному обществу [8]. Также нередки случаи, когда наиболее перспективным молодым людям, имеющим значительный образовательный потенциал, предлагается обучение в западных странах (как наиболее благополучных в социальном отношении), с дальнейшим трудоустройством в данных странах. Происходит переманивание молодых людей, имеющих высокий интеллектуальный потенциал по сравнению со среднестатистическим молодым человеком с целью дальнейшего формирования научной элиты государства.

Не менее важную роль в информационном воздействии на молодежь играет использование развлекательного контента: фильмов, сериалов, видеоигр. Этот контент включает скрытые месседжи (послания), которые формируют у молодёжи положительное отношение к декларируемой странами НАТО идеологии, одновременно очерняя культурные и исторические особенности их собственной страны. Иногда даже расставленные по-иному акценты в исторических фактах в корне меняют заслуги конкретного государства в мировом историческом развитии.

Очередным шагом в суггестивном влиянии на молодежь является стирание понятия национального суверенитета, как что-то прошлое, отсталое, несовременное. Идеи стандартов общества, подгоняемые под определенные каноны общественных правил и поведения, приводят к тому, что молодёжь постепенно начинает воспринимать собственное государство как неэффективное и отстающее. Это, безусловно, приводит к потере чувства гордости за свою страну и критическому отношению к национальной культуре и укладу быта, правовым нормам, историческим достижениям, национальным достояниям. Агрессивное использование информационных технологий в суггестивных воздействиях содействует снижению способности к критическому анализу поступающей информации, навязыванию стандартов чуждых общественных отношений. В адаптации психики к информации, поступающей через интернет на электронные устройства, находящиеся всегда в кармане, предполагающие динамичную подачу готовой информации (короткие видео, мемы, заголовки), создают эффект "клипового мышления", поверхностной трактовки сложных социальных процессов, требующих глубинного осмысления, сводятся к упрощённым лозунгам, идеям, позициям в поведении. Это позволяет уводить от имеющихся процессов в обществе, переформатировать события истории, расставляя акценты, выгодные интересам иных стран, насаждая свою идеологию, подчиняя, в конечном счете, волю народа корыстным интересам правящей элиты стран мировых лидеров [9, 10, 11, 12].

Страны НАТО, оказывая агрессивное влияние на социальные институты государства, вырабатывают у молодёжи данного государства негативизм к собственным традиционным государственным институтам и национальным интересам, включая такие государственные структуры, как армию и систему образования, медицинское обеспечение и многое другое. В результате молодые люди оказываются переориентированы к участию в социальных инициативах других стран, отказываясь от участия в проектах внутри своей страны, развития своего общества. Влияние инородных информационных воздействий стран НАТО на молодёжь является внешнеполитической стратегией, направленной на подрыв внутренней устойчивости государства. Противодействие таким воздействиям требует комплексного подхода к воспитанию молодого поколения. Здесь необходимо модернизировать систему воспитания молодого поколения с учетом новейших информационных технологий с использованием современных технических средств передачи и восприятия информации. Необходимо переходить от системы запрета и ограничений интернет-ресурсов к конкурентноспособной системе передачи знаний (использование компьютерных игр в учебном процессе, учебных видеофильмов, соединенных в целые блоки по учебным дисциплинам/предметам. При этом важно в качестве ведущих привлекать известных в молодежной среде людей, артистов, музыкантов), стимулируя познавательный интерес молодежи к изучению собственных достижений государства, привитию ценностей своего общества и стратегии развития. Только конкурентноспособная система позволит противостоять

негативным внешним воздействиям агрессивно-настроенных стран через укрепление патриотических убеждений и ценностей молодежи.

Подводя итог сказанному, можно заключить, что патриотическое воспитание курсантов образовательных учреждений войск национальной гвардии имеет первостепенное значение. Курсанты, как будущие офицеры, должны являться носителями высоких моральных принципов. Выполняя обязанности по предназначению, они должны иметь непоколебимые взгляды и убеждения в деле защиты государственной безопасности. Главной задачей в патриотическом воспитании курсантов является формирование глубокого понимания своей ответственности перед страной и народом, а также укрепление верности присяге и служебному долгу [13, 14, 15, 16]. Личная безответственность в вопросах выполнения профессиональных обязанностей по укреплению государственности может привести к развалу самого государства, смене власти и лишению всех социальных гарантий, в том числе и самим военнослужащим и сотрудникам, которые по велению своего профессионального долга должны были отстаивать государственность и суверенитет государства.

Важной и ключевой задачей является воспитание уважения к государственным символам, традициям и истории вооружённых сил. Уважение к этим элементам укрепляет корпоративный дух, чувство товарищества, сопричастность к славным страницам истории российских военных формирований. Также не менее важной задачей становится развитие у воспитанников критического мышления в сфере информационной безопасности [17, 18, 19, 20]. При влиянии современных гибридных угроз будущие военнослужащие должны уметь распознавать дезинформацию, поступающую из внешних источников, и сохранять устойчивость к внешним манипуляционным воздействиям.

Важную роль в формировании личностных качеств будущих офицеров играют наставники и командиры в образовательных организациях. Именно они формируют у будущих военнослужащих профессиональные и моральные качества, которые становятся основой их готовности или неготовности к службе в деле защиты её интересов.

Наставничество имеет первостепенное значение в формировании патриотического воспитания курсантов. Пример героев прошлых лет, личный пример курсовых офицеров, преподавательского состава кафедр являются необходимым условием в развитии моральных качеств будущих офицеров. Воспитание самодисциплины вырабатывается в повседневной и рутинной деятельности курсантов, возлагая обязанности по несению службы внутри факультета, определяя разумную свободу в деятельности. Традиции факультета, образовательной организации несут дополнительное информационное значение в развитии личностных качеств курсантов. Происходит развитие курсанта как неотъемлемой части профессионального сообщества, со своим статусом, правами и обязанностями. На передний план выходит уважение к выбранной специальности, профессиональному долгу, государственной значимости той профессиональной деятельности, которой планирует посвятить курсант свою сознательную часть жизни. В процессе проведения учебных занятий, занятий на полигонах, взаимоотношения между командирами и курсантами должны строиться на уважении к личности, требованиях устава и доверительном отношении. В процессе обучения курсанту необходимо предоставлять возможности личностного роста, развития творческих способностей и всестороннего самосовершенствования, раскрывая новые границы личных возможностей. Постановка более сложных задач с учетом дидактических принципов от «простого к сложному», «постепенности в развитии профессионально важных качеств» позволяет укрепить не только надежную выработку профессионализма, но и чувство правильности выбранного пути, гордость за принадлежность ведомству, образовательной организации и ответственность за защиту Родины.

При составлении рабочих программ учебных дисциплин и соответственно методических разработок необходимо включать вопросы истории развития Росгвардии, её роль в обеспечении безопасности Российской Федерации. Изучение подвигов предыдущих поколений, в частности, примеров их самоотверженной службы, следование профессиональному долгу, традиций российских военных помогает развить у курсантов чувство гордости за выбранный профессиональный путь и укрепит патриотическое мировоззрение.

Необходимо проводить совместные проекты с образовательными и культурными учреждениями, которые направлены на популяризацию исторического наследия России и воинской славы. Организация экскурсий, выставок, а также взаимодей-

ствие с ветеранами способствуют укреплению патриотического мировоззрения курсантов и развитию чувства ответственности перед обществом [2, 4, 5, 11, 15, 16].

Перечисленная система психолого-педагогических мероприятий обеспечит устойчивое формирование патриотических качеств у воспитанников войск национальной гвардии, готовя их к выполнению задач по защите государства в современных условиях. Психологи образовательных организаций, офицеры воспитательных подразделений, курсовые офицеры и профессорско-преподавательский состав обязаны системно создавать условия для формирования у курсантов войск национальной гвардии твёрдой моральной основы и патриотические убеждения, которые определяют их готовность защищать интересы своей страны и иметь высокую устойчивость к негативным суггестивным воздействиям стран блока НАТО.

Для убежденности в гарантиях государства и развитии патриотического мировоззрения у молодых людей, вчерашних школьников, используется юридическая защищённость курсантов и военнослужащих войск национальной гвардии. Осознание того, что их права и интересы надёжно защищены государством, укрепляет чувство доверия в правильности выбранного пути и мотивирует их к продолжению службы.

Своевременное и заранее проведенное правовое информирование военнослужащих и членов их семей позволяет обеспечить их юридическую защищенность от агрессивных внешних информационных воздействий, понимание своих прав и обязанностей и в случае нарушений, алгоритмы и пути защиты себя и близких от неправомерных действий. Уверенность в правовой защите позволит укрепить моральный дух военнослужащих и убережет их от неправомерных действий. Лишь твердая убежденность курсантов в защите государством их прав позволит сформировать у курсантов истинный патриотизм.

Заключение

Сегодня, прежде чем начать военные действия между крупными государствами, проводятся информационные воздействия на военнослужащих государства противника, его народ и правящие силы. Это позволяет повысить успех в случае начала военных действий и уменьшить финансовые затраты при проведении масштабных боевых действий. Но раз есть негативное информационное воздействие на военнослужащих и гражданское население страны со стороны государств-противников, значит, должна быть эффективная защита от данных воздействий.

Опуская в статье различные технические вопросы ограничения негативного информационного воздействия извне, был поставлен вопрос патриотического воспитания курсантов (молодежи). Это важная задача, имеющая государственное значение и требующая комплексного подхода, учитывающая современные технические возможности, вызовы и угрозы. В условиях активного негативного информационного воздействия со стороны стран блока НАТО патриотическое воспитание становится не только способом укрепления морального духа, но и важным инструментом противодействия внешним манипуляциям, направленным на размывание национальных ценностей и идентичности народа страны. Понимание значимости защиты интересов России на мировой арене, её геополитическое значение в мировом устройстве позволит осознать важность поддержания постоянной боевой готовности войск, которая невозможна без психологической составляющей.

Патриотическое воспитание курсантов (военнослужащих) должно строиться на сопричастности к героическому прошлому страны, воспитанию гордости за принадлежность к войскам национальной гвардии и осознанию своей роли в обеспечении безопасности государства.

Основополагающая роль в патриотическом воспитании курсантов отводится преподавателям, воспитателям-наставникам и курсовым командирам, которые через личный пример и планомерно-организованную системную воспитательную работу формируют и развивают у курсантов неизменные морально-патриотические убеждения.

Юридическая грамотность и защищённость офицеров, курсантов войск национальной гвардии играют существенную роль в укреплении их патриотического мировоззрения и воспитания как уверенности в завтрашнем дне. Осознание того, что государство заботится о защите их прав, приумножает их веру в справедливость и важность своей профессии и службы.

Все эти меры лягут в прочную основу формирования патриотического мировоззрения военнослужащих, готовых выполнять свои обязанности и противостоять современным внешним информационным угрозам, сохраняя верность своим патриотическим убеждениям и ценностям.

Список источников

1. Кадилина О. А. Технологии суггестивной лингвистики в интернет-коммуникациях // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2023. Т. 12, № 4. С. 80–86.
2. Самамбетова Г. Н. Анализ отражения англоязычными СМИ специальной военной операции на Украине / Г. Н. Самамбетова, Е. М. Торбик // Креативная лингвистика: сборник научных статей. Вып. 6. Астрахань:, 2023. С. 69–74.
3. Медушевский А. Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования (Часть 1) // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 2(19). С. 85–98.
4. Патрина К. Р. Информационная война как способ манипуляции сознанием: лингвистический аспект // Личность. Общество. Государство: проблемы развития и взаимодействия: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Краснодар, 29 марта – 02 апреля 2024 года. Краснодар: «Перспективы образования», 2024. С. 356–360.
5. Цыганков С. В. Технологии формирования образа врага в информационно-психологическом противоборстве (на примере специальной военной операции на Украине) / С. В. Цыганков, Ю. М. Караяни, А. Г. Караяни // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2(27). С. 137–146.
6. Шленков А. В. Дискредитация использования Вооруженных сил России в СМИ как гибридная война против России // Без срока давности: к 80-летию Нюрнбергского судебного процесса над нацистскими преступниками: сборник научных трудов всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 20–21 ноября 2025 года. СПб. : Академия войск национальной гвардии, 2025. С. 216–219.
7. Кочин А. А. Педагогическое творчество преподавателя ведомственной образовательной организации высшего образования в процессе формирования устойчивости курсантов к влиянию экстремистской пропаганды / А. А. Кочин, А. П. Шарухин, Т. Г. Шарухина // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 2(64). С. 93–96.
8. Шленков А. В. Современное общество и патриотическое воспитание молодежи // Патриотизм: вчера, сегодня, завтра (ко Дню защитника Отечества): сборник научных статей II Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 22 февраля 2024 года. Саратов: СВИ войск национальной гвардии, 2024. С. 167–172.
9. Герейханов Х. Х. Особенности ценностных ориентаций военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии / Х. Х. Герейханов, А. Г. Караяни // Российский военно-психологический журнал. 2024. № 1(3). С. 146–153.
10. Шабанов Л. В. Процессы формирования идентичности военного психолога в вузе / Л. В. Шабанов, И. А. Цуканов // Российский военно-психологический журнал. 2023. № 2(2). С. 28–34.
11. Индык Е. С. Педагогическое обеспечение информационной безопасности курсантов военной академии (института) войск национальной гвардии Российской Федерации / Е. С. Индык, А. П. Шарухин. СПб. : Академия войск национальной гвардии, 2025. 158 с.
12. Рябцев Э. В. Возможные способы вербовки военнослужащих с целью вовлечения в экстремистские (террористические) организации // Актуальные проблемы противодействия экстремизму и терроризму на современном этапе: сборник научных статей IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Новосибирск, 25–26 февраля 2025 года. Новосибирск: НВИ войск национальной гвардии, 2025. С. 391–396.
13. Организация военно-политической (политической) работы при выполнении служебно-боевых задач в специальной военной операции: учебно-методическое пособие / А. Г. Караяни, Т. И. Султанбеков, Д. Г. Суханов [и др.]. СПб. : Академия войск национальной гвардии, 2025. 76 с.
14. Рябцев Э. В. Готовность как важнейший элемент эффективности профессиональной деятельности будущего офицера в борьбе с экстремистскими проявлениями: критерии и показатели // Альманах Пермского военного института войск национальной гвардии. 2025. № 2(18). С. 222–228.
15. Информационная безопасность в военных образовательных организациях высшего образования войск национальной гвардии Российской Федерации для профилактики идеологии терроризма / О. Л. Поминова, О. В. Гаврилов, А. М. Казимирович. СПб. : Академия войск национальной гвардии, 2024. 152 с.
16. Турчин А. С. Духовно-нравственный компонент организационной культуры военнослужащих Росгвардии // Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы: сборник научных трудов II Межведомственной научно-практической конференции с

международным участием, Санкт-Петербург, 21 октября 2025 года. СПб. : Академия войск национальной гвардии, 2025. С. 271–275.

17. Турчин А. С. Психологическое отношение к информационной безопасности у военнослужащих по контракту / А. С. Турчин, М. М. Гемуев // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2026. № 1(57). С. 530–537. EDN EREZDM.

18. Шленков А. В. Готовность общества и государства к возникающим угрозам военных действий // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции и технологии решения (Васильевские чтения – 2024): материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26–27 апреля 2024 года. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. С. 872–877.

19. Ткачук М. П. Патриотическое мировоззрение курсантов военных учебных заведений // Актуальные вопросы современного образования: региональный аспект: материалы IV региональной научно-методической конференции, Иркутск, 02 декабря 2024 года. Иркутск: ООО «Типография "Аспринт"», 2024. С. 257–260.

20. Снигирев А. Л. Процесс и система формирования государственно-патриотического мировоззрения курсантов военных вузов войск национальной гвардии Российской Федерации // Мировые научные исследования и разработки: современные достижения, риски, перспективы: материалы XIV Международной научно-практической конференции, Рязань, 30 октября 2023 года. Рязань: ООО «Издательство "Концепция"», 2023. С. 209–213.

References

1. Kadilina O. A. Technologies of suggestive linguistics in internet communications // Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika. 2023. Vol. 12;4: 80–86. (In Russ.).

2. Samambetova G. N. Analysis of how English-language media portray the special military operation in Ukraine. / G. N. Samambetova, E. M. Torbik // Kreativnaya lingvistika: sbornik nauchnyh statej. Vyp. 6. Astrahan':, 2023. S. 69–74. (In Russ.).

3. Medushevskij A. N. Cognitive Warfare: Social Control, Mind Control, and a Tool for Global Dominance (Part 1) // Voprosy teoreticheskoj ekonomiki. 2023;2(19): 85–98. (In Russ.).

4. Patrina K. R. Informacionnaya vojna kak sposob manipulyacii soznaniem: lingvisticheskij aspekt // Lichnost'. Obshchestvo. Gosudarstvo: problemy razvitiya i vzaimodejstviya: sbornik statej Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Krasnodar, 29 marta – 02 aprelya 2024 goda. Krasnodar: «Perspektivy obrazovaniya», 2024. S. 356–360. (In Russ.).

5. Cygankov S. V. Technologies for shaping the image of the enemy in information and psychological warfare (using the example of the special military operation in Ukraine) / S. V. Cygankov, YU. M. Karayani, A. G. Karayani // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;2(27): 137–146. (In Russ.).

6. SHlenkov A. V. Diskreditaciya ispol'zovaniya Vooruzhennyh sil Rossii v SMI kak gibridnaya vojna protiv Rossii // Bez sroka davnosti: k 80-letiyu Nyurnbergskogo sudebnogo processa nad nacistskimi prestupnikami: sbornik nauchnyh trudov vserossijskoj nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 20–21 noyabrya 2025 goda. SPb. : Akademiya vojsk nacional'noj gvardii, 2025. S. 216–219. (In Russ.).

7. Kochin A. A. The pedagogical creativity of a teacher at a departmental higher education institution in the process of building cadets' resilience to the influence of extremist propaganda. / A. A. Kochin, A. P. SHaruhin, T. G. SHaruhina // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2021;2(64): 93–96. (In Russ.).

8. SHlenkov A. V. Sovremennoe obshchestvo i patrioticheskoe vospitanie molodezhi // Patriotizm: vchera, segodnya, zavtra (ko Dnyu zashchitnika Otechestva): sbornik nauchnyh statej II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Saratov, 22 fevralya 2024 goda. Saratov: SVI vojsk nacional'noj gvardii, 2024. S. 167–172. (In Russ.).

9. Gerejhanov H. H. Features of the value orientations of military personnel (employees) of the National Guard troops / H. H. Gerejhanov, A. G. Karayani // Rossijskij voenno-psihologicheskij zhurnal. 2024;1(3): 146–153. (In Russ.).

10. SHabanov L. V. The processes of identity formation of a military psychologist at a university. / L. V. SHabanov, I. A. Cukanov // Rossijskij voenno-psihologicheskij zhurnal. 2023;2(2): 28–34. (In Russ.).

11. Indyk E. S. Pedagogicheskoe obespechenie informacionnoj bezopasnosti kursantov voennoj akademii (instituta) vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii / E. S. Indyk, A. P. SHaruhin. SPb. : Akademiya vojsk nacional'noj gvardii, 2025. 158 s. (In Russ.).

12. Ryabcev E. V. Vozmozhnye sposoby verbovki voennosluzhashchih s cel'yu vovlecheniya v ekstremistskie (terroristicheskie) organizacii // Aktual'nye problemy protivodejstviya ekstremizmu i terrorizmu na sovremennom etape: sbornik nauchnyh statej IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Novosibirsk, 25–26 fevralya 2025 goda. Novosibirsk: NVI vojsk nacional'noj gvardii, 2025. S. 391–396. (In Russ.).

13. Organizaciya voenno-politicheskoj (politicheskoj) raboty pri vypolnenii sluzhebno-boevyh zadach v special'noj voennoj operacii: uchebno-metodicheskoe posobie / A. G. Karayani, T. I. Sultanbekov, D. G. Suhanov [i dr.]. SPb. : Akademiya vojsk nacional'noj gvardii, 2025. 76 s. (In Russ.).

14. Ryabcev E. V. Readiness as the most important element of the effectiveness of a future officer's professional activity in combating extremist manifestations: criteria and indicators. // Al'manah Permskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2025;2(18): 222–228. (In Russ.).

15. Informacionnaya bezopasnost' v voennyh obrazovatel'nyh organizaciyah vysshego obrazovaniya vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii dlya profilaktiki ideologii terrorizma / O. L. Pominova, O. V. Gavrilov, A. M. Kazimirovich. SPb. : Akademiya vojsk nacional'noj gvardii, 2024. 152 s. (In Russ.).

16. Turchin A. S. Duhovno-nravstvennyj komponent organizacionnoj kul'tury voennosluzhashchih Rosgvardii // Zashchita gosudarstvennosti: istoricheskoe nasledie i sovremennye vyzovy: sbornik nauchnyh trudov II Mezhvedomstvennoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Sankt-Peterburg, 21 oktyabrya 2025 goda. SPb. : Akademiya vojsk nacional'noj gvardii, 2025. S. 271–275. (In Russ.).

17. Turchin A. S. The psychological attitude towards information security among contract military personnel. / A. S. Turchin, M. M. Gemuev // CHelovecheskij faktor: Social'nyj psiholog. 2026;1(57): 530–537. (In Russ.).

18. SHlenkov A. V. Gotovnost' obshchestva i gosudarstva k voznikayushchim ugrozam voennyh dejstvij // Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii i tekhnologii resheniya (Vasil'evskie chteniya – 2024): materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Sankt-Peterburg, 26–27 aprelya 2024 goda. SPb. : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2024. S. 872–877. (In Russ.).

19. Tkachuk M. P. Patrioticheskoe mirovozzrenie kursantov voennyh uchebnyh zavedenij // Aktual'nye voprosy sovremennogo obrazovaniya: regional'nyj aspekt: materialy IV regional'noj nauchno-metodicheskoj konferencii, Irkutsk, 02 dekabrya 2024 goda. Irkutsk: OOO «Tipografiya "Asprint"», 2024. S. 257–260. (In Russ.).

20. Snigirev A. L. Process i sistema formirovaniya gosudarstvenno-patrioticheskogo mirovozzreniya kursantov voennyh vuzov vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii // Mirovye nauchnye issledovaniya i razrabotki: sovremennye dostizheniya, riski, perspektivy: materialy XIV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Ryazan', 30 oktyabrya 2023 goda. Ryazan': OOO «Izdatel'stvo "Koncepciya"», 2023. S. 209–213. (In Russ.).

Информация об авторе

А. В. Шленков *– доктор психологических наук, профессор*

Information about the author

A. V. Shlenkov *– Doctor of Sciences (Psychology), Professor*

Статья поступила в редакцию 30.05.2026;
одобрена после рецензирования 20.09.2026;
принята к публикации 28.09.2026.

The article was submitted 30.05.2026;
approved after reviewing 20.09.2026;
accepted for publication 28.09.2026.

Научная статья

УДК 37.01

НОВАЯ ПАРАДИГМАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Валентина Владимировна Горшкова
Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
vvgorshkova@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка дать характеристику и раскрыть сущность содержания новой парадигмы педагогического мышления как активного отражения объективной педагогической реальности. Обозначены и раскрыты методологические подходы (ноосферный, диалектический, социально-прогностический), определяющие педагогику как науку о развитии человека, его достоинстве и признании субстанцией образования. Показана необходимость разработки новых критериев педагогического творчества и инновационных показателей культуры развивающегося педагогического мышления как фактора активно проявляющихся созидательных сил субъектов образования и воспитания.

Ключевые слова: педагогическое мышление, методологические подходы, педагогика как наука о развитии человека, критерии педагогического творчества, инновационные показатели педагогического мышления, созидательный потенциал субъектов образовательного процесса

Для цитирования: Горшкова В.В. Новая парадигмальная характеристика педагогического мышления // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 259–266. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/027.pdf.

Original article

A NEW PARADIGMATIC CHARACTERISTIC OF PEDAGOGICAL THINKING

Valentina V. Gorshkova
Academy of National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
vvgorshkova@yandex.ru

Abstract. The article attempts to characterize and reveal the essence of the content of the new paradigm of pedagogical thinking as an active reflection of objective pedagogical reality. Methodological approaches (noospheric, dialectical, socio-prognostic) that define pedagogy as the science of human development, its dignity and recognition as the substance of education are outlined and disclosed. The necessity of developing new criteria for pedagogical creativity and innovative indicators of the culture of developing pedagogical thinking as a factor of actively manifesting creative forces of subjects of education and upbringing is shown.

Keywords: pedagogical thinking, methodological approaches, pedagogy as a science of human development, criteria of pedagogical creativity, innovative indicators of pedagogical thinking, creative potential of subjects of the educational process

For citation: Gorshkova V.V. A new paradigmatic characteristic of pedagogical thinking. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36): 259–266. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/027.pdf.

© Горшкова В.В., 2026

Введение

Современный этап развития общества характеризуется глубокими трансформациями, затрагивающими все сферы человеческой жизнедеятельности, включая образование. В этих условиях педагогическая наука призвана не только адекватно реагировать на вызовы времени, но и выступать в роли активного творца новых образовательных практик, способных опережать актуальные социальные запросы и формировать будущее. Ключевым элементом такого преобразования становится педагогическое мышление, понимаемое как выс-

шая форма активного отражения объективной педагогической реальности. Однако существующие подходы к его характеристике зачастую не в полной мере раскрывают его парадигмальную природу и созидательный потенциал в условиях новой культурно-информационной эпохи. В связи с этим возникает насущная потребность в переосмыслении его сущности, структуры и функций через призму современных методологических подходов.

Цель данной статьи заключается в раскрытии новой парадигмальной характеристики педагогического мышления, определяемой ноосферным, диалектическим и социально-прогностическим подходами, а также в обосновании необходимости разработки новых критериев и инновационных показателей для оценки педагогического творчества как фактора развития созидательных сил всех субъектов образовательного процесса.

Основные положения

Педагогическая наука – это такая наука, которая, изучая закономерности «макро» и «микро» социума, ищет и создает принципиально новые направления в развитии материальной и духовной культуры общества. Передовая педагогическая наука призвана не столько «плестись в хвосте» (Л. С. Выготский) в практике, не столько идти на поводу опыта, сколько самой создавать новые направления в развитии образования и воспитания как элементов культуры и этим изменять социальный уклад общества [11]. В свое время Питирим Сорокин понимал педагогику как «способ альтруистической трансформации человеческого общества» [10]. Мы считаем возможным и правомерным говорить о новом предмете педагогической науки и о педагогическом мышлении с позиции развития субъектности как педагога, так и обучающихся. Педагогическое мышление – это высшая форма активного отражения объективно-педагогической реальности [9].

Педагогическое мышление – социально-педагогический феномен, особая форма духовной активности субъекта, связанная с его теоретической и практической деятельностью. Педагогическое мышление возникает и развивается в процессе профессиональной деятельности педагога и обучающихся и обеспечивает опосредованное отражение образовательного процесса, имеет социальную природу по особенностям возникновения, способам функционирования и результатам.

Новое педагогическое мышление – это опережающая, творческая, инновационная форма отражения реального педагогического процесса в теории и практике, состоящая в целенаправленном и обобщающем познании субъектом существенных педагогических связей и отношений, в инициативном созидании новых педагогических идей и концепций, в прогнозировании педагогических явлений, действий, новообразований и идей. Новое педагогическое мышление предполагает содержательное раскрытие ноосферного, диалектического, социально-прогностического подходов в педагогике [13; 14].

Педагогика как наука при данном предмете наконец-то доходит до подлинного человека. Человеческое мышление в процессе развития своей структуры и содержания, его основ, углубленных в историю образования и его качественные результаты, возвышаются над детерминизмом количественных параметров деятельности [2; 12].

Разработка образовательных программ и моделей образуется исходя из различного взаимодействия общества и природы и сознательно планомерно организованного взаимодействия биосферы и ноосферы. Именно ноосферный подход обеспечивает проявление действенного социального оптимизма, который является субстанцией веры в разум и возможности человека [14; 15]. Именно вера поставит человека в гармонию с природой и обществом, возвысит человеческую душу над природными и общественными силами, которые должны ему подчиниться, что может спасти человечество от технизации духа [16]. Вера является источником освобождения человека, и человечество должно принять ее в процессе своего жизнетворчества. Истина о человеке, о его достоинстве и признании должна стать субстанцией образования.

В развитии отечественной культуры, в таком её структурном элементе, как образование и воспитание, возможна не только эволюционизация в процессе ее динамического функционирования, но и приостановка, и даже обратный ход развития, то есть ее деградация. Условиями, не допускающими вырождение образования как элемента культуры, являются [3; 6; 7; 12]:

- актуализация социальных условий для умственной, нравственной, физической, трудовой деятельности личности;
- гармонизация содержания, форм и методов педагогической деятельности, ос-

нованных на приоритете доминирующих способностей педагога и обучающихся.

Задача содержания образования в контексте ноосферного подхода – связать разные фазисы развития природы и общества с общими законами природной и человеческой цивилизации. В контексте ноосферного подхода особым образом актуализируется проблема гуманитаризации образования. Составными частями гуманитаризации образования являются антропология (вера в самого человека, в гуманную человеческую сущность), вера во все силы человеческого разума, вера в бесконечность и неиссякаемость человеческой жизни [4; 5; 13].

В общем отношении человека к миру интегрируются два типа отношений: первый – научно-теоретическое отношение, второй – духовно-практическое. При целостном отношении к действительности первый есть значительный, но частный элемент второго типа отношений.

Ограниченность научно-теоретического аспекта мышления как особой исторической формы объясняется тем, что категории бытия сводятся зачастую только к материальности. Вместе с этим происходит выключение из бытия субъектов-людей, и естественно, с ними и тех функциональных свойств вещей, которые присущи «человеческим предметам», «человеческим отношениям». Духовно-практическое отношение человека к миру – непосредственное целостное отношение, в котором мышление и чувственная сфера не разъединены и окружающий мир воспринимается человеком как непосредственно свой мир, как продолжение своего «я» [17; 19; 20]. В духовно-практическом отношении знания о мире выступают в форме причастности человека к этому миру, как к единоприродному с ним. Духовно-практическая деятельность человека эквивалентна теоретической, как две стороны диалектического противоречия. Следовательно, существует мир нравственных ориентаций, человеческих эмоций, являющихся личностными и общечеловеческими. Чувственно-эмоциональное познание мира является такой же сферой всеобщности, как и существование мысли. Оно происходит в различной степени общности, присущей абстрактному, логическому и научно-теоретическому мышлению [18].

Гуманитаризация образования в условиях образовательных организаций, в том числе и высшей школы. В основном раскрывается в содержательном потенциале художественных дисциплин, литературы, языков, истории. Именно данный подход может обеспечить подход к педагогике как к искусству [1; 8; 10]. И поэтому его структурными компонентами становятся: культура природы человека через постижение художественных и исторических образов; рассмотрение человеческих деяний как продолжение деяний рода человеческого; сосредоточение внимания на понятии личности, индивидуализируемой через процессы социализации внутри общественно-исторического контекста. В этом смысле гуманитаризация педагогики является продолжением учения об индивидуальности в ее первомотивном употреблении в отличие от дескриптивного смысла «единичности» [12; 13].

Выбор событий, фактов бытия, заслуживающих внимания и отсечения определенных подробностей, принадлежит полностью педагогу и зависит от его интереса, научного знания и отношения к изучаемому явлению. Очевидно, что у педагога возникает немало проблем с развитием собственного исторического сознания, преодолением противоречивости и в становлении себя как культурно-исторического субъекта, как подлинно нравственной личности.

Идентичные проблемы гуманитаризации образования требуют своего решения в преподавании курса литературы, где распространено господство научно-теоретического подхода. Особое место в курсе литературы должна занимать свободная интерпретация содержания художественных первоисточников, а не типологический разбор образов героев [9].

В новую культурно-информационную эпоху требуется более напряжённая духовность, причём духовность внутренняя, более свободная от «социальных внушений». Технический цикл, являясь адептом технической цивилизации, по существу своему имперсонален. Он не направлен на личность, и поэтому восстановление через него иерархии ценностей – есть ограничение власти техницизма. Путь окончательного освобождения человека и окончательного осуществления его призвания – есть путь в пространство метазнания и понимания его всесилия.

Диалектический подход в педагогике означает применение метода творчески познающего мышления. Диалектика в образовательном процессе выступает как теория и метод, как методология творчества в целом. Основные причины диалекти-

ки образовательного процесса состоят во всеобщей связи становления, развития, обучения и воспитания, которые осмысливаются с помощью методов и систем педагогических категорий [8; 19].

Образование и воспитание при диалектическом подходе представляются в виде целостного процесса в беспрерывном движении, изменении при образовании и развитии. Диалектический подход означает формирование логики педагогического процесса и рассматривает ее как начальную стадию развития педагогического мышления. Диалектический анализ образовательного процесса вскрывает как положительно-созидательную, так и разрушительную сторону педагогического процесса, утверждая единство как преходящих, так и существующих его скрытых потенциалов и перспектив [13; 14].

Осуществление диалектического подхода в педагогике предполагает: индивидуализацию образовательного процесса, развитие межиндивидуального потенциала отношений участников образовательного процесса; функциональное взаимодействие образования и воспитания и выделение приоритетных направлений в соответствии с индивидуальными особенностями субъектов образования; анализ противоречий педагогического процесса с их классификацией по принципу прогрессивности и регрессивности.

Свобода развития и опережающие временные перспективы воплощения творческого потенциала личности в известном смысле непредсказуемы, а следовательно, не сообразуются с действующими нормами педагогического управления и контроля. Творчество в педагогике не может задаваться и тем более контролироваться извне административно-управленческим аппаратом, ибо творческая личность независима в силу своей ответственности от чьих-либо нормативных оценок, суждений, характеристик.

Вместе с этим, творческий процесс прогностически тенденциозен, так как преодолевает существующие нормы и условия социального бытия, что неизбежно влечёт за собой различного рода стандартов столкновения, непринятия как автора творческой идеи, так и самой идеи. Поэтому не исключаются регрессии и деформации в развитии педагогического мышления, скатывания на путь невольного или сознательного отрицания поиска творческих идей и способов их реализации [11].

Таким образом, происходит возврат на нормативные позиции манипуляционно отработанного методического инструментария. При этом очевидно, что потенциально закладываются и наращиваются социальные, творческие и человеческие потери в обществе.

Учитывая, что творческий принцип профессиональной деятельности ограничивался в своей реализации, социальный статус инициативного педагога до настоящего времени занимает достаточно противоречивое положение в процессе выполнения требуемых социальных и педагогических директив. В связи с этим необходима разработка новых критерий педагогического мышления и инновационных показателей диалектически развивающегося педагогического мышления. Это даст возможность оценке творчества не столько с позиции его исключительности, сколько с позиции ведущего фактора, формирующего социальный заказ общества.

Процесс революционизации личности создает условия для самореализации творца-учителя и творца-ученика, для самосоциализации педагогических кадров, для развития культуры педагогического мышления как целостности и естественно проявляющихся творческих сил и возможностей субъектов образования и воспитания.

Критерии и показатели педагогического творчества [12; 19]:

1. Конструктивность творческой деятельности. Показатели: индивидуализация передового педагогического опыта; самоосознанность целеполагания в творчестве, инициативно-приоритетный выбор средств педагогической деятельности в зависимости от способности педагога, ценностные ориентации на внедрение творческих идей в системе образования.

2. Инновационность творческой деятельности. Показатели: неудовлетворенность степенью развития педагогической мысли и мерой творческой деятельности; опережающее видение противоречий педагогического процесса и их классификации; определение путей их ликвидации; актуализация потребностей отрицания достигнутого уровня творческой деятельности педагога; всемерно возрастающая субъектная ответственность за развитие собственных творческих сил и творческих возможностей других субъектов; процессуальное накопление и постоянное осмысление опыта творческой деятельности как фактора ка-

чественного изменения педагогического мышления.

Педагогический процесс – логика целостного и целесообразного развертывания совместной деятельности его участников. В этом процессе целеполагающую функцию в деятельности может осуществлять личность, способная отличать себя от собственной деятельности, способная видеть свою деятельность со стороны [11; 17]. Диалектическое отношение личности ученика и личности учителя к себе и результатам своей деятельности предполагает реализацию в процессе их совместного труда, исторических форм общения друг с другом, то есть включение в диалог, обеспечивающий целесообразное изменение предмета их деятельности. В этом диалоге момент активного отрицания не менее существенный, чем момент принятия, так как процесс освоения культуры субъектом – есть прежде всего процесс критического отношения к собственным суждениям, идеям, позициям в формах существующей культуры. Личность педагога выходит за пределы своей деятельности, поскольку она одновременно и деятельность ученика, то есть поскольку она – общение. Диалектический способ педагогического мышления развёртывается в логике предметного творчества и органически сочетающегося с ним межсубъектного творчества, со способностями к такому творчеству. Результирующая ориентация педагогического процесса в контексте прогрессивно развивающихся форм общения является не направленность на определённый уровень и заданный предел круга деятельности, а способность к самосубстанционированию. В этом случае участники педагогического процесса выступают как действующие субъекты собственного развития и изменения. В таком подходе к проблеме образование и воспитание приобретают особую роль в истории развития общества, занимая приоритетное положение в социальном производстве в целом [10; 20].

Прогностический подход к педагогике носит индикативный характер. Есть смысл говорить о разработке вероятностного представления о предельных и идеальных состояниях педагогического мышления и альтернативных путях его развития. Применительно к процессу педагогического мышления следует рассматривать классификацию социально-педагогического прогнозирования по следующим типам: поисковый и нормативный. Поисковый тип характеризуется оценкой перспективных тенденций развития педагогического мышления. Нормативный тип направлен на определение путей желательного состояния педагогического мышления в будущем [12].

Социально-педагогическое прогнозирование включает опережающее развитие нового педагогического мышления, обеспечивающего формирование социального заказа в образовательной сфере, рассматривая педагогическое мышление как контекстуальный элемент социальной культуры. Субстанциональная ценность педагогического мышления – личность современного ученика и личность современного педагога. Средством достижения этой ценности является развитие сущностных сил личности в ансамбле ее потребностей и способностей. Индикативность социально-педагогического прогнозирования направлена на практическую реализацию в системе образования многообразия социально-государственных форм. Такая прогностическая основа в системе образования позволит формировать группы одаренных детей по интересам, по диагностируемым потребностям и способностям, а также позволит реализовать творческий потенциал учителя в педагогической деятельности с данными группами. Это даст основание для творческой приоритетности во внедрении инициативных педагогических идей и снимет условия, объективно тормозящие творческую деятельность педагога. В этом случае такой подход способствует превращению субъектов образовательного процесса в авторов и соавторов, каждого из них в равноценного соучастника педагогического процесса [9; 10].

Развитие нового педагогического мышления предполагает свободу выбора педагогом различных концептуальных моделей и теорий. Свобода выбора предусматривает направленность её на личность педагога и личность ученика [12; 20].

Определение путей желательного состояния образования разрабатывается когнитивными методами. Предусматривается их вариация по двум основным типам: знания, получаемые через непосредственное ознакомление с объектом и субъектом педагогической деятельности; знания, получаемые в анализе и рассуждении. Первый тип мы рассматриваем как форму наблюдения, ознакомления с эмпирическим материалом, который должен получить интерсубъектное выражение. Второй тип градируется по двум подтипам: построение модели дедуктивно неоспоримо-

го рассуждения; знания, полученные посредством рефлексии, основанные на феноменологической очевидности [12; 14; 17].

Аксиоматично, что основы развития новой парадигмы педагогического мышления формируются в условиях современной высшей педагогической школы. В самом общем подходе ценность образования в высшей школе должна быть ориентирована на изучение конкретных фундаментальных наук, преподаванию которых посвящают свою деятельность будущие учителя. И именно наук, а не методик их изучения и преподавания, которые в известном смысле деформируют диалектический подход педагогики или низводят его на уровень схоластической диалектики [10; 16].

Такой подход к образованию будет обеспечивать реализацию социальной функции образовательного процесса и будет направлен на реальное становление, то есть распредмечивание человеческого фактора в процессе развития нового педагогического мышления. Движущими силами развития содержания образования тогда в педагогическом вузе выступят противоречия между существующими сущностными представлениями о науке и ее достижениях в настоящее время. И именно фундаментальные знания преподаваемого предмета должны вывести педагога на конкретный поиск новых форм реализации в его практической деятельности.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд принципиальных выводов, раскрывающих сущность новой парадигмы педагогического мышления:

1. Педагогическое мышление выступает не как пассивное восприятие реальности, а как активная, опережающая и творческая сила, способная преобразовывать педагогическую практику и формировать новый социальный уклад. Его развитие является ключевым условием перехода от репродуктивной образовательной модели к креативной и гуманистической.

2. Методологическим каркасом новой парадигмы выступили ноосферный, диалектический и социально-прогностический подходы. Ноосферный подход актуализирует задачу гармонизации отношений человека, природы и общества, делая субстанцией образования веру в разум и достоинство личности. Диалектический подход раскрывает педагогический процесс как целостный, динамичный и противоречивый, требующий от педагога творческого метода познания и способности к диалогу. Социально-прогностический подход нацелен на проектирование желаемых состояний образования и разработку альтернативных путей его развития.

3. Существенным условием реализации новой парадигмы является глубокая гуманитаризация образования, позволяющая преодолеть ограниченность сугубо научно-теоретического отношения к миру и восстановить целостность духовно-практического опыта личности через приобщение к художественным и историческим образам.

4. Для оценки и развития педагогического мышления необходима разработка новых критериев и показателей, сфокусированных не на исключительности, а на системной оценке педагогического творчества. К ним отнесены конструктивность и инновационность творческой деятельности, включающие такие показатели, как индивидуализация опыта, опережающее выявление и разрешение противоречий, а также растущая субъектная ответственность педагога.

5. Реализация новой парадигмы требует создания соответствующей экономико-организационной основы в системе образования, предполагающей развитие вариативных форм финансирования и управления (аренда, кооперация, спонсорство). Это позволит формировать группы обучения по интересам и способностям и максимально раскрывать творческий потенциал как педагога, так и обучающегося.

Таким образом, новая парадигмальная характеристика педагогического мышления открывает путь к превращению участников образовательного процесса в подлинных субъектов своего развития, авторов и соавторов педагогического процесса, что в конечном итоге определяет приоритетную роль образования в социальном производстве будущего.

Список источников

1. Алехин И. А. Теоретико-методологические основы военно-патриотического воспитания нового поколения защитников России / И. А. Алехин, И. В. Богданов // Мир образования – образование в мире. 2025. № 1(97). С. 39–47.

2. Бабичев А. М. Духовно-нравственное воспитание курсантов военных институтов войск национальной гвардии российской Федерации на традициях российской армии // Мир университетской науки: культура, образование. 2023. № 2. С. 62–69.

3. Бабичев А. М. Профессиональное воспитание курсантов военных институтов войск национальной гвардии Российской Федерации на патриотических, идейно-ценностных основах // Мир университетской науки: культура, образование. 2022. № 6. С. 65–71.

4. Бабичев А. М. Технология мировоззренческой позиции личной ответственности за выполнение служебно-формирующих задач у курсантов ЦПЛС Росгвардии на основе персонифицированного кабинета // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2025. № 2. С. 138–157.

5. Богданов И. В. Анализ патриотического воспитания современной молодежи Скандинавии и охвата стран Европы // Мир образования – образование в мире. 2023. № 4(92). С. 85–96.

6. Богданов И. В. Система военно-патриотического воспитания современной молодежи: направленность, содержание, планируемые результаты (на примере Арктического региона Кольского Заполярья) // Мир образования – образование в мире. 2024. № 1(93). С. 37–48.

7. Бороненко Т. А. Полипарадигмальность как гармоничное сочетание образовательных моделей современной педагогики Росгвардии / Т. А. Бороненко, А. П. Шарухин // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2024. № 2. С. 107–117.

8. Голосова С. В. Основные парадигмы современной педагогической науки / С. В. Голосова, Л. П. Федоренко // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. № 3. С. 36–40.

9. Горшкова В. В. Прогностические ориентиры развития преподавателя высшей школы в процессе профессионально-педагогической деятельности // Человек и образование. 2025. № 1(82). С. 21–30.

10. Горшкова В. В. Осмысление педагогической системы А. С. Макаренко в контексте современного образования // Человек и образование. 2024. № 1(78). С. 119–122.

11. Горшкова В. В. Развитие личности в трудных жизненных обстоятельствах в контексте антропологической парадигмы // Человек и образование. 2022. № 2(71). С. 64–70.

12. Горшкова В. В. Философско-педагогическое осмысление образования человека в условиях высшей школы // Педагогика. 2021. Т. 85. № 4. С. 17–25.

13. Горшкова В. В. Проблемы образования и жизнедеятельности человека в контексте цифровой цивилизации // Человек и образование. 2020. № 2(63). С. 29–35.

14. Николаева Н. В. Проблема методологического единства в современной философско-педагогической парадигме // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. № 3. С. 183–189.

15. Попкова Н. В. Оценка взаимосвязи техносферы и ноосферы // Успехи современного естествознания. 2007. № 9. С. 22–24.

16. Шелкунова Т. В. Формирование педагогического мышления будущих учителей в условиях современного образования / Т. В. Шелкунова, Т. Ю. Артюхова // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 75-4. С. 408–410.

17. Шарухин А. П. Педагогические парадигмы образования в военных институтах Росгвардии: постановка вопроса // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2023. № 4(218). С. 465–469.

18. Шарухин А. П. Методология педагогики высшей школы войск национальной гвардии Российской Федерации: феноменологическая рефлексия // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2023. № 4(71). С. 72–77.

19. Шарухин А. П. Военная педагогика: учебник для военных вузов. Питер. 2017. 576 с.

20. Шутько Д. В. Развитие методологии военной педагогики / Д. В. Шутько, В. В. Дудулин // Мир образования – образование в мире. 2025. № 1(97). С. 84–90.

References

1. Alekhin I. A. Theoretical and Methodological Foundations of Military-Patriotic Education for the New Generation of Russia's Defenders / I. A. Alekhin, I. V. Bogdanov // Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire. 2025;1(97): 39–47. (In Russ.).

2. Babichev A. M. Spiritual and moral education of cadets of military institutions of the National Guard of the Russian Federation based on the traditions of the Russian army // Mir universitetskoj nauki: kul'tura, obrazovanie. 2023;2: 62–69. (In Russ.).

3. Babichev A. M. Professional education of cadets at military institutes of the National Guard of the Russian Federation based on patriotic, ideological, and value foundations // Mir universitetskoj nauki: kul'tura, obrazovanie. 2022;6: 65–71. (In Russ.).

4. Babichev A. M. Technology of the worldview position of personal responsibility for the performance of service-forming tasks by Rosgvardia Cadets of the Central Police Academy based on a personalized cabinet // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2025;2: 138–157. (In Russ.).

5. Bogdanov I. V. Analysis of the patriotic education of modern youth in Scandinavia and the coverage of European countries // Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire. 2023;4(92): 85–96. (In Russ.).

6. Bogdanov I. V. The system of military-patriotic education of modern youth: focus, content, and planned results (based on the Arctic region of the Kola Peninsula)// Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire. 2024;1(93): 37–48. (In Russ.).

7. Boronenko T. A. Polyparadigmality as a harmonious combination of educational models in modern pedagogy / T. A. Boronenko, A. P. SHaruhin // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2024;2: 107–117. (In Russ.).

8. Golosova S. V. The main paradigms of modern pedagogical science / S. V. Golosova, L. P. Fedorenko // Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Koncept». 2016;3: 36–40. (In Russ.).

9. Gorshkova V. V. Predictive Guidelines for the Development of a Higher Education Teacher in the Process of Professional and Pedagogical Activity // CHelovek i obrazovanie. 2025;1(82): 21–30. (In Russ.).

10. Gorshkova V. V. Understanding A. S. Makarenko's Pedagogical System in the Context of Modern Education // CHelovek i obrazovanie. 2024;1(78): 119–122. (In Russ.).

11. Gorshkova V. V. Personal development in difficult life circumstances in the context of the anthropological paradigm // CHelovek i obrazovanie. 2022;2(71): 64–70. (In Russ.).

12. Gorshkova V. V. Philosophical and Pedagogical Understanding of Human Education in Higher Education Institutions // Pedagogika. 2021. Vol. 85;4: 17–25. (In Russ.).

13. Gorshkova V. V. Problems of education and human life in the context of digital civilization // CHelovek i obrazovanie. 2020;2(63): 29–35. (In Russ.).

14. Nikolaeva N. V. The Problem of Methodological Unity in the Modern Philosophical and Pedagogical Paradigm // Psihologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatel'nosti. 2021;3: 183–189. (In Russ.).

15. Popkova N. V. Assessment of the relationship between the technosphere and the noosphere // Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya. 2007;9: 22–24. (In Russ.).

16. SHelkunova T. V. Formation of the Pedagogical Thinking of Future Teachers in the Context of Modern Education / T. V. SHelkunova, T. YU. Artyuhova // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2022;75-4: 408–410. (In Russ.).

17. SHaruhin A. P. Pedagogical Paradigms of Education in Military Institutes of the National Guard: Formulating the Issue // Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta. 2023;4(218): 465–469. (In Russ.).

18. SHaruhin A. P. Methodology of Higher Education Pedagogy in the National Guard of the Russian Federation: Phenomenological Reflection // Novoe v psihologo-pedagogicheskih issledovaniyah. 2023;4(71): 72–77. (In Russ.).

19. SHaruhin A. P. Voennaya pedagogika: uchebnik dlya voennyh vuzov. Piter, 2017. 576 s. (In Russ.).

20. SHut'ko D. V. Development of the methodology of military pedagogy / D. V. SHut'ko, V. V. Dudulin // Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire. 2025;1(97): 84–90. (In Russ.).

Информация об авторе

В. В. Горшкова *– доктор педагогических наук, профессор*

Information about the author

V. V. Gorshkova *– Doctor of Sciences (Pedagogical), Professor*

Статья поступила в редакцию 27.05.2026;
одобрена после рецензирования 30.08.2026;
принята к публикации 28.09.2026.

The article was submitted 27.05.2026;
approved after reviewing 30.08.2026;
accepted for publication 28.09.2026.

Научная статья

УДК 355.01:321

НАУЧНЫЕ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ, ВНЕСШИЕ СУЩЕСТВЕННЫЙ ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ: ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Владимир Петрович Киришко
Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
kivp13@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится историко-политологический анализ вклада ключевых деятелей в становление и развитие системы военно-политической работы. Рассматриваются теоретические концепции и практические подходы, предложенные мыслителями и военачальниками различных эпох – от античности до Нового времени. Исследование демонстрирует эволюцию понимания роли морального духа, идеологического обеспечения и информационного воздействия в достижении военно-политических целей. Делается вывод о том, что современная система военно-политической работы является синтезом исторического опыта, адаптированного к вызовам современности.

Ключевые слова: военно-политическая работа, моральный дух, военная теория, идеология, пропаганда, идеологическое обеспечение

Для цитирования: Киришко В.П. Научные и государственные деятели, внесшие существенный вклад в развитие теории и практики военно-политической работы: историко-политологический анализ // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 267–272. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/028.pdf.

Original article

SCIENTISTS AND PUBLIC FIGURES WHO HAVE MADE A SIGNIFICANT CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF THE THEORY AND PRACTICE OF MILITARY-POLITICAL WORK: HISTORICAL AND POLITICAL ANALYSIS

Vladimir P. Kirishko
Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
kivp13@yandex.ru

Abstract. The article provides a historical and political analysis of the contribution of key fig-ures to the formation and development of the system of military-political work. It ex-amines the theoretical concepts and practical approaches proposed by thinkers and military leaders of various eras – from antiquity to the modern era. The study demon-strates the evolution of the understanding of the role of morale, ideological support, and informational influence in achieving military-political goals. The conclusion is that the modern system of military-political work is a synthesis of historical experi-ence adapted to the challenges of the present day.

Keywords: military-political work, morale, military theory, ideology, propaganda, ideological support

For citation: Kirishko V.P. Scientists and public figures who have made a significant contribution to the development of the theory and practice of military-political work: historical and political analysis. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36): 267–272. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/028.pdf.

© Киришко В.П., 2026

Введение

Военно-политическая работа (далее – ВПР) как системная деятельность, направленная на формирование высокого морально-психологического и политического состояния личного состава, обеспечение его верности определенным политическим идеалам и готовности к выполнению боевых задач, является неотъемлемым элементом военного строительства. Её истоки уходят в глубокую древность, а методы и формы эволюционируют вместе с развитием общества и технологий. Однако теоретический фундамент этой деятельности был заложен трудами выдающихся мыслителей и практиков, чьи идеи сохраняют свою актуальность и сегодня.

Целью данной статьи является анализ вклада ключевых деятелей в развитие тео-

рии и практики военно-политической работы.

Основные положения

1. Зарождение идей: античность и Средневековье. Хотя термин «военно-политическая работа» появился значительно позже, её базовые принципы были сформулированы ещё в древности.

1.1. Сунь-Цзы (VI–V вв. до н. э.), китайский стратег и мыслитель, в своём трактате «Искусство войны» впервые системно обосновал значение нематериальных факторов в войне. Он утверждал, что высшее искусство полководца – побеждать без боя, подрывая волю противника к сопротивлению через дипломатию, шпионаж и дезинформацию [1]. Он подчёркивал первостепенную роль «духа» (ци) армии, единства народа и правителя, что является прямой предтечей современных концепций морально-психологического и политического состояния и политической лояльности. Сунь-Цзы заложил основы понимания информационно-психологического воздействия.

1.2. Никколо Макиавелли (1469–1527), флорентийский философ и политический деятель, в своих работах («Государь», «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия») рассмотрел проблему взаимоотношения армии, государства и общества. Он обосновал необходимость замены наёмных войск на национальное ополчение (милицию), преданное единой идее и отечеству [2]. Эта идея легла в основу принципа, согласно которому армия должна быть проводником и защитником государственной политики. Н. Макиавелли теоретически обосновал связь между типом армии и политическим строем.

2. Классическая теоретическая база: XIX век.

Эпоха Наполеоновских войн и становления национальных государств дала мощный импульс для развития военной теории. Карл фон Клаузевиц (1780–1831), прусский генерал и военный теоретик, в фундаментальном труде «О войне» дал классическое определение войны как «продолжения политики иными, насильственными средствами» [3]. Это положение стало краеугольным камнем для понимания сущности военно-политической работы: все действия в армии должны быть подчинены достижению политических целей. Он детально проанализировал феномен «моральных величин» (к которым он относил воля commandera, доблесть войск, национальный дух), признав их решающими факторами на поле боя. Клаузевиц дал философское обоснование, подчинив военную силу политическим целям.

3. Формирование современных систем: XX–XXI в.

Период с 1900 по 2025 год, охватывающий эпохи мировых войн, холодной войны и современных гибридных конфликтов, стал ключевым для трансформации ВПР из примитивной агитации в высокотехнологичную систему управления сознанием. Анализируемый период представляет наибольший интерес для настоящего исследования.

3.1. Становление и идеологизация: основоположники системы в первой половине XX века

Лев Давидович Троцкий (1879–1940) как первый председатель Реввоенсовета Республики, несмотря на противоречивость фигуры, является ключевым организатором системы политработы в Рабоче-Крестьянской Красной Армии (далее – РККА). Именно он настоял на внедрении института военных комиссаров, которые осуществляли политический контроль над командирами из числа «военспецов» и проводили активную агитацию среди красноармейцев. Его лекции и выступления перед войсками, использование агитационных поездов и печати заложили организационные основы ВПР, основанной на принципах партийности и классового подхода.

Владимир Ильич (Ульянов) Ленин и становление партийно-политического аппарата в РККА. После Октябрьской революции 1917 года В. И. Ленин инициировал создание системы политического контроля и воспитания в РККА. Был введён институт военных комиссаров, отвечавших за политическую благонадёжность командиров и личного состава, а также за партийно-политическую работу, направленную на укрепление духа войск в условиях Гражданской войны [4].

Михаил Васильевич Фрунзе (1885–1925) – военный теоретик и реформатор, чьи идеи («Единая военная доктрина», «Фронт и тыл в войне будущего») заложили основы для советской системы военно-политической работы. Фрунзе настаивал на теснейшей связи армии с государством и обществом, на необходимости воспитания армии в духе государственной идеологии. Он теоретически обосновал необходимость милитаризации общественной жизни и тотальной мобилизации всех ресурсов, включая идеологические, для победы в будущей войне [5]. Его идеи легли в основу советской системы партийно-политической работы, которая стала образцом для многих армий мира. В. И. Ленин и М. В. Фрунзе разработали и внедрили первую в истории целостную, централизованную и идеологически детерминированную систему пар-

тийно-политической работы в массовой армии.

С 1919 по 1991 год в Союзе Советских Социалистических Республик существовало главное политическое управление Советской армии и Военно-морского флота – центральный орган военно-политического управления осуществлявший партийно-политическую работу в Вооруженных силах. Смилга И. Т., Антонов-Овсеенко В. А., Бубнов А. С., Гамарник Я. Б., Мехлис Л. З., Щербаков А. С., Кузнецов Ф. Ф., Желтов А. С., Лизичев А. Д. [6, 7] внесли неоценимый вклад в развитие военно-политической работы в Советское время, занимая различные должности в вышеуказанном органе исполнительной власти. Научное обоснование основ военно-политической работы исследовали: А. В. Барабанщиков, представил «Педагогические основы обучения советских воинов» [8], объектом научных изысканий В. Я. Слепова была «Морально-политическая и психологическая подготовка будущих офицеров ВМФ СССР» [9], Качура И. Н. исследовал «Совершенствование патриотического и интернационального воспитания воинов внутренних войск МВД СССР» [10], Познанский Д. В. «Педагогические основы совершенствования у офицеров-политработников качеств руководителя воспитательной работы в части» [11], объектом диссертационного исследования Балыкова Н. П. было «Становление и развитие профессиональной подготовки политработников в военно-учебных заведениях» [12], Бахтин В. К. исследовал «Формирование у курсантов высших военно-политических училищ навыков и умений организации воспитательной работы в подразделениях» [13] и др.

Потемкин В. П. (1874–1946), народный комиссар просвещения РСФСР, довел технологию пропаганды и психологического воздействия до высочайшего уровня [14]. Он мастерски использовал новые на тот момент технологии – радио и кинематограф – для сплочения нации, героизации подвигов, освещения злодеяний противника.

3.2. Параллельно аналогичные системы создавались и в других государствах. В армиях западных демократий в годы Второй мировой войны также действовали подразделения психологических операций (PSYOP) [15], занимавшиеся как работой с личным составом, так и пропагандой среди войск и населения противника. В нацистской Германии был создан мощный аппарат национал-социалистического воспитания в вермахте во главе с начальником управления по политической подготовке и пропаганде. Их принципы, такие как «пропаганда должна обращаться больше к чувствам, чем к разуму» и «ложь, повторенная тысячу раз, становится правдой», стали классикой теории манипуляции массовым сознанием в военных целях [16]. В странах Европы и США современная ВПР трансформировалась в концепции «управления восприятием» (Perception Management) и стратегических коммуникаций (Strategic Communications). Теоретики и практики в Пентагоне и НАТО (как, например, Дж. Наджи с его концепцией «самоорганизующейся партизанской войны»») делают фокус на работе в социальных медиа, противодействии дезинформации и создании единого информационного пространства для коалиционных действий. ВПР теперь нацелена не только на врага и своих солдат, но и на глобальную аудиторию [17].

3.3. Современный этап (с 1991 г. – н. в.) развития военно-политической работы связывают с организацией главного управления по работе с личным составом. Этот период характеризуется развитием военно-политической работы благодаря научным изысканиям: А. Г. Караяни в рамках которого представлено «Психологическое обеспечение боевых действий личного состава частей Сухопутных войск в локальных военных конфликтах» [18], Меркулов С. В. «Военно-политическая работа как эффективная педагогическая практика противодействия влиянию идеологии экстремизма на военнослужащих Росгвардии» [19], А. П. Шарухина в диссертационном исследовании на соискание ученой степени доктора педагогических наук представлено «Нормативно-уставное регулирование процесса воспитания в Вооружённых Силах Российской Федерации» [20], в монографии С. В. Чваркова описана «Система подготовки населения страны к защите Родины в условиях новой российской государственности» [21], Д. Г. Суханова в котором рассмотрен процесс «Совершенствования содержания воспитания военнослужащих ВВ МВД России» [22], Фомичев М. Н. изучал «Формирование готовности курсантов ВОУ ВПО ВВ МВД России к организации морально-психологического обеспечения служебно-боевой деятельности» [23],

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что развитие военно-политической работы представляет собой непрерывный процесс, инициированный и движимыми ключевыми деятелями своей эпохи. Современная военно-политическая работа, включающая информационные операции, патриотическое воспитание, работу с общественным мнением и под-

держание морально-психологического и политического состояния, является прямым наследником идей, выдвинутых мыслителями, учеными, руководителями органов военно-политической работы. Их наследие демонстрирует, что успех в вооружённой борьбе невозможен без победы в сфере идей, ценностей и духа.

Список источников

1. Сунь-Цзы. Искусство войны. М. : Эксмо, 2012. 256 с.
2. Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. М. : АСТ, 2017. 512 с.
3. Клаузевиц К. фон. О войне. М. : Госвоениздат, 1934. 564 с.
4. Ленин В.И. Военная переписка (1917–1922). М. : Воениздат, 1956. 387 с.
5. Фрунзе М.В. Избранные произведения. М. : Воениздат, 1957. 502 с.
6. Военная энциклопедия: в 8 т. / П. С. Грачев. М. : Воениздат, 1994. Т. 2 544 с.
7. Петров Ю. П. Строительство политорганов, патрийных и комсомольских организаций Армии и Флота. М. : Воениздат, 1968.
8. Барабанщиков А. В. Педагогические основы обучения советских воинов: в 2 т.: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.00 / Барабанщиков Александр Васильевич. М., 1968. 814 с.
9. Слепов В. Я. Морально-политическая и психологическая подготовка будущих офицеров ВМФ СССР: автореф. дис. … д-ра пед. наук: 13.00.01 / Слепов Владимир Яковлевич. Л., 1973. 41 с.
10. Качура И. Н. Совершенствование патриотического и интернационального воспитания воинов внутренних войск МВД СССР: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Качура Иван Николаевич. М., 1991. 249 с.
11. Познанский Д. П. Педагогические основы совершенствования у офицеров-политработников качеств руководителя воспитательной работы в части: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.00 / Познанский Давыд Петрович. М., 1972. 259 с.
12. Балыков Н. П. Становление и развитие профессиональной подготовки политработников в военно-учебных заведениях: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.01 / Балыков Николай Павлович. М., 1974. 229 с.
13. Бахтин В. К. Формирование у курсантов высших военно-политических училищ навыков и умений организации воспитательной работы в подразделениях: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. М., 1980. 239 с.
14. Селихов Н. Н. Воспоминания о В. П. Потемкине // Советская педагогика. 1973. № 3. С. 106–113.
15. Bartlett F. C. Psychology and the Soldier. Cambridge University Press, Cambridge, 1927.
16. Зайцов А. А. Очерки по истории мирового военного искусства. СПб. : Полигон, 2005. 560 с.
17. Erik Hedlund, Johan Österberg Team Training, Team Learning, Leadership and Psychology Safety: A Study of Team Training and Team Learning Behavior during a Swedish Military Staff Exercise. Sociology Mind Vol.3 No.1, The Swedish National Defence College, Stockholm/Karlstad, Sweden. 2013 DOI: 10.4236/sm.2013.31014.
18. Караяни А. Г. Психологическое обеспечение боевых действий личного состава частей сухопутных войск в локальных военных конфликтах: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.14 / Караяни Александр Григорьевич. М., 1998. 355 с.
19. Меркулов С. В. Военно-политическая работа как эффективная педагогическая практика противодействия влиянию идеологии экстремизма на военнослужащих Росгвардии: дис. ... канд. пед. наук: 5.8.1 / Меркулов Сергей Владимирович. СПб., 2023. 248 с.
20. Шарухин А. П. Нормативно-уставное регулирование процесса воспитания в Вооружённых Силах Российской Федерации: дис. ... д-ра пед. наук: 5.8.1 / Шарухин Анатолий Петрович. СПб., 1998. 373 с.
21. Чварков С. В. Система подготовки населения страны к защите Родины в условиях новой российской государственности. 1990–2004 годы: (исторический аспект): монография. М., 2006.
22. Суханов Д. Г. Совершенствование содержания воспитания военнослужащих ВВ МВД России: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Суханов Дмитрий Геннадьевич. СПб., 2006. 25 с.
23. Фомичев М. Н. Формирование готовности курсантов ВОУ ВПО ВВ МВД России к организации морально-психологического обеспечения служебно-боевой деятельности: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Фомичев Михаил Николаевич. Саратов, 2001. 157 с.

24. Волков В. Д. Патриархи педагогической науки Росгвардии: А. В. Барабанщиков, В. Я. Слепов / В. Д. Волков, А. П. Шарухин // Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. 2025. № 1. С. 56–63.

25. Верхотурцев Ю. Д. Специфика военно-профессионального образования / Ю. Д. Верхотурцев, Е. А. Максимова // Направления и перспективы развития образования в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации: сборник научных статей Международной научно-практической конференции, Новосибирск, ноября 2023 года. Новосибирск: НВА войск национальной гвардии, 2023. С. 88–94.

References

1. Sun'-Czy. Iskusstvo vojny. M. : Eksmo, 2012. 256 s. (In Russ.).

2. Makiavelli N. Gosudar'. Rassuzhdeniya o pervoj dekade Tita Liviya. M. : AST, 2017. 512 s. (In Russ.).

3. Klauzevic K. fon. O vojne. M. : Gosvoenizdat, 1934. 564 s. (In Russ.).

4. Lenin V.I. Voennaya perepiska (1917–1922). M. : Voenizdat, 1956. 387 s. (In Russ.).

5. Frunze M.V. Izbrannye proizvedeniya. M. : Voenizdat, 1957. 502 s. (In Russ.).

6. Voennaya enciklopediya: v 8 t. / P. S. Grachev. M. : Voenizdat, 1994. T. 2 544 s. (In Russ.).

7. Petrov YU. P. Stroitel'stvo politorganov, patrijnyh i komsomol'skih organizacij Armii i Flota. M. : Voenizdat, 1968. (In Russ.).

8. Barabanshchikov A. V. Pedagogicheskie osnovy obucheniya sovetskih voinov: v 2 t.: dis. ... d-ra ped. nauk: 13.00.00 / Barabanshchikov Aleksandr Vasil'evich. M., 1968. 814 s. (In Russ.).

9. Slepov V. YA. Moral'no-politicheskaya i psihologicheskaya podgotovka budushchih oficerov VMF SSSR: avtoref. dis. … d-ra ped. nauk: 13.00.01 / Slepov Vladimir YAkovlevich. L., 1973. 41 s. (In Russ.).

10. Kachura I. N. Sovershenstvovanie patrioticheskogo i internacional'nogo vospitaniya voinov vnutrennih vojsk MVD SSSR: dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.01 / Kachura Ivan Nikolaevich. M., 1991. 249 s. (In Russ.).

11. Poznanskij D. P. Pedagogicheskie osnovy sovershenstvovaniya u oficerov-politrabotnikov kachestv rukovoditelya vospitatel'noj raboty v chasti: dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.00 / Poznanskij Davyd Petrovich. M., 1972. 259 s. (In Russ.).

12. Balykov N. P. Stanovlenie i razvitie professional'noj podgotovki politrabotnikov v voenno-uchebnyh zavedeniyah: dissertaciya ... kandidata pedagogicheskih nauk: 13.00.01 / Balykov Nikolaj Pavlovich. M., 1974. 229 s. (In Russ.).

13. Bahtin V. K. Formirovanie u kursantov vysshih voenno-politicheskih uchilishch navykov i umenij organizacii vospitatel'noj raboty v podrazdeleniyah: dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.01. M., 1980. 239 s. (In Russ.).

14. Selihov N. N. Vospominaniya o V. P. Potemkine // Sovetskaya pedagogika. 1973. № 3. S. 106–113. (In Russ.).

15. Bartlett F. C. Psychology and the Soldier. Cambridge University Press, Cambridge, 1927. (In Russ.).

16. Zajcov A. A. Ocherki po istorii mirovogo voennogo iskusstva. SPb. : Poligon, 2005. 560 s. (In Russ.).

17. Erik Hedlund, Johan Österberg Team Training, Team Learning, Leadership and Psychology Safety: A Study of Team Training and Team Learning Behavior during a Swedish Military Staff Exercise. Sociology Mind Vol.3 No.1, The Swedish National Defence College, Stockholm/Karlstad, Sweden. 2013 DOI: 10.4236/sm.2013.31014. (In Russ.).

18. Karayani A. G. Psihologicheskoe obespechenie boevyh dejstvij lichnogo sostava chastej suhoputnyh vojsk v lokal'nyh voennyh konfliktah: avtoref. dis. ... d-ra psihol. nauk: 19.00.14. M., 1998. 355 s. (In Russ.).

19. Merkulov S. V. Voenno-politicheskaya rabota kak effektivnaya pedagogicheskaya praktika protivodejstviya vliyaniyu ideologii ekstremizma na voennosluzhashchih Rosgvardii: dis. ... kand. ped. nauk: 5.8.1 / Merkulov Sergej Vladimirovich. SPb., 2023. 248 s. (In Russ.).

20. SHaruhin A. P. Normativno-ustavnoe regulirovanie processa vospitaniya v Vooruzhyonnyh Silah Rossijskoj Federacii: dis. ... d-ra ped. nauk: 5.8.1 / SHaruhin Anatolij Petrovich. SPb., 1998. 373 s. (In Russ.).

21. CHvarkov S. V. Sistema podgotovki naseleniya strany k zashchite Rodiny v usloviyah novoj rossijskoj gosudarstvennosti. 1990–2004 gody: (istoricheskij aspekt): monografiya. M., 2006. (In Russ.).

22. Suhanov D. G. Sovershenstvovanie soderzhaniya vospitaniya voennosluzhashchih VV MVD

Rossii: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.01 / Suhanov Dmitrij Gennad'evich. SPb., 2006. 25 s. (In Russ.).

23. Fomichev M. N. Formirovanie gotovnosti kursantov VOU VPO VV MVD Rossii k organizacii moral'no-psihologicheskogo obespecheniya sluzhebno-boevoj deyatel'nosti: dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.01 / Fomichev Mihail Nikolaevich. Saratov, 2001. 157 s. (In Russ.).

24. Volkov V. D. Patriarhi pedagogicheskoj nauki Rosgvardii: A. V. Barabanshchikov, V. YA. Slepov / V. D. Volkov, A. P. SHaruhin // Akademicheskij vestnik vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii. 2025. № 1. S. 56–63. (In Russ.).

25. Verhoturcev YU. D. Specifika voenno-professional'nogo obrazovaniya / YU. D. Verhoturcev, E. A. Maksimova // Napravleniya i perspektivy razvitiya obrazovaniya v voennyh institutah vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii: sbornik nauchnyh statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Novosibirsk, noyabrya 2023 goda. Novosibirsk: NVA vojsk nacional'noj gvardii, 2023. S. 88–94. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 20.03.2026;
одобрена после рецензирования 05.08.2026;
принята к публикации 28.09.2026.

The article was submitted 20.03.2026;
approved after reviewing 05.08.2026;
accepted for publication 28.09.2026.

Научная статья

УДК 355.223+355.12

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ БОЕВОГО СЛАЖИВАНИЯ

Сергей Валерьевич Орленко [1], Светлана Николаевна Сорокоумова[2,3]
[1] Пермский военный институт войск национальной гвардии, Пермь, Россия
[2] Московский авиационный институт (Национально-исследовательский университет), Москва, Россия
[3] Академия права и управления ФСИН России, Рязань, Россия
[1] orlenko077178666@gmail.co, https://orcid.org/0009-0009-4761-8119
[2,3]4013@bk.ru, https://orcid.org/0000-0001-8339-6597

Аннотация. В статье рассмотрены особенности развития социального интеллекта военнослужащих в ходе проведения боевого слаживания. Данные особенности обусловлены спецификой процесса боевого слаживания, которую целесообразно учитывать при определении педагогических условий и разработке педагогической программы развития социального интеллекта. Развитие социального интеллекта военнослужащих, призванных на военную службу в рамках мобилизации, на этапе проведения боевого слаживания позволило бы им в дальнейшем эффективнее выполнять служебно-боевые задачи по предназначению. Авторы считают, что развитие социального интеллекта военнослужащих в ходе боевого слаживания будет эффективным, если педагогические условия развития социального интеллекта будут определены с учетом специфических особенностей процесса боевого слаживания. В своем исследовании авторы приводят перечень специфических особенностей процесса боевого слаживания и на их основе формулируют особенности развития социального интеллекта военнослужащих при проведении боевого слаживания.

Ключевые слова: Росгвардия, войска национальной гвардии, военнослужащие, социальный интеллект, мобилизация, боевое слаживание

Для цитирования: Орленко С.В., Сорокоумова С.Н. Особенности развития социального интеллекта при проведении боевого слаживания // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 273–281. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/029.pdf.

Original article

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF SOCIAL INTELLIGENCE DURING COMBAT COORDINATION

Sergey V. Orlenko[1], Svetlana N. Sorokoumova[2,3]
[1] Perm Military Institute of the National Guard Troops, Perm, Russia
[2] Moscow Aviation Institute, Moscow, Russia
[3] Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia
[1] orlenko077178666@gmail.co, https://orcid.org/0009-0009-4761-8119
[2,3]4013@bk.ru, https://orcid.org/0000-0001-8339-6597

Abstract. The article examines the features of the development of social intelligence of military personnel during combat coordination. These features are due to the specific features of the combat coordination process itself, which should be taken into account when determining the pedagogical conditions for the development of social intelligence and developing a pedagogical program. The development of the social intelligence of military personnel called up for military service as part of the mobilization, at the stage of combat coordination, would allow them to further more effectively carry out service and combat tasks for their intended purpose. The authors believe that the development of military personnel's social intelligence during combat coordination will be effective if the pedagogical conditions for the development of social intelligence are determined taking into account the specific features of the combat coordination process. In their study, the authors provide a list of specific features of the combat coordination process and, based on them, formulate the features of the development of social intelligence of military personnel during combat coordination.

Keywords: Russian Guard, National Guard troops, military personnel, social intelligence, mobilization, combat coordination

For citation: Orlenko S.V., Sorokoumova S.N. Features of the development of social intelligence during combat coordination. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36):273–281. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/029.pdf.

© Орленко С.В., Сорокоумова С.Н., 2026

Введение

Актуальность проблемы исследования обусловлена изменением характера боевых действий на современном этапе, в которых социальный интеллект военнослужащих играет одну из ключевых ролей в достижении победы и является неотъемлемой частью его профессиональных способностей. Новизна исследования связана с тем, что исследования в области развития социального интеллекта военнослужащих, призванных на военную службу в рамках мобилизации, на этапе боевого слаживания ранее не проводились. Целью настоящего исследования является выявление особенностей развития социального интеллекта в ходе боевого слаживания, которые бы позволили в дальнейшем качественно определить педагогические условия развития социального интеллекта, разработать педагогическую программу развития социального интеллекта и эффективно интегрировать ее в программу боевого слаживания. Научная задача исследования заключается в выявлении специфических особенностей процесса боевого слаживания, их анализе и установлении взаимосвязи с эффективностью развития социального интеллекта. Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно уточняет имеющиеся на сегодняшний день теории социального интеллекта в контексте военной деятельности. Практическая значимость исследования состоит в том, что результаты исследования в дальнейшем будут взяты за основу при определении педагогических условий развития социального интеллекта военнослужащих в ходе боевого слаживания в рамках диссертационного исследования, проводимого авторами. Результаты исследования можно использовать в качестве руководства при выборе наиболее эффективного варианта интеграции программы развития социального интеллекта военнослужащих в программу боевого слаживания.

Материалом исследования послужили научные источники, посвященные изучению и раскрытию понятия социальный интеллект в различных областях научного знания, обзоры опыта применения воинских подразделений в ходе Специальной военной операции (далее – СВО), нормативно-правовые акты Российской Федерации в области обороны и безопасности государства, результаты опросов и выводов из интервью с военнослужащими, участниками СВО, призванными на военную службу в рамках частичной мобилизации [15].

Методы

В качестве методов исследования выступили: теоретические (анализ и синтез), эмпирические (наблюдение и опрос) и качественные (интервью и контент-анализ) методы.

Основные положения

«Боевое слаживание – это один из важнейших элементов боевой подготовки, представляющий собой целенаправленное обучение военнослужащих согласованным действиям в составе подразделения, в ходе которого вырабатываются и совершенствуются умения и навыки, необходимые для четкого выполнения функциональных обязанностей, правильных действий, согласованного выполнения боевых задач с учётом конкретных особенностей местности, времени года, предстоящего театра боевых действий» [5, с. 11].

В отличие от развития социального интеллекта в мирное время в повседневных условиях, развитие социального интеллекта военнослужащих в ходе боевого слаживания будет проводиться в условиях агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии, возникновения вооруженных конфликтов, направленных против Российской Федерации [9]. Данные обстоятельства требуют особого подхода при определении педагогических условий развития социального интеллекта в ходе боевого слаживания, с опорой на особенности самого процесса боевого слаживания и условия, в которых он протекает.

Исследуя особенности развития социального интеллекта военнослужащих, призванных на военную службу в рамках мобилизации, первоначально необходимо определить гипотетический уровень его развития в сравнении с остальными категориями военнослужащих по контракту, опираясь на потенциальные источники развития.

В первую очередь следует отметить, что уровень развития социального интеллекта граждан, подлежащих призыву на военную

службу, на момент их прибытия в пункт приема мобилизационных ресурсов значительно дифференцирован, от крайне высоких к крайне низким показателям. Однако средний уровень развития социального интеллекта группы таких военнослужащих (взвода, роты, батальона) будет ниже, чем средний уровень его развития в воинских подразделениях аналогичной численности, сформированных из числа военнослужащих по контракту. Опыт социального взаимодействия является основным аргументом в данном сравнении. Обусловлено это в первую очередь тем, что прохождение военной службы сопряжено с постоянным активным социальным взаимодействием как внутри воинского подразделения, так и между подразделениями [3]. Специфика военной среды способствует накоплению опыта социального взаимодействия, который является основным источником повышения уровня развития социального интеллекта [8; 9; 13]. Факт того, что источником развития социального интеллекта является процесс накопления личного опыта, подтверждается исследованиями Т. А. Барабанщиковой и М. М. Рязановой [2].

Не исключено, что профессиональная деятельность граждан до призыва на военную службу в рамках мобилизации также могла быть связана с постоянным социальным взаимодействием. Однако если при прохождении военной службы по контракту ввиду ее специфических особенностей, участниками социального взаимодействия является весь личный состав воинского подразделения [12], то профессиональная деятельность граждан, подлежащих призыву на военную службу в рамках мобилизации, не всегда связана с постоянным социальным взаимодействием. Как правило, профессии с минимальным уровнем социального взаимодействия чаще встречаются в технической, творческой, научной и административной сферах.

Опыт социального взаимодействия, как критерий сравнения, актуален только до начала фактического проведения боевого слаживания, так как в последующем военнослужащие, призванные на военную службу в рамках мобилизации, сами становятся участниками социального взаимодействия в рамках специфических особенностей прохождения военной службы.

Особое место в развитии социального интеллекта играет уровень образования военнослужащих. Несмотря на то, что уровень социального интеллекта напрямую не зависит от уровня образования, образование служит фундаментом для развития социального интеллекта благодаря расширению знаний и социальных контактов, развитию эмоциональных и коммуникативных навыков [6]. Чем выше уровень образования, тем более выражены способности к социальному взаимодействию, эмпатии и адаптации в обществе. Люди с более высоким уровнем образования имеют больше возможностей для социализации в разнообразных культурных и профессиональных средах. Высшее образование, ввиду более длительной продолжительности обучения, предполагает большее количество академических часов контактной работы, которая, в свою очередь, включает в себя занятия семинарского типа, групповые занятия и консультации. Контактная работа создает естественную среду для развития социального интеллекта через постоянные социальные взаимодействия, опыт эмпатии, эмоциональный самоконтроль и поддержание обратной связи.

Граждане, подлежащие призыву на военную службу в рамках мобилизации, являются представителями разных социальных слоев населения с уровнем квалификации от простых разнорабочих до высококвалифицированных специалистов. Однако высококвалифицированные специалисты (оборонно-промышленного комплекса страны, финансового сектора, связи, IT-технологий), как правило, будут подлежать бронированию [16]. При этом, в первую очередь, подлежать призыву будут граждане, не являющиеся специалистами и не участвующие в выполнении государственного оборонного заказа. Особенно если мобилизация проводится не общая, а частичная, как, к примеру, мобилизация, объявленная в рамках Указа Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 [15]. Отсюда следует, что большая часть призывников будет иметь среднее общее или среднее профессиональное образование. Соответственно, если за критерий сравнения брать уровень образования военнослужащих, как фундамент развития социального интеллекта, то военнослужащие, призванные на военную службу в рамках мобилизации, будут уступать в этом критерии выпускникам военных вузов, где весь личный состав имеет высшее образование.

Рассматривая уровень развития социального интеллекта военнослужащих, призванных на военную службу в рамках мобилизации, на этапе, предшествующем

проведению боевого слаживания, через призму потенциальных источников его развития, можно отметить, что гипотетически он будет ниже, чем у остальных категорий военнослужащих по контракту. Это означает, что для развития социального интеллекта данной категории военнослужащих в ограниченные рамками продолжительности проведения боевого слаживания сроки недостаточно опираться на одни лишь пассивные потенциальные источники его развития. Необходим комплекс заранее разработанных педагогических условий, реализуемых в период боевого слаживания и педагогическая программа, интегрированная в программу боевого слаживания. Точное определение и формулировка педагогических условий является залогом эффективности успеха реализации педагогического процесса [10]. Взаимосвязь правильно сформулированных педагогических условий с эффективностью развития социального интеллекта представлена в исследованиях Э. Д. Арсанукаевой [1]. Определение педагогических условий развития социального интеллекта военнослужащих в ходе боевого слаживания заключается в создании и выявлении перечня наиболее подходящих условий, в которых деятельность по формированию социального интеллекта будет проходить эффективно. При этом, с одной стороны, условия для качественного развития социального интеллекта будут весьма ограничены, ввиду особенностей механизма проведения боевого слаживания, а также влияния психологического фактора, в основе которого лежит страх в ходе подготовки, в масштабах страны к участию в реальных боевых действиях. С другой стороны, реальная угроза жизни может стимулировать развитие социального интеллекта.

Особенности развития социального интеллекта в период боевого слаживания обусловлены специфическими особенностями процесса боевого слаживания, к которым можно отнести:

1. Ограниченность в сроках проведения.
2. Воздействие высоких физических нагрузок на личный состав.
3. Условия, связанные с риском для жизни.
4. Ограниченность средств обучения.
5. Дифференцированность уровня познавательных способностей мобилизационного ресурса к обучению.
6. Отсутствие педагогического опыта у руководителей учебных занятий в ходе проведения боевого слаживания на уровне профессорско-преподавательского состава военных образовательных организаций высшего образования.
7. Высокая морально-психологическая нагрузка на военнослужащих, обусловленная выходом из зоны комфорта.

Сформулируем особенности развития социального интеллекта, опираясь на вышеобозначенные специфические особенности процесса боевого слаживания:

1. Ограниченность сроков развития социального интеллекта временными рамками продолжительности боевого слаживания.

При разработке программы развития социального интеллекта необходимо помнить, что основная цель боевого слаживания заключается в выработке и совершенствовании умений и навыков, необходимых для четкого выполнения функциональных обязанностей, правильных действий, согласованного выполнения служебно-боевых задач с учетом особенностей условий местности, погодных условий, времени года и суток предстоящего театра боевых действий [4]. Развитие социального интеллекта при этом является второстепенной задачей, которая, с одной стороны, не должна выходить за рамки боевого слаживания, с другой – не перенасыщать его излишней информацией и учебной нагрузкой. Наиболее целесообразным, по мнению авторов, является интеграция программы развития социального интеллекта в блок учебных занятий, связанный с индивидуальной подготовкой военнослужащих и слаживанием подразделений. Ограниченность сроков проведения боевого слаживания требует поиска таких приемов и способов развития социального интеллекта, которые бы позволили проводить его попутно, не снижая качество проведения слаживания и не препятствуя достижению основных его целей.

2. Развитие социального интеллекта будет проводиться под воздействием высоких физических нагрузок на личный состав.

Высокие физические нагрузки обусловлены повышенными требованиями к физической форме военнослужащих, которые необходимы для успешного выполнения боевых задач. С этой целью в ходе практических занятий в период боевого слаживания проводятся различные физические тренировки с отработкой упражнений на силу, выносливость и улучшение общей физической подготовки, а также отработка различных тактических нормативов по боевой подготовке, связанных с физическими

нагрузками. Учитывая особенности возраста граждан, подлежащих призыву на военную службу в рамках мобилизации, составляющего от 18 до 50 лет, а в некоторых случаях и старше, тяжелые физические нагрузки они будут переносить поразному. Для одних они будут стимулом к укреплению физической формы и повышению выносливости, а для других – серьезным испытанием ввиду индивидуальных особенностей здоровья, в том числе связанных с возрастом. В свою очередь физическая утомляемость напрямую влияет на когнитивные функции, включая внимание и память, которые являются важными компонентами социального интеллекта.

Регулярная физическая утомляемость приводит к следующим негативным последствиям, связанным с социальным интеллектом:

– ухудшается способность к концентрации и адекватной оценке социального окружения, что затрудняет распознавание эмоций, мотиваций и намерений других людей;

– снижается эмоциональная устойчивость, что может привести к повышенной раздражительности и эмпатии – ключевых элементов социального интеллекта;

– затрудняется коммуникация, снижается способность к сотрудничеству и решению конфликтов.

Таким образом, разработку комплекса педагогических условий развития социального интеллекта в ходе боевого слаживания необходимо производить, принимая во внимание фактор высоких физических нагрузок.

3. Развитие социального интеллекта будет проводиться в боевой обстановке, связанной с риском для жизни военнослужащих [14].

Условия, связанные с риском для жизни, сопровождаются чувством опасности и тревоги, длительное воздействие которых приводит к стрессу, который может, как стимулировать, так и затруднять развитие социального интеллекта. Боевая обстановка требует от военнослужащих в критической ситуации ускоренной оценки обстановки и принятия эффективного решения, от целесообразности которого зависит не только их собственная жизнь, но и жизнь боевых товарищей. Оценка обстановки проводится по исходным данным, полученным по вербальным и невербальным каналам. Умение оперативно и правильно считывать информацию по невербальным каналам существенно снижает время принятия решения и адаптации к быстро изменяющейся обстановке. Попутно происходит развитие когнитивных компонентов социального интеллекта, таких как способность управлять собственными эмоциями, прогнозировать поведение окружающих, а быстрота коммуникации способствует повышению уровня адаптивности. С другой стороны, продолжительное пребывание в условиях, связанных с риском для жизни, может привести к снижению доверия, социальной изоляции и нарушению коммуникаций, что тормозит развитие социального интеллекта.

4. Развитие социального интеллекта будет проводиться в условиях ограниченности средств обучения.

При развитии социального интеллекта военнослужащих в период боевого слаживания необходимо учитывать, что район боевого слаживания будет находиться вне пункта дислокации воинской части формирователя, как правило, проведение занятий будет организовано на территории учебного центра, тактического поля или войскового стрельбища. При этом учебно-материальная база для проведения боевого слаживания готовится заблаговременно и является переносной, а помещения для проведения групповых занятий будут оборудоваться в палатках. Ограниченность средств обучения существенно влияет на качество развития социального интеллекта, ограничивая возможности тренировки социальных навыков, моделирования и отработки социальных сценариев, затрудняет персонализированный подход и снижает эффективность формирования ключевых навыков межличностного взаимодействия. Отсутствие электронных вычислительных машин (далее — ЭВМ) или доступа к источникам электроснабжения не позволит использовать в ходе боевого слаживания программы ЭВМ, способствующие развитию социального интеллекта [17].

5. Развитие социального интеллекта будет проводиться с военнослужащими, имеющими вариативные уровни познавательных способностей и способностей к обучению.

Развитие социального интеллекта тесно связано с индивидуальными особенностями познавательных способностей и уровнем обучаемости [19; 20]. Познавательные способности включают память, внимание, мышление и восприятие, уровень которых обуславливает эффективность анализа и интерпретации социальной информации [11]. Обучаемость определяет ско-

рость и качество усвоения знаний. Военнослужащие с высокими познавательными способностями легче распознают эмоциональные состояния, намерения и мотивы других, что способствует развитию социального интеллекта, однако вариативность уровня их познавательных способностей в ходе боевого слаживания требует дифференцированного подхода в ходе развития социального интеллекта.

6. Развитие социального интеллекта будет проводиться должностными лицами, не имеющими педагогического опыта и практических навыков преподавания.

В отличие от профессорско-преподавательского состава военных образовательных организаций, занятия по боевой подготовке при проведении боевого слаживания будут проводить, как правило, должностные лица, не имеющие педагогического опыта. Недостаточность методической базы, навыков стимулирования и удержания внимания, отсутствие умения правильного оценивания уровня знаний существенно снижают качество проведения занятий. Отсюда возникает необходимость проведения компенсирующих мероприятий, которые могли бы нивелировать отсутствие педагогического опыта руководителей занятий и позволили достигнуть запланированных целей в рамках программы развития социального интеллекта, интегрированной в программу боевого слаживания.

7. Развитие социального интеллекта будет проводиться под воздействием высоких морально-психологических нагрузок на личный состав.

Высокие морально-психологические нагрузки обусловлены возможными стрессогенными факторами, связанными со спецификой прохождения военной службы:

– резкая смена образа жизни;

– разрыв социальных связей с близкими людьми, смена круга общения;

– психологическая адаптация к воинскому быту;

– отсутствие профессиональных знаний, умений и навыков в области военной службы;

– блокирование большинства привычных и естественных потребностей;

– повышенные физические нагрузки;

– нездоровая морально-нравственная атмосфера и нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими;

– информационная изоляция;

– ситуации неопределенности ближайшего будущего;

– нахождение в условиях, связанных с риском для жизни, а также осознание последующего риска для жизни после окончания боевого слаживания и перехода к выполнению служебно-боевых задач по предназначению.

Чрезмерная и длительная морально-психологическая нагрузка способствует эмоциональному выгоранию, снижению когнитивных способностей, искажению социальных представлений, которые являются ингибиторами развития социального интеллекта [18].

8. Развитие социального интеллекта будет проводиться с военнослужащими, имеющими на момент начала боевого слаживания дифференцированный уровень развития социального интеллекта.

Учитывая различия в потенциале формирования и неоднородность среды, в которой проходит пассивное развитие социального интеллекта граждан, подлежащих мобилизации, можно сделать вывод о дифференцированности его уровня развития на начальном этапе проведения боевого слаживания. Уровень социального интеллекта обуславливает склонность к компромиссу в конфликтных ситуациях [7], следовательно, построение программы его развития в ходе боевого слаживания должно опираться на вариативность исходного уровня, что позволит ускорить социальную адаптацию военнослужащих.

Заключение

Таким образом, авторами выявлены специфические особенности процесса боевого слаживания, которые могут оказать существенное влияние на развитие социального интеллекта военнослужащих. Уточнены особенности развития социального интеллекта в ходе проведения боевого слаживания. Это позволит в дальнейшем сформулировать педагогические условия, создать эффективную педагогическую программу развития социального интеллекта и интегрировать ее в программу боевого слаживания, что и будет являться направлением дальнейшего исследования в данной области знаний.

Список источников

1. Арсанукаева Э. Д. Педагогические условия развития социального интеллекта у будущих бакалавров социальной работы // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 6(103). С. 106–109.

2. Барабанщикова Т. А. Социальный интеллект и самооценка как факторы профессиональной успешности будущих психологов / Т. А. Барабанщикова, М. М. Рязанова // Педагогика и психология образования. 2010. № 2.

3. Баширов И. Ф. Социальный интеллект как фактор успешности профессиональной деятельности военного психолога: автореф. дис. … канд. псих. наук: 19.00.05 / Баширов Ильдар Фаритович. М. : Военный университет, 2006. 22 с.

4. Богомолова Е. В. Подходы к формированию компетенции по боевому слаживанию у будущих офицеров / Е. В. Богомолова, С. В. Киселёв // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 4.

5. Богомолова Е. В. Формирование компетенции по боевому слаживанию у будущих офицеров / Е. В. Богомолова, С. В. Киселёв // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2019. № 6(172). С. 10–14.

6. Гордеева П. А. Типы личности курсантов в зависимости от стратегий адаптации в образовательной среде военного вуза / П. А. Гордеева, С. Н. Сорокоумова // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 4 (29). С. 120–131.

7. Дмитриева А. В. Социальный интеллект как фактор выбора стратегии в конфликте / А. В. Дмитриева, С. Н. Сорокоумова // Психолого-педагогический поиск. 2020. № 3(55). С. 129–138.

8. Лунева О. В. Концепция социального интеллекта личности // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 46–51.

9. Лунева О. В. Основные модели социального интеллекта // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2012. Т. 18, № 3. С. 44–47.

10. Малова М. М. Педагогические условия как основа достижения целей педагогического контроля // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 74-1. С. 150–153.

11. Мачнев В. Я. Социальный и эмоциональный интеллект: монография. Самара: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 2022. 148 с.

12. Мекебаев Н. С. Специфика структуры социальных отношений военнослужащих Росгвардии: автореф. дис. … канд. психол. наук: 5.3.5 / Мекебаев Нуржан Сапарханович. СПб. : ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена», 2023. 24 с.

13. Орленко С. В. Развитие социального интеллекта обучающихся военных вузов, как залог будущего успешного социального взаимодействия при прохождении службы в территориальных органах Росгвардии // Альманах Пермского военного института войск национальной гвардии. 2025. № 2(18). С. 197–204.

14. Орленко С. В. Роль социального интеллекта военнослужащих при выполнении служебно-боевых задач в боевой обстановке / С. В. Орленко, С. Н. Сорокоумова // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 4(26). С. 210–223.

15. Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 39. Ст. 6590.

16. О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 35. Ст. 1014.

17. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2025618699. Программа развития социального интеллекта военнослужащих / С. В. Орленко, С. Н. Сорокоумова – Заявка № 2025616673. Дата поступления 25 марта 2025 г. Зарегистрировано в реестре программ для ЭВМ 7 апреля 2025 г.

18. Терехин Р. А. Взаимосвязь интеллектуальных способностей, социального интеллекта и психологической готовности военнослужащих к выполнению служебно-боевых задач / Р. А. Терехин, А. С. Турчин // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2023. № 3. С. 23–39.

19. Ушаков Д. В. Социальный интеллект как вид интеллекта // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования. М. : Институт психологии РАН, 2004. С. 11–28.

20. Шадриков В. Д. Профессиональные способности: монография. М. : Изд-во Университетская книга, 2010. 320 с.

References

1. Arsanukaeva E. D. Pedagogicheskie usloviya razvitiya social'nogo intellekta u budushchih bakalavrov social'noj raboty // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2023. № 6(103). S. 106–109. (In Russ.).

2. Barabanshchikova T. A. Social intelligence and self‐esteem as factors of professional success for future psychologists / T. A. Barabanshchikova, M. M. Ryazanova // Pedagogika i psihologiya obrazovaniya. 2010;2. (In Russ.).

3. Bashirov I. F. Social'nyj intellekt kak faktor uspeshnosti professional'noj deyatel'nosti voennogo psihologa: avtoref. dis. … kand. psih. nauk: 19.00.05 / Bashirov Il'dar Faritovich. M. : Voennyj universitet, 2006. 22 s. (In Russ.).

4. Bogomolova E. V. Approaches to developing combat coordination competencies in future officers / E. V. Bogomolova, S. V. Kiselyov // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2019;4. (In Russ.).

5. Bogomolova E. V. Developing combat coordination competencies in future officers / E. V. Bogomolova, S. V. Kiselyov // Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta. 2019;6(172): 10–14. (In Russ.).

6. Gordeeva P. A. Personality types of cadets depending on their adaptation strategies in the educational environment of a military university. / P. A. Gordeeva, S. N. Sorokoumova // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;4 (29): 120–131. (In Russ.).

7. Dmitrieva A. V. Social intelligence as a factor in choosing a strategy in conflict / A. V. Dmitrieva, S. N. Sorokoumova // Psihologo-pedagogicheskij poisk. 2020;3(55): 129–138. (In Russ.).

8. Luneva O. V. The concept of social intelligence of the individual // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2012;2: 46–51. (In Russ.).

9. Luneva O. V. The main models of social intelligence // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Social'naya rabota. YUvenologiya. Sociokinetika. 2012. Vol. 18;3: 44–47. (In Russ.).

10. Malova M. M. Pedagogical conditions as the basis for achieving the goals of pedagogical control. // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2022;74-1: 150–153. (In Russ.).

11. Machnev V. YA. Social'nyj i emocional'nyj intellekt: monografiya. Samara: Samarskij nacional'nyj issledovatel'skij universitet imeni akademika S. P. Koroleva, 2022. 148 s. (In Russ.).

12. Mekebaev N. S. Specifika struktury social'nyh otnoshenij voennosluzhashchih Rosgvardii: avtoref. dis. … kand. psihol. nauk: 5.3.5 / Mekebaev Nurzhan Saparhanovich. SPb. : FGBOU VO «Rossijskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. A. I. Gercena», 2023. 24 s. (In Russ.).

13. Orlenko S. V. Developing the social intelligence of students at military universities is a key to future successful social interaction during their service in the territorial bodies of the National Guard of Russia. // Al'manah Permskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2025;2(18): 197–204. (In Russ.).

14. Orlenko S. V. The role of social intelligence among military personnel in carrying out combat and service tasks in a combat environment. / S. V. Orlenko, S. N. Sorokoumova // Voenno-pravovye i gumanitarnye nauki Sibiri. 2025;4(26): 210–223. (In Russ.).

15. On the announcement of partial mobilization in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated September 21, 2022, No. 647 // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2022;39. St. 6590. (In Russ.).

16. O On mobilization preparation and mobilization in the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation No. 31‐FZ dated February 26, 1997. // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1997;35. St. 1014. (In Russ.).

17. Svidetel'stvo o gosudarstvennoj registracii programmy dlya EVM № 2025618699. Programma razvitiya social'nogo intellekta voennosluzhashchih / S. V. Orlenko, S. N. Sorokoumova – Zayavka № 2025616673. Data postupleniya 25 marta 2025 g. Zaregistrirovano v reestre programm dlya EVM 7 aprelya 2025 g. (In Russ.).

18. Terekhin R. A. The relationship between intellectual abilities, social intelligence, and the psychological readiness of military personnel to perform service and combat tasks. / R. A. Terekhin,

A. S. Turchin // Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Psihologicheskie nauki. 2023;3: 23–39. (In Russ.).

19. Ushakov D. V. Social'nyj intellekt kak vid intellekta // Social'nyj intellekt: Teoriya, izmerenie, issledovaniya. M. : Institut psihologii RAN, 2004. S. 11–28. (In Russ.).

20. SHadrikov V. D. Professional'nye sposobnosti: monografiya. M. : Izd-vo Universitetskaya kniga, 2010. 320 s. (In Russ.).

Информация об авторах

С. Н. Сорокоумова *– доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования*
С. В. Орленко *– преподаватель кафедры тактики служебно-боевого применения*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 06.04.2026;
одобрена после рецензирования 18.06.2026;
принята к публикации 28.09.2026.

Information about the authors

S. N. Sorokoumova *– Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education*
S. V. Orlenko *– Lecturer at the Department of Tactics for Service and Combat User*

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 06.04.2026;
approved after reviewing 18.06.2026;
accepted for publication 28.09.2026.

Научная статья

УДК 37.011.3

РАЗВИТИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ У КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПОСРЕДСТВОМ СИСТЕМЫ НАСТАВНИЧЕСТВА И ВНУТРИВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ

Алексей Анатольевич Лаптев[1], Алексей Михайлович Пихтелёв[2], Сергей Николаевич Хутчев[3]
[1, 2] Саратовский военный ордена Жукова Краснознамённый институт войск национальной гвардии, Саратов, Россия
[3] Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия
[1] Lapteff_aa@mail.ru
[2] pikhtelev.a@bk.ru
[3] star196910@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема формирования профессиональной ответственности у курсантов военных образовательных организаций. Ответственность анализируется как комплексное личностное образование, интегрирующее когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты, являющееся ключевым фактором успешности будущей офицерской деятельности. Обосновывается синергетический эффект от целенаправленного сочетания системы наставничества и возможностей внутривузовской подготовки в развитии данного качества. Подробно раскрываются теоретические предпосылки, психолого-педагогические механизмы и конкретные практико-ориентированные направления работы, включая активизацию учебно-познавательной деятельности, организацию практик и проб сил, а также использование оргдеятельностных и эвристических методов обучения. Особое внимание уделяется роли наставничества как института трансляции ценностей, норм и практического опыта.

Ключевые слова: профессиональная ответственность, курсанты, военное образование, наставничество, внутривузовская подготовка, ценностное отношение, воспитание, военно-профессиональная деятельность, личностное развитие, педагогические условия

Для цитирования: Лаптев А.А., Пихтелёв А.М., Хутчев С.Н. Развитие ответственности у курсантов военных образовательных организаций посредством системы наставничества и внутривузовской подготовки // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 282–291. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/030.pdf.

Original article

DEVELOPING RESPONSIBILITY IN CADETS OF MILITARY EDUCATIONAL ORGANIZATIONS THROUGH A MENTORING SYSTEM AND INTRA-UNIVERSITY TRAINING

Alexey A. Laptev[1], Alexey M. Pikhtelev[2], Sergey N. Khutchev[3]
[1, 2] Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov, Russia
[3] SSLA, Saratov, Russia
[1] Lapteff_aa@mail.ru
[2] pikhtelev.a@bk.ru
[3] star196910@mail.ru

Abstract. This article examines the pressing issue of developing professional responsibility in cadets at military educational institutions. Responsibility is analyzed as a complex personal development integrating cognitive, emotional, and behavioral components, a key factor in the success of future officer activities. The synergistic effect of a targeted combination of mentoring and in-house training opportunities in developing this quality is substantiated. The theoretical prerequisites, psychological and pedagogical mechanisms, and specific practice-oriented areas of work are explored in detail, including the activation of educational and cognitive activities, the organization of internships and trials of strength, and the use of organizational activity-based and heuristic teaching methods. Particular attention is paid to the role of mentoring as an institution for

transmitting values, norms, and practical experience.

Keywords: professional responsibility, cadets, military education, mentoring, in-university training, value-based attitudes, education, military-professional activity, personal development, pedagogical conditions

For citation: Laptev A.A., Pikhtelev A.M., Khutchev S.N. Developing responsibility in cadets of military educational organizations through a mentoring system and intra-university training. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36): 282–291. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/030.pdf.

© Лаптев А.А., Пихтелёв А.М., Хутчев С.Н., 2026

Введение

Офицерская профессия за последние 10–15 лет стала заметно сложнее. Гибридные конфликты, беспилотные и роботизированные системы, перенос противостояния в информационно-когнитивную сферу не просто дополняют картину боя, а ломают ее привычную логику [1]. Офицер сегодня – не столько транслятор приказов, сколько субъект, принимающий решения в условиях неопределенности [2]. Из этого следует, что одной профессиональной подготовки недостаточно. Нужна устойчивая система ценностных ориентаций, в которой ответственность занимает не одно из многих, а системообразующее место.

От нее зависят управление подразделением, решения в экстремальных условиях, боеготовность и выполнение задач [3]. Там, где устав молчит или не охватывает всей сложности момента, именно ответственность становится внутренним регулятором. Она действует не по принуждению, а по убеждению, и это принципиально меняет взгляд на воспитание будущего офицера.

Проблема формирования ответственности лежит на стыке военной педагогики, психологии и теории управления [4]. Ее острота связана с необходимостью преодолеть формальный подход к воспитанию, когда требования устава и дисциплины не становятся внутренними убеждениями курсанта. На практике нередко доминирует экстернальный тип ответственности. Мотивация держится на страхе наказания или желании поощрения. Отсюда – «ролевое поведение», при котором внешняя исполнительность не подкреплена глубокой интернализацией ценностей [5]. Возникает потребность в целостном педагогическом подходе, соединяющем традиционные и инновационные формы работы и направленном на интериоризацию ответственного поведения [6]. Под интериоризацией мы понимаем перевод требований Уставов, приказов командиров и норм воинской этики во внутренний план личности – в устойчивые регуляторы поведения, действующие независимо от внешнего контроля.

Таким подходом, на наш взгляд, может стать комплексное использование потенциала наставничества и целенаправленной организации внутривузовской подготовки. Их синергия создает непрерывную образовательно-воспитательную среду [7], в которой ответственность развивается не эпизодически, а становится сквозной линией профессионального становления курсанта. Внутривузовская подготовка дает формально-нормативную базу и систему знаний, необходимых для понимания сути ответственности. Наставничество обеспечивает эмоционально-ценностное закрепление данных знаний через личный пример и межличностное взаимодействие. Среда, формируемая их синтезом, обладает избыточностью (множество ситуаций выбора) и проблемностью (необходимость самостоятельного поиска решений). Это и есть необходимое условие развития субъектности будущего офицера.

Основные результаты исследования

В психолого-педагогической литературе ответственность рассматривается как сложное и многогранное явление. А. В. Карпов определяет профессиональную ответственность военного специалиста как «устойчивое качество личности, проявляющееся в глубоком осознании долга, инициативном и добросовестном выполнении задач, а также в способности отвечать за свои действия перед обществом и коллективом» [8]. В этом определении можно выделить три аспекта: 1) когнитивный (осознание долга и последствий); 2) мотивационно-волевой (инициативность и добросовестность); 3) социально-регулятивный (готовность к отчету). В военной психологии ответственность часто рассматривается в

контексте более широкого понятия «профессиональная надежность». Там она выступает базовым личностным предиктором безошибочных действий в экстремальных режимах. В отличие от гражданских специальностей, военная ответственность иерархична и неразрывно связана с единоначалием и субординацией. Последнее накладывает ограничения на степень автономии при принятии решений.

Если попытаться разложить ответственность на составляющие, наиболее убедительной выглядит трехкомпонентная модель. Когнитивный компонент – это понимание сущности служебного долга, знание нормативно-правовых основ деятельности, предвидение возможных последствий решений. Он включает не только формальные нормы (Уставы, наставления), но и понимание неформальных правил воинского сообщества, традиций и ритуалов. Его развитие коррелирует с уровнем правосознания и общей профессиональной эрудицией офицера.

Эмоционально-ценностный компонент – это личностное отношение к обязанностям, переживание значимости задачи, чувство сопричастности общему делу. Он связывает знание нормы и готовность ей следовать. Здесь формируется «чувство долга», которое К. К. Платонов определял как переживание личностью своих обязанностей перед обществом [9]. В структуре ответственности офицера настоящий компонент включает и эмпатийные механизмы. Так как командир должен воспринимать нужды подчиненных как личностно значимые.

Поведенческий, или конативный, компонент – это реальная деятельность по выполнению задач, самоконтроль, настойчивость в достижении цели вопреки трудностям. Поведенческий компонент ответственности офицера специфичен тем, что реализуется не только в индивидуальных действиях, но и в управленческих решениях, затрагивающих судьбы других людей. Поэтому его критерий – не только личная исполнительность, но и качество организации деятельности подразделения, дисциплинированность личного состава, сохранность техники и вооружения.

Формирование ответственности – процесс длительный. Он не сводится к усвоению нормативных предписаний и предполагает последовательное прохождение нескольких стадий: «от ответственности за результаты собственной учебной деятельности к ответственности за действия вверенного подразделения в моделируемых условиях и далее – к полной личной ответственности в реальной служебной обстановке» [10, с. 229]. На адаптационной стадии у курсанта складывается ответственность исполнительского типа, связанная с добросовестным отношением к учебе и быту. На идентификационной стадии, через тактико-специальные учения и исполнение обязанностей младших командиров, происходит присвоение ответственности за группу. На интериоризированной стадии ответственность становится ведущим принципом мировоззрения. Офицер берет на себя добровольные обязательства, выходящие за рамки должностных обязанностей, например, ответственность за морально-психологическое состояние семей военнослужащих.

Важнейшее условие успешности данного процесса – создание ситуаций выбора и принятия решений, за последствия которых курсант несет реальную ответственность. Наставничество и внутривузовская подготовка занимают здесь особое место. Потому что именно они дают курсанту возможность действовать по-настоящему – но под присмотром. Возьмем наряды, хозяйственные работы, поддержание внутренней службы. Казалось бы, рутина. И как воспитательный ресурс ее почти не рассматривают [11], а зря. Ведь именно в повседневных мелочах и проявляется человек: добросовестен ли он, готов ли отвечать за порядок в помещениях, за сохранность имущества, а случается – и за здоровье товарищей. Обсудить все это с наставником – значит перестать воспринимать такие ситуации как навязанную повинность. Они становятся личным опытом. Вот тут и срабатывает тот самый скрытый учебный план, о котором говорят гораздо реже, чем следовало бы.

Наставничество в военном вузе – это не просто передача опыта. Это целенаправленная, индивидуализированная работа, в которой опытный офицер (командир, воспитатель) ведет курсанта за собой [12]. В основе – доверие, личный пример, совместная деятельность. И если обычная беседа или инструктаж касаются только навыков, то наставничество задевает куда глубже – ценности и смыслы будущего офицера. Как это

работает? Курсант перенимает опыт через отождествление себя с человеком, которого уважает. Он видит, как наставник ведет себя в сложных ситуациях (улаживает конфликты, идет на риск, разговаривает с начальством). И усваивает не только манеру поведения, но и то, что за ней стоит. Задачи наставника не сводятся к контролю – они касаются личностного роста. Главные инструменты здесь – это авторитет и личный пример. Наставничество работает, когда действует принцип «делай как я», а не «делай, как я сказал». А это значит, что сам наставник должен быть образцом ответственности. Типы наставничества бывают разными: прямое индивидуальное (офицер – курсант), коллективное (офицер – группа) и косвенное – через традиции и уклад жизни военного института.

В конечном счете, ответственность офицера – это не отдельная черта, а целостное качество личности. Именно от него напрямую зависит, насколько надежно и эффективно офицер будет действовать в условиях современной гибридной войны. Ее формирование требует перехода от экстенсивной модели воспитания, основанной на количестве «воспитательных мероприятий», к интенсивной модели. В ней акцент смещается на качество взаимодействия в диаде «наставник – курсант» и на организацию рефлексивной среды, превращающей любой элемент внутривузовской жизни в ситуацию ценностного выбора. Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на разработку критериально-диагностического аппарата для оценки уровня сформированности ответственности, а также на создание программ подготовки наставников. Такие программы должны быть ориентированы не только на трансляцию знаний, но и на развитие психолого-педагогической компетентности в области фасилитации личностного роста курсантов.

Как отмечает В.П. Дудурин, «наставничество в военно-учебных заведениях выступает действенным средством адаптации курсантов к военно-профессиональной деятельности, способствуя усвоению ими норм и традиций офицерской корпорации» [12]. Соответствующее определение акцентирует двойственную природу наставничества. С одной стороны, оно выступает инструментом первичной профессиональной социализации, адаптации к специфическим условиям военного вуза и службы. С другой, механизмом трансляции корпоративной культуры, включающей как формализованные нормы (положения уставов, приказы), так и неформальные кодексы поведения (офицерская честь, традиции подразделения). В более широком контексте наставничество можно рассматривать как педагогическую технологию [13], реализующую принцип персонализации воспитания. Абстрактные требования воинской службы обретают конкретное, чувственно воспринимаемое воплощение в лице значимого другого – офицера-наставника.

В контексте развития ответственности система наставничества решает несколько фундаментальных задач. Их можно дифференцировать по механизмам психолого-педагогического воздействия и целевым ориентирам.

Первая задача – моделирование эталона ответственного поведения. Наставник своим примером демонстрирует, что значит быть ответственным командиром. Курсант наблюдает не только за формальным исполнением обязанностей, но и за тем, как офицер принимает сложные решения, распределяет ресурсы, берет на себя ответственность за ошибки подчиненных и добивается выполнения задачи. С точки зрения теории социального научения А. Бандуры, это викарное научение, где усвоение моделей поведения происходит через наблюдение за действиями референтного лица и их последствиями. Моделирование носит тотальный характер. Курсант усваивает не только открытые поведенческие паттерны, но и латентные компоненты (эмоциональные реакции на успех или неудачу, способы коммуникации в стрессовой ситуации, отношение к подчиненным и начальникам). Эталонное поведение наставника выполняет функцию нормативного ориентира. Оно позволяет курсанту выстраивать собственную траекторию профессионального развития, соотнося ее с заданным образцом. Эффективность данного механизма зависит от авторитетности наставника в глазах курсанта и от конгруэнтности его слов и поступков. Рассогласование слова и дела ведет к дискредитации института наставничества и формированию циничного отношения к декларируемым ценностям.

Вторая задача – создание «безопасной» среды для проб и ошибок. В доверительных отношениях с наставником курсант может принимать самостоятельные решения в учебных ситуациях, анализировать их последствия под руководством опытного коллеги и получать конструктивную обратную связь без страха перед формальным наказанием. Последнее позволяет сформировать позитивный опыт ответственности. Понятие «безопасная среда» требует операционализации. Речь идет о психолого-педагогических условиях, которые минимизируют риск негативных санкций за ошибочные действия, но сохраняют чувство реальной значимости этих действий. Наставник выступает буфером между курсантом и жесткостью военно-административной системы. Он берет на себя часть рисков и создает «зону ближайшего развития» (Л.С. Выготский) для формирования ответственного поведения. Обратная связь наставника качественно отличается от формальной оценки. Она носит развивающий характер, в котором фокус делается не на констатации ошибки, а на анализе ее причин и поиске оптимальных решений в будущем. Данное обстоятельство снижает ситуативную тревожность курсанта и переводит мотивацию избегания неудач в мотивацию достижения. Такое условие необходимо для интернализации ответственности как личностной ценности, а не как внешнего ограничителя.

Третья задача – индивидуализация воспитания. Наставник знает личностные особенности, сильные и слабые стороны подопечного и может дозировать уровень сложности поручаемых задач, постепенно повышая планку требований [14]. Настоящая функция коррелирует с принципами индивидуального подхода в педагогике и предполагает диагностическую деятельность наставника. Он выявляет актуальный уровень развития ответственности у курсанта. На основе этой диагностики выстраивается траектория постепенного усложнения задач (от простой исполнительской дисциплины (ответственность за себя) к организационно-управленческим функциям (ответственность за других в моделируемых ситуациях) и далее к делегированию реальных полномочий с контролем конечного результата). Критически важен принцип посильной трудности. Задача должна требовать напряжения волевых усилий и проявления инициативы, но оставаться принципиально выполнимой, чтобы избежать фрустрации и закрепления чувства беспомощности. Наставник выступает в роли регулятора, регулирующего когнитивную и волевую нагрузку курсанта в соответствии с его индивидуальными особенностями (типом темперамента, уровнем тревожности, скоростью принятия решений).

И наконец, четвертая задача – опосредованная передача корпоративных ценностей. Через личность наставника курсант усваивает неформализуемые нормы офицерской этики: честь, достоинство, верность долгу. Они являются нравственным фундаментом ответственности. В отличие от первых трех задач, имеющих преимущественно деятельностный или организационный характер, данная задача лежит в аксиологической плоскости. Механизм здесь другой. Это не столько инструктирование, сколько «заражение» ценностями – через совместное проживание ситуаций морального выбора. В повседневном общении наставник передает то, что трудно выразить словами. Например, отношение к подчиненным как к субъектам, а не объектам управления. Или понимание тонкой границы между принципиальностью и жестокостью. Или чувство личной причастности к истории и традициям части.

Эти смыслы не проговариваются прямо, они усваиваются незаметно. В социологии это называют «габитусом» (П. Бурдье): система устойчивых диспозиций, которые определяют, как человек воспринимает мир, как его оценивает и как действует. Именно такие глубинные структуры сознания лежат в основе подлинной ответственности офицера – не показной, а той, что дает о себе знать, когда внешний контроль отсутствует. Наставничество формирует ценностную основу ответственности и тем самым помогает преодолеть разрыв между знанием этических норм и готовностью следовать им вопреки обстоятельствам.

Следует отметить, что наставничество обеспечивает «вертикальный» канал воспитания ответственности, основанный на личном влиянии и авторитете. Его эффективность обусловлена сочетанием четырех механизмов: 1) моделирование создает образ цели; 2) безопасная среда позволяет тренироваться; 3) индивидуализация обеспечивает адекватность

нагрузки; 4) передача ценностей наполняет процесс экзистенциальным смыслом. В отличие от коллективных форм воспитательной работы, наставничество адресовано уникальной личности курсанта. Поэтому оно способно формировать не абстрактную дисциплину, а ответственность как глубоко личностное качество, интегрированное в структуру профессиональной идентичности будущего офицера. Представляется перспективным дальнейшее исследование критериев эффективности наставнической деятельности и разработка программ психолого-педагогической подготовки самих наставников. Такие программы должны развивать рефлексивные и фасилитативные компетенции, позволяющие реализовывать перечисленные функции не интуитивно, а на основе научно обоснованных методик.

Если наставничество фокусируется на индивидуальном подходе, то внутривузовская подготовка создает системное, методически организованное пространство для формирования ответственности у всего воинского коллектива. Это пространство интегрирует учебную, внеучебную и научно-исследовательскую деятельность. Целесообразно выделить три основных направления данной работы. Каждое вносит свой вклад в развитие структурных компонентов ответственности.

Первое направление – активизация учебно-познавательной и научно-исследовательской деятельности. Оно нацелено преимущественно на развитие когнитивного компонента ответственности. Данный компонент формирует у курсантов систему знаний и критическое мышление, необходимые для осознанного принятия решений. Здесь важно применение оргдеятельностных методов. Реализация принципов, обобщенных А.В. Хуторским [15], предполагает активное вовлечение курсантов в проектирование собственной образовательной траектории. Методы целеполагания (постановка личных учебных целей на семестр), планирования (разработка индивидуального плана подготовки) и рефлексии (анализ достигнутых результатов) напрямую воспитывают персональную ответственность за результаты образовательной деятельности. Второй элемент – профессионально ориентированное содержание обучения. Изучение профилирующих дисциплин (тактики, обеспечения служебно-боевой деятельности, управления подразделением) должно сопровождаться разбором реальных исторических и современных кейсов, где просчеты или, наоборот, ответственные решения командиров приводили к значительным последствиям. Это формирует понимание прямой связи «решение – результат». Третий элемент – эвристические и проектные методы. Деловые игры, тактические летучки, ситуационные задачи, комплексные курсовые проекты – все это моделирует будущую работу офицера. И здесь курсанту мало просто применить знания. Приходится отвечать за свое решение – перед преподавателем, перед товарищами. Так и развивается поведенческий компонент ответственности [16].

Второе направление – это практическая деятельность и «проба сил». Без нее не сформировать поведенческий компонент и не перейти от внешней ответственности к внутренней. Где лучше всего «пробовать»? Конечно, на учебной практике и стажировках в войсковых частях. Курсант в роли стажера-командира получает пусть и ограниченные, но реальные полномочия. И отвечает за подчиненных, технику, выполнение задач. А разбор его действий офицерами части и вузовским наставником – это ценный материал для роста [17]. Не стоит забывать и про участие в профориентационных и социально значимых мероприятиях. Подготовка и проведение бесед со школьниками, дней открытых дверей, организация экскурсий в воинские части требуют высокой самоорганизации. Курсант выступает как представитель вуза. Это многократно повышает уровень воспринимаемой и реальной ответственности за свои действия и слова. Нельзя сбрасывать со счетов коллективные формы деятельности. Строевая подготовка, спортивные соревнования, участие в военно-патриотических акциях, хозяйственные работы воспитывают ответственность не только за себя, но и за команду. Чувство коллективизма и взаимной зависимости является мощным катализатором развития ответственности перед товарищами [18].

Третье направление – психолого-педагогическое сопровождение и формирование личностной устойчивости. Развитие ответственности невозможно без психологической готовности действовать ответственно в условиях стресса

и неопределенности. Прежде всего, необходимо развитие эмоционально-волевой сферы. С. Л. Ленков и В. Ю. Рыбников подчеркивают, что устойчивость к стрессу является фундаментом для реализации ответственного поведения в экстремальной обстановке [19]. Специальные тренинги, направленные на саморегуляцию, управление эмоциями, принятие решений при дефиците времени и информации, должны быть неотъемлемой частью подготовки. Кроме того, важна рефлексивная практика. А что дает разбор групповой деятельности? Полевых выходов, итогов семестра, конфликтных ситуаций? Он помогает курсанту увидеть: вот мое действие – а вот его результат. Причинно-следственная связь становится очевидной. На этом и держится когнитивный компонент ответственности [20].

Ответственность развивается лучше всего тогда, когда наставничество и внутривузовская подготовка работают не сами по себе, а вместе – как одна система [21]. И тут наставник становится главным связующим звеном. Он помогает курсанту не просто выучить теорию, а применить ее на практике, в реальной офицерской жизни. Он же следит за тем, чтобы преподаватели и командиры подразделений действовали заодно, предъявляли к курсанту одинаковые требования. Наставник наблюдает за своим подопечным в разных ситуациях – на учебе, на практике, в быту – и подсказывает, что развивать, а над чем поработать. Скажем, курсант отлично сдает зачеты, но на стажировке пасует перед ответственностью. Что делать? Наставник может дать ему особые поручения – такие, где нужна инициатива и самостоятельность. А потом вместе разобрать, что получилось, а что нет.

Заключение

Развитие ответственности у курсантов военных вузов – дело непростое. И многоплановое. От того, как оно будет решено, зависит качество всего будущего офицерского корпуса. Анализ показывает: ответственность офицера – это не просто черта, а интегративное качество личности. Именно оно обеспечивает надежность и эффективность действий в условиях современной гибридной войны. Чтобы его сформировать, нужен переход от экстенсивной модели воспитания (где главное – количество мероприятий) к модели интенсивной. Здесь акцент делается на качество взаимодействия в паре «наставник – курсант» и на создание рефлексивной среды. В такой среде любой элемент внутривузовской жизни становится ситуацией ценностного выбора.

Комплексный подход, основанный на синергии наставничества и целенаправленной внутривузовской подготовки, позволяет создать целостную воспитательную среду. В ней ответственность формируется не как абстрактная норма, а как личностно значимое, внутренне мотивированное качество. Оно пронизывает все: от учебы до межличностных отношений. Интеграция индивидуального подхода (через наставничество) и системной работы всего вуза обеспечивает переход от внешней регламентации к внутренней потребности действовать ответственно. Причем в любой ситуации – даже самой сложной.

Что дальше? Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку критериально-диагностического аппарата для оценки уровня сформированности ответственности. А также на создание программ психолого-педагогической подготовки наставников. Эти программы должны быть ориентированы не только на передачу знаний, но и на развитие психолого-педагогической компетентности в области фасилитации личностного роста курсантов. Перспективным представляется и дальнейшее изучение критериев эффективности наставнической деятельности. И разработка программ подготовки наставников, ориентированных на развитие рефлексивных и фасилитативных компетенций. Тогда все это будет реализовываться не интуитивно, а на основе научно обоснованных методик.

Список источников

1. Русанов С. Н. Современный вооруженный конфликт: некоторые медицинские, социальные и экологические последствия / С. Н. Русанов, М. М. Авхименко // Медицинская сестра. 2015. № 8. С. 47–50.

2. Бердинских Л. Н. Нравственная культура личности российского офицера / Л. Н. Бердинских, С. В. Бойко // Научная мысль. 2018. Т. 4, № 2(28). С. 17–25.

3. Вдовюк В. И. Военная педагогика: теория и практика. М. : Военный университет, 2017. 399 с.

4. Шаповалов И. В. Формирование профессиональной ответственности будущих офицеров национальной безопасности: понятие, структура, условия и средства / И. В. Шаповалов, С. Н. Сорокоумова // Педагогический журнал. 2020. Т. 10, № 2-1. С. 127–133. DOI 10.34670/AR.2020.91.98.015.

5. Кошелева Ю. П. Теоретические подходы к ролевому поведению и межролевой конфликт // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2018. № 1. С. 132–151.

6. Антипенко Ю. Т. Интериоризация ценности единства как фактор духовно-нравственного развития личности // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 1(41). С. 127–133. DOI 10.24151/2409-1073-2024-1-127-133.

7. Кабанова В. С. О синергетическом подходе к воспитанию и обучению // Образование и саморазвитие. 2014. № 1(39). С. 113–120.

8. Карпов А. В. Психология ответственности военного специалиста: монография. М. : Академический проект, 2018. 215 с.

9. Платонов К. К. Краткий словарь системы психологических понятий: учебное пособие / К. К. Платонов. М. : Высш. школа, 1981. 175 с.

10. Осипов П. Н. Военно-профессиональная направленность и ответственность как основа становления личности офицера // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5, № 4 (17). С. 227–230.

11. Алехин И. А. Актуальные тенденции воспитания и обучения в военных вузах на основе информационных ресурсов / И. А. Алехин, И. В. Тренин // Образовательные ресурсы и технологии. 2018. № 1(22). С. 7–10. DOI 10.21777/2500-2112-2018-1-7-10.

12. Дудурин В. П. Наставничество в военно-учебных заведениях как средство адаптации курсантов к военно-профессиональной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1 (85). С. 202–206.

13. Напсо М. Д. Наставничество как образовательно-педагогическая технология // Ученые записки Орловского государственного университета. 2024. № 2(103). С. 311–314. DOI 10.33979/1998-2720-2024-102-2-311-314.

14. Лукьянов В. В. Наставничество как технология профессионального воспитания будущих офицеров // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. Т. 25, № 4. С. 68–73.

15. Хуторской А. В. Методология педагогики: человекосообразный подход. М. : Эйдос, 2020. 328 с.

16. Муцынов С. С. Психолого-педагогическое сопровождение формирования профессиональной ответственности у курсантов образовательных организаций МЧС России // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 71-3. С. 246–249.

17. Слесарев С. В. Нравственно-волевое воспитание курсантов военных институтов в процессе профессиональной подготовки // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 23, № 176. С. 25–33.

18. Барабанщикова В. В. Развитие профессионально-личностных качеств курсантов в образовательной среде военного вуза // Science for Education Today. 2019. Т. 9, № 6. С. 7–23.

19. Ленков С. Л. Психология устойчивости к стрессу у военнослужащих: монография. М. : Илекса, 2016. 280 с.

20. Федорова С. Н. Формирование личной ответственности у курсантов ведомственных вузов в процессе изучения гуманитарных дисциплин // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. Т. 10, № 4. С. 94–99.

21. Суртаева Н. Н. Наставничество: история и современность / Н. Н. Суртаева, О. В. Ройтблат, Ж. Б. Косицына // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 4(101). С. 193–196. DOI 10.24412/1991-5497-2023-4101-193-196.

References

1. Rusanov S. N. Modern armed conflict: some medical, social, and environmental consequences / S. N. Rusanov, M. M. Avhimenko // Medicinskaya sestra. 2015;8: 47–50. (In Russ).
2. Berdinskih L. N. The moral culture of the personality of a Russian officer / L. N. Berdinskih, S. V. Bojko // Nauchnaya mysl'. 2018. Vol. 4;2(28): 17–25. (In Russ).
3. Vdovyuk V. I. Voennaya pedagogika: teoriya i praktika. M. : Voennyj universitet, 2017. 399 s. (In Russ).
4. SHapovalov I. V. Developing the professional responsibility of future national security officers: concept, structure, conditions, and means. / I. V. SHapovalov, S. N. Sorokoumova // Pedagogicheskij zhurnal. 2020. Vol. 10;2-1: 127–133. DOI 10.34670/AR.2020.91.98.015. (In Russ).
5. Kosheleva YU. P. Theoretical approaches to role‑based behavior and inter‑role conflict // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki. 2018;1: 132–151. (In Russ).
6. Antipenko YU. T. Internalization of the value of unity as a factor in the spiritual and moral development of the individual. // Ekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya. 2024;1(41): 127–133. DOI 10.24151/2409-1073-2024-1-127-133. (In Russ).
7. Kabanova V. S. On a synergistic approach to education and training // Obrazovanie i samorazvitie. 2014;1(39): 113–120. (In Russ).
8. Karpov A. V. Psihologiya otvetstvennosti voennogo specialista: monografiya. M. : Akademicheskij proekt, 2018. 215 s. (In Russ).
9. Platonov K. K. Kratkij slovar' sistemy psihologicheskih ponyatij: uchebnoe posobie / K. K. Platonov. M. : Vyssh. shkola, 1981. 175 s. (In Russ).
10. Osipov P. N. Military‑professional orientation and responsibility as the foundation for the development of an officer's personality. // Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologiya. 2016. Vol. 5;4 (17): 227–230. (In Russ).
11. Alekhin I. A. Current trends in the education and training of military university students based on information resources. / I. A. Alekhin, I. V. Trenin // Obrazovatel'nye resursy i tekhnologii. 2018;1(22): 7–10. DOI 10.21777/2500-2112-2018-1-7-10. (In Russ).
12. Dudurin V. P. Mentoring in military educational institutions as a means of adapting cadets to military‑professional activities. // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2020;1 (85): 202–206. (In Russ).
13. Napso M. D. Mentoring as an educational and pedagogical technology // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2024;2(103): 311–314. DOI 10.33979/1998-2720-2024-102-2-311-314. (In Russ).
14. Luk'yanov V. V. Mentoring as a technology for the professional development of future officers // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Sociokinetika. 2019. Vol. 25;4: 68–73. (In Russ).
15. Hutorskoj A. V. Metodologiya pedagogiki: chelovekosoobraznyj podhod. M. : Ejdos, 2020. 328 s. (In Russ).
16. Mucynov S. S. Psychological and pedagogical support for the development of professional responsibility among cadets of educational organizations of the Ministry of Emergency Situations of Russia. // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2021;71-3: 246–249. (In Russ).
17. Slesarev S. V. Moral and volitional education of cadets in military institutes during professional training. // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2018. Vol. 23;176: 25–33. (In Russ).
18. Barabanshchikova V. V. The development of cadets' professional and personal qualities in the educational environment of a military university. // Science for Education Today. 2019. Vol. 9;6: 7–23. (In Russ).
19. Lenkov S. L. Psihologiya ustojchivosti k stressu u voennosluzhashchih: monografiya. M. : Ileksa, 2016. 280 s. (In Russ).

20. Fedorova S. N. Fostering personal responsibility among cadets at departmental universities in the process of studying humanities disciplines. // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2020. Vol. 10;4: 94–99. (In Russ).

21. Surtaeva N. N. Mentoring: History and Modernity / N. N. Surtaeva, O. V. Rojtblat, ZH. B. Kosicyna // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2023;4(101): 193–196. DOI 10.24412/1991-5497-2023-4101-193-196. (In Russ).

Информация об авторах

А.°А. Лаптев *– кандидат педагогических наук*
А. М. Пихтелев *– кандидат социологических наук*
С. Н. Хутчев *– кандидат педагогических наук*

Information about the authors

A.°A. Laptev *– Candidate of Sciences (Pedagogy)*
A. M. Pikhtelev *– Candidate of Sciences (Sociological)*
S. N. Khutchev *– Candidate of Sciences (Pedagogy)*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 09.03.2026; одобрена после рецензирования 10.09.2026; принята к публикации 28.09.2026.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 09.03.2026; approved after reviewing 10.09.2026; accepted for publication 28.09.2026.

Научная статья

УДК 378

ФЕНОМЕН БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ КАК ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ И ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ РАКУРС В РОССИИ

Нина Васильевна Масло[1], Ирина Александровна Федосеева[2]
[1] Автономная некоммерческая организация патриотического воспитания «Победоносец», Москва, Россия
[2] Главный центр научных исследований Росгвардии, Москва, Россия
[1] n.maslo@ano-pobedonosets.ru
[2] fedosseevairina60@gmail.com

Аннотация. В данной статье осуществлена попытка проанализировать ценностно-мотивационные основы благотворительности в историческом контексте. Исследуется благотворительность как социокультурный феномен, который отражает уровень социально-экономического развития общества, состояние его нравственности и цивилизованную зрелость. Приведенные примеры отражают проявление благотворительности в разные исторические периоды. Акцентируется внимание на том, что в дореволюционной России благотворительность в большей степени имела нравственный контекст, характеризовалась пожертвованием частных лиц. Эта деятельность отражала моральные нормы того времени, служила актом личного, нравственного здоровья. Раскрываются различные виды благотворительности, которые соответствуют разным историческим периодам.

Развитие общества подвержено кризисным изменениям, что находит отражение в культуре, смыслах, нормах, которые обеспечивают устойчивость и процветание государства. Нарушение привычного образа жизни усиливает индивидуальную неустроенность, в то время как каждый из нас нуждается в значительной поддержке со стороны общества, государства и различных структур.

В подобной ситуации благотворительность как фактор социального согласия, приобретает особую актуальность. В условиях трансформационных процессов благотворительность сглаживает социальные противоречия, приводит к нивелированию сложных кризисных явлений, способствует повышению устойчивости общества и социального порядка.

Ключевые слова: нравственность, духовность, воспитание, милосердие, меценатство, благотворительность

Для цитирования: Масло Н.В., Федосеева И.А. Феномен благотворительности как ценностно-смысловой и историко-педагогический ракурс в России // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 292–299. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/031.pdf.

Original article

THE PHENOMENON OF CHARITY AS A VALUE-BASED AND HISTORICAL-PEDAGOGICAL PERSPECTIVE IN RUSSIA

Nina V. Maslo[1], Irina A. Fedoseeva[2]
[1] Autonomous Non-Profit Organization for Patriotic Education "Pobedonosets", Moscow, Russia
[2] The Main Research Center of the Russian National Guard, Moscow, Russia
[1] n.maslo@ano-pobedonosets.ru
[2] fedosseevairina60@gmail.com

Abstract. This article attempts to analyze the value-motivational foundations of philanthropy in a historical context. It examines philanthropy as a sociocultural phenomenon that reflects a society's level of socioeconomic development, its moral state, and its civilized maturity. The examples provided illustrate the manifestations of philanthropy in different historical periods. It emphasizes that in pre-revolutionary Russia, philanthropy had a largely moral context and was characterized by donations from individuals. This activity reflected the moral norms of the time and served as an act of personal and moral health. Various types of philanthropy, corresponding to different historical periods, are explored. Society's development is subject to crisis-driven changes, which are reflected in the culture, meanings, and norms that ensure the stability and prosperity of the state. Disruption to the usual way of life increases individual instability, while each of us requires significant

support from society, the state, and various institutions. In such a situation, philanthropy, as a factor in social cohesion, takes on particular relevance. In the context of transformation processes, charity smooths out social contradictions, leads to the mitigation of complex crisis phenomena, and contributes to increasing the stability of society and social order.

Keywords: morality, spirituality, education, mercy, patronage, charity

For citation: Maslo N.V., Fedoseeva I.A. The phenomenon of charity as a value-based and historical-pedagogical perspective in Russia. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36):292–299. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/031.pdf.

© Масло Н.В., Федосеева И.А., 2026

Введение

Развитие российского государства и общества современного периода (начало XXI века) происходит в сложной и противоречивой ситуации. Это обусловлено не только неустойчивой ситуацией в мире, технологическими процессами, но и теми изменениями, которые связаны с духовно-нравственными основами России, её идеалами, традиционными ценностями. Разрушение марксистско-ленинской идеологии, падение коммунистической системы воспитания сопровождалось изменением культурного слоя общества, формированием понятия «нулевая духовность» [23]. Этот период характеризовался трансформацией традиционных ценностей, таких как честь, благородство, красота, добро, справедливость, которые были незыблемы для России, являлись образцами социального поведения и взаимодействия. Одним из таких ориентиров жизнедеятельности является благотворительность как часть жизни общества, так и оказание материальной и духовной помощи отдельным нуждающимся, организациям. Л. В. Мардахаев пишет: «Благотворительность – это добровольная и безвозмездная помощь тем, кто нуждается в поддержке» [15]. В статье «Благотворительность в современном российском обществе: вопросы теории и практики» Н. М. Калина указывает, что в Законе Российской Федерации «благотворительная деятельность – добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе, денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки» [12].

Основные положения

Однако прежде чем характеризовать благотворительность, раскроем ее виды, такие как филантропия, спонсорство, меценатство, милосердие.

Согласно словарю С. И. Ожегова, филантропами называют людей, которые осознанно направляют свои ресурсы (денежные средства, время, знания) на решение общественных проблем. То есть основная задача – это создание долгосрочных изменений на благо общества [17].

Спонсорство рассматривается как материальная поддержка кого-либо в личных интересах, чтобы остаться в «доброй памяти потомков». Оно направлено на получение известности, рекламы, выгоды.

Меценатство отсылает нас к государственному деятелю Древнего Рима Мецената, который оказывал материальную поддержку людям искусства [20].

Основу милосердия составляет духовное начало: сострадание, человеколюбие. Милосердие побуждает человека к бескорыстной помощи, руководствуясь нравственным принципом «творить добро». Оно направлено на совершение благих дел, где нравственные идеалы являются неким мотивом для осуществления этой деятельности [4].

Рассуждая о благотворительности как о социокультурном феномене, отметим ее сложный, противоречивый характер с типичными традиционными взглядами и радикальными мнениями. С одной стороны, благотворительность выступает как средство нравственной поддержки, воздействуя на духовную сферу личности. С другой стороны, является инструментом политического влияния, продвижения собственных интересов. Здесь уместно упомянуть о милосердии. Милосердие как вид благотворительности рассматривается в формате оказания помощи из сострадания, сердечности, человеколюбия [17]. Благотворительность означает «творить благо», проявляя милосердие. Однако благо понимается по-разному, кто-то для созидания и процветания общества, духовного развития, иные для материального обогащения.

Дело в том, что для каждого исторического этапа благотворительность была представлена по-разному, являясь сложным противоречивым явлением. На это влияли политические взгляды, идеологические убеждения, менталитет, финансовые возможности, духовные основы. На то, что бла-

готворительная деятельность не является принудительным явлением, указывают А. М. Егорычев, Л. В. Мардахаев, А. К. Быков, Р. Г. Апресян, С. В. Буданцева и др. [8, 16, 19]. Благотворительность – это не практика, это добровольное личное дело, где обязательными условиями являются материальный потенциал, сострадание, альтруизм. Она выступает как от конкретного лица, так и от общественной организации. Может быть направлена на поощрение, поддержку каких-либо значимых форм деятельности (конкурсов «Формирование патриотизма в кадетских корпусах», социальных проектов «Защита памятников русской культуры», «Лучшая спортивная дворовая команда» и др.). Благотворительность проявляется в поддержке детей, больных онкологией, военнослужащих – инвалидов, детей-сирот и др. Повторюсь, что доминантой выступает человеческое милосердие.

Историки пишут, что с принятием христианства в Древней Руси благотворительность получает направление «нищелюбие», то есть оказание помощи тем, кто особо нуждается. Рассуждая по этому поводу, В. О. Ключевский делает вывод, что «…человеколюбие у наших предков было то же, что и нищелюбие, и любить ближнего означало прежде всего: накормить голодного, напоить жаждущего, посетить заключенного в темнице….» [11]. Древнюю Русь русский историк отождествляет с духовностью, где ценили только личную благотворительность, милостыню, подаваемую из рук в руки. Благотворительность являлась необходимым условием нравственного здоровья христианина. «Нищий богатым питается, а богатый нищего молитвою спасается» [13].

Анализируя истоки благотворительности, отметим, что на всех этапах развития данное понятие сопровождает феномен «милостыня». В Древней Руси благотворительность существовала в форме милостыни. В 996 г. князь Владимир издает указ, согласно которому духовенство должно было заниматься общественным призрением, то есть помогать старым, убогим и больным [1]. В соответствии с уставом на содержание мест богослужения, монастырей, церквей, а также созданных при них благотворительных учреждений определялась «десятина», то есть десятая часть княжеских доходов, что для того времени были немалые деньги. Отметим, что в годы становления Киевской Руси князей оценивали не только по их государственным делам, но прежде всего по их отношению к бедным, больным, нищим, престарелым. Это являлось яркой характеристикой того времени. Так, князь Владимир («Красное солнышко») велел всякому нищему и убогому приходить на княжий двор, «брать кушанье и питье, деньги из казны», а дряхлым и больным посылал телеги, груженные хлебом, мясом, рыбой, «овощем разным» [3]. Данной традиции последовали русские князья Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Александр Невский, продолжившие заниматься благотворительностью. Из поучения князя Владимира, прозванного Мономахом, «…Куда пойдете и где остановитесь – напоите и накормите нищего и странника…», «…открой свой дом нищим, вдовицам, сиротам, не имущим где главы преклонить» [10]. Князь Ярослав в 1016 г. создает сиротское училище, где обучает 300 юношей на своем иждивении.

Справедливости ради отметим, что предпосылками становления благотворительности явились модели взаимопомощи, зародившиеся в Архаичные периоды (конец III – перв. половина II века до н. э.), основанные на общинных нормах поведения, оккультизме, сакральных смыслах.

Поддерживаемая правителями Древней Руси русская православная церковь полностью берет на себя благотворительную функцию, становясь центром поддержки неимущих, больных, убогих, внушая мысль, что помогать нуждающимся – это дело богоугодное. Яркими примерами являются Преподобный Серафим Саровский, Старец Амвросий, Сергий Радонежский, которые верой и правдой служили людям, совершая акты милосердия, посвящая свои деяния помощи людям [9].

Впервые идею о благотворительной деятельности на государственном уровне выдвинул И. В. Грозный, выступая на Стоглавом соборе о строительстве больницы и богадельни для мужчин и женщин. Речь шла об упорядоченности помощи нуждающимся, организованном призрении. При этом расход средств осуществляло духовенство, куда передавали свои пожертвования частные лица. Здесь прослеживается связь власти – церкви – благотворительности, где церковь монополизировала средства, распределяя их самостоятельно. С другой стороны, именно церковь выступала теми скрепами, которые спасали голодающих, давали зерно крестьянам, спасали от стихийных бедствий, войн, голода. Вера помогала не озлобиться людям, сохра-

нить веру в добро и нравственные ориентиры.

Продолжая рассуждение в этом ключе, отметим тонкую грань благотворительной деятельности западной и русской церкви, их заботами об обездоленных людях. Западная церковь ограничивалась приютом и пропитанием немощных, нищих, сломленных физически и морально людей. Основная задача заключалась в том, чтобы призреть нищих. Русская церковь обеспечивала не только ночлегом, едой, но и занималась обучением, воспитанием, лечением. При монастырях функционировали детские приюты, богадельни, бесплатные больницы. Народная забота, проявление человеческого долга перед детьми находит отражение в народных пословицах: «С миру по нитке, а бедному сироте сорочка», «Настоящий воин тот, у кого есть милосердие», «Против милосердия и меч бессилен» [5, 13].

Таким образом, в ранний период становления Киевской Руси благотворительность характеризовалась пожертвованием частных лиц, в основном князей, которые должны были заботиться о благосостоянии вверившихся им людей. Эта деятельность отражала моральные нормы того времени, служила актом личного, нравственного здоровья.

Благотворительность как проявление профессиональной деятельности, переход на государственный уровень связана с петровским периодом. Это время знаменуется созданием различных богадельней, интернатов, человеколюбивых обществ. Начинает оформляться система государственного призрения, устанавливаются должности для лиц, желающих заниматься благотворительностью профессионально, сиротство становится объектом попечения государства. Состоятельных граждан Петр I призывает финансово помогать богадельням, госпиталям, обращая внимание на солдат-инвалидов. По сути, общественное призрение практически переходит в заботу государства.

Большой вклад в благотворительную деятельность вносит Екатерина II, развивая систему государственной благотворительности в России. Согласно источникам практически в каждой губернии (40 из 55) создавались приказы общественного призрения. В соответствии с данными документами открывались заведения для умалишенных и неизлечимых людей, больницы, богадельни, сиротские дома, а также воспитательные дома для «зазорных младенцев». Впервые создаются всесословные больницы для бедных: Павловская (1764 г.), Екатерининская (1776 г.), дома для душевнобольных в Петербурге (1779 г.), Москве (1785 г.), Новгороде (1786 г.), начинают функционировать ссудные кассы и кредиты для остро нуждающихся людей. Объективно благотворительная деятельность этого времени явилась продолжением реформ Петра I, отвечающая интересам социума, решению социальных проблем профессионального нищенства и бродяжничества. Функционирование учреждений осуществлялось за счет государственных средств, а также состоятельных лиц, выполняя одну из существенных функций существования и развития русского общества. Являясь продолжателем Петра I, Екатерина II вводит регулярные взносы пожертвований на организацию общественных и частных мест для помощи нуждающимся.

Однако нельзя утверждать, что частные пожертвования имели бескорыстный характер. Так, характеризуя XVIII в. Бернард де Мандевиль пишет, что «основной целью в благотворительной деятельности было не помочь нуждающимся, а остаться в доброй памяти потомков» [14]. Вместе с тем совершаемые добрые дела имели огромную социально значимую пользу для общества.

Особого расцвета благотворительность достигает во времена правления императрицы Марии Федоровны, которая была последователем социальной политики государства в этой области. При ее участии открываются благотворительные больницы для бедных (Мариинские), воспитательные дома для глухонемых и слепых детей, богадельни для вдов военных и гражданских чиновников, сиротские дома и училища в Москве и Петербурге. Так, на собственные средства Мария Федоровна открывает педагогические классы при воспитательных домах и пепиньерские классы в женских гимназиях и институтах, которые готовили учительниц и гувернанток; основывает Попечительство о глухонемых детях. Мария Федоровна основывает «Ведомство учреждений императрицы Марии», которое на 1900 г. оказывало помощь 160 тыс. неимущим [16].

Помимо государственной казны, своих личных сбережений Мария Федоровна активно привлекала богатых людей для внесения частных пожертвований на содержание данных учреждений, что являлось ярким примером для подражания образованной части российского общества. Про-

явление подвижничества, благородство души членов императорской семьи в сфере благотворительности являлось знаковым явлением в дореволюционной России.

На всю страну известны имена предпринимателей, патриотов России, династий Строгановых, Босовых, Демидовых, вектором жизни которых был принцип «Отечеству принесу богатство, себе оставлю имя…». Так, при финансовой поддержке Строгановых строится Казанский собор, первая российская школа рисования (Строгановское училище), а ныне – Московская государственная художественно-промышленная академия им. С. Г. Строганова. Большой вклад в развитие страны вносит династия Демидовых: строительство оружейных, горнодобывающих и металлургических предприятий в Туле на Урале, освоение земель, развитие науки.

Хорошо известны имена благотворителей княгини Елизаветы Маврикиевны, врача-психотерапевта И. В. Маляревского, частной предпринимательницы А. С. Балицкой и др. Открываются общество «Синий крест» - попечение о больных детях, врачебно-воспитательное заведение для умственно отсталых детей; создается первый приют для калек и парализованных детей. Высшим сословием организуются кассы «самопомощи» для оказания финансовой поддержки тем, кто попал в бедственное положение. Развивается просветительская деятельность по отношению к малолетним преступникам. На законодательном уровне тоже наблюдаются изменения. Постепенно церковь отходит от дел презрения, государство создает институты, которые начинают осуществлять политику в области социальной поддержки и защиты. К концу XIX в. система общественно-государственного призрения детей представляла собой разветвленную сеть благотворительных обществ и учреждений, которые курировали русские императрицы. Конец XIX в. ознаменовался существованием около 800 учебных заведений и благотворительных обществ.

Конец XVIII в. – начало XIX в. ознаменовался всплеском меценатства как категории благотворительности, как из числа высшего сословия, так и купечества. Среди них К. Т. Солдатенков, Павел и Михаил Третьяковы, Савва Мамонтов, Савва Морозов, Дмитрий Рябушинский, И. Г. Щеголев, А. А. Саввиных, Н. Г. Гадалов, Н. И. Путилов и др. Так, московская Третьяковская галерея (Третьяковка) навсегда связана с именем братьев Третьяковых, которые пожертвовали на развитие искусства в России более 3 млн рублей. Благодаря финансовым вложениям Саввы Мамонтова, который был «строителем русской культурной жизни», весь мир узнал о Федоре Шаляпине – «Царь-колокол, Царь-пушка и Царь-бас», а его голос принес России мировую известность. Благодаря усилиям Саввы Морозова строятся больницы, роддом, библиотека. С духовными воззрениями связаны имена И. Г. Щеголева, который в XIX в. основал Петропавловский храм в Красноярской тюрьме, вложения Н. Г. Гадалова, пожертвовавшего на строительство Красноярских храмов. Поддержку молодых художников оказывают меценаты А. А. Савиных, М. А. Морозов, Г. Г. Солодовников и др. Как истинный патриот своей страны А. А. Савиных жертвует на строительство рисовальной школы, Народного университета, выплачивает стипендии учащимся. Покровительствует наукам и искусствам принцесса Е. Ольденбургская, выплачивая именные стипендии в Конь-Колодезной сельскохозяйственной школы. Этот перечень можно продолжить и дальше. Исследование дореволюционного опыта показывает, что это было время «золотого века» меценатства. Как вид благотворительности оно дало толчок в развитии искусства, здравоохранения, образования, промышленности в России, способствовало поддержке детей, «проектируя» социализацию личности. Выступая в социальном аспекте, благотворительность представляет собой оказание помощи другим лицам за счет собственного благосостояния. При этом приносит пользу не только непосредственному благополучателю, но и обществу в целом [21].

Исходя из вышеизложенного, основными мотивами благотворительности выступают гражданский и нравственный долг, направленный на общее благо.

Рассуждая по поводу благотворительности в русле воспитания, подчеркнем, что с усложнением общества меняется характеристика социального в воспитании [18]. Безусловно, миссия воспитания в учебных заведениях для детей неимущих родителей, оставляемых по бедности, заключалась не только в обеспечении профессией, но и в формировании качеств в соответствии с удовлетворением социальной потребности – осмысленного взращивания членов общества, выполнения определенных социальных ролей. В данном случае благотворительность выступает как инструмент воспитания. Мы видим, что воспитание приоб-

ретает статус социального института, характеризуясь специфическими особенностями в соответствии с характером целей, задач, средств.

С приходом советской власти благотворительность признается как пережиток буржуазного строя и уничтожается. Государство полностью берет под свою опеку социально обездоленных, нуждающихся детей, число которых резко возрастает. Появляется целая плеяда выдающихся педагогов, психологов, неравнодушных к проблемам детства. Подтверждением тому являются практические труды А. С. Макаренко, П. П. Блонского, С. Т. Шацкого, Л. С. Выготского и др. Открываются Первая опытная станция Наркомпроса (С. Т. Шацкий), трудовая колония им. М. Горького (А. С. Макаренко), деятельность которых получает международное признание.

Тяжелые годы войны 1941–1945 гг. вновь обостряют ситуацию в стране растет число социально обездоленных детей, создаются школы – интернаты для эвакуированных детей, возрождается благотворительность, которая выражается в открытии специальных счетов, фондов, передаче личных сбережений.

Однако в послевоенные годы само понятие «благотворительность» не упоминается, благотворительная деятельность рассматривается как пережиток прошлого. С одной стороны, это противоречило идеологическим установкам страны, где государство полностью брало на себя выполнение социальной функции. Уместно привести выдержку из Большого энциклопедического словаря: «Благотворительность представляет собой явление, свойственное лишь классовому обществу. Социальному строю СССР чуждо понятие благотворительности» [4].

С другой стороны, отмена благотворительности была связана с равенством трудящихся и наличием воспитательных систем (пионерии, комсомола, партии), которые оказывали поддержку детству. На это указывают лозунги «За детство счастливое наше, спасибо, родная страна!», «Все лучшее – детям!» и др.

С переходом на рыночные отношения, изменением социально-экономической ситуации в стране, возрастает интерес к благотворительности.

На государственном уровне принимаются законы, социальные программы, указы президента по социальной поддержке населения. Вопросами детства, оказанием помощи обездоленным, инвалидам начинают заниматься различные ведомства и министерства; благотворительность закрепляется на новой основе. Принимается закон Российской Федерации «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» (7 июля 1995 г.), который способствует открытию различных фондов по оказанию поддержки детства, различным слоям населения. Начинается развитие негосударственных форм благотворительности. В России официально вводится институт социальной педагогики, статус социального педагог.

Положительным моментом является то, что в начале нового тысячелетия благотворительность вновь обретает свою значимость. На это указывают работы И. С. Ждановой, Л. Е. Душацкого, А. Л. Свердловой, Л. А. Темниковой, Е. Ю. Горбуновой и др. На первый план выходят структуры частного бизнеса, пожертвования которого касаются науки, образования, здравоохранения, искусства. Финансовые вложения в большей степени происходят исключительно из личных мотивов. Благотворительная деятельность в России все больше приобретает масштабные размеры. Увеличивается количество различных фондов, разнообразных форм оказания помощи нуждающихся, включая интернет-благотворительность.

Заключение

Таким образом, рассмотрев этапы становления благотворительности, можно сказать, что благотворительность как деятельность прошла долгий путь осмысления, структурирования, начиная с истории Древней Руси и заканчивая современностью. Благотворительность – это сложное, противоречивое явление. С одной стороны, основу составляет нравственный принцип: делать добро, помогать близким. С другой, всегда существовали иные нормы, жажда «блистательности и славы», «склонность к хвастовству».

Сегодня огромная роль благотворительности принадлежит в становлении социальной защиты нуждающимся, общественном развитии государства, защите и поддержке детства. Благотворительность для России есть знаковое явление, поскольку силы народа устремлены к внутренней духовной жизни, а милосердие, сострадание, любовь к ближнему – это качества, которые передаются с молоком матери, выступают содержанием социокультурного кода русского (российского) народа.

Список источников

1. Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв. / сост. С. Д. Бабишин, Б. Н. Митюров. М. : Педагогика, 1985. С. 47–369.
2. Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М. : Республика, 1994. 480 с.
3. Благотворительность в России и государственная политика. М. : Научный эксперт, 2013. 224 с.
4. Большой энциклопедический словарь. М. : Изд-во «Советская энциклопедия», 1993. 1628 с.
5. Васильцова З. П. Мудрые заповеди народной педагогики. М. :«Педагогика», 1988. 140 с.
6. Воспитательная система С. Т. Шацкого / сост. Г. А. Малинин, Ф. А. Фрадкин. М. : Прометей, 1993. 153 с.
7. Даль В. И. Пословицы русского народа. М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2001. 448 с.
8. Егорычев А. М. Антропоцентризм как выражение гуманитарной парадигмы в образовании // Вестник УМО вузов России по образованию в области социальной работы. 2008. № 3. С. 17–24.
9. Ильин, И. А. О русской душе // Педагогика. 1999. № 5. С. 94.
10. Исторический альманах / авторы проекта: А. Кушнир, В. Чумаков. М. : Народное образование, 2000. 400 с.
11. Ключевский В. О. Соч.: в 9 т. / под ред. В. Л. Янина; послесл. и коммент. Р. А. Киреевой. М. : Мысль, 1990. 525 с. Т. IX.
12. Калина Н. М. Благотворительность в современном российском обществе: вопросы теории и практики // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 2. С. 132–139.
13. Лузганова Н. Н. Древняя Русь в пословицах и поговорках // Образование и воспитание. 2025. № 8 (60). С. 39–43.
14. Мандевиль Б. Басня о пчелах, или Пороки частных лиц – блага для общества. М. : Изд-во «Наука», 2000.
15. Мардахаев Л. В. Педагогика среды: учебное пособие. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2009. 471 с.
16. Модзалевский Л. Н. Очерки истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен / под ред. М. В. Захарченко. СПб., 2000. Ч. 1. 492 с.
17. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. М. : Русский язык, 1990. 917 с.
18. Ромм Т. А. Социальное воспитание: эволюция теоретических образов. Новосибирск: Наука; Изд-во НГТУ. 2007. 380с.
19. Русская идея: сборник произведений русских мыслителей / сост. Е. А. Васильев; предисл. А. В. Гулыги. М. : Айрис-пресс, 2002. 512 с.
20. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М. : Сов. энциклопедия, 1988. 1600 с.
21. Социальная педагогика: курс лекций / под общ. ред. М. А. Галагузовой. М. : Гуманит.из.центр ВЛАДОС, 2000. 416 с.
22. Социально-педагогические условия развития благотворительной деятельности общественных объединений Сайтбагин А. Р. URL: http://www.nauka-pedagogika.com (дата обращения: 19. 11. 2025).
23. Федосеева И. А. Роль российского государства в становлении и развитии социального воспитания // Социальная политика и социология. 2012. № 8 (86). С. 117–124.

References

1. Antologiya pedagogicheskoj mysli Drevnej Rusi i Russkogo gosudarstva XIV–XVII vv. / sost. S. D. Babishin, B. N. Mityurov. M. : Pedagogika, 1985. S. 47–369. (In Russ.).
2. Berdyaev N. A. Filosofiya svobodnogo duha. M. : Respublika, 1994. 480 s. (In Russ.).
3. Blagotvoritel'nost' v Rossii i gosudarstvennaya politika. M. : Nauchnyj ekspert, 2013. 224 s. (In Russ.).
4. Bol'shoj enciklopedicheskij slovar'. M. : Izd-vo «Sovetskaya enciklopediya», 1993. 1628 s. (In Russ.).
5. Vasil'cova Z. P. Mudrye zapovedi narodnoj pedagogiki. M. :«Pedagogika», 1988. 140 s. (In Russ.).
6. Vospitatel'naya sistema S. T. SHackogo / sost. G. A. Malinin, F. A. Fradkin. M. : Prometej, 1993. 153 s. (In Russ.).

7. Dal' V. I. Poslovicy russkogo naroda. M. : RIPOL KLASSIK, 2001. 448 s. (In Russ.).
8. Egorychev A. M. Antropocentrizm kak vyrazhenie gumanitarnoj paradigmy v obrazovanii // Vestnik UMO vuzov Rossii po obrazovaniyu v oblasti social'noj raboty. 2008. № 3. S. 17–24. (In Russ.).
9. Il'in, I. A. O russkoj dushe // Pedagogika. 1999. № 5. S. 94. (In Russ.).
10. Istoricheskij al'manah / avtory proekta: A. Kushnir, V. CHumakov. M. : Narodnoe obrazovanie, 2000. 400 s. (In Russ.).
11. Klyuchevskij V. O. Soch.: v 9 t. / pod red. V. L. YAnina; poslesl. i komment. R. A. Kireevoj. M. : Mysl', 1990. 525 s. T. IX. (In Russ.).
12. Kalina N. M. Blagotvoritel'nost' v sovremennom rossijskom obshchestve: voprosy teorii i praktiki // Vestnik ekonomiki, prava i sociologii. 2019. № 2. S. 132–139. (In Russ.).
13. Luzganova N. N. Drevnyaya Rus' v poslovicah i pogovorkah // Obrazovanie i vospitanie. 2025;8 (60): 39–43. (In Russ.).
14. Mandevil' B. Basnya o pchelah, ili Poroki chastnyh lic – blaga dlya obshchestva. M. : Izd-vo «Nauka», 2000. (In Russ.).
15. Mardahaev L. V. Pedagogika sredy: uchebnoe posobie. Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2009. 471 s. (In Russ.).
16. Modzalevskij L. N. Ocherki istorii vospitaniya i obucheniya s drevnejshih do nashih vremen / pod red. M. V. Zaharchenko. SPb., 2000. CH. 1. 492 s.
17. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka: 70 000 slov / pod red. N. YU. SHvedovoj. 23-e izd., ispr. M. : Russkij yazyk, 1990. 917 s.
18. Romm T. A. Social'noe vospitanie: evolyuciya teoreticheskih obrazov. Novosibirsk: Nauka; Izd-vo NGTU. 2007. 380s.
19. Russkaya ideya: sbornik proizvedenij russkih myslitelej / sost. E. A. Vasil'ev; predisl. A. V. Gulygi. M. : Ajris-press, 2002. 512 s.
20. Sovetskij enciklopedicheskij slovar' / gl. red. A. M. Prohorov. M. : Sov. enciklopediya, 1988. 1600 s.
21. Social'naya pedagogika: kurs lekcij / pod obshch. red. M. A. Galaguzovoj. M. : Gumanit.iz.centr VLADOS, 2000. 416 s.
22. Social'no-pedagogicheskie usloviya razvitiya blagotvoritel'noj deyatel'nosti obshchestvennyh ob"edinenij Sajtbagin A. R. Available from: http://www.nauka-pedagogika.com (data obrashcheniya: 19. 11. 2025).
23. Fedoseeva I. A. The role of the Russian state in the formation and development of social education // Social'naya politika i sociologiya. 2012;8 (86): 117–124.

Информация об авторах

И. А. Федосеева *– доктор педагогических наук, профессор*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 06.06.2026;
одобрена после рецензирования 12.08.2026;
принята к публикации 28.09.2026.

Information about the authors

I. A. Fedoseeva *– Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor*

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 06.06.2026;
approved after reviewing 12.08.2026;
accepted for publication 28.09.2026.

Научная статья

УДК 378.147:355.58

АКМЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА СТАНОВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ВУЗА

Анастасия Андреевна Смирная[1], Дмитрий Николаевич Девятловский[2]
[1, 2] Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, Красноярск, Россия
[1] nastenasm@yandex.ru
[2] devyatlovskiy@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается теоретическое обоснование возможности применения акмеологического подхода в процессе становления профессиональных компетенций курсантов военного вуза. Показаны ключевые принципы, на которых строится образовательная деятельность в военном вузе. Опираясь на результаты научных трудов и потенциал образовательного процесса, сформулированы содержательные компоненты системы развития профессиональной компетентности курсантов. Реализуемый в исследовании методологический подход даёт возможность задействовать акмеологические технологии в образовании: технологии развития рефлексивной культуры, интерактивные и имитационные технологии, личностно-профессиональные тренинги, наставничество и тьюторство (акмеологическое сопровождение), креативные и проектные технологии, технологии саморазвития и акмеологического стимулирования, информационно-цифровые акме-технологии, которые открывают новые грани в процессе становления профессиональной компетентности.

Ключевые слова: акмеологический подход, профессиональные компетенции, методологический подход, курсант военного вуза

Для цитирования: Смирная А.А., Девятловский Д.Н. Акмеологический подход как методологическая основа становления профессиональных компетенций курсантов военного вуза // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 300–307. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/032.pdf.

Original article

THE ACMEOLOGICAL APPROACH AS A METHODOLOGICAL BASIS FOR DEVELOPING PROFESSIONAL COMPETENCIESIN MILITARY UNIVERSITY CADETS

Anastasiya A. Smirnaya[1], Dmitry N. Devyatlovsky[2]
[1, 2] Siberian State University of Science and Technology named after Academician M. F. Reshetnev, Krasnoyarsk, Russia
[1] nastenasm@yandex.ru
[2] devyatlovskiy@mail.ru

Abstract. This article examines the theoretical justification for applying the acmeological approach to developing professional competence in military university cadets. The key principles underlying educational activities at military universities are outlined. Drawing on the results of scientific research and the potential of the educational process, the substantive components of a system for developing cadets' professional competence are formulated. The methodological approach implemented in this study enables the use of acmeological technologies in education: technologies for developing a reflective culture, interactive and simulation technologies, personal and professional training, mentoring and tutoring (acmeological support), creative and project-based technologies, self-development and acmeological stimulation technologies, and information and digital acme technologies, which open up new dimensions in the development of professional competence.

Keywords: acmeological approach, professional competencies, methodological approach, military academy cadet

For citation: Smirnaya A.A., Devyatlovsky D.N. The acmeological approach as a methodological basis for developing professional competenciesin military university cadets. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;3(36):300–307. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/032.pdf.

© Смирная А.А., Девятловский Д.Н., 2026

Введение

В настоящее время современный образ военнослужащего определен кардинально новым подходом к профессиональной подготовке будущего офицера, ориентированного на формирование мотивационной составляющей личности, способной к качественному исполнению своего предназначения по защите конституционного строя, жизни и здоровья человека и гражданина России, направленного на формирование высокого уровня профессионализма, являющегося основой национальной безопасности общества в целом [12]. Корректный и целенаправленный выбор методологических подходов к проблеме исследования позволяет конкретизировать основные ее аспекты, раскрыть сущностные характеристики, выявить взаимосвязи и взаимообусловленности исследуемой проблемы с реалиями развития образовательного процесса военного вуза. Именно методология исследования способствует трансформации открытий педагогического исследования в военную практику и оказывает значительное влияние на развитие технологий военного образования [2]. Цель данной статьи – проанализировать методологическую основу процесса становления профессиональных компетенций курсанта военного вуза. Методология выступает «инструментом, который определяет стратегию научного поиска, наиболее эффективным способом познавательной активности, состоящей из системы принципов, методов и правил создания новых научных теорий и определяющий выбор путей и способов их практического применения в различных сферах военного образования» [2, с. 164].

Акмеологический подход выступает методологической основой становления профессиональных компетенций курсантов военного вуза, поскольку направлен на прогрессивное профессиональное саморазвитие, достижение вершин мастерства и личностного потенциала в военной сфере. Этот подход интегрирует психологические, педагогические и другие исследования, позволяя рассматривать курсанта как целостную, динамично изменяющуюся личность, субъекта деятельности и индивидуальности [13; 18; 19].

Ключевым аспектом в становлении профессиональных компетенций курсантов военного вуза является сочетание теоретического обучения и практической подготовки в ходе образовательного процесса. Это гарантирует, что по завершении обучения выпускники военных университетов будут оснащены как теоретической подготовкой, так и практическими навыками, необходимыми для решения как тактических, так и стратегических задач. Современные офицеры сталкиваются с инновационными технологиями, внедряемыми в Вооруженные силы, что является предпосылкой развития профессиональной компетентности, которая становится фундаментом для формирования у выпускника целостного военного профессионализма, объединяющего теоретические знания, практический опыт, нравственные ориентиры и физическую готовность к выполнению задач по предназначению.

Основные положения

Современная система высшего военного образования находится в состоянии перманентной трансформации, обусловленной не только технологическим переоснащением армии, но и сменой образовательных парадигм. В этих условиях традиционная знаниево-ориентированная модель подготовки офицерских кадров постепенно уступает место компетентностному подходу. Однако, как показывает практика, простое формирование набора умений и навыков (knowledge, skills, abilities) не гарантирует высокую эффективность выпускника в экстремальных ситуациях боевого управления. Именно здесь на первый план выходит акмеологический подход, который смещает фокус с «научения» на «взращивание» профессионала, способного к самореализации и непрерывному личностно-профессиональному развитию.

Акмеологический подход рассматривается многими учеными в контексте дефиниции понятия «акмеологическая культура». В исследовании В. В. Игнатовой и А. А. Смирной в качестве педагогических условий, обеспечивающих эффективность профессиональной подготовки и развитие акмеологической направленности личности будущего специалиста, выделяются: формирование у обучающихся мотивации к обучению; разработка способов педагогической поддержки; проектирование и реализация оценочных процедур; развитие рефлексивных навыков (анализ собственной деятельности); выбор технологии самообразования и др. [20].

В современной акмеологии понятие «акмеологическая культура» трактуется через несколько концептуальных ракурсов. Общее ядро всех определений – фиксация способности человека к ускоренному качественному росту и подготовке к достижению новых вершин (акме).

Феноменологический ракурс (Е. В. Селезнёва, Н. Н. Нечаев) представляет акмеологическую культуру как личностное новообразование, которое выполняет тройную функцию: обеспечивает ускорение качественного роста, закрепляет достигнутые результаты и подготавливает почву для следующего этапа развития [16; 17]. При этом, как подчеркивает А. А. Деркач, такое новообразование не возникает стихийно – оно появляется только при условии целенаправленной и осознанной работы человека над собой [9].

Интегративный ракурс (А. К. Маркова, М. В. Караулова) расширяет понимание: акмеологическая культура рассматривается как интегральная характеристика, объединяющая личностные и деятельностные аспекты. А. К. Маркова акцентирует связь с общественно значимыми достижениями и способами освоения действительности [15]. М. В. Караулова добавляет важный параметр – «постоянное усложнение задач и возрастание уровней достижений» в разных сферах жизнедеятельности [12].

Профессионально-педагогический ракурс (Л. В. Абдалина) конкретизирует понятие применительно к педагогу: это готовность к личностно-профессиональному росту, оптимальности самоосуществления на уровне профессионализма, обеспеченная развивающей компетенцией [1].

Системно-нормативный ракурс (авторская позиция ряда исследователей [6; 7; 8] определяет акмеологическую культуру как систему эталонных норм деятельности, формирование и развитие которой детерминировано комплексом личностно-профессиональных качеств.

Структура акмеологической культуры, объединяющая различные точки зрения ученых, состоит из трех взаимосвязанных компонентов:

– ментальный (интеллектуальный) – акмеологическая ментальность и менталитет как фундаментальный уровень сознания, обеспечивающий рефлексию и осознанные действия, направленные на самосовершенствование;

– аксиологический (ценностный) – высшие идеалы, личностные ценности и ценностные ориентации, выступающие не как непосредственная цель, а как критериальная база оценки эффективности саморазвития;

– креативный (творческий) – творчество как акме-ориентированная деятельность и креативность как качество личности, обеспечивающее продуктивность этой деятельности.

На основе проведенного исследования мы определяем акмеологическую культуру как атрибутивное свойство личности, которое: способствует продуктивному саморазвитию, достижению акме и самореализации; обеспечивает становление человека как целостности; включает систему ценностей, убеждений, знаний, умений и навыков, ориентированных на раскрытие профессионального и личностного потенциала для достижения оптимальных результатов в различных сферах жизни.

С нашей точки зрения, акмеологическая культура выступает в качестве одного из основных системообразующих факторов достижения профессионализма курсантов военного вуза и источника развития его профессиональных компетенций.

Анализ психолого-педагогической литературы позволил выделить основные функции методологических подходов в контексте нашего исследования:

1. Ориентирующая функция (компетентностный подход) – задает направление развития компетенций в соответствии с современными требованиями военной службы (боевая подготовка, управление подразделением, эксплуатация техники).

2. Инструментальная (технологическая) функция (деятельностный подход) – предоставляет набор конкретных методов, приемов и технологий для формирования навыков.

3. Системообразующая функция (системный подход) – обеспечивает целостность процесса: связывает цели, содержание, методы и критерии оценки компетенций в единую систему.

4. Критериально-оценочная функция (квалиметрический подход) – позволяет измерить уровень сформированности компетенции (от «знает» до «автоматизированно применяет в стрессовой ситуации»).

5. Развивающая (акмеологическая) функция (личностно-развивающий подход) – стимулирует переход от репродуктивного уровня (по образцу) к продуктивному (творческому) и эксперному (обучение других).

6. Социализирующая (нормативная) функция (аксиологический подход) – формирует не только навыки, но и принятие военной корпоративной культуры, субординации и этики.

7. Прогностическая функция (сценарный подход) – позволяет моделировать будущие боевые ситуации и адаптировать

обучение под перспективные образцы вооружения.

Отметим, что акмеологический подход рассматривается нами как общеметодологическая основа, так и общеметодологический принцип. Акмеологический подход реализуется на двух уровнях одновременно. На метауровне он выступает концептуальной стратегией, ориентирующей процесс становления компетенций курсантов на достижение «акме». На уровне принципов – служит инструментом преодоления разрыва между нормативно заданными требованиями (квалификационные характеристики) и реальными психофизиологическими возможностями курсантов.

Обобщение психолого-педагогической литературы (С. А. Бобонец, А. А. Вербицкий, О. Г. Ларионова, А. Л. Веревкин, Е. В. Селезнева и др.) позволило выделить функции акмеологического подхода в контексте образовательного процесса в военном вузе [3; 4; 5; 17] (рисунок).

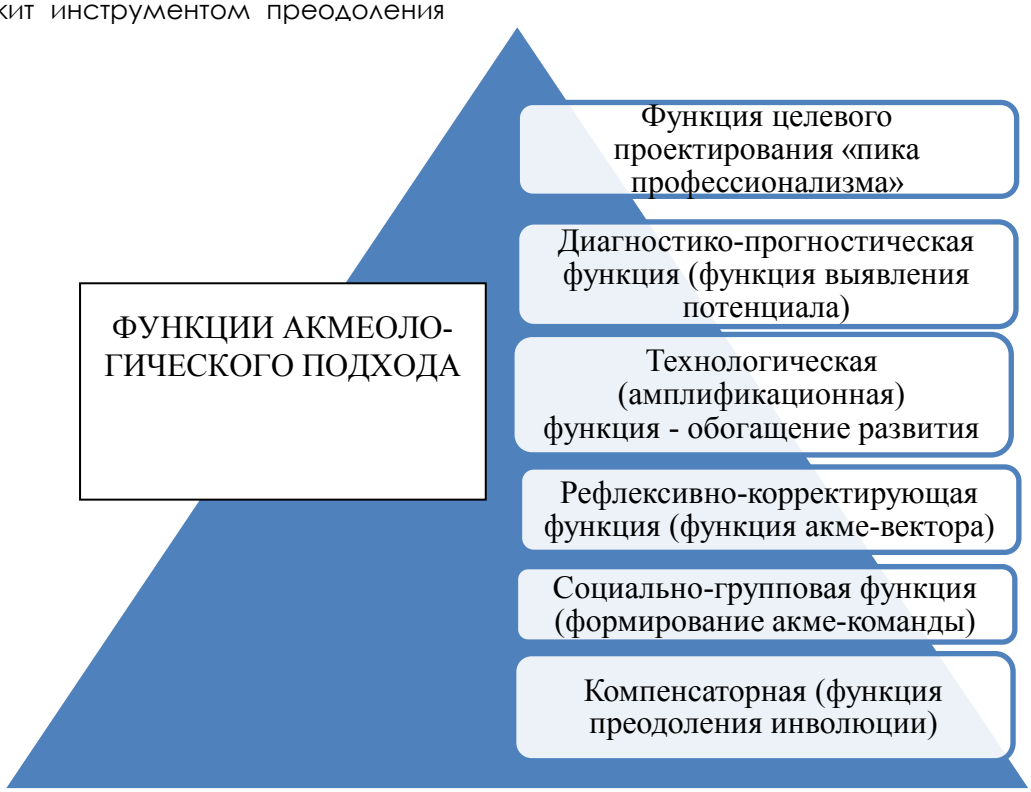

Рисунок – Функции акмеологического подхода в контексте образовательного процесса в военном вузе

Figure – Functions of the acmeological approach in the context of the educational process at a military higher education institution

1. Функция целевого проектирования «пика профессионализма» переводит абстрактную цель («выпустить грамотного офицера») в измеримый профиль «воинского акме» – эталонное состояние профессионала, способного эффективно действовать в предельных боевых ситуациях.

2. Диагностико-прогностическая функция (функция выявления потенциала) – выявление у курсантов зоны ближайшего профессионального развития в специфических военных доменах (стрессоустойчивость, ситуативное лидерство).

3. Технологическая (амплификационная) функция – усиление профессиональных компетенций через создание «акме-ситуаций» – специально сконструированных учебно-боевых задач, где курсант вынужден действовать на пределе своих возможностей, происходит замена репродуктивных учений на проблемно-ориентированные вводные с дефицитом времени и ресурсов, где требуется нестандартное решение.

4. Рефлексивно-корректирующая функция (функция акме-вектора) – обеспечивает переход от внешнего оценивания (командиром/преподавателем) к внутреннему профессиональному аудиту (самооценка компетенций), формирует «акме-мотивацию» – стремление к преодолению собственных рекордов в стрельбе, управлении, тактике.

5. Социально-групповая функция (формирование акме-команды) – синхрониза-

ция пиков индивидуального развития в коллективный результат; функция требует диагностики совместимости курсантов по темпу и качеству профессионального взросления. Образовательный процесс организуется так, чтобы курсант с более высоким «акме» в тактике обучал отстающего, усиливая при этом свои лидерские компетенции (модель «равный – равному» в жестких условиях).

6. Компенсаторная (функция преодоления инволюции) – разработка механизмов быстрого восстановления утраченного «акме»; создание в образовательной программе «акме-реанимационных» модулей (например, интенсивный тренаж перед госэкзаменами).

В логике акмеологического подхода курсант рассматривается в трех измерениях, значимых для оценки профессионализма:

- индивидный уровень – задатки, скорость реакций, выносливость;
- личностный уровень – мотивация, воля, принятие ответственности;
- ценностно-смысловой уровень – идентификация с офицерским корпусом, интернализация воинских уставов.

Такая трехуровневая модель (индивид → личность → носитель смыслов) служит эвристическим инструментом для конструирования критериев компетенций. В отличие от нормативного подхода, где критерий привязан к действию, акмеологический критерий фиксирует личностное присвоение действия [10; 11; 14].

Акмеологическая составляющая задает пятипринципную матрицу проектирования образовательного процесса в военном вузе. Каждый принцип выполняет строго определенную функцию (таблица).

Перечисленные принципы не существуют изолированно. Их акмеологическая функция реализуется только в связке: системность задает архитектуру, целостность обеспечивает динамику, субъектность и активность запускают внутренние механизмы роста, а гуманизм удерживает баланс между личным и коллективным.

Таблица – Матрица проектирования образовательного процесса в военном вузе

Table – Matrix for designing the educational process at a military higher education institution

Принцип	Функция
Целостности	устраняет разрыв между обучением и развитием: курсант и образовательная среда находятся в состоянии взаимного конструирования. Изменение любого компонента среды (введение новой вводной на учении) немедленно вызывает ответную акме-динамику субъекта.
Системности	запрещает локальные улучшения вне системного контекста. Включение акме-технологий (например, тренинг на пределе) дает прирост мотивации только при одновременной настройке контроля, оценки и обратной связи.
Субъектности	переориентирует преподавателя с трансляции на фасилитацию. Вместо вопроса «Как научить?» – вопрос «Как запустить внутренние механизмы самостроительства курсанта?». Персональность офицера рассматривается не как черта, а как динамическое качество, проявляющееся в акте преодоления.
Активности	требует замещения внешнего контроля («проверил – наказал») внутренним присвоением нормы. Курсант должен прийти к убеждению: его инициатива и самостоятельность – прямой вклад в обороноспособность. Принцип работает через механизм смыслообразования.
Гуманизма	в военном контексте означает не смягчение требований, а признание права курсанта на профессиональную самоактуализацию в жестких рамках уставных отношений. Самоценность личности не отрицает единоначалия, но требует учета индивидуальной траектории достижения акме.

Опираясь на данные принципы и положения акмеологического подхода, можно сделать вывод, что курсант военного вуза должен обладать следующими профессиональными компетенциями:

1. Целостностная компетенция: способность курсанта интегрировать тактические, технические и морально-психологические компоненты деятельности в единый алгоритм боевой работы.

2. Системная компетенция: готовность действовать в условиях динамически меняющейся обстановки, выстраивая иерархию задач от подцелей к общей миссии подразделения.

3. Субъектная компетенция: способность к рефлексивному управлению собственным профессиональным развитием, включая постановку «акме-целей» и самооценку результатов.

4. Деятельностно-активная компетенция: инициативное и самостоятельное принятие решений в условиях дефицита времени и информации с пониманием их социально-государственной значимости.

5. Акме-гуманистическая компетенция: способность к самоактуализации в военной среде без утраты уставных отношений и субординации, признание ценности собственного и чужого профессионального роста.

Следовательно, интеграция акмеологического подхода в военно-педагогическую среду запускает механизм осознанного непрерывного профессионального роста курсанта, где повышение квалификации и личностное развитие становятся не внешним требованием, а внутренней потребностью.

Заключение

Операционализация акмеологического подхода применительно к процессу становления профессиональных компетенций курсантов военного вуза позволяет выделить три ключевых положения, каждое из которых выполняет строго определенную функцию в проектировании образовательной траектории.

Первое положение задает ценностно-смысловую рамку подготовки. Учебно-воспитательный процесс должен быть организован таким образом, чтобы курсант не просто осваивал дисциплины, а выстраивал индивидуальную траекторию прогрессивного профессионального саморазвития. Это означает, что военная карьера перестает восприниматься как внешнее долженствование и приобретает личностный смысл – осознанную ценность служения и мастерства. Курсант начинает учиться не ради оценки, а ради собственного профессионального пика.

Второе положение носит технологический характер. Оно фиксирует необходимость внедрения в образовательный процесс специальных образовательных технологий акмеологической направленности. В отличие от традиционных методов (лекция, объяснение, показ), акме-технологии нацелены на создание «ситуаций предельного напряжения» (акме-ситуаций), где курсант вынужден мобилизовать все резервы – когнитивные, волевые, физические. К таким технологиям относятся: акме-тренинги с видеорефлексией, проблемно-ситуационные задачи с дефицитом времени, соревновательные нормативы с открытым лидером, а также имитационные модели боевых эпизодов с неполной информацией.

Третье положение носит нормативно-регулятивный характер. Оно предписывает выстраивать образовательный процесс военного вуза на пяти принципах: принцип целостности – требует рассматривать курсанта и образовательную среду как взаимно конструирующие друг друга системы; принцип системности – запрещает локальные улучшения без учета связей между элементами подготовки; принцип субъектности – переводит курсанта из объекта педагогических воздействий в автора собственного профессионального становления; принцип активности – формирует инициативу и самостоятельность как нормативные требования к офицеру, а не как «пожелания»; принцип гуманизма – удерживает баланс между жесткостью военной дисциплины и признанием права курсанта на самоактуализацию в профессии.

Список источников

1. Абдалина Л. В. Акмеологическая культура как один из инвариантов профессионализма преподавателя высшей школы / Л. В. Абдалина, Н. С. Толстоухова, М. Л. Хуторная // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 13 (156). С. 186–192.

2. Барабанщиков А. В. Основы военной педагогики и психологии: учебник / А. В. Барабанщиков, В. И. Вдовюк, Н. И. Киряшов. М. : Воениздат, 2005. С. 164.

3. Бобонец С. А. Интенсификация образовательного процесса как условие повышения качества подготовки специалистов / С. А. Боронец, А. В. Костюк // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 3 (12). С. 6–10.

4. Вербицкий А. А. Личностный и компетентностный подходы в образовании: проблемы

интеграции: монография / А. А. Вербицкий, О. Г. Ларионова М. : Логос, 2020. 336 с.

5. Веревкин А. Л. Рефлексивные технологии обучения как современное средство повышения качества образования курсантов военных вузов // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2017. № 1 (1). С. 15–18.

6. Галушина П. С. О важности развития надпрофессиональных компетенций / П. С. Галушина, Е. В. Ражина, О. П. Неверова [и др.] // Российский научный вестник. 2025. № 1. С. 281–285.

7. Гончаров, С. З. Культура мировоззрения дарует акмеологию духа / С. З. Гончаров // Акмеология профессионального образования: материалы IV региональной научно-практической конференции, 13–14 марта 2007 г. Екатеринбург, 2007. С. 38–44.

8. Девятловский Д. Н. Становление и развитие праксиологической культуры обучающегося технического вуза: дис. … д-ра пед. наук: 13.00.08 / Девятловский Дмитрий Николаевич. Кемерово, 2021. 350 с.

9. Деркач А. А. Акмеология: учебник для вузов / А. А. Деркач, В. Г. Зазыкин. СПб. : Питер, 2003. 256 с.

10. Журавлева М. В. Инженерная подготовка как фактор достижения технологической независимости промышленного комплекса / М. В. Журавлева, Г. Ш. Мамбетова // Непрерывное образование: XXI век. 2024. № 1 (45). С. 1–13.

11. Зиновкина М. М. Креативная педагогика: учебно-методическое пособие. М., 2020. 132 с.

12. Караулова М. В. Акмеологическая культура как фактор профессионального становления специалиста // Акмеология: теория и практика. 2015. № 2. С. 276–282.

13. Караяни А. Г. Психологическая подготовка военнослужащих (сотрудников) к выполнению служебно-боевых задач с учетом фактора внезапности // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 98–108.

14. Кашапов М. М.Профессионально важные качества как основа формирования профессиональной компетентности будущих офицеров / М. М. Кашапов, А. В. Субботин // Вестник Удмуртского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2014. № 2. С. 26–31.

15. Маркова А. К. Психология профессионализма. М. : Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996. 308 с.

16. Нечаев Н. Н. Акмеологическая культура педагога как условие его профессионального развития // Вестник университета Российской академии образования. 2016. № 1. С. 65–70.

17. Селезнева Е. В. Акмеологическая культура личности: содержание и структура // Акмеология. 2015. № 3 (55). С. 44–49.

18. Ставицкий Д. В. К вопросу о теоретико-методологических основаниях и перспективах компетентностного подхода в организации военного образования // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 1 (10). С. 36–38.

19. Фомин В. И. Военный преподаватель в современной образовательной деятельности / В. И. Фокин, А. С. Шесатаков // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2021. № 1 (14). С. 47–50.

20. Smirnaia A. A., Ignatova V. V. Involving Future Bachelors in the Development of an Information-Cognitive Model of Introduction to Social-Pedagogical Values // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: гуманитарные науки. 2016. Т. 9. № 1. С. 126–132.

References

1. Abdalina L. V. Acmeological culture as one of the invariants of a higher education teacher's professionalism. / L. V. Abdalina, N. S. Tolstouhova, M. L. Hutornaya // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2013;13 (156): 186–192. (In Russ.).

2. Barabanshchikov A. V. Osnovy voennoj pedagogiki i psihologii: uchebnik / A. V. Barabanshchikov, V. I. Vdovyuk, N. I. Kiryashov. M. : Voenizdat, 2005. S. 164. (In Russ.).

3. Bobonec S. A. Intensification of the educational process as a condition for improving the quality of specialist training. / S. A. Boronec, A. V. Kostyuk // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2020;3 (12): 6–10. (In Russ.).

4. Verbickij A. A. Lichnostnyj i kompetentnostnyj podhody v obrazovanii: problemy integracii: monografiya / A. A. Verbickij, O. G. Larionova M. : Logos, 2020. 336 s. (In Russ.).

5. Verevkin A. L. Reflective learning technologies as a modern means of improving the quality

of education for cadets in military universities. // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2017;1 (1): 15–18. (In Russ.).

6. Galushina P. S. On the importance of developing non-professional competencies / P. S. Galushina, E. V. Razhina, O. P. Neverova [i dr.] // Rossijskij nauchnyj vestnik. 2025;1: 281–285. (In Russ.).

7. Goncharov, S. Z. Kul'tura mirovozzreniya daruet akmeologiyu duha / S. Z. Goncharov // Akmeologiya professional'nogo obrazovaniya: materialy IV regional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii, 13–14 marta 2007 g. Ekaterinburg, 2007. S. 38–44. (In Russ.).

8. Devyatlovskij D. N. Stanovlenie i razvitie praksiologicheskoj kul'tury obuchayushchegosya tekhnicheskogo vuza: dis. … d-ra ped. nauk: 13.00.08 / Devyatlovskij Dmitrij Nikolaevich. Kemerovo, 2021. 350 s. (In Russ.).

9. Derkach A. A. Akmeologiya: uchebnik dlya vuzov / A. A. Derkach, V. G. Zazykin. SPb. : Piter, 2003. 256 s. (In Russ.).

10. ZHuravleva M. V. Engineering training as a factor in achieving technological independence of the industrial complex / M. V. ZHuravleva, G. SH. Mambetova // Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek. 2024;1 (45): 1–13. (In Russ.).

11. Zinovkina M. M. Kreativnaya pedagogika: uchebno-metodicheskoe posobie. M., 2020. 132 s. (In Russ.).

12. Karaulova M. V. Acmeological culture as a factor in the professional development of a specialist // Akmeologiya: teoriya i praktika. 2015;2: 276–282. (In Russ.).

13. Karayani A. G. Psychological preparation of military personnel (employees) for performing service and combat missions, taking into account the element of surprise. // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;1 (26): 98–108. (In Russ.).

14. Kashapov M. M. Professionally important qualities as the foundation for developing the professional competence of future officers. / M. M. Kashapov, A. V. Subbotin // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika. 2014;2: 26–31. (In Russ.).

15. Markova A. K. Psihologiya professionalizma. M. : Mezhdunarodnyj gumanitarnyj fond «Znanie», 1996. 308 s.

16. Nechaev N. N. Acmeological culture of the teacher as a condition for his professional development // Vestnik universiteta Rossijskoj akademii obrazovaniya. 2016;1: 65–70.

17. Selezneva E. V. Acmeological culture of the individual: content and structure // Akmeologiya. 2015;3 (55): 44–49.

18. Stavickij D. V. Regarding the theoretical and methodological foundations and prospects of the competency-based approach in the organization of military education. // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2020;1 (10): 36–38.

19. Fomin V. I. Military instructor in modern educational activities / V. I. Fokin, A. S. SHesatakov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2021;1 (14): 47–50.

20. Smirnaia A. A., Ignatova V. V. Involving Future Bachelors in the Development of an Information-Cognitive Model of Introduction to Social-Pedagogical Values // ZHurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: gumanitarnye nauki. 2016. Vol. 9;1: 126–132.

Информация об авторах

А. А. Смирная *– кандидат педагогических наук, доцент*
Д. Н. Девятловский *– доктор педагогических наук, доцент*

Information about the authors

A. A. Smirnaya *– Candidate of Pedagogical (Pedagogy), Docent*
D. N. Devyatlovsky *– Doctor of Sciences (Pedagogy), Docent*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 17.08.2026; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 28.09.2026.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 17.08.2026; approved after reviewing 15.09.2026; accepted for publication 28.09.2026.

Научная статья

УДК 378

ИЗУЧЕНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ УСТОЙЧИВОСТИ КУРСАНТОВ КАК ИНТЕГРАТИВНОГО КАЧЕСТВА ЛИЧНОСТИ

Светлана Николаевна Сорокоумова[1, 2], Владислав Михайлович Бурмакин[3]
[1] Московский авиационный институт (Национально-исследовательский университет), Москва, Россия; Академия права и управления ФСИН России, Рязань, Россия
[2] Академия права и управления ФСИН России, Рязань, Россия
[3] Балтийский государственный технический университет "ВОЕНМЕХ" им. Д.Ф. Устинова, Санкт-Петербург, Россия
[1] 4013@bk.ru, https://orcid.org/0000-0001-8339-6597
[2] burmakin_vm@voenmeh.ru, https://orcid.org/0000-0001-9943-5327

Аннотация. Статья посвящена изучению антикоррупционной устойчивости курсантов военных образовательных организаций Росгвардии. Антикоррупционная устойчивость рассматривается как личностный конструкт, как интегральное качество личности и профессионального сознания курсантов, выражающееся в способности сохранять верность правовым и нравственным нормам, противостоять коррупционному давлению и отвергать участие в коррупционных практиках в служебной деятельности. Именно антикоррупционная устойчивость курсантов стала предметом эмпирического исследования. Особое внимание уделяется изучению структурных компонентов антикоррупционной устойчивости: когнитивного, ценностно-мотивационного, эмоционально-волевого и поведенческо-деятельностного компонентам. По результатам эмпирического исследования авторы намечают дальнейшие пути формирующей работы с курсантами.

Ключевые слова: антикоррупционная устойчивость, методы и методики исследования, курсанты Росгвардии, антикоррупционное поведение, коррупционный профиль, антикоррупционное просвещение

Для цитирования: Сорокоумова С.Н., Бурмакин В.М. Изучение антикоррупционной устойчивости курсантов как интегративного качества личности // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 308–323. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/033.pdf.

Original article

STUDY OF ANTI-CORRUPTION RESILIENCE OF CADETS AS AN INTEGRATIVE PERSONALITY TRAIT

Svetlana N. Sorokoumova[1], Vladislav M. Burmakin[2]
[1] Moscow Aviation Institute, Moscow, Russia; Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia
[2] Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia
[3] Baltic State Technical University "VOENMEKH" named after D.F. Ustinov, St. Petersburg, Russia
[1] 4013@bk.ru, https://orcid.org/0000-0001-8339-6597
[2] burmakin_vm@voenmeh.ru, https://orcid.org/0000-0001-9943-5327

Abstract. This article examines the anti-corruption resilience of cadets at military educational institutions of the Russian National Guard. Anti-corruption resilience is considered a personal construct, an integral quality of the cadets' personality and professional consciousness, expressed in the ability to remain faithful to legal and moral norms, resist corrupt pressure, and reject participation in corrupt practices in their professional activities. The anti-corruption resilience of cadets was the subject of an empirical study. Particular attention is paid to the structural components of anti-corruption resilience: cognitive, value-motivational, emotional-volitional, and behavioral-activity components. Based on the results of the empirical study, the authors outline future directions for formative work with cadets.

Keywords: anti-corruption sustainability, research methods and techniques, Rosgvardia cadets, anti-corruption behavior, corruption profile, anti-corruption education

For citation: Sorokoumova S.N., Burmakin V.M. Study of anti-corruption resilience of cadets as an integrative personality trait. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36):308–323. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/033.pdf.

© Сорокоумова С.Н., Бурмакин В.М., 2026

Введение

Антикоррупционная устойчивость как интегративное качество — это сложное, многоуровневое свойство личности (организации или общества), которое позволяет успешно противостоять коррупциогенным факторам, сохранять профессиональную и моральную объективность и не вовлекаться в коррупционные практики [3; 4; 5].

Называть это качество интегративным (от лат. *integratio* – восстановление, восполнение, объединение частей в целое) правомерно, так как оно не сводится к одной лишь честности или знанию законов. Это сплав множества психологических, правовых, нравственных и социальных характеристик человека.

Рассмотрим структуру антикоррупционной устойчивости через призму ее составных компонентов, уровней и путей формирования.

Исследованием установлено, что интегративное качество личности, антикоррупционная устойчивость состоит из четырех взаимосвязанных компонентов: когнитивный (познавательный) компонент, включающий: знание антикоррупционного законодательства; понимание того, что такое коррупция, каковы ее скрытые формы; осознание разрушительных социально-экономических последствий коррупции; ценностно-мотивационный (нравственный) компонент, включающий: наличие прочного внутреннего нравственного стержня; интериоризацию таких ценностей, как справедливость, честность, гражданский долг, профессиональная честь; внутреннее неприятие коррупции как способу решения проблем; эмоционально-волевой компонент, включает: способность противостоять давлению, соблазну и манипуляциям; умение преодолевать страх (например, страх испортить отношения с начальством или коллегами при отказе от участия в коррупционной схеме); психологическую готовность и смелость сказать твердое «нет» и поведенческо-деятельностный компонент включает: практическое применение своих знаний и убеждений в реальных ситуациях; навыки правомерного поведения; готовность сообщить о фактах коррупции в соответствующие органы.

Только единство всех четырех компонентов делает человека по-настоящему устойчивым. Глубокие знания о законодательстве в отрыве от морально-нравственных ограничений личности не способствуют антикоррупционной устойчивости индивида. Более того, они снабжают его инструментарием для сокрытия своей преступной деятельности и легализации коррупционных доходов. Индивид с развитым чувством морали, но лишённый достаточных волевых качеств, не способен активно противостоять коррупционным актам в окружающей его среде. Он, вероятно, не станет инициатором правонарушения, но будет подвержен рискам вовлечения и пассивного соучастия ввиду своего конформизма.

На основании проведённого нами анализа и синтеза материалов различных авторов можно определить сущность антикоррупционной устойчивости военнослужащих следующим образом: это неотъемлемое личностное качество индивида (а также его профессионального сознания), выраженное в способности и готовности систематически противодействовать коррупционному поведению, следовать морально-нравственным идеалам в своей непосредственной служебной деятельности. При этом антикоррупционная устойчивость может подразделяться на следующие аспекты: личное неприятие коррупции; отказ от использования коррупционных практик; способность выявлять в действиях окружающих признаки коррупции и попыток целенаправленного вовлечения индивида; готовность активно противодействовать коррупции. Такое качество личности и сознания формируется на основании комплекса субъективных и объективных факторов, к которым можно отнести: индивидуальные особенности личности и установки человека, специфику организационной культуры по месту службы, воздействие коллектива и авторитетов на личность, уровень образования и воспитания и т. д. Учитывая вышеизложенное, можно заключить, что антикоррупционная устойчивость является актуальным и важным объектом для исследования в сфере военного образования [5; 12; 13; 15; 17; 19].

При более детализированном анализе можно выделить следующие компоненты антикоррупционной устойчивости: правосознание, нравственная зрелость личности, служебная этика и дисциплина, стремление следовать уставным нормам и непримиримость со злоупотреблениями должностным положением. Важно отметить, что отказ военнослужащего от личного участия в правонарушении не является достаточной метрикой (мерилом) устойчивости. Необходима способность сохранять свою позицию неизменной в различных обстоятельствах, выдерживать (потенциальное) коррупционное давление коллектива и лиц, занимающих командные позиции, активно противодействовать коррупции сослуживцев.

Факторы, определяющие эффективность педагогической работы по формированию антикоррупционной устойчивости, характеризуются комплексностью и вариативностью. Как нам представляется, их можно разделить на субъективные и объективные, а также на внутренние – касающиеся специфики личности, и внешние – факторы, связанные с окружающей средой, коллективом, местом службы и так далее.

К внутренним факторам можно отнести индивидуальные черты психики: честность, ответственность, чувство долга, чувство справедливости, или, наоборот, подверженность девиантным формам поведения, эгоизм, макиавеллизм. К ним же можно отнести повышенную конформность, суггестивность и т. д. Такие параметры почти всегда субъективны и формируются на ранних стадиях взросления человека. Курсант поступает в учебное заведение, когда его психический профиль уже практически сформирован. Он слабо поддаётся коррекции, однако задачей педагогической системы может выступать выявление и оценка подобных личностных качеств, а также более фундаментальное исследование степени их влияния на уровень антикоррупционной устойчивости.

Внешние факторы определяются такими субъективными параметрами, как правовое воспитание и антикоррупционное просвещение, особенности уклада воинской службы, морально-психологический климат, устоявшийся в подразделении, и т. д. Особую роль играет работа командиров, которые не только выполняют организационную функцию, принимают управленческие решения, но и выступают высшим авторитетом для курсантов, подают личный пример поведения.

Кроме того, военная служба сопряжена со специфическими объективными факторами. Так, например, структура военной иерархии подразумевает чёткую вертикаль подчинения, в рамках которой все важные решения, имеющие коррупционный потенциал (распределение ресурсов и обязанностей, поощрения и дисциплинарные взыскания), концентрируются в руках ограниченного круга уполномоченных лиц. В результате значительно повышается зависимость подчинённых от непосредственного командира, и растут его гипотетические возможности по использованию должностного положения в личных целях. Так, например, в жёстко структурированной управленческой системе возрастает риск фаворитизма, непотизма и протекционизма – различных форм коррупционного поведения, предполагающих повышение (награждение) военнослужащих не за их служебные заслуги, а на основании личных целей и частной выгоды командира. Следует учитывать, что подобные проявления коррупции не являются неотъемлемой чертой иерархических структур. Они лишь демонстрируют более высокий риск возникновения, который, тем не менее, поддаётся минимизации.

В дополнение к этому воинская организация характеризуется закрытостью, необходимостью соблюдать режим секретности, что ограничивает прозрачность процедур и внешний контроль. Выявить коррупционные проявления в закрытой структуре, наладить мониторинг распределения материальных и нематериальных ресурсов сложнее, чем в гражданских институтах. Вследствие данных обстоятельств внутри военизированных структур могут формироваться латентные пространства, в которых коррупция возникает и самоподдерживается длительное время без надлежащей проверки и пресечения.

Перечисленные факторы иерархичности и закрытости объективны и представляют собой институциональные особенности военной системы. Без них невозможна её эффективная работа, требующая быстроты принятия решений, подчинения и секретности. Следовательно, искоренить их не представляется возможным. Однако можно купировать последствия их влияния, обеспечив надлежащую подготовку и воспитание военнослужащих. Тем самым актуальность изучения антикоррупционной устойчивости курсантов только усиливается [9; 10; 11; 18; 21; 22].

Основная часть

Цель настоящей статьи состоит в изучении базового уровня антикоррупционной устойчивости как характеристики антикоррупционного поведения курсантов военных образовательных организаций. Гипотеза нашего исследования выражена в предположении о том, что более половины курсантов продемонстрируют достаточный уровень антикоррупционной устойчивости.

Для организации исследования были сформированы две группы: экспериментальная группа (ЭГ) – курсанты «Федерального государственного казенного военного образовательного учреждения высшего образования «Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации», в количестве 120 человек (40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности — 68 курсантов и 37.05.02 Психология служебной деятельности — 52 курсанта), контрольная группа (КГ) – курсанты ФГКВОУ ВО «Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации имени Ф. Э. Дзержинского» — 135 курсантов.

Для организации исследования использовались следующие методы и методики исследования: анализ философской, психолого-педагогической, юридической литературы и нормативно-правовых актов Росгвардии по проблеме исследования, обобщение педагогического опыта, моделирование образовательного процесса; диагностические методы: оценка склонности к коррупционному поведению, оценка уровня правосознания, опрос (анкетирование, беседы и интервьюирование). Обсервационные методы: включенное наблюдение за поведением курсантов в ходе занятий и несения службы в нарядах; праксиметрические методы: анализ результатов учебной деятельности, дисциплинарного учета; эксперимент: констатирующий (выявление исходного уровня), формирующий (внедрение модели антикоррупционного воспитания) и контрольный (оценка результатов) этапы.

Методики исследования: диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере (О. Ф. Потемкина); методика диагностики уровня правового сознания (Л. А. Ясюкова); морфологический тест жизненных ценностей (МТЖЦ) В. Ф. Сопова и Л. В. Карпушиной; шкала макиавеллизма (Mach-IV, адаптация В.В. Знакова); методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (А.Н. Орел); авторский тест «Правовые основы противодействия коррупции в военной среде»; методика диагностики уровня развития рефлексивности (А. В. Карпов); методика «Справедливость – забота» (С. В. Молчанов); шкала организационной справедливости (Дж. Гринберг, Р. Колквитт) и шкала социальной желательности (Д. Марлоу — Д. Крауна).

Остановимся на констатирующей части исследования – на выявлении исходного уровня устойчивости курсантов к антикоррупционному поведению. Проанализируем результаты нескольких методик.

В ходе проведения диагностики среди курсантов ЭГ и КГ был проведен контроль искренности, что позволило не учитывать результаты респондентов, намеренно пытающихся давать социально желательные ответы (таблица 1).

Таблица 1 – Результаты контроля искренности курсантов по шкале мотивации одобрения Д. Кроуна, Д. Марлоу

Table 1 – Results of the control of the sincerity of cadets on the scale of motivation of approval of D. Crone, D. Marlow

Уровни	ЭГ		КГ	
	абс.	%	абс.	%
Высокий	2	1,67	4	2,96
Средний	87	72,50	103	76,30
Низкий	31	25,83	28	20,74
Всего	120	100	135	100

Высокий уровень по шкале мотивации одобрения выявлен у шести курсантов выборки. Эти курсанты сознательно или неосознанно искажают информацию о себе, стараясь выглядеть «идеальным курсантом», и отрицают у себя наличие любых недостатков. Результаты других тестов (особенно на склонность к коррупции, макиавеллизм, делинквентность) у этих курсантов будем считать недостоверными. В ЭГ были учтены показатели 118 курсантов, в то время как в КГ – 131 курсанта.

Аспекты внутренней мотивации курсантов были исследованы нами методом диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере, разработанной О. Ф. Потемкиной [20]. Методика позволяет выявить степень выраженности таких установок, как «Альтруизм – Эгоизм», «Процесс – Результат», «Свобода – Власть», «Труд – Деньги», что является ключевым для понимания антикоррупционной устойчивости личности. Полагаем необходимым отметить, что внутренняя мотивация и ценностные ориентиры формируют направленность личности по отношению к следованию стандартам служебной этики и морали в условиях слабого внешнего контроля.

Таблица 2 – Определение профилей коррупционного риска курсантов

Table 2 – Determining corruption risk profiles of cadets

Профили риска	ЭГ		КГ	
	абс.	%	абс.	%
Коррупционный профиль[1]	14	11,86	13	9,92
Профиль профессионального выгорания[2]	31	26,27	33	25,19
Антикоррупционный профиль[3]	73	61,86	85	64,89
Всего	118	100,00	131	100,00

[1] Коррупционный профиль – Высокие: Деньги, Эгоизм, Власть, Результат и Низкие: Альтруизм, Труд.

[2] Профиль профессионального выгорания – Высокие: Процесс (инертность), Деньги (нехватка средств) и Низкие: Результат, Альтруизм.

[3] Антикоррупционный профиль – Высокие: Альтруизм, Труд, Результат (общественно полезный), Власть (как ответственность) и Низкие: Деньги, Эгоизм.

В ходе исследования выявленных паттернов распределения испытуемых (таблица 2) нами выделено 3 рисковых профиля курсантов (они представлены в порядке возрастания уровня антикоррупционной устойчивости): коррупционный профиль, профиль профессионального выгорания и антикоррупционный профиль.

Коррупционный профиль объединяет индивидов, проявляющих признаки склонности к коррупционному поведению и нарушению этических норм. Люди с таким профилем с высокой вероятностью ставят в приоритет личные интересы и материальные выгоды. В рамках их ценностной картины мира коррупция оправдана и является естественным способом достижения их собственных целей. Данная группа представляет наибольшую коррупциогенную угрозу для системы, поскольку её представители – это активные акторы коррупциогенеза.

Профиль профессионального выгорания занимает «промежуточное» положение. Как нам кажется, он не несёт в себе прямого коррупционного воздействия. Его представители, как правило, не являются инициаторами и организаторами преступлений на коррупционной почве. Однако они подвержены различным формам давления коллектива, авторитетов, а также самих обстоятельств внешней среды. Такие индивиды не способны противостоять коррупционному поведению сослуживцев, могут быть вовлечены в противоправную деятельность представителями первой группы. Особый риск, присущий данному профилю, связан с тем, что индивид с «выгорающим» типом личности может длительное время вести законопослушный образ жизни и не проявлять никаких признаков коррупционного поведения на службе, чем неосознанно обеспечит себе доверие со стороны руководства. Затем, в зависимости от каких-либо внешних обстоятельств, индивид совершит «дебютный эпизод» коррупционной деятельности. Это обстоятельство необходимо учитывать при проведении психодиагностики служащих, чтобы снизить фактор внезапности правонарушений.

Антикоррупционный профиль можно считать «фундаментом» коррупционной безопасности и стабильности системы. Лица с данным профилем характеризуются высокой резистентностью к деструктивному давлению, альтруизмом, ориентированностью на труд и общественно полезный результат. Им присуще правовое сознание и твёрдые нравственные убеждения. Они рассматривают власть не как инструмент получения личной выгоды, а как ответственность.

Приведённые в таблице 2 результаты анализа свидетельствуют о том, что подавляющее большинство участников в обеих группах, а именно 61,86 % от ЭГ и 64,89 % от КГ, могут быть отнесены именно к антикоррупционному профилю. Такой результат подтверждает гипотезу о соответствии более чем половины курсантов критериям антикоррупционной устойчивости. Полагаем целесообразным отметить, что этот результат можно считать в целом позитивным, но не окончательным. По нашему мнению, в задачи военной педагогики должна входить максимизация доли антикоррупционного профиля среди курсантов.

Однако анализ антикоррупционной устойчивости был бы неполным без рассмотрения других профилей. Так, вторым по распространённости нами установлен профиль «профессионального выгорания». Он занял 26,27 % и 25,19 % в ЭГ и КГ соответственно. Иными словами, проведённый эксперимент показывает, что каждый четвертый респондент проявляет признаки деперсонализации, эмоционального истощения и, вероятно, «предкоррупционного состояния». Для целей нашей работы мы рассматриваем предкоррупционное состояние как переходную фазу между правомерным поведением индивида и дебютным эпизодом коррупции. Согласно психологии профессиональной деятельности такое состояние выражается в снижении самоконтроля, истощении моральных ресурсов, депрессивных эпизодах и так далее. По итогу исследования данного профиля нами сделан вывод о том, что от 25 до 26 процентов курсантов несут потенциальную угрозу коррупционного поведения, что требует организации мер профилактики и надлежащей психодиагностики.

В наименьшую долю выборки вошли респонденты с коррупционным профилем. Их число составило 11,86 % от ЭГ и 9,92 % от КГ. Разница в 1,94 % между группами может быть обусловлена индивидуальными чертами личности респондентов. Таким образом, приблизительно каждый десятый участник исследования проявил индикаторы склонности к коррупционному поведению. Такие индивиды несут наиболее высокие риски и требуют особого внимания.

По данным, полученным в ходе эксперимента, можно заключить, что обе группы демонстрируют высокую степень идентичности. Представленные нами профили различаются не более чем на 3 процента в

экспериментальной и контрольной группах, что может подтвердить корректность подбора испытуемых. Выборки являются статистически однородными. Следовательно, последующие изменения в ЭГ (например, после проведения эксперимента или обучения) можно считать результатом целенаправленного воздействия, а не случайной погрешностью.

На заключительном этапе эксперимента нами сделан обобщающий вывод о состоянии этического здоровья респондентов, который свидетельствует о следующем. В выборке преобладает антикоррупционный профиль. (приблизительно 61–64 %). Как мы указывали ранее, данный показатель необходимо по возможности повышать и рассматривать как «целевой». В этой связи, как нам кажется, основное внимание педагогов должно быть направлено на профиль «профессионального выгорания». Он в большей степени поддаётся коррекции, чем «коррупционный», и именно он включает индивидов (до 26 процентов от общего числа), которые могут быть трансформированы в указанный нами целевой профиль. Следовательно, для максимизации антикоррупционной устойчивости педагогический процесс должен быть в первую очередь направлен на профилактику коррупционных проявлений и стресса среди лиц, относящихся к профилю «профессионального выгорания». В то же время уровень «коррупционного профиля» составил от 10 до 12 процентов. В его отношении считаем необходимым применять меры повышенного контроля и мониторинга.

Кроме того, нами осуществлён анализ уровня правого сознания респондентов. Для этого нами выделены три ключевые сферы жизнедеятельности: бытовая, профессиональная, гражданская, и проведена оценка зрелости правосознания в каждой из них. Результаты диагностики представлены на рисунке 1.

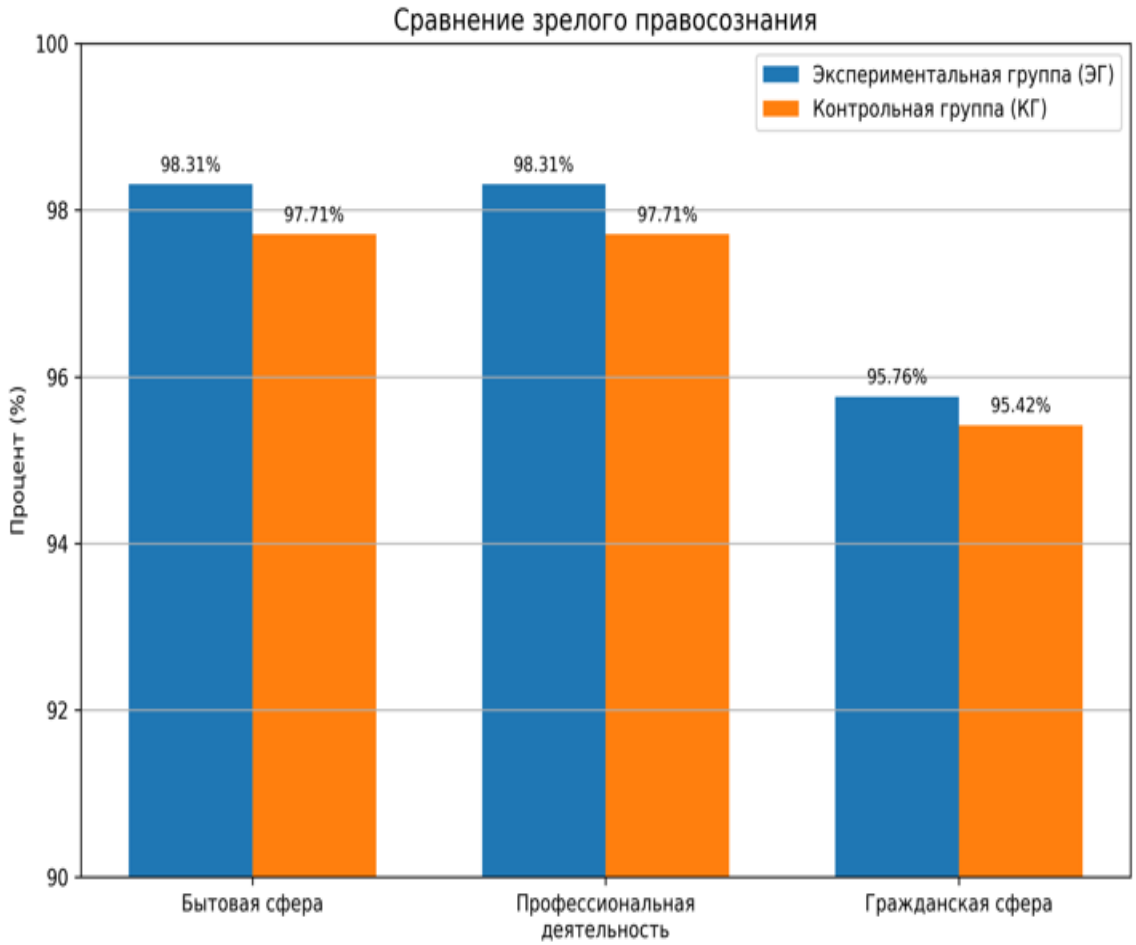

Рисунок 1 – Сравнение зрелого правосознания курсантов

Figure 1 – Comparison of mature legal awareness of cadets

Как видно на графике (рисунок 1), процент респондентов со зрелым правосознанием составляет более 95 во всех трех сферах. А значит, испытуемые в подавляющем количестве показывают себя как социально ответственных, законопослушных служащих. Можно заключить, что закон воспринимается ими на внутреннем ценностном уровне как естественный регулятор общественных отношений, а не как внешняя принуждающая сила, неподкреплённая моральными ориентирами. Такие негативные виды правосознания как правовой нигилизм или цинизм выражены на уровне, сравнимом со статистической погрешностью. Более подробный анализ выявленных форм деформации правосознания показан на рисунке 2.

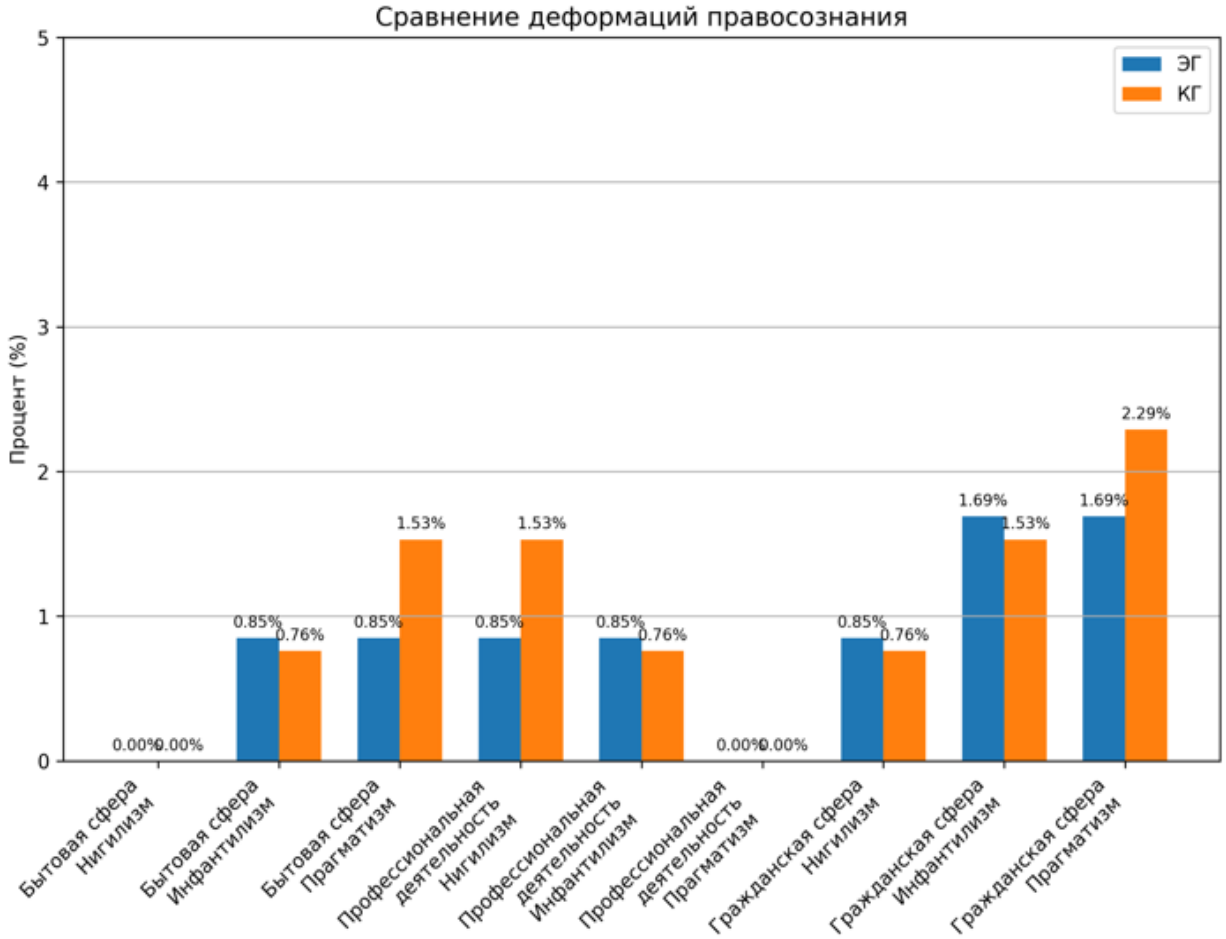

Рисунок 2 – Сравнение деструктивных типов правосознания курсантов

Figure 2 – Comparison of destructive types of legal consciousness of cadets

Из результатов диагностики (рисунок 2) видно, что активное отрицание ценности права среди респондентов практически отсутствует. В профессиональной и гражданской областях таких проявлений выявлено менее 1,6 процента, а в бытовой не зафиксировано вовсе.

Таким образом, фокус педагогической системы смещается в сторону сохранения высокого уровня правового самосознания и культуры. Повышать его до более высоких показателей представляется нецелесообразным ввиду воздействия так называемого «потолочного эффекта» – стадии системы, при которой она уже достигла максимальных значений развития и её дальнейший рост сопоставим со статистической
погрешностью, в результате чего зафиксировать его становится неоправданно сложно.

Помимо правосознания важно учитывать аксиологические (ценностные) факторы личности. Их значимость подчёркивается многими исследованиями. Так, А. А. Утюганов в своих работах описывает систему ценностно-смысловых ориентаций как основу противодействия деструктивным проявлениям [23, 24]. В целях данной статьи

нами был рассчитан «Антикоррупционный индекс» для расчёта аксиологических предикторов коррупции.

Согласно предлагаемой нами методологии для расчёта индекса проводится оценка превалирующих духовно-нравственных ценностей респондента (для оценки могут использоваться вышеописанные нами методики психодиагностики). Мы полагаем возможным выделить две категории ценностей: «конструктивные» и «деструктивные». Конструктивные ценности связаны с добросовестным исполнением служебных обязанностей и способствуют снижению коррупционных рисков. К ним можно отнести чувство долга, стремление к общественной пользе и гражданскую ответственность, высокое правосознание. Деструктивные, напротив, являются предиктором коррупционного поведения. Человек с превалирующим деструктивным аксиологическим типом ставит в приоритет личную выгоду, комфорт, реализацию собственных целей любым путём. В некоторых случаях он может выделяться склонностью к демонстрации роскоши, эгоцентризмом, макиавеллизмом. Итоговый показатель индекса рассчитывается нами как отношение уровня конструктивных ценностей к уровню деструктивных. Таким образом, при индексе больше единицы антикоррупционной устойчивости испытуемых можно присвоить благоприятный прогноз (у респондентов преобладают конструктивные ценности). Чем выше индекс, тем ниже коррупционный риск. Индекс меньше единицы означает доминирование материальной, деструктивной мотивации у испытуемых (отрицательный прогноз антикоррупционной устойчивости). Подробные статистические данные о проведённой оценке индекса среди участников ЭГ и КГ приведены в таблице 3.

Таблица 3 – Результаты диагностики жизненных ценностей курсантов

Table 3 – Results of the diagnostics of life values of cadets

Антикоррупционный индекс	ЭГ		КГ	
	абс.	%	абс.	%
Индекс > 1 — прогноз благоприятный	101	85,59	110	83,97
Индекс < 1 — преобладает материальная мотивация (риск)	17	14,41	21	16,03
Всего	118	100,00	131	100,00

Кроме того, нами приведён сравнительный анализ показателей индекса в обеих группах (рисунок 3). Результаты наглядно показывают, что и в экспериментальной, и в контрольной группе преобладает именно конструктивное мировоззрение (85,59 % и 83,97 % соответственно).

Мы можем предположить, что такие результаты могут свидетельствовать о высокой эффективности и качестве воспитательной работы и, в частности, предварительного отбора кандидатов для обучения в военном ВУЗе.

Однако среди респондентов также выявлено лица с деструктивным набором ценностей. Как видно на диаграмме распределения результатов (рисунок 3), их доля составила 14,41 % в ЭГ и 16,03 % в КГ, или 17 и 21 респондентов соответственно. Статистически это означает, что каждый шестой курсант подвержен повышенным рискам коррупционного поведения. С учётом значимости и характера их будущей служебной деятельности такой результат не может не обращать на себя внимание. В отношении установленной нами группы риска необходим индивидуальный воспитательный и психодиагностический подход. Стандартные методы (например, лекции о последствиях коррупции, разбор кейсов и т. д.) малоэффективны в отношении людей с деструктивным профилем.

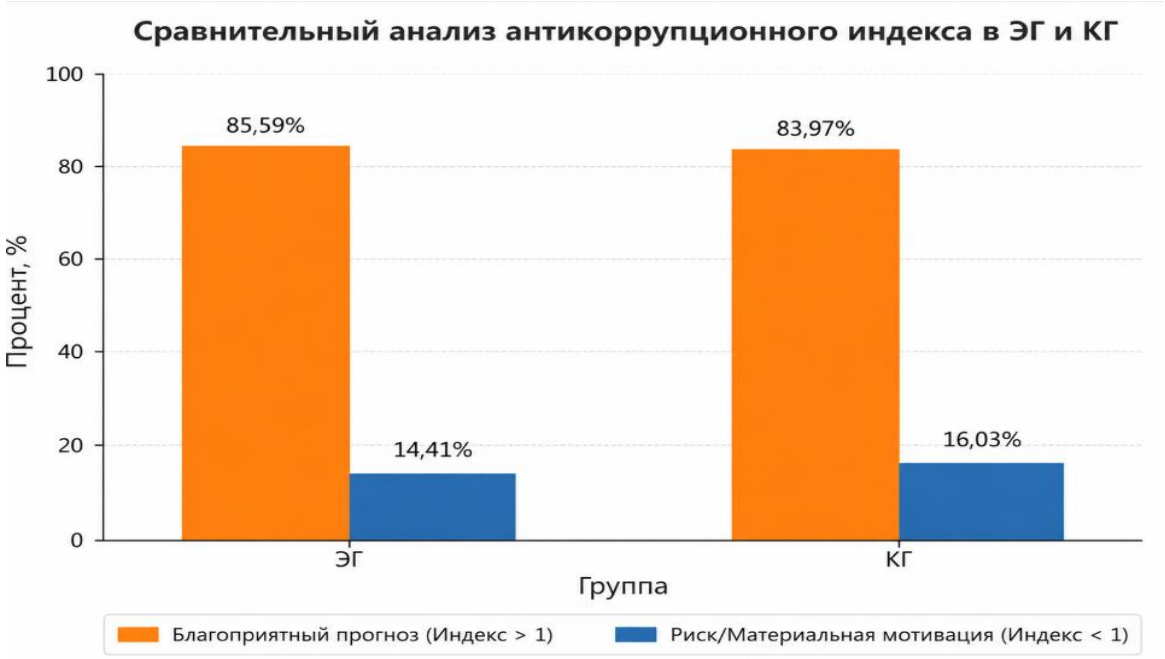

Рисунок 3 – Результаты диагностики жизненных ценностей курсантов

Figure 3 – Results of the diagnostics of cadets' life values

Вероятно, группу риска можно в определённой степени скорректировать путём организации тренингов, стимулирования и контроля за личностным ростом. Кроме того, для неё следует разработать альтернативные источники самореализации, которые позволили бы удовлетворить или заместить некоторые личностные потребности без коррупционного риска. Например, материальные блага могут быть частично замещены более комфортной рабочей средой, признанием, иными нематериальными факторами, удовлетворяющими потребности индивида. Однако работа в этом направлении сложна и требует отдельного научного исследования. Она выходит за рамки объекта и предмета нашей статьи.

Примечательно, что рассчитанный нами антикоррупционный индекс (83,97 %–85,59 %) несколько ниже показателя зрелости правового сознания курсантов (95 %–99 %). Это объясняется тем, что при расчёте индекса оценивается комплекс личностных характеристик (помимо правосознания). Разница между этими параметрами не кажется значительной, однако указывает на наличие важной закономерности в паттернах поведения испытуемых. Курсант с высоким уровнем правосознания может одновременно проявлять склонность к коррупции. Возможны случаи, в которых индивид на сознательном уровне понимает деструктивный характер коррупции, хорошо знает нормы закона, но подсознательно (на уровне мотивации и базовых жизненных ценностей) стремится к получению личной выгоды и готов её добиваться коррупционным путём. Коррупционные риски, связанные с такими лицами, не снижаются, а трансформируются, проявляются в специфических формах коррупционного поведения.

Таким образом, проведённое нами исследование коррелирует с предположением о том, что правового просвещения недостаточно для снижения рисков. Эффективное формирование антикоррупционной устойчивости требует комплексного подхода, объединяющего и правовой, и мотивационный, и аксиологический, и иные аспекты.

Исследованию правового аспекта формирования антикоррупционной устойчивости личности посвящён отдельный раздел нашей работы. Нами выделено три уровня правовой грамотности (низкий, средний, высокий). Результаты оценки уровня приведены в таблице 4.

Общий размер исследуемой выборки составил 249 курсантов. Из них 118 человек – в ЭГ и 131 человек – в КГ. Оценка уровня правовой грамотности обеих групп отличается высокой однородностью. Обе группы демонстрируют подавляющее преобладание респондентов со средним уровнем правовой грамотности (от 93,22 % до 91,60 %).

Таблица 4 – Результаты диагностики усвоения правовых основ противодействия коррупции в военной среде

Table 4 – Results of the diagnostics of the assimilation of the legal framework for combating corruption in the military environment

Уровень правовой грамотности	ЭГ		КГ	
	абс.	%	абс.	%
Высокий	7	5,93	9	6,87
Средний	110	93,22	120	91,60
Низкий	1	0,85	2	1,53
Всего	118	100	131	100

Это означает, что курсанты в большинстве случаев имеют базовые знания о нормах права, понимают общественную опасность коррупционных правонарушений и осведомлены о мерах наказания.

Вместе с тем, в ходе проведённых опросов было установлено, что многие респонденты путают схожие юридические понятия, не могут уверено отвечать на детализированные точечные вопросы (например, о суммах взяток и установленных за них дисциплинарных и уголовных взысканиях), испытывают трудности при анализе нестандартных юридических кейсов (например, при рассмотрении посредничества как разновидности коррупции). Также отмечается недостаток понимания скрытых форм коррупции. Так, услуги нематериального характера могут восприниматься как правомерное и допустимое действие, хотя фактически являются проявлением коррупции.

Таким образом, для группы со средним уровнем паровой грамотности существует риск вовлечения в сложные коррупционные схемы вследствие недостаточного понимания их признаков.

Высокий уровень правовой грамотности проявили 5,93 % респондентов в экспериментальной и 6,87 % респондентов в контрольной группе. Для представителей этой группы характерны глубокие познания в области правого регулирования служебной деятельности и четкая сформированная антикоррупционная позиция. Они свободно ориентируются в юридических вопросах, способны давать правовую оценку действиям окружающих.

Самый редкий результат среди опрошенных – демонстрация низкого уровня грамотности. Он присущ менее чем 2 процентам опрошенных в обеих группах. Для них характерен критический недостаток знаний, непонимание общественной опасности коррупции. Дополнительно, у индивидов в данной группе могут фиксироваться проявления правового нигилизма, попытки собственной «трактовки» значимых понятий и требований служебного долга в целом. Это наиболее высокорискованная категория лиц. Они с более высокой ветреностью могут как быть вовлечёнными в коррупцию, так и быть инициаторами правонарушений.

Рассмотренные нами антикоррупционный индекс и уровень правовой грамотности относятся к категории внутренних факторов. Для полной оценки устойчивости к проявлениям коррупции следует также проанализировать внешнее воздействие и то, как оно воспринимается испытуемыми. С этой целью нами проведена диагностика восприятия курсантами институциональной среды.

Выделены 4 основные области среды: контроль за распределением ресурсов; организация служебных процедур; межличностные отношения и непосредственное взаимодействие в ходе учебного процесса. Для каждой области получены данные о восприятии курсантами уровня справедливости (респондентам была предоставлена возможность охарактеризовать его как низкий или высокий). Важно подчеркнуть, что исследование направлено в первую очередь на измерение субъективной оценки курсантами характеристик институциональной среды: насколько, по их мнению, она справедлива, эффективна и способствует предотвращению коррупции.

Таблица 5 – Результаты диагностики организационной справедливости курсантов

Table 5 – Results of the diagnostics of organizational justice of cadets

Шкала	Уровень		ЭГ		КГ	
			абс.	%	абс.	%
Распределительная справедливость[4]	Высокий		36	30,51	43	32,82
	Низкий		82	69,49	88	67,18
Процедурная справедливость	Высокий		49	41,53	51	38,93
	Низкий		69	58,47	80	61,07
Межличностная справедливость	Высокий		77	65,25	86	65,65
	Низкий		41	34,75	45	34,35
Информационная справедливость	Высокий		71	60,17	74	56,49
	Низкий		47	39,83	57	43,51
Всего			118	100,00	131	100,00

Распределительная справедливость – это оценочный показатель эффективности распределения материальных ресурсов, а также учебной нагрузки. Исследование показало, что большинство опрошенных испытывают неудовлетворенность результатами распределения. В экспериментальной группе таких индивидов 69,49 процентов, в контрольной – 67,18. Мы предполагаем, что они могут расценивать сложившееся распределение как необъективное, несоответствующее их возможностям, усилиям и реальным потребностям. Такая оценка представляет источник коррупционной угрозы.

Процедурная справедливость включает организационные процессы, правила и процедуры, по которым принимаются управленческие решения, а также степень самоопределения (возможность повлиять на эти решения) курсантов. 58,47 % респондентов из экспериментальной группы оцени текущий уровень процедурной справедливости как низкий. В контрольной группе таких ответов зафиксировано немного больше – 61,07 %.

Иными словами, более половины опрошенных уверены, что система принятия управленческих решений выстроена некорректно. Некоторые конкретные решения воспринимаются ими как непоследовательные или необъективные. Особое внимание респондентов относится к наложению дисциплинарных взысканий и назначениям на должности.

Как нам представляется, процедурная справедливость является приоритетным фактором с учётом установленной нами тенденции и специфики военной организационной структуры. Ранее мы описывали особые условия военной службы, в значительной степени ограничивающие прозрачность и самоопределение служащих. Также для военной службы крайне важно поддержание авторитета командного состава. В этой связи любые деструктивные паттерны, направленные на подрыв иерархии, несут повышенную угрозу.

С другой стороны, необходимо заметить, что порядка 40 процентов участников эксперимента оценили процедуры конструктивно. Это свидетельствует об их готовности соблюдать регламентный порядок.

Межличностная справедливость – это сфера, объединяющая взаимоотношения офицеров и преподавателей с курсантами, проявление уважения, сохранение достоинства обучающихся при взаимодействии. В обеих группах количество позитивных оценок превысило 65 процентов. Установлено, что большинство опрошенных подтверждает наличие уважительного, справедливого отношения к себе.

К области информационной справедливости отнесено качество передачи информации, своевременность и полнота разъяснений, относящихся к принимаемым руководящим решениям. Результаты тестирования говорят о позитивном восприятии информационной справедливости у большинства участников. В ЭГ показатель превысил 60 процентов, в КГ – 56. Опрошенные, в целом, уважают своих преподавателей и командиров.

Заключение

В ходе подготовки настоящей статьи нами были исследованы вопросы определения сущности и формирования у курсантов военных ВУЗов антикоррупционной

устойчивости. Был проведён психодиагностический эксперимент, выделены основные конструктивные и деструктивные факторы антикоррупционной устойчивости, оценены базовые личностные показатели курсантов. В ходе эксперимента проанализированы ответы в общей сложности 255 респондентов, являющихся курсантами образовательных учреждений войск Росгвардии.

Результаты диагностики показали, что респонденты имеют в-целом удовлетворительный уровень антикоррупционной устойчивости. Вместе с тем, полагаем целесообразным рассмотреть следующие возможности по улучшению образовательной и воспитательной работы:

Во-первых, внедрение в учебный процесс разбора реальных юридических кейсов, касающихся нестандартных или комплексных форм коррупции и сокрытия коррупционных доходов: посредничество, получение услуг под видом подарков, различные формы конфликта интересов.

Во-вторых, считаем необходимы уделить повышенное внимание изучению антикоррупционных процедур: порядку уведомления о конфликте интересов, фактах склонения к совершению правонарушений и т. д.

В-третьих, организовать систематические индивидуальные беседы с курсантами, показавшими в ходе эксперимента низкую степень антикоррупционной устойчивости.

В-четвертых, продолжить проведение психодиагностических мероприятий и разработку новых, более точных и эффективных методик диагностики и купирования выявляемых по их итогу рисков.

Данный научный труд не является исчерпывающим и окончательным. Он может послужить отправной точкой для дальнейших исследований, в частности по четырём вышеуказанным направлениям.

В завершение отметим, что итоги проведённого нами эксперимента подтверждают актуальность вопроса об оптимизации и, возможно, реорганизации системы правового обучения курсантов. Главным направлением педагогической работы в будущем, по нашему мнению, может стать практико-ориентированное обучение, направленное на преодоление пробелов в знаниях и перевод обучающихся из категории «среднего» уровня в категорию «высокого» уровня правовой грамотности [1; 2; 6; 7; 8; 14; 16; 23; 24].

Список источников

1. Бурмакин В. М. Антикоррупционное просвещение в воспитательных мероприятиях вуза // Актуальные проблемы педагогики и психологии: вызовы XXI века: сборник научных трудов / под ред. Е. И. Артамоновой, Г. Г. Еркибаевой, Л. П. Илларионовой. Вып. 4. М. : ООО «Издательско-торговый Дом «ПЕРСПЕКТИВА», 2020. С. 112–117.

2. Бурмакин В. М. Антикоррупционное просвещение как элемент воспитательной деятельности вуза // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов 4-й Международной научной конференции, Москва, 20 ноября 2020 года / под общ. ред. Г. В. Бариновой, Л. В. Блонского, С. Н. Климова. М. : Российский университет транспорта, 2020. С. 91–98.

3. Бурмакин В. М. Коррупционные процессы: диагностика и минимизация в условиях цифровизации экономики // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2022. Т. 1. № 3(102). С. 118–128.

4. Бурмакин В. М. Основные составляющие коррупционных проявлений // Взгляд молодых ученых на подходы и алгоритмы управления пространственным развитием для повышения устойчивости, инновационности и конкурентоспособности экономики регионов: сборник статей. СПб. : ООО «Скифия-принт», 2024. С. 293–298.

5. Бурмакин В. М. Ключевые аспекты изучения антикоррупционного поведения курсантов военных и правоохранительных образовательных организаций / В. М. Бурмакин, С. Н. Сорокоумова // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2026. № 2. С. 142–154.

6. Вахитов Д. М. Формирование антикоррупционной компетентности курсантов военного института войск национальной гвардии Российской Федерации: дис. ... канд. пед. наук: 5.8.7 / Вахитов Дмитрий Минуллович. Кемерово, 2024. 170 с.

7. Вахитов Д. М. Формирование антикоррупционной компетентности курсантов в условиях цифровизации общества / Д. М. Вахитов, А. А. Утюганов // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 3. С. 272–283.

8. Вахитов Д.М., Утюганов А.А. Коррупция как социальная болезнь: педагогические основания и пути антикоррупционного воспитания / Д. М. Вахитов, А. А. Утюганов // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 206–217.

9. Вахитов, Д. М. Актуальные вызовы и подходы в противодействии коррупции в образовании / Д. М. Вахитов, С. В. Лопатько // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 4(33). С. 280–290.

10. Вахитов Д. М. Совершенствования системы управления по формированию антикоррупционной компетентности курсантов // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8. № 2. С. 2.

11. Гибридные войны: учебник / О. Г. Карпович, А. А. Гришанов, В. Б. Козюлин [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. М. : Дипломатическая академия МИД России, 2026. 910 с.

12. Гордеева П. А. Психологическая диагностика личности курсантов: исследование адаптационных ресурсов и психологического благополучия : учебное пособие / П. А. Гордеева, С. Н. Сорокоумова. СПб. : Академия войск национальной гвардии, 2025. 153 с.

13. Гордеева П. А. Психологическая диагностика личностного потенциала курсантов – будущих командиров / П. А. Гордеева, В. И. Орлов, С. Н. Сорокоумова. 2-е изд., доп. и перераб. СПб. : Академия войск национальной гвардии, 2025. 233 с.

14. Ковтуненко Л. В. Антикоррупционное просвещение как направление формирования антикоррупционной культуры курсантов вузов МВД России / Л. В. Ковтуненко, О. А. Титова // Глобальный научный потенциал. 2024. № 4-1(157). С. 18–20.

15. Курдин Д. А. Интеллектуальный анализ данных как метод психологического прогнозирования успешности в обучении курсантов / Д. А. Курдин, С. Н. Сорокоумова, М. И. Марьин. Новосибирск: НВИ войск национальной гвардии, 2024. 192 с.

16. Майстренко Г. А. Механизмы реализации антикоррупционной политики в вузах ФСИН России / Г. А. Майстренко, А. Г. Майстренко // Закон и право. 2023. № 3. С. 220–224.

17. Меркулов С. В. Эмоционально-волевая устойчивость как основополагающий компонент готовности будущих офицеров к противодействию влияния идеологии экстремизма / С. В. Меркулов, С. Н. Сорокоумова // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2024. № 4(22). С. 127–136.

18. О формировании у обучающихся в вузе способности нетерпимого отношения к проявлениям экстремизма, терроризма, коррупционному поведению / А. Д. Шматко, В. М. Бурмакин // Исследование проблем и тенденций развития высшего образования в современной России: сборник научных трудов. СПб. : Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, 2024. С. 159–172.

19. Орлов В. И. Системообразующие средовые и психолого-педагогические факторы развития профессионально-личностных компетенций командира тактического звена / В. И. Орлов, П. А. Гордеева, С. Н. Сорокоумова // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2026. № 1(27). С. 246-257.

20. Потемкина О. Ф. Методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере // Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учебное пособие / ред.-сост. Д. Я. Райгородский. Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2001. С. 641–648.

21. Сундукова В. В. Формирование антикоррупционной направленности личности курсантов образовательных организаций ФСИН России / В. В. Сундукова, И. С. Ганишина, С. Н. Сорокоумова. Ульяновск: ИП Кеньшенская Виктория Валерьевна (изд-во «Зебра»), 2021. 168 с.

22. Танаева З. Р. Формирование профессионального правосознания будущих юристов посредством проектной деятельности // Инновационное развитие профессионального образования. 2018. Т. 17. № 1. С. 56–60.

23. Утюганов А. А. Формирование ценностно-смысловых ориентаций у военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации. Новосибирск: НВИ войск национальной гвардии, 2017. 124 с.

24. Утюганов А. А. Формирование ценностно-смысловых ориентаций у курсантов войск национальной гвардии Российской Федерации // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 62-4. С. 302–305.

References

1. Burmakin V. M. Antikorruptsionnoye prosveshcheniye v vospitatel'nykh meropriyatiyakh vuza // Aktual'nyye problemy pedagogiki i psikhologii: vyzovy KHKHI veka: Sbornik nauchnykh trudov / Pod redaktsiyey Ye.I. Artamonovoy, G.G. Yerkibayevoy, L.P. Illarionovoy. Vyp. 4. Moskva:

Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu «Izdatel'sko-torgovyy Dom «PERSPEKTIVA», 2020. S. 112-117. (In Russ).

2. Burmakin V. M. Antikorrupcionnoe prosveshchenie kak element vospitatel'noj deyatel'nosti vuza / V. M. Burmakin // Filosofskie i metodologicheskie problemy issledovaniya rossijskogo obshchestva: Sbornik trudov CHetvyortoj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Moskva, 20 noyabrya 2020 g. / Pod obshchej redakciej G.V. Barinovoj, L.V. Blonskogo, S.N. Klimova. Moskva: Rossijskij universitet transporta, 2020. S. 91-98. (In Russ).

3. Burmakin V. M. Corruption processes: diagnostics and minimization in the context of digitalization of the economy // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. 2022;1;3(102):118-128. (In Russ.).

4. Burmakin V. M. Osnovnyye sostavlyayushchiye korruptsionnykh proyavleniy // Vzglyad molodykh uchenykh na podkhody i algoritmy upravleniya prostranstvennym razvitiyem dlya povysheniya ustoychivosti, innovatsionnosti i konkurentosposobnosti ekonomiki regionov: sbornik statey. Sankt-Peterburg: OOO «Skifiya-print», 2024. S. 293-298. (In Russ.).

5. Burmakin V.M., Sorokoumova S.N. Key aspects of the study of anti-corruption behavior of cadets of military and law enforcement educational organizations Voyenno-pravovyye i gumanitarnyye nauki Sibiri. 2026;2: 142-154. (In Russ.).

6. Vahitov D. M. Formirovanie antikorrupcionnoj kompetentnosti kursantov voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. ped. nauk: 5.8.7 / Vahitov Dmitrij Minullovich. Kemerovo, 2024. 170 p. (In Russ.).

7. Vahitov D. M. Formation of Cadets' Anti-Corruption Competence in the Context of Digitalization of Society / D. M. Vahitov, A. A. Utyuganov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;3: 272–283. (In Russ.).

8. Vakhitov D.M., Utyuganov A.A. Corruption as a social disease: pedagogical foundations and ways of anti-corruption education // Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional‘noj gvardii. 2026;2(35): 206–217. (In Russ.).

9. Vakhitov D. M. Current challenges and approaches to combating corruption in education / D. M. Vakhitov, S. V. Lopatko // Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional‘noj gvardii. 2025;4 (33):280-290.

10. Vahitov D. M. Improving the management system for developing anti-corruption competence among cadets // Mir nauki. Psihologiya. 2020. Vol. 8;2. (In Russ.).

11. Gibridnyye voyny : uchebnik / O. G. Karpovich, A. A. Grishanov, V. B. Kozyulin [i dr.]. 2-ye izdaniye, ispravlennoye i dopolnennoye. Moskva : Diplomaticheskaya akademiya MID Rossii, 2026. 910 p. ISBN 978-5-00227-592-2 (In Russ.).

12. Gordeyeva P. A. Psikhologicheskaya diagnostika lichnosti kursantov: issledovaniye adaptatsionnykh resursov i psikhologicheskogo blagopoluchiya : uchebnoye posobiye / P. A. Gordeyeva, S. N. Sorokoumova. Sankt-Peterburgskaya voyennaya ordena Zhukova akademiya voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii : Izdatel'stvo Akademii voysk natsional'noy gvardii, 2025. 153 p. ISBN 978-5-93598-144-0. (In Russ.).

13. Gordeyeva P. A. Psikhologicheskaya diagnostika lichnostnogo potentsiala kursantov - budushchikh komandirov / P. A. Gordeyeva, V. I. Orlov, S. N. Sorokoumova. Izdaniye 2-ye, dopolnennoye i pererabotannoye. Sankt-Peterburg : Voyennaya ordena Zhukova akademiya voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii, 2025. 233 p. ISBN 978-5-93598-145-7. (In Russ.).

14. Kovtunenko L. V. Anti-corruption education as a direction for the formation of anti-corruption culture of cadets of higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia / L. V. Kovtunenko, O. A. Titova // Global'nyy nauchnyy potentsial. 2024;4-1(157):18-20. (In Russ.).

15. Kurdin D. A. Intellektual'nyy analiz dannykh kak metod psikhologicheskogo prognozirovaniya uspeshnosti v obuchenii kursantov / D. A. Kurdin, S. N. Sorokoumova, M. I. Mar'in. Novosibirsk : Novosibirskiy voyennyy institut imeni generala armii I.K. Yakovleva voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii, 2024. 192 p. ISBN 978-5-6049833-0-0 (In Russ.).

16. Maistrenko G.A., Maistrenko A.G. Mechanisms for implementing anti-corruption policy in universities of the Federal Penitentiary Service of Russia // Zakon i pravo. 2023;3: 220–224. (In Russ.).

17. Merkulov, S. V. Emotional-volitional stability as a fundamental component of the readiness of future officers to counter the influence of extremist ideology / S. V. Merkulov, S. N. Sorokoumova // Voyenno-pravovyye i gumanitarnyye nauki Sibiri. 2024;4(22):127-136. (In Russ.).

18. O formirovanii u obuchayushchikhsya v vuze sposobnosti neterpimogo otnosheniya k proyavleniyam ekstremizma, terrorizma, korruptsionnomu povedeniyu / A. D. Shmatko, V. M. Burmakin // Issledovaniye problem i tendentsiy razvitiya vysshego obrazovaniya v sovremennoy Rossii: Sbornik nauchnykh trudov. Sankt-Peterburg: Baltiyskiy gosudarstvennyy tekhnicheskiy universitet "VOYENMEKH" im. D.F. Ustinova, 2024. Pp. 159-172. (In Russ.).

19. Orlov V. I. System-forming environmental and psychological-pedagogical factors in the development of professional and personal competencies of a tactical commander / V. I. Orlov, P. A. Gordeeva, S. N. Sorokoumova // Voyenno-pravovyye i gumanitarnyye nauki Sibiri. 2026;1(27): 246-257. (In Russ.).

20. Potemkina O. F. Metodika diagnostiki sotsial'no-psikhologicheskikh ustanovok lichnosti v motivatsionno-potrebnostnoy sfere // Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodiki i testy. Uchebnoye posobiye / D.YA. Raygorodskiy eds. – Samara: Izdatel'skiy Dom «BAKHRAKH-M», 2001. – Pp. 641–648. (In Russ.).

21. Sundukova V. V. Formirovaniye antikorruptsionnoy napravlennosti lichnosti kursantov obrazovatel'nykh organizatsiy FSIN Rossii / V. V. Sundukova, I. S. Ganishina, S. N. Sorokoumova. – Ul'yanovsk: IP Ken'shenskaya Viktoriya Valer'yevna (izdatel'stvo «Zebra»), 2021. 168 p. (In Russ.).

22. Tanaeva Z. R. Formation of professional legal awareness of future lawyers through project activities // Innovative development of professional education. 2018;17;1: 56-60. (In Russ.).

23. Utyuganov A. A. Formirovaniye tsennostno-smyslovykh oriyentatsiy u voyennosluzhashchikh voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii / A. A. Utyuganov. – Novosibirsk : Novosibirskiy voyennyy institut imeni generala armii I.K. Yakovleva voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii, 2017. 124 p. ISBN 978-5-906431-64-6 (In Russ.).

24. Utyuganov A. A. Formation of value-semantic orientations among cadets of the troops of the National Guard of the Russian Federation / A. A. Utyuganov // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2019;62-4: 302-305. (In Russ.).

Информация об авторах

С. Н. Сорокоумова *– доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования*
В. М. Бурмакин *– преподаватель кафедры Б6 «Стратегическое управление высокотехнологичными предприятиями»*

Information about the authors

S. N. Sorokoumova *– Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education*
V. M. Burmakin *– Lecturer, Department B6 «Strategic Management of High-Tech Enterprises"*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.07.2026;
одобрена после рецензирования 12.09.2026;
принята к публикации 28.09.2026.

The article was submitted 06.07.2026;
approved after reviewing 12.09.2026;
accepted for publication 28.09.2026.

Научная статья

УДК 37.01; 378.147

ДИДАКТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ БИНАРНОЙ ЛЕКЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ КУРСА ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ

Анатолий Степанович Турчин[1], Лев Викторович Шабанов[2]
[1, 2] Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
[1] ast55@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7973-2017
[2] lev.shabanov@mail.ru

Аннотация. В статье приводятся данные о содержательных особенностях подготовки и проведения такой разновидности лекционного занятия, как бинарная лекция на материале учебного курса «История психологии». Такой тип лекции позволяет активизировать внимание и восприятие курсантами учебного материала за счет вовлеченности в мыслительный процесс. Она позволяет демонстрировать элементы научной дискуссии, в которой, помимо ярких фактов, отрабатываются причинно-следственные связи и логические приемы доказательства. Это приводит к повышению качества знаний. Описаны требования и предложены рекомендации к выбору темы занятия, приемов и методов активизации познавательной деятельности обучающихся, подбору состава преподавателей. Приведены конкретные сценарии диалоговых ситуаций, используемых на лекции.

Ключевые слова: лекция, бинарная лекция, история психологии, познавательная активность, мыслительный процесс, диалог

Для цитирования: Турчин А.С., Шабанов Л.В. Дидактико-методические особенности построения бинарной лекции в препода-вании курса истории психологии // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 324–330. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/034.pdf.

Original article

DIDACTIC AND METHODOLOGICAL FEATURES OF DESIGNING A BINARY LECTURE IN TEACHING THE COURSE ON THE HISTORY OF PSYCHOLOGY

Anatoly S. Turchin[1], Lev V. Shabanov[2]
[1, 2] Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
[1] ast55@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7973-2017
[2] lev.shabanov@mail.ru

Abstract. The article provides data on the substantive features of preparing and conducting a type of lecture session known as a binary lecture, using the material from the course "History of Psychology." This type of lecture helps to activate students' attention and improve their perception of the learning material through engagement in the thought process. It allows demonstrating elements of a scientific discussion, in which, in addition to vivid facts, cause-and-effect relationships and logical methods of proof are worked out. This leads to an improvement in the quality of knowledge. The article describes the requirements and offers recommendations for selecting the topic of the session, techniques and methods for activating students' cognitive activity, and selecting the teaching staff. Specific scenarios of dialogic situations used in lectures are provided.

Keywords: lecture, binary lecture, history of psychology, cognitive activity, thought process, dialogue

For citation: Turchin A.S., Shabanov L.V. Didactic and methodological features of designing a binary lecture in teaching the course on the history of psychology. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36):324–330. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/034.pdf.

© Турчин А.С., Шабанов Л.В., 2026

Введение

Критика современной системы образования ведется по многим параметрам и, прежде всего, констатируется не достаточная готовность курсантов и студентов к методам вузовского обучения [1; 2; 7; 25]. Последнее имеет под собой много причин, которые в чем-то аналогичны жалобам школьных педагогов, которые отмечают такие затруднения, которые связаны с узко

воспроизводящим опыт учителя или текст учебника подходом к обозначению знания как единственно верного [6; 22]. При этом система ОГЭ и ЕГЭ в большей мере ориентирована на память, а не мышление. Конечно, в высших учебных заведениях полагается априори, что в аудиториях находятся люди с развитыми выше среднего способностями усвоения информации. Более того, в системе школьных методов и организационных форм обучения существует урок-лекция, но мало кто из вузовских преподавателей согласится с тем, что бывшие абитуриенты готовы к активному усвоению лекционного материала. В этой связи для будущих профессиональных психологов лекционная форма не должна выглядеть как зачитывание заранее подготовленного лектором текста с попытками малопродуктивной дискуссии по проблемам, истоки которых им и не известны и не понятны.

В силу сложности и компактности информационного построения лекции, а также плотности текста, направленного на аудиторию, многие преподаватели прибегают к различным организационным формам проведения занятия и закрепления знаний. Бинарная лекция кажется такой организационной формой, которую можно рекомендовать в работе с аудиторией, в достаточной мере освоившей правила диалога и полилога. Поскольку курс «История психологии» изучают на первом году обучения, представляется уместным изложить наш взгляд на целесообразность включения бинарных лекций в методический репертуар преподавателей. Бинарная лекция, с одной стороны, не требует «высшего пилотажа» от аудитории, которая будет переключаться от одного лектора к другому и сравнивать их позиции по заявленному учебному вопросу, а, с другой, каждый преподаватель, имея свой метод и свой взгляд на предмет, рассматриваемый в лекции, представляет свой элемент материала как одну, но важную учебную задачу [4; 13; 20; 21]. Напомним, что учебной может именоваться всякая задача, в процессе решения которой открывают способ решения, чтобы в последующем (научившись на одной), без затруднений перенося опыт решения первой, решать любую другую задачу, относящуюся к тому же самому типу, что и решенная [5].

Основная часть

В педагогической психологии отмечается, что реагирование слушателей на новую информацию возможно в достаточно широком диапазоне – от индифферентного (когда информация не фиксируется в памяти) до конструктивного или деструктивного [12; 23].

Помимо трансляционной стороны подготовки и реализации плана на будущее лекционное занятие, преподавателю надо учесть, что он работает с большой аудиторией, имеющей различный уровень общеобразовательной подготовки, где качество общих учебных умений есть величина вероятностная. В литературе достаточно много жалоб на клиповое мышление, зависимость молодых людей от гаджетов. Иногда даже высказывают мнение о том, что нужно использовать геймирование и делить, как в классическом бихевиористском подходе, материал на микропорции.

Через лекцию преподаватель реализует не только учебные задачи, но и воспитательную, развивающую функцию обучения. Когда речь идет о преподавании истории психологии, это означает, что психология изучаемой эпохи не может быть понята как прогрессивная, если не учитывать методологический генетический принцип, сформулированный Л.С. Выготским. Ни одно достижение в науке не может быть правильно интерпретировано без учета его предыстории и вклада предыдущих поколений ученых и практиков.

Воспитательная и развивающая цели, формулируемые перед конкретным лекционным занятием, тесным образом связаны с целью дидактической и реализуются в единстве. Требуется учитывать проблему наличия/отсутствия содержательной мотивации курсантов. В теории поэтапного формирования умственных действий [22; 23] считается, что при установлении отсутствия мотивации у обучающихся преподаватель не должен скатываться к развлекательности. Мотивация вносится им за счет успеха в пропедевтическом коротком учебном диалоге, причем «обреченном на успех». Если же курсант становится пассивным участником занятия, то на традиционной лекции сложно оценить степень его вовлеченности в изучаемую тему. В этой связи и рекомендуют такую инновационную форму, как бинарная лекция [3; 9; 14; 19; 24].

Бинарная лекция построена не только на диалоге двух преподавателей и их взаимодействии с обучающимися. Основная цель – вовлечь каждого слушателя в мыслительный процесс, чтобы они активно вникали в тему занятия, могли выбрать одну из предложенных точек зрения или поспорить с каждой. Основополагающая задача лекции – исключить пассивное восприятие обучающимися учебного материала. Би-

нарные лекции позволяют усилить внутри- и межпредметную связь внутри отдельно взятой дисциплины или между сопряженными; наличие методологического напряжения в материале, который подаётся с двух позиций, обеспечивает комплексное понимание изучаемой темы и предмета в целом; позволяет обучающемуся «из слушателя стать мыслителем», анализировать и критически оценивать материал, задавать вопросы и предлагать свои решения.

В рамках представленной статьи обсуждаются основные моменты проведения бинарной лекции по «Истории психологии». Чаще всего бинарную лекцию проводят по дисциплинам гуманитарного цикла (история, психология, философия и т. д.), в содержании которых, во-первых, присутствует информация, описанная с различных точек зрения (чаще всего, это позиции разных научных школ); во-вторых, информация, истинность которой со стопроцентной вероятностью установить невозможно и поэтому два преподавателя могут показать аудитории, насколько неоднозначными могут быть выводы по указанной теме.

Какие рекомендации даются в литературе в отношении подготовительного этапа работы?

В вопросе выбора темы лекции можно обратиться к опыту Мухиной Т. Г. [14], акцентирующей внимание на необходимости моделирования реальных профессиональных ситуаций, к которым можно отнести обсуждение теоретических вопросов с разных позиций двумя специалистами, например, теоретиком и практиком, сторонником и противником той или иной точки зрения. По нашему мнению, важно, чтобы аудитория не испытывала сомнения в научном равенстве диспутантов, т. е. их субъектности, иначе второй лектор превратится в такую же часть аудитории, как и основные обучающиеся по предмету. Диалог преподавателей между собой должен выступать наглядной демонстрацией «культуры совместного поиска решения разыгрываемой проблемной ситуации» [14, с. 36]. По сути, «прямым продуктом» [17] этого диалога должна выступать экстериоризуемая система интеллектуальных действий, направленных на постановку проблемы, ее оценивание с учетом парадигмальных установок, различий в оценивании психологических фактов, гипотез и логических операций по их разрешению, т. е. системы доказательств или опровержений. В дальнейшем обосновывается конечный вариант совместного решения не как волюнтаристский (я так вижу!), а научно доказанный (мы пришли к общему знаменателю!).

Уже на стадии подготовки могут быть намечены вопросы, адресованные учебной группе, связанные с вовлечением в общение курсантов, что позволит уточнить их текущую включенность в мыслительный процесс и выявить возникающую и высказываемую свою позицию, оценочное отношение к обсуждаемому материалу лекции, вызывая у них интеллектуальные эмоции. (Что вы помните? Где видите слабость аргументации? Давайте попробуем переосмыслить распространённую позицию и выясним, что здесь не так?).

В литературе рекомендуется проводить подобные лекции внутри академических курсов не чаще одного – двух раз в течение семестра (на факультативных курсах можно и чаще). При изучении курса «История психологии» важно учитывать, что у курсантов должны появиться оценочные установки, связанные с пониманием историко-психологического процесса и роли в нем того или иного ученого. Тогда не будет возникать ситуаций, когда ученых прошлого будут критиковать не только за недобросовестно содеянное, но и за то, что они вовсе не собирались изучать. Так, когда речь идет об оценке развития отечественной психологии в период после окончания Второй мировой войны и до 1991 г., когда у курсантов уже есть в активном интеллектуальном багаже примеры такой критики [16], при рассмотрении эмоционально острого момента, а именно, Павловской сессии, можно выполнить обращение к учебной группе, предложив оценить различные позиции в отношении содержания и направленности критики позиций отечественных ученых с учетом опыта подобных «кампаний» и опасности последствий для конкретной научной судьбы критикуемых.

Поскольку речь идет о чтении лекции, предшествующей чтению последней в рабочей программе курса «Истории психологии», целесообразно довести в обсуждении до аудитории обоснование актуальности учебной дискуссии. Уже во вводной части можно отметить, что на последующем этапе вопросы преподавания теории и практики современной психологии в России, являясь следствием распада советской высшей школы, привели к перманентному пребыванию науки в кризисе. Это отражено в дискуссии о предмете психологической науки [23]. При этом практикующие психологи зачастую учились психологическим практикам прямо в процессе работы с клиентами. Кстати, до

настоящего времени и их правовой статус не определен, поскольку проект закона о психологической помощи уже несколько раз возвращался на доработку комиссией Государственной Думы.

На презентации темы и обозначении учебных вопросов могут быть высвечены проблемные точки, которые станут маршрутом для освоения материала в ходе лекции. Например: 1). В чём была причина такого развития событий? 2). Была ли она заложена в целом ряде ошибок, которые были проигнорированы главами научных школ и направлений в вопросах сохранения Философии психологии позднего СССР? 3). Является ли ошибочным мнение о том, что отказ от собственной истории и философии науки привёл к тому, что в учебниках по истории психологии исчезают такие вопросы, как:

– оригинальность Советской психологии (включая период новой России с вопросом, что развивали, чем заменили, от чего отказались?);

– не рассматривается исчезновение в конце 1980-х гг. целого направления – Философии психологии, которую оттеснили западные психологические школы (куда делись ученики классиков, где их работы по продвижению научных школ?);

– можем ли мы, на новом этапе и с новыми возможностями вмешаться в судьбу наследия советской психологии?

Достаточно сложен для восприятия и понимания первокурсников анализ методологических принципов, но на этом материале представляется возможным демонстрация лекторами наличия развивающего потенциала научных дискуссий 60–80-х гг., проводившихся учеными, относящимися к Ленинградской и Московской научным школам, а также «леонтьевцами» и «рубинштейновцами» [8; 11; 15; 18]. Поскольку для курсантов методологические принципы выступают в основном как догматические установки, лекторам в ходе обсуждения важно продемонстрировать возможность отражения взаимно обогащающего подхода к интерпретации содержания и прикладной направленности аргументации и выводов, которые не должны ссорить, напротив, способствовать интегративным процессам в научном сообществе психологов.

В течение бинарной лекции решаются задачи, которые в теории поэтапного формирования и теории учебной деятельности именуют «учебными». В конце первого года обучения у курсантов уже может быть некоторый опыт отношения к постановке задачи, как учебной. Однако, если будут зафиксированы приемы эмпирического мышления (ориентировка на внешние, яркие признаки, отсутствие воссоздания ситуации задачи и др.), лекторам целесообразно продемонстрировать на одном-двух примерах ошибочность такого подхода. Последнее не означает резкого уклонения от первоначального сценария лекции, показывая необходимость отношения ученого к излагаемому материалу не в логике конкретного учебника, а «логике науки» [5], поскольку иначе у курсантов может сложиться представление о возможности «обхода» трудных вопросов, что отрицательно скажется на их доказательной базе (умении «держать удар», не теряться, чувствовать личную ответственность).

Сценарий типовой диалоговой ситуации может строиться по следующему плану:

– первый преподаватель предлагает определить содержание одной из важных категорий, обсуждавшейся в отечественной научной литературе соответствующего периода, а второй просит дать пояснения правомерности заявленной трактовки;

– второй преподаватель, обращаясь к аудитории, предлагает сравнить содержание данного определения с предыдущими его трактовками в соответствии с исторической точкой зрения их возникновения (в частности, рефлексии по Р. Декарту и рефлексии по А. К Марковой) [12];

– Так начинается обсуждение с курсантами озвученных определений, итогом становится понимание важности проблемы для практики военного психолога;

– Этот процесс можно усилить не только приведением примеров нахождения противоречий в аргументации авторов литературы из серии «сам себе психолог», но расширить его рекомендациями к чтению на самоподготовке и специфической тематикой докладов и сообщений на семинарах.

Традиционно вызывает трудности оценка вклада в теоретическую и практическую психологию в период после запрета психологического тестирования и до окончания советского периода. Здесь возможен полилог, если будут заявлены две конкурентных позиции:

1) тестирование есть благо, позволяющее застраховаться от неудобных вопросов по поводу достоверности полученных эмпирических данных;

2) высокая результативность обучающих экспериментов на материале большинства учебных предметов в отечественной системе среднего и высшего образо-

вания не связана с процедурами тестирования [4; 5; 23].

Бинарная лекция, ввиду самого своего формата, позволяет использовать для проектирования образовательных ситуаций нестандартные постановки задач и заданий (например, неполное или неверное), предложенных для углубления понимания озвученных проблем у аудитории. В современных условиях существует возможность использования онлайн-ресурсов и искусственного интеллекта (ИИ), - всё то, что часто применяется современной молодежью как некое развлечение или решение реферативных задач без понимания процесса решения. На разборе этих противоречий можно достаточно ярко представить сценарий частной диалоговой ситуации для реализации ее в ходе бинарной лекции.

Заключение

Предварительная подготовка бинарной лекции и ее чтение предъявляют строгие требования к подбору преподавателей, а именно:

А) установленная интеллектуальная и личностная совместимость;

Б) сопоставимый стаж преподавания в высшей школе;

В) креативность и критичность мышления, способность к импровизации. Результативность бинарной лекции также будет зависеть от наличия у преподавателей опыта работы в рамках одной или близких по содержанию (например, преподающих курсы «Истории психологии», «Общей психологии», «Педагогической психологии», «Методологии психологических исследований», «Военной психологии», «Юридической психологии и психологии безопасности») дисциплин. Если основные требования к подготовке и проведению бинарной лекции будут соблюдены, у курсантов может формироваться конструктивное отношение к данной форме учебной работы.

При проведении бинарной лекции по теме «Развитие отечественной психологической науки в период 1945–1991 гг.» целесообразно особое внимание уделить подведению итогов на заключительном этапе. А именно: 1) обсуждению с курсантами вопросов, относящихся к пониманию основных фактов и закономерностей данного периода с учетом историко-культурной и политической обстановки в стране и мире; 2) уточнению мнений курсантов о том, почему действительно можно говорить о развитии отечественной психологии с учетом требований современной науки; 3) выяснению их мнений в отношении оценки данного этапа как важного для становления предмета психологии; 4) обращению к профессиональному знанию будущего офицера-психолога через аргументацию того, что психологи подтвердили свою полезность не только в образовании вообще, но и в военном деле, реабилитационной и образовательной работе, а также в освоении космоса.

Завершить подведение итогов можно обращением к учебной группе с предложением на самостоятельной подготовке обсудить, какие проблемы остались и важны ли они для развития отечественной психологической науки в первой четверти XXI века.

Список источников

1. Афанасьева Е. С. Педагогические пути повышения эффективности познавательной деятельности курсантов военных вузов в ходе изучения гуманитарных дисциплин: автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.08 / Афанасьева Елена Сергеевна. М., 2011. 24 с.

2. Бадмаев Б. Ц. Методика преподавания психологии. М. : ВЛАДОС, 2004. 303 с.

3. Брызгалова И. В. Бинарная лекция как средство активизации деятельности обучающихся образовательных организаций высшего образования ФСИН России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 1 (68). С. 61–64.

4. Гальперин П. Я. Психология как объективная наук. М. : Ин-т практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1998. 480 с.

5. Давыдов В. В. Теория развивающего обучения. М. : ИНТОР, 1996. 544 с.

6. Ждан А. Н. История психологии. От античности до наших дней: учебник для вузов. 6-е изд. М. : Академический Проект: Фонд «Мир», 2005. 576 с.

7. Ивашкин Е. Г. Организация аудиторной работы в образовательных организациях высшего образования: учебное пособие / Е. Г. Ивашкин, Л. П. Жукова. Н. Новгород, 2014. 74 с.

8. Корнилова Т. В. Методологические основы психологии: учебник. 2-е изд., перераб, и доп. М. : Издательство Юрайт, 2011. 483 с.

9. Ламонина Л. В. К вопросу об активных методах обучения на лекции: из опыта применения в преподавании математических и информатических дисциплин // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2019. № 1(16). С. 14.

10. Лобанов С. И. Активизация познавательной деятельности курсантов учебных частей внутренних войск МВД России: дис. … канд. пед. наук / Лобанов Сергей Иванович. СПб., 1996. 225 с.
11. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М. : Наука, 1984. 444 с.
12. Маркова А. К. Психология профессионализма. М. : Знание, 1996. 308 с.
13. Марцинковская Т. Д. Истории психологии: учебник для вузов. Изд. 2-е, испр., и доп. М. : Академический Проект; Трикста, 2011. 521 с.
14. Мухина Т. Г. Активные и интерактивные образовательные технологии (формы проведения занятий) в высшей школе: учебное пособие. Н. Новгород, 2013. 97 с.
15. Нарский И. С. Диалектические противоречия и логика познания. М. : Наука, 1969. 246 с.
16. Петровский А. В. Психология и время. СПб. : Питер, 2007. 448 с.
17. Пономарев Я. А. Психология творения. М. : МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 1999. 480 с.
18. Сагатовский В. Н. Категориальный контекст деятельного подхода // Деятельность: теория, методология, проблемы. М. : Политиздат, 1990. С. 70–83.
19. Смирнова О. Б. Некоторые аспекты применения бинарной лекции в процессе преподавания математических дисциплин // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2025. № 4 (43) октябрь – декабрь. URL: http:// e-journal.omgau.ru/images/issues/2025/4/01233.pdf. ISSN 2413-4066.
20. Смит Р. История психологии: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Издательский центр «Академия», 2008. 416 с.
21. Соколова Е. Е. Тринадцать диалогов о психологии: учебное пособие по курсу «Введение в психологию». 4-е перераб. изд. М. : Смысл, 2003. 687 с.
22. Талызина Н. Ф. Управление процессом усвоения знаний. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. 345 с.
23. Турчин А. С. Проблемы и перспективы развития предмета психологии // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 2 (131). С. 136–144.
24. Харитонова Н. Д. Дуальная система образования в высшей школе: эффективность внедрения // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2017. № S3. С. 15–17.
25. Шмачилина-Цибенко С. В. Методы интерактивного обучения в преподавании педагогических дисциплин в вузах МВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 4(59). С. 80–83.

References

1. Afanas'eva E. S. Pedagogicheskie puti povysheniya effektivnosti poznavatel'noj deyatel'nosti kursantov voennyh vuzov v hode izucheniya gumanitarnyh disciplin: avtoref. dis. … kand. ped. nauk: 13.00.08 / Afanas'eva Elena Sergeevna. M., 2011. 24 s. (In Russ.).
2. Badmaev B. C. Metodika prepodavaniya psihologii. M. : VLADOS, 2004. 303 s. (In Russ.).
3. Bryzgalova I. V. Binary lecture as a means of enhancing the activity of students in higher education institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2017;1 (68): 61–64. (In Russ.).
4. Gal'perin P. YA. Psihologiya kak ob"ektivnaya nauk. M. : In-t prakticheskoj psihologii; Voronezh: MODEK, 1998. 480 s. (In Russ.).
5. Davydov V. V. Teoriya razvivayushchego obucheniya. M. : INTOR, 1996. 544 s. (In Russ.).
6. ZHdan A. N. Istoriya psihologii. Ot antichnosti do nashih dnej: uchebnik dlya vuzov. 6-e izd. M. : Akademicheskij Proekt: Fond «Mir», 2005. 576 s. (In Russ.).
7. Ivashkin E. G. Organizaciya auditornoj raboty v obrazovatel'nyh organizaciyah vysshego obrazovaniya: uchebnoe posobie / E. G. Ivashkin, L. P. ZHukova. N. Novgorod, 2014. 74 s. (In Russ.).
8. Kornilova T. V. Metodologicheskie osnovy psihologii: uchebnik. 2-e izd., pererab, i dop. M. : Izdatel'stvo YUrajt, 2011. 483 s. (In Russ.).
9. Lamonina L. V. Regarding the issue of active learning methods in lectures: from the experience of using them in teaching mathematics and computer science disciplines. // Elektronnyj nauchno-metodicheskij zhurnal Omskogo GAU. 2019;1(16): 14. (In Russ.).
10. Lobanov S. I. Aktivizaciya poznavatel'noj deyatel'nosti kursantov uchebnyh chastej vnutrennih vojsk MVD Rossii: dis. … kand. ped. nauk / Lobanov Sergej Ivanovich. SPb., 1996. 225 s. (In Russ.).
11. Lomov B. F. Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii. M. : Nauka, 1984. 444 s. (In Russ.).
12. Markova A. K. Psihologiya professionalizma. M. : Znanie, 1996. 308 s. (In Russ.).

13. Marcinkovskaya T. D. Istorii psihologii: uchebnik dlya vuzov. Izd. 2-e, ispr., i dop. M. : Akademicheskij Proekt; Triksta, 2011. 521 s. (In Russ.).
14. Muhina T. G. Aktivnye i interaktivnye obrazovatel'nye tekhnologii (formy provedeniya zanyatij) v vysshej shkole: uchebnoe posobie. N. Novgorod, 2013. 97 s. (In Russ.).
15. Narskij I. S. Dialekticheskie protivorechiya i logika poznaniya. M. : Nauka, 1969. 246 s. (In Russ.).
16. Petrovskij A. V. Psihologiya i vremya. SPb. : Piter, 2007. 448 s. (In Russ.).
17. Ponomarev YA. A. Psihologiya tvoreniya. M. : MPSI; Voronezh: MODEK, 1999. 480 s. (In Russ.).
18. Sagatovskij V. N. Kategorial'nyj kontekst deyatel'nogo podhoda // Deyatel'nost': teoriya, metodologiya, problemy. M. : Politizdat, 1990. S. 70–83. (In Russ.).
19. Smirnova O. B. Some aspects of using a binary lecture in the teaching of mathematical disciplines. // Elektronnyj nauchno-metodicheskij zhurnal Omskogo GAU. 2025;4 (43) oktyabr' – dekabr'. Available from: http:// e-journal.omgau.ru/images/issues/2025/4/01233.pdf. ISSN 2413-4066. (In Russ.).
20. Smit R. Istoriya psihologii: uchebnoe posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij. M. : Izdatel'skij centr «Akademiya», 2008. 416 s. (In Russ.).
21. Sokolova E. E. Trinadcat' dialogov o psihologii: uchebnoe posobie po kursu «Vvedenie v psihologiyu». 4-e pererab. izd. M. : Smysl, 2003. 687 s. (In Russ.).
22. Talyzina N. F. Upravlenie processom usvoeniya znanij. M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 1984. 345 s. (In Russ.).
23. Turchin A. S. Problems and prospects for the development of the subject of psychology // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2023;2 (131): 136–144. (In Russ.).
24. Haritonova N. D. Dual education system in higher education: the effectiveness of implementation // Elektronnyj nauchno-metodicheskij zhurnal Omskogo GAU. 2017;S3: 15–17. (In Russ.).
25. SHmachilina-Cibenko S. V. Methods of interactive learning in teaching pedagogical disciplines at universities of the Ministry of Internal Affairs // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2014;4(59): 80–83. (In Russ.).

Информация об авторах

А. С. Турчин *– доктор психологических наук, профессор*
Л. В. Шабанов *– доктор философских наук, кандидат психологических наук, доцент*

Information about the authors

A. S. Turchin *– Doctor of Sciences (Psychology), Professor*
L. V. Shabanov *– Doctor of Sciences (Philosophical), Candidate of Sciences (Psychology), Docent*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 06.08.2026; одобрена после рецензирования 19.09.2026; принята к публикации 28.09.2026.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 06.08.2026; approved after reviewing 19.09.2026; accepted for publication 28.09.2026.

Научная статья

УДК 378

РАЗВИТИЕ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ ВОЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ПЕДАГОГИКИ В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Алексей Анатольевич Утюганов[1], Регина Ахнафовна Яфизова[2], Александр Михайлович Казимирович[3], Григорий Геннадьевич Дмитриев[4]
[1,3,4] Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
[2] Институт машиноведения им. А.А. Благонравова РАН, Москва, Россия
[1] outioganov@mail.ru
[2] yafizovara@imash.ru
[3] sps5401@mail.ru
[4] vifk-nic@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается развитие инженерно-технических способностей военных специалистов как самостоятельное направление педагогики. Обосновывается, что данные способности представляют собой интегративное качество личности, обеспечивающее успешность профессиональной деятельности в условиях применения сложных технических систем. Раскрывается роль системного и деятельностного подходов в их формировании. Показано, что развитие указанных способностей связано с организацией образовательного процесса, направленного на формирование аналитико-синтетического и прогностического мышления, а также готовности к принятию решений в условиях неопределенности.

Ключевые слова: инженерно-технические способности, военные специалисты, педагогика, профессиональная подготовка, деятельность, мышление, войска национальной гвардии Российской Федерации

Для цитирования: Утюганов А.А., Яфизова Р.А., Казимирович А.М., Дмитриев Г.Г. Развитие инженерно-технических способностей военных специалистов как направление педагогики в системе профессиональной подготовки // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 331–337. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/035.pdf.

Original article

DEVELOPMENT OF ENGINEERING AND TECHNICAL ABILITIES OF MILITARY SPECIALISTS AS A DIRECTION OF PEDAGOGY IN THE PROFESSIONAL TRAINING SYSTEM

Aleksej A. Utyuganov[1], Regina A. YAfizova[2], Alexander M. Kazimirovich[3], Grigory G. Dmitriev[4]
[1,3,4] Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
[2] A.A. Blagonravov Institute of Mechanical Engineering of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
[1] outioganov@mail.ru
[2] yafizovara@imash.ru
[3] sps5401@mail.ru
[4] vifk-nic@yandex.ru

Abstract. The article examines the development of engineering and technical abilities of military specialists as an independent area of pedagogy. It is substantiated that these abilities represent an integrative quality of an individual, ensuring the success of professional activity in the context of using complex technical systems. The role of systemic and activity based approaches in their formation is revealed. It is shown that the development of these abilities is linked to the organization of the educational process aimed at fostering analytical synthetic and predictive thinking, as well as readiness to make decisions in conditions of uncertainty.

Keywords: engineering and technical abilities, military specialists, pedagogy, professional training, activity, thinking, troops of the National Guard of the Russian Federation

For citation: Utyuganov A.A., YAfizova R.A., Kazimirovich A.M., Dmitriev G.G. Development of engineering and technical abilities of military specialists as a direction of pedagogy in the professional training system. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36): 331–337. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/035.pdf.

© Утюганов А.А., Яфизова Р.А., Казимирович А.М., Дмитриев Г.Г., 2026

Введение

Современный этап развития войск национальной гвардии Российской Федерации и вооружённых сил характеризуется интенсивным усложнением военной техники, автоматизацией процессов управления и возрастанием роли высокотехнологичных систем. В этих условиях ключевым фактором обеспечения эффективности военной деятельности становится не только уровень технического оснащения, но и качество подготовки специалистов, способных функционировать в сложных человеко-машинных системах.

Профессиональная деятельность военного специалиста всё в большей степени приобретает характер инженерно-аналитической деятельности, связанной с обработкой информации, принятием решений в условиях неопределённости и ответственностью за их последствия. Это обусловливает необходимость развития инженерно-технических способностей как системообразующего компонента профессиональной готовности.

Данная проблематика непосредственно соотносится с развитием педагогики как научного направления, ориентированного на исследование закономерностей формирования профессионально значимых качеств личности военнослужащего.

В отечественной психолого-педагогической традиции способности рассматриваются как индивидуально-психологические особенности, определяющие успешность деятельности [8]. При этом принципиально важным является положение о том, что способности формируются в деятельности.

Системный подход, разработанный в трудах В. Д. Шадрикова, позволяет рассматривать способности как функциональную систему, включающую когнитивные, операциональные и личностные компоненты [9].

В рамках настоящего исследования уточняется содержание категории «инженерно-технические способности». Под ними понимается интегративное психолого-педагогическое образование, включающее совокупность когнитивных, операциональных и личностно-регуляторных характеристик субъекта, обеспечивающих анализ, прогнозирование и преобразование технических систем, а также надёжность деятельности в условиях неопределённости, дефицита времени и повышенной ответственности.

Основные положения

Анализ научных исследований показывает, что инженерно-технические способности включают:

– развитое пространственное мышление;

– способность к техническому анализу и синтезу;

– умение моделировать технические процессы;

– прогностические способности;

– готовность к принятию решений в условиях неопределённости.

В отличие от общих интеллектуальных способностей, они носят специализированный характер и формируются в процессе профессионально ориентированной деятельности.

Профессиональная деятельность военнослужащего характеризуется рядом особенностей, определяющих специфику инженерно-технических способностей:

Высокая цена ошибки – решения оказывают влияние на безопасность личного состава и эффективность выполнения задач.

Дефицит времени – необходимость принятия решений в ограниченные временные интервалы.

Неопределённость ситуации – недостаток информации и динамичность обстановки.

Системный характер задач – необходимость учета множества взаимосвязанных факторов.

В рамках военной инженерной психолого-педагогической деятельности специалиста рассматривается как функционирование в системе «человек – техника – среда» [2]. Это требует формирования способностей, обеспечивающих не только анализ, но и прогнозирование и коррекцию действий.

Как показывают исследования, надёжность деятельности определяется согласованием возможностей человека и требований техники [5]. Следовательно, развитие инженерно-технических способностей напрямую связано с обеспечением надёжности профессиональной деятельности.

Инженерно-техническое мышление в структуре профессиональной деятельности военного специалиста выступает не просто как частный вид интеллектуальной активности, а как системообразующий компонент, обеспечивающий адекватное функционирование в условиях эксплуатации и применения проводимого нами исследования данная категория приобретает особое значение, поскольку рассматривается в контексте педагогики как результат и одновременно средство профессиональной подготовки.

С позиций психологической науки мышление определяется как опосредованное и обобщённое отражение действительности, обеспечивающее решение задач и преобразование ситуации [7]. В инженерной деятельности данное определение конкретизируется через способность субъекта выявлять причинно-следственные связи в технических объектах, анализировать их функционирование и прогнозировать результаты вмешательства.

Инженерно-техническое мышление представляет собой специфическую форму профессионального мышления, ориентированную на анализ, проектирование и преобразование технических систем. В отличие от абстрактно-логического мышления, оно носит предметно-практический характер и тесно связано с реальной деятельностью. Как подчёркивает Т. В. Кудрявцев, техническое мышление включает способность к мысленному оперированию техническими образами, выявлению функциональных связей и прогнозированию изменений в системе [6].

В условиях военной профессиональной деятельности инженерно-техническое мышление приобретает ряд специфических характеристик, обусловленных особенностями служебно-боевых задач. Прежде всего, оно функционирует в ситуации повышенной ответственности, где любое решение связано с потенциальными рисками для техники, инфраструктуры и личного состава. Это обстоятельство требует высокой точности анализа и способности учитывать множественные факторы, включая технические, организационные и тактические параметры.

Существенной особенностью является функционирование мышления в условиях дефицита времени и неполноты информации. Как показывают исследования операторской деятельности, временные ограничения трансформируют структуру мыслительных процессов, усиливая роль свернутых форм ориентировки и эвристических решений [4]. В этой связи инженерно-техническое мышление военного специалиста должно обеспечивать не столько поиск идеального решения, сколько выбор наиболее надёжного и реализуемого варианта в конкретной ситуации.

Структура инженерно-технического мышления представляет собой интеграцию аналитических, синтетических, прогностических и регуляторных компонентов, обеспечивающих полный цикл интеллектуальной деятельности – от анализа ситуации до контроля и коррекции принятых решений (таблица).

Таблица – Структура инженерно-технического мышления

Table – The Structure of Engineering and Technical Thinking

Компонент	Содержание	Проявления	Значение в профессиональной деятельности
Аналитический	Обеспечивает разложение технической ситуации на элементы и выявление взаимосвязей между ними	Диагностика состояния техники, выявление причин неисправностей, анализ параметров функционирования	Позволяет точно понимать структуру и причины технических процессов
Синтетический	Связан с конструированием решений и интеграцией элементов в целостную систему	Разработка способов решения задач, выбор оптимальных решений, проектирование	Обеспечивает создание эффективных инженерных решений
Прогностический	Ориентирован на оценку последствий решений и моделирование развития ситуации	Прогнозирование результатов действий, оценка рисков, моделирование сценариев	Критически важен для предотвращения ошибок и повышения надёжности, особенно в военной сфере
Регуляторный	Обеспечивает контроль, коррекцию и адаптацию деятельности	Самоконтроль, устойчивость внимания, корректировка действий, адаптация к изменениям	Обеспечивает устойчивость и эффективность деятельности в сложных условиях

В рамках военной педагогики развитие инженерно-технического мышления рассматривается как целенаправленный процесс формирования указанных компонентов в системе профессиональной подготовки. При этом ключевое значение имеет организация образовательной деятельности, ориентированной на решение практических задач и моделирование реальных условий службы.

Как показывают исследования, формирование инженерно-технического мышления невозможно без включения обучающихся в деятельность, требующую анализа и преобразования технических объектов [3]. Это предполагает использование практико-ориентированных методов обучения, таких как решение ситуационных задач, работа с моделями и участие в проектной деятельности.

Таким образом, инженерно-техническое мышление выступает как ключевой элемент профессиональной деятельности военного специалиста, обеспечивающий её эффективность и надёжность. Его развитие представляет собой важнейшее направление педагогики, связанное с формированием готовности к выполнению задач в условиях современной технологической среды.

Развитие инженерно-технических способностей военных специалистов в современных условиях выступает как комплексная психолого-педагогическая задача, непосредственно связанная с совершенствованием системы воинского обучения и профессиональной подготовки. В рамках нашей работы данная проблема рассматривается в контексте развития педагогики, ориентированной на формирование профессионально значимых качеств личности, обеспечивающих успешность деятельности в условиях эксплуатации сложных технических систем.

С позиций деятельностного подхода формирование способностей осуществляется в процессе включения субъекта в специально организованную деятельность, направленную на решение профессионально значимых задач. Следовательно, педагогические условия должны обеспечивать не передачу знаний как таковых, а организацию образовательной среды, в которой происходит развитие инженерно-технического мышления и связанных с ним умений.

Одним из ключевых условий является практико-ориентированная направленность обучения. В отличие от традиционных форм передачи знаний, ориентированных на воспроизведение информации, современная система военного образования должна обеспечивать включение обучающихся в деятельность, моделирующую реальные условия службы. Это позволяет формировать не только знания, но и способность к их применению в изменяющихся ситуациях. Как отмечается в педагогических исследованиях, эффективность подготовки возрастает при переходе от репродуктивных к продуктивным формам обучения, предполагающим самостоятельный поиск решений [1].

Важным педагогическим условием выступает моделирование профессиональных ситуаций. Использование ситуационных задач, тренажёров и имитационных систем позволяет воспроизводить реальные условия деятельности военного специалиста, включая дефицит времени, неопределённость информации и необходимость принятия решений. В таких условиях формируется способность к анализу технической обстановки, прогнозированию и выбору рациональных решений.

Существенное значение имеет междисциплинарная интеграция содержания обучения. Современная инженерная деятельность требует синтеза знаний из различных областей - технических, математических, информационных и управленческих. В этой связи образовательный процесс должен обеспечивать формирование целостного представления о профессиональной деятельности, а не разрозненное усвоение отдельных дисциплин. Интегративный характер подготовки способствует развитию системного мышления, позволяющего учитывать взаимосвязь различных факторов.

С позиций педагогики важным условием является поэтапность формирования способностей, предполагающая переход от освоения базовых операций к решению комплексных профессиональных задач. На начальных этапах обучения акцент делается на формировании фундаментальных знаний и элементарных умений, тогда как на последующих этапах - на развитии способности к самостоятельному решению задач и проектной деятельности. Такой подход обеспечивает постепенное усложнение деятельности и способствует развитию мышления.

Особую роль играет организация совместной деятельности обучающихся, способствующая развитию коммуникативных и координационных умений. В условиях военной службы большинство задач решает-

ся коллективно, что требует согласования действий и распределения функций. Совместная деятельность позволяет формировать навыки взаимодействия и повышает эффективность решения задач.

Важным направлением является использование цифровых образовательных технологий, включая тренажёрные комплексы, симуляторы и системы дистанционного обучения. Они позволяют создавать условия, максимально приближенные к реальной профессиональной деятельности, и обеспечивают возможность многократного повторения действий, что способствует закреплению навыков.

Заключение

Таким образом, педагогические условия развития инженерно-технических способностей представляют собой систему взаимосвязанных факторов, включающую организацию деятельности, содержание обучения и методы педагогического воздействия. Их реализация обеспечивает формирование профессионально значимых качеств личности военного специалиста и повышение эффективности его подготовки.

Данные условия отражают развитие педагогики как науки, ориентированной на обеспечение профессиональной готовности военнослужащих. Разработка и внедрение указанных условий позволяет повысить качество подготовки кадров и обеспечить соответствие уровня их профессиональной компетентности требованиям современной военной техники и технологий.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что инженерно-технические способности военных специалистов выступают ключевым компонентом их профессиональной готовности и определяют эффективность деятельности в условиях эксплуатации сложных технических систем. В рамках военной педагогики данные способности следует рассматривать как интегративное образование, включающее когнитивные, операциональные и личностные компоненты, обеспечивающие успешность выполнения служебно-боевых задач.

Специфика инженерно-технических способностей в военной сфере обусловлена особыми условиями профессиональной деятельности, характеризующимися высокой степенью ответственности, дефицитом времени, неопределённостью информации и системным характером решаемых задач. В этих условиях инженерно-техническое мышление приобретает статус системообразующего элемента, обеспечивающего анализ ситуации, прогнозирование её развития и принятие обоснованных решений.

Развитие инженерно-технических способностей требует целенаправленной педагогической организации образовательного процесса, основанной на принципах деятельностного и системного подходов. Ключевыми условиями их формирования выступают практико-ориентированное обучение, моделирование профессиональных ситуаций, междисциплинарная интеграция содержания образования, развитие способности к принятию решений в условиях неопределённости, а также формирование регуляторных и личностных качеств, обеспечивающих надёжность деятельности.

Показано, что реализация данных условий способствует формированию у обучающихся способности к системному анализу технических процессов, проектированию решений и адаптации к изменяющимся условиям деятельности. Это, в свою очередь, обеспечивает повышение эффективности профессиональной подготовки и соответствует современным требованиям к военным специалистам.

Таким образом, развитие инженерно-технических способностей представляет собой важнейшее направление, ориентированное на обеспечение профессиональной готовности и надёжности деятельности военнослужащих. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой диагностических средств оценки данных способностей и совершенствованием технологий их формирования в системе военного образования.

Список источников

1. Андреев В. Б. Формирование инженерно-технической компетенции у курсантов командных факультетов в военном институте: дис. … канд. пед. наук. Казань, 2008.

2. Военная инженерная психология / под ред. Б. Ф. Ломова. М. : Воениздат, 1970.

3. Давлетшин М. Г. Психология технических способностей. Л. : Изд-во ЛГУ, 1973.

4. Завалишина Д. Н. Психологический анализ операторской деятельности в условиях дефицита времени. М. : Изд-во МГУ, 1977.

5. Завалова Н. Д., Пономаренко В. А. Психологические вопросы надежности деятельности оператора. М. : Наука, 1968.

6. Кудрявцев Т. В. Психология технического мышления. М. : Педагогика, 1975.
7. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб. : Питер, 2003.
8. Теплов Б. М. Способности и одарённость. М. : Изд-во АН СССР, 1941.
9. Шадриков В. Д. Способности человека. М. : Логос, 1997.
10. Утюганов, А. А. Педагогическая психология: учебное пособие / А. А. Утюганов, А. С. Турчин. СПб. : Академия войск национальной гвардии, 2025. 106 с.
11. Утюганов А. А. Место и ценностно-смысловых ориентаций роль личности в системе профессионально важных качеств офицеров войск национальной гвардии // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2017. № 1 (39). С. 115–123.
12. Утюганов А. А. Ценностно-смысловые предикторы успешности профессиональной деятельности сотрудников и военнослужащих Росгвардии / А.А. Утюганов, Л. В. Фролова// Российский журнал девиантологический. 2024. Т. 4, № 1. С. 104–116.
13. Утюганов А. А. Система ценностно-смысловых ориентаций курсантов вузов национальной гвардии: феноменология и психолого-педагогические детерминанты формирования: автореф. дис. … д-ра психол. наук: 19.00.07 / Утюганов Алексей Анатольевич. Кемерово, 2019. 50 с.
14. Афанасьев В. Г. Системность и общество. М. : Политиздат, 1980. 368 с.
15. Олейник А. В. Развитие системного и инженерного мышления аспирантов как условие подготовки научных кадров нового поколения / А. В. Олейник, Р. А. Яфизова // Качество науки – качество жизни. 2026. № 12. С. 137–144.
16. Жданов Э. Р. Роль совместной проектной деятельности в эффективной реализации инновационных проектов / Э. Р. Жданов, О. С. Харина, Р. А. Яфизова // Глобальный научный потенциал. 2024. № 10(163). С. 372–377.
17. Яницкий М. С. Основные методологические подходы к изучению ценностно-смысловой сферы личности / М. С. Яницкий, А. В. Серый // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 19/1. С. 82–97.
18. Яницкий М. С. Ценностное измерение массового сознания. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 237 с.
19. Яфизова Р. А. Проектная деятельность в образовательной среде как основа эффективной подготовки специалистов / Р. А. Яфизова, В. А. Попова, К. Ю. Хлопок // Перспективы науки. 2026. № 2(197). С. 131–134.
20. Яфизова Р. А. Педагогический потенциал совместной проектной деятельности в формировании инженерно-технической готовности военнослужащих // Сибирский педагогический журнал. 2026. № 3. С. 21–30.

References

1. Andreev V. B. Formirovanie inzhenerno-tekhnicheskoj kompetencii u kursantov komandnyh fakul'tetov v voennom institute: dis. … kand. ped. nauk. Kazan', 2008. (In Russ.).
2. Voennaya inzhenernaya psihologiya / pod red. B. F. Lomova. M. : Voenizdat, 1970. (In Russ.).
3. Davletshin M. G. Psihologiya tekhnicheskih sposobnostej. L. : Izd-vo LGU, 1973. (In Russ.).
4. Zavalishina D. N. Psihologicheskij analiz operatorskoj deyatel'nosti v usloviyah deficita vremeni. M. : Izd-vo MGU, 1977. (In Russ.).
5. Zavalova N. D., Ponomarenko V. A. Psihologicheskie voprosy nadezhnosti deyatel'nosti operatora. M. : Nauka, 1968. (In Russ.).
6. Kudryavcev T. V. Psihologiya tekhnicheskogo myshleniya. M. : Pedagogika, 1975. (In Russ.).
7. Rubinshtejn S. L. Osnovy obshchej psihologii. SPb. : Piter, 2003. (In Russ.).
8. Teplov B. M. Sposobnosti i odaryonnost'. M. : Izd-vo AN SSSR, 1941. (In Russ.).
9. SHadrikov V. D. Sposobnosti cheloveka. M. : Logos, 1997. (In Russ.).
10. Utyuganov, A. A. Pedagogicheskaya psihologiya: uchebnoe posobie / A. A. Utyuganov, A. S. Turchin. SPb. : Akademiya vojsk nacional'noj gvardii, 2025. 106 s. (In Russ.).
11. Utyuganov A. A. The place and role of the individual in the system of professionally important qualities of officers in the National Guard, along with their value-semantic orientations. // Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva. 2017;1 (39): 115–123. (In Russ.).
12. Utyuganov A. A. Value-semantic predictors of the success of the professional activities of employees and military personnel of the National Guard of Russia. / A.A. Utyuganov, L. V. Frolova // Rossijskij zhurnal deviantologicheskij. 2024. Vol. 4;1. S. 104–116. (In Russ.).

13. Utyuganov A. A. Sistema cennostno-smyslovyh orientacij kursantov vuzov nacional'noj gvardii: fenomenologiya i psihologo-pedagogicheskie determinanty formirovaniya: avtoref. dis. … d-ra psihol. nauk: 19.00.07 / Utyuganov Aleksej Anatol'evich. Kemerovo, 2019. 50 s. (In Russ.).

14. Afanas'ev V. G. Sistemnost' i obshchestvo. M. : Politizdat, 1980. 368 s. (In Russ.).

15. Olejnik A. V. Developing systematic and engineering thinking in graduate students as a prerequisite for training the next generation of scientific personnel. / A. V. Olejnik, R. A. YAfizova // Kachestvo nauki – kachestvo zhizni. 2026;12: 137–144. (In Russ.).

16. ZHdanov E. R. The role of joint project activities in the effective implementation of innovative projects. / E. R. ZHdanov, O. S. Harina, R. A. YAfizova // Global'nyj nauchnyj potencial. 2024;10(163): 372–377. (In Russ.).

17. YAnickij M. S. The main methodological approaches to studying the value-semantic sphere of an individual. / M. S. YAnickij, A. V. Seryj // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2012;19/1: 82–97. (In Russ.).

18. YAnickij M. S. Cennostnoe izmerenie massovogo soznaniya. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2012. 237 s. (In Russ.).

19. YAfizova R. A. Project-based activities in the educational environment as the foundation for effective specialist training. / R. A. YAfizova, V. A. Popova, K. YU. Hlopok // Perspektivy nauki. 2026;2(197): 131–134. (In Russ.).

20. YAfizova R. A. The pedagogical potential of joint project activities in fostering the engineering and technical readiness of military personnel. // Sibirskij pedagogicheskij zhurnal. 2026;3: 21–30. (In Russ.).

Информация об авторах

А. А. Утюганов *– доктор психологических наук, профессор*
Р. А. Яфизова *– кандидат педагогических наук*
А. М. Казимирович *– кандидат педагогических наук*
Г. Г. Дмитриев *– доктор педагогических наук, профессор*

Information about the authors

A. A. Utyuganov *– Doctor of Sciences (Psychology), Professor*
R. A. YAfizova *– Candidate of Sciences (Pedagogical)*
A. M. Kazimirovich *– Candidate of Sciences (Pedagogy)*
G. G. Dmitriev *– Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 20.08.2026;
одобрена после рецензирования 12.09.2026;
принята к публикации 28.09.2026.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 20.08.2026;
approved after reviewing 12.09.2026;
accepted for publication 28.09.2026.

Научная статья

УДК 378

ЭТАПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ВОЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО УПРАВЛЕНИЮ АВИАЦИЕЙ В СССР В 1940-х – НАЧАЛЕ 1950-х ГГ.

Ильгизар Миннисламович Хаертдинов[1], Любовь Федоровна Отверченко[2]
[1, 2] Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации, Санкт-Петербург, Россия
[1] him073@mail.ru
[2] lfotverchenko@mail.ru

Аннотация. Профессиональная подготовка кадров в сфере управления военной авиацией лежит в основе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Развитие и совершенствование этой подготовки во многом зависит от понимания сущности этих процессов, в том числе и в историческом контексте. Статья посвящена определению и описанию исторически обусловленных этапов организации в СССР профессиональной подготовки военных специалистов по управлению авиацией в период, охватывающий 1940-е гг. и начало 1950-х гг., когда СССР участвовал в Великой Отечественной войне, а затем с наступлением Холодной войны стал играть особую мировую социально-политическую роль. В результате проведенного исследования за рассматриваемый период выявлены три этапа организации в СССР профессиональной подготовки военных специалистов по управлению авиацией, описаны политические, социальные и культурные факторы, обусловливающие эти процессы на каждом из этапов.

Ключевые слова: офицер-наводчик, штурман наведения, истребительная авиация, Войска Противовоздушной обороны, Военно-Воздушные силы, пост воздушного наблюдения, оповещения и связи, бортовая радиосвязь, радиолокационные станции, Единая система управления воздушным движением, Холодная война

Для цитирования: Хаертдинов И.М., Отверченко Л.Ф. Этапы организации профессиональной подготовки военных специалистов по управлению авиацией в СССР в 1940-х – начале 1950-х гг. // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 338–346. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/036.pdf.

Original article

STAGES OF MILITARY AIR TRAFFIC CONTROLLERS PROFESSIONAL TRAINING IN USSR IN THE 1940s – EARLY 1950s

Ilgizar M. Khaertdinov[1], Lyubov F. Otverchenko[2]
[1, 2] University of Civil Aviation, Saint-Petersburg, Russia
[1] him073@mail.ru
[2] lfotverchenko@mail.ru

Abstract. One of the most important aspects of Russian Federation national security foundation is military air traffic controllers professional training. Its development and improvement depends largely on understanding the essence of this process historical context. The article deals with finding and describing the historically determined stages of military air traffic controllers professional training in USSR in the 1940s – early 1950s. During this period the USSR participated and won in the Great Patriotic War, and then our country began to play a special world socio-political role in the Cold War. As result of this research three historically determined stages of military air traffic controllers professional training identified. Describe the political, social and cultural factors underlying these processes at each stage.

Keywords: targetting officer, fighter navigator, navigating officer, fighter aviation, Air Defense Troops, Air Forces, Posts of Airborne Warning and Communications, on-board radio communication, radar stations, Common Air Traffic Control System, Cold War

For citation: Khaertdinov I.M., Otverchenko L.F. Stages of military air traffic controllers professional training in USSR in the 1940s – early 1950s. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36):338–346. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/036.pdf.

© Хаертдинов И.М., Отверченко Л.Ф., 2026

Введение

В настоящее время актуальность проблемы профессиональной подготовки военных специалистов по управлению авиацией обусловлена рядом социально-политических факторов, к которым относится, во-первых, необходимость решения одной из поставленных в Военной доктрине Российской Федерации задач развития военной организации, а именно, требование совершенствования системы воздушно-космической обороны нашей страны. Под военной организацией понимается «совокупность органов государственного и военного управления, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, создаваемых на военное время специальных формирований ..., составляющих ее основу и осуществляющих свою деятельность военными методами, и оборонно-промышленный комплекс страны, совместная деятельность которых направлена на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации» [1]. Также военную организацию государства рассматривают как совокупность «органов и структур исполнительной власти», предназначенных для обеспечения «безопасности личности, общества и государства» [2].

Во-вторых, текущая военно-политическая ситуация связана с высокой вероятностью проведения противником «террористических и провокационных актов с применением летательных аппаратов» в воздушном пространстве России [3]. Согласно Стратегии безопасности Российской Федерации (далее – Стратегия безопасности), важен «своевременный учет тенденций изменения характера современных войн и вооруженных конфликтов» [4]. Специалисты отмечают, что «воздушно-космическая сфера становится новой сферой вооруженной борьбы», и выделяют такие ее характеристики, как «пространственная глобализация любого военного конфликта вне зависимости от целей, масштаба и используемых средств; … возрастание интенсивности использования воздушно-космического пространства в интересах ведения вооруженной борьбы; широкое внедрение информационных технологий …; возрастание возможностей авиации по оперативной переброске войск и сил на любой театр военных действий» [3].

В-третьих, Стратегия безопасности «основана на неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости национальной безопасности Российской Федерации и социально-экономического развития страны» [4]. Поэтому решение проблемы профессиональной подготовки военных специалистов по управлению авиацией также необходимо для обеспечения устойчивого развития Единой системы организации воздушного движения Российской Федерации, в работу которой эти специалисты вовлечены с момента начала организации Единой системы управления воздушным движением СССР в соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 130-49 от 16 февраля 1973 г. «О мерах по повышению безопасности полетов в гражданской авиации» [5].

Основные положения

Эффективность принятия решений в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и, соответственно, ее основы – устойчивого социально-экономического роста страны – предполагает, в том числе, осмысление исторических особенностей формирования профессиональной подготовки военных специалистов по управлению авиацией, задающих логику современной ситуации воспроизводства кадров для этой области военной организации, а также перспективы ее развития. Целью данного исследования является выявление и описание исторически обусловленных этапов организации профессиональной подготовки военных специалистов по управлению авиацией в период, охватывающий 1940-е гг. и начало 1950-х гг., когда СССР участвовал и одержал победу в Великой Отечественной войне, а затем, с наступлением Холодной войны, стал играть особую мировую социально-политическую ролью.

В начале 1940-х гг. профессиональная подготовка военных специалистов по боевому управлению авиацией, по мнению А. В. Карташова, не являлась системной [6]. Тогда потребность военной воздушной авиации в этой профессиональной группе находилась на этапе формирования.

Первоначально пилоты Воздушных сил Рабоче-Крестьянской Красной армии (далее – ВВС РККА) рассматривались как отдельные боевые единицы, являющиеся в терминах Джулио Дуэ «странствующими рыцарями воздуха», а вовсе не участниками «воздушной кавалерии». Пилоты истребительной авиации выполняли задачи прикрытия советских войск, важных фронтовых и тыловых объектов, территории страны в целом. Управление патрулирующими в воздухе истребителями сводилось к нахождению командира авиасоединения (части) на командном пункте стрелкового корпу-

са, имеющего с экипажами радиосвязь (не все истребители были оборудованы радиостанциями), а также проводную и радиосвязь с главным аэродромом и командными пунктами соседних корпусов, на которых дежурили наблюдатели. Когда осуществлялся вылет основных сил дивизии (части), командир авиасоединения (части) должен был лично находиться в воздухе во флагманском самолете и управлять своими подчиненными [7]. Задачу наведения истребителей на фашистские самолеты вплоть до 1943 г. выполняли посты воздушного наблюдения, оповещения и связи (далее – посты ВНОС), принадлежащие войскам противовоздушной обороны (далее – ПВО). Посты ВНОС были оборудованы звукоулавливателями, оптическими средствами наблюдения для обнаружения воздушного противника, а также наземными (в основном проводными) средствами связи с командными пунктами истребительных авиационных полков и сухопутных войск для передачи координат и параметров вражеских самолетов. Зона звукопеленгации составляла от 5 до 15 км. Пост ВНОС также осуществлял целеуказание находящимся в воздухе экипажам истребителей, выкладывая полотнища (так называемые стрелы) на земле, которые, однако, были мало заметны с воздуха. Пилот, первым обнаруживший сигнал поста ВНОС, должен был с помощью визуальных знаков или действиями воздушного судна оповестить остальные экипажи о воздушном противнике. Вызов усиления осуществлялся только по наземным средствам связи решением ответственного лица, как правило, находившегося на посту ВНОС.

Такой процесс наведения характеризовался низкой оперативностью оповещения и бессистемностью, что приводило к сбоям своевременного наращивания сил истребительной авиации в районе патрулирования, «изматыванию летного состава», невозможности последовательного (по частям) ввода в бой самолетов, как следствие, к «неоправданно высоким потерям» [6-7]. Офицерам-наводчикам для наведения военной авиации были вполне достаточны знания летной работы, поэтому для выполнения их функций привлекались бывшие пилоты.

Также необходимо отметить тот факт, что неустойчивая радиосвязь с экипажами, находящимися в воздухе, самолетов функционировала исключительно вблизи аэродромов, характеризовалась большими помехами с шумом и треском в наушниках, затрудняя, по сути, работу пилотов и формируя у них негативное отношение к радиосвязи как таковой. В результате «некоторые летчики вообще наотрез отказывались применять ее в бою» [7].

В 1942 г. на самолеты МиГ-3, ЛаГГ-3, Ла-5, И-16, И-15, Як-1, Як-3, Як-7, Як-9 стали устанавливать более совершенные радиостанции РСИ-4, позволяющие осуществлять наведение истребителей по радиосвязи не только с постов ВНОС, но и с командных пунктов истребительных авиационных полков. Однако область наведения ограничивалась лишь зоной визуальной видимости [6]. Но сформированное ранее у пилотов негативное отношение к радиосвязи в сочетании с усвоенной ими культурной ценностью, которую условно обозначим как «экипаж самолета – самостоятельная боевая единица», привело к распространенному среди них мнению, что «радио только мешает в бою». Поэтому некоторые пилоты отказывались выполнять команды офицеров-наводчиков. С целью предотвращения таких ситуаций 7 июля 1943 г. вышла директива командующего ВВС РККА, которая стала основой формирования нового восприятия управления военной авиацией как неотъемлемой части военной организации воздушных сил: в качестве обязательного исполнения требовалось «в истребительных авиационных частях радио считать таким же оружием, как пушка или крупнокалиберный пулемет» [7].

Следующий этап развития управления военной авиацией связан с совершенствованием радиолокации в системах ПВО, используемой для обнаружения и опознавания самолетов противника, а также наведения на них истребительной авиации. Речь идет о радиолокационных станциях (далее – РЛС) «Пегматит» и «Редут», серийное производство которых стало увеличиваться на основании выполнения требований Постановления Государственного Комитета Обороны СССР № 3686 «О радиолокации» от 4 июля 1943 г. [8]. В результате со второй половины 1943 г. ВВС РККА приступили к системному применению радиолокационных средств разведки воздушного пространства, которые позволяли обнаруживать, распознавать и определять такие параметры полетов воздушных судов противника, как дальность, азимут, высоту, курс и скорость. В распоряжение соединений и частей истребительных авиаотрядов поступили РЛС типа РУС-2 (передвижной радиоулавливатель самолетов «Редут») и РУС-2с (стационарный радиоулавливатель самолетов «Пегматит»), в которых использовался импульсный метод радиооб-

наружения. В итоге, в 1943 г. в действующую армию поступило РЛС 68 единиц, в 1944 г. – 153 единицы, а в 1945 г. – 294 единицы (рисунок) [9]. При этом за период 1941–1945 гг. 78 % от общего количества используемых РЛС составили стационарные «Пегматиты», соответственно, 22 % – одноантенные «Редуты».

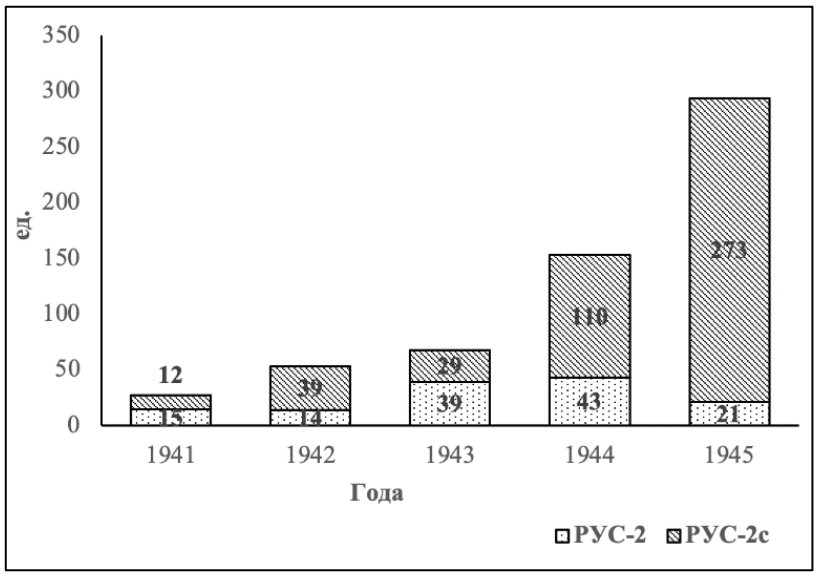

Рисунок – Количество РЛС, поступивших на вооружение действующей в 1940–1945 гг.
Figure – The number of radars that entered service with the active forces between 1940 and 1945

Необходимо отметить, что первым успешным опытом применения Советским Союзом радиолокаторов в целях ПВО стала оборона Москвы (осень 1941 г. – весна 1942 г.). РЛС РУС-2 и РУС-2с, развернутые в 337-м радиобатальоне ВНОС Московского округа ПВО, в ночь на 22 июля 1941 г. обнаружили на дальности 110 км от Москвы налет около 220 фашистских бомбардировщиков. Своевременное приведение в готовность и четкая работа военной авиации и зенитной артиллерии позволили уничтожить 22 вражеских самолета. Оставшиеся бомбардировщики повернули обратно, сбросив бомбы на подступах к городу [10].

Также РУС-2 и РУС-2с эффективно использовались в Ленинградской зоне ПВО, доказав свою надежность и достоверность обнаружения самолетов противника в воздухе при любых атмосферных условиях и времени суток. Например, за ноябрь 1941 г. в среднем за сутки с помощью РУС-2 и РУС-2с было обнаружено свыше 1800 целей с общим количеством самолетов, приближающимся к 3300 единицам. На командных пунктах истребительных авиационных полков устанавливали по два радиоприемника, принимающих донесения, соответственно с постов ВНОС и от РЛС. Дублирование данных оповещения позволяло командирам авиаполков эффективно отслеживать складывающуюся в воздухе обстановку [10].

Новая система боевого управления истребительной авиации с использованием РЛС позволила вводить элементы планирования и моделирования воздушного боя, а также применять новые способы ведения боевых действий путем одновременного и последовательного ввода в бой истребителей из положения дежурства в воздухе, а также на аэродромах из готовности № 1, 2, 3. В свою очередь, данные от РЛС поступали на командный пункт истребительного авиационного полка и наносились на планшет. Опираясь на эту информацию, командир истребительного полка или начальник штаба принимал решение и передавал соответствующие команды по радиосвязи экипажам истребителей. Для непрерывного управления боевыми действиями и поддержания постоянной боевой готовности было установлено круглосуточное боевое дежурство боевого расчета, в состав которого включался дежурный штурман. По мнению российских ученых, именно в это время появилась новая воен-

ная авиационная специальность «штурман наведения». Функции штурмана наведения потребовали от выполняющих их специалистов определенного уровня инженерно-технических знаний, умений и навыков, которые, в свою очередь, начали формировать отдельную сферу профессиональной деятельности по управлению военной авиацией. Однако, в то время штурманами наведения по-прежнему становились бывшие военные пилоты [5].

5 марта 1946 г. фултонская речь У. Черчилля «знаменовала собой конец антигитлеровской коалиции, ... бывший союзник – СССР – занимал место противника, против которого предстояло вести борьбу». Так начался новый этап мировой социально-политической трансформации, получивший название Холодной войны. В первый период Холодной войны, приходящийся на 1945–1955 гг., произошел переход США и СССР «к полномасштабному использованию всех сил и средств из арсенала холодной войны», что потребовало определенных организационно-структурных изменений в Вооруженных Силах СССР [11].

Так, в 1946 г. было образовано Министерство Вооруженных Сил СССР, а руководство ВВС было возложено на Главное командование ВВС (далее – ГК ВВС). Функции ГК ВВС включали, в том числе, контроль за соблюдением правил полетов над территорией страны всех видов военной и гражданской авиации, а также организацию органами снабжения ВВС обеспечения истребительной авиации ПВО специальным и авиационным имуществом, вооружением и боеприпасами. До 1948 г. командующий войсками ПВО подчинялся командующему артиллерией Вооруженных Сил, а затем – напрямую Министру Вооруженных Сил СССР [13]. Таким образом, на ГК ВВС лежала ответственность по управлению воздушным движением и контролю соблюдения режима полетов, тогда как задачи по обнаружению и предотвращению несанкционированного вторжения в воздушное пространство страны выполняли войска ПВО [14].

30 июня 1948 г. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР приняли постановление «О создании Войск ПВО страны и задачах по сосредоточению усилий по прикрытию административно-политических центров и объектов страны», согласно которому противовоздушная оборона территории нашей страны осуществлялась районами ПВО 1, 2 и 3-й категорий, подчиненными в приграничной полосе командующим войсками военных округов, а во внутренних районах СССР – командующему Войсками ПВО страны. Ему были подчинены истребительная авиация и зенитная артиллерия ПВО, а также служба ВНОС. Противовоздушная оборона военно-морских баз была возложена на войска ПВО флотов. Истребительная авиация приграничных военных округов была подчинена командующим войсками и главнокомандующему ВВС [15].

Однако, несмотря на описанные выше организационно-структурные преобразования военной организации СССР конца 1940-х гг., управление военной авиацией не было полностью интегрировано в систему национальной безопасности (объекты интегрированной системы теряют свою независимость и определяются только в ее контексте). В этот период доминировала социально значимая культурная ценность военного пилота как безусловного субъекта управления в эргатической системе «человек-машина». Например, в Инструкции по воздушному бою истребительной авиации (ИВБИА-45) параграф 100 гласит: «Чрезмерное вмешательство с земли в управление воздушным боем приводит к безынициативности и безответственности командиров, находящихся в воздухе, а нередко и дезориентирует их». Задачи управления воздушным движением, перечисленные в параграфе 101 ИВБИА-45, сводятся: к вызову истребителей для наращивания сил; наведению истребителей на противника; введению в бой резерва; указанию способов действия истребителям, если есть в том необходимость; внесению корректив в действия командира в воздухе, если последний допускает тактические ошибки; и, наконец, оказанию морального воздействия на летчиков, ведущих бой, путем поощрений или порицаний их действий [12].

В 1948 г. на вооружение СССР были поставлены реактивные бомбардировщики Ил-28 – носители ядерной бомбы, способные поражать цели, расположенные на авиабазах США в Европе. Сама ядерная бомба появилась в СССР в 1949 г. Противостояние двух военно-политических систем привело к первой «горячей войне по доверенности» в Корее (1950–1953 гг.) [11]. Во время боевых действий 64-го истребительного авиационного корпуса СССР, сражавшегося на стороне северокорейской армии, штурманы наведения использовали наряду с планшетами индикаторы кругового обзора РЛС. В это время в ходе боевых учений, проводимых войсками ВНОС, были задействованы радиолокационные станции П-3 и П-3а дальнего обнаружения и

наведения на воздушные цели истребителей-перехватчиков с пушечным вооружением.

Во время Корейской войны продолжились организационно-структурные изменения в системе противовоздушной обороны Советского Союза. Так, в сентябре 1951 г. была создана единая воздушная оборона приграничной линии СССР во главе с заместителем главнокомандующего ВВС, а в 1952 г. «руководство приграничной линии воздушной обороны с районами воздушной обороны на территориях приграничных военных округов было изъято из ПВО страны и возложено на командующего войсками воздушной обороны приграничной линии – заместителя главнокомандующего ВВС» [15].

В свою очередь, в этот период сфера профессиональной деятельности по управлению военной авиацией завершила свое обособление, обусловленное требованиями знаний тактико-технических данных средств управления и умений «вести работу в условиях помех средствам радиосвязи и РЛС». Также завершилась интеграция управления военной авиации в военную организацию СССР через включение в штатное расписание должности штурмана наведения [5].

В 1953 г. в части истребительной авиации поступила «изданная Главным штабом ВВС Советской Армии Программа подготовки боевых расчётов командных пунктов частей и соединений истребительной авиации ВВС», включая профессиональную подготовку штурманов наведения [5]. Однако важнейшим условием успешного освоения этой программы была необходимость владения обучающимися базовыми знаниями «по специальным дисциплинам: тактике, штурманской подготовке, организации боевого управления, аэродинамике, боевому применению бортовых прицельно-навигационных комплексов и методике выполнения полётов» [16].

В условиях комплектования должности штурмана наведения «в первую очередь, офицерами – бывшими летчиками, «списанными» с летной работы» [5], а также «офицерами других специальностей (из числа авиационных техников и частей ВНОС – РТВ)», реализация профессионального обучения штурманов наведения в авиационных истребительных полках, по мнению М. С. Лагкуева и его коллег, не привела к ожидаемым результатам – допускалась «растерянность в сложных ситуациях в воздухе, что, как правило, заканчивалось потерей управления, приводило к инцидентам, лётным происшествиям или к срыву выполнения боевых задач» [16]. Таким образом, в начале 1950-х гг. в военной авиации СССР сформировалась потребность подготовки военных специалистов по управлению авиацией как одной из ключевых военных инженерных специальностей, в рамках среднего профессионального и высшего образования.

Заключение

В ходе представленного выше исследования были выявлены и осмыслены следующие исторически обусловленные этапы организации профессиональной подготовки военных специалистов в 1940-х – начале 1950-х гг.:

Первый этап (начало Великой Отечественной войны – 1942 г.) – формирование потребности военной авиации СССР в специалистах по боевому управлению авиацией, когда параллельно функционировали система управления истребителями с командных пунктов стрелковых корпусов и с флагманского самолета при вылете основных сил дивизии, осуществляемая командирами авиасоединений (частей), а также система наведения истребителей на вражеские самолеты с постов ВНОС офицерами наведения – бывшими пилотами. Низкая оперативность и бессистемность такой организации управления военной авиацией приводили к высоким потерям летного и боевого состава армии СССР в целом. В основе сложившейся ситуации лежали, в том числе, определенные ценностные ориентации, определяющие военных летчиков как «странствующих рыцарей воздуха», а также низкий технический уровень радиосвязи, формирующий негативное к ней отношение экипажей истребителей.

Второй этап (1943 г. до весны 1946 г.) – дальнейшее совершенствование и оснащение в 1943 г. военных самолетов новыми бортовыми радиостанциями. Формирование «сверху вниз» у экипажей истребителей ценности радио как неотъемлемой части их профессиональной деятельности. Начало формирования отдельной сферы профессиональной деятельности по управлению военной авиацией, требующей определенного уровня инженерно-технических компетенций, и появление новой военной авиационной специальности штурмана наведения. Этот этап проходил в условиях совершенствования радиолокации в системах ПВО. Профессиональная подготовка штурманов наведения из бывших военных летчиков осуществлялась в воинских частях.

Третий этап (весна 1946 г. – 1953 г.) – завершение обособления сферы профессиональной деятельности по управлению военной авиации и ее интеграции в военную организацию СССР через включение в штатное расписание должности штурмана наведения, а также формирование потребности подготовки военных специалистов по управлению авиацией как одной из ключевых военных инженерных специальностей, в рамках среднего профессионального и высшего образования.

Список источников

1. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976). URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1584621/ (дата обращения: 23.01.2026).
2. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 27 ноября 2020 г. № 51-18 «О модельном законе «О парламентском контроле». URL: https://base.garant.ru/400743097/ (дата обращения: 23.01.2026).
3. Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / под общ. ред. А. С. Коржевского; редкол.: В. В. Толстых, И. А. Копылов. М. : РГГУ, 2021. 604 с.
4. Указ Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 23.01.2026).
5. Тюрин О. А. История создания, функционирования и развития Единой системы организации воздушного движения Российской Федерации: отчёт по НИР. М. : 24 НЭИУ МО РФ – ГосНИИ «Аэронавигация», 2002. 695 с.
6. Карташев А. В. История подготовки военных авиационных специалистов в России (1910–1991): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Карташев Андрей Владимирович. Пятигорск: Пятигорский гос. гуманитарно-технологический университет, 2012. 612 с.
7. Сулейманов К. М. В истребительных авиационных частях радио считать таким же оружием, как пушка или крупнокалиберный пулемёт». Развитие системы боевого управления и способов боевых действий истребительной авиации в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) // Военно-исторический журнал. 2021. № 1. С. 28–34.
8. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР № 3686 «О радиолокации» 4 июля 1943 г. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/300669-postanovlenie-gko-sssr-locale-nil-3686-locale-nil-o-radiolokatsii-locale-nil-4-iyulya-1943-g#mode/inspect/page/1/zoom/7 (дата обращения: 23.01.2026).
9. Заквасин А. «Новый технологический уклад»: как создавались и совершенствовались отечественные РЛС. URL: https://russian.rt.com/russia/article/1169633-gko-radiolokaciya-rls-sssr-rossiya (дата обращения: 23.01.2026).
10. Корляков В. В. Из истории создания средств радиолокационного вооружения // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. 2020. № 1. С. 78–93.
11. Холодная война: в 2 т. (Военная история Российского государства / под ред. В. А. Золотарева).Т. 2: От Потсдама до Мальты / Н. В. Илиевский. 584 с.
12. Инструкция по воздушному бою истребительной авиации (ИВБИА-45). URL: http://militera.lib.ru/regulations/0/g/1945_ivbia.pdf (дата обращения: 23.01.2026).
13. Аракелова М. П. Управление Военно-воздушными силами и войсками противовоздушной обороны в сентябре 1945 – марте 1953 гг. // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. № 33. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-voenno-vozdushnymi-silami-i-voyskami-protivovozdushnoy-oborony-v-sentyabre-1945-marte-1953-gg (дата обращения: 23.01.2026).
14. Крылов С. В. Становление системы управления полётами (воздушным движением) советских военно-воздушных сил в период 1950–1960 гг. // ВИЖ. 2022. № 8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-sistemy-upravleniya-polyotami-vozdushnym-dvizheniem-sovetskih-voenno-vozdushnyh-sil-v-period-1950-1960-gg (дата обращения: 23.01.2026).
15. Малиновский В. М. Щит от воздушно-атомной агрессии. совершенствование организационной структуры войск ПВО страны в 1954–1961 гг. // Военно-исторический журнал. 2021. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/schit-ot-vozdushno-atomnoy-agressii-

sovershenstvovanie-organizatsionnoy-struktury-voysk-pvo-strany-v-1954-1961-gg. (дата обращения: 23.01.2026).

16. Лагкуев М.С. Зарождение и развитие системы боевого управления авиации. Опыт подготовки специалистов по боевому управлению авиацией в ВВС РФ // X Международная научно-практическая конференция молодых ученых, посвященная 59-й годовщине полета Ю. А. Гагарина в космос (8–9 апреля 2020 года): сборник научных статей / КВВАУЛ им. А. К. Серова. Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2020. 416 с.

References

1. Voennaya doktrina Rossijskoj Federacii (utv. Prezidentom Rossijskoj Federacii 25 dekabrya 2014 g. № Pr-2976). Available from: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1584621/ (data obrashcheniya: 23.01.2026). (In Russ.).

2. Postanovlenie Mezhparlamentskoj Assamblei gosudarstv – uchastnikov SNG ot 27 noyabrya 2020 g. № 51-18 «O model'nom zakone «O parlamentskom kontrole». Available from: https://base.garant.ru/400743097/ (data obrashcheniya: 23.01.2026). (In Russ.).

3. Prognoziruemye vyzovy i ugrozy nacional'noĭ bezopasnosti Rossiĭskoĭ Federacii i napravleniya ih neĭtralizacii / pod obshch. red. A. S. Korzhevskogo; redkol.: V. V. Tolstyh, I. A. Kopylov. M. : RGGU, 2021. 604 s. (In Russ.).

4. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 02 iyulya 2021 g. № 400 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii». Available from: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (data obrashcheniya: 23.01.2026). (In Russ.).

5. Tyurin O. A. Istoriya sozdaniya, funkcionirovaniya i razvitiya Edinoj sistemy organizacii vozdushnogo dvizheniya Rossijskoj Federacii: otchyot po NIR. M. : 24 NEIU MO RF – GosNII «Aeronavigaciya», 2002. 695 s. (In Russ.).

6. Kartashev A. V. Istoriya podgotovki voennyh aviacionnyh specialistov v Rossii (1910–1991): dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02 / Kartashev Andrej Vladimirovich. Pyatigorsk: Pyatigorskij gos. gumanitarno-tekhnologicheskij universitet, 2012. 612 s. (In Russ.).

7. Sulejmanov K.M. In fighter aviation units, radio is considered to be a weapon just like a cannon or a heavy machine gun. The development of the combat command and control system and the methods of combat operations of fighter aviation during the Great Patriotic War (1941–1945).// Voenno-istoricheskij zhurnal. 2021;1: 28–34. (In Russ.).

8. Postanovlenie Gosudarstvennogo Komiteta Oborony SSSR № 3686 «O radiolokacii» 4 iyulya 1943 g. Available from: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/300669-postanovlenie-gko-sssr-locale-nil-3686-locale-nil-o-radiolokatsii-locale-nil-4-iyulya-1943-g#mode/inspect/page/1/zoom/7 (data obrashcheniya: 23.01.2026). (In Russ.).

9. Zakvasin A. «Novyj tekhnologicheskij uklad»: kak sozdavalis' i sovershenstvovalis' otechestvennye RLS. Available from: https://russian.rt.com/russia/article/1169633-gko-radiolokaciya-rls-sssr-rossiya (data obrashcheniya: 23.01.2026). (In Russ.).

10. Korlyakov V. V. From the history of the development of radar weapons systems // Nauchnyj vestnik oboronno-promyshlennogo kompleksa Rossii. 2020;1: 78–93. (In Russ.).

11. Holodnaya vojna: v 2 t. (Voennaya istoriya Rossijskogo gosudarstva / pod red. V. A. Zolotareva).T. 2: Ot Potsdama do Mal'ty / N. V. Ilievskij. 584 s. (In Russ.).

12. Instrukciya po vozdushnomu boyu istrebitel'noj aviacii (IVBIA-45). Available from: http://militera.lib.ru/regulations/0/g/1945_ivbia.pdf (data obrashcheniya: 23.01.2026). (In Russ.).

13. Arakelova M. P. The management of the Air Force and Air Defense Forces from September 1945 to March 1953. // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik. 2012;33. Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-voenno-vozdushnymi-silami-i-voyskami-protivovozdushnoy-oborony-v-sentyabre-1945-marte-1953-gg (data obrashcheniya: 23.01.2026). (In Russ.).

14. Krylov S. V. Stanovlenie sistemy upravleniya polyotami (vozdushnym dvizheniem) sovetskih voenno-vozdushnyh sil v period 1950–1960 gg. // VIZH. 2022. № 8. Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-sistemy-upravleniya-polyotami-vozdushnym-dvizheniem-sovetskih-voenno-vozdushnyh-sil-v-period-1950-1960-gg (data obrashcheniya: 23.01.2026). (In Russ.).

15. Malinovskij V. M. Shield against air- atomic aggression. Improvement of the organizational structure of the country's air defence forces in 1954–1961.// Voenno-istoricheskij zhurnal. 2021;1. Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/schit-ot-vozdushno-atomnoy-agressii-sovershenstvovanie-organizatsionnoy-struktury-voysk-pvo-strany-v-1954-1961-gg. (data obrashcheniya: 23.01.2026). (In Russ.).

16. Lagkuev M.S. Zarozhdenie i razvitie sistemy boevogo upravleniya aviacii. Opyt podgotovki specialistov po boevomu upravleniyu aviaciej v VVS RF // X Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya molodyh uchenyh, posvyashchennaya 59-j godovshchine poleta YU. A. Gagarina v kosmos (8–9 aprelya 2020 goda): sbornik nauchnyh statej / KVVAUL im. A. K. Serova. Krasnodar: Izdatel'skij Dom – YUg, 2020. 416 s. (In Russ.).

Информация об авторах

И. М. Хаертдинов *– кандидат педагогических наук, доцент*
Л. Ф. Отверченко *– кандидат социологических наук, доцент*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 12.02.2026;
одобрена после рецензирования 12.08.2026;
принята к публикации 28.09.2026.

Information about the authors

I.M. Khaertdinov *– Candidate of Sciences (Pedagogy), Docent*
L.F. Otverchenko *– Candidate of Sciences (Sociological), Docent*

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 12.02.2026;
approved after reviewing 12.08.2026;
accepted for publication 28.09.2026.

Научная статья

УДК 378

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВОЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РОСГВАРДИИ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Анатолий Петрович Шарухин[1], Виктор Петрович Сальников[2]
[1-2] Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
[1] apsha@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7706-4385
[2] fonduniver@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению малоисследованной темы, в которой рассматривается вопрос о необходимости повышения методологической культуры преподавателей из числа офицеров военных образовательных организаций высшего образования войск национальной гвардии Российской Федерации. Актуальность рассмотрения темы обусловлена относительно низким уровнем методологической подготовленности значительной части преподавателей из числа офицеров. Основная причина низкой методологической подготовленности офицеров состоит в отсутствии системы специально организованной методологической подготовки во время обучения в военных институтах и академиях. Раскрыто понятие и предложена модель методологической подготовки преподавателей, а также ее основного результата. Сформулированы подходы к организации методологической подготовки преподавателей из числа офицеров.

Ключевые слова: военные институты (академия) Росгвардии, преподаватели, методологическая подготовка, методологическая культура

Для цитирования: Шарухин А.П., Сальников В.П. Методологическая подготовка преподавателей военных образовательных организаций Росгвардии к осуществлению педагогической деятельности // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 347–355. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/037.pdf.

Original article

TEACHERS' METHODOLOGICAL TRAINING OF THE ROSGVARDIYA MILITARY EDUCATIONAL ORGANIZATIONS TOIMPLEMENTATION OF PEDAGOGICAL ACTIVITIES

Anatoly P. Sharukhin[1], Viktor P. Salnikov[2]
[1-2] Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
[1] apsha@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7706-4385
[2] fonduniver@bk.ru

Abstract. The article is devoted to the study of a scantily explored topic, which examines the issue to improve teachers' methodological culture from among the officers of military educational institutions of higher education of the Russian National Guard Troops. The relevance of the topic is due to the relatively low level of methodological training of a significant part of the teachers from among the officers. The main reason for the low methodological readiness of officers is the lack of a system of specially organized methodological training during their studies at military institutes and academies. The paper defines the concept and proposes a methodological model for teachers' training, along with its main outcome. The approaches to the organization of teachers' methodological training among the officers are formulated.

Keywords: Rosgvardiya's military institutes (academy), teachers, methodological training, methodological culture

For citation: Sharukhin A.P., Salnikov V.P. Teachers' Methodological training of the rosgvardiya military educational organizations toimplementation of pedagogical activities. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36):347–355. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/037.pdf.

© Шарухин А.П., Сальников В.П., 2026

Введение

Появление новой образовательной парадигмы (гуманистической, антропоцентристской) привело к изменениям в целеопределении, которое выразилось в уходе от логики перевода

содержания наук в зуны к логике преобразования зунов в способность и готовность решать профессиональные задачи (компетенции). Будущий выпускник стал восприниматься как целостный субъект профессиональной деятельности, наделенный системой необходимых для деятельности компетенций.

Основные положения

Изменения в целеопределении заставили задуматься о росте методической подготовленности офицеров-преподавателей к решению новых образовательных задач, связанных с развитием субъектности курсантов, проявляющейся в самостоятельности, инициативности, творческом подходе к делу, целеустремленности и профессиональном мастерстве. В то же время новые образовательные задачи стали причиной поиска новых методологических подходов к их решению и способов организации работы по повышению методологической культуры офицеров-преподавателей. Однако вопрос повышения методологической культуры офицеров-преподавателей поставлен не был и остается до сих пор открытым.

Как показывают результаты изучения методологической культуры офицеров-преподавателей в военных образовательных организациях высшего образования Росгвардии, значительная их часть не проявляет интереса к методологии педагогики. И этому есть ряд причин.

Первая причина – психологическая. Многие считают методологию либо абстракцией, не имеющей прямого отношения к практической деятельности, либо знанием, которое относится сугубо к научной области. В их педагогическом сознании сложилось мнение, что существуют методологи педагогики и все остальные. Вопросы методологии должны решать именно методологи. Вместе с тем, остается неосознанным, что с правилами научной организации педагогической деятельности в целях повышения ее качества и результативности должен быть знаком каждый офицер-преподаватель. Кроме того, учитывая, что педагогическая деятельность имеет творческий характер, требующий постоянного научного осмысления, ответственный офицер-преподаватель объективно вынужден заниматься научной деятельностью.

Еще одной психологической причиной выступает боязнь преподавателей вникать в проблемы методологии педагогики из-за сложностей ее понимания. И здесь допускается методологическая ошибка: если не пытаться вникнуть в суть методологии, то и шансов разобраться в ней просто нет. Нельзя бояться методологии. Эта наука не более сложна, чем все другие науки. И если правильно понять ее предназначение – ориентирование офицера-педагога как исследователя и практика в выборе наиболее верного пути при решении стоящих практических и исследовательских задач, – то изучение данной науки станет внутренней потребностью и необходимым условием роста профессионализма.

Второй причиной «равнодушного» отношения офицеров-преподавателей к методологии выступает жесткая регламентация выполнения служебно-должностных обязанностей. При этом ошибочно считается, что начальники всегда задают цели, а подчиненные их исполняют указанным способом. Поэтому методология вроде бы и ни к чему. Однако, забывается, что в нормативных документах важной характеристикой дисциплинированного военнослужащего выступает способность проявлять разумную инициативу. Далеко не каждое указание начальника сопровождается раскрытием способов решения поставленной задачи. Многие начальники ожидают проявления творческой инициативы от подчиненных при решении поставленных задач, в данном случае образовательных.

Третья причина. Важно также отметить, что в педагогике как гуманитарной науке, в силу суперсложности объекта изучения или преобразования, многофакторности влияний на его изменение, ограниченности возможностей по проведению эксперимента и в силу множества других причин, офицеры-преподаватели не вполне корректно представляют суть методологии. Предмет данной науки сводят к методам и средствам исследования (во-первых, практическая деятельность игнорируется; во-вторых, полное видение возможностей методологии сужается до методов и средств исследовательской деятельности). Такой некорректно-упрощенный взгляд создает совершенно неверное представление о том, какую действительно пользу можно получить от изучения данной науки и реализации ее положений.

Четвертая причина кроется в представленности самой методологии. Сложности в осмысление и использование методологии вносит и то, что ее делят на 4 уровня: высший уровень – философский, затем идет общенаучный уровень, далее – сразу

частнонаучный и заканчивается все технологическим уровнем [1].

Во-первых, не учитывается, что педагогика как социальная и гуманитарная наука тесно связана с другими социальными и гуманитарными науками (социологией, политологией, психологией, культурологией, юриспруденцией, русским языком и др.). Нельзя забывать и о том, что раздел квалиметрии непосредственно связан со статистикой. В качестве простого примера взаимодействия педагогики с другими социальными и гуманитарными науками можно отметить, что практически во всех случаях результат педагогического взаимодействия преподавателя с обучающимися – психологический. Результативность педагогических влияний оценивается по изменениям в психологии и поведении курсанта. Опытные преподаватели фиксируют и анализируют изменения в психологической структуре личности курсанта, ведут статистику, объясняют (русский язык), на что курсанту необходимо обратить внимание в процессе изучения учебного предмета и развития личности.

Во-вторых, офицеры-преподаватели при проведении исследований ориентируются, как правило, на какой-то один уровень методологии, а не на целостное ее использование. Об отсутствии целостного восприятия и понимания методологии говорит тот факт, что в диссертационных исследованиях по педагогике эклектично выбирают то, что «подойдет» к готовому тексту (очень часто – системный и технологический подходы). Как показало изучение деятельности 48 преподавателей, проводивших исследования в области педагогики, наиболее характерной чертой выступает то, что, опускаясь на низший уровень методологии (технологический), они осуществляют свою деятельность в полном отрыве от вышестоящих уровней.

Пятая причина заключена в проблеме понимания единства и различия в методологии научной и практической деятельности офицеров-преподавателей. Адекватному пониманию этого аспекта мешает отсутствие ответа на вопрос: чем принципиально методология научной деятельности в области педагогики отличается от методологии, например, научной деятельности в области психологии и чем методология научной деятельности в области педагогики отличается от методологии практической педагогической деятельности?

Если мы обратимся к принципам познания, то они схожи в любой деятельности (и там, и там действуют принципы объективности, причинности, истинности, критичности, обоснованности, доказательности, практикоориентированности, воспроизводимости и др.). То есть в самом общем плане особых различий нет. Есть разница в результатах: в исследовательской деятельности результат выражен прежде всего во вкладе в теорию, в профессионально-педагогической деятельности – в образовательном результате. Иногда офицеры-преподаватели отмечают, что они часто руководствуются здравым смыслом. Но тогда возникает вопрос: разве здравый смысл не объединяет в скрытом виде принципы объективности, причинности, обоснованности, воспроизводимости и другие?

За редким исключением [2; 3; 4] отсутствуют и научные работы, посвященные раскрытию методологических оснований педагогики образования в Росгвардии, повышению методологической культуры офицеров-преподавателей военных образовательных организаций высшего образования. Вместе с тем, в XXI веке появилось немало работ, посвященных методологии педагогики, организации исследований при реализации образовательного процесса и профессионально-педагогической деятельности, организации методологической подготовки будущих и состоявшихся специалистов. В частности:

понимание методологии педагогики и организации научных исследований раскрыто в работах Балаховского А. А. и Тимошева Р. М. [5], Балахонского В. В. и Силкина Н. Н. [6], Загвязинского В. И. и Атаханова Р. [7], Краевского В. В. и Бережновой Е. В. [1], Наумкина Н. И. и Шекшаевой Н. Н. [8], Новикова А. М. [9] и др.;

исследование методологической культуры будущего специалиста осуществляли Ермолаева С. А. [10], Ефремова И. В. [11], Снопкова Е. И. [12] и др.;

изучение вопросов методологической подготовки будущих специалистов связано с работами Исхаковой Р. Ф. [13], Никоновой Э. В. [14], Пятилетовой Л. В. и Романцовой А. Ю. [15], Рубан Н. В. [16]; Гоголевой Г. С., Булатовой Т. Е. и др. [17];

анализировали методологию профессиональной деятельности Балахонский В. В. [18], Царапкина Ю. М., Цыплакова С. А. и Быстрова Н. В. [19];

разрабатывали конкретные научные подходы при организации исследований Ходусов А. Н. и Кононова С. А. [20], Ясонова Е. Н. [21] и др.

Анализ причин недостаточно высокой методологической культуры офицеров-преподавателей и фактическое отсутствие работ, непосредственно посвященных организации их методологической подготовки, свидетельствует о том, что необходимо разработать модель системы методологической подготовки офицеров-преподавателей в рамках военных образовательных организаций высшего образования. Для этого следует определить: каким должен быть результат подготовки, в каких организационных формах наиболее оптимально организовывать методологическую подготовку, на основе каких принципов это следует сделать, кто должен осуществлять такую подготовку, какой объем времени для этого потребуется и какой должна быть программа подготовки?

Цель статьи заключается в разработке модели системы методологической подготовки офицеров-преподавателей военных институтов (академии) Росгвардии.

Материалы и методы

Обоснование модели методологической подготовки офицеров-преподавателей осуществляется на основе принципов: реалистичности (максимальной приближенности к возможности реализации исследуемого процесса); вариативности (возможности применения разных вариантов); системности (рассмотрения методологической подготовки как системы); персонификации (мобилизация субъектно-личностных ресурсов офицеров-преподавателей их творческого потенциала); практической направленности (формирование и развитие компетентностных характеристик офицеров-преподавателей), теоретической основательности (достижение глубинного понимания возможностей методологии и правил их реализации), управляемости (процесс проектирования и реализации методологической подготовки должен быть подконтролен соответствующим структурам, осуществляющим управление в военных образовательных организациях Росгвардии).

При разработке модели используются теоретические методы: анализ, сравнение, синтез, обобщение, систематизация, моделирование.

Результаты

Изучение литературных источников показывает, что методологическое знание в области образовательной практики и исследовательских процессов можно трактовать в виде систематизированных сведений из разных научных областей, которые используются для успешного проектирования и организации творческо-продуктивной деятельности офицера (преподавательской и научно-педагогической). Методологическое знание структурировано по уровням (философское, общесистемное, межпредметное, собственно педагогическое, инструментально-исследовательское/технологическое) и тематическим блокам внутри каждой науки. Эти блоки могут быть использованы как научные подходы к проектированию и организации деятельности (диалектический, антропологический, системный, процессный, ценностно-смысловой, личностно-ориентированный и др.). Каждый подход имеет свою систему основополагающих идей (принципов), задает вектор использования отобранного знания, а также исследовательских и/или практических действий, связанных с изучением объекта, проектированием преобразований и их технологической реализацией, рефлексивной оценкой процесса и результатов решения научной/практической задачи с учетом особенностей деятельности, условий ее осуществления, и определяет способы проектирования и организации деятельности.

Следует учесть, что речь не идет о репродуктивной деятельности офицера-преподавателя, носящей однообразный и рутинный характер. Деятельность должна быть продуктивной, связанной с получением нового результата. Такой выступает его научно-исследовательская деятельность как педагога-ученого, инновационная деятельность как педагога-практика.

Что означает проектирование научно-исследовательской и преподавательской деятельности офицера-преподавателя? Учитывая нормативный характер деятельности, разработку содержания документов, в которых изложен порядок решения задач в этой деятельности. В них должны быть изложены: идея, цель, сроки, ресурсы, технология, способы проверки и другие данные. Проект выступает либо как модель педагогической системы, носящая нормативный характер, либо как процесс создания/совершенствования образовательной системы.

Что означает организация деятельности? Это – практическое установление гармоничных взаимосвязей, взаимодействий, придание им логики (процессный аспект); упорядоченность, согласованность (результирующий аспект процесса).

Организация важна для любого вида деятельности офицера-преподавателя: научной и профессионально-педагогической (обе эти деятельности находят свое место в образовательном процессе). Высокая организация означает, что деятельность приобрела целостный, оптимальный для сложившихся условий характер.

Что общего в структуре данных деятельностей? В каждой из них есть носитель-субъект, объект, цель в рамках предметной области объекта, способ (средства, применяемые по правилам) или метод (в научной деятельности), результат. Деятельность носит проектно-технологический характер (деятельность делится на самостоятельные, завершенные части, ограниченные временными пределами).

Чем одна деятельность может отличаться от другой? Как правило, у каждой деятельности (компонентов деятельности) есть свои особенности; на основе закономерных специфических связей сформулированы специфические принципы; могут быть различными условия; для каждой деятельности устанавливаются свои нормы.

Из каких частей (временных отрезков) состоит деятельность (?): проектировочная часть (завершается разработкой модели системы и программы создания на ее основе реальной системы); технологическая часть (создание реальной системы на основе нормативной модели); рефлексивная часть (оценка процесса и результатов деятельности).

Какими инвариантными признаками обладает любая продуктивная деятельность? К таким признакам относятся: ценностно-утверждающий, познавательный, преобразовательный, эстетический и коммуникативный характер [22].

Учитывая названные характеристики и структурные компоненты деятельности офицера-преподавателя, можно дать следующее определение методологическим основаниям его научно-педагогических и профессионально-педагогических действий – это учение об организации продуктивной проектно-технологической деятельности офицера-преподавателя как исследователя и практика в сфере образования.

Она представляет целостное образование, в котором присутствуют следующие метапризнаки: ценностно-утверждающий (этический), познавательный, преобразовательный, эстетический и коммуникативный.

Методологические основания деятельности офицера-преподавателя – это раздел научно-педагогического знания о том, как:

полноценно (обоснованно) изучить объект и максимально объективно интерпретировать результаты изучения, выявив положительные моменты и недостатки на основе текущих тенденций, действующих закономерностей, реальных данных из показателей и др.;

спроектировать с учетом запроса социальной (в том числе военно-социальной), образовательной (в военных образовательных организациях высшего образования) и/или учебно-воспитательной (в войсках и территориальных органах) практики прогностическую нормативную модель образовательной (учебно-воспитательной) системы с раскрытием критериев, показателей, параметров оценки;

создать на ее основе реальную педагогическую систему с описанием технологического процесса ее функционирования и прогрессивных изменений, а также обоснованием педагогических условий, создающих возможности для реализации технологического процесса; осуществить рефлексивный анализ осуществленной деятельности.

Деятельность офицера-преподавателя как исследователя, направленная на изучение какого-либо объекта педагогической реальности, принимает вид исследовательско-педагогической деятельности, а деятельность офицера-преподавателя как практика, направленная на преобразование педагогической реальности, принимает вид управленческо-педагогической деятельности.

Одним из основных условий эффективной деятельности офицера-преподавателя выступает его методологическая подготовка, которая представляет собой специально созданную систему, предназначенную для проведения комплекса мероприятий организационного и педагогического характера, направленных на повышение методологической культуры преподавательского состава.

Цель создания и функционирования такой системы – повышение методологической культуры офицеров-преподавателей (развитие ценностного отношения к накоплению методологического опыта; рост ме-

тодологической компетентности за счет: освоения знаний – философских, общенаучных и частнонаучных; формирования и использования умений проектировать и организовывать педагогическую деятельность на основе комплекса научных принципов; развития способности решать профессионально-педагогические и исследовательские задачи на основе ценностного отношения к методологическому знанию, комплексного применения методологических знаний и умений).

Содержание методологической подготовки должно включать тематику, раскрывающую:

1. Общие основы методологии научного педагогического познания и педагогической деятельности (понятие, предмет, структура, уровни и функции методологии педагогического познания и педагогической деятельности; педагогические парадигмы; методологические подходы и их реализация в деятельности преподавателя).

2. Методологические основания деятельности преподавателя (научно-исследовательской и профессионально-педагогической: логика, структура и творческий проектно-технологический характер деятельности преподавателя; прогнозирование научных и практических педагогических результатов; принципы проектирования и организации деятельности).

3. Проверка обоснованности и достоверности выводов и результатов (верификация выводов и результатов: экспериментальная, публикационная).

Субъекты методологической подготовки: профессорско-преподавательский состав, разрабатывающий методологическую проблематику; офицеры-преподаватели.

Технологии методологической подготовки: комплекс интерактивных занятий, включающий проблемные лекции, семинары-дискуссии, проектировочные практические занятия с защитой проекта. Завершается подготовка методологическим семинаром – круглым столом с обобщением позитивного методологического опыта преподавателей кафедры.

Организация методологической подготовки: 24 часа (4 часа – лекции; 6 часов – семинары; 12 – часов практические занятия; 2 часа – семинар-круглый стол). Организационные формы: с преподавателями, не имеющими опыта преподавательской деятельности – курсы повышения квалификации не позднее чем через 1 месяц после назначения на должность; с начальниками кафедр – специально организованные 45-минутные методические занятия в течение года; с преподавателями кафедр – методические занятия на кафедрах в течение года.

Результат: повышение уровня методологической культуры, которое подтверждается повышением качества деятельности преподавателя.

Выводы

Актуальность темы подтверждается относительно невысоким уровнем методологической культуры офицеров-преподавателей и фактическим отсутствием научных работ, посвященных организации их методологической подготовки.

Методологическая подготовка представляет собой специально созданную систему, предназначенную для проведения комплекса мероприятий организационного и педагогического характера, направленных на повышение методологической культуры преподавательского состава.

Система методологической подготовки состоит из следующих компонентов: целевого, содержательно-тематического, субъектного, технологического, организационного, результирующего.

К основным организационным принципам методологической подготовки следует отнести: реалистичность, вариативность, персонификацию, системность, практическую направленность, теоретическую основательность, управляемость.

Список источников

1. Краевский В. В. Методология педагогики: новый этап / В. В. Краевский, Е. В. Бережнова. М. : Академия, 2006. 400 с.

2. Шарухин А. П. Методология педагогики военных образовательных организаций войск национальной гвардии Российской Федерации / А. П. Шарухин, Т. Г. Шарухина // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3 (75). С. 201–205.

3. Бороненко Т. А. Полипарадигмальность как гармоничное сочетание образовательных моделей современной педагогики Росгвардии / Т. А. Бороненко, А. П. Шарухин // Вестник

Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2024. № 2. С. 107–117.

4. Коротких Д. Е. Методологические основы моделирования системы подготовки в условиях Центра подготовки личного состава войск национальной гвардии Российской Федерации // Инновации в образовании. 2019. № 11. С. 58–64.
5. Балаховский А. А. Методологическая культура субъекта научной деятельности: теория и практика формирования / А. А. Балаховский, Р. М. Тимошев // Вестник Военного университета. 2012. № 1 (29). С. 23–31.
6. Балахонский В. В. Методология и технология профессионального образования: проблема определения логики планирования научной деятельности / В. В. Балахонский, Н. Н. Силкин // Педагогический журнал. 2023. Т. 13. № 2А-3А. С. 416–423.
7. Загвязинский В. И. Методология и методы психолого-педагогического исследования: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В. И. Загвязинский, Р.Атаханов М. : Academia, 2012. 208 с.
8. Наумкин Н. И. Методологическое обеспечение исследований по проблеме подготовки студентов к инновационной инженерной деятельности // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 5. С. 13.
9. Новиков А. М. Методология / А. М.
Новиков, Д. А. Новиков. М. : СИН-ТЕГ, 2007. 668 с.
10. Ермолаева С. А. Формирование методологической культуры в системе профессионально-личностной подготовки современного педагога // Профессионально-педагогическая культура: опыт прошлого – вызовы современности: материалы VI Международной научно-практической конференции (23 июля 2017). Белгород, 2017. С. 10–14.
11. Ефремова И. В. Формирование основ методологической культуры будущего педагога-музыканта в процессе профессиональной подготовки в вузе // Перспективы науки. 2019. № 10 (121). С. 223–226.
12. Снопкова Е. И. Методологическая культура педагога – ресурс развития педагогической деятельности // Образование как фактор развития интеллектуально-нравственного потенциала личности и современного общества: материалы VII международной научной конференции. Ответственный редактор М.И. Морозова. Санкт-Петербург, 2017. С. 32–37.
13. Исхакова Р. Ф. Методологическая подготовка преподавателя высшей школы // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2020. № 4 (57). С. 190–194.
14. Никонова Э. В. Технологии развития методологической компетентности научно-педагогических работников в послевузовском профессиональном образовании // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 1 (39). С. 25–27.
15. Пятилетова Л. В. Методологическая подготовка студента: вопросы и ответы // Наука и образование в XXI веке / под общ. ред. А. И. Вострецова. Нефтекамск: Научно-издательский центр «Мир науки», 2018. С. 130–133.
16. Рубан Н. В. Методологические основы развития творчества в профессиональной подготовке обучающихся // Современное образование: содержание, технологии, качество. 2019. Т. 1. С. 621–623.
17. Метапредметный подход как методологическая основа реализации ФГОС: монография. / Г. С. Гоголева, Т. Е. Булатова, Н. В. Останина; под ред. Н. А. Криволаповой. Курган, 2017. 120 с.
18. Балахонский В. В. Идеологические и методологические основания педагогической деятельности: проблемы формирования современной образовательной парадигмы / В. В. Балахонский, Л. В. Балахонская, Ю. В. Береснева // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 54-6. С. 34–37.
19. Царапкина Ю. М. Методология педагогического прогнозирования / Ю. М. Царапкина, С. А. Цыплакова, Н. В. Быстрова // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 62–1. С. 332–334.
20. Ходусов А.Н. Личностно-ориентированный подход в профессиональном образовании // Интегративные тенденции в медицине и образовании. 2018. Т. 3. С. 109–118.
21. Ясонова Е. Н. Контекстуальное наставничество в системе развития педагога: методология, стили, практика // Образование, инновации, исследования как ресурс развития сообщества: материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Чебоксары, 2025. С. 459–461.
22. Каган М. С. Человеческая деятельность. М. : Политиздат, 1974. 328 с.

References

1. Kraevskij V. V. Metodologiya pedagogiki: novyj etap / V. V. Kraevskij, E. V. Berezhnova. M. : Akademiya, 2006. 400 s. (In Russ.).
2. SHaruhin A. P. Methodology of pedagogy of military educational organizations of the troops of the National Guard of the Russian Federation / A. P. SHaruhin, T. G. SHaruhina // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2017;3 (75): 201–205. (In Russ.).
3. Boronenko T. A. Polyparadigmality as a harmonious combination of educational models of modern pedagogy of Rosgvardiya / T. A. Boronenko, A. P. SHaruhin // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. 2024;2: 107–117. (In Russ.).
4. Korotkih D. E. Methodological foundations of the modeling of the training system in the conditions of the Training Center of the troops of the National Guard of the Russian Federation // Innovacii v obrazovanii. 2019;11: 58–64. (In Russ.).
5. Balahovskij A. A. Methodological culture in the subject of scientific activity: theory and practice of formation / A. A. Balahovskij, R. M. Timoshev // Vestnik Voennogo universiteta. 2012;1 (29): 23–31. (In Russ.).
6. Balahonskij V. V. Methodology and technology of professional education: the problem of determining the logic of planning scientific activity / V. V. Balahonskij, N. N. Silkin // Pedagogicheskij zhurnal. 2023. Vol. 13;2A-3A: 416–423. (In Russ.).
7. Zagvyazinskij V. I. Methodology and methods of psychological and pedagogical research: a textbook for students of higher educational institutions / V. I. Zagvyazinskij, R.Atahanov M. : Academia, 2012. 208 s. (In Russ.).
8. Naumkin N. I. Methodological support of research on the problem of preparing students for innovative engineering activities // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2019;5: 13. (In Russ.).
9. Novikov A. M. Metodologiya / A. M. Novikov, D. A. Novikov. M. : SIN-TEG, 2007. 668 s. (In Russ.).
10. Ermolaeva S. A. Formirovanie metodologicheskoj kul'tury v sisteme professional'no-lichnostnoj podgotovki sovremennogo pedagoga // Professional'no-pedagogicheskaya kul'tura: opyt proshlogo – vyzovy sovremennosti: materialy VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (23 iyulya 2017). Belgorod, 2017. S. 10–14. (In Russ.).
11. Efremova I. V. Formation of the foundations of the methodological culture of the future teacher-musician in the process of professional training at the university // Perspektivy nauki. 2019;10 (121): 223–226. (In Russ.).
12. Snopkova E. I. Metodologicheskaya kul'tura pedagoga – resurs razvitiya pedagogicheskoj deyatel'nosti // Obrazovanie kak faktor razvitiya intellektual'no-nravstvennogo potenciala lichnosti i sovremennogo obshchestva: materialy VII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Otvetstvennyj redaktor M.I. Morozova. Sankt-Peterburg, 2017. S. 32–37. (In Russ.).
13. Iskhakova R. F. Methodological training higher school teacher // Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. M. Akmully. 2020;4 (57): 190–194. (In Russ.).
14. Nikonova E. V. Methodological training higher school teacher // Kul'turnaya zhizn' YUga Rossii. 2011;1 (39): 25–27. (In Russ.).
15. Pyatiletova L. V. Methodological preparation of the student: questions and answers // Nauka i obrazovanie v XXI veke / pod obshch. red. A. I. Vostrecova. Neftekamsk: Nauchno-izdatel'skij centr «Mir nauki», 2018. S. 130–133. (In Russ.).
16. Ruban N. V. Methodological foundations of the development of creativity in the professional training of students // Sovremennoe obrazovanie: soderzhanie, tekhnologii, kachestvo. 2019. Vol. 1: 621–623. (In Russ.).
17. Metapredmetnyj podhod kak metodologicheskaya osnova realizacii FGOS: monografiya. / G. S. Gogoleva, T. E. Bulatova, N. V. Ostanina; pod red. N. A. Krivolapovoj. Kurgan, 2017. 120 s. (In Russ.).
18. Balahonskij V. V. Ideological and methodological foundations of pedagogical activity: problems of formation of the modern educational paradigm / V. V. Balahonskij, L. V. Balahonskaya, YU. V. Beresneva // Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2019;54-6: 34–37. (In Russ.).
19. Carapkina YU. M. Methodology of pedagogical forecasting / YU. M. Carapkina, S. A. Cyplakova, N. V. Bystrova // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2019;62–1: 332–334. (In Russ.).
20. Hodusov A.N. A personality-oriented approach in professional education // Integrativnye tendencii v medicine i obrazovanii. 2018. Vol. 3: 109–118. (In Russ.).
21. YAsonova E. N. Kontekstual'noe nastavnichestvo v sisteme razvitiya pedagoga: metodologiya, stili, praktika // Obrazovanie, innovacii, issledovaniya kak resurs razvitiya

soobshchestva: materialy III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. CHeboksary, 2025. S. 459–461. (In Russ.).
22. Kagan M. S. CHelovecheskaya deyatel'nost'. M. : Politizdat, 1974. 328 s. (In Russ.).

Информация об авторах

А. П. Шарухин *– доктор педагогических наук, профессор*
В. П. Сальников *– доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 06.07.2026;
одобрена после рецензирования 12.09.2026;
принята к публикации 28.09.2026.

Information about the authors

A. P. Sharukhin *– Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor*
V. P. Sal'nikov *– Doctor of Sciences (Law), Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation*

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 06.07.2026;
approved after reviewing 12.09.2026;
accepted for publication 28.09.2026.

Научная статья

УДК 378

ПОДГОТОВКА КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ ИНСТИТУТОВ (АКАДЕМИИ) РОСГВАРДИИ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ УЧЕБНЫХ ТЕКСТОВ ПОСРЕДСТВОМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СМЫСЛОВОГО ЧТЕНИЯ

Татьяна Геннадьевна Шарухина
Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
tgsha2006@inbox.ru. ORCID: 0000-0001-5169-3044

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению инновационной для организации обучения темы: формированию умений у курсантов достигать межпредметные результаты посредством применения метода интерпретации текстов. Актуальность статьи обусловлена необходимостью поиска новых подходов в решении задачи повышения качества и результативности обучения будущих офицеров. Цель статьи заключается в раскрытии сущности и механизма интерпретации текстов на основе смыслового чтения. Раскрываются понятия «ассоциативный подход к осуществлению смыслового чтения текста», «интерпретация текста на основе смыслового чтения», «рефлексивный анализ учебных действий при осуществлении смыслового чтения». Большое внимание уделяется описанию способов формирования умений осуществлять интерпретацию текста на основе смыслового чтения. Делаются выводы и приводятся рекомендации для преподавателей.

Ключевые слова: курсант военного института (академии) Росгвардии, учебные действия, интерпретация текста, смысловое чтение, метапредметный результат

Для цитирования: Шарухина Т.Г. Подготовка курсантов военных институтов (академии) Росгвардии к интерпретации учебных текстов посредством осуществления смыслового чтения // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 356–363. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/038.pdf.

Original article

PREPARING THE CADETS OF THE ROSGVARDIYA'S MILITARY INSTITUTES (ACADEMY) FOR THE INTERPRETATION OF ACADEMIC TEXTS VIA OF SEMANTIC READING

Tatiana G. Sharukhina
Academy of National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
tgsha2006@inbox.ru. ORCID: 0000-0001-5169-3044

Abstract. The article is devoted to the consideration of an innovative topic for the organization of teaching: the formation of cadets' skills to achieve interdisciplinary results via of the use of the method of text interpretation. The relevance of the article is due to the need to find new approaches to solving the problem of improving the quality and effectiveness of training for future officers. The purpose of the article is to reveal the essence and mechanism of text interpretation based on semantic reading. The concepts of "associative approach to the implementation of semantic reading of the text", "interpretation of the text based on semantic reading", "reflexive analysis of learning activities, in the implementation of semantic reading" are revealed. Much attention is paid to the description of the ways of forming the skills to interpret the text based on semantic reading. Conclusions are drawn and recommendations for teachers are given.

Keywords: cadet of the Rosgvardiya's military institute (academy), learning activities, text interpretation, semantic reading, metasubject result

For citation: Sharukhina T.G. Preparing the cadets of the Rosgvardiya's military institutes (academy) for the interpretation of academic texts via of semantic reading. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36):356–363. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/038.pdf.

© Шарухина Т.Г., 2026

Введение

В условиях активного развития цифровой дидактики [1] в очередной раз становится актуальным обращение к смыслодидактике [2], как теории, раскрывающей способы активизации и повышения результативности процессов смыслообразования [3]. В процессе обучения курсантов важно не только обеспечить адекватность восприятия учебной информации, но и развивать при этом

связь рациональных и чувственных компонентов сознания, без которой невозможно формирование личностных смыслов [4] и самой личности [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11]. В то же время опыт подготовки курсантов показывает, что приходится сталкиваться и с проблемой адекватности освоения программного материала обучающимися (неумения интерпретировать тексты), и с проблемой синтеза рациональных и чувственных компонентов.

О чем это говорит? Это говорит, во-первых, о пробелах в понимании преподавателями миссии и задач педагогической деятельности; во-вторых, о существовании нерешенного вопроса, относящегося к целеполаганию: какова модель выпускника военного института (академии) Росгвардии? Ответ на вопрос диктуют потребности специальной военной операции: необходимо готовить не просто знающего, компетентного офицера, но профессионала с высокой нравственной ответственностью и высоким общекультурным развитием. Соответствие такой метацели образовательного процесса в военных институтах (академии) Росгвардии потребностям служебно-боевой деятельности войск подкрепляется тем, что система образования в войсках национальной гвардии базируется на идее подготовки защитника государства, общества и личности.

Необходимо отметить, что проблема интерпретации неоднократно становилась предметом изучения психолого-педагогической науки в образовательном процессе начальной и средней школы, а также образовательных организациях высшего образования. Практически во всех научных работах она представлена как объяснение текста ради выявления и выражения смысла. В научной литературе отмечается, что наиболее успешно продвигается дело в подготовке обучающихся к осуществлению эффективной интерпретации, если используется методика обучения смысловому чтению [12; 13; 14]. В военных образовательных организациях проблема обучения качественной интерпретации текста затрагивалась косвенно при исследовании процесса развития критического мышления у курсантов [15].

В этой связи становится актуальной постановка цели статьи, заключающаяся в раскрытии сущности и условий результативной подготовки курсантов к умелому осуществлению интерпретации текстов на основе смыслового чтения.

Методология и методы исследования

Методологической базой решения проблемы подготовки курсантов военных институтов (академии) Росгвардии к умелому осуществлению интерпретации текстов на основе смыслового чтения стали личностно-деятельностный и коммуникативно-диалоговый подходы. Было определено противоречие, причины его появления и сформулирована цель исследования. Применялись анализ, синтез, обобщение, классификация, теоретическое моделирование, наблюдение, обоснование решения творческих задач, исследовательский метод. Всего в экспериментальной работе приняли участие более 350 курсантов, 47 адъюнктов.

Результаты

Герменевтика – это искусство понимания и толкования текстов [16]. В переводе с греческого языка герменевтика означает «разъясняющий» или «истолковывающий». Герменевтика нацеливает на изучение текста с двух сторон: а) особенностей эпохи, культурных условий создания текста, его цели, а также аудитории, для которой он предназначался; б) особенностей автора (психологических, творческих).

Интерпретация – основной метод, используемый в герменевтике. Это метод научного познания, направленный на понимание внутреннего содержания интерпретируемого объекта через изучение его внешних проявлений (знаков, символов, жестов, звуков и др.). В интерпретации присутствуют субъективность автора, субъективность интерпретатора и представленный в какой-то форме интерпретируемый объект (письменный текст, произведение искусства, речь, поступок, символ, жест). Основными условиями успешного применения метода интерпретации выступают:

1. Минимум субъективности.

2. Достижение смысловой целостности, установление связей между частями целого.

3. Понимание чужой мысли как актуальной.

4. Адекватность понимания через настрой интерпретатора на «волну» автора.

Интерпретация имеет несколько видов:

А) Распознающая смысл, имеющийся в тексте.

Б) Репродуктивная – передающая смысл, имеющийся в тексте, другому источнику.

В) Нормативная, регулирующая поступки.

Цель интерпретации – осмыслить извлечённую информацию, создать личностно-

смысловые установки на основе прочитанного. Важно учитывать, во-первых, что интерпретация текста всегда субъективна, во-вторых, что разные люди могут понимать один и тот же текст совершенно по-разному.

В процессе чтения учебного текста присутствует обучающийся (курсант) с устоявшимися смысловыми, целевыми и операциональными установками, конкретным мировоззрением, Я-концепцией и другими образованиями, а также текст, составленный автором с какой-то целью, структурированный по содержанию, выражающий понимание автором представляемого в виде символьных (словесных) знаков объекта, имеющий явный и/или скрытый смысл. Текст может оказывать влияние не только на когнитивную, но и на эмоционально-чувственную сферы. По сути, он представляет собой письменную форму речевой деятельности, в которой представлена внетекстовая действительность. Курсант, читая текст, воссоздает через связь со своим опытом эту внетекстовую действительность, придавая ей свой личностный смысл. Задача педагога состоит в том, чтобы авторский смысл, находящийся в учебном тексте, лег в основу формирования совпадающего или несовпадающего смысла у курсанта, был им «извлечен» из текста и точно понят (осознал основную идею, красной нитью проходящую через весь текст) [17; 18; 19].

Узнать об уровне понимания смысла курсантом можно по тому, в какой степени усвоенная информация стала стабильным профессиональным ориентиром и критерием деятельности. Успешность обмена смыслами, их интерпретации, глубина понимания зависит от мотивационного настроя, кругозора, интеллектуальных и внутриречевых способностей курсантов. Внутренняя речь выступает средством формирования смысла. Каждое слово несет свое содержание, имеет специфические оттенки, строение, в которых «спрятаны» смысловые аспекты.

Смысловое чтение, рассматриваемое в виде деятельности, берет начало в познавательной потребности курсанта, порождающей тягу к пониманию смыслов. Затем включается восприятие и формируется динамическая направленность в сторону предмета потребности (понимания смысла) [20]. Восприятие представляет собой синтез образов реальности, связанных со словом и личным опытом воспринимающего текст [21].

Следующим шагом выступает смысловая идентификация. Смысловая идентификация – это расшифровка последовательности текстовых знаков и превращение их в образную ситуацию или другое явление (происходит раскрытие того содержания, которое «заложил» в текст автор). Процесс имеет две стадии: сначала формирование первичных схемообразов и затем их соединение в единую картину (целостное представление в пространстве и времени). Все завершается смысловым обобщением.

То есть смысловая обработка текста объединяет смысловые словесные структуры и чувственные образы; проходит стадии смыслового восприятия и смысловой идентификации и завершается смысловым обобщением [22].

Следует отметить, что извлекаемый из текста смысл, «спрятанный» в словах, может по-разному восприниматься из-за различной интерпретации слов, их связи с абсолютно индивидуальным опытом жизнедеятельности каждого курсанта. Возможная вариативность восприятия смысла должна быть в фокусе внимания преподавателя.

При чтении текста и «извлечении смысла» работает механизм ассоциации и критическое мышление.

«Механизм» ассоциаций состоит из связей, которые создаются между реальной ситуацией, физиологическими процессами, психической деятельностью, ведущей к ее осмыслению, и поведенческими реакциями на нее. Образуется единый психофизический функциональный комплекс, в котором ранее воспринятый и усвоенный сигнал (зрительный, слуховой, осязательный и др.) выступает в качестве предупреждающего средства о появлении нового события и необходимости подготовиться к встрече с ним для взаимодействия. Ю. А. Самарин выделил четыре вида ассоциативных связей: 1) локальные ассоциации; 2) частносистемные или ограниченно-системные; 3) внутрисистемные или внутрипредметные; 4) межсистемные [23].

На формирование и устойчивость ассоциаций оказывают влияние:

смысловая целостность текста (все фрагменты текста гармонично связаны между собой хорошо видимыми логическими связями и объединены общим смыслом);

значимость (ценность) информации для курсанта;

связь информации с личным опытом;

новизна информации;

ранжирование информации, выделение самого главного, определяющего;

использование межпредметных связей;

активное использование контекстного обучения;

применение метода аналогии.

Критическое мышление понимается как интеллектуальное свойство – способность отделять истину от заблуждений, объективность – от искаженного понимания действительности, принимать оптимальные решения на основе глубокого обоснования в отличие от непродуманных волюнтаристских решений.

В основе данной способности лежат:

мотивационный настрой на достижение максимально возможных, нравственно оправданных и непротиворечивых результатов;

широкий общий и профессиональный кругозор, в котором четко сформированы эталонные образцы (стандарты);

внимательность и целостное восприятие изучаемого объекта;

развитые когнитивные умения: анализ, синтез, сравнение, обобщение, абстрагирование и другие;

умение видеть главное, выделять проблемы, принимать оптимальные решения (из нескольких альтернатив), обосновывая их всесторонне и основательно;

системная и устойчивая саморегуляция.

Критическое мышление, понимаемое как процесс, представляет собой цепь последовательных когнитивных операций, приводящих к результатам, основанным на истинной информации:

восприятие, анализ и оценка степени соответствия объекта эталонному образцу;

выявление доминирующих факторов, которые оказывают влияние на изменение объекта и создают проблемы в педагогическом процессе;

анализ и оценка собственных педагогических возможностей по преобразованию объекта и факторной среды, в которой он находится;

выбор стратегии и способов действий по изменению факторной среды и характера на объект в соответствии с педагогической целью;

планирование и интеллектуальное сопровождение реализации стратегии;

самоконтроль на каждом этапе и оценка мыслительных действий на соответствие логическим и другим правилам.

Какой должна быть система подготовки курсантов к осуществлению умелой интерпретации текстов на основе обучения смысловому чтению?

Во-первых, необходимо обеспечить выработку у курсантов правильного стиля работы с текстом. В смыслоопределительной деятельности курсантов имеются различия: меньшая часть курсантов (около 10 %) сначала бегло просматривает весь текст, пытаясь определить наиболее существенные моменты для углубленного анализа; большинство сразу начинает работать с текстом. Для успешного развития смыслоопределительной деятельности курсантов при просмотре текста должно стать законом выделение ключевых слов и словосочетаний. Из ключевых слов важно научиться создавать символьные схемы, сочетаемые с образным запоминанием. Другим способом выступает фрагментация текста, при которой он делится на смысловые блоки. Каждый блок отражает отдельную мысль. Еще один способ – выделение сюжета, композиции.

К конкретным приемам подготовки курсантов можно отнести:

завершение незаконченных предложений по блокам текста;

логическую перегруппировку для сжатия текста и усиления его логичности;

формулировку имен, которые присваиваются фрагментам текста;

перечисление идей в тексте;

вариативный выбор (выбор правильного смысла из нескольких предложенных);

сравнение текстов.

Во-вторых, создание комфортной образовательной среды [24], одним из основных компонентов которой выступает атмосфера доверия и открытости. Принципиально важно, чтобы на занятиях царила атмосфера, в которой каждый курсант чувствует себя услышанным [25]. Для этого педагоги уделяют внимание каждому обучающемуся, чтобы занятия стали не просто традиционной формой обучения, а настоящим событием, которое вызывает интерес и желание самореализоваться. Должно осуществляться стимулирование курсантов к самовыражению. Для этого на занятиях используются методы и приемы с высоким потенциалом активизации творческой деятельности, такие как проекты, элементы игровых технологий и другие способы активного взаимодействия.

В-третьих, приучение курсантов к диалоговому взаимодействию. Занятия должны носить характер общения, в котором курсант становится не рядовым исполнителем, а активным участником образовательного процесса вплоть до проектирования педагогических ситуаций на занятиях. Это способствует более глубокому усвоению материала, эффективному формированию ценностно-смысловой структуры личности и развитию критического мышления.

В-четвертых, развитие способности к системной саморефлексии [26]. Осуществляя индивидуальный подход, преподаватель формирует понимание у обучающихся, что каждый курсант и каждый будущий его подчиненный уникальны. Важно учитывать особенности, интересы и потребности каждого в образовательном процессе, потому что это создаёт дополнительные стимулы для их активного участия процессе обучения и творчестве.

В-пятых, преподавателям необходимо знать и использовать подходы к анализу учебной деятельности, которые раскрывают ее с различных сторон: системно-структурный, процессный, функционально-управленческий, идентификационно-личностный и социально-рефлексивный. Анализ учебной деятельности с позиции того или иного подхода создает возможность увидеть разные аспекты подготовки курсантов к умелому осуществлению интерпретации на основе смыслового чтения.

Например, с позиции системно-структурного подхода (мотив-цель-способ-результат) удобно анализировать составляющие учебной деятельности как факторы, влияющие на освоение способов осуществления смыслового чтения. В системно-структурном подходе личный опыт выступает объектом учебной деятельности, а его расширение, углубление, структурирование – целью. Способы раскрывают механизмы смыслового чтения и интерпретации текстов.

Процессный подход нацеливает на изучение процессов формирования и развития учебной мотивации курсанта, целеобразования, а также процесса превращения информации в знание с учетом действия механизмов смыслового чтения и интерпретации текстов.

Учебная деятельность, рассмотренная с позиций теории управления, позволяет определить содержание каждой управленческой функции в ее связи с механизмами смыслового чтения. Все функции направлены на самоуправление и реализуются поэтапно.

В частности, на этапе самомотивации курсант осознает необходимость добросовестного изучения учебного материала для успешного выполнения профессиональных задач, а для себя лично понимает актуальность рассматриваемых тем и вопросов, содержания текстов, связывает их с личностными (ценностно-смысловыми) структурами (потребностью в самореализации и самоуважении; убеждением в том, что нужно обязательно достигать высочайшей степени профессионального мастерства, быть человеком долга и чести и т. д.).

После самомотивации наступает этап целеустановления: его суть заключается в том, что на основе как можно более полной и достоверной информации о предстоящей деятельности необходимо спроектировать систему целей и задач. Постановка цели, ее разбивка на задачи и анализ ситуации позволяют выработать возможные варианты решения возникших проблем, в том числе при чтении текстов и достижения поставленной цели. Концепция (замысел) зависит от полноты понимания ситуации.

Особое внимание должно быть уделено источникам информации с пониманием того, какой учебный материал и из какого источника должен быть освоен. Преподавателю следует в процессе обучения обратить внимание на то, чтобы обучающийся использовал именно смысловое чтение, обобщил полученную информацию (сделал выводы), проверил свои выводы и др.

При прогнозировании большую роль играет способность курсанта представить разные способы решения задач и соотнести их с целью. Прогноз позволяет выявить возможные ошибки в процессе чтения текстов. Однако важно еще и выбирать такой способ действий, который можно легче всего использовать без анализа всей полноты условий и факторов, способствующих или препятствующих решению задачи.

Важно отметить, что курсанты часто не обращают внимания на действие «фактора центризма», который обнаруживается в стремлении уравнять вероятность успешного решения учебной задачи вследствие переоценки применения одних способов учебных действий и недооценки других. Возникает ситуация риска. Она может тормозить интеллектуальный процесс, развивать неуверенность и стремление не брать на себя ответственность. В этом случае важен поиск возможностей для получения консультаций, работы с литературой и информационными технологиями, которая помогла бы в решении задачи. Учебная информация, к которой обращается курсант, должна удовлетворять ряду требований: быть адекватной, полной, релевантной, структурированной, доступной, своевременной и непрерывной.

Практика показывает, что иногда преподаватель, вследствие разных причин (экономии времени, недостаточности педагогического мастерства и др.), сам выполняет за курсанта мыслительное или речевое действие. Такого рода поспешность и недооценка преимущества самостоятельности действий, как правило, ведут к сни-

жению эффективности учебной деятельности.

Самоконтроль предназначен для того, чтобы курсанты могли удостовериться в правильности действий. Суть самоконтроля: сравнение процесса и результатов (промежуточных и конечных) учебных действий с образцом.

Личностный компонент идентичности курсанта как обучающегося при осуществлении учебных действий связан с самоотождествлением себя с другим курсантом, который целенаправленно, ответственно и успешно осваивает способы смыслового чтения. Если данный компонент сформирован в полной мере, то стремление качественно осуществлять действия, связанные со смысловым чтением, как правило, бывает высоким.

Механизм социально-рефлексивного анализа включает в себя:

потребность, появляющуюся в виде интереса, что думают о курсанте и его учебных действиях другие курсанты;

выбор объектов анализа (других курсантов) на основе личностных предпочтений;

определение способов решения задачи осуществления
социально-рефлексивного анализа;

реализация способов осуществления социально-рефлексивного анализа;

фиксация, интерпретация, оценка результатов.

Использование данного рефлексивного механизма способствует эффективному преодолению недостатков в самоорганизации учебной деятельности и придает процессу овладения технологией смыслового чтения целенаправленность и осознанность.

Выводы

Умение качественно осуществлять интерпретацию текста на основе смыслового чтения выступает одним из компонентов функционально-профессиональной грамотности офицера.

Интерпретация текста на основе смыслового чтения – это процесс раскрытия внутреннего смысла текста, перехода от поверхностного понимания к глубокому осмыслению. Это не просто механическое восприятие слов и фактов, а активный анализ, который включает:

выявление основной идеи;

глубокое понимание сюжета (контекста) на основе определения смысловых связей, соединяющих фрагменты текста в единое целое;

«встраивание» смысла текста в свою мировоззренческую картину посредством установления связи смысла текста с иерархически спроектированной системой смыслов;

обращение к личному опыту для объяснения фактов;

использование способов систематизации информации, придания ей более последовательного, логического характера;

соотнесения текста (его частей) с другими схожими текстами;

выявление противоречий в тексте посредством соотнесения различных аспектов текста между собой и с главной идеей;

нахождение в тексте информации, подтверждающей основные идеи, а также собственные выводы из анализа текста;

поиск оснований для логически обоснованных выводов и непротиворечивой интерпретации (комментирования) текста и др.

Формирование у курсантов умений смыслового чтения и интерпретации выступает целью педагогической деятельности преподавателей.

Список источников

1. Штакк Е. А. Цифровая дидактика и ее влияние на достижения обучающихся / А. В. Беляева, Ю. П. Молоканова, Г. Ю. Беляев // Нижегородское образование. 2022. № 2. С. 4–12.
2. Абакумова И. В. Смыслодидактика: учебник для магистров педагогики и психологии. М. : Изд-во «КРЕДО», 2008 386 с.
3. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М. : Смысл, 2003. 486 с.
4. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат, 1975. 304 с.
5. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб. : Питер, 2002. 288 с.
6. Асмолов А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М. : Смысл; Издательский центр «Академия», 2007. 528 с.
7. Братусь Б. С. «Психика» и «личность» в отсутствии «души» и «духа» // Консультативная психология и психотерапия. 2014. Т. 22. № 5. С. 118–138.
8. Роджерс К. Становление личности. Взгляд на психотерапию. М. : ИОИ, 2017. 237 с.
9. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. 2-е изд. СПб. : Питер, 2009. 720 с.
10. Франкл В. Человек в поисках смысла: сборник / под общ. ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева. М. : Прогресс, 1990. 368 с.
11. Фрейд З. Психология «Я» и защитные механизмы. М. : Педагогик-Пресс, 1993. 144 с.

12. Алексеева Е. А. Стратегии смыслового чтения и работа с текстом: преобразование и интерпретация информации // Национальная ассоциация ученых (НАУ). 2015. № 2 (7). С. 9–12.
13. Джалалов С. С. Методы и приемы обучения смысловому чтению учебника обучающимися на ценностно-смысловой основе / С. С. Джалалов, И. А. Рудакова // Российский психологический журнал. 2013. Т. 10. № 2. С. 41–51.
14. Нижегородцева Н. В. Психологический анализ смыслового чтения как специфического вида деятельности / Н. В. Нижегородцева, Т. В. Волкова // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 2. Т. II (Психолого-педагогические науки). С. 257–262.
15. Бокова М М. Формирование критического мышления курсантов военного вуза: теоретико-методологический аспект / М М. Бокова, Н.В. Волынкина // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2023. № 3 (51). С. 36–43.
16. Терехов В. Б. Перспективы развития современной герменевтики на примере компаративистского анализа герменевтико-феноменологической философии Г. Шпета и П. Рикера // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1. С. 182–189.
17. Жихарева Т. М. Проблема понимания в философии В. Дильтея и М. Хайдеггера // Электронный философский журнал. 2013. № 14. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-ponimaniya-v-filosofii-v-dilteya-i-m-haydeggera?ysclid=loac3etlx0669890825 (дата обращения: 27.06.2026).
18. Знаков В. В. Субъект-объектный и субъект-субъектный типы понимания высказываний в межличностном общении // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М. : ПЕРСЭ, 2008. С. 144–160.
19. Evans J.S.B.T. Dual-processing accounts of reasoning, judgment, and social cognition // Annual Review of Psychology. 2008. Vol. 59. P. 255–278. URL: https://sites.ualberta.ca/~francisp/Phil488/EvansDualProcessing2008.pdf. Doi 10.1146/annurev.psych.59.103006.093629.
20. Леонтьев Д. А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа детерминации // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып. 1 / под ред. Б. С. Братуся, Д. А. Лентьева. М. : Смысл, 2002. С. 56–65.
21. Бодалев А. А. Восприятие и понимание человека человеком. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. 200 с.
22. Потанина Л. Т. Связь образно-символического мышления с развитием ценностно-смысловых представлений личности / Л. Т. Потанина, А. Н. Гусев // Вопросы психологии. 2008. Т. 2. С. 30–35.
23. Самарин Ю. А. Очерки психологии ума. М. : АПН РСФСР, 1963. 382 с.
24. Харланова Е. М. Субъектно-средовой подход как теоретико-методологическая стратегия исследования развития социальной активности будущих специалистов. // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 6 (18). С. 134–137.
25. Алексеев А. А. Поймите меня правильно или книга о том, как найти свой стиль мышления, эффективно использовать интеллектуальные ресурсы и обрести взаимопонимание с людьми / А. А. Алексеев, Л. А. Громова. СПб. : Экономическая школа, 1993. 352 с.
26. Шарухина Т. Г. Учебно-профессиональная рефлексия курсанта как объект научного анализа и педагогическая цель в процессе профессионально-иноязычной подготовки курсантов. Педагогическое образование. 2022. Т. 3. № 11. С. 142–146.

References

1. SHtakk E. A. Cifrovaya didaktika i ee vliyanie na dostizheniya obuchayushchihsya / A. V. Belyaeva, YU. P. Molokanova, G. YU. Belyaev // Nizhegorodskoe obrazovanie. 2022. № 2. S. 4–12.
2. Abakumova I. V. Smyslodidaktika: uchebnik dlya magistrov pedagogiki i psihologii. M. : Izd-vo «KREDO», 2008 386 s.
3. Leont'ev D. A. Psihologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti. M. : Smysl, 2003. 486 s.
4. Leont'ev A. N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. M. : Politizdat, 1975. 304 s.
5. Anan'ev B. G. CHelovek kak predmet poznaniya. SPb. : Piter, 2002. 288 s.
6. Asmolov A. G. Psihologiya lichnosti: kul'turno-istoricheskoe ponimanie razvitiya cheloveka. M. : Smysl; Izdatel'skij centr «Akademiya», 2007. 528 s.
7. Bratus' B. S. «Psihika» i «lichnost'» v otsutstvii «dushi» i «duha» // Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya. 2014. T. 22. № 5. S. 118–138.
8. Rodzhers K. Stanovlenie lichnosti. Vzglyad na psihoterapiyu. M. : IOI, 2017. 237 s.
9. Rubinshtejn S. L. Osnovy obshchej psihologii. 2-e izd. SPb. : Piter, 2009. 720 s.

10. Frankl V. CHelovek v poiskah smysla: sbornik / pod obshch. red. L. YA. Gozmana, D. A. Leont'eva. M. : Progress, 1990. 368 s.
11. Frejd Z. Psihologiya «YA» i zashchitnye mekhanizmy. M. : Pedagogik-Press, 1993. 144 s.
12. Alekseeva E. A. Strategii smyslovogo chteniya i rabota s tekstom: preobrazovanie i interpretaciya informacii // Nacional'naya associaciya uchenyh (NAU). 2015. № 2 (7). S. 9–12.
13. Dzhalalov S. S. Metody i priemy obucheniya smyslovomu chteniyu uchebnika obuchayushchimisya na cennostno-smyslovoj osnove / S. S. Dzhalalov, I. A. Rudakova // Rossijskij psihologicheskij zhurnal. 2013. T. 10. № 2. S. 41–51.
14. Nizhegorodceva N. V. Psihologicheskij analiz smyslovogo chteniya kak specificheskogo vida deyatel'nosti / N. V. Nizhegorodceva, T. V. Volkova // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2012. № 2. T. II (Psihologo-pedagogicheskie nauki). C. 257–262.
15. Bokova M M. Formirovanie kriticheskogo myshleniya kursantov voennogo vuza: teoretiko-metodologicheskij aspekt / M M. Bokova, N.V. Volynkina // Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom. 2023. № 3 (51). S. 36–43.
16. Terekhov V. B. Perspektivy razvitiya sovremennoj germenevtiki na primere komparativistskogo analiza germenevtiko-fenomenologicheskoj filosofii G. SHpeta i P. Rikera // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i social'nye nauki. 2012. № 1. S. 182–189.
17. ZHihareva T. M. Problema ponimaniya v filosofii V. Dil'teya i M. Hajdeggera // Elektronnyj filosofskij zhurnal. 2013. № 14. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-ponimaniya-v-filosofii-v-dilteya-i-m-haydeggera?ysclid=loac3etlx0669890825 (data obrashcheniya: 27.06.2026).
18. Znakov V. V. Sub''ekt-ob''ektnyj i sub''ekt-sub''ektnyj tipy ponimaniya vyskazyvanij v mezhlichnostnom obshchenii // Psihologiya individual'nogo i gruppovogo sub''ekta / Pod red. A. B. Brushlinskogo, M. I. Volovikovoj. M. : PERSE, 2008. S. 144–160.
19. Evans J.S.B.T. Dual-processing accounts of reasoning, judgment, and social cognition // Annual Review of Psychology. 2008. Vol. 59. P. 255–278. URL: https://sites.ualberta.ca/~francisp/Phil488/EvansDualProcessing2008.pdf. Doi 10.1146/ annurev.psych.59.103006.093629.
20. Leont'ev D. A. Lichnostnoe v lichnosti: lichnostnyj potencial kak osnova determinacii // Uchenye zapiski kafedry obshchej psihologii MGU im. M.V. Lomonosova. Vyp. 1 / pod red. B. S. Bratusya, D. A. Lent'eva. M. : Smysl, 2002. S. 56–65.
21. Bodalev A. A. Vospriyatie i ponimanie cheloveka chelovekom. M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 1982. 200 s.
22. Potanina L. T. Svyaz' obrazno-simvolicheskogo myshleniya s razvitiem cennostno-smyslovyh predstavlenij lichnosti / L. T. Potanina, A. N. Gusev // Voprosy psihologii. 2008. T. 2. S. 30–35.
23. Samarin YU. A. Ocherki psihologii uma. M. : APN RSFSR, 1963. 382 s.
24. Harlanova E. M. Sub''ektno-sredovoj podhod kak teoretiko-metodologicheskaya strategiya issledovaniya razvitiya social'noj aktivnosti budushchih specialistov. // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2009. № 6 (18). S. 134–137.
25. Alekseev A. A. Pojmite menya pravil'no ili kniga o tom, kak najti svoj stil' myshleniya, effektivno ispol'zovat' intellektual'nye resursy i obresti vzaimoponimanie s lyud'mi / A. A. Alekseev, L. A. Gromova. SPb. : Ekonomicheskaya shkola, 1993. 352 s.
26. SHaruhina T. G. Uchebno-professional'naya refleksiya kursanta kak ob''ekt nauchnogo analiza i pedagogicheskaya cel' v processe professional'no-inoyazychnoj podgotovki kursantov. Pedagogicheskoe obrazovanie. 2022. T. 3. № 11. S. 142–146.

Информация об авторе

Т. Г. Шарухина *– доктор педагогических наук, профессор*

Information about the author

Т. Г. Шарухина *– Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor*

Статья поступила в редакцию 02.08.2026;
одобрена после рецензирования 15.09.2026;
принята к публикации 28.09.2026.

The article was submitted 02.08.2026;
approved after reviewing 15.09.2026;
accepted for publication 28.09.2026.

Научная статья

УДК 355.233.231.1

ВНЕДРЕНИЕ ОПЫТА СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ В ОРГАНИЗАЦИЮ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ВУЗА

Алексей Викторович Шикунов
Новосибирское гвардейское высшее военное командное ордена Жукова училище Вооруженных сил Российской Федерации, Новосибирск, Россия
Shika24@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема внедрения опыта, полученного в ходе специальной военной операции, в систему военно-политической подготовки курсантов военных вузов. Автор анализирует существующие недостатки в организации данной подготовки и обосновывает необходимость создания и практического применения уроков СВО в учебном процессе.

В работе предложена четырёхэтапная практическая технология работы с опытом: сбор информации, её анализ и обобщение, внедрение результатов в учебные программы и методики, а также накопление и систематизация данных. Особое внимание уделяется роли главного военно-политического управления ВС РФ и кафедр военно-политической работы в вузах как координирующих органов данного процесса.

В качестве результатов исследования определены приоритетные направления совершенствования системы, включающие укрепление межведомственного взаимодействия, унификацию методических подходов, повышение квалификации должностных лиц и непосредственное внедрение обобщенного опыта в разработку документов, образовательных программ и учебно-материальной базы.

Ключевые слова: Специальная Военная операция, военно-политическая подготовка, военно-политическая работа, курсанты, военный вуз, внедрение опыта, боевой опыт

Для цитирования: Шикунов А.В. Внедрение опыта Специальной Военной операции в организацию военно-политической подготовки курсантов военного вуза // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 364–372. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/039.pdf.

Original article

IMPLEMENTING SPECIAL MILITARY OPERATION EXPERIENCE INTO MILITARY-POLITICAL TRAINING OF CADETS OF A MILITARY UNIVERSITY

Aleksey V. Shikunov
Novosibirsk higher military command school of the order of zhukov of the armed forces of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia
Shika24@rambler.ru

Abstract. This article examines the pressing issue of integrating experience gained during a special military operation into the military-political training of cadets of military universities. The author analyzes existing shortcomings in the organization of this training and substantiates the need for the creation and practical application of SMO lessons in the educational process. The paper proposes a four-stage practical approach to working with experience: collecting information, analyzing and summarizing it, incorporating the results into curricula and methods, and accumulating and systematizing the data. Particular attention is paid to the role of the Main Military-Political Directorate of the Russian Armed Forces and military-political work departments at universities as coordinating bodies for this process.

The study identified priority areas for improving the system, including strengthening interdepartmental cooperation, standardizing methodological approaches, improving the qualifications of officials, and directly incorporating summarized experience into the development of documents, educational programs, and training facilities.

Keywords: special military operation, military-political training, military-political work, cadets, military university, implementation of experience, combat experience

For citation: Shikunov A.V. Implementing special military operation experience into military-political training of cadets of a military university. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36): 364–372. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2025/09/039.pdf.

© Шикунов А.В., 2026

Введение

Актуальность. В динамично развивающемся мире образование представляет собой сложный и многогранный процесс, отражающий изменения в обществе, технологиях, экономике и других отраслях. Оно является адаптивным процессом, который стремится подготовить обучаемых к жизни в сложном и изменчивом мире. В военной сфере эта адаптивность приобретает критическое значение, напрямую влияя на боеготовность и эффективность войск. Международный опыт (такой как система «извлечения уроков» (lessons learned) в армиях США и НАТО [1] или оперативный анализ действий (After Action Review) в ЦАХАЛ [2]) показывает, что скорость и системность интеграции боевого опыта в подготовку кадров являются ключевым фактором превосходства.

Обучение и воспитание являются важной составляющей развития личности, определяющей ее отношение к обществу, стране, ее культуре и традициям. Этот процесс происходит не только в стенах высших военных учебных заведений и воинских частях, но и в стенах общеобразовательных заведений, когда необходимо дать детям правильные жизненные ориентиры, выработать в них гордость за свою страну, патриотизм и уважение к традициям своего государства. В условиях проведения специальной военной операции, с учетом развития глобализма, технологического прогресса, информационных технологий и в целом изменения мироустройства, воспитание настоящих патриотов своей страны обретает особую значимость.

Степень разработанности проблемы. В различные времена становления и развития системы воспитания военнослужащих многие ученые и специалисты уделяли особое внимание изучению вопросов проблематики, связанных с ее структурой, организацией, методикой и другими вопросами. Среди исследователей можно выделить следующих авторов. Зибров Г. В. – российский военачальник и деятель военного образования, доктор педагогических наук, занимался изучением личностного становления офицеров в военном вузе [3].

Барабанщиков А. В. – один из основателей теории военной педагогики, доктор педагогических наук [4]. Цепин М. О. – кандидат педагогических наук, исследователь развития военно-педагогической теории и практики в Советском Союзе [5]. Томас Э. Рикс – американский журналист и писатель, специализирующийся на вопросах военной национальной безопасности [6]. Герасимов В. В. – советский и российский военачальник [7]. Лямзин М. А. – доктор педагогических наук, занимающийся развитием теории и практики военно-педагогической подготовки курсантов вузов [8].

Важность развития традиционных духовно-нравственных ценностей и патриотизма народа России отметил Верховный Главнокомандующий Владимир Владимирович Путин. Им были определены национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [9].

С необходимостью реорганизации системы образования столкнулись не только в Российской Федерации, но и за рубежом. Так, в октябре 2017 года Национальный конгресс Коммунистической партии Китая предложил, чтобы после реформирования и открытости страны китайское правительство приняло решение о национальной стратегии развития Китая, в рамках которой разработана Программа модернизации образования Китая до 2035 года [10]. Кроме того, журнал Procedia – Social and Behavioral Sciences выпустил статью, где проведена оценка патриотического воспитания и субъективного восприятия его эффективности [11].

Испокон веков вооруженные силы являлись оборонительным щитом, обеспечивающим защиту государства, поддержание его обороноспособности и постоянную готовность к отстаиванию интересов страны вооруженным путем. Современные условия не являются исключением. Обучение защитников отечества, развитие у них патриотизма, гордости за свою профессию и чувства ответственности за добросовестное выполнение своих обязанностей, является важной задачей руководящих должностных лиц, командного состава всех степеней, а в военном учебном заведении – и профессорско-преподавательского состава.

В данном контексте автором статьи предлагается конструктивный научный диалог с заинтересованными группами специалистов по вопросам внедрения опыта специальной военной операции (далее – СВО) в процесс военно-политической подготовки курсантов военных училищ [18].

Организация военно-политической подготовки имеет ряд недостатков и сталкивается с определёнными проблемами, которые снижают эффективность спланированных мероприятий, негативно отражаются на результативности воспитательной работы и общем уровне морально-

политического и психологического состояния отдельных военнослужащих и подразделений в целом [3; 4; 5; 21]. Решение этих проблем необходимо для обеспечения готовности личного состава к выполнению служебных, повседневных и боевых задач, а также поддержания здорового морально-психологического климата. Игнорирование проблем, замалчивание истинного положения дел, недобросовестное отношение к выполнению мероприятий военно-политической работы непременно приведет к деградации системы обучения и воспитания военнослужащих. Решение вышеперечисленных проблем требует продуманного, качественного, комплексного подхода на всех уровнях управления органов военно-политической работы.

Цель исследования – провести анализ возможностей внедрения опыта СВО, выделить факторы, имеющие наибольшую значимость и выработать научно обоснованные направления по дальнейшему совершенствованию системы изучения, обобщения и внедрения данного опыта в процесс военно-политической подготовки курсантов. Эти рекомендации могут стать либо концептуальными ориентирами, влекущими изменения в содержании руководящих документов, либо ситуационно-ориентированными решениями локальных, нехарактерных задач, обусловленных спецификой складывающейся обстановки, применять которые следует избирательно в конкретно складывающейся обстановке.

Проблема исследования заключается в том, что по истечении более трех лет проведения СВО не в полной мере реализована единая система изучения, обобщения и внедрения опыта организации военно-политической работы в ходе специальной военной операции в учебный процесс военных вузов, что снижает практико-ориентированность подготовки будущих офицеров [16; 17; 19].

Для того чтобы решить эту проблему, необходимо детально рассмотреть особенности работы системы по обобщению и внедрению опыта СВО в процесс военно-политической подготовки курсантов, как будущих офицеров.

В предлагаемом научном диалоге необходимо определиться с точкой опоры относительно которой автор, используя системный подход как рычаг, попытался поднять на поверхность основы развивающихся тенденций в развитии военно-политической работы, продиктованных реалиями специальной военной операции.

Методологическую основу исследования составили системный подход, анализ документов, метод экспертных оценок и обобщение практики.

Анализ документов включал изучение нормативных актов Минобороны России, отчетных материалов с мест проведения СВО (донесений, сводок, методических разработок), учебных программ и пособий.

Метод экспертных оценок был реализован через изучение докладов должностных лиц военно-политических органов, участвовавших в СВО, а также преподавателей кафедр военно-политической работы военных вузов, выполнявших задачи в составе лекторских групп в зоне СВО. Целью изучения докладов является выявление успешных практик, проблемных зон и предложений по интеграции опыта.

Обобщение практики осуществлялось через наблюдение и участие автора в работе по внедрению элементов предлагаемой системы в учебный процесс Новосибирского высшего военного командного училища в 2025 году.

Основные положения

С военной точки зрения специальная военная операция рассматривается как боевые действия объединений, соединений, воинских частей и подразделений родов войск и специальных войск Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Украины, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики [12].

Сущность военно-политической подготовки заключается в том, что она является одним из основных предметов боевой подготовки личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации и наиболее важной формой военно-политического, государственного, патриотического, воинского, психологического, нравственного, правового и эстетического воспитания [13].

Военно-политическая подготовка преследует цель сформировать базу знаний и создать мировоззрение военнослужащего, необходимые для глубокого осознания целей и задач своей деятельности. В свою очередь военно-политическая работа основывается на этой подготовке и обеспечивает реализацию полученных знаний на практике, создает условия для гарантированного и успешного выполнения поставленных задач и поддержания высокой боевой готовности подразделения [14].

В рамках военного учебного заведения, где проходят обучение курсанты, военно-политическая подготовка не является от-

дельной изучаемой дисциплиной, она представляет собой процесс развития курсанта как субъекта государственной военной политики. Основу этого процесса составляют дисциплины гуманитарного блока, преподаваемые на кафедре гуманитарных и социально-экономических дисциплин, а также дисциплины, изучаемые на кафедре военно-политической работы в войсках (силах) [21].

Опыт специальной военной операции убедительно свидетельствует, что успех военных действий и их всестороннего обеспечения во многом определяется тем, насколько эффективно проводится анализ результатов боевых действий, извлекаются необходимые уроки, внедряются в практику новые или усовершенствованные способы ведения боевых действий, в какой мере войска (силы) адаптируются к новым условиям боевых действий, приобретается боевой опыт. Данный опыт в полной мере относится и к военно-политической работе [17; 19].

Военно-политическое воспитание курсантов представляет собой совокупность знаний, умений и навыков в организации и проведении мероприятий военно-политической работы и проведении занятий по военно-политической подготовке с подчиненным личным составом [20].

Методы и организация исследования

Система изучения опыта военно-политической работы является одной из составляющих общей системы обобщения боевого опыта в ВС РФ. Единые подходы к данной системе определены Рекомендациями по организации системы обобщения опыта боевых действий, введенными в действие Указаниями начальника Генерального штаба (НГШ) ВС РФ – первого заместителя Министра обороны Российской Федерации от 13 октября 2021 года [15].

С началом СВО, в целях оптимизации работы системы изучения боевого опыта, был уточнен порядок организации работы по обобщению опыта боевых действий. Он носил общий порядок для всех уровней управления. В ходе анализа практики изучения, обобщения и внедрения опыта СВО автором исследования разработан порядок внедрения опыта военно-политической работы в практическую деятельность войск и военных учебных заведений [16; 18]. Предлагаемая система и технология работы представлена на рисунке:

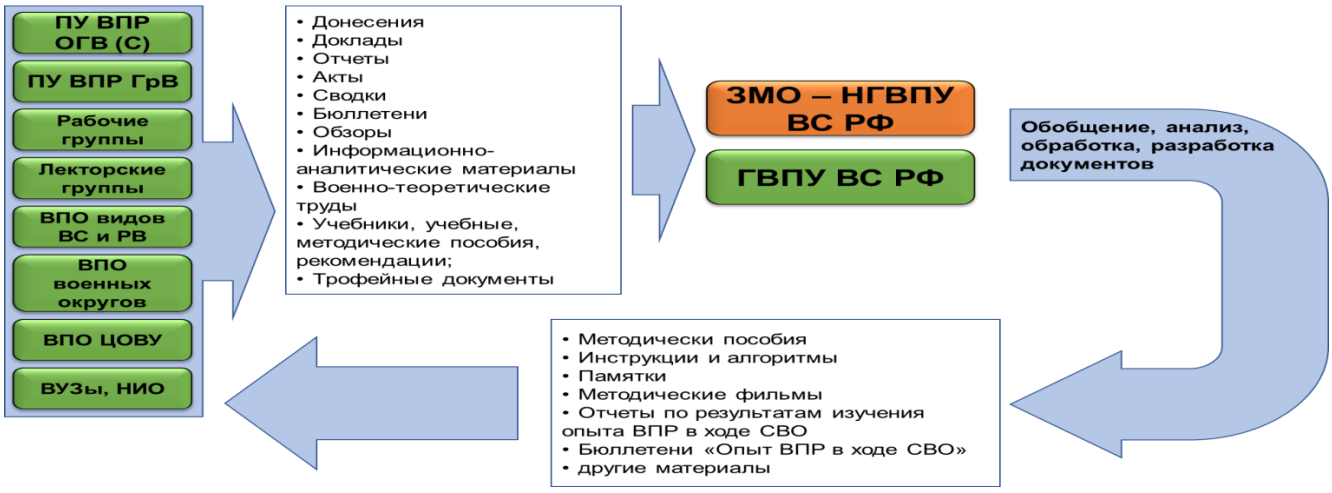

Рисунок – Система обобщения и внедрения опыта специальной военной операции в военно-политическую работу войск и военных учебных заведений

Figure – The system of generalization and implementation of the experience of a special military operation in the military-political work of troops and military education institutions

Общее руководство системой обобщения, изучения и внедрения опыта военно-политической работы осуществляется главным военно-политическим управлением (ГВПУ) под руководством Заместителя Министра обороны – начальника ГВПУ ВС РФ. Соответственно, в войсках эта задача возложена на заместителей командиров по военно-политической работе. В образовательных организациях работу по обобщению опыта военно-политической работы и его внедрение в процесс военно-политической подготовки курсантов осуществляются кафедрой военно-политической работы в войсках (силах) [20].

Организация работы по изучению и внедрению опыта СВО опирается на соответствующие планы, в которых определены изучаемые вопросы, привлекаемые силы и

средства, сроки подготовки материалов (отчетов, разработок, рекомендаций, статей, пособий и т. д.), планируемые сроки. По итогам изучения и анализа боевого опыта определяются конкретные мероприятия, сроки, исполнители и способы внедрения опыта военно-политической работы в учебный процесс.

Предлагается следующая практическая технология изучения и внедрения опыта военно-политической работы, которая включает в себя четыре взаимосвязанных этапа.

I этап. Сбор информации об опыте военно-политической работы.

На данном этапе основными источниками получения актуальной информации об организации военно-политической работы в ходе СВО выступают распоряжения по ВПР штабов, донесения пунктов управления ВПР, сводки, отчеты рабочих и лекторских групп, отчеты о выполнении индивидуальных заданий, материалы опросов должностных лиц военно-политических органов по актуальным вопросам организации ВПР, результаты апробации, применения технических средств ВПР, трофейные материалы и др. [19]

Для изучения опыта ВПР привлекаются должностные лица военно-политических органов, а также представители органов военного управления и образовательных организаций, командируемые для выполнения боевых (специальных) задач [16].

Основными вопросами, подлежащими изучению, выступают: функционирование системы управления ВПР, анализ эффективности форм и методов ВПР, особенности эксплуатации технических средств ВПР, вопросы кадровой работы в военно-политических органах.

Главным органом, аккумулирующим весь поток информации и ее накопление, является главное военно-политическое управление ВС РФ.

II этап. Анализ и обобщение опыта военно-политической работы.

На данном этапе анализируется и обобщается вся поступившая информация. В ходе анализа и обобщения информации выделяются вопросы, заслуживающие внимания с точки зрения их важности, актуальности и поучительности, а также проблемные вопросы, требующие более детальной проработки и поиска научно обоснованных направлений их решения. Формируются выводы и рекомендации по совершенствованию военно-политической работы в войсках и военных учебных заведениях, а также модернизации технических средств воспитания [17].

III этап. Внедрение опыта СВО.

Внедрение результатов обобщения опыта военно-политической работы в ходе СВО организуется в интересах развития концептуальных взглядов на теорию и практику ВПР, ее нормативно-правового обеспечения, совершенствования подготовки кадров, разработки новых и модернизации существующих образцов технических средств воспитания и др. [20]

Внедрение боевого опыта в практику осуществляется разработкой и распространением инструкций, методических рекомендаций, сборников и бюллетеней информационно-аналитических материалов, учебных пособий, подготовкой указаний по вопросам организации ВПР, подготовкой предложений по внесению изменений и дополнений в программы учебных дисциплин, уточнением требований к основным образцам технических средств воспитания, а также созданием учебно-методических фильмов и роликов [16; 19].

В рамках внедрения опыта СВО в организацию военно-политической работы военных учебных заведений уточняются планы ВПР, рабочие программы и тематические планы учебных дисциплин, учебно-методические материалы для проведения занятий. Кроме того, проводится демонстрация специально подготовленных фильмов и видеороликов, посвященных проведению СВО, организуются беседы с участниками боевых действий и рассматриваются примеры проявления героизма военнослужащими при выполнении боевых задач [20].

IV этап. Накопление и систематизация опыта военно-политической работы и результатов его внедрения.

На данном этапе организовано накопление массивов информации, отражающих опыт ВПР и результаты его внедрения [19].

Основными документами по обобщению и внедрению опыта ВПР являются:

ежемесячные донесения по результатам обобщения опыта ВПР;

внесрочные донесения о способах действий наших войск и войск противника, имеющих существенное значение для ВС РФ;

наиболее поучительные примеры организации ВПР;

информационно-аналитические материалы по изучению и внедрению опыта ВПР;

военно-теоретические труды;

учебники, учебные пособия, методические пособия и рекомендации;

рекомендации по внедрению боевого опыта;

учебно-методические фильмы (видеоролики).

Особое место среди документов по обобщению и внедрению опыта ВПР в ходе СВО занимает база примеров мужества и отваги российских военнослужащих. Работа с данной базой требует тонкого методического подхода. Анализ пилотного внедрения и интервью с преподавателями показали, что изолированное, шаблонное использование примеров героизма может привести к их «девальвации» в глазах аудитории, а также не учитывает психологическую сложность восприятия тем смерти и подвига. Эффективным является контекстуальный анализ поступков, обсуждение мотивации, принятия решений в экстремальных условиях, а также связь с правовыми и морально-этическими нормами. Критически важным представляется сопровождение таких материалов квалифицированной психолого-педагогической работой для предотвращения эмоционального выгорания и формирования осознанного, а не только эмоционального, патриотизма.

Результаты исследования

Элементы предложенной системы в усеченном виде были апробированы в Новосибирском высшем военном командном училище в период с сентября по декабрь 2025–2026 учебного года. Качественные результаты, полученные в ходе апробации, опрос курсантов и преподавателей показали:

повышение интереса к занятиям по военно-политической работе при использовании реальных фото- и видеоматериалов из зоны СВО;

запрос со стороны курсантов на более глубокий анализ не только успешных, но и проблемных ситуаций, включая ошибки и их причины;

со стороны преподавателей отмечена нехватка структурированных методических материалов и необходимость четкого определения методики внедрения опыта СВО, отрабатываемых при этом документов и решения проблемных вопросов, возникающих у курсантов в ходе обучения [18].

К основным практическим трудностям внедрения можно отнести:

1. Организационно-управленческую бюрократию: длительные сроки согласования изменений в учебные программы; проблемы в работе со сведениями, составляющими государственную тайну.

2. Кадровый дефицит: нехватка преподавателей, имеющих личный опыт участия в СВО и владеющих современными методиками обучения и тренировки личного состава [16].

3. Ресурсные ограничения: недостаточное обеспечение техническими средствами, применяемыми в зоне СВО; отсутствие вооружения, военной техники и технических средств, применяемых противником в зоне СВО.

В качестве приоритетных направлений по дальнейшему совершенствованию системы изучения, обобщения и внедрения опыта ВПР можно определить:

1. Укрепление взаимодействия ГВПУ с центральными органами военного управления, образовательными и научно-исследовательскими организациями в целях обмена информацией об опыте ВПР в ходе выполнения задач СВО.

2. Реализация единых организационных и методических подходов в обеспечении работы системы обобщения и внедрения опыта ВПР [15; 17].

3. Разработка и внедрение программ повышения квалификации для преподавательского состава по методике внедрения боевого опыта, включая психолого-педагогический модуль [16; 19].

4. Практическая реализация обобщенного опыта ВПР в деятельности военно-политических органов при разработке уставных документов, совершенствовании организационно-штатной структуры, уточнении характеристик технических средств воспитания, внесению изменений и дополнений в квалификационные требования к уровню подготовки военных специалистов [20].

5. Создание базы данных, видеоматериалов и методических разработок на основе опыта СВО, доступной для всех военных вузов, с системой рецензирования и обновления [19].

Таким образом, в ходе исследования доказано, что система внедрения опыта специальной военной операции в организацию военно-политической подготовки курсантов является неотъемлемой частью общей системы боевой подготовки ВС РФ и требует целостного, научно обоснованного подхода.

Предложенная четырехэтапная модель (сбор – анализ – внедрение – систематизация) представляет собой практический инструмент для такой работы. Апробация модели выявила ее потенциальную эффективность в повышении вовлеченности курсантов и практической ценности обучения, а также обозначила ключевые барьеры на пути ее полномасштабной реализации,

главными из которых являются кадровые и организационные.

Модернизация методов обучения и воспитания с учетом опыта СВО, сопряженная с преодолением выявленных административных и ресурсных ограничений, является ключевым направлением для повышения эффективности военно-политической подготовки [16]. Дальнейшие исследования целесообразно сосредоточить на разработке конкретных метрик для оценки эффективности внедряемых новшеств, а также на сравнительном анализе национальной системы извлечения уроков с лучшими зарубежными аналогами для адаптации их эффективных практик.

Список источников

1. NATO, Joint Analysis and Lessons Learned Centre. The NATO Lessons learned handbook. Secondedition. 2011. P. 1–8.

2. C. Holmes. Army After Action Review: The Steps & Tips for Success // Part-time-commander.com. URL: https://www.part-time-commander.com/army-after-action-review/ (дата обращения: 17.12.2025).

3. Зибров Г. В. Личностно-профессиональное становление офицеров в военном вузе: учебное пособие. Воронеж: Издательство ВВВАИУ, 2008. С. 10–15.

4. Алёхин И. А. Творческие доминанты в научно-исследовательской деятельности профессора Александра Васильевича Барабанщикова / И. А. Алёхин, А. К. Быков, М. А. Лямзин // Мир образования – образование в мире. 2023. № 2. С. 57–72.

5. Цепин М. О. Развитие военно-педагогической теории и практики в советских Вооруженных Силах: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Цепин Михаил Олегович. М., 2005. С. 24.

6. Рикс Томас Э. Создание корпуса. Нью-Йорк: Скрибнерс. 1997. С. 103–138.

7. Герасимов В. В. Ценность науки в предвидении // Военно-промышленный курьер. 2013. № 8 (476). С. 70–82.

8. Лямзин М. А. Развитие теории и практики военно-педагогической подготовки курсантов (слушателей) вузов: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / Лямзин Михаил Алексеевич. М., 1997. С. 24–48.

9. Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». М., 2024. 10 с.

10. Zhu Y. New National Initiatives of Modernizing Education in China // ECNU Review of Education. 2019. Vol. 2 (3). URL: https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2096531119868069 (дата обращения 27.01.2026).

11. Uzakbayeva S., Zhalgasova Sh., Beisembayeva A., Kosherbayeva G. The patriotism education content at the present stage // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 141. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042815032541 (дата обращения 27.01.2026).

12. Gunslinger Rnd-2022, Simba16, ZIUr, Zemler, А. Белкин, А. Пузанова, Т. Демихова. Специальная военная операция // Знание. Вики. 2022. URL: https://znanierussia.ru/articles/index.php?title=Специальная_военная_операция&oldid=151087 (дата обращения: 27.01.2026).

13. Приказ Министерства обороны Российской Федерации № 95 от 22 февраля 2019 г. «Об организации военно-политической подготовки в Вооружённых Силах Российской Федерации». МО РФ, 2019. С. 3.

14. Асриев А. Ю. Воспитание курсантов в системе военно-политической работы: учебное пособие. Новосибирск: Издательство НВВКУ, 2020. С. 25–28.

15. Рекомендации об организации функционирования системы обобщения опыта боевых действий и передового опыта подготовки в Вооружённых Силах Российской Федерации. 2021. 48 с.

16. Горемыкин В. В. Подготовка офицерских кадров с учётом передового боевого опыта // Красная звезда. 2025. 26 сентября.

17. Дробот И. С. Обобщение боевого опыта: эмпирическая основа развития теории тактики // Вестник Академии военных наук. 2025. № 3 (92). С. 112–119.

18. Шульга И. И. Организация военно-политической подготовки курсантов военного вуза: к постановке проблемы // Modern Scientist. 2025. № 11. С. 317–323.

19. Маркин А. В. Обобщение боевого опыта СВО до декабря 2024 года. 2-я тетрадь. М. : Социально-политическая МЫСЛЬ, 2025. 256 с.

20. В Подмосковье прошла научно-практическая конференция на тему «Актуальные вопросы военно-политической и кадровой работы в вузе, внедрение опыта специальной военной операции в образовательный процесс» // Красная звезда. 2025. 26 сент.

21. Шагалова О. Г. Методы формирования военно-политического сознания курсантов // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота. 2025. № 1 (63). С. 54–61.

References

1. NATO, Joint Analysis and Lessons Learned Centre. The NATO Lessons learned handbook. Secondedition. 2011. P. 1–8.

2. C. Holmes. Army After Action Review: The Steps & Tips for Success // Part-time-commander.com. Available from: https://www.part-time-commander.com/army-after-action-review/ (accessed 17.12.2025).

3. Zibrov G. V. Lichnostno-professional'noe stanovlenie oficerov v voennom vuze: uchebnoe posobie. Voronezh: Izdatel'stvo VVVAIU, 2008. S. 10-15. (In Russ.).

4. Aljohin I. A., Bykov A. K., Ljamzin M. A. Tvorcheskie dominanty v nauchno-issledovatel'skoj dejatel'nosti professora Aleksandra Vasil'evicha Barabanshhikova // Mir obrazovanija - obrazovanie v mire. 2023. № 2. S. 57-72. (In Russ.).

5. Cepin M. O. Razvitie voenno-pedagogicheskoj teorii i praktiki v sovetskih Vooruzhennyh Silah: avtoreferat dis. ... kandidata pedagogicheskih nauk: 13.00.01 / Voen. un-t. Moskva. 2005. S. 24. (In Russ.).

6. Riks Tomas Je. Sozdanie korpusa. N'ju-Jork: Skribners. 1997. S. 103-138.

7. Gerasimov V. V. Cennost' nauki v predvidenii // Voenno-promyshlennyj kur'er. 2013. № 8 (476). S. 70-82. (In Russ.).

8. Ljamzin M. A. Razvitie teorii i praktiki voenno-pedagogicheskoj podgotovki kursantov (slushatelej) VUZov: dissertacija ... doktora pedagogicheskih nauk: 13.00.01. Moskva. 1997. S. 24-48. (In Russ.).

9. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 07.05.2024 g. № 309 «O nacional'nyh celjah razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda». Moskva, 2024. 10 s. (In Russ.).

10. Zhu. Y. New National Initiatives of Modernizing Education in China // ECNU Review of Education. 2019. Vol. 2 (3). Available from: https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2096531119868069 (accessed 27.01.2026).

11. S. Uzakbayeva, Sh. Zhalgasova, A. Beisembayeva, G. Kosherbayeva. The patriotism education content at the present stage // Procedia -- Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 141. Available from: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042815032541 (accessed 27.01.2026).

12. Gunslinger Rnd-2022, Simba16, ZIUr, Zemler, A. Belkin, A. Puzanova, T. Demihova. Special'naja voennaja operacija // Znanie. Viki. 2022. Available from: https://znanierussia.ru/articles/index.php?title=Специальная_военная_операция&oldid=151087 (accessed: 27.01.2026). (In Russ.).

13. Prikaz MO RF № 95 ot 22.02.2019 g. "Ob organizacii voenno-politicheskoj podgotovki v VS RF". MO RF, 2019. S. 3. (In Russ.).

14. Asriev A. Ju., Lopuha A. D., Lopuha T. L. Vospitanie kursantov v sisteme voenno-politicheskoj raboty: uchebnoe posobie. Novosibirsk: Izdatel'stvo NVVKU, 2020. S. 25-28. (In Russ.).

15. Rekomendacii ob organizacii funkcionirovanija sistemy obobshhenija opyta boevyh dejstvij i peredovogo opyta podgotovki v VS RF. VAGSh VS RF. 2021. 48 s. (In Russ.).

16. Goremykin V. V. Podgotovka oficerskih kadrov s uchjotom peredovogo boevogo opyta // Krasnaja zvezda. 2025. 26 sent. (In Russ.).

17. Drobot I. S., Karavaev I. N. Obobshhenie boevogo opyta: jempiricheskaja osnova razvitija teorii taktiki // Vestnik Akademii voennyh nauk. 2025. № 3 (92). S. 112-119. (In Russ.).

18. Shul'ga I. I., Shikunov A. V. Organizacija voenno-politicheskoj podgotovki kursantov voennogo vuza: k postanovke problemy // Modern Scientist. 2025. № 11. S. 317-323. (In Russ.).

19. Markin A. V. Obobshhenie boevogo opyta SVO do dekabrja 2024 goda. 2-ja tetrad'. M.: Social'no-politicheskaja MYSL', 2025. 256 s. (In Russ.).

20. V Podmoskov'e proshla nauchno-prakticheskaja konferencija na temu «Aktual'nye voprosy voenno-politicheskoj i kadrovoj raboty v vuze, vnedrenie opyta special'noj voennoj operacii v

obrazovatel'nyj process» // Krasnaja zvezda. 2025. 26 sent. (In Russ.).

21. Shagalova O. G., Ljapin I. L., Gladkov A. V., Brusnicyn V. I. Metody formirovanija voenno-politicheskogo soznanija kursantov // Izvestija Baltijskoj gosudarstvennoj akademii rybopromyslovogo flota. 2025. № 1 (63). S. 54-61. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 30.08.2026;
одобрена после рецензирования 17.09.2025;
принята к публикации 28.09.2026.

The article was submitted 30.08.2026;
approved after reviewing 17.09.2025;
accepted for publication 28.09.2026.

Научная статья

УДК 378.02

МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ БАЛЛЬНО-РЕЙТИНГОВОЙ СИСТЕМЫ КОНТРОЛЯ И ОЦЕНИВАНИЯ КУРСАНТОВ С ПРИМЕНЕНИЕМ ИС «ОБРАЗОВАНИЕ»

Денис Александрович Шиленин
Академия войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
shileninda@mail.ru, ORCID 0000-0001-9760-4537

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы функционирования балльно-рейтинговой системы в военной академии Росгвардии; особенности методического обеспечения осуществления балльно-рейтинговой системы контроля и оценивания как одного из способов повышения качества подготовки будущих офицеров. На основе опыта применения балльно-рейтинговой системы в предыдущие учебные периоды предлагается усовершенствованная версия ее осуществления с применением информационной образовательной среды (ИС «Образование»). По итогам проведенного исследования были получены результаты, которые раскрывают, что контролю и оцениванию должна подвергаться не только компетентностная готовность выпускника, но и его мотивационная и саморегуляционная готовность к своей будущей деятельности.

Ключевые слова: балльно-рейтинговая система, методическое обеспечение, военная академия, курсанты, ИС «Образование», войска национальной гвардии

Для цитирования: Шиленин Д.А. Методическое обеспечение осуществления балльно-рейтинговой системы контроля и оценивания курсантов с применением ИС «Образование» // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 373–380. URL: http://vestnik- academrg.ru/2026/09/040.pdf.

Original article

METHODOLOGICAL SUPPORT FOR THE IMPLEMENTATION OF A SCORING-RATING SYSTEM FOR MONITORING AND ASSESSING CADETS IN USING IS «EDUCATION»

Denis A. Shilenin
Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
shileninda@mail.ru, ORCID 0000-0001-9760-4537

Abstract. The article examines the issues related to the functioning of the point-rating system at the military academy of the National Guard; the specifics of the methodological support for implementing the point-rating system of control and assessment as one of the ways to improve the quality of training future officers. Based on the experience of using the point-rating system in previous academic periods, an improved version of its implementation is proposed using the educational information system (IS "Education"). The results of the study demonstrate that not only graduates' competency readiness, but also their motivational and self-regulatory readiness for their future careers should be monitored and assessed.

Keywords: point-rating system, methodological support, military academy, cadets, IS "Education", National Guard troops

For citation: Shilenin D.A. Methodological support for the implementation of a scoring-rating system for monitoring and assessing cadets in using IS «Education». Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36):373–380. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/040.pdf.

© Шиленин Д.А., 2026

Введение

Современное развитие военно-профессионального образования войск национальной гвардии, с учетом опыта специальной военной операции, напрямую связано с внедрением инновационных образовательных технологий, которые необходимы для повышения уровня подготовки курсантов, которые направлены на рост компетентностной готовности, а также повышали их мотивационную и саморегуляционную готовность [15]. Одной из части инновационных технологий, которые используются в военной академии, является

система контроля и оценки качества образования, основанная на принципах ранжирования по определенным индикаторам [1].

Балльно-рейтинговая система контроля и оценки курсантов рассматривается как одно из организационно-методических условий реализации основных профессиональных образовательных программ с позиций компетентностного подхода, а также с появлением нового вида профессиональной компетенции (ПК-1) «Способен совершенствовать личную военно-профессиональную подготовку» приводит к тому, что помимо компетнетоностной готовности выпускника необходимо определять и воспитывать мотивационную и саморегуляционную готовность к своей будущей деятельности.

В целях повышения эффективности информационной и аналитической поддержки образовательной деятельности, унифицирования данных, уменьшения объема бумажного документооборота руководством Росгвардии было принято решение реализовать проект цифровой трансформации, который предусматривает создание информационной системы автоматизации процессов образовательной деятельности образовательных организаций (ИС «Образование») Росгвардии. ИС «Образование» создана в рамках государственного исполнению государственного заказа от 23.09.2024 года между федеральным государственным казенным учреждением «Главный центр информационных технологий войск национальной гвардии» и общества с ограниченной ответственностью «МТ-Групп». Введена в эксплуатацию приказом Директора федеральной службы войск национальной гвардии от 27.10.2025 года № 385 «О вводе в эксплуатацию информационно системы автоматизации процессов образовательной деятельности ведомственных образовательных организаций». В данном исследовании будет рассмотрен вопрос методического обеспечение осуществления балльно-рейтинговой системы контроля и оценивания курсантов в военной академии войск национальной гвардии с применением ИС «Образование»

Основные положения

Предлагаемое в исследовании методическое обеспечение является усовершенствованной версией «Балльно-рейтиноговой системы» (БРС), предложенной для внедрения в образовательную деятельность начальником Военной академии в предыдущие учебные периоды.

Методическое обеспечение осуществления балльно-рейтинговой системы контроля и оценивания предполагает двухуровневую подготовку.

1 уровень – это подготовка профессорско-преподавательского состава, которая заключается в проведении с ними занятий по функционированию балльно-рейтинговой системы. Занятия могут проводиться как в системе командирской (специальной, методической) подготовке, так и выноситься на еженедельные методические совещания, которые организует заместитель начальника военной академии по учебной работе (учебно-методический центр военной академии).

2 уровень – это подготовка и практическое осуществление балльно-рейтинговой системы контроля и оценивания в процессе образовательной деятельности, иными словами взаимоотношение профессорско-преподавательского состава и обучающихся (курсантов, слушателей) военной академии. Рассмотрим данный уровень более подробно.

Контроль и оценивание образовательной деятельности является основополагающей при определении компентностной подготовки курсантов, которые должны переходить с оценки освоения учебных дисциплин к определению уровня сформированности компентностной готовности [16].

Следовательно, принятые в военной академии средства контроля уровня готовности учебных достижений курсантов должны отражать результаты освоения ими образовательной программы, которые приобретались обучающимися в течение всего периода обучения [17].

Исходя из современных реалий и опыта специальной военной операции, в академии необходимо готовить офицера-практика, поэтому 70 % учебной работы всех дисциплин должна быть направлена на практическую деятельность выпускника и только 30 % на теоретические занятия (внеаудиторную деятельность).

С целью нивелирования разницы в объеме учебных дисциплин, в БРС применен метод шкалирования с использованием метрических данных, которые обеспечивают их единую единицу измерения [21, 22]. Это позволяет присвоить каждой учебной дисциплине 100 баллов (100% освоения) в независимости от объема, отводимого на ее изучения времени или видов учебных занятий, текущего контроля и промежуточной аттестации (таблица 1). Рейтинг обучающегося отражает степень освоения им основных профессиональных образовательных программ и складывается из балльных рейтингов по учебным дисциплинам. Распределение баллов складывается следующим образом: 50 баллов это достижение

минимальной оценки «удовлетворительно» – уровень готовности критический («низкий»); плюс 17 баллов получаем 67 баллов это достижение минимальной оценки «хорошо» – уровень готовности базовый «средний»; плюс 17 баллов получаем 84 балла это достижение минимальной оценки «отлично» – уровень готовности продвинутый «высокий». Расчет баллов сделан так, что, если курсант до промежуточной аттестации набирает 51 балл и на зачете (экзамене) получает максимально 33 балла, общая оценка составляет 84 балла, оценка «отлично», уровень готовности продвинутый «высокий». Таким образом, выставляя оценку за дисциплину, мы определяем уровень готовности курсанта.

Таблица 1 – Перевод балльно-рейтинговой оценки за изучение дисциплины в классическую «пятибалльную» шкалу и определения уровня готовности

Table 1 – The transfer of the point-rating assessment for the study of the discipline to the classical «five-point» scale and the determination of the level of competence

Общая сумма баллов	Оценка за дисциплину	Уровень готовности
84–100	Отлично	Продвинутый (высокий)
67–83,9	Хорошо	Базовый (средний)
50–66,9	Удовлетворительно	Критический (низкий)
0–49,9	Неудовлетворительно	неудовлетворительный

При распределении баллов при изучении дисциплины 70 баллов (практическая часть, где 48 баллов отводится к текущему контролю и 22 балла отводится на промежуточном контроле отводится на практику и 30 баллов (23 балла – теория и 7 баллов – внеаудиторная деятельность) на теорию (таблица 2). На текущий контроль отводится 67 баллов (достижение уровня готовности – базовый) и 33 балла (достижение уровня готовности – продвинутый). На промежуточной аттестации 22 балла отводится на практическую часть (составляет 67 %) и 11 баллов на теоретическую часть (составляет 33 %). При распределении баллов максимальный акцент делается на практическую направленность подготовки.

Таблица 2 – Распределение количества баллов на практическую и теоретическую части и по видам контролей

Table 2 – Distribution of the number of points into practical and theoretical parts and by types of controls

Виды занятий (контроля)	Теоретические занятия (теоретическая часть)	Практические занятия (практическая часть)	Внеаудиторная деятельность (творческая часть)	ИТОГО в %
Текущий (рубежный, тематический) контроль (67 %)	12	48	7	67
Промежуточный контроль (33 %)	11	22	-	33
ИТОГО	23	70	7	100

Немаловажным аспектом методического обеспечения остается максимальное устранение «удовлетворительных» оценок («3») и переход на «трехбалльную систему»

(«2», «4», «5») при выставлении итоговых оценок. Это объясняется тем, что курсант, получивший «3» в диплом, порой теряет дальнейшую мотивацию к получению более высоких оценок [18, 19]. Поэтому, если курсант плохо подготовился, целесообразно поставить ему «неуд», чтобы в дальнейшем он подготовился и исправил оценку на «4» или «5» [10, 11, 13] .

Федеральным государственным образовательным стандартом (ФГОС) установлены требования к неограниченному доступу обучающихся к электронной информационной образовательной среде (ИС «Образование») образовательной организации [14]. Логично включение в состав ИС «Образование» электронной компоненты БРС, позволяющую профессорско-преподавательскому составу вносить сведения по присваиваемым курсантам баллам по итогам проведенных учебных занятий, а курсантам просматривать свой текущий рейтинг.

В ИС «Образование» рейтинг курсанта можно посмотреть во вкладке «Портфолио». В портфолио добавляются достижения курсанта, которые и определяют рейтинг курсанта. Достижения могут как повышать рейтинг курсанта, так и понижать его. Учебная деятельность, как один из вида достижений, обучающегося добавляются автоматически. Это текущая успеваемость, промежуточная аттестация, государственная итоговая аттестация, данная функция настраивается в кабинете Администратора. В разделе «Отчеты» можно сгенерировать отчет модуля «Рейтинг обучающихся», в который выстраивается рейтинг по портфолио. «Учет успеваемости в рейтинге» – позволяет настроить автоматическое добавление достижений по текущей успеваемости, промежуточной аттестации, государственной итоговой аттестации, интервала подсчета среднего балла в портфолио обучающихся. Для этого необходимо создать в справочнике «Достижения: виды» (под учетной записью сотрудника, который имеет право редактировать справочники) соответствующие виды достижений и выбрать их в данном разделе.

Балльные коэффициенты учебных занятий, текущего контроля, промежуточной аттестации, мероприятий внеаудиторной деятельности распределены с учетом их практической значимости в формировании у обучающихся:

– компетентностной готовности;
– мотивационной готовности;
– саморягуляционной готовности.

Общая готовность максимально оценивается 100% соответствует коэффициенту «1». Компетентностная готовность 70 % коэффициент «0,7» мотивационная и саморегуляционная готовность 30 % коэффициент «0,3» (таблица 3). Далее, ссылаясь на таблицу 1, определяем общую готовность за дисциплину: критический (низкий), базовый (средний), продвинутый (высокий) [22].

Таблица 3 – Определение коэффициента готовности

Table 3 – Determination of the availability factor

	Критерии готовности		
Виды занятий	Компетентностная готовность (КГ)	Мотивационная готовность (МГ) + Саморегуляционная готовность (СРГ)	Коэффициент
Теоретические занятия	0,7	0,3	1
Практические занятия	0,7	0,3	1
КГ(0,7)+МГ, СРГ(0,3)=1			

Для успешного формирования компетентностной готовности необходимо, чтобы были развиты ее структурные элементы: профессиональные знания, которые составляют основу для профессиональных умений и навыков [6, 9, 20]. Знания, навыки, умения и компетентность находятся в диалектической взаимосвязи и в зависимости от уровня сформированности компетентности возможно определить степень готовности курсанта: высокая, средняя, низкая [4, 5].

Современная система военно-профессионального образования подготовки курсантов должна формировать це-

лостный (проектный) военно-профессиональный опыт, с учетом опыта проведения специальной военной операции для решения служебно-боевых задач по предназначению в различных условиях обстановки [23]. Процесс формирования компетентностной готовности включает два этапа. Первый этап направлен на создание условий для овладения курсантом той специальности, которая будет посвящена его дальнейшая профессиональная деятельность. Основную роль здесь выполняет преподаватель (командир), который формирует необходимую мотивацию курсантов и подготовка учебно-методических материалов (учебно-тренировочных карт, компьютерные стимуляторы, ситуационные задачи, случаи, вопросы). Система учебно-методических материалов будет охватывать все стороны будущей профессиональной деятельности курсантов. Второй этап направлен на постоянное творческое подкрепление первого этапа, то есть создание мотивационного компонента совершенствования достигнутых результатов, побуждение интереса. Компетентностная готовность устанавливает связь между объемом знаний, который имеет курсант, и практическими навыками при решении функциональных (специальных) задач [18]. Вершина формирования компетентностной готовности является развитие у курсанта постоянного стремления к самореализации и самосовершенствованию, что и требует ПК-1 «Способен совершенствовать личную военно-профессиональную подготовку». После достижения личной компетентностной готовности необходимо формировать коллективное воинское мастерство, которое переходит от индивидуальной подготовке к слаженной работе отделения, взвода, подразделения в целом. Этот процесс включает в себя организация слаживания подразделения, последующих тренировок и развития мастерства совместных действий.

Саморегуляционная готовность представляет собой способность курсанта устанавливать степень совпадения между образцом и контролируемой составляющей, то есть самоконтроль, а также внесение изменений, восстанавливающих отклоняющуюся регулируемую величину [3, 12]. Данная готовность необходима курсанту в первую очередь для упорядочивания своих действий и состояния, использования определенного круга навыков (привычек), помогающих на уровне автоматизма совершать определенные действия, стремиться к обязательному достижению желаемого результата, причем к фиксируемому по времени [7]. Проконтролировать и оценить саморегуляционную готовность можно с помощью определенных действий курсантов: осмысленности и четкого планирования каждого действия, уверенности в действиях, отсутствия подавленности при неудачах (корректировки своих действий), стрессоустойчивость.

Основу саморегуляционной готовности составляет самоорганизованность. В процессе образовательной деятельности курсант при определении своего уровня организованности должен определять несколько характеристик:

1. Динамическая (определяет направленность, силу, устойчивость устремлений, другими словами энергодающая составляющая);

2. Отражательная:

2.1. Волевая – самомобилизация;

2.2. Осознательная – самоконтроль.

3. Результативная (определяет уровень достигнутых результатов).

Для проверки саморегуляционной готовности должна создаваться система представлений о своих знаниях, умений и навыков и возможностях их реализовать. Курсант должен уметь создавать модель собственной деятельности, выделять основные составляющие своих действий, опираясь на свои знания, полученный опыт и, самое главное, уметь оценивать промежуточные и конечные результаты своей деятельности. При этом необходимо, чтобы критерии оценки собственных результатов не отличались от созданного общепринятого образца-модели [8]. В том числе для оценки саморегуляционной готовности является умение корректировать свои действия, другими словами возможность изменять свои действия, так, чтобы результат соответствовал принятой модели-образцу. При овладении воинской специальностью необходимо постоянно использование вооружения и военной техники [15] Это обуславливает при определении саморегуляции правила обращения с предметами своей деятельности (бережное отношение к оружию, своевременное его обслуживание), то есть предметная саморегуляция обучающегося напрямую связана с его личной саморегуляционной готовностью.

Мотивационная готовность представляет совокупность внешних и внутренних мотивов, которые направлены на приобретение курсантами определенных знаний, умений, навыков [2]. Также мотивационная го-

товность должна быть направлена на осознание курсантами задач специальной военной операции, то и есть полное достижение и выполнение планов руководства государства. Процесс формирования мотивационной готовности включает два этапа. Первый этап направлен на создание условий стимулирования курсантом его будущих действий, которые будут направлены на его материальные потребности. Основную роль здесь выполняет преподаватель, которые формируют необходимую мотивацию курсантов путем доведения до них норм всех видов обеспечения и социальных гарантий. Второй этап направлен на постоянное подкрепление первого этапа, то есть создание мотивационного компонента совершенствования достигнутых результатов, побуждение интереса. Постоянное и творческое подкрепление взаимосвязанных задач организационными, воспитательными и учебно-боевыми мероприятиями обеспечивает необходимую, постоянную и устойчивую мотивацию курсантов к повышению профессиональной компетентности [20]. Мотивационная готовность носит личностный характер и не является групповым.

Заключение

В настоящее время в военной академии идет активное внедрение ИС «Образование», которая затрагивает не только систему контроля и оценивания как одного из элементов балльно-рейтинговой системы в целом. Другими словами, методическое обеспечение осуществления балльно-рейтинговой системы контроля и оценивания курсантов в военной академии является один из элементов БРС ИС «Образования». Фактически, определяя границы исследования, данное методическое обеспечение затрагивает только учебную деятельность курсанта в общей балльно-рейтинговой системе. В другие элементы балльно-рейтинговой системы входит учет спортивных достижений, научной деятельности, дисциплинарная практика, культурно-массовая работа, поощрения, общественные формирования, «Курсантская волна».

Использование методического обеспечения осуществления балльно-рейтинговой системы контроля и оценивания курсантов с применением ИС «Образование» может способствовать определению уровня компетентностной, мотивационной и саморегуляционной готовности, и в целом позволяет создавать условия для повышения качества подготовки офицеров в современных реалиях.

Список источников

1. Айтуганова Ж. И. Балльно-рейтинговая система оценки знаний как средство повышения качества образования в вузе / // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2015. № 3 (19). С. 74–79.

2. Асеев В. Г. Мотивационная регуляция поведения личности: автореф. дис. … д-ра психол. наук: 19.00.01 / Асеев Владимир Георгиевич. М., 1995. 45 с.

3. Военная педагогика: учебник для вузов. М. : Изда-во «Юрайт», 2023. 414 с. 20.

4. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб. : Питер, 2002. 508 с.

5. Ильин Е. П. Психология индивидуальных различий. Мастера психологии. СПб. : Питер, 2011. 701 с

6. Корякина А. В. Балльно-рейтинговая система как средство оценки сформированности компетенций // Концепт. 2017. № 25. С. 216–219.

7. Курилов А. В. Инновационные технологии в системе подготовки курсантов военных институтов войск национальной гвардии к охране объектов / А. В. Курилов, Д. А. Шиленин // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2021. № 4 (194). С. 247–251.

8. Ларина Т. В. Интегративный педагогический контроль как компонент образовательного процесса военного вуза // Перспективы науки. 2012. № 5(32). С. 281–284.

9. Пахомов В. И. Аспекты внедрения балльно-рейтинговой системы оценки результатов модульного обучения специалистов // Вестник Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулева. 2016. № 2(6). С. 183–189.

10. Подласый И. П. Педагогика: учебник. М. : Высшее образование, 2006. 540 с.

11. Педагогика: учебное пособие педагогических институтов / Ю. К. Бабанский, Т. А. Ильина, Н. А. Сорокин [и др.]; под ред. Ю. К. Бабанского. М. : Просвещение, 1983. 608 с.

12. Психология и педагогика: учебное пособие / сост. и отв. ред. А. А. Радугин; Е. А. Кротков. М. : ЦЕНТР, 1996. 336 с.

13. Сластенин В. А. Педагогика: учебник / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов; под ред. В. А. Сластенина. 8-е изд., стер. М. : Академия, 2008. 566 с.

14. Усынина Т. П. Балльно-рейтинговая система как метод оценки качества образования в вузе // Система менеджмента качества: опыт и перспективы. 2017. № 6. С. 240–243.

15. Утюганов А. А. Система ценностно-смысловых ориентаций курсантов вузов национальной гвардии: феноменология и психолого-педагогические детерминанты формирования: автореф. дис. … д-ра психол. наук: 19.00.07 / Утюганов Алексей Анатольевич. Кемерово, 2019. 50 с.

16. Черемных А. В. Генезис процедур оценивания образовательной деятельности в России / А. В. Черемных, О. М. Железнякова // Символ науки. 2016. № 1. С. 211–217.

17. Шадриков В. Д. Педагогическое оценивание: учебное пособие / В. Д. Шадриков, И. А. Шадрикова. М. : Университетская книга, РИД РосНОУ, 2018. 156 с.

18. Шамова Т. И. Воспитательная система школы: сущность, содержание, управление / Т. И. Шамова, Г. Н. Шибанова М. : ЦГЛ, 2003. 200 с.

19. Шарухин А. П. Методологическое значение понятия «воспитание военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации» для организации воспитательного процесса в подразделениях Росгвардии // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2023. № 2 (23). С. 120–127.

20. Шарухин А. П. Профессионально-этическая подготовка военно-политических работников в образовательном процессе военного института Росгвардии: монография / А. П. Шарухин, Т. Г. Шарухина. СПб. : СПВИ войск национальной гвардии, 2023. 105 с.

21. Шиленин Д. А. Педагогическая диагностика специальной подготовки курсантов военных институтов войск национальной гвардии // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2022. № 1(203). С. 486–490.

22. Шиленин Д. А. Проектирование и использование оценочных средств при реализации основных образовательных программ в ходе текущего контроля успеваемости // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2021. № 4(17). С. 63–65.

23. Шиленин, Д. А. Педагогическое проектирование как элемент развития инновационной деятельности в военных институтах / Д. А. Шиленин // Направления и перспективы развития образования в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации: сборник научных статей XIII Межвузовской научно-практической конференции с международным участием, Новосибирск, 17 ноября 2021 года / под общ. ред. В.В. Косухина. Новосибирск: НВИ войск национальной гвардии, 2021. С. 264–268.

References

1. Aituganova Zh. I. The point-rating system of knowledge assessment as a means of improving the quality of education at the university. Vocational education in Russia and abroad. 2015;3(19): 74–79. (In Russ).

2. Aseev V. G. Motivacionnaya regulyaciya povedeniya lichnosti: avtoref. dis. … d-ra psihol.nauk: 19.00.01 / Aseev Vladimir Georgievich. M., 1995. 45 s. (In Russ.).

3. Voennaya pedagogika: uchebnik dlya vuzov / I. A. Alekhin. M. : Izdatel'stvo YUrajt, 2023. 414 s. (In Russ.).

4. Il'in E. P. Motivaciya i motivy. SPb. : Piter, 2002. 508 s. (In Russ.).

5. Il'in E. P. Psihologiya individual'nyh razlichij. Mastera psihologii. SPb. : Piter, 2011. 701 s. (In Russ.).

6. Koryakina A. V. Point-rating system as a means of assessing the formation of competencies. Scientific and methodological electronic journal Concept. 2017; 25: 216–219. (In Russ).

7. Kurilov A. V., Shilenin D. A. Innovative technologies in the system of training cadets of military institutes of the National Guard troops for the protection of objects. Sciences notes of the P.F. Lesgaft University. 2021;4(194): 247–251. (In Russ).

8. Larina T. V. Integrative pedagogical control as a component of the educational process of a military university. Prospects of science. 2012;5(32): 281–284. (In Russ).

9. Pakhomov V. I., Larin I. A Aspects of the introduction of a point-rating system for evaluating the results of modular training of specialists. Bulletin of the Military Academy of Logistics named after General of the Army A. V. Khrulev. 2016;2(6): 183–189. (In Russ).

10. Podlasyj I. P. Pedagogika: uchebnik. M. : Vysshee obrazovanie, 2006. 540 s. (In Russ.).

11. Pedagogika: uchebnoe posobie pedagogicheskih institutov / YU. K. Babanskij, T. A. Il'ina, N. A. Sorokin [i dr.]; pod red. YU. K. Babanskogo. M. : Prosveshchenie, 1983. 608 s. (In Russ.).

12. Psihologiya i pedagogika: uchebnoe posobie / sost. i otv. red. A. A. Radugin; E. A. Krotkov. M. : CENTR, 1996. 336 s. (In Russ.).

13. Slastenin V. A. Pedagogika: uchebnik / V. A. Slastenin, I. F. Isaev, E. N. SHiyanov ; pod red. V. A. Slastenina. 8-e izd., ster. M. : Akademiya, 2008. 566 s. (In Russ.).

14. Usynina T. P., Stepanova N. V. The point-rating system as a method of assessing the quality of education at a university. Quality management system: experience and prospects. 2017; 6: 240–243. (In Russ).

15. Utyuganov A. A. Sistema cennostno-smyslovyh orientacij kursantov vuzov nacional'nojgvardii: fenomenologiya i psihologo-pedagogicheskie determinanty formirovaniya: avtoref. dis. …d-ra psihol. nauk: 19.00.07 / Utyuganov Aleksej Anatol'evich. Kemerovo, 2019. 50 s. (In Russ.).

16. Cheremnyh A. V. Genesis of Educational Assessment Procedures in Russia / A. V. Cheremnyh, O. M. Zheleznyakova // Simvol nauki. 2016;1: 211–217. (In Russ.).

17. Shadrikov V. D. Pedagogicheskoe ocenivanie: uchebnoe posobie / V. D. Shadrikov, I. A. Shadrikova. M. : Universitetskaya kniga, RID RosNOU, 2018. 156 s. (In Russ.).

18. Shamova T. I. Vospitatel'naya sistema shkoly: sushchnost', soderzhanie, upravlenie / T. I. SHamova, G. N. SHibanova M. : CGL, 2003. 200 s. (In Russ.).

19. SHaruhin A. P. The methodological significance of the concept of "education of military personnel and employees of the National Guard of the Russian Federation" for the organization of the educational process in the units of the Russian Guard // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2023;2 (23): 120–127. (In Russ.).

20. Sharuhin A. P. Professional'no-eticheskaya podgotovka voenno-politicheskih rabotnikov v obrazovatel'nom processe voennogo instituta Rosgvardii: monografiya / A. P. Sharuhin, T. G. Sharuhina. SPb. : SPVI vojsk nacional'noj gvardii, 2023. 105 s. (In Russ.).

21. Shilenin D. A. Pedagogical diagnostics of special training of cadets of military institutes of the National Guard troops. Sciences notes of the P.F. Lesgaft University. 2022;1(203): 486–490. (In Russ).

22. Shilenin D. A. Design and use of evaluation tools in the implementation of basic educational programs during the current control of academic performance. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2021;4(17): 63–65. (In Russ).

23. Shilenin D. A. Pedagogical design as an element of innovation development in military institutes. Directions and prospects of education development in military institutes of the National Guard troops of the Russian Federation : Collection of scientific articles of the XIII Interuniversity scientific and practical conference with international participation, Novosibirsk, November 17, 2021; Under the general editorship of V.V. Kosukhin. Novosibirsk: Novosibirsk Military Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation, 2021. p. 264-268. (In Russ).

Статья поступила в редакцию 17.04.2026;
одобрена после рецензирования 20.08.2026;
принята к публикации 28.09.2026.

The article was submitted 17.04.2026;
approved after reviewing 20.08.2026;
accepted for publication 28.09.2026.

Научная статья

УДК 930.24

ТРАДИЦИИ И РИТУАЛЫ РОССИЙСКОЙ (СОВЕТСКОЙ) АРМИИ

Данил Владимирович Ставицкий
Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
stavitskiydv@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассмотрены традиции и ритуалы, играющие важную роль в формировании идентичности и сплоченности Российской армии. Советская армия, как преемница богатой истории российского военного дела, вобрала в себя множество традиций, которые стали основой её внутренней культуры и организации. Эти традиции не только определяли облик армии, но и оказывали значительное влияние на её боеспособность и моральный дух.

Ключевые слова: историческое наследие, моральный дух, патриотическое воспитание, военная культура

Для цитирования: Ставицкий Д.В. Традиции и ритуалы российской (советской) армии // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 381–388. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/041.pdf.

Original article

TRADITIONS AND RITUALS OF THE RUSSIAN (SOVIET) ARMY

Danil V. Stavitsky
Academy of the National Guard, Saint-Petersburg, Russia
stavitskiydv@mail.ru

Abstract. This article examines the traditions and rituals that play an important role in shaping the identity and cohesion of the Russian army. The Soviet army, as the successor to the rich history of Russian military affairs, has absorbed many traditions that have become the basis of its internal culture and organization. These traditions not only determined the appearance of the army, but also had a significant impact on its combat capability and morale.

Keywords: historical heritage, morale, patriotic education, military culture

For citation: Stavitsky D.V. Traditions and rituals of the Russian (Soviet) army. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36): 381–388. (In Russ.). Available from: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/041.pdf.

© Ставицкий Д.В., 2026

Введение

Становление Вооруженных сил Советского Союза неразрывно связано с горнилом Гражданской войны, когда в 1918 году закладывался идейный и организационный фундамент Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Проведённый нами анализ позволяет утверждать, что именно в этот переломный период были сформированы элементы воинской этики и внутриуставных отношений [1, 2, 6, 17]. Опираясь на принципы боевого товарищества и классового коллективизма, командование выстраивало новую модель взаимодействия, которая, по сути, творчески перерабатывала многовековой опыт отечественных вооруженных формирований [6]. Воинские ритуалы и негласные кодексы чести, стихийно формировавшиеся на фронте, стали тем нравственным стержнем, без которого не-

возможна была бы последующая централизация и дисциплинированность миллионов призывников [11].

Вместе с тем, ряд установок, нашедших отражение в Боевом уставе 1939 года, содержали небольшие неточности в работе. Как показал исторический анализ, советское военное руководство существенно переоценило наступательный потенциал соединений, одновременно принижая качественные и количественные показатели и возможности [1]. К тому моменту гитлеровская Германия уже фактически мобилизовала промышленный и человеческий капитал покоренной Европы, о чем красноречиво свидетельствуют послевоенные мемуары самих немецких военачальников [4]. Мы полагаем, что подобная несовместимость в оценках Вооруженных сил во многом предопределила трагические события первых месяцев Великой Отечественной войны. Стратегические просчеты, детально разобранные в обобщающих трудах того периода, стали прямым следствием необоснованного восприятия расклада сил [5, 8].

По нашим наблюдениям, эволюция организационно-штатной структуры и воспитательной работы протекала под постоянным давлением нарастающей внешнеполитической угрозы. Духовный фактор, пронизывавший всю армейскую среду, в конечном итоге компенсировал изъяны предвоенного планирования [5]. Нравственные возможности, укорененные в массовом сознании бойцов через специфическую связь военной истории и повседневной практики, позволили войскам не только устоять перед лицом катастрофических поражений 1941 года, но и перейти к контрнаступлению [13]. Личные воспоминания Георгия Константиновича Жукова как раз раскрывают скрытую силу народного единства. В критические моменты оно, опираясь на традиции, сохранившиеся со времён Гражданской войны, превосходило техническое превосходство Германской армии. [3].

Основные положения

Говоря о сбалансированном развитии и армейских традиций, невозможно ограничиться рамками отдельного столетия или конкретного государственного устройства. Русский воинский быт складывался на протяжении многих веков, впитывая в себя опыт обороны рубежей, завоевания новых пространств и столкновения с разнообразными противниками начиная от степных кочевников до регулярных европейских армий [10]. Полагая, что именно протяженность и непрерывность этой истории обеспечили традициям ту глубину, которая позволяла им выжить.

Дружинная культура Древней Руси заложила первооснову отношений между воином и предводителем. Верность князю, круговая порука в бою, презрение к бегству – эти установки нашли закрепления в летописях, несли в себе зародыши будущих представлений о воинской чести [20]. Проведённый анализ показывает, что даже в эпоху феодальной раздробленности, когда единая военная организация отсутствовала, базовые нравственные ориентиры оставались удивительно устойчивыми. Ратник, шедший под стяг, ощущал себя частью не только боевого порядка, но и составляющей сообщества, связанного клятвой и общей судьбой [16].

Переломным моментом стало создание Петром I регулярной армии. Введенные им ритуалы как присяга, полковые знамена, единообразие обмундирования. Все это превратило военные формирования из временного ополчения в постоянно действующую армию [12]. Армия обретала собственную культуру, свой язык, свою внутреннюю иерархию ценностей [12]. Полк переставал быть лишь тактической единицей, становясь для солдата вторым домом, «малой родиной», с которой он видел себя вплоть до смерти. Школа Суворова, основанная на строгой заботе о подчинённых, доверии к их разуму и инициативе, установила стандарты отношения командиров к солдатам, и, как мы увидим дальше, это отношение проявляет настоящую жизненную работу. [6]. Возвращаясь к представлению о командире как об авторитете, укоренённое в суворовской традиции «беречь солдата», оставалось негласным мерилом его состоятельности вопреки всем изменениям [6]. Роль наставника коренилась в многовековой практике, где старший воин нёс моральную ответственность за младшего [14]. По нашим наблюдениям, именно личная авторитетность командира выходила на первый план в критические моменты, когда рушились руководящие структуры управления [5].

Преемственность объясняет способность армии сохранять боеспособность в глубочайших кризисах как от Смуты до 1941 года. Связующие нити проходили не через государственные институты, а через культурную память, воспроизводившуюся в ритуалах и жестах [10]. Этот невидимый

факт удерживал армию как живой организм [6, 7, 11].

В XIX веке, пройдя через горнило Наполеоновских войн и Кавказской кампании, русская армия выработала сложный кодекс офицерской этики. Честь мундира, понятие «товарищества по оружию», неписаные правила поведения в бою. Передаваясь от поколения к поколению не столько через уставы, сколько через устную традицию, через личный пример старших офицеров [6]. Литература указывает, что ценности оказывают значительное и эффективное влияние на формирование руководящих принципов. Молодой офицер, попадая в полк, усваивал правила поведения не из параграфов, а наблюдая за тем, как ведут себя его командиры под огнем, как делят последний сухарь, как хоронят павших [11]. Существенным является именно тот факт, что традиция жила не на бумаге, а в повседневной практике, в жестах, в интонациях, в молчании перед атакой.

Революция 1917 года нанесла, казалось бы, сокрушительный удар по всей системе Российской империи и развитии военных институтов. Декреты новой власти упразднили чины, ордена, знаки отличия; погоны срывались с плеч, полковые знамена прятались или уничтожались. Формально русская армия перестала существовать [20]. Однако, разрыв оказался значительно менее малым, чем это следовало из революционной риторики. Создаваемая с нуля, Рабоче-Крестьянская Красная Армия вынуждена была привлекать «военспецов» – так их называли – бывших царских офицеров. Без профессионального опыта обученного белого офицера организация массовой армии была бы попросту невозможна [1]. Эти люди, сознательно или нет, привносили в новую структуру привычки, методы и ценностные установки, усвоенные в Российской империи ее армии.

Таким образом, Гражданская война стала для Рабоче-Крестьянской Красной Армии не только школой боевого опыта, но и временем тяжелого становления. Новая армия рождалась в противоречии между классовым идеалом и фронтовой обстановкой, между идеологической доктриной и стихийной солдатской моралью. Традиции, заложенные в те годы и классовая солидарность, и недоверие к «старорежимным» порядкам, и привычка решать вопросы не по уставу. Вот эти обстоятельства во многом определили облик армии и на последующих этапах её истории.

Изменения происходили не путем прямого заимствования, а через сложную систему переориентации. То, что в старой армии именовалось «честью офицера», в новой получало название «революционной сознательности»; «верность присяге» переплавлялась в «преданность делу трудящихся»; полковая сплоченность облекалась в форму «классовой солидарности» [13]. За идеологической риторикой скрывались те же самые психологические рычаги, которые веками обеспечивали боеспособность русских вооруженных формирований. Человек в шинели, независимо от того, какие лозунги он произносил, нуждался в ощущении принадлежности к группе, в доверии к командиру, в убежденности, что его жертва не напрасна [16].

Ни одна армия мира не обходилась без системы соблюдения традиций, маркирующих переход человека из состояния гражданского в состояние военное. Русская армия выработала один из самых насыщенных символических языков в европейской военной традиции [12]. Традиции посвящения, вручения боевого знамени, торжественной клятвы составляли тот ритуальный каркас, внутри которого только и могло состояться превращение вчерашнего крестьянина или рабочего в солдата как носителя особого статуса, особой морали, особой судьбы. Показателен пример отношения к знаменам. В Русской армии, для которой потеря знамени попадала под величайший позор, равносильный гибели самой части [12]. Советское командование, формально отвергая «царские предрассудки», на деле воспроизвело эту установку с еще большей силой. Боевое знамя части стало священным символом, за который красноармейцы гибли, предпочитая смерть сдаче [11]. Ритуал вручения знамени, торжественность его выноса, клятва стоять за него насмерть – это имело прямые аналоги в дореволюционной России, хотя официальная историография старательно замалчивала преемственность [6]. Важно то, что эта двойственность и открытое отрицание пронизывали всю военную культуру СССР на протяжении десятков лет.

Даже в повседневной жизни армии можно заметить преемственность при внимательном наблюдении. Дисциплина в казарме, дежурства, порядок на службе. Во многом это копия стиля Российской империи, только адаптированная к новым реалиям. [1]. Обучение строевой подготовке, требовавшее от солдата механической точности и коллективной синхронности, вы-

полняло ту же функцию, что и в прежние эпохи. Подчинение индивидуальной воли общему ритму, выработка рефлекса подчинения приказу в условиях стресса [11].

Наиболее глубокий и одновременно наименее очевидный факт преемственности касается нравственных установок. В отличие от ритуалов и уставов, которые могли быть отменены декретом, существовали области, не подвластной административному регулированию. В сознании людей и солдат, в их привычках исполнения обязанностей и в бессознательных повторяющихся действиях. [13].

Центральным понятием стал воинский долг. Независимо от того, какой идеологической оболочкой оно покрывалось – как религиозной, монархической или социалистической. Его ядро оставалось неизменным и осознанным к принятию риска ради защиты общества, к которому воин себя причисляет [16]. Проведённый анализ показывает, что именно эта устойчивость ядра позволяла армии функционировать даже в периоды, когда внешние идеологические рамки радикально менялись. Солдат, шедший в атаку под Бородином, и боец, поднимавшийся из окопа под Сталинградом, движимы были, по всей видимости, одним и тем же глубинным импульсом, хотя язык, которым они описывали свой поступок, был совершенно различным [17].

Принятие военной присяги в русской армии всегда играло особую роль. Даже после реформ Петра I сам факт клятвенного обязательства сохранял характер почти религиозного акта [16]. Солдат, целовавший крест и Евангелие, воспринимал нарушение присяги не просто как преступление, но как грех, влекущий вечное проклятие. Проведённый анализ показывает, что именно эта сакральная оболочка обеспечивала ту невероятную стойкость, с которой русские полки держались в самых безнадёжных ситуациях: отступление без приказа, сдача в плен, оставление знамени расценивались как акты, равносильные духовному самоубийству [11].

Советская власть, демонстрируя разрыв с «поповщиной» и «царизмом», на деле воспроизвела идентичную структуру присяги, лишь заменив её содержательное наполнение. Вручение боевого знамени превратилось в один из центральных ритуалов, по значимости сопоставимый с коронацией в монархической традиции.

Посвящения в Советской армии включали широкую практическую значимость, такое как торжественное вручение личного оружия до приёма в комсомольскую организацию на службе. Каждый из этих ритуалов отмечал определённую ступень в становлении воина, фиксировал его переход в новое качество [6]. Именно многоступенчатость системы посвящений обеспечивала ту постепенность, с которой вчерашний гражданский человек вживался в армейскую среду, усваивал её язык, её жесты, её неписаные правила.

Эффективность воинских ритуалов как инструмента формирования коллективной идентичности во многом определяется той колоссальной психологической нагрузкой, которую они несут. Ритуал понимается как мощное средство эмоционального воздействия, способное в считанные минуты перестроить внутреннее состояние человека, заставить его ощутить себя частью чего-то большего, чем он сам [1, 2, 5, 11]. Когда сотни призывников одновременно произносят слова клятвы, когда знамя части выносят под звуки марша вот в эти моменты происходит то, что социологи называют «коллективным возбуждением»: индивидуальное «я» растворяется в коллективном «мы», и это растворение переживается не как утрата, а как обретение [16].

Таким образом, именно эта способность ритуала изменять чувство сопричастности объясняет его непреходящее значение для армейской жизни. Казарма, плац, строй – всё это пространства, где индивидуальность сознательно подравнивается. В такой ситуации ритуал становится тем единственным инструментом, который позволяет заново обрести идентичность и уже не гражданскую, а воинскую [6, 10]. Принимая присягу, получая оружие, участвуя в развёртывании знамени, солдат как бы говорит самому себе: «Я часть этого целого, я продолжение тех, кто стоял в этом строю до меня».

Особую роль в этой связи играет символика. Знамя, орден, погоны, кокарда как украшения мундира. Это знаки, несущие в себе целый пласт значений. Когда солдат впервые получает знак отличия, в тот момент происходит признание заслуг, признание мужества, признание принадлежности к особому сообществу [5, 7]. И эта связь как раз и есть след внешнего и внутреннего, пережитого. Она существует между символами и значением, благодаря чему военные ритуалы становятся такими эффективными инструментами для формирования идентичности. Без этой связи ритуал выхолащивается, превращается в

пустую формальность. Но когда связь сохраняется, ритуал обретает ту силу, которая позволяет армии удерживаться вместе даже в самых экстремальных ситуациях [13].

Одна из главных функций воинских ритуалов – создание смыслового моста между личным подвигом отдельного человека и коллективным долгом всей армейской общности. В бою, в экстремальной ситуации, человек часто действует не по приказу, не по уставу, а по внутреннему импульсу, продиктованному его личным пониманием чести, долга, справедливости. Этот порыв с точки зрения военной тактики может быть абсолютно правильным. Вбежишь в огонь, чтобы вытащить раненого товарища; останешься прикрывать отступление, зная, что шансов выжить почти нет. [17].

Ритуал же, предшествующий бою или сопровождающий его, задаёт тот темп, в котором подобный личный подвиг обретает значение не просто частного героического жеста, но акта исполнения коллективного долга. Когда солдат, принимая присягу, клянётся «не щадя своей жизни» защищать Родину, он тем самым вписывает свой возможный будущий подвиг в систему побед. Когда он увидел, что его товарищи стоят рядом с ним и говорят те же слова, он понимает, что он не одинок в своем решении. И его геройский поступок, конечно же, это продолжение героизма других, а его жертва – это вклад в общее дело [16].

Немаловажную роль играют ритуалы памяти. Возложение венков к братским могилам, минуты молчания, торжественные построения в дни годовщин. Всё это – способ удержания связи между живыми и мёртвыми, способ включения павших в число действующих членов армейской общности. Когда солдат стоит у могилы товарища, когда он слышит, как командир произносит его имя, когда он видит, как знамя части склоняется перед его прахом. Момент того, как он понимает то обстоятельство, что его товарищ не умер, он продолжает жить в памяти части, в её традициях, в её ритуалах [3, 6, 11, 18]. И это понимание даёт ему силы идти дальше, зная, что и его собственная жертва, если она потребуется, не будет забыта.

Таким образом, ритуал выступает тем механизмом, который позволяет армии помнить свое прошлое и подвиги своих героев. Отдельные солдаты приходят и уходят, но часть остаётся, её знамя продолжает развеваться, её традиции продолжают жить. И каждый новый призывник, принимая присягу, вступая в ряды части, становится продолжением тех, кто стоял в этом строю до него [13].

Боевой устав пехоты 1939 года содержал ряд положений, не соответствовавших реальной обстановке [1]. Центральной идеей стала наступательная маневренная война с глубокими ударами механизированных соединений [2]. Оборона рассматривалась как вынужденная и временная форма. Проведённый анализ показывал, что теоретики, воспитанные на опыте Гражданской войны, не учли, что будущая война с технически развитым противником станет войной на истощение с несопоставимо более высокой плотностью фронтов [8]. Именно эта доктринальная односторонность стала одной из главных причин катастрофы лета 1941 года.

Советское руководство существенно переоценивало наступательный потенциал собственных соединений [1]. Танковые корпуса на бумаге выглядели грозной силой, но реальная укомплектованность и подготовка оставались ниже заявленных характеристик. Одновременно принижалось качественное превосходство Вермахта, представлявшего к 1941 году качественно новую военную машину [4]. Сведения разведки интерпретировались в угоду доктринальным установкам о «малой крови на чужой территории» [3]. Подобная диспропорция в оценках предопределила трагические события первых месяцев войны.

К лету 1941 года под контролем Берлина оказалась большая часть континентальной Европы, чья промышленность и людские ресурсы работали на Вермахт [4]. Советское руководство недооценило масштаб этой мобилизации, полагая, что Германия не сможет сконцентрировать все силы на Восточном направлении [3]. К июню 1941 года против СССР было сосредоточено около 190 дивизий. Это была беспрецедентная концентрация военной силы. Во многих материалах именно недооценка этого фактора стала ключевой причиной стратегических ошибок [8].

Совокупность доктринальных недооценок привела к стратегической неготовности к отражению удара. Планы развёртывания исходили из ошибочного предположения, что советская мобилизация опередит немецкую [1]. Стратегические просчёты стали прямым следствием восприятия расклада сил [8]. Части в приграничной зоне оказались сосредоточены в районах, уязвимых для контрудара [3]. Энциклопедические издания тиражировали упрощённые

схемы маневренной войны, не учитывающие возросшую плотность фронтов [2]. Неспособность оценить качественные изменения в характере войны стала главной причиной катастрофы. Однако эти просчёты не сломили волю к сопротивлению и духовный фактор позволил войскам устоять и тем самым перейти к контрнаступлению [5].

Июнь 1941 года опрокинул предвоенные расчёты. Потери первых недель оказались сокрушительными по своим масштабам. За три недели разгромлено 28 дивизий из 170. Прежние штатные расписания утратили смысл. Дивизии сводились в уменьшенные составы, танковые соединения переформировывались в стрелковые бригады. Анализ показывает, что эволюция армии в 1941–1942 годах, по сути, подчинялась не логике военной науки, а логике выживания. Важно то, что организационная гибкость, сформированная в этот период, позволила Красной Армии СССР удерживать фронт.

Просчёты предвоенного планирования компенсировались духовным фактором, таким как патриотизм и коллективизм. Убеждённостью в справедливом характере войны. Авторская позиция заключается в том, что предвоенные планы рассчитывали на исправную работу механизма, но не учли живой человеческой воли, способной этот механизм заменить. Всеобъемлющая работа на всех уровнях: от солдат всего с тремя патронами до командиров на передовой. Именно эта способность компенсировать нехватку ресурсов силой воли определяет поворотные моменты войны.

Единство народов СССР стало одним из залогов Победы. Национальные формирования действовали наравне с остальными частями. Для русского, украинца, грузина, татарина национальность переставала быть маркером «чужого», уступая место критерию «свой – это тот, кто прикроет спину в бою». И по наблюдениям, именно эта фронтовая солидарность скрепляла подразделения в самые тяжёлые моменты.

Вывод

Современные вызовы, стоящие перед Вооружёнными Силами Российской Федерации и войсками национальной гвардии, требуют непростого воспроизведения советских образцов, а творческого переосмысления исторического наследия. Сокращение срока службы по призыву, смысловое развитие информационной среды, агрессивная конкуренция моделей поведения – и это всё делает невозможным построение эффективного воинского воспитания исключительно на административных методах. По наблюдениям, ключевым элементом здесь выступает личный пример командира (офицера-наставника) и доверительный контакт, а не назидательная риторика. Возвращение к воинской чести, достоинству и личной ответственности, укоренённых в национальных военных традициях, крайне необходимо [14].

Техническое переоснащение армии, при всей его масштабности, не отменяет, а напротив, обостряет проблему морального фундамента. Высокоточное оружие, беспилотные летательные аппараты, цифровые системы управления требуют от военнослужащего не только профессиональных навыков, но и развитого нравственного чувства, способности к нравственной автономии в ситуациях, где границы между добром и злом размыты алгоритмами и дистанционным управлением [9]. Дрон не заменит плеча сослуживца, а система навигации в свою очередь не заменит доверия к командиру. Война остаётся коллективным действием, и её исход по-прежнему зависит от того, насколько люди готовы жертвовать собой друг ради друга. Техника может умножить силу, но только дух придаёт этой силе направление.

Таким образом, этот исторический урок, добытый ценой миллионов жизней в горниле Великой Отечественной войны, сохраняет свою непреходящую значимость. Он наглядно показал самые совершенные технические оснащения армии. Несомненно, это не так важно, как качество человеческих ресурсов, воспитанных с помощью мощного образовательного процесса, который может превратить обычных людей в защитников Родины. Традиции и ритуалы – те не музейные реликвии, а живой инструмент формирования коллективной идентичности, смыслового моста между прошлым, настоящим и будущим, превращающего армию из временного собрания людей в историческую общность, живущую вне времени [13]. Понимание этого механизма, на мой взгляд, имеет фундаментальное значение для решения задач воинского воспитания в любые исторические эпохи, включая нашу, отмеченную новыми геополитическими вызовами и технологическими революциями.

Список литературы

1. Вооруженные Силы СССР в период Гражданской и до начала Великой Отечественной войны: учебное пособие / К. Б. Муксинов, С. Ю. Окунев, И. Г. Синицын; под ред. Б. Д. Казахова. СПб. : ВКА имени А. Ф. Можайского, 2014. 111 с. С. 85–112.

2. Военный энциклопедический словарь: в 2 т. М. : Науч. Изд. «Большая Российская энциклопедия»,2001. 816 с С. 567–605.

3. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: в 3 т. М. : АПН, 1990. С. 110.

4. Итоги Второй мировой войны: выводы побежденных / К. Типпельскирх, А. Кессельринг, Г. Гудериан. СПб.; М., 2002. С. 45–67.

5. Котков В. М. Истоки Победы: духовный фактор // 65 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Вклад Ленинградского, Волховского фронтов, Балтийского флота в достижение Победы: материалы работы научно-практической конференции, 29 апреля 2010 г. СПб. : Политехника-сервис, 2011. С. 115–135.

6. Максимов С.Г. Русские воинские традиции. М. : Вече,2010.320с С. 115–225.

7. Подвиг народа: вклад народов СССР в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. СПб. : Аврора, 2015. С. 25–96.

8. Уроки и выводы: Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1961.

9. Усиков А. В. Военное искусство в локальных войнах и вооруженных конфликтах. Вторая половина XX – начало XXI века / под общ. ред. А. С. Рукшина. М. : Воениздат, 2008. 1126 с.

10. Шефов Н. А. Битвы России. М. : АСТ:АСТ, 2006. 699 с. (Военно-историческая библиотека).

11. Серых В. Д. Воинские ритуалы / В. Д. Серых. М. : Воениздат, 1986. 256 с.

12. Зедделер Л. И. Военный энциклопедический лексикон: в 14 т. / под ред. Л. И. Зедделера. 2-е изд. Т. 5. СПб., 1854. 678 с.

13. Ставицкий Д. В. Связь военной истории и нравственности / Политработа: история, современность, перспективы (к 80-летию Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации): материалы Межведомственной научно-практической конференции с международным участием. СПб., 2025.

14. Ставицкий Д. В. Роль педагога-наставника в патриотическом воспитании курсантов / Владимир Яковлевич Слепов: учитель, ученый, наставник (к 100-летию со дня рождения В. Я. Слепова). СПб., 2025. С. 433–436..

15. Ставицкий Д. В. Сознание полководца статья в сборнике трудов конференции: СПб., 2025. С. 534–540.

16. О долге и чести воинской в Российской Армии: собрание материалов, документов и статей. М., 2008. 152 с.

17. Полевой Б. Н. Повесть о настоящем человеке. М., 2009. 170 с.

18. Проблемы воинского воспитания. М., 2007. 84 с.

19. Основы безопасности жизнедеятельности. М., 2006. 214 с.

20. Корсновский А. А. История русской армии. М., 2009. 189 с.

References

1. Vooruzhennye Sily SSSR v period Grazhdanskoj i do nachala Velikoj Otechestvennoj vojny: uchebnoe posobie / K. B. Muksinov, S. YU. Okunev, I. G. Sinicyn; pod red. B. D. Kazahova. SPb. : VKA imeni A. F. Mozhajskogo, 2014. 111 s. S. 85–112. (In Russ.).

2. Voennyj enciklopedicheskij slovar': v 2 t. M. : Nauch. Izd. «Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya»,2001. 816 s S. 567–605. (In Russ.).

3. ZHukov G. K. Vospominaniya i razmyshleniya: v 3 t. M. : APN, 1990. S. 110. (In Russ.).

4. Itogi Vtoroj mirovoj vojny: vyvody pobezhdennyh / K. Tippel'skirh, A. Kessel'ring, G. Guderian. SPb.; M., 2002. S. 45–67. (In Russ.).

5. Kotkov V. M. Istoki Pobedy: duhovnyj faktor // 65 let Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. Vklad Leningradskogo, Volhovskogo frontov, Baltijskogo flota v dostizhenie Pobedy: materialy raboty nauchno-prakticheskoj konferencii, 29 aprelya 2010 g. SPb. : Politekhnika-servis, 2011. S. 115–135. (In Russ.).

6. Maksimov S.G. Russkie voinskie tradicii. M. : Veche,2010.320s S. 115–225. (In Russ.).

7. Podvig naroda: vklad narodov SSSR v Pobedu v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. SPb. : Avrora, 2015. S. 25–96. (In Russ.).

8. Uroki i vyvody: Strategicheskij ocherk Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. M., 1961. (In Russ.).

9. Usikov A. V. Voennoe iskusstvo v lokal'nyh vojnah i vooruzhennyh konfliktah. Vtoraya polovina XX – nachalo XXI veka / pod obshch. red. A. S. Rukshina. M. : Voenizdat, 2008. 1126 s. (In Russ.).
10. SHefov N. A. Bitvy Rossii. M. : AST:AST, 2006. 699 s. (Voenno-istoricheskaya biblioteka). (In Russ.).
11. Seryh V. D. Voinskie ritualy / V. D. Seryh. M. : Voenizdat, 1986. 256 s. (In Russ.).
12. Zeddeler L. I. Voennyj enciklopedicheskij leksikon: v 14 t. / pod red. L. I. Zeddelera. 2-e izd. T. 5. SPb., 1854. 678 s. (In Russ.).
13. Stavickij D. V. Svyaz' voennoj istorii i nravstvennosti / Politrabota: istoriya, sovremennost', perspektivy (k 80-letiyu Voennoj ordena ZHukova akademii vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii): materialy Mezhvedomstvennoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. SPb., 2025. (In Russ.).
14. Stavickij D. V. Rol' pedagoga-nastavnika v patrioticheskom vospitanii kursantov / Vladimir YAkovlevich Slepov: uchitel', uchenyj, nastavnik (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya V. YA. Slepova). SPb., 2025. S. 433–436. (In Russ.).
15. Stavickij D. V. Soznanie polkovodca stat'ya v sbornike trudov konferencii: SPb., 2025. S. 534–540. (In Russ.).
16. O dolge i chesti voinskoj v Rossijskoj Armii: sobranie materialov, dokumentov i statej. M., 2008. 152 s. (In Russ.).
17. Polevoj B. N. Povest' o nastoyashchem cheloveke. M., 2009. 170 s. (In Russ.).
18. Problemy voinskogo vospitaniya. M., 2007. 84 s. (In Russ.).
19. Osnovy bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti. M., 2006. 214 s. (In Russ.).
20. Korsnovskij A. A. Istoriya russkoj armii. M., 2009. 189. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. В. Ставицкий *– кандидат военных наук*

Information about the author

D. V. Stavitsky *– Candidate of Sciences (Military)*

Статья поступила в редакцию 14.05.2026;
одобрена после рецензирования 11.08.2026;
принята к публикации 28.09.2026.

The article was submitted 14.05.2026;
approved after reviewing 11.08.2026;
accepted for publication 28.09.2026.

Обзорная статья

УДК 37.017.4

НЕВИДИМЫЙ ФРОНТ

Александр Григорьевич Звягинцев
Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия 1825za@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию нравственного и гражданского подвига педагогов и участников партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. На примере деятельности Никифора Захаровича Коляды («Бати»), Матрёны Вольской, Николая Кюнга, Януша Корчака и Льва Беспалова раскрывается роль учителя как защитника детства, носителя духовно-нравственных ценностей и воспитателя личности в экстремальных условиях войны. Особое внимание уделено операции по спасению более трех тысяч детей из оккупированной Смоленской области («Детская армия»), подпольной школе в концентрационном лагере Бухенвальд, подвигу Януша Корчака и послевоенной педагогической деятельности фронтовиков. Сделан вывод о значении исторической памяти и сохранения судеб педагогов-героев как важнейшего элемента гражданско-патриотического воспитания.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, педагогика, учитель, патриотическое воспитание, историческая память, партизанское движение, Никифор Коляда, Матрёна Вольская, операция «Детская армия», Николай Кюнг, Бухенвальд, Януш Корчак, Лев Беспалов, спасение детей

Для цитирования: Звягинцев А.Г. Невидимый фронт // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 389–396. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/042.pdf.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Review article

THE INVISIBLE FRONT

Alexander G. Zvyagintsev
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia 1825za@mail.ru

Abstract. This article examines the moral and civic heroism of teachers and members of the partisan movement during the Great Patriotic War. Through the examples of Nikifor Zakharovich Kolyada ("Batya"), Matryona Volskaya, Nikolai Kyung, Janusz Korczak, and Lev Bespalov, it explores the role of the teacher as a protector of childhood, a bearer of spiritual and moral values, and an educator of the younger generation under the extreme conditions of war. Particular attention is paid to the operation to rescue more than three thousand children from the occupied Smolensk Region ("Children's Army"), the underground school in the Buchenwald concentration camp, the heroic sacrifice of Janusz Korczak, and the post-war educational work of frontline veterans. The article concludes that preserving historical memory and commemorating the lives and deeds of heroic teachers is an essential component of civic and patriotic education.

Keywords: Great Patriotic War, pedagogy, teacher, patriotic education, historical memory, partisan movement, Nikifor Kolyada, Matryona Volskaya, Operation "Children's Army", Nikolai Kyung, Buchenwald, Janusz Korczak, Lev Bespalov, rescue of children

For citation: Zvyagintsev A.G. The invisible front. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36): 389–396. (In Russ.). Available from: http://vestnik- academrg.ru/2026/09/042.pdf.

© Звягинцев А.Г., 2026

Введение

Есть имена, которые становятся частью исторической совести народа. Их не обязательно найдёшь в школьных учебниках или на мемориальных досках, но они – живая опора памяти, совести, мужества. Никифор Захарович Коляда, которого в годы Великой Отечественной

войны все звали просто – Батя, принадлежит к числу таких имён.

Батя командовал партизанским соединением на Смоленщине. Я часто еще с советских времен бывал в тех краях, и старожилы его помнили...

Никифор Захарович прошёл три войны, лагеря, пережил два инфаркта и предательство. И невзирая на все крутые повороты своей судьбы – он остался человеком, для которого честь, долг и спасённые жизни были выше страха, власти и даже самой жизни.

О легендарном партизанском командире я узнал из рассказов тех, кто был с ним рядом, и из архивных документов. За сухими строчками пожелтевших страниц открывалась фигура неординарная, почти кинематографическая – и совершенно живая.

Позже написал сценарий, в котором упоминался Никифор Захарович – по нему был снят документальный фильм «Невидимый фронт». Фильм получил положительный отклик – потому что это была не реконструкция подвига, а возвращение памяти. В частности, памяти об одной из самых невероятных и почти забытых операций войны – спасения более трёх тысяч детей из-под фашистской оккупации в 1942 году, которую организовал именно Батя.

Фашисты готовились к карательной акции: трудоспособных – в Германию, остальных – сжечь, в том числе и детей. Тогда Коляда поручил учительнице Матрёне Вольской собрать ребят из окрестных сёл и провести их по болотам, буреломам, минным полям 200 километров – до станции Торопец. В помощь он дал ей двух женщин – Варвару Полякову и Екатерину Громову. Шли под бомбёжками, без еды, без сна. И дошли…

Эта операция, которую позже назвали «Детская армия», стала не просто подвигом. Она стала живым воплощением сути слова – «спасение»…

Основные положения

Операция «Детская армия»

Начальной точкой маршрута была деревня Елисеевичи, откуда надо было пройти по коридору через так называемые Слободские ворота. Здесь были сплошные болота и озера, рыть традиционные траншеи и окопы ни та, ни другая сторона не могла, поэтому ограничились минными полями. По этим минным полям партизаны смогли сделать тропы для прохода детей.

Ранним утром 23 июля 1942 года дети стали собираться на сельской площади. Вольская составляла списки. С каждой минутой уверенности в том, что они смогут пройти маршрут незамеченными, оставалось всё меньше – к концу дня в ее списке было более полутора тысяч детей. Как провести такую армию? Надо, чтобы все шли очень четко, след в след, чтобы не было ни шума, ни плачей.

Разделились на отряды. Матрена впереди, в середине Полякова, Громова замыкает. Партизаны заранее проложили наиболее безопасный маршрут. Но разведка донесла, что немцы узнали о детях и готовят засаду. На разработку запасного варианта не было времени. И Вольская с детьми повернула туда, где гитлеровцы никогда бы не прошли – в буреломы, болота и минные поля…

Дети почти все были босыми – никакой обувки у многих просто не было. Нечего было, есть, было холодно, шли дожди, они в любой момент могли погибнуть. Шли днем, иногда и ночью. Во время привалов Матрёна проверяла путь – нет ли впереди немцев, не заложены ли мины. Она шла вперед, пока дети отдыхали, возвращалась назад – и опять шла, уже с детьми. То есть, если все прошли 200 километров, то Матрена Исаевна – 600.

Солнце палило нещадно. Нужна была вода. Но водоёмы, попадающиеся на пути, были отравлены – гитлеровцы скидывали туда трупы. Пить и купаться было нельзя. Иногда над колонной пролетали вражеские самолеты. Они сбрасывали либо бомбы, либо листовки, где было написано: «Дети ФЗУ, не прячьтесь в траву! Куда идете, я и там вас найду! Не убегайте, детки, будут из вас котлетки…».

К концу пути все обессилели. Подошли к Матрене Исаевне самые старшие мальчики: «Матрена Исаевна, мы уже не можем. Мы не можем уже идти». Она сказала: «Ребята, посмотрите на нас. Мы вот с Екатериной Ивановной, с Варварой Сергеевной идем рядом с вами. Мы лучше вас едим? Нет. Мы едем на телеге? Нет. Мы идем той же самой дорогой. Мы тоже устали, но надо дойти». И вдруг увидела, как парни эти встали, медленно пошли. И за ними пошли все остальные. Эти подростки вывели всех на последний участок, они дошли до Торопца.

В Торопце к двухтысячной колонне Вольской присоединили еще около тысячи детей. В ночь на 5 августа они загрузились в поезд. «Детская армия» Матрёны Вольской заняла 60 вагонов. Сегодня представить все это почти невозможно. Но это было. Это была правда. Но и это еще нельзя было назвать спасением. У детей начались кишечные заболевания, конъюнктивит, кровоточили дёсны и ноги. Матрёна Исаевна понимала: до Урала, как изначально планировали, они уже не доедут...

Были случаи, когда она просто врывалась к начальнику железнодорожной станции с револьвером и требовала, чтобы пропустили немедленно, иначе, говорит, я трупы привезу. На каждой станции рассылала веер телеграмм в разные города, где было написано три слова: примите детей Смоленщины!

Мольбу Матрёны услышал город Горький. 14 августа 1942 года на перрон вокзала сегодняшнего Нижнего Новгорода сошли 3225 детей – больше, чем вышло изначально. Просто по пути к ним, как ручейки к реке, прибивались дети, были группы по 10, по 12, по 20 человек. Вот и получилось так, что 3225 детей приехало в Горький.

Операция «Дети» была завершена. Матрёна Вольская вывела их за линию фронта, и ни один из них не погиб в пути. Все трое женщин обнялись и разревелись навзрыд. Они это сделали, они довели и довезли всех живыми. Когда врач осматривал саму Матрёну Исаевну, он оторопел – молодая женщина была беременна. Оказалось, что Вольская всё знала, но не могла бросить доверенных ей детей и спасаться. У нее беременность была на половине срока. В ноябре она родила Валентина, своего сыночка…

Матрёна Вольская так и осталась в Нижегородской области и более 30 лет работала учительницей начальных классов в селе Смольки. О том, что в ее жизни была операция «Дети», никогда не рассказывала. Некоторые дети, приехавшие с Матрёной, тоже остались в Нижегородской области. Они выросли, создали семьи и рассказали детям и внукам о том, кому обязаны жизнью.

Отец партизанского края

Все то время, пока шла операция «Детская армия», Никифор Захарович не только живо интересовался продвижением детей по маршруту, но и участливо помогал им.

Поэтому лично для меня Батя – не просто историческая фигура. В юности я имел честь общаться с легендарным руководителем партизанского движения в годы Великой Отечественной войны Сидором Артёмовичем Ковпаком, под командованием которого Коляда сражался. Эти встречи оставили глубокий след в моей памяти. Благодаря личным воспоминаниям, дневникам, письмам, удалось воссоздать живую ткань событий, понять внутренний мир героев, увидеть не только фронтовую обстановку, но и судьбу человека – с его болью, верой, преданностью.

Между тем героическая биография Никифора Захаровича начиналась задолго до 1941 года. В Первую мировую войну он дослужился до штабс-капитана. Это была большая редкость для человека, не имеющего дворянского звания. Оно приравнивалось к титулярному советнику, и к нему должны были обращаться «Ваше благородие».

За проявленную отвагу и самоотверженность на полях сражений Коляда был удостоен боевых наград Российской империи, в частности, ордена Святого Владимира с крестами и бантом. Он был трижды ранен и лично взял в плен до тысячи солдат и офицеров противника. У боевых товарищей по оружию пользовался огромным авторитетом. Поэтому, когда началась Революция, лихого казака Коляду сослуживцы единогласно избрали председателем полкового солдатского комитета.

Во время Гражданской войны Никифор Захарович командовал целым коммунистическим полком, затем возглавил партизанское движение в масштабах всей Подольской губернии на Украине. В 1922 году продолжил борьбу на Дальнем Востоке – но теперь против японских интервентов. После их изгнания стал начальником милиции всего Дальневосточного края.

Позже, получив высшее образование по специальности «внешняя торговля» со знанием китайского и английского языков, Никифор Захарович выезжал за границу, выполняя специальные государственные задания. Он занимал высокие должности в Наркомлесе, Наркомзаге, Наркомфлоте и по возрасту призыву в армию уже не

подлежал. Однако, когда началась Великая Отечественная, Коляда не просто отказался от эвакуации – он сам попросился на передовую – громить врага. Уже 8 июля 1941 года он отправился в Смоленскую область, чтобы организовывать партизанское движение. Очень скоро его имя стало легендарным. И именно тогда люди по-отечески его стали называть «Батя».

В 1942 году в соединение Бати входило порядка 6 тысяч партизан, которые героически сражались с гитлеровцами. Его успехи регулярно освещались в сводках Совинформбюро. И скоро его имя стало известно уже всей стране. Будучи человеком репутационно-безупречным, он на Смоленщине пользовался огромной властью и уважением. Здесь Никифор Захарович был – «и царь, и бог, и воинский начальник». Батя не только воевал – он создавал систему, в которой продолжала жить сама жизнь: при нем работали школы, печаталась партизанская газета, дети получали азы образования и главное – надежду.

Во время войны Коляду награждают орденом Ленина и даже именным кортиком британского короля Георга VI, который вручался только высшим военачальникам. Батя же был удостоен этой награды в знак признания выдающихся заслуг в организации и руководстве партизанским движением. Церемония вручения прошла в мае 1942 года в посольстве Великобритании в Москве. Во время приёма в британском посольстве наш герой выступил с речью на английском языке, поразив этим иностранных дипломатов.

В 1989 году газета «Известия ЦК КПСС» писала: «Партизанские отряды под его командованием только с 15 апреля по 25 мая 1942 г. провели 79 боевых операций, уничтожили более 1800 вражеских солдат, офицеров и полицейских, пустили под откос три воинских эшелона и освободили от фашистских захватчиков 230 населённых пунктов…»

Учитель, перед имеем твоим…

Швейцарский сыродел Фридрих Кюнг в 1895 году пригнал в село Софьино Смоленской губернии 200 своих собственных циммент альских коров для помещицы Софьи Ивановой. Получил щедрую оплату, но на родину так и не вернулся: влюбился в русскую красавицу, крестьянскую дочку Ефросинью. Перешёл потомственный лютеранин в православие, окрестился Фёдором. Сыграли свадьбу, и новоиспечённый подданный Российской Империи Федор Кюнг наладил в Софьино сыроварню по всем швейцарским правилам. Чтобы изучить новую родину, купил «историю государства российского» Николая Карамзина, в честь которого потом и назвал одного из пяти сыновей.

В 1926-м в эту глухомань добрались два чиновника из посольства Швейцарии. Они предложили Кюнгу вернуться в родные края, пообещав своё содействие. Но при одном условии – без семьи. «Русский швейцарец» отказался наотрез. Зато в 1929 году со всей семьёй вступил в колхоз «Победа». Землю и скот у него вскоре большевики отобрали как у кулака, но в Сибирь отправить не успели: Федор Кюнг умер в 1934-м, благополучно не дожив до массовых репрессий.

Николай Федорович Кюнг родился 9 августа 1917 года. Рос активным и смышлёным ребёнком, помогал родителям по хозяйству. Обучаясь в школе, был активистом, вступил в Осоавиохим и даже был избран внештатным членом Вяземского горкома комсомола, где возглавлял военно-спортивную работу. В 1932 году с отличием окончил девятилетку и поступил в Вяземский педагогический техникум. Там же познакомился с Ириной. После учёбы они поженились. У них родилось двое детей. Окончив техникум в 1935 году, был назначен на должность учителя истории и обществознания средней школы №2 на станции Семлёво. Работу в школе успешно совмещал с учёбой на историческом факультете Ленинградского государственного университета. За год до окончания университета в 1938 году получил повышение – стал директором этой школы. Университет окончил в 1939 году с отличием. И в том же году 15 сентября был призван на службу в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. Пройдя обучение по специальной программе в полковой школе 84-го стрелкового полка, был назначен сначала помощником командира взвода, а затем – заместителем политрука. За два дня до начала Великой Отечественной войны вступил в члены ВКП(б).

Начало войны Кюнг встретил, защищая Брестскую крепость. Был дважды ранен.

Совместно с другими частями сумел выйти из окружения и добраться до основных сил. Став замполитом батареи 232-й дивизии Западного фронта, был ранен в боях под Ковелем и осенью 1941-го попал в плен. Оказался в Дрездене, в лагере № 304. Там первым делом у советских военнопленных спрашивали, нет ли выходцев из Европы. Таковые находились, и, если не немец и не еврей – многих отправляли на родину предков.

«Немцев из Поволжья расстреливали как предателей, – вспоминал позже Кюнг. – Мне товарищи говорят: ты же швейцарец, не будь дураком, назовись! Поедешь в Швейцарию, там сытно, нет войны. Но я почему-то не решился, смолчал».

Потом была угольная шахта в Бельгии, потом, за попытку побега и организацию саботажа, – Бухенвальд. И снова Кюнг не воспользовался своим шансом рассказать, что он по происхождению швейцарец. Он был патриотом своей страны – СССР, и считал себя русским.

В Бухенвальде содержалось несколько тысяч детей. В основном те, кого вывезли из Советского Союза. Они были обязаны трудиться наравне со взрослыми. Тех, кто уже не мог работать, сжигали в печах. Крематории дымили день и ночь, но все равно не успевали сжечь все тела.

Из 238380 заключённых, прошедших через Бухенвальд, были уничтожены 56549 человек. По приказу Гиммлера в 1941 году здесь был создан так называемый «гигиенический институт», где проводили опыты над живыми людьми. Именно здесь орудовала фрау Кох, по приказу которой из человеческой кожи шили абажуры, кошельки и обложки для книг.

В лагере Николай стал участником подпольного антифашистского комитета. А в начале 1944 года к нему обратился один из товарищей. Разговор, по его словам, был таким. «Просим тебя заняться работой по своей профессии»,– сказал он. «Ты как всегда шутишь», – не поняв намёка, ответил я. «Нет, я начал с делового разговора, а кончу шуткой: зарплату получишь после, дома».

Кюнг поначалу не поверил: как такое возможно под носом у немцев?! Но товарищ спросил его: ты видел, какой ужас застыл в глазах детей? Это был железный аргумент.

«Весь смысл наших занятий был в том, чтобы попытаться отвлечь детей от страха, в котором они жили, помочь им поверить, что не вечно будет длиться каторга. Я обещал: придёт наша победа», – напишет Кюнг потом в своей книге «Мужество непокоренных». Он рисковал каждую секунду урока. Но занятий не прекращал.

«Забота о детях была поистине интернациональной. Немцы, французы, чехи, голландцы, норвежцы, сплочённые антифашистской борьбой, спасали и воспитывали своё будущее. Каждый раз, рискуя подвергнуться зверским истязаниям и даже потерей жизни, старший 8-го блока Фриц Лейтнер с помощью товарищей изыскивал способы прятать самых маленьких обитателей блока от эсэсовцев», – вспоминал позже Кюнг.

Уроки проходили как в обычной школе: вопросы – ответы, задания «на дом». За восемь месяцев существования этой подпольной школы о ней так никто и не узнал. Дети оказались хорошими конспираторами. Они занимались вечером и почти до отбоя. Конечно, им было очень тяжело, потому что они занимались после работы. Но не было случая, чтобы кто-нибудь из них донес или ненароком проговорился о том, что в бараке идут уроки.

Заключенные помогали подпольной школе кто, чем мог. Они выкрали на складах карандаши, бумагу, нашли счеты, соорудили небольшую доску с мелом. Где-то в немецких подсобках обнаружилось даже несколько учебников на русском языке. А для уроков истории и географии – карта. Правда, она была на немецком языке.

В эти моменты суровые и обезображенные побоями и голодом лица заключенных преображались. Они как будто сами становились школьниками. Это было духовное сопротивление. В трудных ситуациях человек собирается с духом и хочет оставаться человеком.

Чтобы хоть как-то поддержать дух учеников школы, каждое утро для них проводили гимнастику. Дети шли на занятие даже с колодками на ногах, в рваных штанах и рубашках. Но холод на улице не смущал – гимнастика была глотком свежего воздуха.

Когда в школе шёл урок, старшие товарищи дозорные просматривали улицу, чтобы в случае чего предупредить об опасности. Если шёл эсэсовец, то учитель

прекращал урок и тут же переключался на детскую игру.

«Первый урок в необычной школе состоялся 1 сентября 1944 года в восьмом блоке, флигель «А», в общем помещении, служившем одновременно и столовой, – писал в своих воспоминаниях один из учеников бухенвальдской школы Иван Николенко.– За двумя столами сидели «школьники» – дети в полосатых робах в возрасте от 7 до 12 лет. Урок открыл бывший учитель истории Николай Кюнг. Он сказал: «Поздравляю вас, дорогие дети, с началом учебного года. Желаю вам следующий новый учебный год начать в своих родных местах и сидеть за настоящими партами с настоящими учебниками».

Подпольная школа в Бухенвальде работала восемь месяцев, до весны 1945 года. 11 апреля в детский барак вбежал связной и приказал всем спрятаться под нарами. Накануне подпольный комитет, узнав о том, что гитлеровцы планируют уничтожить всех заключённых, вынес решение о начале восстания.

По условному сигналу – взрыву гранаты у угловых ворот – взводы, роты и батальоны подпольщиков пошли в бой. С громким русским «Ура!» Николай Кюнг повел на штурм свое подразделение. Вооруженные кто чем боевые группы коротким ударом прорвали колючую проволоку, взяли угловые ворота и рассеяли охрану СС. Люди в полосатых робах один за другим стали покидать бараки. Из детского барака вышли 914 детей – все, кто остался в живых.

Когда союзники вошли в Бухенвальд, лагерь уже два дня находился в руках международного лагерного комитета под защитой 15 тысяч бойцов, вооруженных винтовками, пулеметами и противотанковыми гранатами…

Николай Кюнг вернулся домой, нашел жену и детей. И впервые с начала войны заплакал… Свое обещание, он выполнил: дети Бухенвальда пошли в школу 1 сентября 1945 года – каждый на своей родине, как он и обещал…

Марш смерти

Педагог Януш Корчак родился и получил образование в Российской империи. На свет он появился в Варшаве в 1878 году в интеллигентной еврейской семье. Уже учась в гимназии, он стал главным кормильцем, поскольку у отца обнаружилось страшное заболевание – шизофрения. Корчак решил, что не имеет права иметь детей, потому что эта болезнь передается по наследству. Свою любовь он решил отдать сиротам.

И в 1911 году молодой врач основал в Варшаве два детских дома. А во время Первой мировой войны, работая военным врачом в русской армии, Корчак написал свою главную книгу «Как любить ребенка». Автор пришел к заключению, что дети более мужественны, чем взрослые. Они более стойко переносят страдания, боль и более мужественно принимают смерть. Он вообще был очень высокого мнения о ребенке.

Основной постулат книги – без полноценного детства нет полноценного человека. Педагогические методы Корчака были настолько новы, что его книга была переведена на все языки мира. Никто еще не демонстрировал такую любовь к детям. За глаза доктора прозвали «детский бог».

Ради детей Корчак дважды отказался от личного спасения. В первый раз – в Варшаве. После начала Второй мировой войны он вместе со своим сиротским домом оказался в Варшавском гетто. Бывшие ученики хотели вывезти доктора из страны, но Корчак отклонил все предложения. «Что вы мне предлагаете? Вы хотите, чтобы я оставил детей? Это невозможно».

Второй раз – спасение Корчаку предложили в Треблинке. В этот концлагерь вывезли всех детей из его Дома сирот. Шествие маленьких смертников и их учителя к вагонам поезда очевидцы назвали «маршем смерти». Весь детский дом шел ровной колонной, никто не голосил и не пытался убежать. Во главе колонны шел доктор, держа за руки своих воспитанников. У детей были ранцы и игрушки – Корчак сказал, что они едут на пикник. А что еще можно было сказать? Стояла весна, они запели какую-то песню. И так шли по замершей от ужаса Варшаве, прямо к эшелонам. Говорят, по легенде, что даже у эсэсовцев не выдержали нервы, они отправили эшелон раньше расписания.

В Треблинке их сожгли. 6 августа 1942 года Януш Корчак вошел в газовую камеру вместе со своими воспитанниками. Двух малышей он держал на руках и

рассказывал им сказку. Дети так и не успели понять, куда их привезли.

Учитель не бросил своих воспитанников, потому что его любовь к ребенку была больше любви к жизни! Когда война еще только началась, его однажды спросили: чем он будет заниматься после? Он ответил: «Я открою детский дом для немецких детей». Чтобы не вырастали такие взрослые, как оккупанты...

Но такие взрослые все же выросли... Сейчас на территории Польши, вопреки всем нормам, разменной монетой в политическом противостоянии вновь становятся дети. Об этом ярко говорит захват вандалами в конце апреля 2023 года школы при российском посольстве.

Дорога к звездам

В 1943 году в среднюю школу города Гжатска прибыл новый учитель физики – Лев Беспалов. Школьники сразу поняли: фронтовик! Строгий, с боевой выправкой, на кителе видны следы от погон и дырочки от медалей и орденов. Служил в авиации, воевал штурманом. Он сам был выпускником этой школы, но сейчас ее было не узнать.

Гитлеровцы при отступлении взорвали здание, от кабинета физики ничего не осталось. А дети, прожившие в оккупации два года, были похожи на запуганных зверьков. Как помочь им забыть ужасы войны?

Беспалов предложил ученикам сделать физические приборы своими руками! Различные машины, оптические приборы и даже установка для демонстрации распада радиоактивных элементов – многие наглядные материалы он делал вместе со своими учениками. Дети с удовольствием помогали учителю, слушали его рассказы о войне, самолетах и летчиках. Он рассказывал о своих боевых вылетах, о том, как частенько возвращались из боя, что называется, на одном крыле. А боевое братство, дружба, поддержка всегда выручали в бою.

Беспалов организовал кружок авиамоделирования. В него тут же записались все мальчишки. И даже несколько девчонок. Благодаря стараниям педагога у них появился самолет ПО-2, старенький, списанный, но настоящий!

Изучали устройство этого самолета. Беспалов рассказывал о трудах Циолковского, о мечте человечества полететь в космос. В конце года на последнем звонке он в шутку спросил ребят: кто готов пойти в авиацию? Один из мальчишек ответил, не задумываясь: да, он станет летчиком!

12 апреля 1961 года в учительской Гжатской школы радиоприемник объявил новость – состоялся первый полет человека в космос. Его совершил Юрий Гагарин! Учителя перешептывались: неужели это наш бывший ученик? Гагариных в стране много. И только один человек не сомневался, что это именно его Юрка открыл человечеству космос. Это был учитель Лев Беспалов.

Юрий Гагарин очень тепло отзывался о Льве Михайловиче. В своей книге он написал: «Не встреть я своего учителя, может быть, и не стал бы космонавтом».

Заключение

Вот такие были эти Люди, написавшие собственными жизнями летопись подлинного мужества, человеческого достоинства и доброты…

Их судьба – это судьба поколения, которое привело нашу страну к Победе, которые не склонялись перед трудностями, не сдавались врагам, не пасовали перед несправедливостью. Это были подлинные герои – не те, кто громко говорит, а те, кто в трудный момент для страны решительно действует. С риском, с болью, но – с верностью.

Их пример – это еще и ответ на современные вызовы и угрозы для нашего Отечества. Ведь мы видим, как в настоящее время политиканствующие киллеры от истории цинично фальсифицируют прошлое, пытаются фактически реанимировать античеловеческие постулаты и переписать историю. На наших с вами глазах происходит героизация нацистов и их пособников. Поэтому сегодня, когда снова под угрозой правда о войне, когда пытаются переписать её итоги, важно называть имена подлинных героев, говорить об их героизме. Героизме живом, с пылью на плечах и совестью в сердце.

И последнее... Я абсолютно уверен, что о таких людях можно и нужно слагать поэмы, увековечивать в нетленных произведениях искусства – чтобы они смогли в бронзе прозвенеть, а их беспримерные деяния по заслугам должны быть оценены государством!

Список источников

1. Гагарин Ю. А. Дорога в космос. М. : Правда, 1961. 336 с.
2. Добролюбова Л. М. Товарищ Батя / Л. М. Добролюбова, А. А. Чкалов. Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1960. 184 с.
3. Корчак Я. Как любить ребёнка. М. : Книга, 1990. 496 с.
4. Ковпак С. А. От Путивля до Карпат. М. : Воениздат, 1949. 384 с.
5. Кюнг Н. Ф. Мужество непокорённых. М. : Воениздат, 1965. 287 с.
6. Новиков Л. К. Операция «Дети» / Л. К. Новиков, Н. М. Дроздова 2-е изд., испр. и доп. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1990. 206 с.
7. Звягинцев А. Г. Уроки мужества // Российская газета – Неделя. Федеральный выпуск. 2023. № 106 (9051). С. 12.
8. Известия ЦК КПСС. 1989. № 5.
9. Невидимый фронт: документальный фильм / сценарий А. Г. Звягинцев.

References

1. Gagarin Yu. A. Doroga v kosmos. Moscow: Pravda Publ.; 1961. 336 p. (In Russ.).
2. Dobrolyubova L. M., Chkalov A. A. Tovarishch Batya. Smolensk: Smolenskoe knizhnoe izdatel'stvo; 1960. 184 p. (In Russ.).
3. Korchak Ya. Kak lyubit' rebenka. Moscow: Kniga Publ.; 1990. 496 p. (In Russ.).
4. Kovpak S. A. Ot Putivlya do Karpat. Moscow: Voenizdat; 1949. 384 p. (In Russ.).
5. Kyung N. F. Muzhestvo nepokorennykh. Moscow: Voenizdat; 1965. 287 p. (In Russ.).
6. Novikov L. K., Drozdova N. M. Operatsiya "Deti". 2nd ed., rev. and enl. Gorky: Volgo-Vyatskoe knizhnoe izdatel'stvo; 1990. 206 p. (In Russ.).
7. Zvyagintsev A. G. Lessons of Courage. Rossiyskaya gazeta – Nedelya. Federal issue. 2023;106(9051): 12. (In Russ.).
8. Izvestiya TsK KPSS. 1989;(5). (In Russ.).
9. Nevidimyy front: documentary film. Screenplay by A. G. Zvyagintsev. (In Russ.).

Информация об авторе

А. Г. Звягинцев – *Заслуженный юрист Российской Федерации, Лауреат Государственной премии Российской Федерации имени маршала Советского Союза Г. К. Жукова*

Information about the author

A. G. Zvyagintsev – *Honored Lawyer of the Russian Federation, Winner of the State Prize of the Russian Federation named after Marshal of the Soviet Union G. K. Zhukov*

Статья поступила в редакцию 31.07.2026;
принята к публикации 28.09.2026.

The article was submitted 31.07.2026;
accepted for publication 28.09.2026.

Обзорная статья

УДК 340.12

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ НАУЧНЫХ ПОКОЛЕНИЙ К 80-ЛЕТИЮ ВИКТОРА ПЕТРОВИЧА САЛЬНИКОВА И 50-ЛЕТИЮ СЕРГЕЯ ИВАНОВИЧА ЗАХАРЦЕВА

Андрей Юрьевич Кийко[1], Алик Галимзянович Хабибулин[2]
[1] Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
[2] Высшая школа государственного аудита Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
[1] obr_kom@spvi.ru
[2] 21alik@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются жизненный и научный пути двух юбиляров, выдающихся российских ученых В. П. Сальникова и С. И. Захарцева, связанных многолетним содружеством учителя и ученика. Отмечается их уважение к отечественной правовой мысли, широту философского взгляда и внимание к нравственным основаниям права, стремление рассматривать его в неразрывной связи с государством и обществом.

Ключевые слова: Виктор Петрович Сальников, Сергей Иванович Захарцев, философия права, правовая культура, компрехендная теория познания права, теория оперативно-розыскных мероприятий

Для цитирования: Кийко А.Ю., Хабибулин А.Г. Творчество Александра Звягинцева как особая форма ценностной ориентации и самополагания человека в современном мире // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 397–407. URL: http://vestnik-academrg.ru/2026/09/043.pdf.

Review article

CONTINUITY OF SCIENTIFIC GENERATIONS ON THE 80TH ANNIVERSARY OF VIKTOR PETROVICH SALNIKOV AND THE 50TH ANNIVERSARY OF SERGEY IVANOVICH ZAKHARTSEV

Andrey Yu. Kiiko[1], Alik G. Khabibulin[2],
[1] Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
[2] Higher School of Public Audit, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
[1] obr_kom@spvi.ru
[2] 21alik@mail.ru

Abstract. This article examines the life and academic careers of two distinguished Russian scholars celebrating their anniversary, V.P. Salnikov and S.I. Zakhartsev, who shared a long-standing partnership as teacher and student. Their respect for Russian legal thought, the breadth of their philosophical perspective, and their attention to the moral foundations of law, as well as their commitment to viewing it inextricably linked to state and society, are noted.

Keywords: Viktor Petrovich Salnikov, Sergei Ivanovich Zakhartsev, philosophy of law, legal culture, comprehend theory of legal cognition, theory of operational investigative measures

For citation: Kiiko A. Yu., Khabibulin A.G. Continuity of scientific generations on the 80th anniversary of Viktor Petrovich Salnikov and the 50th anniversary of Sergey Ivanovich Zakhartsev. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36): 397–407. (In Russ.). Available from: http://vestnik- academrg.ru/2026/09/043.pdf.

© Кийко А.Ю., Хабибулин А.Г., 2026

Введение

В 2026 году Виктор Петрович Сальников отмечает 80-летие, а Сергей Иванович Захарцев – 50-летие. Эти даты дают повод обратиться к жизненному и научному пути двух ученых, связанных отношениями учителя и ученика. Их объединяют служба Отечеству, преданность юридической науке, многолетняя совместная работа и стремление рассматривать право в неразрывной связи с государством, обществом и нравственными основами человеческой жизни.

Основные положения

Преемственность в науке означает не повторение готовых выводов, а продолжение начатого поиска. Она требует уважения к труду предшественников, строгости в доказательствах и личной ответственности

за научное суждение. Наставник учит видеть правовую проблему и последовательно искать ее решение; ученик, сохраняя самостоятельность, развивает полученный опыт. Так складывались отношения Виктора Петровича Сальникова и Сергея Ивановича Захарцева: наставничество сопровождало научное становление Сергея Ивановича, а впоследствии переросло в многолетнюю совместную работу.

Виктор Петрович Сальников родился 14 сентября 1946 года в селе Колояр Вольского района Саратовской области. В 1967–1969 годах он служил оперуполномоченным отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности в Куйбышеве. С 1969 по 1992 год проходил службу в Высшем политическом училище МВД СССР, где прошел путь от слушателя до начальника кафедры уголовного и гражданского права. В 1973 году Виктор Петрович окончил это училище и Всесоюзный юридический заочный институт.

В 1992 году Виктор Петрович был назначен заместителем начальника Санкт-Петербургского юридического института МВД России по научной работе, в 1996 году занял такую же должность в Санкт-Петербургской академии МВД России, а с 1998 по 2007 год возглавлял Санкт-Петербургский университет МВД России. В 1998–2008 годах он был председателем ученого совета университета, в 1996–2009 годах – председателем двух диссертационных советов. Руководящую работу он сочетал с научными исследованиями, преподаванием и подготовкой юридических кадров.

Виктор Петрович руководил авторским коллективом, разрабатывавшим концепцию и программы борьбы с организованной преступностью в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Под его руководством была создана научно-образовательная технология специализированной подготовки сотрудников милиции для борьбы с терроризмом и преступлениями против личности. В 2002 году эта работа была удостоена Премии Президента Российской Федерации. В 2007 году он возглавил Управление Министерства юстиции Российской Федерации по Северо-Западному федеральному округу, позднее занимал руководящие должности в Ленинградской торгово-промышленной палате.

Виктор Петрович стал основоположником правовой культурологии – нового для отечественной юриспруденции научного направления, посвященного правовой культуре и путям ее формирования. Его труды посвящены также истории и философии права, вопросам справедливости, свободы, ответственности и достоинства личности. В круг его научных интересов входят теория и история права и государства, философия права и правоохранительная деятельность.

Виктор Петрович опубликовал более тысячи научных и учебно-методических работ, в том числе свыше пятидесяти монографий, тридцать учебников и более двухсот учебных пособий. Он выступил автором проектов многочисленных научных серий. Среди них – «Безопасность человека и общества», «Полицеистика: прошлое, настоящее, будущее», «Теория и практика оперативно-розыскной деятельности», «Классики истории и философии права», «Классики русской философии права» и другие.

Под научным руководством Виктора Петровича подготовлены более двадцати докторов и свыше двухсот кандидатов наук. В разные годы он входил в экспертный совет Высшей аттестационной комиссии России по праву, аттестационную коллегию Министерства образования и науки Российской Федерации, научные и экспертные советы при федеральных и региональных органах государственной власти. Возглавляемая им «Школа современной философии, культурологии и истории права» продолжает исследования, посвященные государственному суверенитету, защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей и обеспечению национальной безопасности.

В настоящее время Виктор Петрович работает профессором Академии войск национальной гвардии Российской Федерации и возглавляет диссертационный совет. В крайние годы при его участии подготовлены труды о суверенности российской философии права, добре, доверии, справедливости и свободе, а также о духовных основаниях отечественного правопонимания [4; 19; 59; 62; 66]. В 2025 году книга «Философия права России: теоретические и духовные предпосылки ее суверенности», написанная им совместно с Р. Ф. Исмагиловым [60], заняла первое место в конкурсе научных работ

академии. Готовится третье, переработанное и дополненное издание книги «Идея добра в творчестве Ф. М. Достоевского», подготовленной совместно с А. И. Бастрыкиным и Р. Ф. Исмагиловым [1]. Его главное жизненное правило выражено в простых словах: «Делать людям добро» [61].

Сергей Иванович Захарцев родился 29 октября 1976 года в Ленинграде. В 1993 году он поступил в Санкт-Петербургский юридический институт МВД России, в 1997 году окончил Санкт-Петербургскую академию МВД России. В 1996 году, при переходе на последний курс, Сергею Ивановичу было присвоено первое офицерское звание – младший лейтенант юстиции. Ему было девятнадцать лет. Сразу после окончания института он был призван на службу в органы федеральной службы безопасности.

С 1997 по 2007 год Сергей Иванович служил в Управлении ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области: работал следователем, старшим следователем, старшим следователем по особо важным делам, помощником начальника Управления и начальником отдела Службы экономической безопасности. В 2007 году его перевели в Москву и назначили руководителем аппарата руководителя Контрольной службы ФСБ России. В 2008 году, в возрасте тридцати одного года, он был назначен заместителем начальника Инспекторского управления Контрольной службы ФСБ России. Эта должность относилась к числу генеральских, а Сергей Иванович стал одним из самых молодых руководителей такого уровня за всю историю отечественных органов государственной безопасности. Он неоднократно исполнял обязанности начальника Инспекторского управления. В 2010 году Сергей Иванович завершил службу по состоянию здоровья.

С первых лет службы Сергей Иванович совмещал практическую деятельность с научной и преподавательской работой. В 2002 году он защитил кандидатскую диссертацию о прослушивании телефонных переговоров в оперативно-розыскной деятельности и уголовном процессе [44]. В 2005 году, в возрасте двадцати восьми лет, защитил докторскую диссертацию по теории оперативно-розыскных мероприятий [56]. Защита докторской диссертации в таком возрасте стала исключительным событием для российской юридической науки.

Первоначально главным предметом его исследований была оперативно-розыскная деятельность. Сергей Иванович разработал теорию оперативно-розыскных мероприятий [27; 28; 29; 30; 31], привел в систему научные знания об оперативно-розыскной деятельности [3; 20; 24], обосновал существование оперативно-розыскного права [26] и вместе с соавторами – межотраслевого правового института прослушивания телефонных переговоров [2; 5; 51]. Он с коллегами предложил объединить разведывательное, контрразведывательное и оперативно-розыскное направления в единую область научного знания – оперативную науку [25]. Ряд подготовленных им предложений по изменению законодательства об оперативно-розыскной деятельности и уголовно-процессуального законодательства был принят законодателем. Сергей Иванович также вместе со своим учителем выявил и описал новые виды профессиональной деформации оперативных сотрудников [41; 45; 46].

После завершения службы значительное место в научной работе Сергея Ивановича заняли философия и теория права. Он преподавал в Санкт-Петербургском институте ФСБ России, Санкт-Петербургском университете МВД России, Псковском филиале Академии ФСИН России, Российском государственном социальном университете и Московском государственном университете технологий и управления имени К. Г. Разумовского. С 2021 года он работает профессором Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, с 2025 года – главным научным сотрудником Института государства и права Российской академии наук. С 2021 года Сергей Иванович возглавляет государственную экзаменационную комиссию Московского государственного института международных отношений; ранее неоднократно возглавлял такую комиссию в Московской государственной юридической академии имени О. Е. Кутафина. Сергей Иванович – автор и соавтор более шестисот научных работ. Часть из них издана за рубежом и переведена на английский, немецкий, французский, китайский, таджикский и казахский языки.

Обращение Сергея Ивановича к философии и теории права во многом связано с влиянием Виктора Петровича. В совместных трудах они разработали собственную компрехендную теорию познания права [10; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 23; 32; 33; 42; 43; 47; 54 и др.], предложили свое понимание предмета философии права [57; 58; 67], обосновали существование правового прогресса и определили его признаки [22; 35; 36; 37; 38; 39; 40]. Они обращались к вопросам государственного суверенитета и самостоятельности отечественной философии права и философско-правовой идеологии [49; 53; 63; 64; 65 и др.], обосновывали существование космического права [6, с. 63; 7, с. 82; 34; 48], показывали влияние биографии ученого на его отношение к истине [11; 50; 52]. Предложенная ими философская гипотеза катаклизмов и круговорота жизни на Земле вызвала интерес у представителей разных областей знания [8; 9; 21; 55].

Со временем наставничество перешло в постоянное научное сотрудничество. От Виктора Петровича Сергей Иванович воспринял уважение к отечественной правовой мысли, широту философского взгляда и внимание к нравственным основаниям права. Собственный опыт следственной и оперативной службы позволил ему поставить новые вопросы и предложить самостоятельные решения. В совместных трудах общие основы научной школы сочетаются с самостоятельным вкладом каждого автора.

Научная работа обоих юбиляров тесно связана с практикой. В деятельности Виктора Петровича это проявилось в развитии юридического образования, подготовке научных кадров и разработке мер борьбы с преступностью. Сергей Иванович осмыслил в своих трудах следственный и оперативный опыт, участвовал в совершенствовании законодательства и разработал теорию оперативно-розыскных мероприятий. Их исследования имеют значение не только для правовой теории, но и для законотворчества, подготовки юристов и работы правоохранительных органов.

В год своего 80-летия Виктор Петрович продолжает научную и наставническую работу. За его плечами — руководство университетом, ученым советом и несколькими диссертационными советами, подготовка книг и научных изданий, воспитание нескольких поколений исследователей. Его заслуги отмечены государственными, ведомственными и общественными наградами, в том числе медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени, медалью Анатолия Кони и знаком отличия Ленинградской области «За вклад в развитие Ленинградской области». Созданная им научная школа и сегодня объединяет ученых разных поколений.

К своему 50-летию Сергей Иванович накопил большой служебный, научный и преподавательский опыт. Он прошел путь от следователя до руководящей должности в Контрольной службе ФСБ России, защитил докторскую диссертацию, подготовил более шестисот научных работ, участвовал в совершенствовании законодательства и продолжает преподавать. Служебный опыт становился для него источником научных вопросов, а результаты исследований служили совершенствованию законодательства, подготовке сотрудников и обеспечению безопасности государства. Впереди — новые исследования, книги и ученики.

Уважаемый Виктор Петрович! Сердечно поздравляем Вас с 80-летием. Желаем Вам крепкого здоровья, благополучия, душевных сил и новых научных трудов. Пусть Ваши ученики достойно продолжают начатое Вами дело, а созданная научная школа и впредь служит отечественному правоведению.

Уважаемый Сергей Иванович! Сердечно поздравляем Вас с 50-летием. Желаем Вам крепкого здоровья, благополучия, новых книг, содержательных исследований, успехов в преподавании и новых достижений в российской юридической науке.

Пусть многолетнее содружество учителя и ученика находит продолжение в новых трудах и замыслах. Желаем обоим юбилярам благополучия, творческих сил, верных коллег и благодарных учеников. Пусть их совместная работа и впредь служит развитию российской юридической науки!

Список источников

1. Бастрыкин А. И. Идея Добра в творчестве Ф. М. Достоевского и её влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф. М. Достоевского) / А. И. Бастрыкин, Р. Ф. Исмагилов, В. П. Сальников; вступительное слово профессора А. Александрова. 2-е изд., испр., доп.; Следственный комитет Российской Федерации. СПб. : Фонд «Университет», 2023. 456 с. (Серия: «Наука и общество»).

2. Бухаров Н. Н. Прослушивание телефонных переговоров в оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие / Н. Н. Бухаров, С. И. Захарцев, В. И. Рохлин, А. В. Федоров, А. В. Шахматов; под редакцией В. П. Сальникова. 2-е изд. СПб., 2005. (Серия: «Теория и практика оперативно-розыскной деятельности»).

3. Винниченко Н. А. Правовая регламентация использования оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве / Н. А. Винниченко, С. И. Захарцев, В. И. Рохлин; под редакцией В. П. Сальникова. СПб., 2004. Сер. Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.

4. Добро, доверие, справедливость, свобода в философско-правовой мысли: античность и современность: монография / Е. В. Виноградова, А. О. Воробьев, И. Н. Грибов [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. П. Сальникова. 2-е изд, испр. и доп. М. : ИНФРА-М, 2025. 459 с. (Научная мысль). DOI 10.12737/2151906.

5. Евстратиков Б. М. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (Правовой анализ) / Б. М. Евстратиков, С. И. Захарцев, В. Н. Медведев, В. П. Сальников; под редакцией В. П. Сальникова. СПб. : Фонд «Университет», 2005. 256 с. Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности

6. Захарцев С. И. XXII век и право. Размышления о будущем / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Мониторинг правоприменения. 2022. № 4 (45). С. 59–65. DOI: 10.21681/2226–0692–2022–2-72–77.

7. Захарцев С. И. XXII век: право будущего (идеи и размышления) / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Теория государства и права. 2022. № 1. С. 78–90. DOI: 10.47905/MATGIP.2022.125.1.007.

8. Захарцев С. И. Гипотеза катаклизмов и круговорота жизни на земле и современность / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Образование и право. 2023. № 5. С. 445–453. DOI: 10.24412/2076–1503–2023–5-445–453.

9. Захарцев С. И. Гипотеза катаклизмов и кругооборота жизни на Земле в контексте прав человека / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Цивилизационные аспекты проблемы прав человека (К 75-летию принятия Всеобщей декларации прав человека): сборник статей X Общероссийского годового собрания теоретиков права (г. Москва, 22 февраля 2023 г., Центральный дом ученых) / [Т. Я. Хабриева. В. В. Лазарев, А. И. Ковлер и др.; редкол. В. В. Лазарев (ред.), Ю. Г. Арзамасов, М. В. Залоило, Д. А. Пашенцев, А. И. Сидоренко]. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2024. 208 с. DOI 10.12737/2138189. С. 110–119.

10. Захарцев С. И. Для познания права предлагается компрехендный подход / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1(10). С. 77–87.

11. Захарцев С. И. Классики отечественной юридической науки. Объективная истина: нужна ли она в уголовном процессе? К юбилею члена-корреспондента Академии наук СССР М. С. Строговича / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 2. С. 76–82.

12. Захарцев С. И. Компрехендная теория как инновационный подход к познанию права / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Юридическая техника. 2021. № 15: материалы XXII Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему: «Юридические инновации (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 23–26 сентября 2020 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. Н. Новгород: Проспект, 2021. С. 166–174. В книге 764 с.

13. Захарцев С. И. Компрехендная теория познания права / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 8. С. 11–26.

14. Захарцев С. И. Компрехендная теория познания права / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Мониторинг правоприменения. 2019. № 4. С. 4–13. DOI: 10.21681/2226–0692–2019–4-04–13

15. Захарцев С. И. Компрехендная теория познания права и контекст новых международно-правовых реалий / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Теория государства и права. 2025. № 2–1. С. 64–69. DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2–1_44_64

16. Захарцев С. И. Компрехендная теория права как наиболее точный путь его познания / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Юридическая гносеология. 2017. № 1. С. 18–33.

17. Захарцев С. И. Компрехендная теория права как путь познания его сущности / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Научно-исследовательские публикации. 2021. № 1. С. 5–45.
18. Захарцев С. И. Компрехендная теория права: ответы на вопросы / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 9. С. 19–24.
19. Захарцев С. И. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях суверенной метафизики права / С. И. Захарцев, Д. В. Масленников, В. П. Сальников. 2-е изд., испр. и доп. М. : Норма: ИНФРА-М, 2024. 376 с. DOI 10.12737/2134199.
20. Захарцев С. И. Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты. СПб. : СПбГУ, 2011. 264 с. DOI: 10.17513/np.480
21. Захарцев С. И. О гипотезе катаклизмов и круговорота жизни на Земле в контексте глобальных угроз человечеству / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Мир политики и социологии. 2016. № 5. С. 174–183.
22. Захарцев С. И. О правовом прогрессе как философско-правовой проблеме / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 2(3). С 113–121.
23. Захарцев С. И. Об обосновании компрехендного подхода для познания права / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Теория государства и права. 2016. № 2. С. 39–58.
24. Захарцев С. И. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография / С. И. Захарцев, Ю. Ю. Игнащенков, В. П. Сальников. М. : Норма, 2015. 400 с. DOI: 10.17513/np.469
25. Захарцев С. И. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность: монография / С. И. Захарцев, А. А. Вихров, Ю. Ю. Игнащенков, В.П Сальников; под ред. С. И. Захарцева. М. : Граница, 2017. 424 с.
26. Захарцев С. И. Оперативно-розыскное право // Мир юридической науки. 2012. № 5. С. 75–80.
27. Захарцев С. И. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: Монография / С. И. Захарцев, Ю. Ю. Игнащенков, В. П. Сальников. СПб. : Фонд «Университет», 2006. 320 с. Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности. DOI: 10.17513/pn.506
28. Захарцев С. И. Оперативно-розыскные мероприятия в России и за рубежом: Монография / Под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб. : Фонд «Университет», 2004. 256 с.
29. Захарцев С. И. Оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия: понятия и соотношение / С. И. Захарцев, О. А. Чабукиани. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2010. 268 с.
30. Захарцев С. И. Оперативно-розыскные мероприятия. Общие положения: Монография СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 259 с. DOI: 10.17513/np.500
31. Захарцев С. И. Оперативно-розыскные мероприятия: теория и практика / Под ред В. П. Сальникова. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2004, 2004. 257 с.
32. Захарцев С. И. Познание права через компрехендный подход с помощью афоризмов / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2020. № 1 (5). С. 5–12.
33. Захарцев С. И. Поправки в российское законодательство и компрехендная теория права как основа суверенной философии права / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Поправки к Конституции Российской Федерации и перспективы развития регионального законодательства: Сборник материалов Всероссийской научно практической конференции (г. Уфа, 24 марта 2021 г.) / Отв. ред. Н. В. Ямалетдинова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. С. 172–187. В сб. 310 с.
34. Захарцев С. И. Право в XXII веке: монография / С. И. Захарцев, В. П. Сальников, В. И. Гасумянов. М. : Юрлитинформ, 2024. 264 с.
35. Захарцев С. И. Правовой прогресс – новая философско-правовая дефиниция / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Мир политики и социологии. 2016. № 4. С. 171–188.
36. Захарцев С. И. Правовой прогресс и совершенствование правового регулирования и правотворчества в России в XXI веке / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Правотворчество в XXI веке: эволюция доктрины и практики (к 90-летию со дня рождения А. С. Пиголкина): сборник научных статей / под ред. В. В. Лазарева. М. : Норма, 2022. С. 63–72. В кн. 344 с.
37. Захарцев С. И. Правовой прогресс и ценности права / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Мир политики и социологии. 2015. № 9. С. 17–31.
38. Захарцев С. И. Правовой прогресс как актуальная философско-правовая проблема / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 9. С. 175–192.
39. Захарцев С. И. Правовой прогресс: новое направление исследования права / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Теория государства и права. 2017. № 2. С. 20–35.

40. Захарцев С. И. Правовой прогресс: философский и философско-правовой подходы / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Правовое поле современной экономики. 2015. № 1. С. 13–30.

41. Захарцев С. И. Правосознание юриста и правовой нигилизм: современные проблемы профессиональной деформации / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Юридическая наука: история и современность. 2013. № 11. С. 11–29.

42. Захарцев С. И. Предлагаем Вашему вниманию компрехендную теорию познания права / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Мир политики и социологии. 2016. № 3. С. 170–183.

43. Захарцев С. И. Продолжаем знакомство с компрехендной теорией права / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Мир политики и социологии. 2019. № 10. С. 173–183.

44. Захарцев С. И. Прослушивание телефонных переговоров в оперативно-розыскной деятельности и уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / Захарцев Сергей Иванович. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2002. 26 с.

45. Захарцев С. И. Профессиональная деформация правосознания сотрудников полиции, судей и прокуроров // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 4 (9). С. 335–345.

46. Захарцев С. И. Профессиональная деформация сотрудников силовых структур / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Защита и безопасность. 2017. № 2. С. 22–24.

47. Захарцев С. И. Размышления о компрехендной теории права / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Образование и право. 2021. № 5. С. 98–105. DOI 10.24412/2076–1503–2021–5-98–105.

48. Захарцев С. И. Размышления о космическом праве / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2022. № 1. С. 69–78. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.13.10.

49. Захарцев С. И. Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 2. С. 183–194.

50. Захарцев С. И. Роль биографии ученого в формировании его жизненной позиции, мировоззрения и методологии / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. 2016. № 2. С. 144–149.

51. Захарцев С. И. Снятие информации с технических каналов связи: правовые вопросы: монография. Санкт-Петербургский университет МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности / С. И. Захарцев, В. Н. Медведев, В. П. Сальников; под общей редакцией В. П. Сальникова. СПб. : Фонд «Университет», 2004. 256 с. Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.

52. Захарцев С. И. Становление личности ученого и его научные позиции: взаимосвязь и взаимозависимость / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Мир политики и социологии. 2016. № 2. С. 11–17.

53. Захарцев С. И. Суверенность российской правовой системы как значимое свойство ее нравственно-аксиологической оценки / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Нравственность и гуманизм в праве и культуре: Сборник статей всероссийской научно-практической конференции. СПб. : Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Фонд «Университет», 2024. С. 45–61.

54. Захарцев С. И. Сущность права в фокусе компрехендной теории его познания / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Сущность права: Сборник статей к 100-летию со дня рождения профессора М. И. Байтина / Под ред. В. М. Баранова, С. А. Белоусова, И. Н. Сенякина. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2022. С. 105–118. В кн. 312 с.

55. Захарцев С. И. Тезисно о гипотезе катаклизмов и круговорота жизни на Земле в контексте современности / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Евразийская адвокатура. 2023. № 3 (62). С. 110–113. DOI 10.52068/2304–9839_2023_62_3_110

56. Захарцев С. И. Теория и правовая регламентация оперативно-розыскных мероприятий: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Захарцев Сергей Иванович. СПб. : Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004. 397 с.

57. Захарцев С. И. Философия и юридическая наука: Монография / С. И. Захарцев, В. П. Сальников. М. : Юрлитинформ, 2019. 424 с. DOI: 10.17513/np.491

58. Захарцев С. И. Философия. Философия права. Юридическая наука / С. И. Захарцев, В. П. Сальников. М. : Юрлитинформ, 2015. 264 с. DOI 10.17513/np.454

59. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / Под ред. докт. юрид. наук С. И. Захарцева; И. А. Ананских, И. Н. Грибов, С. И. Захарцев [и др.]. М. : Юрлитинформ, 2020. 288 с.

60. Исмагилов Р. Ф. Философия права России: теоретические и духовные предпосылки ее суверенности: монография / Р. Ф. Исмагилов, В. П. Сальников. СПб. : Фонд «Университет», 2025. 552 с.

61. Лапина Н. В. Формула доброты: Документально-художественная книга / Н. В. Лапина, В. Я. Моргунов. М., СПб. : Фонд «Университет», 2015. 468 с.+ 64 илл.

62. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: Монография / М. Ю. Гутман, С. И. Захарцев, Н. В. Зорина [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИНФРА-М, 2025. 423 с. (Научная мысль).

63. Сальников В. П. Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права / В. П. Сальников, Д. В. Масленников, С. И. Захарцев [и др.] // Мир политики и социологии. 2019. № 9. С. 170–178.

64. Сальников В. П. Развитие идеи абсолютной свободы в классической русской философии как источник суверенной философии права / В. П. Сальников, Д. В. Масленников, С. И. Захарцев [и др.] // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 12. С. 185–193.

65. Сальников В. П. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) / В. П. Сальников, Д. В. Масленников, С. И. Захарцев [и др.] // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 11. С. 149–162.

66. Философско-правовое познание: актуальные проблемы: монография / Е. В. Виноградова, А. О. Воробьев, М. Ю. Гутман [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИНФРА-М, 2025. 418 с. (Научная мысль). DOI 10.12737/2152004

67. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p. DOI: 10.17513/np.452

References

1. Bastrykin A. I. Ideya Dobra v tvorchestve F. M. Dostoyevskogo i yeyo vliyaniye na razvitiye filosofii prava (k 200-letiyu F. M. Dostoyevskogo) / A. I. Bastrykin, R. F. Ismagilov, V. P. Salnikov; vstupitel'noye slovo professora A. Aleksandrova. Izdaniye 2-ye, ispravlennoye, dopolnennoye; Sledstvennyy komitet Rossiyskoy Federatsii. SPb.: Fond «Universitet», 2023. 456 s. (Seriya: «Nauka i obshchestvo»). (In Russ).

2. Bukharov N. N. Proslushivaniye telefonnykh peregovorov v operativno-rozysknoy deyatel'nosti: Uchebnoye posobiye / N. N. Bukharov, S. I. Zakhartsev, V. I. Rokhlin, A. V. Fedorov, A. V. Shakhmatov; pod redaktsiyey V. P. Salnikova. Izd. 2-ye. SPb., 2005. (Seriya: «Teoriya i praktika operativno-rozysknoy deyatel'nosti»). (In Russ).

3. Vinnichenko N. A. Pravovaya reglamentatsiya ispol'zovaniya operativno-rozysknoy deyatel'nosti v ugolovnom sudoproizvodstve / N. A. Vinnichenko, S. I. Zakhartsev, V. I. Rokhlin; pod redaktsiyey V. P. Salnikova. SPb., 2004. Ser. Teoriya i praktika operativno-rozysknoy deyatel'nosti. (In Russ).

4. Dobro, doveriye, spravedlivost', svoboda v filosofsko-pravovoy mysli: antichnost' i sovremennost': Monografiya / Ye.V. Vinogradova, A. O. Vorob'yev, I. N. Gribov [i dr.]; pod obshch. red. d-ra yurid. nauk, prof. V. P. Salnikova. 2-ye izd, ispr. i dop. M.: INFRA-M, 2025. 459 s. (Nauchnaya mysl'). DOI 10.12737/2151906. (In Russ).

5. Yevstratikov B. M. Operativno-rozysknyye meropriyatiya na kanalakh svyazi (Pravovoy analiz) / B. M. Yevstratikov, S. I. Zakhartsev, V. N. Medvedev, V. P. Salnikov; pod redaktsiyey V. P. Salnikova. SPb.: Fond «Universitet», 2005. 256 s. Seriya: Teoriya i praktika operativno-rozysknoy deyatel'nosti. (In Russ).

6. Zakhartsev S. I. The 22nd Century and the Law. Reflections on the Future / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov // Monitoring pravoprimeneniya. 2022;4(45): 59–65. DOI: 10.21681/2226-0692-2022-2-72-77. (In Russ).

7. Zakhartsev S. I. The 22nd Century: the Law of the Future (Ideas and Reflections) / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov // Teoriya gosudarstva i prava. 2022;1: 78–90. DOI: 10.47905/MATGIP.2022.125.1.007. (In Russ).

8. Zakhartsev S. I. The Hypothesis of Cataclysms and the Cycle of Life on Earth and the Present Day / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov // Obrazovaniye i pravo. 2023;5: 445–453. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-5-445-453. (In Russ).

9. Zakhartsev S. I. Gipoteza kataklizmov i krugooborota zhizni na Zemle v kontekste prav cheloveka / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov // Tsivilizatsionnyye aspekty problemy prav cheloveka (K 75-letiyu prinyatiya Vseobshchey deklaratsii prav cheloveka): Sbornik statey X Obshcherossiyskogo godovogo sobraniya teoretikov prava (g. Moskva, 22 fevralya 2023 g., Tsentral'nyy dom uchenykh) / [T.YA. Khabriyeva. V. V. Lazarev, A. I. Kovler i dr.; redkol. V. V. Lazarev (red.), YU. G. Arzamasov, M.

V. Zaloilo, D. A. Pashentsev, A. I. Sidorenko]. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii: Norma: INFRA-M, 2024. 208 s. DOI 10.12737/2138189. S. 110–119. (In Russ).

10. Zakhartsev S. I. A comprehend approach is proposed for understanding the law / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov // Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy. 2017;1(10) : 77–87. (In Russ).

11. Zakhartsev S. I. Classics of Russian Legal Science. Objective Truth: Is It Needed in Criminal Procedure? On the Anniversary of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences M. S. Strogovich / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2019;2: 76–82. (In Russ).

12. Zakhartsev S. I. Comprehend Theory as an Innovative Approach to Understanding Law / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov // Yuridicheskaya tekhnika. 2021. № 15: Materialy XXII Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo foruma «Yurtekhnetika» na temu: «Yuridicheskiye innovatsii (doktrina, praktika, tekhnika)» (Nizhniy Novgorod, 23-26 sentyabrya 2020 goda) / Glavnyy redaktor prof. V. M. Baranov. Nizhniy Novgorod: Prospekt, 2021. S. 166–174. V knige 764 s. (In Russ).

13. Zakhartsev S. I. Comprehend Theory of Understanding Law prava / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2015;8: 11–26. (In Russ).

14. Zakhartsev S. I. Comprehend Theory of Knowledge of Law / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov // Monitoring pravoprimeneniya. 2019;4: 4–13. DOI: 10.21681/2226-0692-2019-4-04-13 (In Russ).

15. Zakhartsev S. I. Comprehend Theory of Knowledge of Law and the Context of New International Legal Realities / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov // Teoriya gosudarstva i prava. 2025;2-1: 64–69. DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_64 (In Russ).

16. Zakhartsev S. I. Comprehend theory of law as the most accurate way of its cognition / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov // Yuridicheskaya gnoseologiya. 2017;1: 18–33. (In Russ).

17. Zakhartsev S. I. Comprehend Theory of Law as a Way of Understanding Its / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov // Nauchno-issledovatel'skiye publikatsii. 2021;1: 5–45. (In Russ).

18. Zakhartsev S. I. Comprehend Theory of Law: Answers to Questions / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2016;9: 19–24. (In Russ).

19. Zakhartsev S. I. Logos prava: Parmenid – Gegel' – Dostoyevskiy. K voprosu o spekulyativno-logicheskikh osnovaniyakh suverennoy metafiziki prava / S. I. Zakhartsev, D. V. Maslennikov, V. P. Salnikov. 2-ye izd., ispr. i dop. M.: Norma: INFRA-M, 2024. 376 s. DOI 10.12737/2134199. (In Russ).

20. Zakhartsev S. I. Nauka operativno-rozysknoy deyatel'nosti: filosofskiy, teoretiko-pravovoy i prikladnoy aspekty. S.-Pb.: SPbGU, 2011. 264 c. DOI: 10.17513/np.480 (In Russ).

21. Zakhartsev S. I. On the Hypothesis of Cataclysms and the Cycle of Life on Earth in the Context of Global Threats to Humanity / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov // Mir politiki i sotsiologii. 2016;5: 174–183. (In Russ).

22. Zakhartsev S. I. On Legal Progress as a Philosophical and Legal Problem / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov // Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy. 2015;2(3). S 113–121. (In Russ).

23. Zakhartsev S. I. On the Justification of the Comprehandend Approach to Understanding Law / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov // Teoriya gosudarstva i prava. 2016;2: 39–58. (In Russ).

24. Zakhartsev S. I. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v XXI veke: Monografiya / S. I. Zakhartsev, YU. YU. Ignashchenkov, V. P. Salnikov. M.: Norma, 2015. 400 s. DOI: 10.17513/np.469 (In Russ).

25. Zakhartsev S. I. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' i voyennaya bezopasnost': Monografiya / S. I. Zakhartsev, A. A. Vikhrov, YU. YU. Ignashchenkov, V. P. Salnikov; pod red. S. I. Zakhartseva. M.: Granitsa, 2017. 424 s. (In Russ).

26. Zakhartsev S. I. Operational-Investigative Law // Mir yuridicheskoy nauki. 2012;5: 75–80. (In Russ).

27. Zakhartsev S. I. Operativno-rozysknyye meropriyatiya v XXI veke: Monografiya / S. I. Zakhartsev, YU.YU. Ignashchenkov, V. P. Salnikov. SPb.: Fond «Universitet», 2006. 320 s. Seriya: Teoriya i praktika operativno-rozysknoy deyatel'nosti. DOI: 10.17513/pn.506 (In Russ).

28. Zakhartsev S. I. Operativno-rozysknyye meropriyatiya v Rossii i za rubezhom: Monografiya / Pod obshch. red. V. P. Salnikova. SPb.: Fond «Universitet», 2004. 256 c. (In Russ).

29. Zakhartsev S. I. Operativno-rozysknyye meropriyatiya i sledstvennyye deystviya: ponyatiya i sootnosheniye / S. I. Zakhartsev, O. A. Chabukiani. SPb.: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2010. 268 s. (In Russ).

30. Zakhartsev S. I. Operativno-rozysknyye meropriyatiya. Obshchiye polozheniya: Monografiya SPb.: Yuridicheskiy tsentr Press, 2004. 259 c. DOI: 10.17513/np.500

31. Zakhartsev S. I. Operativno-rozysknyye meropriyatiya: teoriya i praktika / Pod red V. P. Salnikova. SPb.: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2004, 2004. 257 s. (In Russ).

32. Zakhartsev S. I. Understanding the law through the comprehend approach with the help of aphorisms / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov // Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020;1(5): 5–12. (In Russ).

33. Zakhartsev S. I. Popravki v rossiyskoye zakonodatel'stvo i komprekhendnaya teoriya prava kak osnova suverennoy filosofii prava / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov // Popravki k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii i perspektivy razvitiya regional'nogo zakonodatel'stva: Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno prakticheskoy konferentsii (g. Ufa, 24 marta 2021 g.) / Otv. red. N. V. Yamaletdinova. Ufa: RITS BashGU, 2021. S. 172–187. V sb. 310 s. (In Russ).

34. Zakhartsev S. I. Pravo v XXII veke: monografiya / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov, V. I. Gasumyanov. M.: Yurlitinform, 2024. 264 s. (In Russ).

35. Zakhartsev S. I. Legal progress – a new philosophical and legal definition / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov // Mir politiki i sotsiologii. 2016;4: 171–188. (In Russ).

36. Zakhartsev S. I. Pravovoy progress i sovershenstvovaniye pravovogo regulirovaniya i pravotvorchestva v Rossii v XXI veke / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov // Pravotvorchestvo v XXI veke: evolyutsiya doktriny i praktiki (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya A. S. Pigolkina). Sbornik nauchnykh statey / Pod red. V. V. Lazareva. M.: Norma, 2022. S. 63–72. V kn. 344 s. (In Russ).

37. Zakhartsev S. I. Legal Progress and Legal Values / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov // Mir politiki i sotsiologii. 2015;9: 17–31. (In Russ).

38. Zakhartsev S. I. Legal Progress as a Current Philosophical and Legal Problem / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2016;9: 175–192. (In Russ).

39. Zakhartsev S. I. Legal Progress: A New Direction in Legal Research / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov // Teoriya gosudarstva i prava. 2017;2: 20–35. (In Russ).

40. Zakhartsev S. I. Legal Progress: Philosophical and Philosophical-Legal Approaches / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov // Pravovoye pole sovremennoy ekonomiki. 2015;1: 13–30. (In Russ).

41. Zakhartsev S. I. Legal consciousness of a lawyer and legal nihilism: modern problems of professional deformation / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2013;11: 11–29. (In Russ).

42. Zakhartsev S. I. We present to your attention the comprehand theory of knowledge of law / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov // Mir politiki i sotsiologii. 2016;3: 170–183. (In Russ).

43. Zakhartsev S. I. Continuing our acquaintance with the comprehand theory of law / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov // Mir politiki i sotsiologii. 2019;10: 173–183. (In Russ).

44. Zakhartsev S. I. Proslushivaniye telefonnykh peregovorov v operativno-rozysknoy deyatel'nosti i ugolovnom protsesse: Avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. SPb. Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2002. 26 s. (In Russ).

45. Zakhartsev S. I. Professional Deformation of Legal Awareness of Police Officers, Judges, and Prosecutors // Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal. 2013;4(9): 335–345. (In Russ).

46. Zakhartsev S. I. Professional Deformation of Law Enforcement Officers / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov // Zashchita i bezopasnost'. 2017;2: 22–24. (In Russ).

47. Zakhartsev S. I. Reflections on the Comprehend Theory of Law / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov // Obrazovaniye i pravo. 2021;5: 98–105. DOI 10.24412/2076-1503-2021-5-98-105. (In Russ).

48. Zakhartsev S. I. Reflections on Space Law / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov // Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022;1: 69–78. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.13.10. (In Russ).

49. Zakhartsev S. I. Reflections on the Foundations of Russian Sovereign Philosophical and Legal Ideology / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2020;2: 183–194. (In Russ).

50. Zakhartsev S. I. The Role of a Scientist's Biography in Shaping His Life Position, Worldview, and Methodology / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov // Izvestiya Rossiyskoy akademii raketnykh i artilleriyskikh nauk. 2016;2: 144–149. (In Russ).

51. Zakhartsev S. I. Snyatiye informatsii s tekhnicheskikh kanalov svyazi: pravovyye voprosy: Monografiya. Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii; Akademiya prava, ekonomiki i bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti / S. I. Zakhartsev, V. N. Medvedev, V. P. Salnikov; pod obshchey redaktsiyey V. P. Salnikova. SPb.: Fond «Universitet», 2004. 256 s. Seriya: Teoriya i praktika operativno-rozysknoy deyatel'nosti. (In Russ).

52. Zakhartsev S. I. Formation of the personality of a scientist and his scientific positions: relationship and interdependence / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov // Mir politiki i sotsiologii. 2016;2: 11–17. (In Russ).

53. Zakhartsev S. I. Suverennost' rossiyskoy pravovoy sistemy kak znachimoye svoystvo yeye nravstvenno-aksiologicheskoy otsenki / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov // Nravstvennost' i gumanizm v prave i kul'ture: Sbornik statey vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb.: Sankt-Peterburgskiy voyennyy ordena Zhukova institut voysk natsional'noy gvardii, Fond «Universitet», 2024. S. 45–61. (In Russ).

54. Zakhartsev S. I. Sushchnost' prava v fokuse komprekhendnoy teorii yego poznaniya / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov // Sushchnost' prava: Sbornik statey k 100-letiyu so dnya rozhdeniya

professora M. I. Baytina / Pod red. V. M. Baranova, S. A. Belousova, I. N. Senyakina. Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2022. S. 105–118. V kn. 312 s. (In Russ).

55. Zakhartsev S. I. A Brief Abstract on the Hypothesis of Cataclysms and the Cycle of Life on Earth in the Context of Modernity / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov // Yevraziyskaya advokatura. 2023;3(62): 110–113. DOI 10.52068/2304-9839_2023_62_3_110 (In Russ).

56. Zakhartsev S. I. Teoriya i pravovaya reglamentatsiya operativno-rozysknykh meropriyatiy: Dis. … dokt. yurid. nauk. SPb.: Sankt-Peterburgskiy un-t MVD Rossii, 2004. 397 s. (In Russ).

57. Zakhartsev S. I. Filosofiya i yuridicheskaya nauka: Monografiya / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov. M.: Yurlitinform, 2019. 424 s. DOI: 10.17513/np.491 (In Russ).

58. Zakhartsev S. I. Filosofiya. Filosofiya prava. Yuridicheskaya nauka / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov. M.: Yurlitinform, 2015. 264 s. DOI 10.17513/np.454 (In Russ).

59. Ideya svobody. Pravo. Moral' (klassicheskaya i postklassicheskaya filosofiya prava): Monografiya / Pod red. dokt. yurid. nauk S. I. Zakhartseva; I. A. Ananskikh, I. N. Gribov, S. I. Zakhartsev [i dr.]. M.: Yurlitinform, 2020. 288 s.

60. Ismagilov R. F. Filosofiya prava Rossii: teoreticheskiye i dukhovnyye predposylki yeye suverennosti: monografiya / R. F. Ismagilov, V. P. Salnikov. SPb.: Fond «Universitet», 2025. 552 s. (In Russ).

61. Lapina N. V. Formula dobroty: Dokumental'no-khudozhestvennaya kniga / N. V. Lapina, V. YA. Morgunov. M., SPb.: Fond «Universitet», 2015. 468 s. + 64 ill. (In Russ).

62. Politiko-pravovoye upravleniye i ugrozy suverenitetu gosudarstva: Monografiya / M.YU. Gutman, S. I. Zakhartsev, N. V. Zorina [i dr.]; pod obshch. red. d-ra yurid. nauk, prof. V. P. Salnikova. 2-ye izd., ispr. i dop. M.: INFRA-M, 2025. 423 s. (Nauchnaya mysl'). (In Russ).

63. Salnikov V. P. The Principle of Sovereignty of State-Legal Ideology and Philosophy of Law / V. P. Salnikov, D. V. Maslennikov, S. I. Zakhartsev [i dr.] // Mir politiki i sotsiologii. 2019;9: 170–178. (In Russ).

64. Salnikov V. P. . Development of the Idea ofAbsolute Freedom in Classical Russian Philosophy as a Source of Sovereign Philosophy of Law / V. P. Salnikov, D. V. Maslennikov, S. I. Zakhartsev [i dr.] // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2019;12: 185–193. (In Russ).

65. Salnikov V. P. The Value Basis of Sovereignty (on the Issue of Sovereign State-Legal Ideology)/ V. P. Salnikov, D. V. Maslennikov, S. I. Zakhartsev [i dr.] // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2019;11: 149–162. (In Russ).

66. Filosofsko-pravovoye poznaniye: aktual'nyye problemy: monografiya / Ye.V. Vinogradova, A. O. Vorob'yev, M.YU. Gutman [i dr.]; pod obshch. red. d-ra yurid. nauk, prof. V. P. Salnikova. 2-ye izd., ispr. i dop. M.: INFRA-M, 2025. 418 s. (Nauchnaya mysl'). DOI 10.12737/2152004 (In Russ).

67. Zakhartsev S. I., Salnikov V. P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p. DOI: 10.17513/np.452

Информация об авторах

А. Ю. Кийко *– кандидат юридических наук, доцент*

А. Г. Хабибулин *– доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии естественных наук, Заслуженный юрист Республики Башкортостан*

Information about the authors

A. Yu. Kiiko *– Candidate of Sciences (Legal), Docent*

A. G. Khabibulin *– Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 01.06.2026;
принята к публикации 28.09.2026.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 01.06.2026;
accepted for publication 28.09.2026.

Главный редактор:
А.А. Утюганов – доктор психологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Заместитель главного редактора:
С.Н. Сорокоумова – доктор психологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционно-издательский совет:
А.А. Утюганов – доктор психологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
А.И. Александров – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
В.Г. Анисимов – доктор технических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
И.А. Антонов – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
А.А. Бакин – кандидат юридических наук, кандидат медицинских наук (Санкт-Петербург, Россия)
Л.Н. Бережнова – доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
В.М. Большакова – кандидат юридических наук, доцент (Нижний Новгород, Россия)
К.С. Гбоко – кандидат педагогических наук (Буаке, Кот-д'Ивуар)
М.Х. Гельдибаев – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
В.В. Горшкова – доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
О.В. Григорьев – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
М.Ю. Гутман – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
А.А. Дерюгин – кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
М.А. Дёмина – кандидат педагогических наук (Санкт-Петербург, Россия)
Л.Г. Дмитриева – доктор психологических наук, доцент (Уфа, Россия)
Н.М. Жаринов – доктор педагогических наук, старший научный сотрудник (Санкт-Петербург, Россия)
Б.А. Жетписбаева – доктор педагогических наук, профессор (Караганда, Казахстан)
Н.Г. Закревская – доктор педагогических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
С.И. Захарцев – член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Р.В. Зелепукин – кандидат юридических наук, доцент (Тамбов, Россия)
А.В. Зобков – доктор психологических наук, доцент (Владимир, Россия)
И.И. Иванов – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
С.В. Игнатьева – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Н.Н. Исаева – кандидат педагогических наук (Санкт-Петербург, Россия)
Р.Ф. Исмагилов – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Н.Б. Карабущенко – доктор психологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
А.Г. Караяни – член-корреспондент Российской академии образования,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Ю.М. Караяни – доктор психологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
А.А. Карпов – профессор Российской академии образования, доктор психологических наук, доцент (Ярославль, Россия)
М.М. Кашапов – доктор психологических наук, профессор (Ярославль, Россия)
Е.П. Кораблина – доктор психологических наук (Санкт-Петербург, Россия)
А.С. Косарев – кандидат педагогических наук (Нижний Новгород, Россия)
А.Д. Косолапов– кандидат педагогических наук, доцент(Санкт-Петербург, Россия)
Г.Н. Крижановская – кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Д.Е. Кузнецов – кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
О.И. Курдуманова – доктор педагогических наук, профессор (Омск, Россия)
Н.Ю. Лебедев – доктор юридических наук, доцент (Новосибирск, Россия)
С.Г. Лысенков – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Т.В. Маркелова – доктор психологических наук, доцент (Нижний Новгород, Россия)
Н.Н. Миняйленко – кандидат юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Т.И. Миронова – доктор психологических наук, доцент (Кострома, Россия)
В.А. Митрахович – доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Е.В. Мищенко – доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Т.Г. Мухина – профессор Российской академии наук, доктор педагогических наук, профессор, (Нижний Новгород, Россия)
В.И. Назаров – доктор психологических наук, кандидат медицинских наук, профессор (Иваново, Россия)
И.С. Назарова – кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Д.А. Никонов – кандидат юридических наук (Санкт-Петербург, Россия)
Т.Г. Николаева – доктор юридических наук, профессор(Санкт-Петербург, Россия)
Д.В. Новокшонов – кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
В.П. Очередько – доктор юридических наук, профессор(Санкт-Петербург, Россия)
О.Б. Полушина – кандидат психологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
О.Л. Поминова – доктор педагогических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
В.А. Прокофьева – кандидат психологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Ф. П. Прюсс – доктор педагогики, профессор (Грайсвальд, Германия)
В.Б. Романовская – доктор юридических наук, профессор (Нижний Новгород, Россия)
В.П. Сальников – член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
И.А. Сидоров – кандидат педагогических наук (Санкт-Петербург, Россия)
И.В. Семенова – кандидат юридических наук (Санкт-Петербург, Россия)
Д.В. Смирнов – кандидат психологических наук (Санкт-Петербург, Россия)
О.Э. Старовойтова – доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
С.А. Стельмах – кандидат психологических наук, ассоциированный профессор (доцент) (Усть-Каменогорск, Казахстан)
С.В. Степашин – доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)
Н.Н. Суртаева – доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Р.А. Терехин – кандидат психологических наук (Санкт-Петербург, Россия)
И.Л. Третьяков – доктор юридических наук, доцент(Санкт-Петербург, Россия)
А.С. Турчин – доктор психологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
И.А. Федосеева – доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
А.Г. Хабибуллин – доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)
Ю. Ци – кандидат педагогических наук (Чэнду, Китай)
Р.М. Шамионов – доктор психологических наук, профессор (Саратов, Россия)
А.П. Шарухин – доктор педагогических наук (Санкт-Петербург, Россия)
Т.Г. Шарухина – доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
С.М. Шингаев – доктор психологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Е.А. Шмелева – доктор психологических наук, профессор (Иваново, Россия)

Учредитель:
федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации»

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций:
Эл № ФС77-88843
от 28 декабря 2024 г.

Редакторы:
А.Д. Внуков
Е.Ю. Юпатова
И.А. Бабкин

Тираж 1 экз. Заказ № 300-26
Дата выхода в свет 30.09.2026
Издатель:
Академия войск национальной гвардии

Адрес редакции и издателя:
198206, Санкт-Петербург,
ул. Летчика Пилютова, д. 1
(Академия
войск национальной гвардии);
тел.: (812) 337-40-50 (доб. 22-40)
(812) 744-70-14
e-mail: vestnik-academrg@mail.ru

Отпечатано в типографии
Военной ордена Жукова академии
войск национальной гвардии
Российской Федерации
198206, Санкт-Петербург,
ул. Летчика Пилютова, д. 1

12+

Founder:
Federal State Official Military Establishment of Higher Education «Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation»

Mass media is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Informational Technologies and Media Control (certificate Jel No FS77-88843 of 28 December 2024)

Editors:
A.D. Vnukov
E.Yu. Yupatova
I.A. Babkin

Circulation 1 copies. Order No 300-26
Date of publishing 30.09.2025
Publisher:
Academy of the National Guard Troops

Address of editorial and publisher:
1, Letchika Pilyutova str.,
Saint-Petersburg, 198206,
Russian Federation
(Academy
of the National Guard Troops);
Tel.: (812) 337-40-50 (22-40)
(812) 744-70-14
e-mail: vestnik-academrg@mail.ru

Printed in the printing-office
of Military Order of Zhukov Academy
of the National Guard Troops
of the Russian Federation
1, Letchika Pilyutova str.,
Saint-Petersburg, 198206,
Russian Federation

12+

Editor in Chief:
A.A. Utjuganov – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Saint-Petersburg, Russia)

Deputy Editor-in-Chief:
S.N. Sorokoumova – Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Saint-Petersburg, Russia)

Editorial and Publishing Council:
A.A. Utjuganov – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
A.I. Alexandrov – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
V.G. Anisimov – Doctor of Sciences (Technical), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
I.A. Antonov – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
A.A. Bakin – Candidate of Sciences (Law), Candidate of Sciences (Medical) (Saint-Petersburg, Russia)
L.N. Berezhnova – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
V.M. Bol'shakova – Candidate of Sciences (Law), Docent (Nizhny Novgorod, Russia)
K.S. Gboko – Candidate of Sciences (Pedagogy) (Bouake, Côte d'Ivoire)
M.H. Gel'dibaev – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
V.V. Gorshkova – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
O.V. Grigor'ev – Doctor of Sciences (Historical), Candidate of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
M.YU. Gutman – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
A.A. Deryugin – Candidate of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
M.A. Dyomina – Candidate of Sciences (Pedagogy) (Saint-Petersburg, Russia)
L.G. Dmitrieva – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
N.M. Zharinov – Doctor of Sciences (Pedagogy), Senior Researcher (Saint-Petersburg, Russia)
B.A. Zhetpisbaeva – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Karaganda, Kazakhstan)
N.G. Zakrevskaya – Doctor of Sciences (Pedagogy), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
S.I. Zaharcev – Corresponding Member of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences, Doctor of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
R.V. Zelepukin – Candidate of Sciences (Law), Docent (Tambov, Russia)
A.V. Zobkov – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Vladimir, Russia)
I.I. Ivanov – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
S.V. Ignatieva – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
N.N. Isaeva – Candidate of Sciences (Pedagogy) (Saint-Petersburg, Russia)
R.F. Ismagilov – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
N.B. Karabushchenko – Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
A.G. Karayani – Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
Yu.M. Karayani – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
A.A. Karpov – Professor of the Russian Academy of Education, Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Yaroslavl, Russia)
M.M. Kashapov – Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Yaroslavl, Russia)
V.I. Kovalenko – Doctor of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
E.P. Korablina – Doctor of Sciences (Psychology) (Saint-Petersburg, Russia)
A.S. Kosarev – Candidate of Sciences (Pedagogy) (Nizhny Novgorod, Russia)
A.D. Kosolapov – Candidate of Sciences (Pedagogy), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
G.N. Krizhanovskaya – Candidate of Sciences (History), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
D.E. Kuznetsov – Candidate of Sciences (History) (Saint-Petersburg, Russia)
O.I. Kurdumanova – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Omsk, Russia)
N.Yu. Lebedev – Doctor of Sciences (Law), Docent (Novosibirsk, Russia)
S.G. Lysenkov – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
T.V. Markelova – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Nizhny Novgorod, Russia)
N.N. Minyailenko – Candidate of Sciences (Law), Professor
T.I. Mironova – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Kostroma, Russia)
V.A. Mitrahovich – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
E.V. Mishchenko – Doctor of Sciences (Law), Docent (Санкт-Петербург, Россия)
T.G. Muhina – Professor of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
V.I. Nazarov – Doctor of Sciences (Psychology), Candidate of Sciences(Medical), Professor (Ivanovo, Russia)
I.S. Nazarova – Candidate of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
D.A. NIkonov – Candidate of Sciences (Law) (Saint-Petersburg, Russia)
T.G. Nikolaeva – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
D.V. Novokshonov – Candidate of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
V.P. Ochered'ko – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
O.B. Polushina – Candidate of Sciences (Psychology), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
O.L. Pominova – Doctor of Sciences (Pedagogy), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
V.A. Prokof'eva – Candidate of Sciences (Psychology), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
F. P. Prjuss – Doctor of Pedagogy, Professor (Grajfsval'd, Germany)
V.B. Romanovskaja – Doctor of Sciences (Law), Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
V.P. Sal'nikov – Corresponding Member of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences, Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
I.A. Sidorov – Candidate of Sciences (Pedagogy) (Saint-Petersburg, Russia)
I.V. Semenova – Candidate of Sciences (Law) (Saint-Petersburg, Russia)
D.V. Smirnov – Candidate of Sciences (Psychology) (Saint-Petersburg, Russia)
O.E. Starovoitova– Doctor of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
S.A. Stel'mah – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor (Docent) (Ust'-Kamenogorsk, Kazahstan)
S.V. Stepashin – Doctor of Sciences (Law), Professor (Moscow, Russia)
N.N. Surtaeva – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
R.A. Terehin – Candidate of Sciences (Psychology) (Saint-Petersburg, Russia)
I.L. Tret'yakov – Doctor of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
A.S. Turchin – Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
I.A. Fedoseeva – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
A.G. Habibullin – Doctor of Sciences (Law), Professor (Moscow, Russia)
Ju. Ci – Candidate of Sciences (Pedagogy) (Chjendu, China)
R.M. Shamionov – Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Saratov, Russia)
A.P. Sharuhin – Doctor of Sciences (Pedagogy) (Saint-Petersburg, Russia)
T.G. Sharuhina – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
S.M. Shingaev – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
E.A. SHmeleva – Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Ivanovo, Russia)